

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА

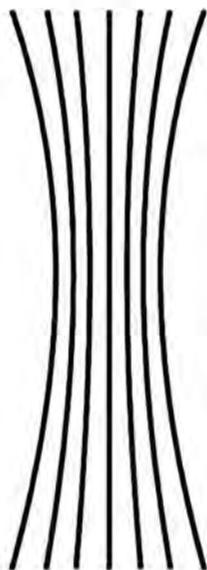
К.М. БАЙПАКОВ

**ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
УРБАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА**

ҒЫЛЫМИ ҚАЗЫНА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
КАЗАХСТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

К.М. БАЙПАКОВ

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

*по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции*

Книга III часть 2

**Урбанизация Казахского ханства
во второй половине XV — XVIII в.**

Алматы 2014

*Посвящаю светлой памяти
моих учителей, выдающихся ученых
Кималя Акишевича Акишева,
Вадима Михайловича Массона*

УДК
ББК
Б

Издание осуществляется в рамках междисциплинарной программы Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан «Ғылыми Қазына»

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Института археологии им. А.Х.Марғұлана КН МОН РК*

Ответственный редактор

Б.Е. Кумеков
Академик НАН РК,
доктор исторических наук

Научный редактор

Т.В. Савельева
доктор исторических наук

Рецензенты

Б.А. Байтанаев, член-корр. НАН РК, доктор исторических наук
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Байпаков К.М.

Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV - XVIII в. /Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции).
Книга III часть 2. - Алматы, 2014. - 534 с., ил.

ISBN

Книга посвящена развитию городов и городской культуры Казахского ханства во второй половине XV - XVIII в. Основой ее послужили материалы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, которая работает на территории Казахстана 43 года. В книге рассматривается важный этап урбанизации позднесредневекового Казахстана, связанный с эпохой Казахского ханства. Исследуются вопросы локализации городов, характеристика городищ, топография и планировка, кварталы и жилища, общественные сооружения, ремесла и торговля, религиозная жизнь.

УДК
ББК

ISBN

© Байпаков К., 2014
© Институт археологии МОН РК, 2014
© Казахстанское Археологическое Общество, 2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА I. КРАТКИЙ ОЧЕРК ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: СТЕПЬ И ГОРОДА	15
Образование Казахского ханства. Ханство во второй половине XV-XVI в.	15
Казахское ханство в первой половине XVI в.	20
Казахское ханство во второй половине XVI – начале XVII в.	25
Казахское ханство в XVII в.	27
Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII в.	32
Казахское ханство в XVIII в. Хан Абылай	36
Южный Казахстан в конце XVIII – первой трети XIX в.	41
Образование Сырдарьинской военной линии России	44
Военная политика России в Южном Казахстане	44
ГЛАВА II. ГОРОДА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩ	47
Город Ясы-Туркестан, города и поселения его округа	48
Город Сайрам: города и поселения его округа	67
Города и поселения в долине р. Арысь	81
Город Отрар	83
Город Сауран и его округа	89
Город Сыгнак	92
Города и поселения левого берега Сырдарьи	96
Сузак, города и поселения, крепости на северных склонах Каратау	103
Города Юго-Западного Жетысу	111
Города Приуралья	116
ГЛАВА III. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ОТРАРТОБЕ	119
Характеристика Отрара, уличная сеть	119
Раскопки в северо-западной части городища Отрартобе	122
Раскопки в южной части городища. Раскоп II	137
Раскопки в юго-западной части. Раскоп III	139
Раскопки в центральной части. Раскоп VI	155
Раскопки в юго-восточной части. Раскоп IV	158
Раскоп IV (южная часть)	171
Исследования на раскопе IV. Объект I	179
Стратиграфия и хронология поздних слоев	183
Отрар в XVI-XVIII вв.: раскопки 2005 г.	186
ГЛАВА IV. РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА	199
Исследования городища Туркестан	199
Археологические раскопки	200
Раскопки городища Мазараттобе	209
Первый строительный горизонт	211
Центральная часть	212
Жилой массив II. Второй строительный горизонт	219
Жилой массив III. Второй строительный горизонт	224
Жилой массив IV. Второй строительный горизонт	226
Жилой массив V. Второй строительный горизонт	231

Жилой массив VI. Второй строительный горизонт	234
Жилой массив VII. Второй строительный горизонт	235
Жилой массив VIII. Второй строительный горизонт	237
Жилой массив IX. Второй строительный горизонт	240
Третий строительный горизонт	241
Страгиграфия	241
Раскопки на городище Караспантобе	243
Раскопки и изучение городов и поселений на северных склонах Каратау	246
Раскопки городища Культобе	247
Раскопки цитадели	252
Исследования на городище Ран	253
Керамика городищ Культобе и Ран	257
Исследование пригорода – сельской округи Саурана	263
Этноархеологические исследования: казахские зимовки и процессы седентаризации	278
ГЛАВА V. ТИПОЛОГИЯ ГОРОДИЩ, ГОРОДСКАЯ ЗАСТРОЙКА: КВАРТАЛ, ЖИЛИЩЕ, ФОРТИФИКАЦИЯ; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ	287
Типология позднесредневековых городищ	287
Кварталы позднесредневекового Отрара	289
Жилище позднесредневекового Отрара	297
Городское жилище города Туркестана XVII – первой половины XIX в.	312
К вопросу о «больших домах»	314
Социально-экономические процессы в городах XVI-XIX вв.	318
Вопросы демографии	327
Фортификация городов	329
Городские укрепления Отрара	336
Об этническом составе населения	343
ГЛАВА VI. ФУНКЦИИ ГОРОДОВ: РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ИРРИГАЦИЯ	361
Ремесла	361
Торговля и денежное обращение	402
Земледелие и ирригация	425
ГЛАВА VII. ИСЛАМ И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ И КУЛЬТЫ	443
Памятники исламской архитектуры и археологии Туркестана	444
Памятники Сайрама и его округи	451
Мечети Отрара	455
Мечети, медресе и ханака Саурана	458
Медресе	462
Культовые памятники Сыгнака	479
Пережитки доисламских религий и культов	485
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	493
ҚОРЫТЫНДЫ	498
CONCLUSION	503
ЛИТЕРАТУРА	508
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	532

Введение

В центре внимания исследователей разных научных дисциплин находится проблема урбанизации, в том числе изучение развития древнего и средневекового города, его формирования, структуры, внутреннего содержания, динамики развития.

Для городов Казахстана всегда был и остается одним из наиболее актуальных и сложных вопрос о взаимодействии города и степи, оседлости и городской жизни с жизнью скотоводов и кочевников.

Большой научный интерес представляют проблемы урбанизации в Казахском ханстве в период его формирования, в годы борьбы казахских ханов и шайбанидов, казахско-джунгарских войн за плодородные земли и зимние пастбища, а главное – за города Южного Казахстана.

Такие из них как Ясы, Сайрам, Карасаман, Отрар, Сауран, Сыгнак, Джанкент, Сузак, а также Аулие-Ата на востоке и Сарайчик далеко на западе, играли важную роль в истории Казахского ханства, возникшего во второй половине XV в., вплоть до присоединения Казахстана к Российской империи, принятия «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» и создания в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства с центром в городе Ташкенте (История Казахстана, 2010, с. 368-381, 735). Что касается истории этих городов в бухарский, кокандский и хивинский периоды в первой половине XIX в., в годы превращения некоторых из них в административные ставки среднеазиатских ханств, то следует отметить, что захваченные и подчиненные города продолжали традиции развития более раннего времени. Они были центрами административной власти, торгово-ремесленного и сельскохозяйственного производства, культуры. Политическая надстройка не меняла их сущности и принадлежности к местной городской традиции.

Важную роль в исследовании урбанизации этого периода играют письменные источники.

Среди них сочинения: «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Фатх-наме» Шади, «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уда бен Османи Кухистани, «Шайбани-наме» Бинаи, Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана Исфাহани, а также такие, как «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара, «Бадаи'ал-вакаи» Зайн ад-Дина Махмуда Васифи, «Бахр аль-асрар» Махмуда бен Вали, «Абдулла-наме» Хафиза Таныша (Материалы по истории казахских ханств, 1969). Они содержат сведения по истории и хозяйственной жизни городов Туркестана в период борьбы за эту

территорию между казахскими ханами и Мухаммад Шайбани-ханом, его преемниками. Наиболее ценные материалы содержатся в сочинении «Михман-наме и Бухара» Рузбихана (Пищулина, 1969, с. 5-49; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976).

Важный пласт информации содержат русские источники по истории Казахстана XVI-XX вв. (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005-2007).

Большую ценность имеют западно-европейские письменные источники (История Казахстана в западных источниках, 2005-2007).

В то же время отношение исследователей к возможностям археологии в изучении позднесредневековых периодов истории было неоднозначным.

Так, А.Ю. Якубовский писал, что период исторического развития Средней Азии позднее XV в. выходит за пределы прямых интересов археологии, которая свое главное внимание сосредотачивает на древней и средневековой истории Средней Азии (Якубовский, 1949, с. 43).

Этот постулат долго находился в прямой связи с конкретными исследованиями археологов Средней Азии и Казахстана, которые, как правило, не шли дальше изучения тимуридской керамики, архитектурного декора и памятников архитектуры XV в.

Однако, усилиями М.Е. Массона, Г.А. Пугаченковой, С.П. Толстова, Г.А. Федорова-Давыдова и других исследователей, отношение к изучению памятников и проблем позднесредневековой истории менялось.

В итоге была получена совершенно новая информация, характеризующая топографию, застройку и фортификацию позднесредневекового города Казахстана и Средней Азии, хозяйство, культуру и быт горожан. В общую систему хронологической классификации городской керамики была включена и керамика XV-XVII вв. (Вактурская, 1959, с. 328-339). Исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в низовьях Сырдарьи включали в сферу своих интересов городище Джан-кала XIV-XIX вв., поселения казахов и каракалпаков XVIII-XIX вв. (Толстов, 1962, с. 273-294, 306-314).

В начале 60-х гг. прошлого столетия специально организованный отряд Семиреченской археологической экспедиции приступил к конкретным поискам и раскопкам памятников позднесредневековой оседлой и городской культуры Казахстана. Были исследованы памятники XIII-XVIII вв. в Таласской и Чуйской (Шуйской) долинах, на северных склонах Каратау. Среди них городища Аспара и Сузак (Ерзакович, 1966а; 1966, с. 66-69; 1968, с. 85-97; 1972, с. 98-106).

В 1969-1970 гг. Отрарская археологическая экспедиция во главе с К.А. Акишевым начала изучение городищ долины Арыси, левобережья Сырдарьи, Туркестанского и Отрарского оазисов. Стратиграфический шурф на Отраре вскрыл слои и XIII-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969, с. 5-42; 1972).

С 1971 г. на юге Казахстана разворачивается исследование Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция. Основным объектом раскопок было выбрано городище Отрар. В течение почти двух десятилетий на нем вскрывались слои городища по уровню XIII-XVIII вв.

Исследовались городища Туркестан, Сауран и его сельская округа, Караспан, Культобе, Мазараттобе, казахские поселения и зимовки.

В итоге изучена городская застройка, квартал и жилище, общественные постройки, ремесла, торговля, сельское хозяйство (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981; 1987). Исследована позднесредневековая ирригация Отрарского оазиса, кяризное орошение позднесредневекового Саурана (Грошев, 1985; Акишев, Байпаков, 1973, с. 76-78). Крупные по масштабу раскопки проводились на городище Туркестан по уровню слоев XVIII-XIX вв. (Сенигова, 1978, с. 171-187; Смагулов, Настич, 1983, с. 45-50; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999; Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии, 1983, с. 229).

Расширение археологических исследований на позднесредневековых городищах, количественное накопление материалов и их большие потенциальные возможности для решения многих проблем позднесредневековой истории привели к признанию специалистами нового направления в науке – позднесредневековой археологии. На совещании в Алма-Ате в 1981 г. оно было признано официально (Вступительное слово чл.-корр. АН СССР Б.А. Тулепбаева, 1983, с. 3-4; Резолюция совещания..., 1983, с. 229).

Этот факт подчеркнул важность изучения позднесредневекового города в Средней Азии и Казахстане, и послужил стимулом для широкого изучения в контексте конкретных проблем (Байпаков, 1990).

Вот одна из них. Известный специалист в области истории позднесредневекового Казахстана К.А. Пищулина, «очерчивая» границы распространения позднесредневековых городов, выделяла область Туркестан, опираясь на мнение историка Рузбихана. Туркестан с конца XV – начала XVIII вв. включал бассейн Средней Сырдарьи, лежавший между Мавераннахром, степными просторами Дешт-и Кыпчака, ограниченный северными склонами Каратау и низовьями Сырдарьи (Северо-Восточное Приаралье). С юго-востока регион ограничивался водоразделом Чирчика и Бадама южнее Сайрама. На юго-востоке граница проходила по Каратау, а первой крепостью Туркестана со стороны Бухары и Самарканда был город Аркук. Сыгнак считался северной точкой на границе со степью (Пищулина, 1969, с. 13-15).

Объединяющим географическим признаком региона Южного Казахстана является река Сырдарья, о чем образно и ярко пишет Рузбихан: «Река Сейхун является одной из четырех рек мира, о которых говорят в некоторых хадисах, что они выходят из рая. Источником прозрачной [воды] является душистая почва вечного рая... Течет [река] на расстоянии более трехсот фарсахов по Туркестану... На протяжении

этих трехсот фарсахов, по которым течет река Сейхун, все берега и окрестности ее покрыты в изобилии кормовыми травами и зарослями камыша. Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли...

Может быть, среди рек мира ни одна река по множеству пользы и доходов от травы, древесного топлива и мест охоты не близка к Сейхуну. Прозрачная ее вода дарует жизнь животным...

Река протекает среди крепостей Туркестана. Высокие крепости, наподобие высочайших замков, так возвышаются на берегах каналов, выведенных из реки Сейхун, будто рассказывают об отраде рая, по которому текут реки» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с. 73).

Среди городов Туркестана, названных Рузбиханом, а это рубеж XV – XVI вв., наиболее известными были: Ясы-Туркестан, Сайрам, Отрар, Сауран, Сыгнак, Икан, Аркук (Куджан), Узгент, Аккурган, Сузак, а также города, сосредоточенные вокруг Ясы: Карнак, Йунка, Карачук, Сури; вблизи Сайрама – Чимкент; на Арыси города – Халадж, Карасаман, Яганкент; на северных склонах Кара-Курум, крепость Йилан-Караул (Пищулина, 1969, с. 11-13; Байпаков, 1977а, с. 201-209).

Однако с момента выхода в свет исключительно важной и содержательной статьи К.А. Пищулиной прошло время, и далеко вперед продвинулись археологические исследования в области изучения позднесредневековых городов.

В свете новейших исследований археологов, видимо, необходимо пересмотреть некоторые прежние положения, в том числе границы Туркестана. Сейчас понятно, что Туркестан – это не только средняя Сырдарья до Сыгнака на северо-западе, Аркука на западе, Сайрама на юге.

О Туркестане и городах, которые к нему относятся, писал еще аль-Омари, живший в первой половине XIV в. В области Туркестана он называл города: Шахкенд, Дженд, Яркенд, Отрар, Сайрам, Джикиль, Хаскен, Барсхан, Огуз-дабан, Янги, Кенджек, Тараз, называемый Талас, Янгикент, Сикуль, Бешбалык, Джуюль, Карши, Кашгар, Бадахшан, Дараваран, Дерё, Баласагун (Волин, 1960, с. 91).

Это более широкое представление о территории Туркестана имело место и в более позднее время (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1913, с. 1-3).

Границы Туркестана охватывали территорию Чача и Илака с Ташкентом на юго-востоке и Северо-Восточное Приаралье с низовьями Сырдарьи и ее древней дельтой с городами Джанкент и Дженд; северные склоны Каратау, где доминировал города Сузак, крепость и сторожевая – Аксумбе. И более того, учитывая, что город и степь в их взаимодействии стимулировали своеобразие развития степной цивилизации, в границы Туркестана, но не географические, а фактические, следует включить и Дешт-и Кыпчак, откуда исходили мощные импульсы урбанизации и для которого Рузбихан находит не менее образную характеристику, чем для Туркестана.

«...Когда мы расположились в самаркандской степи на берегу Сейхуна, напротив Отрара, я узнал интересные рассказы его ханского величества. Он изволил говорить: «Дешт-и Кыпчак равен шестистам фарсахам земли. Большая его часть покрыта речками. Соловей разума потерял спокойствие от красоты цветов этой страны. Каждое ее дерево кажется лотосом по высоте или лучом, отраженным от земли к седьмому небу. Большая часть деревьев этой страны – березы, вследствие твердости которых из их (древесины) делают очень искусно хорошие арбы и справляют колеса, крайне прочные и крепкие. На вершинах этих деревьев – гнезда разных хищных птиц: ястребов, белых соколов, кречетов; кажется, что самая суть мира заключается в отраде, обилии благ, приятности климата и покоя Дешт-и Кыпчака, где в весеннее время дни проходят в приятном дуновении благоухающего, как амбра, ветерка; а ночи – в спокойствии и свежести, наподобие благодатного рая. Все его цветы и тюльпаны по величине в несколько раз превышают цветы и тюльпаны других садов мира.

...Одним словом, описание цветущего состояния пространства Дешт-и Кыпчака выходит за пределы помещенного в свитки этих листов. Эта обширная степь является летним становищем узбеков и в летние дни, когда наступает зной таммуза и время множества пожаров и сгорания, казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи. Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области.

Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние пастбища.

...Таким образом, как упомянуто о способе их передвижения, они из пределов (Кыпчакской) степи и области реки Адил (т. е. Волги), которую называют Итиль, они, ежедневно кочуя в таком великолепии и богатстве в течение двух или более месяцев... Местом их зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр. Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най (тростника), который по-тюркски называется «камыш», богаты кормами для скота и топливом

...Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи областей Туркестана, потому что Туркестан тоже доходит до берега Сейхуна» (Фазлалах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 93-94).

На востоке и северо-востоке к Туркестану следует отнести регионы Чу-Таласского междуречья, Илийскую долину и Центральный Тянь-Шань. Это регионы Чу/Шу и Козыбасы, где лежат истоки формирования Казахского ханства, где разворачивались события, связанные с казахско-джунгарским противостоянием, и места победоносных

сражений казахов. Традиции оседлости здесь продолжались в позднем средневековье (Акишев, Хабдулина, 1998, с. 88-96; Аныракайский треугольник..., 2008; Акишев, 2014, с. 135-146; Жолдасбаев, 1996).

В числе одного из важных центров формирования городской культуры был Западный Казахстан и город Сарайчик на р. Урал/Жайык, который играл важную роль в истории Казахского ханства (Трепавлов, 2002, с. 125-244).

Актуален вопрос и о хронологическом этапе урбанизации в Казахском ханстве. Начало его – время появления на исторической арене Казахского ханства, а это середина 60-х гг. XV века.

Во второй половине XV-XVIII в. городская культура в регионе развивалась в целом поступательно, хотя за города шла постоянная борьба между Казахским ханством и шайбанидами. В конце XVI в. города окончательно вошли в состав Казахского ханства. На развитие городов в XVIII в. отрицательно сказалась джунгарская агрессия.

Урбанизация захватила XVIII – начало XIX в. до того времени, когда Южный Казахстан и Жетысу были завоеваны Российской империей (История Казахстана, 2010, с. 368-381, 735).

Начался новый период развития Казахстана и, соответственно, новый этап урбанизации.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: СТЕПЬ И ГОРОДА

Образование Казахского ханства.

Ханство во второй половине XV-XVI в.

Развитие и укрепление социальных, экономических отношений, этническая и политическая консолидация казахских родов и племен, завершение процесса сложения казахской народности, ее самоидентификация явились причинами, вызвавшими возникновение Казахского ханства.

Время его образования и распространения власти казахских ханов на Восточный Дешт-и Кыпчак было предложено В.В. Вельяминовым-Зерновым на основании сообщения Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата в «Тарих-и Рашиди» – это середина 60-х годов XV в. (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 328).

Однако вопрос о дате образования Казахского ханства связан с вопросом о месте образования этого государства – он постоянно вызывал и интерес, и споры в научной литературе (сводка мнений приведена в работе: Султанов, 1971, с. 54-55).

А.П. Чулошников писал, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV-XVI вв. (Чулошников, 1924, с. 200-203; 1936, с. 498). С.К. Ибрагимов относил окончательное оформление самостоятельного государства к 30-40-м годам XVI в., считая, что к концу XV в. выделилось лишь несколько отдельных владений казахов, которые затем и положили начало государству – Казахскому ханству (Ибрагимов, 1961, с. 172, 175, 180).

Заслуживает внимания мнение Т.И. Султанова. Он считает, что «образование Казахского ханства не было „единовременным актом“, а продолжительным по времени процессом». Более конкретно Т.И. Султанов связывает факт «образования нового ханства» с возвращением Гирея и Жаныбека в Узбекский улус после смерти Абулхайр-хана и захватом там верховной власти. Это, считает исследователь, произошло в 1470 г. (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 238-240). Сейчас общепринятая дата - 1465 г.

Регионом, сыгравшим важную роль центра формирования Казахского ханства, было Жетысу-Семиречье, которое наряду с Южным Казахстаном было определяющим в истории казахского народа, в формировании казахской государственности и народности.

Здесь, также как и на юге в Туркестане, издревле развивались скотоводство и земледелие. Степь и город дополняли друг друга. Так было на протяжении многих столетий и здесь, как и в долине Сырдарьи и в Дешт-и Кыпчаке, тюркские племена формировались в казахскую народность. С образованием Могулистана начался новый этап в развитии Жетысу – развитие государственности и этногенеза казахов (Пищулина, 1977. с. 4-6; История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 333-335).

Наряду с государством Ак-Орда, Могулистан играл активную роль в сложении Казахского ханства.

Итак, начальный период истории Казахского ханства был тесным образом связан с регионом Юго-Западного Жетысу, с судьбами казахов Старшего жуза. Жетысу стало центром объединения в единую государственность казахских племен, как откочевавших из Центрального и Южного Казахстана (казахов Среднего жуза), так и казахов Юго-Восточного Казахстана (Старшего жуза), чему способствовали давно уже сложившиеся традиции политического, хозяйственного, социального и этнического общения, происходивших в предшествующие столетия, еще в домонгольское время (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 327-335).

В последние десятилетия XV – начале XVI в. Казахское ханство укрепилось экономически. Расширилась его территория, включив в себя значительную часть этнической территории казахов. Главными противниками ханства были наследники Абулхайр-хана: его сын Шайх-Хайдар-хан и султаны-Шайбаниды внуки Мухаммад Шайбани и Махмуд-султана.

Борьба за господство в степных районах Восточного Дешт-и Кыпчака и в городских центрах Южного Казахстана была основным направлением в политике ханов Жаныбека и Гирея и их преемника Бурундук-хана в 70-80-х годах XV в. Это относится и к последнему десятилетию XV – началу XVI вв. В степной зоне и регионе городов и земледельческих оазисов Южного Казахстана развернулась борьба сторонников двух династийных линий Чингизидов: и казахские ханы, и Шайбаниды видели в присырдарьинских городах экономическую и военную базу для успешной борьбы за господство в Казахстане.

Южный Казахстан и Жетысу были традиционными экономическими и политическими центрами предшествующих государственных образований на территории средневекового Казахстана – Ак-Орды и в последние десятилетия его существования – государства Абулхайр-хана. Именно они стали средоточием экономической, культурной и политической жизни Казахского ханства в первые и последующие десятилетия его развития.

Восстановление и рост городов Южного Казахстана были обусловлены глубокими традициями урбанизации, возросшим спросом на предметы ремесленного производства и на продукцию земледелия и скотоводства со стороны населения кочевых и полукочевых

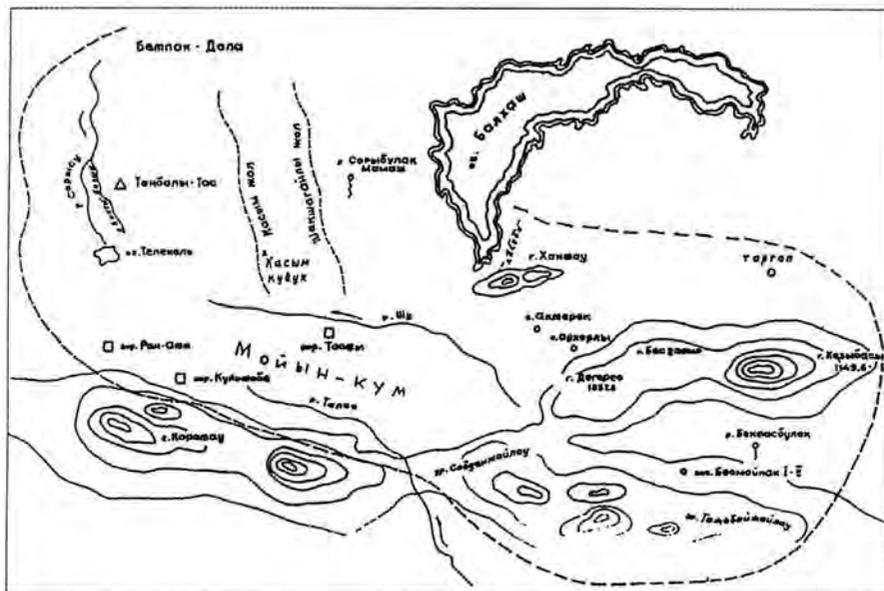

Рис. 1. Территория Казахского ханства во второй половине XV в.
(по К.А. Акишеву)

скотоводческих районов в процессе укрепления Казахского ханства. Наблюдался хозяйственный подъем, росло поголовье скота, увеличивались возможности сбыта продукции животноводства. На основе роста городского хозяйства на юге и скотоводческого хозяйства в степи развивались хозяйственно-культурные связи, торговый взаимообмен скотоводов степных районов Восточного Дешт-и Кыпчака с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии. В орбиту влияния городского хозяйства Южного Казахстана втягивалось и население Жетысу. Здесь, в отличие от Южного Казахстана, городская жизнь пришла в упадок во второй половине XIII – первой половине XIV в. (Байпаков, 2012а, с. 20-30). Города запустели, но оседлость и земледелие не исчезли. Продолжали существовать зимовки, сельские поселения, некоторые из которых могли выполнять и выполняли функции административных, торговых, ремесленных, аграрных и культурных центров. Они располагались в предгорной зоне и ущельях Заилийского и Джунгарского Алатау, Чу-Илийских гор (Жолдасбаев, 1996; Акишев, Хабдулина, 1998, с. 130-142).

Земли нижнего и среднего течения Сырдарьи были необходимы подвластным казахским ханам кочевым племенам как зимние пастбища. В силу географических особенностей казахстанских степей и сложившихся традиций кочевого скотоводческого хозяйства, происходили сезонные переходы – кочевье из районов Дешт-и Кыпчака в долины р. Сырдарьи, в предгорья Каратау. Эти территории были жизненно важными для степного населения, они имели большое

хозяйственное значение в сложившемся производственном цикле. Однако свободно использовать эти пастбища можно было лишь владея ключевыми пунктами этой территории – городами Туркестана и округой.

Присырдарьинские города нужны были казахским ханам и в качестве оборонно-стратегических пунктов. В ходе борьбы за власть над степными районами обе противоборствующие стороны искали себе опору в ближайших к их кочевьям городах и поселениях. Они содействовали их упрочению и в военном плане, и крепостями, которые могли выдержать длительную осаду. Только опираясь на города Туркестана и Южного Казахстана, казахские ханы и султаны могли скорее утвердить свою власть над родоплеменной знатью степи. Города можно сопоставить с узлами связи той решетки, которая образовывала каркас нового государства.

Борьба за власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Туркестане проходила в несколько этапов.

Поэтому и казахские ханы, и Мухаммад Шайбани концентрировали свои усилия на захвате городов уже в самом начале их борьбы за главенство в степи, вскоре после смерти Абулхайра, в 1469-1470 гг. Против наследника Абулхайр-хана – его сына Шайх-Хайдар-хана выступили объединенные силы казахов и мангытских эмиров.

Уже к зиме 1470 г. старший сын хана Жаныбека Махмуд-султан занял в предгорьях Каратау город Сузак. Другой сын, Иренчи-султан, стал владельцем Саурана, теперь сам Герей-хан подступил к Туркестану. Активизация действий казахов на юге Казахстана заставила Мухаммада Шайбани откочевать в Мавераннахр под покровительство Тимуридов.

В итоге первой волны наступления на юг казахские предводители Дешт-и Кыпчака закрепили за собой Сауран и Сузак, что препятствовало Мухаммаду Шайбани собрать рассеявшиеся после гибели Шайх-Хайдар-хана шайбанидские войска (МИКХ, с. 99-103).

Но Мухаммад Шайбани, получив военную помощь тимуридов, вновь появился в Сырдарьинском регионе и захватил ряд крепостей. Первой была занята крепость Аркук на левом берегу Сырдарьи. Затем Мухаммад Шайбани захватил Сыгнак. Предводителю Ногайского улуса Мусса-мирзе, союзнику Шайбанидов, удалось к этому времени, в свою очередь, продвинуться вплотную к самому Туркестану (МИКХ, с. 103).

Наметившийся союз Мухаммада Шайбани с Мусса-мирзой позволил поддержать внука Абулхайра и провозгласить его «ханом Дешт-и Кыпчака», что не помешало прибытию из Западного Жетысу к границам Туркестана казахского войска во главе с Бурундуком.

По словам Бинаи и Шади, Мухаммад Шайбани направился к Сузаку (МИКХ, с. 21).

Сражение между узбеками и казахами произошло зимой, в морозные дни, у крепостного рва Сузака. Бинаи пишет, что, несмотря на численное превосходство, войско казахского султана было рассеяно,

а Мухаммад Шайбани взял большую добычу и вернулся в Сыгнак, даже не попытавшись взять крепость Сузак и закрепить за собой это стратегически важное в борьбе за степь владение. Узнав о прибытии в Сузак Бурундука и о соединении казахских войск, Мухаммад Шайбани вновь выступил из Сыгнака в направлении к Сузаку. Встреча с казахскими войсками произошла у перевала Согунлук в горах Каратау. Мухаммад Шайбани потерпел поражение и вынужден был покинуть Туркестан. Он ушел на Мангышлак. Так окончилась вторая попытка Мухаммада Шайбани утвердиться в Туркестане.

В начале 1490-х годов военные действия со стороны Мухаммада Шайбани и казахских ханов отличались большим упорством и ожесточенностью, в их отношении, помимо Тимуридов, вмешивались и могульские ханы. Мухаммад Шайбани вновь занял крепость Аркук (МИКХ, с. 28, 111). Сузак и Сыгнак в это время были в руках у казахов, но как только хан или султан покидал с войском тот или другой город и уходил в степи, город оставался практически беззащитным и легко становился добычей другого претендента.

Мухаммад Шайбани не смог подчинить степь; оставив часть своих людей в Сыгнаке, он ушел в Отрар. Бурундук-хан тот час вернулся и осадил Сыгнак, жители сразу же сдали ему город (МИКХ, с. 112). Мухаммад Шайбани осадил Сыгнак, а казахи осадили город Ясы.

Шайбаниды 40 дней оборонялись в Аркуке против объединенных сил казахов и тимуридского наместника. В борьбу вмешались ханы Могулистана. Юнус-хан захватил Сайрам и Ташкент (МИКХ, с. 203-206; Азимджанова, 1957; Бартольд, 1963а, с. 88-89).

Поражения в трехлетней борьбе с казахами их союзниками вынудили Мухаммада Шайбани уйти из Туркестана около 1486 г. и удалиться в Хорезм (МИКХ, с. 113; Ахмедов, 1965, с. 146).

В конце 80-х – начале 90-х годов XV в. правивший в Ташкенте и Сайраме могульский хан Султан Махмуд небезуспешно пытался расширить свое влияние в Туркестане. В 1488 г. он изгнал из Отрара (МИКХ, с. 29, 206) тимуридского наместника Мухаммада Мазида. В захваченный Отрар Султан Махмуд-хан призвал Мухаммада Шайбани. Получив поддержку могульского хана и опираясь на Отрар, этот важный стратегический пункт, Мухаммад Шайбани захватил еще два города – Сауран и Ясы.

Сауран, в котором до того был правителем сын тимуридского наместника Кул-Мухаммад-тархан, оказался в руках брата Мухаммада Шайбани.

Военные действия между казахскими ханами и Мухаммадом Шайбани происходили в последние десятилетия XV в. почти непрерывно и завершились к исходу столетия временным примирением (Семенов, 1954, с. 48. Автор говорит о Сайраме, что ошибочно – речь идет о Саурани (Сабран); МИКХ, с. 121).

Территория оазисов Южного Казахстана была фактически разделена на части. Шайбанидам в упорной борьбе удалось укрепить

свои позиции в городах Отрар, Ясы (Туркестан), Аркук, Узгенд, вытеснив из них тимуридского наместника. В Ташкенте и Сайраме находился могульский хан Султан Махмуд.

Территория с городами Сыгнак, Сауран, а также прилегающий район Каратау с Сузаком и другими поселениями на его северных и южных склонах, в низовьях Сырдарьи, в Приаралье оставались в руках казахских ханов.

К концу XV в. закончился важный этап в деятельности первых казахских ханов, имевший большое значение для укрепления Казахского государства в целом. В длительной борьбе с Шайбанидами они воспрепятствовали восстановлению их власти на руинах ханства Абулхайра. Мухаммад Шайбани в 1500 году с частью подвластных ему кочевых узбеков ушел в Мавераннахр и направил свои завоевательные устремления на тимуридское государство (Мукминова, 1954, с. 70-81; Семенов, 1954, с. 38-83; История Узбекистана, 1993).

К концу XV в. государство казахских ханов значительно укрепилось, расширились его первоначальные границы.

Мухаммад Хайдар писал, что «в продолжение времени 1533-1534, казахи всецело владычествовали в Восточном Дешт-и Кыпчаке» (МИКХ, с. 195). В это время широкое распространение получил этноним «казахи», вобравший в себя многие этнические группы на присоединенных казахских территориях, фактически уже давно ставшие одной народностью. Однако это был лишь первый этап формирования Казахского ханства. Борьба правителей этого государства с Мухаммадом Шайбани, уже правителем Мавераннахра, за Южный Казахстан продолжалась и в XVI в.

Территориальный рост и политическое укрепление Казахского ханства базировались, несомненно, на внутреннем состоянии казахского общества, на процессах хозяйственного, социального, этнополитического развития средневекового Казахстана, по существу идентичных тем, что лежали в основе образования самого государства.

Следует подчеркнуть, что отмеченные выше определенные явления хозяйственного подъема в XIV-XV вв. в оседло-земледельческих центрах Южного Казахстана и скотоводческом хозяйстве степных районов усиливали рост хозяйственных связей между ними и создавали возможность объединения их в одном государстве.

Имея в прошлом много общего в исторических судьбах, имея давние связи, население Жетысу вступило теперь в еще более тесные контакты с населением Южного Казахстана и остальных районов средневекового Казахстана.

Казахское ханство в первой половине XVI в.

Поражение шайбанидов и, главное, опасения вторжения казахских владетелей вынудили Мухаммада Шайбани-хана держать для охраны пограничных с кочевьями казахов владений боевые войска.

Так, Шайбани-хан, находясь в Хорасане, как только получил известие о выступлении основателя новоперсидского государства шаха

Исмаила, тотчас же отправил гонцов в Туркестан, Ташкент, Андижан и другие области, требуя, чтобы правители областей и султаны со своими отрядами незамедлительно прибыли в Мерв для подкрепления. «Согласно приказу каждый выступил из своего икта, – пишет автор «Бахр аль-асрар», кроме Кучум-хана, который по причине опасности нападения Касым-хана казаха задержался в Туркестане».

Мухаммад Шайбани-хан погиб под Мервом (ноябрь 1510 г.), его войска были разгромлены, власть в Бухаре, Самарканде и ряде туркестанских городов на некоторое время перешла в руки тимурида Бабура.

Касым-хан не преминул воспользоваться этими обстоятельствами для укрепления своей власти. Вскоре под власть казахского хана перешел Сайрам и он тотчас предпринял попытку овладеть Ташкентом.

«Касым-хан, – пишет Мирза Хайдар в сочинении «Тарих-и Рашиди», с бесчисленным войском направился к Ташкенту. Суйунчик-хан укрепился в крепости Ташкента. Касым-хан, подступив к крепости Ташкента, простоял перед ней одну ночь. Потом он ушел, разграбив окрестности Ташкента и захватив с собой все, что только мог найти. Затем, подойдя к окрестностям Сайрама, он занялся подсчетом имущества и скота» (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 363-364).

В ходе событий, последовавших после мервской катастрофы, на месте обширного государства Мухаммада Шайбани-хана образовались два государства: одно в Мавераннахре, с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой, и независимое от потомков Абулхайр-хана ханство потомков Арабшаха (тоже Шайбанида) с центром вначале в Ургенче, а затем в Хиве.

Во втором десятилетии XVI в. Касым-хан окончательно утвердил свое господство над обширными степными пространствами и регионами оседлой и городской культуры. В это время границы ханства на юге выходили на правобережье и левобережье Сырдарьи; на юго-востоке они охватывали предгорья и долины значительной части Жетысу, на севере и северо-востоке проходили в районе гор Улу-Тау (Улытау) и оз. Балхаш, доходя до отрогов Каркаралинских гор, на северо-западе достигали бассейна р. Яик.

Казахское ханство постепенно вовлекалось в международные отношения того времени. Одним из первых государств было Московское государство при правлении Великого князя Василия III (1505-1533). История Казахского ханства периода правления Касым-хана примечательна еще и тем, что именно в те годы казахи как самостоятельная этническая общность стали известны в Западной Европе: о казахах оставил свои записи австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший несколько раз Москву (в 1517 и 1526 гг.).

Что касается взаимоотношений казахских правителей и Шайбанидов в последние годы правления Касым-хана, то они продолжали оставаться напряженными. Судя по источникам, основная борьба происходила за Ташкент (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 366).

Несмотря на значительное упрочение при хане Касыме, Казахское ханство не стало, однако, централизованным государством. Это обнаружилось сразу же после смерти Касыма, когда проявился сепаратизм султанов, степных владетелей, начались усобицы. Последствия усобиц сказались на положении ханства, особенно в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки, когда против казахских владетелей сложился союз могульских и узбекских ханов.

В XVI в. проблемы укрепления государственности и расширения подвластной территории были связаны, главным образом, с борьбой за города Южного Казахстана и земли Жетысу. Усилия казахских ханов на отстаивание и собиране земель казахских родов и племен объяснялись, прежде всего, экономическими причинами. Для населения казахстанских степей большое значение имели хозяйственные связи с оседло-земледельческими районами Средней Азии, связи, которые осуществлялись через присырдарьинские города. В Жетысу упорно отстаивались казахскими правителями земли Кордая и Козыбасы – места формирования ханства.

Города нужны были ханам казахов как центры для укрепления экономики ханства, поскольку через эти города из Средней Азии и Восточного Туркестана шли в степь нужные кочевникам продукты ремесла и земледелия, сюда они сбывали скот и продукты скотоводства. Большую роль играли налоговые поступления, взимавшиеся владельцами городов, а ими в конце XVI в. были казахи, с земледельцев и ремесленников, пошлины с торговцев, караваны которых шли через эти торговые центры транзитом в Среднюю Азию. Долина р. Сырдарья, предгорья Каратау были местами размещения их зимних кочевий, использовать которые можно было лишь обладая ключевыми пунктами на этой территории – городами. Все это объясняет настойчивость казахских владетелей в борьбе за города, за оседлые поселения, за зимние пастбища.

Для правителей Мавераннахра эта же территория с ее городами-крепостями всегда служила защитным рубежом против кочевников Дешт-и Кыпчака. Владея этими пограничными пунктами, размещая в них гарнизоны, они старались не допускать казахов к оседлым областям Южного Казахстана и Мавераннахра.

Эти отношения вели к упорной борьбе, в которой неудачи одной стороны сменялись ее победами и наоборот.

Владение городами усиливало казахских ханов. Особенно удачливыми в XVI в. были Касым-хан, Хакназар-хан и Тауекель-хан, при котором не только города Туркестана, но и Ташкент вошли в состав Казахского ханства, причем Туркестан был столицей Казахского ханства (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 368).

Взаимная заинтересованность кочевого и оседлого населения Казахстана и Средней Азии в хозяйственных и культурных контактах нашла отражение в источниках, сообщавших о торговых караванах, о необходимости получения товаров. Одним из таких свидетельств

первоисточников являются сведения Рузбихана о целенаправленной политике Мухаммад-Шайбани-хана, стремившегося ради своих политических целей прервать мирные торговые контакты населения Средней Азии и Казахстана. Войны узбекских и казахских ханов нарушали мирные хозяйственные связи, являлись тормозом развития хозяйства в их государствах, ослабляли устойчивость самих государств. Еще более отрицательно сказывались эти бесконечные войны на экономическом положении самого района, где осуществлялись эти мирные контакты и происходили военные действия, – на положении сырдарьинских городов Южного Казахстана.

Отсутствие единой власти, политической устойчивости, грабежи, продовольственные реквизиции, осуществлявшиеся теми, в чьи руки временно попадал тот или иной город, – все это ослабляло эти города экономически.

Когда казахские ханы в конце XVI в. утвердились в сырдарьинских городах – Туркестан, Сайрам, Отрар, Сыгнак, а также Ташкент явились для них плацдармом для активного вмешательства в дела среднеазиатских правителей, в экономику обширного региона.

В начале века наиболее активным в противодействии казахам в регионе Туркестана был Мухаммад Шайбани-хан. Он старался военными и экономическими мерами всячески противодействовать продвижению казахов в сырдарьинские города, включая Ташкент, отстоять свои владения на этой территории и в Мавераннахре.

Принятые Шайбани-ханом меры по ограждению доступа казахам в Туркестан и Мавераннахр были нацелены как на экономическое, так и на политическое ослабление его противников. Ибн Рузбихан Исфакхани объясняет экономические причины, заставившие Мухаммад Шайбани-хана предпринять эти меры.

«На самом деле они так заявили:

...вследствие крайней нужды в платье и одежде, главную часть которой составляет кербас, – ведь одежда и саван для людей необходимы – они вторгнутся в пределы владений казахского величества, ибо несколько раз был издан августейший указ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода и мудрые соображения.

...у его ханского величества... возникло намерение не допускать казахов ступить в (его) владения, где они воочию увидели бы и рассмотрели красу, благоденствие, орудия завоевания мира...

Не дай бог, лицемерие всей этой благодати толкнет казахов на путь войны и распри, и они (казахи), в стремлении завоевать эти владения и заполучить эти украшения и вкусные яства, вытащат ножи из ножен битвы и вражды. Отразить их будет очень трудно...

Поскольку, вследствие частного общения, в эту страну привозят красивые и изящные товары, особенно хорошие платяные и ковровые изделия, серебряные и золотые украшения, им становится ясно, что узбеки ударами мечей и стрел переняли полную достатка жизнь и благоденствие от чагатайцев и моголов, и сейчас они счастливы, в завидном положении, и веревки шатров их счастья крепко привязаны к кольям вечности. Конечно, они напрягут жилы своего мужества и ступят на путь старения и усилия ради завоевания этих областей. Чтобы их отразить, победоносному войску, возможно, придется испытать множество невзгод и труда. Следовательно, лучше всего пересечь взаимное соприкосновение обеих сторон и общение между ними и полностью запретить им прохождение по этим областям. И то, что его ханское величество изволил усмотреть по части запрещения казахам посещать области Туркестана и Мавераннахр – крайне мудро... (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани, 1976, с. 101-102).

После смерти Касым-хана на престоле утвердился его сын Мамаш. События правления этого хана малоизвестны. Мамаш-хан, по сведениям Хайдара Рази, который называет его Камаш-ханом, погиб в 1522 г.

После смерти Мамаш (Мумаш, Камаш)-хана в Казахском ханстве начались неусобицы, «большое несогласие: султаны Дешт-и Кыпчака, известные как казахи, много воевали друг с другом». Ханом был провозглашен Тахир-султан, сын Адик (Аттик, Айттик)-султана, сына Жаныбек-хана. Это событие имело место не позднее 1523-1524 гг., когда Тахир уже именуется ханом.

Тахир-хан не пользовался таким влиянием как Касым-хан. Вслед за возвышением Казахского ханства в начале XVI в. наступили годы бедствий и смуты.

В Жетысу в середине XVI в. казахи столкнулись не только с могулами, но и с продвинувшимися на запад калмыками. Косвенные данные о непосредственных столкновениях казахских владетелей с калмыками относятся к периоду 20-х годов XVI в. Источники сообщают: «По другую сторону Кашагарского края расположилось племя, носящее имя казак. Они кочевники, у них нет ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств. У них есть хан по имени Таваккул (Тауекель). Казахи однажды произвели набег и разграбили часть владений калмаков и возвратились к себе. Об этом доложили предводителю калмаков. Он направил одного из своих визиров в погоню за казахами и повелел: „Возвращайся непременно с головой Тауекеля или принеси свою голову“. Тот отправился вслед за казахами и прибыл в местность, которая была йуртом Тауекеля, который увидев огромное войско калмаков, счел всякое сопротивление бесполезным и бежал в сторону Ташкента. Калмаки, преследуя его, дошли до окрестностей Ташкента и, нагнав его, перебили половину его войска. Тауекель с некоторым числом оставшихся людей подался в Ташкент» (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 380).

Военные действия между казахами и калмыками были спорадическими и еще не носили тогда характера войн как впоследствии, когда казахам пришлось вести упорную борьбу с калмыками.

Казахское ханство во второй половине XVI – начале XVII в.

В 50-х годах начался подъем Казахского ханства, и он был связан с именем сына Касым-хана Хакназаром, правление которого продолжалось более 30 лет.

О ситуации в государстве сообщает английский купец А. Дженкинсон, посетивший в 1558-1559 гг. Среднюю Азию, он отзывался о «кассаках магометовой веры» как о весьма сильном и многочисленном народе. Он сообщал, что перед его приездом казахи уже три года теснили Ташкент и своими нападениями препятствовали свободному ходу караванов (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., 1937, с. 135).

Казахское ханство в 1560 г. вступило в борьбу с правителями Могулистана. В середине XVI в. казахи занимали не только среднее течение Сырдарьи, но и кочевали в пределах Могулистана. Стремление могульского хана Абдар-Рашида вытеснить их из Могулистана и послужило причиной казахско-могульских войн. Описание этих событий содержится в «Хронике» Шах Махмуда Чураса. Как он сообщает Абд ал-Латиф-султану, сыну Абд ар-Рашид-хана, удалось нанести поражение Хакназар-хану и захватить много добычи и пленных. Но вскоре Хакназар-хан соединенными с силами казахов и киргизов разбил войско Абд ал-Латифа. Последний при этом погиб (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 412).

При Хакназар-хане были установлены торговые связи и политические отношения Казахского ханства с Москвой.

Р.П. Рычков сообщает следующее: «Азиатские купцы, яко то: Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы и им подобные к Российской стороне далее Киргиз-кайсацких орд никогда не приближались, а торговали только в улусах... оных орд... да и торг весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и сделанного по их обыкновению платья, на которые вещи выменивали они от Киргизцов лошадей и баранов, и отгоняя их в Хиву и в другие места, где их же довольно, продавали с прибылью» (Рычков, 1887, с. 225).

В конце 70-х гг. отношения с Россией уже были налажены и Хакназар-хан мог считать, что он «с царем и великим князем в миру». Об этом свидетельствует русский посол «в Ногаи» боярский сын Борис Доможиров, который доносил Ивану Грозному в 1577 г.: «Да, сказывал, Государь, татарин Асан Иллибабаев, что приходили с ее весны Казачьи орды люди на Ак-Мирзу да на Бек-Мирзу, а у них отогнали многие стада, да у них же взяли пять человек. И они, Государь, отпустили пятого человека к Тинехмату князю и к Урус-мирзе, и велели им говорить, что

де царь наш Акак Назар с Царем и великим князем в миру и с Таксицы и с Юргенцы в миру же, а нашему де царю Акак Назару вас воевати, по Яике и по Волге не дать кочевати» (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 389).

Характер взаимоотношений казахов с Шайбанидами в указанное время существенно не отличался от тех, что имели место в первые десятилетия XVI в. Военные конфликты перемежались периодами сотрудничества и дружбы, заключались брачные союзы.

К концу 70-х гг. XVI в. завязалась борьба между Абдаллахом и Баба-султаном. Хакназар-хан поддерживал Абдаллаха, так как в данном случае он руководствовался собственными интересами.

К Абдаллаху приезжал посланец от казахского хана, чтобы передать уверения в дружбе и преданности ему. Абдаллах-хан отправил к казахам эмира Сурхун-аталыка со следующим посланием: «Всем тамошним хаканам после вознесения высоких молитв сообщаем, что мы жалуем (им) четыре селения в Туркестанском вилайете» (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 390).

Однако, несмотря на то, что в начале второй половины XVI в. Казахское ханство обладало значительной политической и военной силой, тем не менее, к концу XVI в. оно вступило в полосу трудностей и было оттеснено своими соседями из оседло-земледельческих районов Жетысу.

В 1582 г. Абдаллах-хан в погоне за правителем Ташкента и Туркестана Баба-султаном, который спасся бегством к мангытам, отправился из района городов Ясы, Саурана, Сыгнака, пересек р. Сарысу, дошел до гор Улуг-Таг (Улу-Тау) и прошел вдоль них на север. Часть казахских племен в это время находилась на его стороне. Во главе с ханом Шигаем и его сыном султаном Тауекелем они вошли в состав войска Абдаллаха и приняли участие в этом походе.

В это же время с востока, из-за Балхаша, в Центральный Казахстан и в Жетысу началось движение джунгаров. Во второй половине XVI в. были широко развернуты военные действия их против Казахского ханства. Обе стороны стремились расширить свои пастбищные территории за счет соседа, так и стремление ойратских феодалов захватить в свои руки присырдарьинские города. По сообщению Сейфи Челеби, в конце XVI в. Тауекель-хан совершил набег на джунгаров (калмаков), вследствие этого страна казахов подверглась ответному опустошительному нашествию. Джунгары преследовали Тауекеля до Ташкента, разгромили его, разграбили его владения и затем ушли. Тауекель предлагал правителю Ташкента Шайбаниду Барак-хану пойти походом на врага, на что тот ответил отказом ввиду невозможности, по его мнению, одолеть их. С тех пор, как только в Казахском ханстве возобновлялись раздоры между ханами и султанами, так джунгары устремлялись на казахов, а после смерти Тауекель-хана начали вытеснять казахов из Жетысу.

Казахское ханство в XVII в.

Конец XVI – начало XVII в. характеризовались укреплением казахской государственности, активизацией военно-политических, торговых и культурных отношений казахов с соседними странами и народами. В это время казахи овладели Ташкентом, Туркестаном, Саураном, за которые, однако, начались постоянные войны между казахскими правителями и Аштарханидами, которые захватили Мавераннахр и владели им более полутора столетия (1598-1743 гг.).

В первой половине XVII в. среди казахов существовало несколько соперничавших между собой группировок, одну из которых возглавлял султан Есим, который наследовал титул хана в 1598 г. после Тауекеля и имел резиденцию в Туркестане. Другую группу возглавляли Турсунсултан, Абулай-султан, Хан-заде. Имеются также сообщения о малоизвестных и неизвестных казахских ханах и султанах конца XVI – начала XVII в.: Абу-Лайс-султানে, Назар-хане, Мурат-султানে.

В 1611 г. Есим-хан во главе пяти тысяч казахов из Туркестана и Ташкента оказал помощь Имамкули-хану в борьбе с Ираном. Однако этот союз носил временный характер и вскоре Имамкули-хан начинает войну с казахами. В первом походе (1611 г.) Имамкули-хан, дойдя до Самарканда, помирился с казахами и признал за ними право господства над Ташкентом и его областью. Но уже в 1613 г. Имамкули-хан с Надир-Мухаммад-ханом совершили поход на Ташкент и одержали победу над казахами. После этой победы он назначил своего сына Искандарсултана правителем Ташкента. Вскоре ташкентцы убили Искандара, но Имамкули-хан снова овладел Ташкентом.

В 1613 г. Имамкули-хан объявил казахского султана Турсуна правителем Ташкента.

В начале XVII в. начались совместные действия казахов и киргизов против Аштарханидов. В 1621 г. состоялось одно из самых крупных сражений между войсками Аштарханидов и объединенными силами казахов и киргизов. Противники сошлись близ города Шахруйя на Сырдарье, неподалеку от Ташкента. Имамкули-хан был вынужден отступить.

К началу XVII в. были установлены союзные отношения казахских ханов с чагатаидами Могулистана: Турсун-хана с ханом Яркенда и Кашгара Абд ал-Латиф (Апак)-ханом; Есима с правителем Чалыша и Турфана Абд ар-Рахим-ханом (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 414-415).

Махмуд ибн Вали в «Бахр аль-асрар» подробно описывает внутренние распри внутри казахской элиты и гибель Турсун-хана. В то время (1628/1627), когда Есим-султан совершал набег на калмаков, Турсун-султан, воспользовавшись ситуацией, отправил отряд в Туркестан, где находилась ставка Есим-хана для захвата и истребления его людей. Его воины перебили множество людей, захватили жен и детей Есим-султана. Тем временем казахский султан Абулай, владетель

Андижана, объединился с эмирами бухарского хана Имамкули и они напали на подвластный Ташкенту Бискент; после боев отняли его у Иш-Кара-султана казаха. Затем направились в Шахрухийю и выгнали оттуда Мурад-султана казаха. Когда эти обстоятельства стали известны Есим-султану, он направился на Ташкент (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 416).

В окрестностях Ташкента состоялось сражение казахских ханов Есима и Турсуна. По сообщению «Бахр аль-асрар», Турсун-султан погиб: его умертвили его же приближенные. После этого бухарский хан передал Есим-султану грамоту о праве правления Ташкентом.

В 30-50 годы XVII века казахи прочно закрепились в городах Туркестан, Джанкент, Сауран, Сайрам, Яны-Курган, Сузак, Чулак-Курган и активно включались в процесс управления городов.

Уже отмечалось, что в годы своего правления Есим-хану пришлось постоянно считаться с джунгарским фактором.

К началу XVII века джунгарские кочевья уже распространились по среднему и верхнему Иртышу, верховьям Тобола, Ишима, а некоторые из них – в междуречье Урала и Волги.

Среди калмыков были представители разных племен – чоросы, дербеты, торгоуты, хошоуты. Процесс передвижения джунгар к Уралу и Волге длился более трех десятилетий, при этом они образовали разрозненные анклав (Златкин, 1983, с. 84-85).

В 1629 году после поражений от казахов и киргизов и внутренних распрей в пределах Алтая и Джунгарского Алатау, джунгары двинулись на север. Переселение около двух тысяч хозяйств в районы верховьев Ишима, Тобола, Иргиза, Тургая, Эмбы укрепило их положение.

По этому поводу востоковед В.В. Григорьев заметил: «Таким образом, монголы, в самый короткий промежуток времени, снова сделались повелителями стран от Сибири до Индии и от Китая до Кавказа. Орда Хо-Урлюкова простиралась до 50 000 кибиток и могла выставить в поле до 30 000 хорошо вооруженных всадников, а за нею тянулись, в том же направлении к Волге, толпы других калмыков» (Григорьев, 1874, с. 241).

В 1635 году складывается Джунгарское ханство, во главе которого стал Батур, принявший титул хунтайши.

В 1635 году началась казахско-джунгарская война. Казахи вынуждены были отбиваться от натиска джунгар. Однако среди ханов и султанов преобладали разные мнения и предложения о понимании создавшейся ситуации. Необходим был человек, способный возглавить борьбу с джунгарами, который мог бы объединить казахов и встать во главе их. Таковым стал Жангир-хан. Казахские ополченцы под предводительством Жангира приняли бой с джунгарами. Об этих событиях современники свидетельствуют: «Черные колмаки тайши, Талай-тайша, да Контайша, да Кужитайша, да Тоургоча-тайша, со всеми черными колмаки сее зимы ходили на Казачью орду, а Казачьи орды люди пошли было на черных калмаков. И как де черные колмаки

сошлись Казачьи орды с людьми, и был до у них бой великий. И черные – де колмаки Казачьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгыра Ишимова сына, а Ишим в Казачьей орде был царь, и тот де царевич в черных колмаках» (Русско-монгольские отношения, 1959, с. 278). Война шла с переменным успехом.

Казахские войска в одних случаях терпели поражения, но в других одерживали победы. В один из удачных исходов из плена был освобожден Жангир. Он удачно строит свои отношения с батырами и биями, обращает особое внимание на взаимоотношения с Бухарскими и Хивинскими ханами. Авторитет Жангира быстро поднимался и укреплялся. Большую часть времени он проводил в городе Туркестане – в центре общественной жизни, чтобы контролировать ситуацию.

У Жангира устанавливаются хорошие отношения с Жалантосом, известным деятелем Бухарского ханства, а также он поддерживает отношения и с правителями Восточного Туркестана.

Новая казахско-джунгарская война проходила в 1643-1647 гг. Предводителю джунгаров Батуру удалось собрать войско в пять тысяч человек. Сюда вошли в основном джунгары различных групп и союзники – монгольские народы Центральной Азии. В 1643 году Батур захватил часть земель в южных отрогах Тянь-Шаня, взял в плен несколько тысяч казахов и киргизов (Казахско-монгольские отношения, 1959, с. 278).

Тогда Жангир обратился за помощью к эмиру Жалантосу. Была достигнута договоренность и с владельцами тянь-шанских киргизов.

Обстоятельства требовали срочных действий. С собранным ополчением Жангир направился в Джунгарский Алатау. В местности Орбулак казахский хан упредил продвижение джунгар и нанес им поражение. «...Неожиданность сего удара, отважность воинов, избранных для оногo, и отличные ружья, которыми все они были снабжены, нанесли Багатуры сильный урон» – пишет А.И. Левшин (Левшин, 1832, с. 59).

Русский посол в Джунгарии, казачий атаман Гаврила Ильин из Тобольска рассказывал: «И Янгир де покопав шанцы меж камней, и в те шанцы посадил 300 человек с вогнанным боем, а сам с тремястами став в прикрытье за каменем. И он тайша с воинскими людьми приступил к шанцам и ис шанцов до у Контайши побили многих людей» (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 239).

В другом документе сказано: «И с другую де сторону на невы ж Контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч з 10» (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 239).

В 1646 году Батур предпринял новый поход. Об этом тобольский боярин Данила Аршинский сообщал: «А до их де, Данилова с товарищи, приезду ходил контайша войною в Казачью орду на Янгира царевича и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял» (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 277). В 1647 году джунгарский посол Хорохай Далдин сообщал

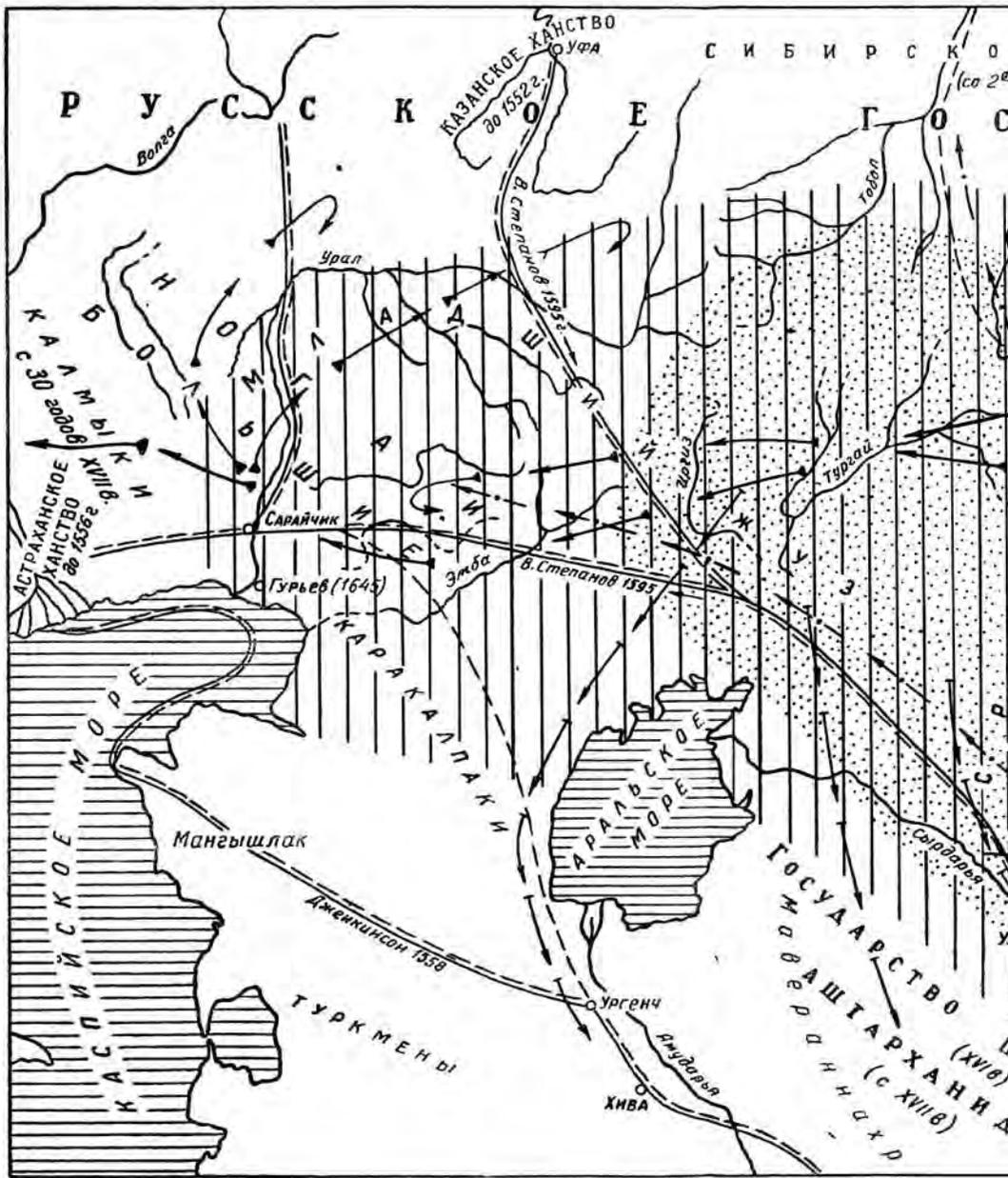
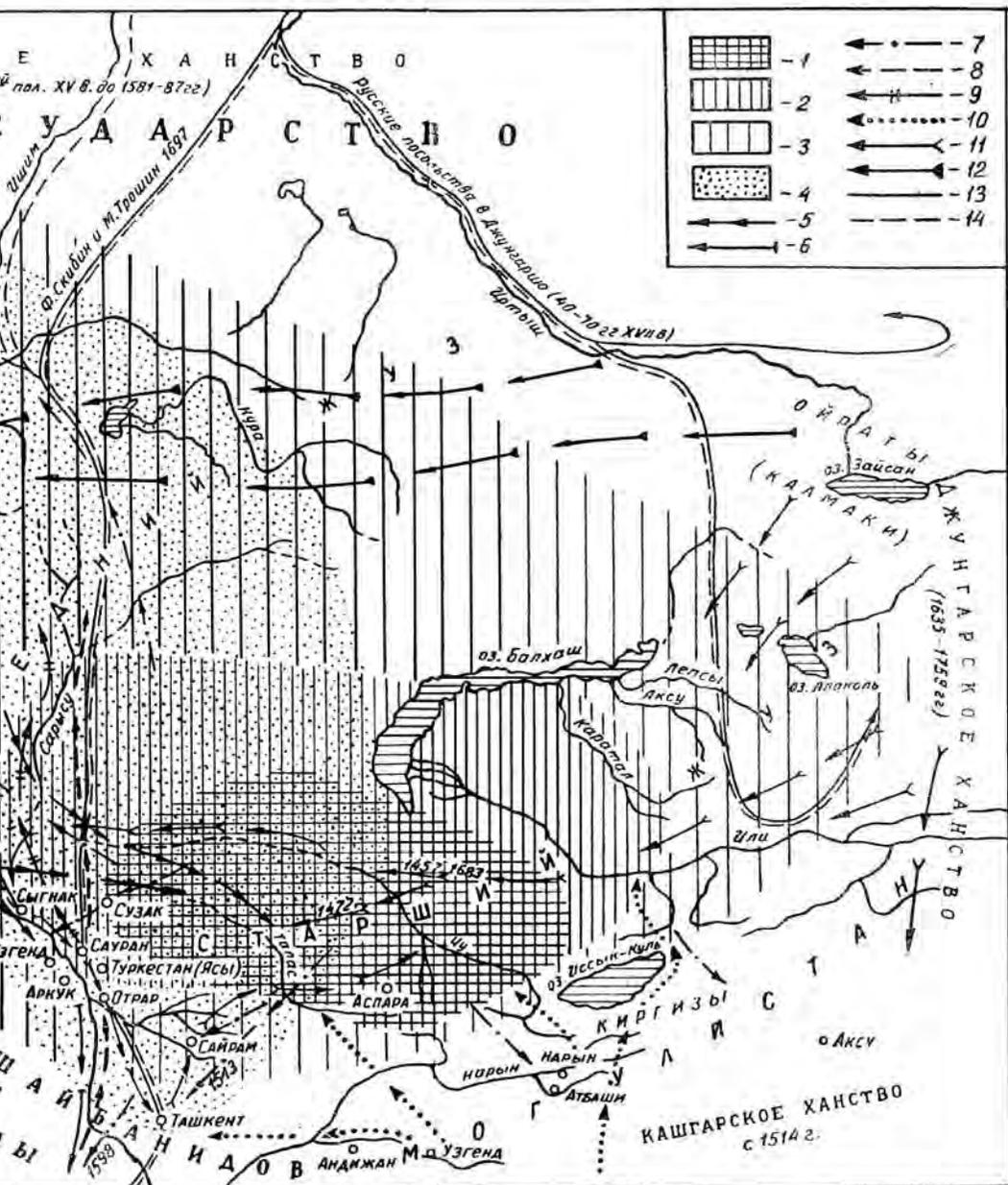

Рис. 2. Казахское ханство

Условные обозначения: 1 - Казахское ханство в середине 60-х годов XV в.; 2 - территория в первой четверти XVI в.; 4 - владения казахских ханов в конце XVI в.; 5 - откочевка части населения в начале XVI в.; 6 - переселение части племен Дешт-и Кыпчака в начале XVI в. в Мавераннахр; 7 - походы казахских ханов на Астрахань в 1518 г.; 8 - походы казахских ханов на Астрахань в 1522 г.; 9 - походы казахских ханов на Астрахань в 1528 г.; 10 - походы могульских ханов в конце XV - 40-х годов XVI в. на территории Казахстана; 11 - походы могульских ханов на Астрахань в 1518 г.; 12 - походы могульских ханов на Астрахань в 1522 г.; 13 - маршруты посольств и путешествий, 14 - маршруты торговли.

инство в XV-XVII вв.

Казахского ханства к концу XV в.; 3 - расширение территории Казахского ханства в первой Ак-Орды в Семиречье в конце 50-60-х годов XV в. во главе с ханами Джаныбеком и Гиреем; 4 - походы казахских ханов; 5 - походы Мухаммеда Шайбани-хана против казахов в нач. XVI в.; 6 - походы в 1560-1570 годах XVI в.; 7 - набеги ойратов (калмаков) в XV-XVII вв.; 8 - переселение части ойратов; 9 - караванные пути

томским властям: «Была де контайши войны черными ж колмаками с Кунделенем-Убашою. Да он же бился с Казачью ордою и после же с ними помирился докаместа от них задору не будет» (Русско-монгольские отношения, 1974, с. 306). На этом военные действия завершились, война закончилась, и установился мир (Моисеев, 1991, с. 46).

Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII в.

С самого начала XVIII в. Казахское ханство переживало потрясения, вызванные обострением внешнеполитической ситуации. Наибольшая опасность пришла с востока – со стороны Джунгарского ханства.

Борьба между казахскими и джунгарскими владельцами продолжалась более столетия. В основе ее лежало соперничество за обладание пастбищами и городами.

С захватом городов Южного Казахстана Джунгарскому ханству открывалась перспектива овладения не только торгово-ремесленными центрами, но и караванными путями, связывавшими Казахстан с Россией и со странами Востока.

В Джунгарском ханстве после гибели хана Галдан-Бошокту к власти пришел Цэван-Рабдан (1697-1727), который направил свои усилия на захват казахских кочевий.

Джунгары наносили казахам одно поражение за другим, угоняя пленных и скот, отнимая пастбища и имущество, истребляя подчас целые роды и аулы. Раздробленный и обессиленный непрерывными внешними столкновениями и внутренними раздорами казахский народ испытывал в этот период величайшие бедствия. Вот как описывал положение казахов в начале XVIII в. Ч. Валиханов: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни киргизского (казахского) народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами» (Валиханов, 1961, с. 426).

Очередной набег джунгар в Жетысу, долины рек Чу/Шу и Талас казахи отбивали в 1699 году. Несмотря на сопротивление казахских родов, джунгарам удалось захватить около десяти тысяч пленных.

В ответ на стычки с джунгарами в 1702-1703 годах казахи организовали одновременное нападение на Джунгарию и волжских калмыков. В эти же годы казахи успешно проводили военные действия в верховьях Иртыша.

В 1708 году казахи отбивали новое вторжение джунгар.

Крупное вторжение джунгарских войск в пределы Казахстана произошло в 1710-1711 гг. Осенью 1710 г. было созвано собрание представителей казахских жузов в Каракумах.

Основным вопросом на съезде было отношение к Джунгарскому ханству. Позиции представителей казахской элиты были различными. Часть ее предпочитала позицию, продиктованную суровой необходимостью – перейти в джунгарское подданство, другая – заняла выжидательную позицию. Но и в этой тяжелой ситуации были

сторонники решительной борьбы против Джунгарского вторжения. Именно их позиция была поддержана и восторжествовала. Все участники съезда торжественно поклялись следовать призыву батыра Богембая. Было решено «употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови» (Семенюк, 1974, с. 84-85; Маев, 1873, с. 416).

Было решено избавиться от калмыцкого ига путем изгнания их.

«Тут же был избран старший в семействе ханском, Абулхаир хан» (Мейер, 1865, с. 5).

В 1713 г. джунгарские войска предприняли новые наступательные действия. В 1716 г. Цэван-Рабдан двинул основную часть своих войск против казахов.

В 1717 году военные события получили продолжение. Основное событие военных действий разворачивались на реке Аягуз. Произошло сражение между казахским ополчением и джунгарами. Казахи отступили. Это дало возможность джунгарским отрядам проникнуть вглубь южных районов Казахстана.

Весной 1718 г. джунгары совершили поход из Жетысу к рекам Арысь, Бугун, Чаян, подошли к городу Туркестану. Их намерением было овладеть ставкой казахских ханов. Над казахскими городами Сырдарья нависла угроза. Состоялось несколько сражений. Джунгары «рубали казачью орду», но малочисленность и оторванность от своих кочевий не дали им возможности одержать полную победу.

В 1723 г. джунгары вновь двинули свои войска в пределы Казахстана.

Борьба с джунгарской агрессией в первой четверти XVIII века стала не только основным фактором, осуществившим не только важные политические решения по сохранению казахской государственности, но и жизненно необходимой при вопросе о самом существовании казахского народа.

В своем продвижении джунгары разоряли аулы, отбирали скот, захватывали города. По этому поводу И. Унковский писал: «Послан канжайши сын Шона Даба против казачьей орды, а ныне де ведомость есть, что он казаков повоевал и три городка ему поддались, и 1000 семей казахов везут, которых ожидают вскоре; а города поддались: Ташкент, Сайрам, Харамурт» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005б, с. 335, 339).

Джунгары оккупировали часть казахских земель. Приблизительной границей между владениями джунгар и казахов стали горы Улытау, озеро Балхаш и полоса между реками Чу и Талас.

Казахи Старшего и части Среднего жуза откочевали к Ходженту, большинство родов Среднего жуза отошло к Самарканду, а Младшего – откочевали в пределы Хивы и Бухары.

Годы Великого бедствия не сломили волю народа к сопротивлению. Шли сражения упорные и длительные. Около 300 тысяч жителей Ташкента во главе с казахским ополчением около месяца держали героическую оборону города.

Упорное сопротивление завоевателям оказали защитники Туркестана. Осада Сайрама – тоже свидетельство героической борьбы жителей с джунгарами. С ходу взять город приступом джунгары не смогли, они охватили город кольцом и начали осаду. Целью их было захватить город и разграбить его. Однако это не удалось. Тогда хунтаиджи послал часть своих войск в горы и приказал изменить русла рек Сайрам-Су и Тувалак, которыми город снабжался водой. Жители Сайрама оказались без воды. Предание об этом говорит: «Долго крепились они, защищая город, но, наконец, язычники победили, взяли постепенно и город, и крепость» (Иванов, 1923, с. 57-58).

Общее состояние бедствий А.И. Левшин описывает так: «Переходы сии влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились, но где же? – в местах бесплодных и не предоставляющих никаких удобств для кочевого народа» (Левшин, 1832, с. 70-71).

Тяжелейший для казахов 1723 г. заставил народ сплотиться перед лицом опасности быть уничтоженным и изгнанным с Родной земли.

Новые столкновения с джунгарами произошли уже на следующий год и теперь военные действия были перенесены в степи Центрального и Западного Казахстана.

Уже в 1724 г. казахи под руководством Абулхайра одержали первые успехи. Достаточно сослаться на реляции Флорио Беневени: «Шоно-Лоузан (по-джунгарски Зайсан) через войну с Абулхайр-ханом город

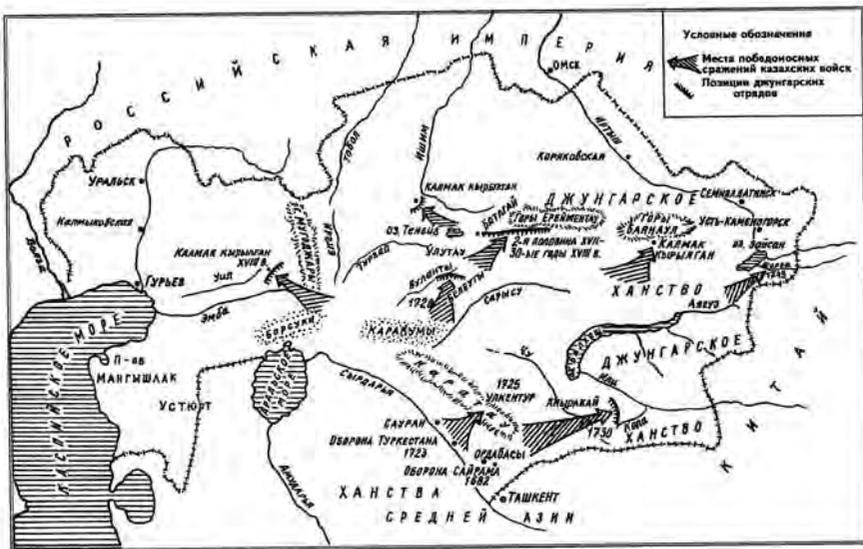

Рис. 3. Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии

Туркестан взял было и 32 улуса, но потом он, Абулхайр-хан, соединясь с казахами, таки через войну в Туркестан пришел и содержит даже и данные таки в своем владении» (История Казахстана, 2010, с. 136).

При изгнании джунгар с казахских земель из районов Отрара, Чимкента, Туркестана, Сайрама казахские воины проявляли героическую самоотверженность. В долине Теректы в горах Каратау, по притоку Боралдая, у речки Садыр-Камалбулак большой отряд калмаков был загнан к горе Улкен-Тур. И здесь все они были уничтожены.

Выдающиеся полководцы своего времени хан Абулхайр, батыры Тама Есет, Тама Жантай, Каракерей Кабанбай, Канжыгалы Богембай объединили свои усилия и стали громить джунгар. Так появилось на карте Казахстана одно из первых названий местностей «Калмак кырылган» (место, где истреблены калмыки) (История Казахстана, 2010, с. 137).

Казахские отряды освободили земли по нижнему течению Сырдарьи и часть гор Мугоджары. Этим было разорвано полукольцо, возникшее в первой половине XVII века, когда джунгары создали непрерывную цепь своих кочевий от гор Алтая до рек Ишим и Майык.

Осенью 1726 года состоялся всеказахский съезд в местности Ордабасы, на возвышенной сопке над рекой Бадам. На съезд были приглашены ханы Абулхайр, Абулмамбет, Семеке, Кушик, Жолбарыс, султаны, бии разных родов во главе с Толе-би Алибекулы, Каздауысты Казыбек-би, Айтеке-би, прославленные полководцы и батыры.

Главным вопросом на съезде был вопрос об организации всенародного отпора агрессору.

Другим, не менее важным вопросом, который обсуждался на съезде, был вопрос об избрании предводителя всеказахского ополчения (История Казахстана, 2010, с. 138).

Здесь в Ордабасы Абулхайр был избран предводителем казахского ополчения. А.И. Левшин писал по этому поводу: «Общее предприятие тотчас освящено клятвой верности друг другу. Хан Абулхайр избран главным предводителем, и белый конь, принесенный по народному обычаю в жертву, был принят залогом будущего успеха». И эти же положения он раскрывал: «Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету. В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних киргиз-казахских земель. Общее предприятие тотчас освящено клятвой в верности друг другу. Хан Абулхайр избран главным предводителем» (Левшин, 1832, с. 71).

Борьба за горную систему Улытау стала важной вехой в ходе войны. У подножья гор Улытау состоялось одно из важнейших сражений.

Стремительное продвижение и неожиданное появление казахской конницы в 20-25 тысяч всадников предопределили успех в выходе

к Улытау. Встречавшиеся на пути джунгарские кочевья спасались бегством. Весной 1728 г. в предгорьях Улытау в местности Карасиыр состоялось крупное сражение казахских войск с джунгарами.

Казахи добились успеха. В конце весны 1730 года казахские ополченцы, подкрепив своих коней в песках Муюнкум и в долинах рек Буркутты, Шабакты, Караконыз, Ырганты. Чу, вышли в район гор Хантау и к Аныракайским горам.

Сражением на Аныракае руководил хан Абулхайр.

В победоносном завершении Отечественной войны казахского народа против джунгарской агрессии (1723-1730) выдающуюся роль сыграла Аныракайская битва (Аныракайский треугольник, 2008).

Аныракайское сражение стало переломным в Отечественной войне с Джунгарским ханством, оно стало переломным и в сознании казахского народа, пришло осознание в неизбежности своей победы (История Казахстана, 2010, с. 146-147).

Казахское ханство в XVIII в.

Хан Абылай

К концу 40-х годов XVIII в. междоусобицы в Джунгарии, последовавшие за смертью хунтайджи Галдан-Цэрэна, привели к обострению политической ситуации во всем регионе. Правители Казахского ханства воспользовались ослаблением Джунгарии и стали активно вмешиваться в ее дела. Несмотря на то, что официальным ханом Среднего и Старшего жузов оставался Абулмамбет, реальная власть все более и более сосредотачивалась в руках султана Абылая, опиравшегося на поддержку группировки батыров-военачальников, сложившуюся в ходе казахско-джунгарских войн.

Машхур-Жусуп Копеев в своем произведении «Эпоха Абылай хана» цитирует акына Арыстана Толыбайулы, где утверждается, что Абылай был ханом в Кокшетау 48 лет (История Казахстана, 2010, с. 247).

То же самое пишет М. Дулатов в своем труде «Абылай». Шакарим в своем исследовании «Потомок Уалибақы» пишет, что после поединка с Шарышем Абылай был приглашен в ханский шатер Абулмамбета. По предложению хана Абулмамбета Абылай, получив благословение Шак-шак Жаныбека, был провозглашен ханом. Это произошло приблизительно в 1735 году. Консолидации казахских племен и родов вокруг Абылая во многом способствовали его активные и удачные военные действия против Джунгарии.

Приход к власти в Джунгарии в 1750 году Лама-Доржи привел к новой вспышке междоусобной борьбы.

Летом 1753 года джунгарские войска вновь вторглись в Казахскую степь, однако смелый рейд его соперника Даваца вглубь Джунгарии в

сентябре 1753 года привел к убийству Лама-Доржи. Новым хунтайджи был провозглашен Давац, который сразу же отправил к Абылаю посольство с уверениями в своей признательности и дружбе. Однако мир в степи продолжался недолго. Давац не смог удержать власть. Против него выступил Амурсана, получивший поддержку части казахов.

К середине 50-х годов XVIII века китайские цинские войска стояли у границ Джунгарии и готовились к вторжению. Ослабление Даваца, победы Амурсаны и его союзников – казахов ускорили развязку. В феврале 1755 года император Цянь-лун отдал приказ о наступлении, в котором, в частности, говорилось, что «если немедленно не двинем в поход войска, то казахам повезет и они добьются своей пользы» (Бейсембиев, 1987, с. 96). Весной китайские войска вместе с отрядами Амурсаны вошли на территорию Джунгарии разгромили Даваца. Однако дальнейшие события показали, что цели Амурсаны и Цинской империи были диаметрально противоположны. Если первый желал восстановить сильное централизованное государство, то последняя стремилась ликвидировать его и аннексировать территорию Джунгарии. Амурсана потерпел поражение и бежал к казахам.

Падение Джунгарского государства коренным образом изменило политическую ситуацию в регионе. Средний и Старший казахские жузы оказались лицом к лицу с агрессивной Цинской империей, вынашивавшей захватнические планы и в отношении Казахского ханства. Весной 1756 года к Абылаю была направлена грамота с категорическим требованием выдать Амурсану. «Основательно подумайте о грядущей вам беде, потом раскаетесь, да будет поздно», – угрожал император казахам (История Казахстана, 2010, с. 249). Тем не менее, Абылай принял решение противостоять китайцам.

Летом 1756 года на территорию Казахстана вторглась цинская армия, разделенная на две части. Северной армией командовал маньчжурский генерал Хадаха, западной – генерал Дардана. Первые столкновения казахов и китайцев произошли в мае 1756 года в районе Чаган Оба. После кровопролитных сражений казахи были вынуждены отступить на запад.

Следующее большое сражение произошло в Каркаралинских горах на берегу реки Жарлы. Несмотря на упорное сопротивление казахов и джунгар, цинские войска продолжали свое движение на запад.

Абылай собрал в это время войска в Баянаульских горах. Как сообщал Хадаха, маньчжуры осенью «имели битву с ...отрядом Абылая, во главе которого стоял Бугенбай». Битва состоялась к западу от Баянаула в верховьях р. Шидерты. Цинские войска понесли огромные потери, место сражения было названо казахами «Шуршит кырылган», «Место истребления шуршутов» (маньчжуров) (Бейсембиев, 1987, с. 98-100). Начались переговоры о мире.

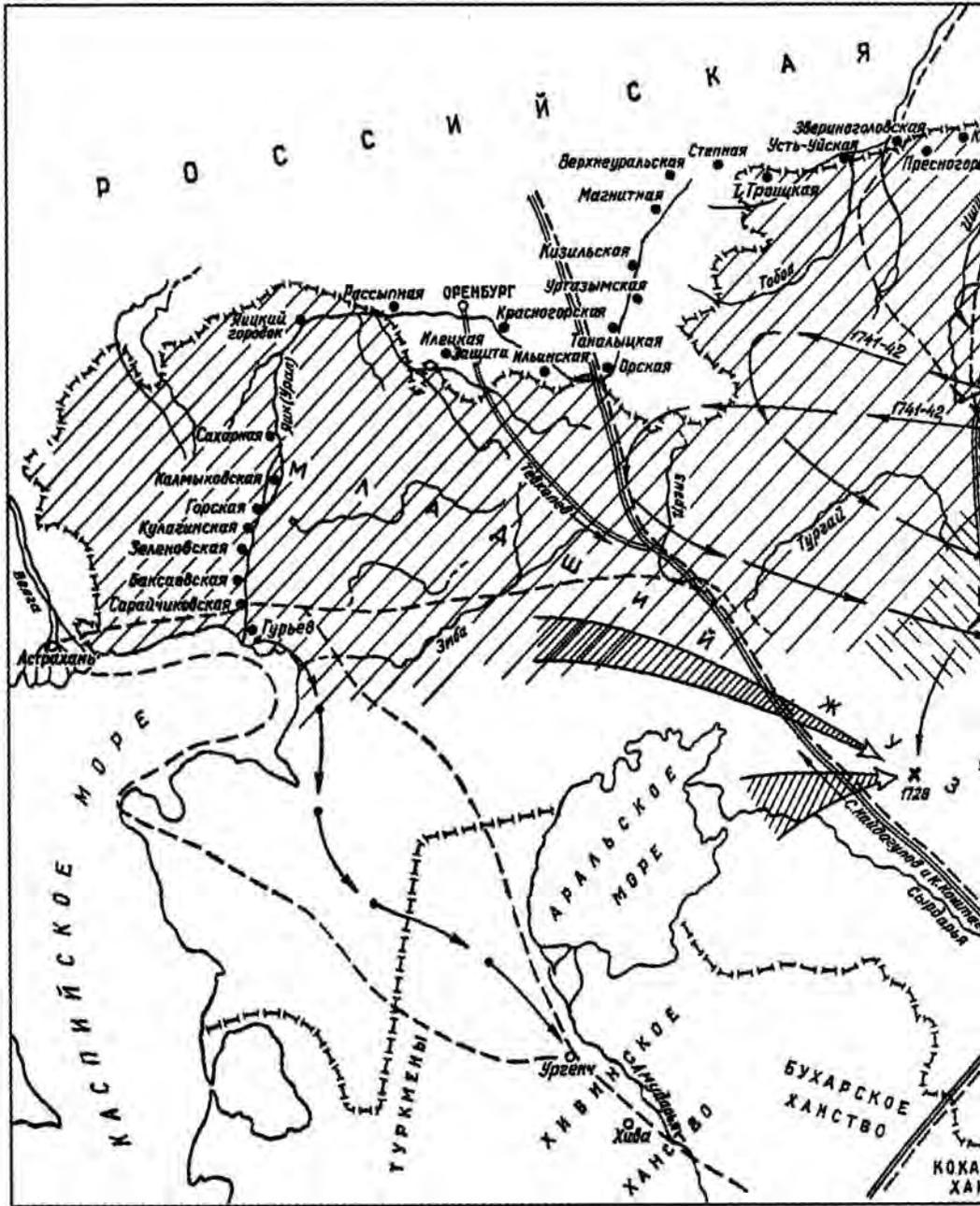
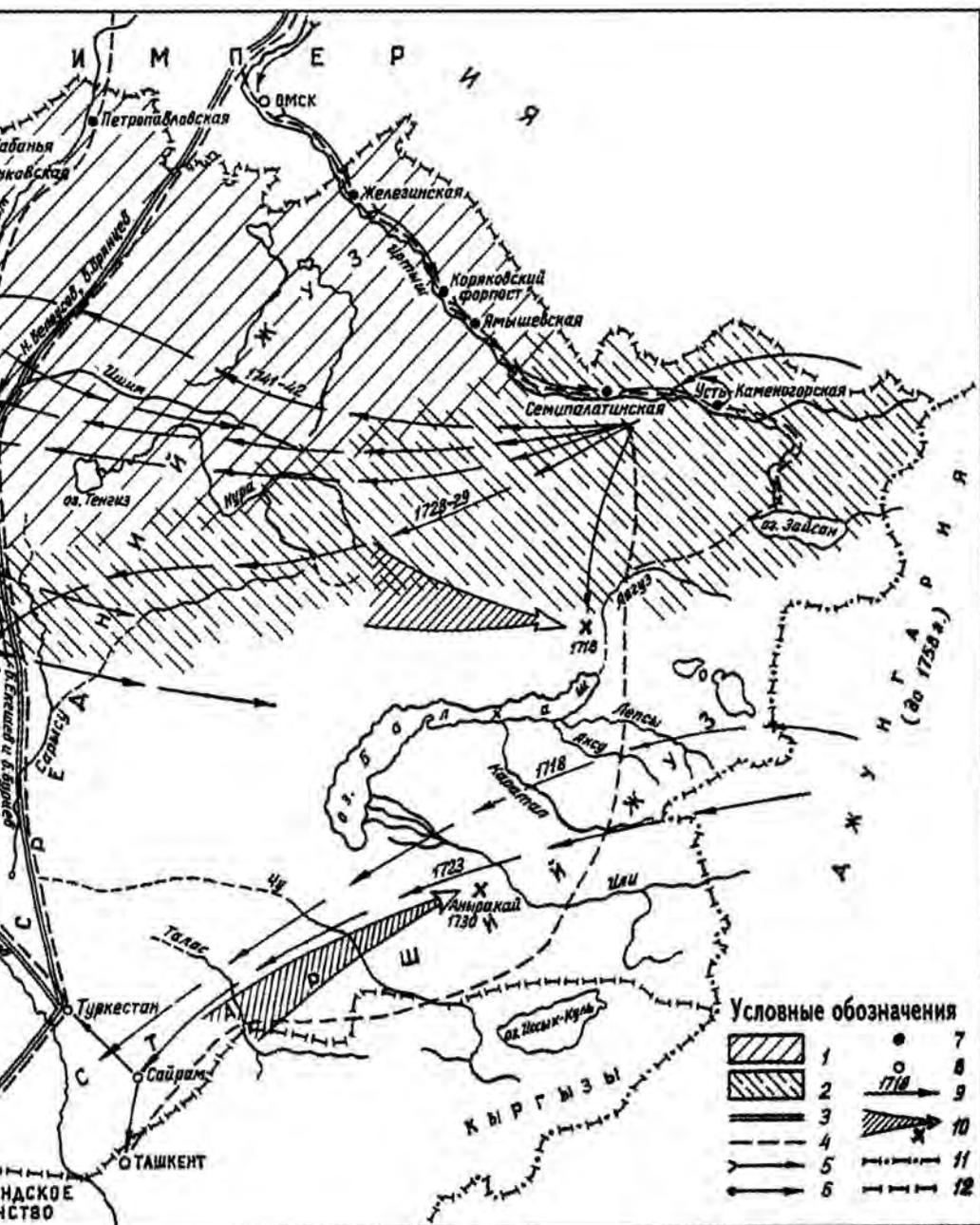

Рис. 4. Казахское

Условные обозначения: 1 - территория Казахстана, вошедшая в состав Российской империи в первой половине XVIII в.; 2 - территория Казахстана, вошедшая в состав Российской империи во второй половине XVIII в.; 3 - посольства (Б. Екешева и Б. Буриева 1716 г., Н. Белоусова 1717 г.); 4 - торговые пути; 5 - экспедиции И. Бухгольца (1714—1716 гг.); 6 - экспедиция А. Бековича в 1717 г.; 7 - экспедиция А. Бековича в 1718 г.; 8 - экспедиция А. Бековича в 1719 г.; 9 - экспедиция А. Бековича в 1720 г.; 10 - боевые действия казахов против джунгарских войск, места сражений

Казахство в XVIII в.

в 30-40-х годах XVIII в.; 2 - территория Казахстана, вошедшая в состав Российской империи в 16-1717 гг., Б. Брящева 1717-1718 гг., С. Кайдагулова и К. Коипаева 1730 г., А. Тевкелева 1731 г., А. Черкасского (1716-1717 гг.); 7 - крепости; 8 - прочие населенные пункты; 9 - набег джун- (с указанием года); 11 - государственная граница; 12 - граница Казахстана

Посольство казахов 1757 года добивалось признания своих прав на Тарбагатай, в 1759 г. – на земли в верхнем течении Иртыша, в 1760 г. – на верховья Или. Китайцы согласились на это, вернув законно принадлежавшие казахам земли в обмен на обещание лояльности и помощь в борьбе против джунгарских повстанцев. Однако уже в начале 60-х годов XVIII века китайские войска стали пытаться силой выдворить казахов с занятых ими земель в Восточном Казахстане. Особенно жестокими были акции 1762-1765 годов. Тем не менее, казахи продолжали занимать эти земли, что вынудило китайские власти примириться с этим и согласиться с 1767 года на кочевание казахов в районах Тарбагатая и Или.

Отражение цинской агрессии и возвращение земель на востоке Казахстана укрепили власть султана Абылая не только в Среднем, но и в Старшем и, отчасти, в Младшем жузах. После смерти в 1752 году султана Барака он стал фактически единственным полноправным правителем в казахских землях, гарантом законности и порядка.

В 1762 году, только благодаря посредничеству султана Абылая и бия Казыбека, Абулмамбету удалось вернуть г. Туркестан, отнятый у него за четыре года до этого сыном Семеке Есимом, также претендовавшим на титул хана.

К концу 60-х годов Абылай-султану удалось укрепить верховную власть на большей части Казахстана. Средний и Старший жузы полностью подчинялись ему, со многими правителями Младшего жуза он родственно был связан династийными браками, хан Батыр и султан Ералы были его союзниками и даже Нуралы-хан был вынужден с ним считаться. Уже в этот период Абылай начинает в официальной переписке именоваться ханом, хотя формально верховным правителем остается престарелый Абулмамбет. Только после его смерти в 1771 году Абылай был провозглашен общекзахским ханом. Это была последняя попытка сохранить единое независимое Казахское ханство.

В 1771 году создались условия для избрания Абылая общекзахским ханом. Осенью 1771 года после длительных консультаций представители всех трех жузов прибыли в столицу ханства – город Туркестан для выборов нового хана. При большом стечении народа по казахскому обычаю Абылай был поднят на белой кошке и провозглашен ханом трех жузов. Как говорил А. Левшин, он «приобрел оный (титул) победами над торгоутами и по смерти Абулмагамета, избранием не только от всех орд киргиз-казачьих, но и от туркестанцев и ташкентцев» (Левшин, 1996, с. 242). Таким образом, Абылаю удалось восстановить единство Казахского ханства (История Казахстана, 2010, с. 254).

Абылай стремился укрепить централизацию власти и проводить гибкую внешнюю политику.

Хан, учитывая мощь соседних империй, пытался в отношениях с Россией и Китаем проявлять максимальную гибкость. Не отказываясь от

признания российского протектората, стремился не допускать усиления влияния обоих государств в своих владениях.

После смерти хана Абылай ханом был провозглашен его сын Уали. На официальную церемонию провозглашения его ханом прибыло посольство Цинской империи и русское посольство в 1781 г. «Валисалтана посадили на белый войлок, подняли на оном и поздравляли ханом» – сообщили командующему войсками Сибирской линии генерал-майору Н.Г. Огареву (Цинская империя и казахские ханства, 1998, с. 106).

В начале 1782 г. Уали отправился в Петропавловскую крепость, присягнул на верность России и был признан Российской администрацией. Он также присягнул и Китаю. Как и Абылай он проводил гибкую политику, лавируя между двумя державами. Его власть не была такой же сильной как у Абылая и кроме него ханами в отдельных регионах были провозглашены и другие Чингизиды: Даир, сын султана Барака, Ханкожа, а также Болат и Есим. Уали в начале 90-х годов теряет контроль в Южном Казахстане, сохраняя ее только в Жетысу. Около 1817 г. в северо-западном Казахстане появились еще два ханства. Все это свидетельствовало об ослаблении Казахского ханства и его распаде и усилением Российского влияния с последующим включением в империю Северного и Восточного Казахстана.

Южный Казахстан

в конце XVIII – первой трети XIX в.

В конце XVIII – начале XIX века политическая обстановка на юге Казахстана отличалась от ситуации в остальных его частях. Южный Казахстан стал в начале XIX в. объектом экспансии среднеазиатских государств – Хивы, Бухары и Коканда. Этот период на юге Казахстана занимает промежуток времени примерно с конца XVIII в. по 1867 г., этот период непосредственно предшествовал включению региона в состав Российской империи.

Как известно, в домонгольский период на юге Казахстана существовала достаточно развитая городская культура, окруженная оазисами оседлого земледелия. Нашествие Чингисхана нанесло и населению степи и города значительный урон. Вторжения джунгар в первой половине XVIII в. также отрицательно сказались на развитии оседло-земледельческой и городской культуры. К концу XVIII в. юг Казахстана представлял собою регион с преобладанием кочевого хозяйства населявших его различных племен и родов, преимущественно Старшего и Среднего жузов. Но городская и оседло-земледельческая жизнь продолжала существовать и развиваться.

Многие города и селения Южного Казахстана управлялись казахами.

В 1791 г. Ташкентский владетель Йунус-ходжа захватил Туркестан, пользовавшийся до этого покровительством Бухары (Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., 1851, с. 29).

Усиление власти и амбиций Йунус-ходжи неизбежно привело к столкновению Ташкента с Кокандом.

После смерти Йунус-ходжи (1804 или 1805 г.) власть в Ташкенте перешла к его старшему сыну Мухаммад-ходже, а затем к среднему сыну – Султан-ходже. Постоянная борьба между различными партиями ослабляла Ташкентское владение. Это привело к тому, что казахские султаны на короткое время вновь обрели власть над Туркестаном: между 1806 и 1809 годами там правили Ибрахим-султан и Касым-султан.

Но вскоре Ташкент захватили Кокандцы. Покорение ими Ташкента стало и началом завоевания Кокандом Южного Казахстана и Жетысу. Обстановка благоприятствовала замыслам правителя Коканда Алимбека. Единства среди казахских владетелей не было. Правители города Туркестан ориентировались на помощь Бухары, в то время как сайрамцы были союзниками Коканда.

Завоевание юга Казахстана и Жетысу, овладение городами обеспечивало Коканду стратегический контроль над караванными путями, связывающими Среднюю Азию с Россией и Китаем.

Через год после покорения Ташкента, в феврале 1810 года, Алимбек снарядил караван из 300-400 верблюдов с товарами для торговли с Россией и отправил его в Ташкент. В это же время он получил от Ташкентского наместника Сайид Али-бека известие об отказе казахов платить налоги: зякет (со скота) и харадж (с посевов) и просьбу прислать войска для умирения непокорных. Тогда хан, несмотря на зимнюю стужу, направил 12-тысячное «новое» войско вслед за караваном для покорения Сайрама, Чимкента и Туркестана (История Казахстана, 2010, с. 283).

В ходе этого похода командовавший кокандцами Зухур-диванбег и захватил Сайрам, построил крепость в селении Чимкент и оставил там 200 пеших и 400 конных стрелков с ружьями при двух пушках. Затем он прибыл в Аулие-Ату, заложил крепость и оставил там 1000 воинов (время постройки крепости в городе Аулие-Ата относится к 1826-1827 гг. См.: Каллаур, 1903, с. 11-18; Плоских, 1977, с. 138; Григорьев, Мейлих, 2004, с. 40-41).

В 1813-1814 гг. кокандцы овладели Карнаком, пунктом на подступах к городу Туркестану.

По поводу датировки взятия Туркестана кокандцами сведения разноречивы. Согласно Филиппу Назарову, посетившему Коканд в 1813-1814 гг., это произошло в 1814 г., по утверждению барона Е.К. Миддендорфа – в 1815 г. (Назаров, 1975, с. 69).

Период кокандского господства в Южном Казахстане можно условно разделить на два этапа. Первый охватывает время от начала завоевания (1810), до начала 1840-х гг.

Первый этап характеризуется максимальным распространением территориальных захватов Коканда в Казахстане, установлением административного контроля над завоеванными землями. По инициативе кокандцев в присырдарьинских районах были построены крепости в Ак-Мечети, Чулаке, Сузаке. По данным историка Ю.А. Соколова, хронология строительства кокандских крепостей в Казахстане и Кыргызстане выглядит следующим образом: «1813 г., бывшая Бухарская крепость Жанги, на левом берегу Сыр-Дарьи, близ начала р. Куван-Дарьи; в 1815 г. перенесена на правый берег Сыр-Дарьи, и, видимо, в это время получила название Ак-Мечеть; в 1814 г. – отстроен Чулак-Курган, на северных склонах Каратау; в 1815-1820 гг. – Кумыс-Курган, Яны-Курган, Джулек на правобережье Сыр-Дарьи, а в нижнем течении р. Сары-Су – Яман-Курган; в 1826-1827 гг. – Аулие-Ата, Мерки в Таласской и Чуйской долинах. К этому перечню можно добавить, что Кумыс-Курган был крайним западным форпостом, находившимся от Ак-Мечети в 160 верстах, а также крепость Джан-Курган. Кроме того, на берегу Чу, немного выше впадения в нее р. Карагаты, располагалась крепость Ит-кечук (Ит-кечу)».

Таким образом, кокандская власть распространилась в Казахстане далеко на северо-запад, войдя в соприкосновение с хивинскими постами, и на восток до Жетысу (История Казахстана, 2010, с. 283-291; Григорьев, Мейлих, 2004, с. 39-41).

Интерес к Южному Казахстану проявляли не только правители Коканда, но и соперничавшие с ними владетели Бухары и Хивы.

Некоторые данные проливают свет на специфику экспансии Бухары в казахских степях. В бухарской хронике «Тарих-и Амир Хайдар» есть намек на то, что казахские султаны – владетели Туркестана в начале XIX в. Ибрахим-султан и Касым-султан – были в свое время мюридами бухарского эмира Шах Мурада (правил в 1785-1800 гг.).

Хивинское ханство, занимая Хорезмский оазис и прилегающие районы, издавна поддерживало тесные связи с казахами. Поскольку традиционно Хорезм был частью Джучиева улуса, то в XVIII в. на хивинском троне сменился целый ряд казахских ханов из Младшего жуза, пока в конце XVIII в. к власти не пришла верхушка узбекского племени Кунград, глава которых Элтузер (1804-1806), принял ханский титул.

Зимой 1811-1812 гг. Хивинский хан Мухаммад Рахим (1776-1825, правил в 1806-1825 гг.) направил посольство к казахам с требованием о покорности, выдаче всех пленных, подданных Хивы, и прекращении грабежей караванов из Хорезма, Мавераннахра и России. Хивинский хан был недоволен также тем, что после переселения им каракалпаков из Йангидарьи этот район заняли казахи, хотя Хивинский хан считал его своим владением. Казахи дали уклончивый ответ.

Тогда Хивинские войска, пройдя через местность Какма-саксаул и степь Актабан-такыр, перешли по льду Жанадарью и, пройдя мимо Хасан-кала, напали на казахские кочевья. Хивинцам досталась огромная добыча.

В феврале 1815 г. хан Хивы послал в набег на казахов племени шекты 5 тыс. воинов во главе с Суйун-бием, манкытом Досым-бием и Илийас-шигавулом. И опять хивинцы с большой добычей вернулись в свою столицу.

После этих разбойничьих рейдов часть казахских султанов признала верховенство хивинского правителя.

Для закрепления своего присутствия хивинцами было построено или восстановлено несколько крепостей в низовьях Сырдарьи. Наиболее известна из них Джанкала, отстроенная на развалинах старого города у истоков одного из рукавов дельты Сырдарьи в 1840-х гг. Эта крепость была известна и как Ходжа-Нийаз, по имени ее последнего хивинского коменданта, а еще позднее – как укрепление Раим, по имени одного караванбаши, торговавшего с Россией (История Казахстана, 2010, с. 288-290).

Образование Сырдарьинской военной линии России

Летом 1833 г. военным губернатором Оренбургского края был назначен В.А. Перовский. Ему предстояло выполнить: во-первых, подчинить не признающих русскую власть казахов; во-вторых, ускорить приближение русских войск к границам среднеазиатских ханств. Для этой цели ему предписывалось построить новую военную линию в низовьях Сырдарьи (История Казахстана, 2010, с. 362).

В 1847 г. русские войска захватили устье Сырдарьи, где в том же году построили Раимское укрепление, а в 1848 г. – форт Казалы.

Новые форпосты позволили русским гарнизонам постепенно продвинуться вверх по Сырдарье и приблизиться к кокандскому укреплению Ак-Мечеть. После 20-дневной осады 28 июня 1853 г. Ак-Мечеть была занята русскими войсками и в низовьях Сырдарьи образовалась Сырдарьинская линия, куда вошли районы от Раима до Ак-Мечети (Бекмаханов, 1957, с. 121-164).

Россия укрепила, таким образом, свое присутствие на реке Сырдарье и соприкоснулась с восточными окраинами Хивы.

В феврале 1873 г. под общим командованием генерала К.П. Кауфмана русские войска начали наступление на Хиву.

В мае 1873 г. русские войска овладели столицей хивинских ханов.

Военная политика России в Южном Казахстане

После поражения в Крымской войне Россия сконцентрировала свои интересы на Средней Азии и Казахстане. Началась планомерная подготовка к завоеваниям и была создана Сырдарьинская военная линия.

Экспансионистские цели России по завоеванию Южного Казахстана осуществлялись в основном двумя путями: во-первых, организацией ряда военно-разведывательных экспедиций в казахские степи; во-вторых, сооружением идущей через степь «линии укреплений, занимавших стратегически выгодное положение» (Прошлое Казахстана в источниках и материалах, 1936, с. 126).

Успешному продвижению российских войск на юг способствовали восстания местных казахов против Кокандской оккупации в 1857-1858 гг. в районах Чимкента и Аулие-Аты. Жестокое подавление этих восстаний способствовало переходу значительной части казахов на сторону России.

В 1860 г. начались активные военные действия русских войск против кокандцев: 26 августа пал Токмак, 4 сентября – Пишпек, а 24 октября вблизи Узун-Агача произошло сражение, в котором отряд начальника Алатауского округа подполковника Колпаковского нанес крупное поражение значительным силам кокандцев (Терентьев, 1906, т. I, с. 252-259).

В мае 1864 г. подготовка к продвижению русских войск в Южном Казахстане была в основном завершена и полковник Н.А. Веревкин повел вверенные ему войска через развалины средневекового города Сауран, город Карнак к Туркестану. Почти одновременно из Верного выступил отряд полковника М.Г. Черняева. Генерал Черняев занял без боя укрепление Мерки и двинулся в направлении к крепости Аулие-Ата. Два дня спустя после двухчасовой перестрелки город был взят (Военные действия Зачуйского экспедиционного отряда, 1865, с. 334-351).

Примерно в те же дни (9 июня) отряд полковника Н.А. Веревкина приблизился к Туркестану, но на расстоянии восьми верст от города подвергся нападению кокандских войск. Началась осада крепости.

На третий день осады отряд захватил Туркестан.

В сложившейся обстановке полковник М.Г. Черняев в начале июля 1864 года начал наступление на Чимкент.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к осени 1864 г. в Южном Казахстане и ряде регионов Средней Азии, соответствовала планам М.Г. Черняева. Большинство казахов к этому времени в той или иной мере склонялись на сторону русских властей и оказывали им посильную помощь в борьбе с кокандцами.

В ночь на 20 сентября начался артиллерийский обстрел и штурм Чимкента, вскоре город был захвачен.

Взятием Туркестана и Чимкента были сомкнуты Оренбургская и Сибирская линии. Этим событием по существу завершился длительный процесс присоединения Казахстана к России.

В июне 1865 г. русские войска овладели Ташкентом (Халфин, 1965, с. 195).

Летом 1866 г. после непродолжительных дебатов в Петербурге о будущем правовом статусе Ташкента, Александр II издал указ о включении его в состав России. Через год, в июле 1867 г., было опубликовано закон об образовании Туркестанского генерал-губернаторства с центром в г. Ташкенте, куда вошли вновь учрежденные Семиреченская и Сырдарьинская области.

Началась новая эпоха развития Казахстана в составе Российской империи.

ГЛАВА II

ГОРОДА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩ

Широкомасштабные археологические поиски и раскопки позднесредневековых городищ Южного Казахстана, определение их хронологии в контексте анализа письменных источников и нумизматических материалов, картография позволяют отождествить городища с конкретными населенными пунктами XV – первой половины XIX вв. с городами и селениями. И на основе локализации городов и поселений составить историко-географическую карту населенных пунктов Казахского ханства.

Эта проблема интегрирована в историческую географию и связана с вопросами географии населения и политической географии: формированием населения, размещением и передвижением, путями сообщений, выявлением границ определенных территорий и районов, локализация городов и селений, крепостей, оборонительных сооружений, мест сражений (Муравьев, Самарина, 1973, с. 3-6).

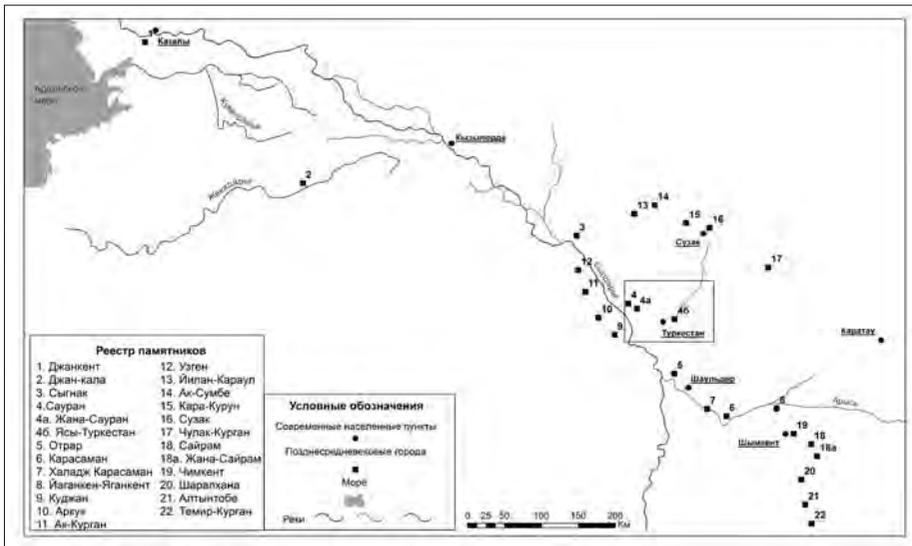

Рис. 5. Карта городов XVI-XVIII вв., первой половины XIX в.

Историческая география получила широкое распространение в исторических и археологических исследованиях в Средней Азии и Казахстане (Лерх, 1870; Бартольд, 1963в, с. 114-237; 1966, с. 21-91; Массон, 1953; Бернштам, 1950, с. 7-10; Агеева, Пацевич, 1958, с. 3-215; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973). Значимость же исторической географии очевидна, особенно в вопросах, заявленных в названии главы.

Первые работы такого направления, связанные с локализацией позднесредневековых городов Казахстана, появились в последней трети XX в. и были основаны на имеющихся тогда археологических материалах (Байпаков, 1977а, с. 201-209). С тех пор источниковедческая база исследований этого направления увеличилась, что дает возможность вернуться к этой важной проблеме (Байпаков, 1990).

Одним из ключевых вопросов в изучении урбанизации является вопрос о количестве городов и их локализации – месторасположении на конкретной территории, в данном случае на территории Казахстана: долины Сырдарьи и Приаралья; долины Чу-Таласского междуречья; предгорий Таласского и Киргизского Алатау; Илийской долины и предгорий Заилийского и Джунгарского Алатау; Центрального Тянь-Шаня; северных и южных склонов Каратау; долины р. Жайык (Урал).

Это направление исследований связано, как выше отмечалось, с исторической географией, составлением карт позднесредневековых городов и поселений Казахстана.

Оно крайне актуально и для получения динамики развития урбанизации Казахстана, истоки которой находятся в эпохе бронзы, а развитие прослежено на протяжении раннего железного века, раннего и развитого средневековья (Байпаков, 2012б; 2013).

Решение этих вопросов имеет важное значение для понимания истории Казахстана.

Город Ясы-Туркестан, города и поселения его округа

Во второй половине XV – первой половине XIX вв. город Ясы был центром тимуридских, а затем шайбанидских наместников. Город Ясы стал называться Туркестаном к концу XVI в. Непродолжительное время, в 1579 г., Ясы-Туркестан принадлежал хану Хакк-Назару. Он был отдан ему вместе с городом Саураном шайбанидом Бабасултаном за помощь в борьбе против Абдаллах-хана. Затем в нем, как и во всем Туркестане, на некоторое время утвердился Абдаллах-хан, поставивший во главе Сырдарьинских городов своих наместников. Окончательно же город перешел к казахам в 1598 г. вместе с Ташкентом. Казахский хан Ишим заключил в этом же году договор с бухарским правителем: «...По доброму совету шейхов накшбенди между ним (Баки-Мухаммадом) и правителем казахского народа, который был в Ташкенте, был заключен мир на том условии, что самаркандское войско не будет посягать на Ташкент» (Пищулина, 1969, с. 19). Ишим-хан сделал город Туркестан

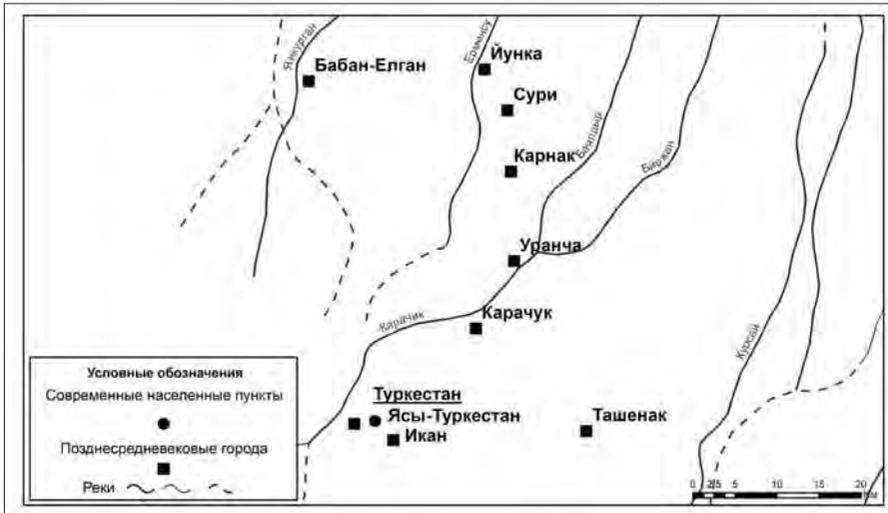
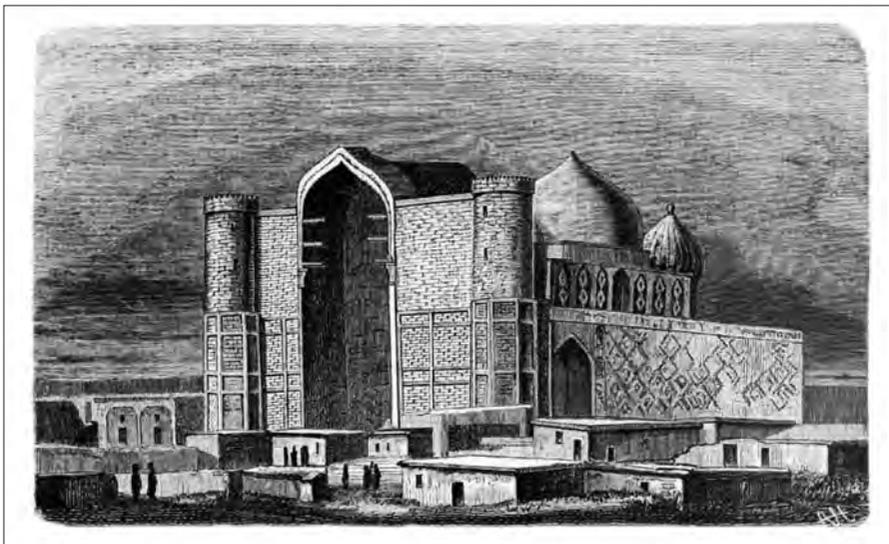

Рис. 6. Города Туркестанского оазиса

своей резиденцией. Политическим центром владений казахских ханов г. Туркестан оставался в XVII – конце XVIII вв., в первой половине XIX в. до 1866 г. город принадлежал Кокандскому ханству.

Строительство Тимуром в городе Ясы мемориально-культурного комплекса над могилой Ходжи Ахмеда Ясави превратило город в религиозный центр Центральной Азии и сыграло важную роль в его развитии. Около памятника образовалось поселение потомков и последователей святого. В Ясы стекались паломники. Много среди них было зажиточных мусульман, которые приезжали не только поклониться святому, но и осесть здесь. В город переселилась казахская элита и рядовое казахское население.

Приток населения сказалось на росте города, что привело в свою очередь к изменению его планировочной структуры. Наряду со строительством комплекса мечети-мавзолея укреплялся сам город. Уже при Тимуре Ясы приобрел военное стратегическое значение как форпост, призванный противостоять набегам кочевников на северные границы государства. Но расцвет города зависел не только от его стратегического положения. Он находился на караванной дороге, соединявшей Мавераннахр с Дешт-и Кыпчаком. Караванный путь активно функционировал и Ясы-Туркестан стал пунктом местной, межобластной и международной торговли земледельческих районов Средней Азии и кочевых районов Центрального Казахстана. Город особенно оживал в базарные дни, когда из степей пригоняли скот, а из Средней Азии приходили караваны с продуктами сельского хозяйства, изделиями ремесла, с предметами роскоши. Предметами транзитной торговли, как и раньше, были: шелк, ткани, оружие, кони, высокохудожественные изделия из кости, керамики, металла, ювелирные украшения, хлеб, ткани, сухофрукты, изюм, сладости.

*Рис. 7. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави.
Рис. на дереве А.Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем
(по наброску Д.В. Вележева. 1866 г.)*

В условиях нестабильности город укрепляется, становится крепостью.

В источниках, описывающих события конца XV – XVI в., говорится о «крепости Ясы» (МИКХ, с. 118-120). В «Шайбани-наме» (МИКХ, с. 95) сообщается: «Султан Махмуд-хан... отправил в вилайет Туркестана, прежде всего в Йассы, могульское войско... Они пришли (и) Бурундук-хан посоветовался с эмирами и могулами: „Крепость Йассы укреплена и хазрат наместник всемилостивого (Мухаммед Шайбани-хан) тоже находится там... Целесообразно было бы пойти нам с начала и взять крепость Отрар, а после этого вернуться к крепости Йассы“» (МИКХ, с. 120).

Надо полагать, что в это время Ясы, как и другие города на Сырдарье (Пищулина, 1969, с.16-18), превратился в сильную крепость, способную выдерживать длительные осады благодаря мощной фортификации, запасам продовольствия и воды. Город включал в себя шахристан и рабад, обнесенные стенами с башнями. Они составляли основное городское ядро-хисар (История Казахской ССР, 1979, с. 204). В хисаре выделялась укрепленная цитадель (кала).

В последние три десятилетия XV в. за сырдарьинские города боролись тимуриды, шайбаниды, казахские и могульские ханы (Пищулина, 1977, с. 152). Долина р. Сырдарьи и Дешт-и Кыпчака были основными районами их соперничества. В этот период г. Ясы часто подвергался осадам и принадлежал то одним, то другим правителям (МИКХ, с. 31, 73, 117).

В конце 60-х годов XIV в. в Ясах еще находился тимуридский наместник – Мухаммад Мазид-тархан (Пищулина, 1969, с. 33). Но уже в начале следующего десятилетия город несколько раз переходил в руки то узбекских, то казахских ханов.

В первой половине 80-х годов им овладел Мухаммад Шайбани, но казахское войско осадило Ясы (МИКХ, с. 73). В борьбе с казахами Шайбани потерпел поражение и был вынужден уйти в Хорезм (Ахмедов, 1965, с. 146). Однако, в начале 90-х гг. Мухаммад Шайбани, при поддержке могульского хана Султан Махмуда, овладел Отраром, а затем захватил Сауран и Ясы (МИКХ, с. 29-30, 117-118).

В XVI в. войны за присырдарьинские города вспыхнули с новой силой.

В последние годы своей жизни Мухаммад Шайбани совершил несколько походов на казахов. Крупный поход состоялся в январе 1509 г. Оставив основной лагерь в Ясы, Шайбани двинулся на Сыгнак и разграбил казахские зимовья. Огромная добыча была переправлена в Мавераннахр (История Казахской ССР, 1979, с. 132, 252).

Но уже в следующем году во время похода на Улугтау войска Мухаммада Шайбани были разгромлены казахами (МИКХ, с. 133-134, 217-218). В 1512 г. казахский хан Касым (1511-1525) занял г. Сайрам и опустошил окрестности Ташкента (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 365). Большинство городов Сырдарьи стали владениями Касым-хана.

Несмотря на периодически повторяющиеся войны, XV – первая половина XVI вв. были периодом подъема сырдарьинских городов: Ясы, Отрар, Сауран, Сыгнак, Аркук, Сайрам стали крупными городскими центрами, игравшими значительную роль в политической, экономической и культурной жизни оседлого и кочевого населения Казахстана. Об этом свидетельствуют источники XV-XVI вв. (Ибрагимов, 1960, с. 156).

Следует отметить, что во второй четверти XVI в. в Казахском ханстве разгорелись междоусобицы.

Летом 1581 г. шайбаниду Абдаллах-хану удалось изгнать Баба-султана из Ташкента. Однако тот захватил города Ясы, Сауран, Аркук, Сайрам, Сузак (МИКХ, с. 256, 296, 283, 308-309).

В 1582 году Абдаллах-хан II вместе с казахскими ханами Шигаем и Тевеккелем выступил в поход против Баба-султана. Были осаждены занятые им города. В битве около г. Ясы Тевеккель разбил войска Баба-султана, убил его самого, после чего сырдарьинские города Сауран, Туркестан (Ясы), Отрар, Сайрам отошли к Абдаллах-хану (МИКХ, с. 283, 310-311).

Он с перерывами владел г. Туркестаном до 1596 г. По его приказу было окончено строительство порталльной части мечети-мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, оставшейся незавершенной после смерти Тимура. Кроме того, произведен частичный ремонт памятника (укреплено основание, реконструирована ниша у северного минарета, переделаны перекрытия и т. д.) (Семенов, 1926, с. 121-130; Массон, 1930, с. 8, 14). Абдаллах-хан построил много зданий, в том числе баню-хаммам, отапливаемую дымоходом, которая сохранилась до сих пор (Проскурин, Туякбаева, 1975, с. 133-138).

В 1596 г. Абдаллах-хан вернул себе Ташкент, но после его смерти Тевеккель за короткое время завоевал Ташкент, Фергану, Самарканд. Ташкент почти двести лет (1598-1798 гг.) оставался во власти казахов (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 407). В это же время Тевеккелем был завоеван и г. Ясы-Туркестан и город окончательно перешел к казахским правителям.

Именно в этот период происходит подъем города Ясы – он начинает называться Туркестаном (МИКХ, с. 280; Пишулина, 1969, с. 19, сн. 102).

Однако длительные войны шайбанидов и казахских ханов в целом отрицательно сказались на экономике и состоянии городской жизни края. Частый переход присырдарьинских городов из рук в руки, отсутствие твердой власти, грабежи, продовольственные реквизиции у населения подтачивали основу стабильного развития городов как центров ремесленного производства и торговли, их земледельческой округи (История Казахской ССР, 1979, с. 279).

Хан Есим (1598-1628) сделал Туркестан столицей Казахского ханства и в знак самостоятельности своего правления стал чеканить здесь монету, собирал с населения пошину и поземельный налог (Бурнашева, 1969, с. 58-68). С этого времени и до XIX в. г. Туркестан является одним из центров и официальным местом пребывания казахских ханов то Старшего, то Среднего жузов.

Из г. Туркестана казахские ханы совершали походы на Андижан, Самарканд, боролись за Ташкент (История Казахской ССР, 1979, с. 282-284).

При хане Тауке (1652-1718) ханская власть в присырдарьинском регионе была прочной (История Казахской ССР, 1979, с. 286).

В XVII в. усилились контакты между Россией и Казахским ханством. В Туркестан, как столицу, приезжали русские посольства к казахскому хану, останавливались дипломатические или торговые миссии, направлявшиеся в Среднюю Азию. Отсюда же казахские ханы отправляли в Россию посланников с важными дипломатическими поручениями. Хан Тауке только в 1686-1693 гг. отправил к русскому царю пять посольств (История Казахской ССР, 1979, с. 296-297). В 1694 г. в г. Туркестан прибыло посольство из русского государства во главе с Ф. Скибиным и М. Трошиным (История Казахской ССР, 1957, с. 228). По некоторым данным в XVII в. через казахские степи прошло 44 посольства из Бухары и Хивы в Россию и 9 русских посольств в среднеазиатские ханства (Маслова, 1955, с. 5).

Подробное перечисление сырдарьинских городов с указанием расстояния между ними содержится в описании «городков Казачьей Орды по пути от Тобольска до Тургистану», составленном в 1696-1697 гг. Ф. Скибиным и М. Трошиным, которые возвратились от хана Тауке (МИУТТ, 1932, с. 262-263).

Они сообщают: «Первый город по Савранской дороге с правую сторону Савран. Позади того города Саврана вниз по Сыр-Дарье реке в каракалпацкую сторону городок Сырнак, а промеж Савраном и Сырнаком ходу день. От Саврана с правую сторону под западом за Сырдарьею рекою городок Оккорган, а от Саврана до этого городка ходу больше полудня. С левою сторону от Саврану городок Сусак, а ходу от него до Саврана два дня, стоит в камению. В полуденной стороне от Саврана город Тургистан, в котором владелец Тевки хан, а промеж Саврану и Туркестану ходу день. От Саврану городу, идучен к Тургистану на полудороге стоит город пуст, а по ведомости разорил де Кчук салтан хан. Да по той же дороге с левою сторону город Карачюк, до Тургистану не дошед на 5 верст, да с левою же сторону под камением город Карнак, а от Тургистану в русскую сторону за 10 и больше. Да против Тургистану под восток с левую сторону под камением город Уралхай, до него от Тургистану верст с 10. Да от Тургистану же промеж востоком и полуднем в 5 верстах город Ташенак. Да от Тургистану же в полдень город Гихан, а ходу от него до Тургистану верст с 20, а ныне многие городки близ Тургистану, а имян их не ведаем.

Да в полуденную сторону от Тургестану город Отров, а ходу до него день. Да от Тургистану же промеж полуднем и западом город Сайран, а ходу от него до Тургистану 2 дни. А всех городков в Казачьей орде – 32» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 378-379).

В источниках конца XVII в. сохранились описания города Туркестана той поры. Участник русского посольства Тауш Мергенъ сообщал: «... а город де Тургустан кладен необожженным кирпичем, а в иных местах жженный кирпич: в вышину тот город сажень в три, в толщину – аршина в два и сажень, а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы: да в том

*Рис. 8. Вид города Туркестана и мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави.
Фото М.К. Приорова. 1866 г.
Из «Туркестанского альбома». 1871 г.*

же городе башня да четвера ворот проезжие, да казахов живет в том городе ... человек с 1000 ... Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города пролегла степь» (История Казахской ССР, 1957, с. 172). Он также сообщал: «...а пушек нет, только де есть у тех людей, которые живут в городе, ружья пищали, копыя и луки, и пассыри, да и на базаре продаются рублев по 12 и по 13, а пищали против тобольской цены. Да в том же городе по их закону построена мечеть» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 405).

Это сообщение перекликается с наблюдениями Ф. Скибина и М. Трошина: «...А крепости де в Туркестане и в городах валены, валы земляные и по валу кладены стены кирпичные необожженные, а вышиной и с валом стена сажени в пол-третьи, а шириною местами в сажень, а иными местами и больше и меньше; а к верху аршина по полутора и по 2; а больше де у них в городах валены одни земляные валы без кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а ровов де копаных нет...» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 383).

Сохранился схематический аксонометрический план г. Туркестана (зарисовка начала XVIII в.) (Брентъес, 1985, с. 55; Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, 1940, с. 26; История Казахской ССР, 1957, с. 173). На нем видно, что город имеет крепостную стену, с внешней стороны которой местами вырыты рвы с водой. Шесть городских ворот укреплены въездными башнями с бойницами. Зигзагообразные улицы пересекают городскую территорию на несколько частей. Дома примыкают друг к другу, образуя плотные

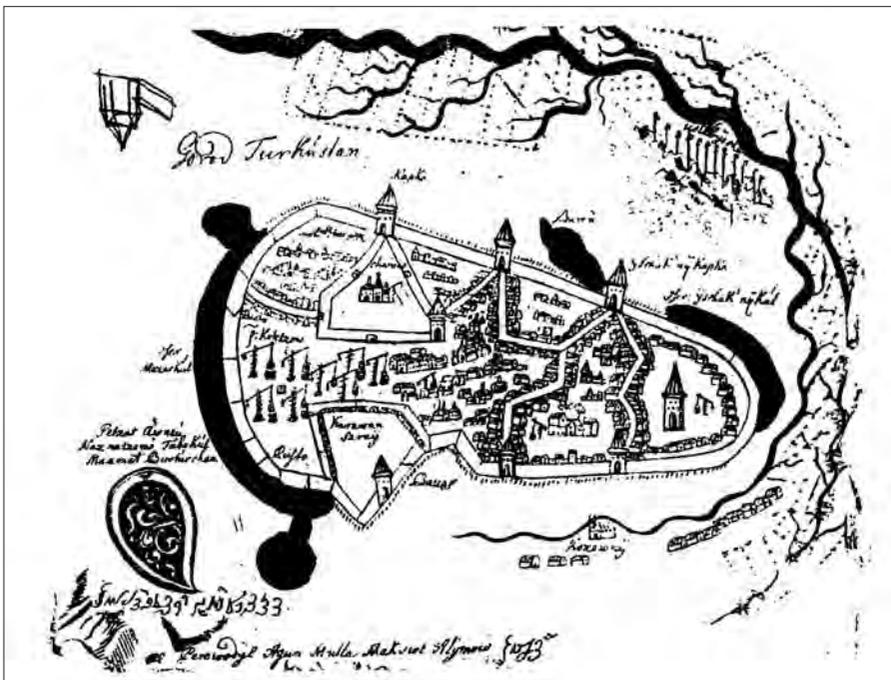

Рис. 9. План города Туркестана из архива Д.Г. Мессершмидта

жилые массивы вдоль улиц. На плане изображены колодцы, указаны места базара и караван-сарая. Городская территория имела вытянутую овальную планировку.

Дома возводились из сырцового кирпича с камышовыми плоскими крышами, обмазанными глиной. Городскую территорию разрезали улицы, площади, базары. Общественные постройки представлены мечетями, банями.

В конце XVIII в. Туркестан завоевал ташкентский правитель Юнус-Ходжа. После его смерти в 1810 г. город был присоединен к Бухарскому ханству. П.И. Рычков, описывая «Туркестанское владение», отмечал, что город «не так знатен как прежде» и дал такую характеристику Туркестану середины XVIII в.: «...Сей город... стоит на речке, называемой Карасу. Улицы в нем кривые и весьма тесные так, что поперек инде меньше одной сажени. Домов в нем по тамошнему обыкновению строенных, однако, гораздо хуже ташкентских с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, только имеется круг всего жилья стена глиняная и вокруг нее небольшой ров с водою. Мечети в ней три, из которых одна древней и хорошей работы имеет в себе многое число разных покоев; в ней погребен вышеупомянутый магометанский чудотворец. Во всем городе никаких базаров нет, а жители со всеми торгами отъезжают в Ташкент... Прежде сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет...» (Топография Оренбургской губернии, 1887, с. 18-20).

После джунгарских вторжений наблюдался упадок хозяйственной жизни в крае. В округе Туркестана, о чем пишет П.И. Рычков, уменьшилось количество населенных пунктов. Сократилась торговая деятельность города, особенно транзитная, имевшая первостепенное значение для развития города. Все это привело к тому, что к концу XVIII в. Туркестан значительно запустел. Это подтверждали донесения Т. Бурнашева и М. Поспелова, побывавших в 1800 г. в Туркестане и Туркестанском крае по приглашению ташкентского правителя Юнус-Ходжи: «Сей довольно известный в древности город столь опустошен, что не считают в нем более 300 домов, и обширность прежнего селения видна уже в одних только развалинах» (Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., 1851, с. 29).

В первой половине XIX в. Туркестан, как и другие города Южного Казахстана, Жетысу и Приаралья, захватило Кокандское ханство.

Подробности взятия Туркестана кокандцами описывает В. Наливкин: «Летом 1819 г. хан Омар решил идти к Туркестану, во-первых, с целью его завоевания (Туркестан в то время находился под властью Бухары), а во-вторых, для поклонения святыне, столь чтимой во всей Средней Азии».

...Хушвакт-Кушбеги, Хан-Ходжа, Мир-Асат, Туре-Хан и Ма-Шариф-Парванчи с их нукерами были направлены против Туркестана. Кокандский отряд спешил: на рассвете несколько человек охотников

без шума перелезли через крепостную стену, изрубили привратников и открыли ворота; город был занят почти без боя и немедленно же разграблен. Токей-туре (бухарский наместник) удалось бежать с семьей во время всеобщего переполоха через отверстие в городской стене... Тотчас же по занятии Туркестана к Омару были посланы гонцы... Омар вступил с остальными войсками в Туркестан...» (Наливкин, 1886, с. 111).

В литературе второй половины XIX в. сохранилось множество сведений о г. Туркестане периода кокандского владычества. Описания русских путешественников, исследователей, ученых и военных дают хорошее представление о том, что представлял из себя Туркестан в середине и начале второй половины XIX в. (Северцев, 1860, с. 273-297; Бекчурин, 1866, с. 209-217; Туркестанская область. Заметки Статского советника Бекчурина, 1872, с. 52-63; Верещагин, 1874; Пашино, 1868, с. 61-65; Хорошкин, 1860, с. 11-13 и др.).

Приведем некоторые из них. Попавший в плен к кокандцам путешественник Н.А. Северцев описал сам город, цитадель и включенный кокандцами в состав крепости комплекс мечети-мавзолея Ахмеда Ясави: «Проехали мы пояс лугов и полей... и пояс садов и увидели (г. Туркестан)... стена глиняная и город тоже квадратный, каждая сторона около версты; въехали... Улицы, разумеется, не ровны, не мощены, выбиты прохожими и проезжими верблюдами и лошадьми, узки и только на них и видно, что глиняные стены в рост верхового, одного цвета с землей.

...Окон нет нигде на улице; домики пренизкие, прислонены к какой-нибудь из четырех стен, окружающих квадратные дворики, где есть досчатые двери во двор, где и просто вместо двери, ограда прерывается аршина на полтора, но дома большей частью не видно: он не против этого отверстия, а сбоку или в углу. Просто, мертво; зелени не видно, ни на улицах, ни на дворах ни деревца, ни травки; киргизское кладбище со своими разнообразными могилами приветливее смотрит и более похоже на обитаемое место, чем эта путаница переулков, идущих между однообразными грязно-сероватого цвета оградами...

Базар состоял из таких же улиц, как и прочие, пошире немножко, и одна расширена даже вроде площади... Лавки – открытые спереди навесы, прислоненные к глиняным оградкам. Вообще туркестанские улицы коротки и отправляясь куда-нибудь в городе, всегда едешь зигзагом...

...Мы подъехали к городской цитадели, которая окружена особой стеной, такой же глиняной, как и город. Цитадель четырехсторонняя, а одна сторона прислонена к общегородской стене. В этой цитадели живет датка, его офицеры и гарнизон; там же – большая мечеть Азрет-Султан и еще другая, поменьше, но тоже старинная... Единственные ворота в цитадели пробиты в стене напротив той стороны, которая прислонена к общегородской стене. У стены, от ворот влево, если посмотреть снаружи, стоят шесть пушек; за ними снаружи стены, для главного караула. Кругом цитадели широкий и глубокий ров с водой, через него у ворот мост... Вершина стены на глазомер около 3-4 саженьей.

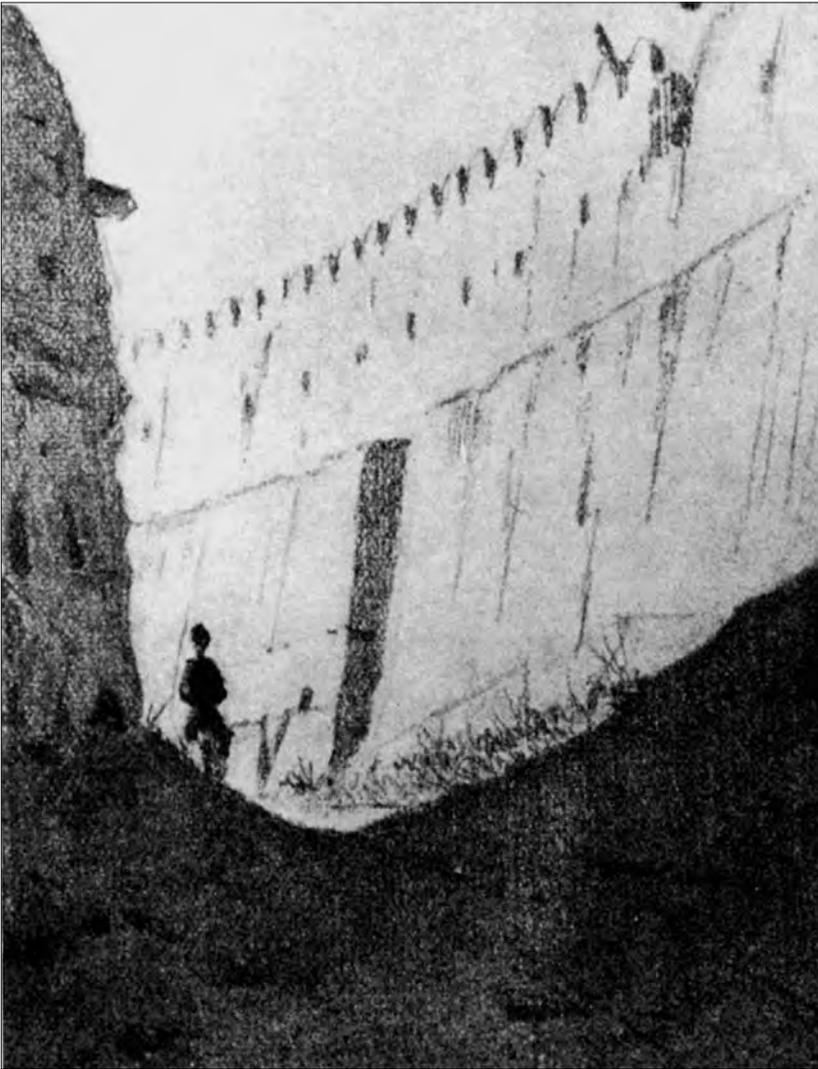

Рис. 10. Стена Туркестана. Рисунок В.В. Верещагина

Мы въехали в ворота... Тут представилась улица, опять так же глиняные ограды, как и в городе. У первых ворот налево мы сошли с лошадей и вошли во двор... потом несколько ступеней, еще ограда и второй двор, а там уже и жилище датки... Мой новый проводник повел меня под крепостные ворота, и мы вошли через низкую дверь в темную пустую комнату. Стены были глиняные, пол глиняный, вместо потолка камышовая плоская крыша, внутри обеленная тоже глиной, отчасти обвалившейся, на кривых стропилах; вместо окна – дырка в стене, в которую разве пятилетнему ребенку с трудом пролезть...» (Северцев, 1860, с. 214-215).

М.С. Бекчурин, побывавший в Туркестане в 1865-1866 гг., отмечал: «Мечеть... находится за городским валом в особом дворе, окруженном

высокой глиняной стеной, по углам которой устроены из жженого кирпича бастионы, вооруженные крепостными орудиями. Двор разделен на две половины: в первой ныне находится гауптвахта и квартира интендантского чиновника, переделанная из сакел, в которых до прихода русских помещался туркестанский хаким (комендант), а мечеть Азрета стоит в другой половине» (Бекчурин, 1872, с. 52).

Художник В.В. Верещагин писал в 1866 г.: «...Мы приближались к городу Туркестану, ему предшествует множество садов. Вскоре показалась мечеть Газрет... и мы увидели, наконец, зубцы огромной крепостной стены...

...Город, расположенный к юго-востоку от крепости, походит на все туземные города этой страны; в домах нет окон на улицу и частная жизнь скрыта от любопытных взоров. На земляных полах сидят и разговаривают сарты всех возрастов... По улицам расхаживают женщины, закутанные в какие-то темно-синие халаты, прикрывающие даже голову; лица их закрыты темной сеткой с частыми петлями, сделанной из конского волоса. На улицах бродят или сидят нищие, гнусавя на все тоны и лады. Дервиши, призывающие благословение неба на всех честных людей, дерзко выпрашивают милостыню... они ходят в остроконечной шляпе в разорванной одежде, с котомкой за спиной, держа в одной руке палку, а в другой – длинную чашу из тыквенной или кокосовой коры.

На туркестанском базаре продаются туземные товары и многие предметы, привезенные из России. Там есть много заведений, похожих на наши рестораны, где продают преимущественно чай и пирожные, каковы пельмени и самуссы, небольшие пирожки из пресного теста с мясом.

...Религиозные здания отличаются от частных домов только большим простором и чистотой, а иногда и небольшим куполом. При каждом из них есть двор с бассейном, окруженным деревьями, и галерея, где правоверные оставляют свою обувь... карнизы, колонны и потолок этой галереи украшены яркими рисунками...

*Рис. 11. Базар в Туркестане.
Рисунок на дереве А.Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем
(по наброску Д.В. Вележева, 1866 г.).
Из «Всемирной иллюстрации». 1870 г.*

Рис. 12. Городище Туркестан в окружении современных построек. Аэрофото

Улицы Туркестана узкие и темные: с одного края на другой протянуто полотно, отражающее солнечные лучи, и это распространяет очаровательную прохладу...» (Верещагин, 1874, с. 221).

Н.А. Таранов писал: «Туркестан... является центром киргизской жизни. Дома выведены из нежжёного кирпича – одноэтажные; но большинство слеplены из глины и довольно однообразной архитектуры. Улицы имеют оригинальный и вместе с тем непривлекательный вид..., т. е. конюшни, сараи и другие службы выходят на лицевую сторону улицы. Жилые же помещения находятся сзади этих построек и лицевой стороной обращены на задний двор.

Посреди города находится обширный базар, стены которого выстроены из кирпича, а вместо крыш служат жерди с навешенными на них тряпьем или рогожами, как защита от солнечных лучей и дождя. Город весьма богат садами, что значительно украшает его; особенно он красив издали...» (Таранов, 1885).

К. Абаза: «Туркестан... весь глиняный: стены, цитадель, прочие мечети, дома – все глиняные. Стены крепости так толсты, что на них могут разъехаться несколько всадников. Из главных ворот идет большая широкая улица к середине города, где находится торговая площадь. И площадь, и улицы унизаны множеством лавчонок, в которых продают предметы первой необходимости. Дома непрочны, неуклюжи... Каждый хозяин живет особняком: посередине дверь, а на улицу выходит узкая калитка, все же окна – во двор. Крыши на домах – плоские, присыпанные землей и глиной; тут же лежат собаки, живут которые, охраняется сено и другие запасы. Туркестан весь окружен садами» (Абаза, 1902, с. 78).

Эти и другие свидетельства рисуют довольно наглядную картину жизни г. Туркестана, похожую на жизнь других городов. Туркестан имел цитадель и был окружен крепостной стеной протяженностью более 3 км (Терентьев, 1906, с. 279). В середине XIX в. в нем насчитывалось 1200 домов. Город не имел четкой правильной планировки. Узкие, грязные внутриквартальные улочки пролегли в разных направлениях, соединяя кварталы (махалля) с магистральными улицами, базарной площадью и центральной частью города, где находился мавзолей Ахмеда Ясави. Внутри города зелени было мало. Орошаемые земли с полями, садами, лугами располагались вокруг Туркестана, за пределами крепостных стен (Добросмыслов, 1912, с. 126. В середине XVIII в. в городе было 1000 домов. См. Рычков, 1887, с. 20).

Город делился на пять частей. Четыре из них именовались по названиям ворот (Ишан-капка, Мусалля-капка (Баб-Араб), Иетгы-ата-капка, Дарваза-капка) (Массон, 1930, с. 9) и были населены горожанами. В пятой небольшой части – цитадели находился мавзолей Ахмеда Ясави, различные культовые сооружения, гарнизонные постройки и проживало до 30 семей ходжей и часть гарнизона.

По сравнению с началом XIX в. население города увеличилось за счет населения из Средней Азии и Коканда (по переписи 1867 г. население г. Туркестана составляло 5000 человек. См. Бартольд, 1965а, с. 520).

Туркестан населяли торговцы, ремесленники и земледельцы (Добросмыслов 1912, с. 126-127). Жители г. Туркестана, как и население других городов, широко занимались мелкой внутренней торговлей менового характера, а также ремеслом. Ремесленные заведения представляли собой мелкие мастерские по переработке сельскохозяйственного сырья. Довольно оживленной была внешняя торговля. На внешних рынках Коканд торговал с Западной Монголией, Восточным Туркестаном, Бухарой, Хивой, Россией.

При кокандцах сохранялось религиозное значение города, как одного из крупных мусульманских центров. Это отвечало интересам политики Коканда на завоеванных территориях, направленной на усиление позиций ислама среди подвластных казахов и киргизов. Все кокандские ханы подтверждали законность вакфных грамот шейхов мавзолея Ахмеда Ясави (Массон, 1930, с. 9).

После присоединения к России город стал быстро расти. Рядом с крепостью возникли новые улицы, их планировка, благоустройство отличались от «старого» города (Добросмыслов, 1912, с. 127). В истории города Туркестана начался новый период.

Город Ясы-Туркестан локализуется на месте городища Иски-Туркестан, расположенного в центре современного города, включающего в себя и комплекс мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. История его изучения начинается с 1867 г. и связана с научной поездкой в Туркестанский край востоковеда П.И. Лерха. Много сделали для изучения Туркестана, прежде всего в аспекте его истории, описания топографии В.В. Бартольд,

А.А. Диваев, Н.С. Лыкошин, А.И. Добросмыслов. Археологические и историко-архитектурные исследования, связанные с изучением мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, были начаты в 1928 г. М.Е. Массоном, затем проводились Б.Н. Засыпкиным, Т.Ш. Карумидзе, Л.Ю. Маньковской, Н.Б. Немцевой, Б.Т. Туякбаевой, А.Н. Проскуриным.

Археологические раскопки на городище Туркестана проводились Т.Н. Сениговой, Л.Б. Ерзаковичем, Е.А. Смагуловым, М.К. Туякбаевым. Продолжаются они и сейчас. Накопленные материалы позволяют проследить историю города на всем протяжении его существования (Ёлгин, 2013; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999; Туякбаев, 2009; Смагулов, Ержигитова, 2013, с. 82-100).

Рис. 13. Городище Ишкан. Аэрофото

Город Ясы-Туркестан был центром большого округа. Источники упоминают и характеризуют многочисленные городки и селения вокруг.

Селению *Карнак* соответствует позднесредневековое городище Ишкан в с. Карнак, в 25 км севернее Туркестана. Село сохранило имя древнего города, который получил известность как место, где отливался знаменитый той казан для мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (Массон, 1930, с. 16). Городище Ишкан датируется исследователями XIII-XIX вв. Ранее предложенные отождествления Карнака с городищем в с. Чарнак, а городища Ишкан в свою очередь с Шагильджаном (Агеева, Пацевич, 1958, с. 102-104), предложенные Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем, не выдерживают критики. Ишкан не дает материалов раньше XIII в., которые обязательны для домонгольского Шагильджана, упомянутого в X в., а Садык-Ата-тобе (Сейдак-Ата), бывшее село Чарнак, прекращает жизнь в X в. (Смагулов, 2005, с. 305-309).

Рис. 14. Городище Карачик II. Аэрофото

Карачук и Ыунка названы Хафизом Танышем в описании похода Абдаллах-хана (МИКХ, с. 269). Карачук, кроме того, известен и в русских источниках XVII в. Он помещен в 5 верстах не доезжая Туркестана, на караванной дороге из Сибири в Туркестан (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 378).

В «Сказке» Ташкентского сарта Нурмухаммеда Алимова о казахских ханах, городах Ташкенте, Туркестане и прочих достопримечательностях этих мест, датированной от 15 марта 1735 г., «в числе городов во владении Туркестана назван город Карачук» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 29). Название Карачук сохранилось в имени речки Карачик. На берегах ее найдено и обследовано несколько городищ.

Поздний материал встречен на городище Тортколь-тобе II, которое расположено на левом берегу р. Карачик, в 8 км от Туркестана. Оно состоит из двух частей, разделенных промоиной шириной 20 м. Западная часть представляет прямоугольный плоский бугор высотой 4-5 м, окруженный со всех сторон оплывшей стеной высотой 5,5 м. На ней через каждые 25-30 м устроены башни, от которых сохранились всхолмления высотой 0,5 м над общим уровнем вала.

Северная стена городища равна 120 м, северо-западная – 60 м, западная – 130 м, южная – 100 м и восточная – 120 м. Главный въезд в эту часть городища находился с северо-запада. Это впадина в стене шириной 5 м. От въезда, под углом к западной и южной стенам, идут две улицы, вдоль которых группировались жилые постройки. От них сохранились плоские прямоугольные, квадратные и округлые в плане бугры. В 10 м юго-западнее расположен подтреугольный бугор со

сторонам 60 м и высотой 2 м. Он покрыт кусками шлака, бракованной посудой, зольниками. Думается, что здесь ближе к реке располагались керамические мастерские. Восточная часть городища в значительной степени размыта р. Карачик. Полностью сохранились западная, южная и восточная стены. Размеры их равны соответственно 130, 125 и 200 м. По периметру городище укреплено валом. Особенно укрепленным был вал с восточной припольной стороны. Башни на нем устроены через каждые 10 м. Мощность культурного слоя, судя по срезу обрыва в северной части городища, составляет 4,5-5 м (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 175-176).

В керамике преобладают типы посуды, характерные для XV-XIX вв. Таким образом, отождествление Тортколь-тобе II и позднесредневекового Карачука не вызывает особых сомнений.

Городище, которое должно соответствовать селению Йунка, согласно сообщению Хафиза Таиыша, следует искать неподалеку от Карачука.

Рядом с городищем Тортколь-тобе II, в 7-8 км северо-восточнее, находится городище Жойнек-тобе. Как явствует из названия городища, оно в несколько искаженном виде сохранило имя позднесредневекового города Жойнек. Часть городища подмыта р. Ирменсай и обвалилась. В разрезе берега определяется толщина культурного слоя, которая достигает 10-12 м. Оставшаяся часть памятника представляет собой овальный бугор, наибольшая высота которого равна 10 м. Здесь находится круглая в плане площадка диаметром 15 м. Вся поверхность городища занята буграми, плоскими сверху и округлыми в плане.

Рис. 15. Городище Жойнек. Аэрофото

Вход прослеживается в середине южной стороны и представляет собой ложбину шириной 10 м. Размеры сторон бугра: юго-восточная 70 м, восточная – 150 м. За пределами главного бугра городища видны следы застройки. Они тянутся вдоль реки на 200 м.

Керамика, собранная на поверхности городища, извлеченная из осыпей, из культурных наслоений, охватывает время с V-VIII по XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 176-177).

О Сури известно по сведениям Хафиза Таныша. Здесь, сообщает он, расположились войска Абдаллах-хана, которые до этого находились в Халадж-Карасмане. Они «пришли в Сури – подвластную Туркестану землю и расположились здесь лагерем» (МИКХ, с. 283). Согласно переводу К.А. Пищулиной, Сури было селением (Пищулина, 1969, с. 20).

Восточнее Туркестана находится городище *Сор-тобе*, которое, видимо, и следует отождествить с позднесредневековым Сури, тем более что городище дает материалы с VII по XVIII вв.

Икан. У Хафиза Таныша в описании похода Абдаллах хана в 1582 г. в Дешт-и Кыпчак Икан назван как «местность вблизи Яссы-Туркестана» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 282).

Однако Икан (Ихкан) как город и место рождения ряда шейхов был широко известен в сочинениях арабских источников начала XIII – XIV вв. Об этом свидетельствует их нисба, при этом вторая нисба связывает их происхождение и с Фарабом (История Казахстана в арабских источниках, 2006, с. 86, 135, 150, 160).

В XVIII в. в 1735 г. об Икане сообщал Нурмухаммед Алимов, как о городе (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007,

Рис. 16. Городище Икан. Аэрофото

с. 29). Как о небольшой деревне «Икант, находящейся от Туркестана верст 20» пишет в 1738 г. Карл Миллер (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 161-162, 166-168). В материалах о поездке казачьего атамана поручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безносикова с Иртышской линии в Ташкентские владения в 1796 г. Икан назван «местечком».

Сказано так же, что Икан был построен Букей-султаном из Средней Орды. Иканом правил Барак хан, сын хана Турсуна, который в свою очередь овладел Иканом в 1717 г. Он умер недалеко от Икана в городе Карнаке (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 388-389).

Как сообщают русские источники, Букей-султан собрал сюда из Ташкента 200 семей и поселил их в Икане и Туркестане. Сам он всегда проживал в этом городке. Жители Икана питаются пахотой, скотоводства у них нет, довольно обильно у них родится хлопчатая бумага, из которой они одеваются, а излишнее продают. «В Икане и Туркестане, по словам русских источников, родится обильно пшеница, ячмень, просо, а из плодов – дыни и арбузы» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 161-162, 166-167).

Бабан-Елган. В фонде Сибирского приказа сохранился документ, датированный мартом 1691 г. Это запись переговоров Иркутского воеводы Л.К. Кислянского и посланцев Галдана Башокты-хана, где на вопросы воеводы о Казачьей Орде посланцы отвечают: «В Казачьей Орде владел Тауке-хан, а жили они городками, а городки у них в середине дерево, а промеж кладки кирпича, а дворы делали как городки из кирпича, а городков де у них одиннадцать. Тауке-хан живет, а тот де

Рис. 17. Городище Бабай-Курган. Аэрофото

город славит Ясу, а величиною де тот город средний, а посади де кругом городков великие».

Посланцы говорили: «Кроме де Ясу другой город Сайрам... седьмой Бабан-Елган» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 396). Это название, видимо, искаженное от Бабай-Курган. Городище, известное как Бабай-Курган, сохранилось до сих пор. Оно расположено на окраине современного села, сохранившего древнее название.

В его планиграфии выделяется цитадель и шахристан общей площадью 7,8 га. Датируется сооружение XV-XVI вв. (Туякбаев, 2009, с. 123-125).

Новые исследования установили, что верхняя граница жизни городища может быть доведена до XVII-XVIII вв.

Город Текек. Он также назван в списке городов казахов джунгарским послом от Галдана Бошокту-хана в беседе с иркутским воеводой Л.К. Кислянским (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 166-167, 161). Название Текек стоит рядом с городом Бабан-Елганом, отождествляемым с городищем Баба-Курган. Текек, возможно, надо поместить в Туркестанском оазисе, где сохранилось современное село Теке, вблизи которого сохранилось городище Актобе Текинское (Туякбаев, 2009, с. 39). Оно доживает до VIII в., но керамика XVI-XVIII вв. встречается в окрестностях с. Теке.

Город Ташеник. В «Сказке» купца Нурмухаммеда Алимова в перечне городов Туркестанского владения назван город Ташеник. Он находится рядом с Икканом (Иканом) и Каричиком (Каричюком) (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 29). До сих пор сохранился топоним Ташнак. Это три городища: Ташнак, Абд-ал-Малик Ташнак и Жогары-Ташнак. Все они привязаны к современному селу Ташнак. Городище Ташнак датируется XIII-XV вв., Абд-ал-Малик-Ташнак – XIII-XVIII вв. и Жогары-Ташнак – XVIII-XIX вв. Безусловно, Ташнак, Абд-ал-Малик Ташнак либо Жогары-Ташнак и являются остатками городка из списка Нурмухаммеда Алимова.

Уранча. Этот город также находится в Туркестанском владении, и о нем также сообщает Нурмухаммед Алимов (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 28).

Под очень похожим названием Оренг известна крепость вблизи Туркестана, упоминаемая в источниках XIII-XIV вв. (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1884, с. 83).

Топоним Уренгай-Орангай сохранился до сих пор в названии села, на территории которого имеются разрушенное городище Культобе Орангайское (Туякбаев, 2009, с. 38). Оно отождествляется с городом Уранча-Орангай (Байпаков, 1977б, с. 89).

Датируется памятник XIII-XIX вв. Именно отсюда происходит клад медных монет, количеством 803 экземпляра. Клад был продатирован XVI – началом XIX в. (Бурнашева, Смагулов, Туякбаев, 2006, с. 27).

Рис. 18. Городище Оренгай. Аэрофото

Таким образом, есть все основания отождествить города Уранча и городища Культобе Урангайское, расположенное неподалеку от современного Туркестана.

Баулюк. Ташкентский купец Нурмухаммед Алимов называет этот город, который, возможно, следует отождествить, исходя из созвучия с городищем вблизи Туркестана. Сейчас оно называемо Бузау-Корган и датировано XIII-XV вв. (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 29).

Однако на территории вокруг центральной части собрана керамика XVI-XIX вв.

Относительно недавно в Туркестанском оазисе была обнаружена и исследована группа позднесредневековых городищ, среди которых: городище Айнекольтобе, датированное IX-XI вв.; поселение Бузау-Корган, жившее в XIII-XIX вв.; городище Саухим-Ата, отнесенное к XIV-XVIII вв.; городище Шага I, датируемое IV-XVIII вв.; городище Коскорган, жившее в XIII-XVIII вв.; поселение Костобе, датированное XVII-XVIII вв.; поселение Кунгашир, датированное XVIII в.

Имена городов, с которыми они могли быть отождествлены, не известны, но наличие памятников XVI-XIX вв. – яркий показатель интенсивности жизни Туркестанского оазиса в XVI-XIX вв. (Туякбаев, 2009, с. 37).

Город Сайрам: города и поселения его округа

Средневековый город, крупнейший в раннем и развитом средневековье городской центр Южного Казахстана – Испиджаб (Туякбаев, 2009, с. 37). Махмуд Кашгарский в XI в. писал, что: «Сайрам

– это Испиджаб» (Волин, 1960, с. 83). Город играл важную роль в событиях VI – начала XIII вв. (Бартольд, 1963в, с. 232-233; 1965б, с. 237-243). Он был взят штурмом монголами. Но, видимо, сильно не пострадал, поскольку даосский монах Чань-Чунь, посетивший город в 1221-1223 гг., ничего не пишет о его разрушениях и о его упадке (Акишев, 2008, с. 22).

В послемонгольское время Сайрам продолжает оставаться крупным политическим, экономическим и культурным центром Южного Казахстана.

Во второй половине XIV в. город входит в состав империи Тимура и упоминается в письменных источниках в связи с событиями, связанными с борьбой за власть в Ак-Орде хана Токтамыша и Урусхана, походами Тимура вглубь Дешт-и Кыпчака (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 265-270). На Сайрам, как и другие города Южного Казахстана в XIV – начале XV вв., претендуют могулы. В борьбу с ними вступает Улугбек, который продолжает политику Тимура, стремившегося обезопасить империю от нападений могулов и предпринявшем ряд опустошительных военных компаний против Могулистана в Жетысу.

При хане Исан-Буге, начиная с 1451 года, войска Могулистана захватили Туркестан, Сайрам, Ташкент. В 70-е гг. XV в. города Ташкент и Сайрам вошли в состав Могулистана (Пищулина, 1977, с. 13, 120-121).

Сайрам же был одним из пограничных пунктов на северо-востоке владений тимуридов.

При последних Тимуридах Сайрам, как и другие города северного Мавераннахра, становится объектом междоусобных войн тимуридов.

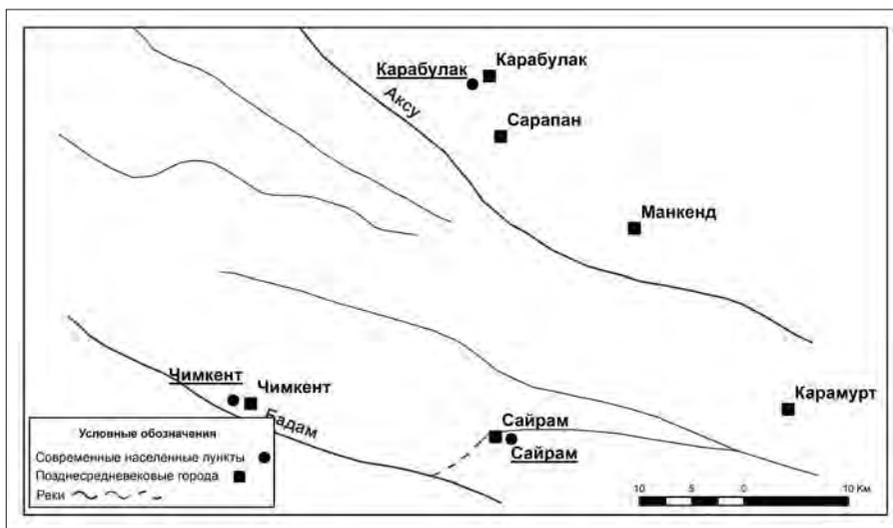

Рис. 19. Городище Сайрам и городища вблизи него

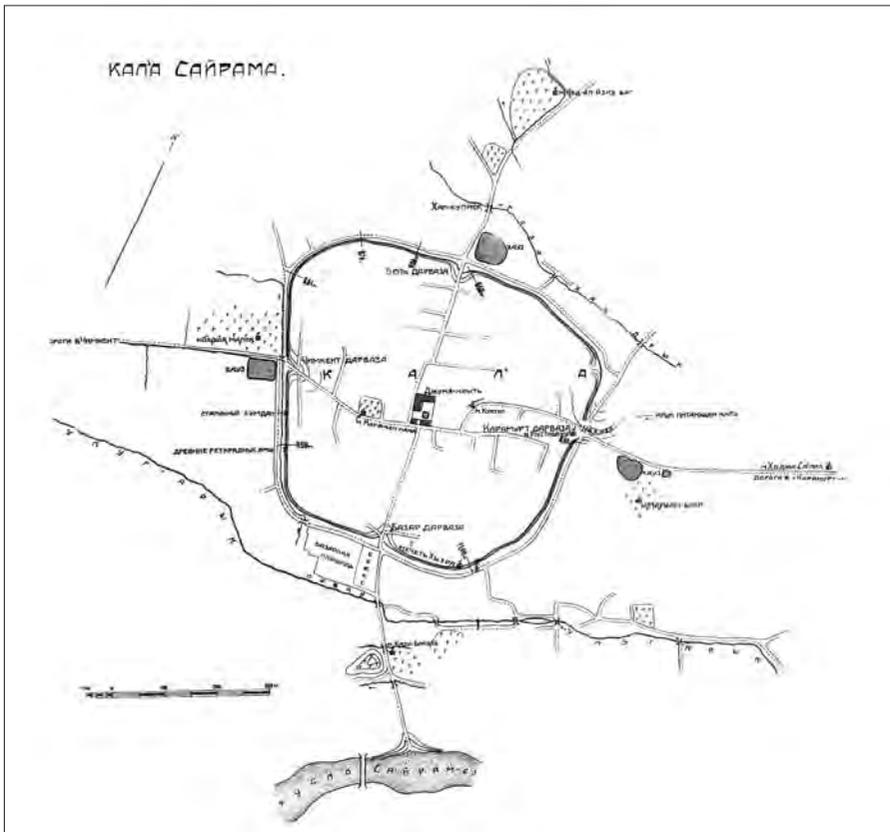

Рис. 20. Городище Сайрам. План

К концу XV в. государство эмира Тимура распалось на мелкие уделы. Отсутствие сильной центральной власти в конечном итоге привело к полному крушению этой державы, не выдержавшей в начале XVI века натиска узбеков-шайбанидов. В борьбу за Сайрам и Ташкент активно вмешиваются казахи.

События тех лет описаны Мухаммедом Хайдаром Дулати. Он сообщает, как после неудавшейся попытки Бабура утвердиться в Самарканде, тот отдает правление Ташкентом Эмиру Мир Ахмад Касым кухбару, а Сайрам – его брату Каттабеку (Дулати Мухаммед Хайдар, 1996, с. 347-353). Весной 1513 года Каттабек обращается к Касым хану, отправив к нему доверенное лицо вместе с главами Сайрама, и передает «ключи от города» (Дулати Мухаммед Хайдар, 1996, с. 325).

Затем Касым-хан направляется с войском к Ташкенту. Простояв ночь у крепостных стен, он так и не решился штурмовать город и, разграбив его окрестности, возвратился в Сайрам (Дулати Мухаммед Хайдар, 1996, с. 324).

Сайрам наряду с Туркестаном сохранял в XVI-XIX вв. свое значение крупного административного центра, торгово-ремесленного города и стратегического пункта. Он был и духовным центром, где

Рис. 21. Город Сайрам. Фото 1871 г.

находились многие общемусульманские святыни. Это объясняется той большой ролью, которую он играл в политической, экономической и духовной жизни Казахского ханства.

Сайрам был укреплен и представлял собой крепость, которая могла отразить осаду неприятеля. О ее неприступности автор «Книги шахской славы» Хафиз Таныш написал так: «Сайрам, который в исторических сочинениях пишется Испиджаб, был крепостью укрепленной до такой степени, что мысль была бессильна представить себе (возможность) завоевать ее... Поэтому жители этой высокой местности (хатта) загордились укрепленностью и прочностью ее, и (имеющимися у них) средствами ведения войны (асбаб) и изобилием провизий» (МИКХ, с. 264).

В 1681 и 1683 гг. к Сайраму подходили джунгары, а в 1684 г. они разграбили и разрушили его, часть городского населения была уведена ими на р. Или и поселена в военных ставках, а затем переселена в Восточный Туркестан (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005б, с. 335-339). Вторично Сайрам завоевали джунгары в 1723 г. вместе с Ташкентом и Туркестаном (Пищулина, 1969, с. 22).

Сайрам был центром большого земледельческого округа и являлся аграризированным городом, производящим и торгующим земледельческой продукцией.

О значительной площади возделывавшихся земель внутри огороженного двумя линиями стен пространства, занятых очевидно, садами и другими древесными насаждениями, писал М.Е. Массон. По его наблюдениям, за линией стен располагались поля, занятые посевами зерновых (Массон, 1928, с. 37).

Город славился своим богатством: базарами, искусными ремесленниками (Пищулина, 1969, с. 23; МИКХ, с. 297).

Сюда, в Сайрам, Абдаллах-хан посылал за зерном Эмира Шахим-бия, который осаждал Сауран и испытывал острую нужду в продовольствии. В Сайраме удалось собрать большое количество зерна... «...воины приводили караваны, катары верблюдов и мулов и увозили зерно. Вновь и вновь приходило все больше людей, которые предлагали взять зерно» (Пищулина, 1969, с. 23).

Земля в окрестностях Сайрама орошалась арыками, выведенными из реки Сайрамсу.

В 1810 г. Коканд подчинил себе города Сайрам и Чимкент, в 1816 г. пал Туркестан (Бейсембиев, 2009, с. 165, 251).

Чимкент. Селение Чимкент в форме Чими-Кент впервые упомянуто в «Зафар-наме» Шараф ад-Дином Али Йазди (Бартольд, 1965г, с. 563-564) как селение рядом с Сайрамом, но постепенно роль экономического и административного центра из Сайрама перешла в середине XVIII в. в Чимкент.

В связи с этим следует обратить внимание на сообщение М. Поспелова и Т. Бурнашева, чиновника и горного инженера – участников русского посольства в Ташкент и Бухару, посетивших Чимкент в начале XIX века. Они писали, что Чимкент после Ташкента занимает ведущее положение в крае. В городе в это время находилось около 700 домов, а вокруг него имелось 10 небольших селений. Они отметили, что селения эти находятся на возвышенностях и обнесены глинобитными стенами (Поездка Поспелова и Бурнашева в 1800 году в Ташкент, 1851, с. 29).

О Шымкенте пишет Ф. Назаров: «Чимкент, завоеванный коканцами, близь коего видели обиталище прежних киргизов, их сады, курганы и поля. Теперь все это запустело, ибо они перешли кочевать к китайским границам. Мы расположились ночевать на речке Аре, с шумом выпадающей с гор. Опустелые места сии и курганы, по временам освещаемые бледным сиянием луны, проглядывавшей между гонимых бурным ветром туч, живо напоминали о превратности времен и о гибельных войнах, поглощающих целые государства и народы. В сих самых местах, где раздавались некогда по пригоркам клики тысяч людей, теперь нарушается безмолвная тишина одним шумом клубящейся с гор реки, и встревоженный обитатель давно покинул жилище, где некогда вкушал прелести беззаботной жизни.

На другой день мы дали знать о своем прибытии начальнику, который принял меня ласково, угощал бывшего со мною у него офицера

и некоторых козаков и дал для сопровождения до города Ташкента 200 человек войска. Чимкент находится при речке Бадаме; выстроен на возвышенном месте и обнесен к яру весьма высокою стеною. Въезд в город со стороны реки по узкой дороге, не позволяющей ехать иначе, как в одну лошадь. Вода, пущенная из реки через сделанные в стене окошки, наполняет ископанные в городе каналы, на коих построены мельницы. Дома выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, почему для свету в квартирах везде видишь растворенные на улицах двери. Женщины их <довольно пригожи>, обходительны и не скрываются от мужчин» (Назаров, 1968, с 33).

Н.И. Потанин, посетивший Шымкент в 1830 г., писал: «Город Чемкент расположен при речке Бадам, в ложине, посреди которой на возвышенном месте находится небольшая крепостца (по-ташкентски «орда»), обнесенная со всех сторон высокою стеною, сделанною из глины и имеющая въезд со стороны речки по узкой дороге, по которой можно ехать только в одну лошадь. В крепостце выкопаны многие

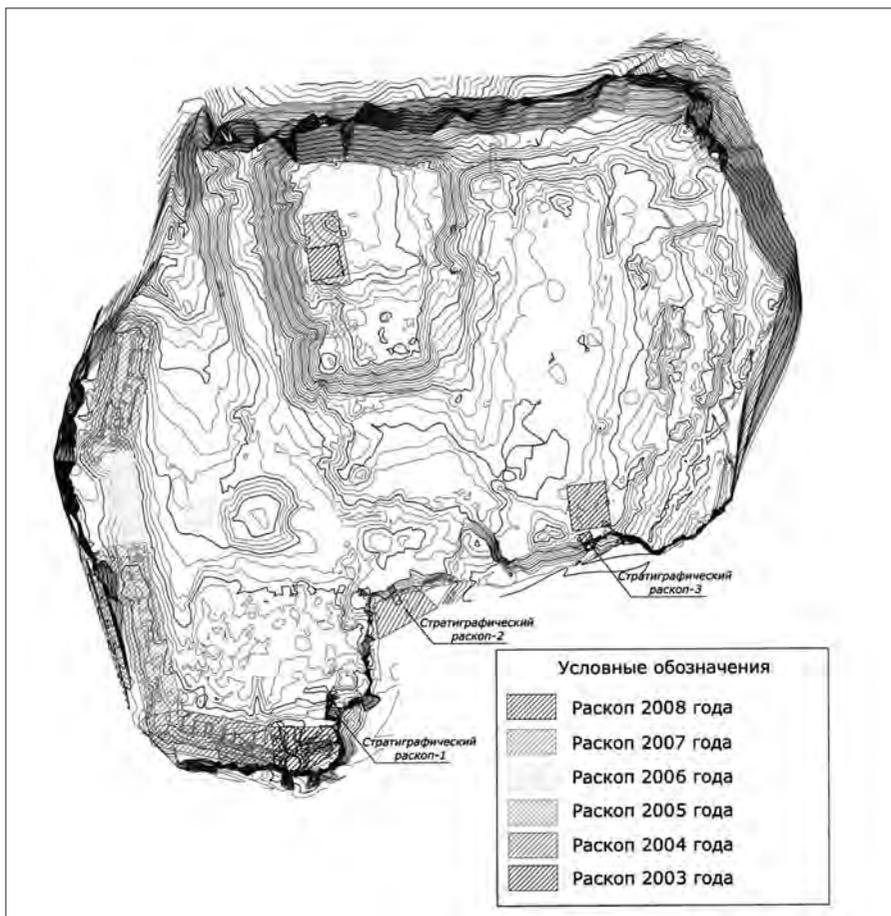

Рис. 22. Городище Шымкент. План

*Рис. 23. Общий вид цитадели Чимкента со стороны старого города.
Рисунок Д.В. Вележева*

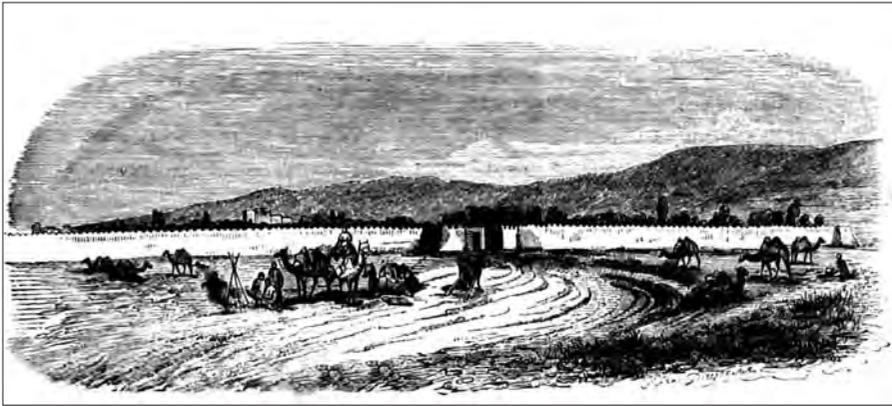
каналы, наполненные водою, втекающую в них из речки посредством окошек, сделанных в стене, на каналах этих выстроены мельницы. Дом начальника также находится в крепостце, в которой, кроме него, помещается до 250 человек войска. Домов в Чимкенте находится до 600; улицы в городе узкие и неправильные. Дома выстроены таким же образом, как в местечке Чолаккорган; некоторые из них довольно порядочны» (Потанин, 1909, с. 211-212; История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 261-262). Жители преимущественно занимаются хлебопашеством и часть торговлею с кочующими поблизости киргизами Большой Орды. Женский пол довольно красив, обходителен и не скрывается от мужчин, но это только можно сказать о простонародье, ибо жены чиновников и даже богатых людей мужчинам не показываются. В Чимкенте по большей части берут в замужество у зажиточных киргизов, оттого женщины их не почитают «неприличным показываться мужскому полу».

В первые годы после присоединения Южного Казахстана к России, сведения о Чимкенте увеличиваются. Новый край привлекал сюда ученых, художников и путешественников. Среди них П.И. Пашино, А.К. Гейнс, В.В. Верещагин.

Весной 1866 года Чимкент посещает тогда еще публицист, в будущем известный востоковед П.И. Пашино. Двигаясь маршрутом из Оренбурга до Ташкента, он характеризовал на своем пути позднесредневековые города Южного Казахстана (Пашино, 1868, с. 179). Вместе с ним в этом путешествии следовал русский художник Д.В. Вележев, который оставил уникальные рисунки городища Чимкент, зафиксировал особенности его топографии и фортификации (Ёлгин, 2002, с. 158-162).

Осенью того же года город посетил член Русского географического общества А.К. Гейнс.

Его дневники, написанные в 1866 году, содержат сведения об этническом составе горожан, общественному и административному

*Рис. 24. Внешние стены города Чимкент
из книги П.П. Пашино «Туркестанский край».
Рисунок Д.В. Вележева*

управлению, традиционному укладу, обычаям и быту горожан, описывают топографию и географические особенности самого города...

Ценность этого источника, прежде всего, в том, что они записывались со слов очевидцев событий тех лет.

В этом же дневнике описан и Сайрам. А.К. Гейнс первым обследовал памятники исламской архитектуры – местную джума-мечеть и мечеть пророка Хызра. Его внимание привлекла каменная колонна из джума-мечети (Гейнс, 1898, с. 380-381).

О Шымкенте А.К. Гейнс писал так: «Внешний вид Чемкента очень интересен. Весь город расположен в котловинной впадине так, что едва виден с самого близкого расстояния. Каждый дом обсажен со всех сторон деревьями, которые выглядывают из-за заборов, будто нарочно посаженная по обеим сторонам дороги аллея. В некоторых улицах всегдашняя тень, падающая от высоких тополей, осин, верб и фруктовых деревьев. Обойдя Чемкент, я не встретил ни одного двора без деревьев» (Гейнс, 1898, с. 380-331).

Интересные сведения из жизни населения Южного Казахстана содержат рисунки художника В.В. Верещагина. В частности, о городе Шымкенте он отзывался так: «Чемкент положительно затоплен садами. Издали видно только целое море деревьев и верхушка полуразвалившейся крепости, стоящей на живописном холме. Стены Чемкентской крепости возвышаются над соседними улицами более чем на 60 футов» (Верещагин, 1874, с. 27-28). Художнику принадлежит рисунок цитадели Чимкента (Shpuler, 1876).

Город Манкент. Впервые название этого населенного пункта появляется в X в. у ал-Макдиси, который называет город Маданкент (Манкент) в числе городов Испиджаба (Волин, 1960, с. 80).

Якут, арабский географ XII-XIII вв. сообщает: «Манкент – одно из селений Испиджаба» (Волин, 1960, с. 87). Этот город отождествляется

с городищем Булак-ковал, расположенным южнее современного населенного пункта. Оно датируется X-XII вв. (Байпаков, 1977б, с. 83).

В позднее средневековье город под названием «Менкет» перечислен в списке одиннадцати городов Казахского ханства, об этом сообщали посланцы Галдана Бошокту-хана при переговорах с иркутским воеводой Л.К. Кислянским в 1691 году.

Посланцы говорили: «Кроме Ясу, другой город Сайрам, третий Менкет, четвертый Карасаман...» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 396-397).

Затем в 1859 г. город под названием «Манкендт» фигурирует в описании пути от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент и Коканд, составленном коллежским регистратором И.А. Бардашевым. Он пишет: «От Джанкучи дорога лежит к урочищу Каракчибулак, лежащему в верстах 10-ти и пересекающему дорогу, отсюда через 20 верст течет р. Машат... С Машата дорога ведет в селение Манкендт, расположенное на реке того же имени. Расстояние от Машата до Манкендта верст 13, р. Арыш остается вправо верст на 5 ниже дороги. Хотя в Манкендте и есть самая незначительная крепостца, но в ней ничтожное количество гарнизона без населения: глиняных мазанок, населенных сартами, считаются от 1/2 тысяч, здесь живут исключительно пахари и мелкие торгаши... Из Манкендта дорога ведет к кургану Сайрам или Сарьям, отстоящему отсюда верст на 36» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 344).

Остатки позднесредневекового Манкента, безусловно, должны быть неподалеку от современного поселка Манкент и скорее всего ему соответствует городище Майкес, расположенное южнее современного Манкента на левом берегу р. Аксу. Это прямоугольный в плане бугор, окруженный стеной с башнями по углам и периметру. Диаметр башен – до 18 м и высота до 4 м. Городище имеет цитадель размером 50 x 50 м. Вокруг центральной части прослеживаются остатки застройки. Городище сильно разрушено. Керамика, собранная здесь, относится к XVI-XIX вв. Скорее всего, это и есть остатки позднесредневекового Манкента (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 256, №3682).

В пользу такого месторасположения Манкента свидетельствует сохранившийся до сих пор ойконим.

Но Манкенту может соответствовать и безымянное городище, расположенное восточнее моста через р. Аксу, центральная часть которого имеет размеры 40 x 30 м (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 256, №3681). Точно на этот вопрос могут ответить материалы раскопок двух этих памятников.

Город Карамурол (Карамурт) также назван посланцами Галдана Бошокту-хана в числе 11 городов Казахского ханства (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., Алматы, 2005а, с. 369).

В донесении капитана Ивана Унковского о пребывании его к хунтайджи Цэван-Рафтана в 1722-1724 гг. есть сведения о том, что

*Рис. 25. Поселение Карабулак. Местность Дун-Тепе.
Из «Туркестанского альбома». 1871 г.*

в 1723 г. джунгары завоевали три городка казачьей орды – Ташкент, Сайрам, Харамурт (Карамурт) и захватили там 5000 семей казаков, из которых 1000 семей увели в плен (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005б, с. 339).

Населенный пункт Карамурт был назван ташкентским купцом Нурмухаммедом Алимовым в Уфе, когда он прибыл в марте 1735 г. В рассказе «О владении Ташкентом» он перечисляет города и владения и среди них Карамурт, Сайрам – город немалый, Чимин, также и другие мелкие (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 28). Современное поселение Карамурт находится в Сайрамском районе. Рядом с ним находятся остатки городища, где был обнаружен клад шайбанидских медных монет (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 258, №3702). Оно и является, скорее всего, остатками Карамурта.

Карабулак. Этот город упоминается в отчете казачьего атамана Д. Телятникова и сержанта А. Безносикова, совершивших поездку с Иртышской линии в Ташкентские владения в 1796-1797 гг. В числе городов, принадлежавших Ташкенту, они называют Карабулак. Обратный их путь из Ташкента проходил также через Карабулак.

Расстояние из Ташкента до Карабулака посольство прошло за 3 дня. Из Ташкента шли степью до р. Керлес (Желес), где была ночевка, откуда дошли до Карабулака. Из этого ясно, что путь пролегал по дороге, которая шла в Сайрам через Турбат (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 167, 170-174).

Локализацию Карабулака необходимо рассматривать в связи со средневековым городом Шарабом, стоявшим на южно-казахстанском участке Шелкового пути.

Этот город назван в маршруниках Ибн Хордадбех и Кудама. В них описывается путь из Тараза, который проходил через города Будухкент, Шараб в Испиджаб (Волин, 1960, с. 74-76).

Следует согласиться с Б.А. Байтанаевым, который отмечает, что дорога из Тараза в Будухкет, описанная Ибн Хордадбехом и Кудамой, не совпадает с современной автотрассой, а шла по старому торговому тракту, который пересекал реку Машат не в том месте, где сейчас она пересекает глубокий каньон, а проходила южнее, в степной зоне. Он же предложил отождествить Шараб с одним из городищ в районе села Карабулак. И Шараб, и Карабулак переводится как «черная вода», «черный источник».

Достаточно убедительно звучит предложенное им же отождествление города Будухкента с городищем Тортколь в с. Балыкчи (Байтанаев, 2003, с. 48-50). Что же касается локализации позднесредневекового Карабулака, то в этом вопросе есть несколько вариантов ответов, потому что на северной окраине с. Карабулак сохранились остатки трех городищ Сагындык-тобе, которое предварительно датируется X-XV вв., городище Ходжакорган, оно датируется предварительно X-XV вв. и, наконец, рядом с селом у источника Карабулак сохранилось городище Ушкорган-тобе, по другой версии Ишкорган-тобе, отнесенное исследователями к XIII-XVII вв. (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с.

Рис. 26. Манкент. Местность Шарбагдык. Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

190; Байтанаев, 2003, с. 52). По последним данным в XIII-XIX вв., скорее всего, город менял свое месторасположение в разное время, но на этот вопрос могут окончательно ответить лишь археологические исследования, которые позволяют дать более точную хронологию городищ и тогда локализация позднесредневекового города будет уточнена, хотя и сейчас скорее всего Карабулак отождествляется с городищем Ишкорган-тобе.

С караванной дорогой, ведущей в Сайрам и далее в Ташкент, следует связать еще ряд городков или местечек. Так, в сообщении капитана Д. Телятникова и сержанта А. Безносикова названы кроме городов Чемкента и Сайрама, местечки Сарапан, Алтын-тобе, Темир (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 174).

Интересную информацию о городах этого района содержит описание дороги из укрепления Верный через Пишпек в Ташкент, в Коканд, составленное И.А. Бардашевым в 1859 г. Он пишет: «Из Манкендта дорога ведет к кургану Сайрам или Сарьям... от Сайрама через Текебулак и слабые возвышенности Кызыкурт-Ата спускается к курганчику Дувана, отстоящему от Текебулака верст на 18, затем от Дувана дорога пролегает к местечку Шарибхана на 10 верст. От Шарибхана дорога лежит к урочищу и кургану Темир в 14 верстах и отсюда на Акджар, отстоящий на 16 верст; далее на р. Каляс, отстоящей на 16 верст; далее на р. Каляс к броду Джазкичу на 20 верст; отсюда в 10 верстах протекает канал, проведенный из р. Чирчик и называемый Узак-арык; в 15 верстах лежит предместье Ташкента Кара-камыш на р. Узаци и, наконец, в Ташкент, до входящих ворот, которых считается верст 8» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 344).

В списке городов привлекает внимание город Сарапан (Сараван), поставленный в списке вслед за Карабулаком (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 167-174).

Недалеко от Карабулака, в 10 км находится городище Мазараттобе по дороге, идущей из Карабулака в Сайрам. Оно расположено на берегу ныне сухого русла реки, к северо-западу от современного поселка Сайкым.

Городище занимает площадь не менее чем 2 га (100 x 200 м). Оно сильно разрушено, но раскопки его дали интересные материалы (керамика, монеты), относящиеся к XVI-XIX вв.

Городище, судя по выходам городского слоя, погибло в результате пожара. Интересно, что оно находится рядом с городищем IX – начала XIII вв., есть также участки обжитые и в XIII-XIX вв. (в комментариях к тексту он сопоставляет с Саураном. См. История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 167. Это неправильно, поскольку список городов конкретен и связан с отрезком дороги от Карабулака до Ташкента). По нашему мнению, городок Сарапан может быть отождествлен с городищем Мазараттобе.

Рис. 27. Караван-сарай. Городище Шарапхана

Шарибхана. Месторасположение этого населенного пункта определяется точно, поскольку сохранилось городище почти с тем же названием – Шарапхана. О нем сообщают Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич, которые охарактеризовали городище, определили его месторасположение в долине Келеса и отождествили с городом IX-XII вв. Газгирдом (Агеева, Пацевич, 1958, с. 146-147).

Кстати, Газгирд продолжал жить и в позднее средневековье.

Городище Шарапхана находится на правом берегу р. Келес. В его топографии выделяется прямоугольная в плане цитадель размерами 80 x 65 м. Она окружена стеной с башнями по углам. К цитадели примыкает шахристан и рабад размерами 100 x 140 м. В топографии его «читаются» улицы. Подъемный материал относится к монголо-тимуридскому времени (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с. 178).

Названный Газгардом он упоминается во второй половине XVI в. По новым данным на городище встречен материал XVIII-XIX вв.

Местечко или селение Алтын-тобе, скорее всего, находилось южнее Сайрама на Турбатской дороге, которая проходила через перевал Турбат в долину Чирчика и далее в Ташкент. Алтын-тобе находится на высоком левом берегу р. Каражансу. Центральная часть его имеет размеры 100 x 120 м и высоту 10-15 м. Городище окружено стенами и рвом. Вокруг находятся бугры – остатки застройки, расположенные на расстоянии до 300 м. На городище собрана керамика, относящаяся к VII-XIX вв. (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с. 175-176.)

Темиркорган. Следует отметить, что в эпоху раннего средневековья на этом пути был известен топоним Темир.

В переводе С.Г. Кляшторного текста памятника Кюль-тегина есть следующие строки: «Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я (Бильге-каган), а сам был шадом над народом Тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили войной вперед (т. е. на восток), вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-угузом; назад (т. е. на запад), мы ходили войной вплоть до Темир-Капыга; мы ходили войной на Когменскую чернь, до страны кыргызов. Всего мы ходили в поход 25 раз, а дали 13 сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя) каганов, имевших колени заставили преклонить (колени), имевших головы заставили склонить (голову)... Вперед (т. е. на восток), за Кадырканской чернью мы посетили, таким образом, народ и завели в нем порядок; назад (т. е. на запад), вплоть до Кангу-Тарбан, таким образом, тюркский народ и завели в нем порядок» (Кляшторный, 1951, с. 54-55).

О том, что граница между согдийцами и тюркским каганатом проходит по Келесу писал В.В. Бартольд: «С северной стороны культурная полоса Чирчика была ограничена стеной, простиравшейся от гор Сабалык, или Сайлык, до берега Сыр-Дарьи и построенной для защиты от набегов турков, очевидно, еще в эпоху арабского господства, до завоевания Саманидами Исфиджаба, т. е. 840 г. Ибн Хаукаль приписывает постройку стены Абдаллаху б. Хумейду; может быть, имеется в виду Абдаллах б. Хумейд б. Кахтаба, правивший Хорасаном в 776 г. в течение пяти месяцев после смерти своего отца. За стеной начиналась степь Калас; пройдя 1 фарсах в степи, достигали рва, также простиравшегося от гор до Сыр-Дарьи. Остатки стены сохранились до настоящего времени в виде вала, который у туземцев, подобно бухарскому валу, носит название Кемпир-дуал. Пока осмотрена только западная часть вала, длиною в 35 верст, от обрывов арыка Бозсу до селения Джалдамы; туземцы даже говорили, что „вал переходит на левой берег Сыр-Дарьи и тянется Голодный степью к городу Джизак“; но эти рассказы не могли быть проверены. Сохранились ли какие-нибудь остатки восточной части вала, неизвестно. Упомянутый у Ибн Хаукаля ров несомненно тождествен с „крутоберегим и глубоким“ оврагом арыка Бозсу; за оврагом „начинаются бугристая степь, пересеченная двумя протоками реки Келес“. Очень возможно, что, несмотря на разницу в правописании, арабское название степи Калас тождественно с названием реки» (Бартольд, 1963б, с. 229-230; 1965в, с. 222).

Вывод, который можно сделать из вышеизложенного, – стена, построенная согдийцами для защиты от нападения тюркских племен, пролегла от нынешней горы Космола через Келесскую долину до Сырдарьи. В арабском источнике неизвестного автора говорится о том, что эта защитная стена была возведена приблизительно во второй половине VIII в. Нет никаких сомнений в том, что эта защитная стена на протяжении определенного времени играла роль границы, разделявшей согдийцев и Тюркский каганат. Та часть трансконтинентального

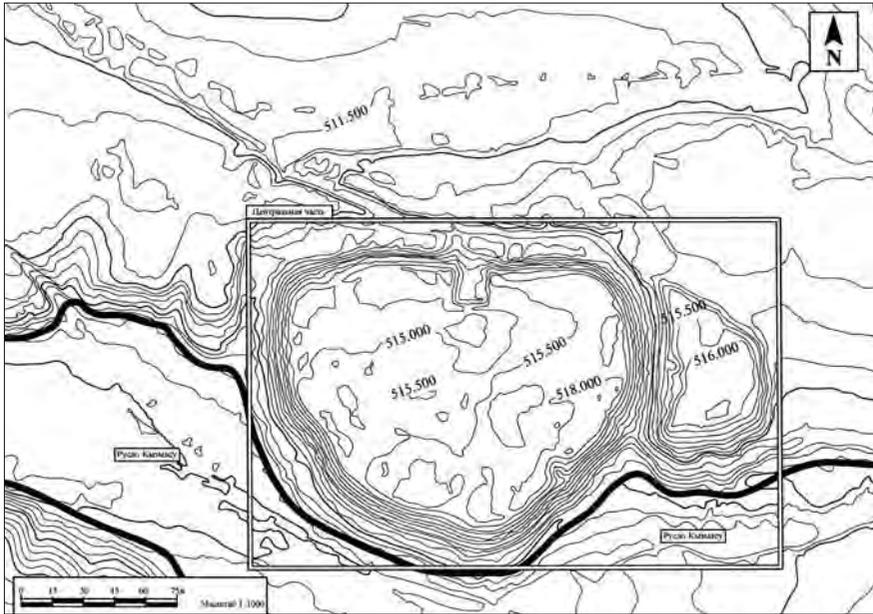

Рис. 28. Городище Мазараттобе. План

торгового пути, соединявшего Восток и Запад, которая соединяла города Испиджаб и Шаш, проходила через своеобразные ворота. О местонахождении этих ворот можно узнать по письменным источникам и археологическим материалам. К примеру, в малой надписи, посвященной Кюль-тегину, есть такие сведения: «...Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до Железных ворот) они расселили (свой народ) (Жолдасбеков, 2001, с. 171, 175). Из этих строк видно, что граница тюрков доходила до Железных ворот. У арабского географа IX в. Ибн-Хордадбека есть такие слова: «От Шаша до Железных ворот – 2 мили, затем до Кубала 2 фарсаха, затем до Газгарда 6 фарсахов. Дальше до Испиджаба по равнине 4 фарсаха» (Волин, 1960, с. 74).

И через этот пункт «Железные ворота» шли караваны в Ташкент. Есть интересное предположение о том, что местность Темир Капыг маркирует городище Какпак у с. Какпак (Талеев, 2004, с. 114-120). Перевод этого топонима – «ворота» и именно здесь в позднее средневековье мог находиться городок Темир, названный Д. Телятниковым и А. Безнососовым, а также И.А. Бардашевым.

Города и поселения в долине р. Арысь

В среднем течении Арыси, согласно источникам, располагались три города.

Наибольшей известностью пользовался *Карасаман* – Кара-Саман. Впервые о нем сообщает Низам ад-дин-Шахи в своем сочинении

«Зафар-наме» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 221, 308).

Здесь в Карасамане в январе 1391 г. Тимур принимал посла Тохтамыша.

В начале XV в. город упоминается в связи с войной Улугбека и армии могулов, предводимой Шах-Джеханом. Последний осадил Сайрам и дошел «до Карасамана в окрестностях Отрара» (Бартольд, 1964, с. 93). Во время своего похода на казахов в Карасамане (Карасамане) был оставлен обоз армии Абдаллах-хана (Пищулина, 1969, с. 26).

В 1691 г. Карасаман упоминается в списке городов Казачьей Орды, который приводят посланцы Галдана Бошокту-хана при разговоре их с иркутским воеводой Л.К. Кислинским и назван «Харасаман» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 396).

Город Карасаман уверенно отождествляется с городищем Караспан. Раскопки на нем установили, что город существовал с первых веков н. э. до XIX в. (Агеева, Пацевич, 1958, с. 107-108; Байпаков, Шербаев, 2006, с. 309-314; Байпаков, 2012б, с. 191-200).

Городище, сохранившее историческое, узнаваемое имя позднесредневекового города, находится на окраине с. Караспан. Это бугор подпрямоугольной формы размерами в основании 260 x 220 м и высотой 22 м. Вокруг него ров, а за ним находится кольцевидный рабад в виде всхолмлений шириной 60-150 м и высотой 3-5 м. Общие размеры городища составляют 600 x 850 м. Выше отмечалось, что раскопки Караспана показали – верхние слои тобе датируются XIII-XIX вв., тогда как рабад относится к I-XII вв. н. э. На территории предместья, ныне распахиваемом, обнаружены чагатаидские медные монеты XIII в. Такие же монеты известны вкладах XIII в. и отнесены Е.А. Давидович к чекану Тараза и Кендже. Монеты Кендже многочисленны и достаточно разнообразны, были выпущены после реформы Масуд-бека в 40-50 гг. XIII в. (Давидович, 1972, с. 73-83).

Наряду с названием Карасаман в исторических источниках фигурирует город под названием *Халадж-Карасаман*. Он известен в сочинении Хафиза Таныша «Шараф-наме-йи шахи» в эпизодах, повествующих о походе Абдаллаха в 1580-1582 гг. в Туркестан и казахские степи. Халадж-Карасаман назван в этом сочинении как город (МИКХ, с. 271, 280, 283), хотя в указателе названий определен как местность (МИКХ, с. 680). Халадж и Отрар названы Рузбиханом: «Эта местность расположена напротив области Отрар и Халадж» (Фазаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с. 145). Неподалеку от городища Караспан, ниже по Арыси в районе железнодорожной станции Калаш, расположено городище Калаш, которое датируется I-XVIII вв. и видимо оно и соответствует городу Халадж-Карасаману (Байпаков, 2012б, с. 197).

В долине среднего течения Арыси находился еще один позднесредневековый город – *Яганкент (Йаканкент)*. В свое время

С.Л. Волин обратил внимание на отрывок из сочинения «Абдулла-наме», где написано, что в 1581 г. Абдаллах-хан во время своего похода выступил из Сайрама и «...расположился лагерем на р. Арс в окрестностях Йаканкента, при впадении в (р. Арысь) реки Буралдай (Волин, 1960, с. 81, прим. 51). В.П. Юдин уточнил в своем переводе «...расположился лагерем на берегу р. Арс в окрестностях Йаканкента, при впадении (в р. Арысь) реки Буралдай (Юдин, 1968, с. 65). На правом берегу р. Арысь неподалеку от впадения в нее р. Боралдай было обнаружено и обследовано городище Бекет, которое имеет подчетыреугольную планировку и занимает площадь около 2 га. Керамика, собранная здесь, датируется XV-XVIII вв. Оно является остатками города Яганкента.

Город Отрар

Этот широко известный древний и средневековый город во второй половине XV в., как и в предыдущее время, выступает как крупный политический и экономический центр на Сырдарье. Овладеть городом стремились узбекские и казахские ханы. Уже в 1426 г. хан узбеков Барак высказывает притязания на сырдарьинские земли, мотивируя свое выступление правами джучидов на данную территорию. Поход Улугбека на Барака окончился поражением его войск; узбеки вторглись в глубь Мавераннахра и лишь благодаря помощи Шахруха города на Сырдарье остались под контролем тимуридов (Ахмедов, 1965, с. 40).

Но уже к середине XV в. сырдарьинские города подчинил себе Абу-л-Хайр-хан. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуда бен Усмана Кухистани говорится: «Когда хаким города [Сыгнака] увидел многочисленность и величественность войск хакана [Абу-л-Хайр-хана], то, выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город... и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгент также подчинились деснице власти...» (МИКХ, с. 159).

Среди завоеванных узбеками городов нет Отрара, Саурана и Ясы. Видимо, некоторое время они оставались независимыми. Это подтверждается и фактом посылки узбеками военной помощи владельцу Отрара (СМИЗО, 1941, с. 54-55).

В 30-40 годы XV в. Абу-л-Хайру пришлось вести упорную борьбу с казахскими ханами и султанами, среди которых наиболее настойчиво действовали Джанибек и Буреке-султан.

Борьба между ними усилилась с распадом государства кочевых узбеков в 1468-1469 гг.

Одной из ее причин было стремление враждующих сторон захватить и подчинить сырдарьинские города (Ибрагимов, 1960, с. 149-150).

В 80-е годы Мухаммед Шайбани сначала занял левобережные сырдарьинские города Аркук, Узгент, а затем Отрар и сделал его опорной базой для дальнейшей борьбы с казахами: «И, оставив в Аркуке Махмуд Бахадур-султана, Мухаммад Шайбани-хан... занял и укрепил Сыгнак... Затем [Мухаммад Шайбани-хан] пошел, объединился с Мухаммад Мазид-беком и перезимовал в Отраре» (МИКХ, с. 28).

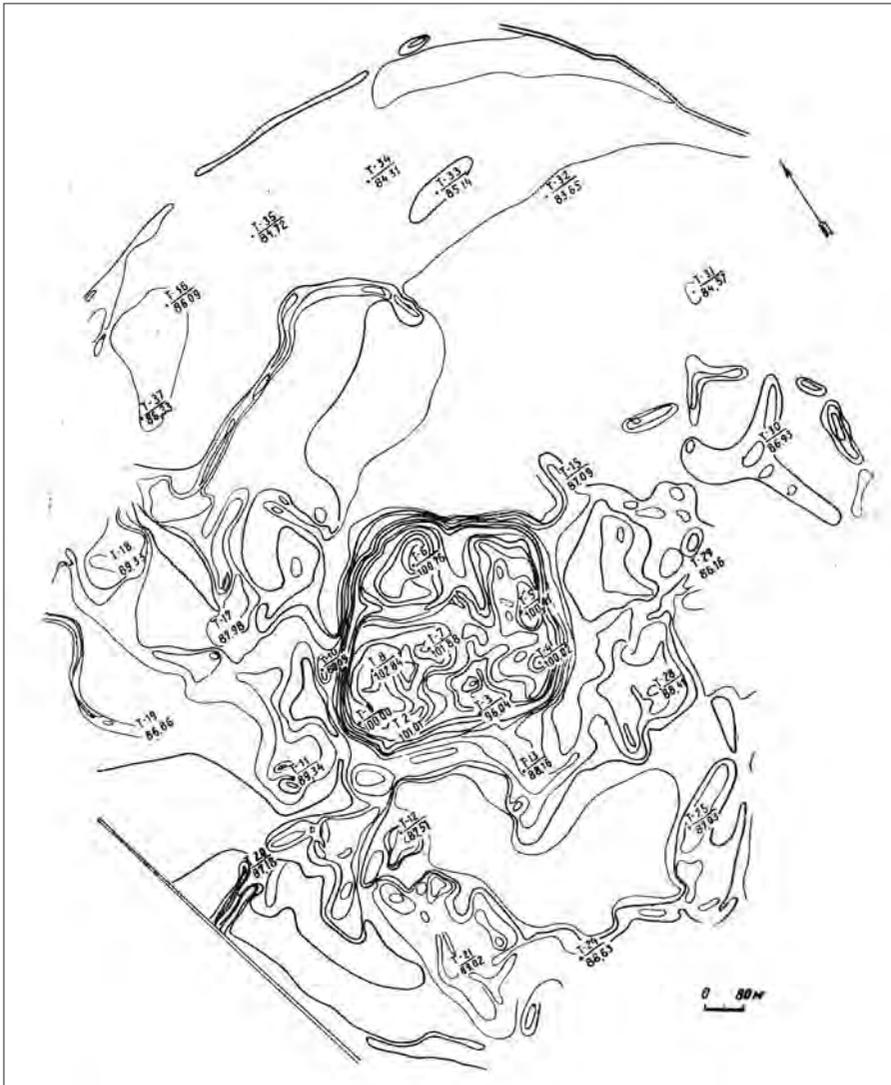

Рис. 29. Городище Отрартобе. План

О важном значении Отрара в иерархии сырдарьинских городов говорит такой эпизод из сочинения «Таварих-и Гузида»: «В это время, когда [Султан Махмуд-хан] отдал Отрар [Мухаммад Шайбани-хану]... Кул-Мухаммад-тархан был в Сабране. Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались; „Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет“, послали человека, привели Махмуд-султана [брата Шайбани-хана] и отдали ему Сабран. Как свидетельствует этот эпизод, Отрар занимал ключевое положение в Туркестане. Взятие города в данном случае делало Мухаммед Шайбани-хана владельцем и других сырдарьинских городов (по мнению К.А. Пищулиной, притязание

на Отрар в то время означало притязание на весь Туркестан. См. Пищулина, 1969, с. 21).

Отрар для тех времен являлся первоклассной военной крепостью и мог выдержать длительную осаду. В «Шайбани-наме» описывается осада Отрара войском Бурундук-хана (МИКХ, с. 117). В штурме города участвовало более 30 тысяч человек, «осаждавшие каждый день завязывали большие сражения, однако безуспешно» (Пищулина, 1969, с. 22).

Борьба за присырдарьинские города продолжалась. Но Отрар к середине XVI в. окончательно перешел в руки казахов. В 1588 г. он назван Хафиз Танышем в связи с войной Абдаллах-хана с Баба-султаном как казахский город (Пищулина, 1969, с. 22).

Стремление враждующих сторон захватить, прежде всего, Отрар, борьба за него, грабежи и разрушения сказались на экономике города. Начался его упадок, на первое место выдвинулся город Ясы, который стал центром Туркестана, о чем свидетельствует изменение его названия (Пищулина, 1969, с. 19-20).

Сведения об Отраре содержатся в описаниях русских путешественников о Средней Азии, на старинных картах и в маршрутных книгах. В «Книге Большому Чертежу», составленной в начале XVII в. по материалам XVI в., в списке городов на Сырдарье названы Сунак, Ясырван, Тюркустан, Аркан и другие. «А от Тюркустана 140 верст на реке Сыре город Аркан» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 95). Исследователи отождествляют Аркан с Отраром (Макшеев, 1878, с. 31).

Отрар упомянут также Спафарием – главой русского посольства, ездившего в Китай в 1675 г. (Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска..., 1882, с. 50).

В описании городков Казачьей орды, составленном в 1696-1697 гг. на основании данных экспедиции Федора Скобина, говорится: «От Тобольска до Тургистану: первый город Савранской дороге с правую сторону Савран: позади того города Саврана вниз по Сырдарье в Каракалпакскую сторону городок Сыгнак... Да в полуденную сторону от Тургистану город Отров. а ходу до него день (МИУТТ, 1933, с. 262-263).

В начале XVII в. на рукописной «Карте описание Каспийского моря и Узбекской страны...» на Сырдарье показаны сверху вниз по течению города Аскет, Фараб, Есвиджаб, Арал и другие (Федчина, 1967, с. 53). Но на карте геодезиста Ивана Красильникова, датируемой 1753 г., Отрар фигурирует как известный ему поселок (Федчина, 1967, с. 69). Отрар есть также на «Новой карте Российской империи, разделенной на наместничества», составленной в 1786 г. Трускотом Шмидтом и Шубертом (Федчина, 1967, с. 74).

Интересные известия о городе Отраре имеются в сообщении переводчика М. Арапова, возвратившегося в 1749 г. из поездки к Барак-

султану. Он пишет: «Городки Икан, Ташкент, Отрар, Угустай и Созах, в коих живут пахотные люди», принадлежат Бараку (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв., 1961, с. 487-488).

С этими сведениями перекликаются более обстоятельные известия об Отраре, содержащиеся в топографии Оренбургской губернии П.И. Рычкова, датированной 1762 г. Он довольно подробно описывает «Туркестанское владение», сообщает легенду о постройке Тюркустана, Утраира и Саурана, пишет о земледелии и промыслах населения. «Прежде, – замечает он, – сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет. Оными городами владеют ныне киргиз-кайсацкие владельцы». По данным П.И. Рычкова, в Отраре в это время насчитывалось 40 семей (Рычков, 1887, с. 18-20). По сравнению с Туркестаном (1000 семей), Иканом (300 семей) и Саураном (100 семей) он был незначительным.

В начале XIX в. Отрар как «достопримечательный город поблизости Кокандского государства» упомянут Филиппом Назаровым, который в 1813 г. совершил поездку из Омска через Петропавловск, Сузак и Чимкент в Коканд.

Но к этому времени город уже, видимо, запустел и, скорее всего, окончательное запустение его произошло в середине XVIII в.

Интересно, что последний период жизни Отрара и причины его падения сохранились в памяти населения, продолжавшего жить в селениях и вблизи развалин Отрара. Так, в статье члена Туркестанского кружка любителей археологии А.К. Кларе, руководителя археологических исследований на Отраре в 1904 г., записан рассказ чиликского волостного управителя Туле Байтерекова.

Он рассказывал, что «В начале XV столетия, после смерти Тамерлана, отрарская земля орошалась водою Чирчика и его притоков, Арыси и Бугуни. В то время Чирчик не впадал в Сыр-Дарью; р. Сыр-Дарья, минуя Ходжент, около Ирджара сворачивала на Джизакский уезд и дальше соединялась с Аму-Дарьей. Ныне там сухое русло, именуемое Сор или Сор-Дарья, т. е. солонцовое русло.

Так как вследствие обширности культурной земли ощущался недостаток воды, то Отрарский аксакал решил увеличить количество воды в Чирчике, проведя в него арык из Сыр-Дарьи. Но когда начали копать голову арыка, на другой стороне Дарьи появился какой-то старец на ишаке и кричал аксакалу, проводящему арык, что шутить с великаном нельзя. На второй и третий год работ являлся вновь тот же старец, повторяя свое предостережение; но отрарцы его не слушали и продолжали свою работу. Наконец работа была окончена; только голова арыка не была как следует укреплена.

Орошение Отрарской земли после проведения арыка стало ежегодно увеличиваться и улучшаться. Несколько лет жители местности под Отраром пользовались вновь проведенной водою, но в одну весну случилось наводнение и вся Дарьинская вода пошла по арыку

Рис. 30. Городище Отрартобе. Аэрофото

и нахлынула в Чирчик, затопляя всю местность с полями, арыками, поселками и городами.

Это было приблизительно 450 лет тому назад (около 1450 г.). Во время этого наводнения погибла большая часть Отрарского населения, а оставшиеся в живых рассеялись: некоторые ушли в Бухару, Балх, Бадахшан, а другие на север – к Яныкенту и Дженду».

Это один рассказ об опустошении Отрара. Другой объясняет большое наводнение несколько иначе, именно: «После Тамерлана лет 400 тому назад, в Туркестанском крае появился из Кашгара китайский полководец Аляку с многочисленным войском, покорив нынешнюю Фергану, он пришел в г. Дженд, который ему понравился, и Аляку назвал его Худжент, т. е. „красивый город“.

Взяв Иски-Ташкент, Аляку перешел на Отрарскую землю. Отрарцы храбро сопротивлялись Аляку, тогда он, не достигнув никакого успеха, осенью отступил к Иски-Ташкенту и целую зиму с многочисленными войсками копал арык от Дарьи до Чирчика и Чиназа.

Рис. 31. Центральная часть городища Отрар с раскопом мечети. Аэрофото

Весной во время высокой воды Аляку открыл голову арыка и пустил воду по Чирчику на Отрарскую землю, а сам с войском направился на Отрар.

Все спасшиеся от наводнения были убиты войсками Аляку или уведены в плен.

В Отраре Аляку оставил часть своих войск, состоявших из калмыков и китайцев. Последние поселились в Отраре, но оседлую жизнь вести не могли, так как Дарья разрушила арычную сеть, которую восстановить они не сумели.

Лет через 150 или 200 они разошлись, причем калмыки направились в Оренбургскую степь, а китайцы вернулись к себе на родину в Китай. Это было лет 250 тому назад (около 1650 г.).

После ухода калмыков и китайцев потомки древних Отрарских жителей стали собираться на родину из Бухары, Сарьяма, Балха, Ургенча и других мест, в которых они поселились после большого наводнения.

В течение ста лет они пытались восстановить орошение края и обновлять города своих предков; но это им не удалось, и они опять расселились по Фергане, Бухаре, Ургенчу.

Последним ушел со своим семейством некий Бабашуль» Это было приблизительно в 1750 году (Кларе, 1904, с. 29-31).

Из этого признания, безусловно, можно извлечь рациональное зерно.

Народная память сохранила разрушительные походы калмыков, которые имели место в XVII в. По мнению М. Кожи,

завоевания калмыков можно связать со следами последнего пожара, обнаруженного в верхнем слое городища Отрар на всех раскопках (Ходжаев, 1993, с. 57-61).

Важна и дата окончательного запустения Отрара – середина XVIII в. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, 1913, с. 604).

Город Сауран и его округа

В послемонгольское время этот город впервые упоминается в сочинении армянского царя Гетума, совершившего в 1254 г. поездку в Кара-Корум к верховному хану Мунке. Возвращаясь на родину, он описывает дорогу, в том числе и ее участок, проходивший по Южному Казахстану

В числе городов, в которых он побывал, есть и Сауран: «Оттуда они направились в Сгнах и Савран, который очень велик» (Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224).

Сауран был при хане Эрзене столицей Ак-Орды. Муин ад-дин Натанзи пишет об Аккординском хане Эрзене, о котором известно, что «большая часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчканде устроил он...» (СМИЗО, 1941, с. 129).

В XIV в. Сауран фигурирует в событиях, связанных с взаимоотношениями Тимура и Тохтамыш в «Книге побед» Шараф ад-дина Йезди. В частности, упоминается о пожаловании Тохтамышу области Саурана и Сыгнака и борьба за эти области, разгоревшаяся между Тохтамышем и Улус-ханом (СМИЗО, с. 147; см. также: МИКХ, с. 17, 21, 30, 67, 77-78, 116-117). Город в это время сохранял свое значение политического и экономического центра Ак-Орды (Пищулина, 1969, с. 17).

Сауран фигурирует в XV-XVI вв. в источниках, повествующих о войнах казахов и узбеков. Окончательно Сауран был завоеван казахами в конце XVI в., но и до этого он на продолжительное время переходил из рук в руки.

Например, в течение некоторого времени в 80-е годы XV в. его правителем был Иренчи-хан, сын одного из первых казахских ханов Джаныбека.

Сауран являлся одной из лучших туркестанских крепостей. О неприступности крепостных стен и других оборонительных сооружений Саурана сообщают источники, относящихся к XVI-XVII вв.

Рузбихан по пути из Сыгнака в Ясы проехал город Сабрам и в своем сочинении «Записки бухарского гостя» пишет: «...нашел его необыкновенно приятным городом. Построен он в открытой ровной степи. Он чрезвычайно веселый, светлый, с мягким бодрящим воздухом, который придает разуму радость и силу. В окрестностях его подобно овцам пасутся стада диких коз и по всей округе растут и виднеются

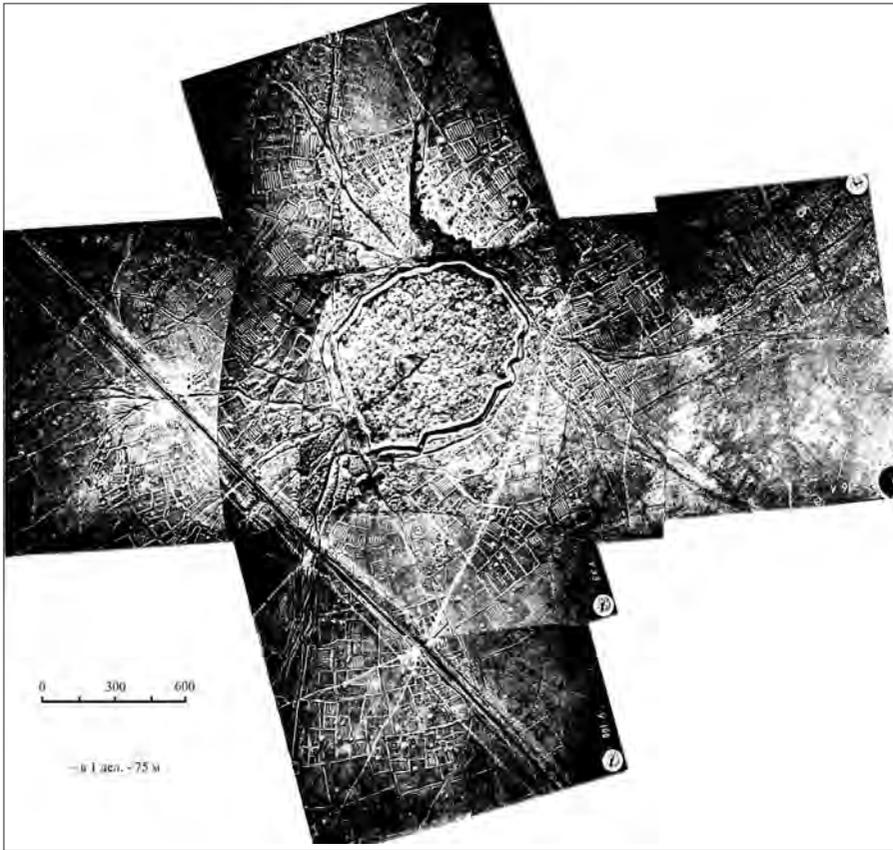

Рис. 32. Городище Сауран. Аэрофото

разного рода красивые деревья. Сам город окружен высокой стеной, которую нельзя взять властной рукой, а вокруг нее неприступный ров...» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 140). Рузбихан в данном отрывке пишет о Саурани, но не о Сайраме, как считает К.А. Пищулина (Пищулина, 1969, с. 23).

В 1513-1514 гг. в Саурани поселился известный писатель Васифи, который в своих мемуарах оставил интересные сведения о Саурани, куда забросила его судьба. Интересна характеристика города, его широко известных в то время построек – медресе и подземных каналов-кяризов. Он пишет: «Медресе было построено по приказу Убайдуллахана. Надзирателем и распорядителем постройки был визир Кавамаддин Ходжа Султан-Ибрахим» (Болдырев, 1957, с. 160-161).

После окончания постройки Убайдулла прислал из Бухары несколько приближенных и набов с подарками и пожалованиями и, собрав всех вельмож, знатных улемов и просвещенных Туркестана, назначил мударрисом сейида Шамсадина Мухаммада Курти. На торжественном собрании по случаю назначения Курти (мадлиси идлос) присутствовало более пятидесяти отборных студентов, из числа постоянно проживавших в медресе (Болдырев, 1957, с. 161).

Васифи сообщает еще об одном удивительном сооружении Саурана - подземных каналах (кяризах), служивших для орошения (Болдырев, 1957, с. 161, 335).

Сауран в XVII в. описывается и в русских письменных документах. Так, о возможности торговли с правителем казахов «Савранским царем Аблаханом» говорится в «Отписке тобольского воеводы И.С. Куракина в Посольский приказ...» от 1616 г. (Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1959, с. 45-46, 49). В дорожном дневнике Николая Спафария, написанном в 1675 г., есть слова: «А по Сырю вниз от Киндерли реки – 150 верст бухарский город – Ясырбан, а ниже Ясырбана – 90 верст, город Туркестан» (Федчина, 1967, с. 31; Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска..., 1882, с. 50). В сочинении П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», а это 1762 г., Сауран назван Сабран. Он также называет три города, построенных Жамшид-ханом – Тюркестан, второй – Уtrar, третий – Сауран. По данным П.И. Рычкова, в Сауране проживало 100 семей (Топография Оренбургской губернии, 1887, с. 18-20).

Рис. 33. Городище Сауран. План.

Окончательное запустение города Сауран произошло в середине XIX в., поскольку проехавший здесь и осмотревший Сауран в 1866 г. П.И. Пашино писал о Саурани как уже о развалинах (Пашино, 1868, с. 59-60).

Письменные источники помещают вблизи Саурана, в его округе селение (маузи) Джан-Курган, где располагался обоз армии Адаллах-хана (МИКХ, с. 288).

Городище под названием *Жана-Сауран* находится в полукилометре южнее железнодорожной станции 33, в 7 км восточнее городища Сауран, на старице сухого русла р. Майдан-тал. Городище распаханно. В центре его находился участок городища размерами 100 x 35 м. В топографии прослеживаются улочки. Датируется оно XVIII-XIX вв. (Туякбаев, 2009, с. 112-114, рис на с. 183). Городище существовало вплоть до конца XIX в. и славилось своим скотным базаром.

О том, что городище Жана-Сауран существовало в XVI в. свидетельствует собранный здесь комплекс керамики XVI-XIX вв.

Очевидно, поселение Жана-Курган продолжало жить и в XVIII-XIX вв. Именно сюда переселились люди из заброшенного в середине XVIII в. города Саурана, отчего Жана-курган стал называться Жана-Сауран.

Город Сауран сохранил свое название и ему соответствует городище Сауран – одно из крупнейших в Казахстане и одно из наиболее хорошо изученных.

Сауран трижды менял свое месторасположение. Сауран первых веков н. э – начала XIII в. соответствует городищу Каратобе (Байпаков, 1998, с. 65-70; Смагулов, 2011), а городище Сауран XIII-XVIII вв. является остатками Саурана XIII-XVIII вв. (Байпаков, Смагулов, 2005). Городище Жана-Сауран, датируемое XVI-XIX вв., отождествляется с одноименным городом.

Город Сыгнак

Возрождению разрушенного монголами Сыгнака способствовало выгодное хозяйственно-экономическое положение городища, находившегося на стыке оседло-земледельческой территории и Дешт-и Кыпчаком. Город постепенно превратился в крупный торговоремесленный и земледельческий центр, стал хорошо укрепленной крепостью. В XIV в. Сыгнак был столицей сильного политического объединения – Ак-Орды. Отстроенный Эрзеном и особенно Урус-ханом (Якубовский, 1929, с. 130-133), Сыгнак и в XV в. продолжал сохранять значение экономического и политического центра для целого ряда сменявших друг друга правителей Дешт-и Кыпчака (Бартольд, 1964, с. 116). В 1446 г. Сыгнаком овладел Абу-л-Хайр-хан.

В 80-е годы XV в. город был захвачен Мухаммад Шайбани-ханом, но позже, после нескольких сражений с казахским ханом Бурундуком и сыновьями Джанибека – Махмудом и Касымом, Мухаммад Шайбани

ушел на Мангышлак (Бартольд, 1964, с. 116). Сыгнак же перешел в руки казахов и в дальнейшем городом владел Бурундук-хан: «Наконец, такие [люди] как Казы Садр ал-ислам, Чакмак-йузбеги и Сиддик-шайх, эта группа представителей [горожан], созвав людей Сыгнака, сказали: «Прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану. Целесообразно нам передать этот вилайет Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприятности» (Пищулина, 1969, с. 14).

В течение длительного периода борьбы за присырдарьинские города Сыгнак чаще, чем другие города, попадал в руки казахских ханов, так как именно здесь, в его окрестностях, находились обширные зимние кочевья казахов, что облегчало возможность подчинения

и самого города. Так, сообщение Рузбихана Исфагани, относящееся к 1504-1505 гг., включает Сыгнак в число подвластных казахам территорий: «Когда [Мухаммад Шайбани-хан] достиг пределов казахских земель, он прошел Сыгнак и дошел почти до Кара-Абдала, который является центром их зимнего кочевья» (Пищулина, 1969, с. 14). Как уже говорилось выше, казахи владели Сыгнаком и в середине XVI в. Неоднократно упоминается Сыгнак и в событиях 70-80-х гг. XVI в., связанных с борьбой хана Абдаллаха с Баба-султаном и другими непокорными султанами.

Яркое описание Сыгнака и его значения в жизни региона приводит Рузбихан. «Владение Сыгнак – конец благоустроенных земель северной стороны области Дешта. В старину он был очень большим, цветущим городом. Вся эта область весьма благоустроена и возделана, и всему тому краю содействовали всякого рода блага и спокойствие. Этот город в действительности является пограничной заставой Дешт-и Кыпчака и славится по всему миру обширностью площади и наличием безопасности и спокойствия. От заслуживающих доверия людей той страны стало

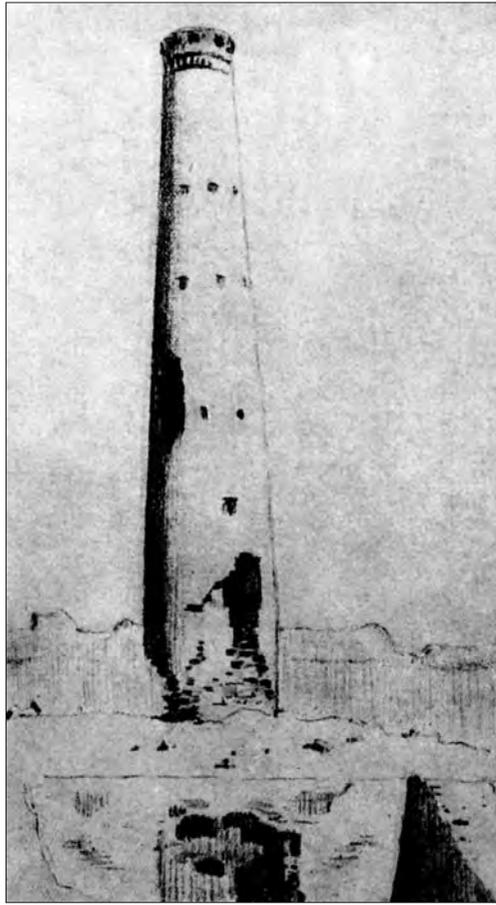

Рис. 34. Минарет Сауранского медресе.
Зарисовка В.В. Верецагина

известно, что в прежние времена и предшествующие эпохи в этом благоустроенном владении и обильной радостями стране было так много жителей и обитателей, что ежедневно на рынках жарили пятьсот верблюдов и к вечеру на базарах не оставалось ни куска. Поистине, эта земля способна поддаваться такому благоустройству.

Оросительные каналы ее обработанных полей все выведены из реки Сейхун. Степи и поля той страны богаты водой, травой, кустарником «так» для топлива. В степях того владения, как стада овец на пастбищах, пасутся дикие сайгаки, куланы, степные бараны и разные другие животные. Все люди, обитающие в том владении, в не зимние дни много охотятся и заготавливают на зиму запасы продовольствия. Мясо животных, добытых на охоте, в том владении бывает дешевым, стоит мало. В эту страну со стороны Дешта из Хаджи-Тархана доставляют множество благ: овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как-то: шубы из меха киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия. Так как [Сыгнак] является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дешта, то купцы владений и местностей Дешт-и

Рис. 35. Городище Сыгнак. План

Кыпчак до пределов реки Адил, которые являются северным краем благоустроенных [земель] и примыкают к побережью Бахр ал-Мухит, сделали город Сыгнак местом складов своих [и] приводят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен. Поскольку эти торговые сделки совершаются в Сыгнаке, то это владение постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра, и товаров всех стран там в изобилии. Обитателей [Сыгнака] хотя и немного, но все они воины и люди боевые, закинувшие луки за плечо мужества и опоясавшиеся саблями на битву. Никто из казахов не жаждет напасть и ограбить их земли, и они проживают в том всюду благоустроенном владении и радостном краю в полном спокойствии и веселии под сенью богатства и изобилия. Он так же пишет:

«Славен город Сыгнак,
 Что является местом проезда в Дешт-и Кыпчак.
 К нему дары Дешта везут
 Все, что привозят оттуда, к нему везут.
 Он – пограничная застава всех владений Туркестана,
 В нем народу спокойно и безопасно.
 Уже раньше эта спокойная страна
 Была местом жительства ученых людей.
 Из нее составитель книги «Нихайа» (Фазлаллах ибн Рузбихан
 Исфাহани, 1976, с. 116-117),
 Из нее толкователь трудных мест «Хидайа».
 Если наша жизнь продлится долго,
 Мы еще раз станем сыгнакцами» (Фазлаллах ибн Рузбихан
 Исфাহани, 1976, с. 116-117).

Сыгнак был важным религиозным центром. Рядом с ним находилось кладбище, куда свозили хоронить всех ханов. Над могилами знатных людей «возводили здание, похожее на купол», то есть купольные мавзолеи. На кладбище находилась гробница Абу-л Хайр-хана (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с. 117-118).

Как отмечал Рузбихан, окрестности Сыгнака были плотно заселены казахами, которые здесь зимовали, а часть проживала постоянно. В результате сражений с казахами победителям доставалась богатая добыча, о чем сообщает Рузбихан, поражаясь богатству казахских центров, скорее всего юрт знатных казахов, сравнивая их с замками. Он восклицает «...Ах, какие шатры! Замки, воздвигнутые высоко, дома построенные из дерева в воздушном пространстве» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с. 128).

В самом городе имелись мечети.

Он же сообщает о громадной добыче, которая досталась узбекам после разгрома казахов (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с. 128-131).

Русские источники содержат сведения о Сыгнаке XVIII в. Так, в «Сказке ташкентского купца» Алима Нурмухаммеда, относящейся к 1735г., город «Сырнагата» (Сыгнак) причислен к городам Туркестана (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 28).

В материалах поездки поручика Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина из Оренбурга в Хиву в 1740-1741 гг. Сунак-Ата, Ата-Сауран, Туркустан (Туркестан), Ташкент помещены на реке Сырдарье, правителем в них был Юлбарис (МИКХ, с. 80).

А.Ю. Якубовский проанализировал вакуфные грамоты из Сыгнака и установил, что почти все названия арыков и речек, встречающиеся в вакуфных документах, сохранились до наших дней. Проезжая через степь Тюмень-Арык до Сыгнака, заметны следы арыков. Их много на юг и запад от развалин и меньше на север и восток. Иски-Тюмень-Арык выходит из Сырдарьи и проходит к холму Ак-Тобе и разветвляется, один канал идет к Кок-кесене, другой к Сыгнаку. Бузгул-Узьяк вытекает из озера того же имени. Озеро образовано разливами Сырдарьи. Находится озеро между ж.-д. станциями Тюмен-Арык и Яны-Курган.

Мын-Булак, Чулак, Арсланды, Кызыл-Тал, Кельте-Чалгия – речки, вытекающие из гор Каратау (Якубовский, 1929, с. 159).

Сыгнак был центром богатой земледельческой округи, орошавшейся речками, стекающими с южных склонов Каратау и выведенными из них арыками, а также магистральными каналами Тюмен-арык, берущими начало из Сырдарьи.

Локализация Сыгнака очевидна, он находится на месте крупного городища Сунак-Ата, что подтверждается сведениями письменных источников и археологических материалов (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 228, №3842).

Города и поселения левого берега Сырдарьи

На левом берегу Сырдарьи, напротив Отрара, Туркестана и Саурана, согласно сведениям письменных источников, находилась группа городов и селений. Это *Куджан (Куган)*, который впервые упоминается в связи с походом Абдаллах-хана в Дешт-и Кыпчак. По пути в Узгент его отряды последовательно прошли Куджан, Аркук, Ак-Курган (МИКХ, с. 258, 259; Пищулина, 1969, с. 31).

Куджану, как удалось доказать, соответствует городище Кавган-Ага (Кауган-Ата) (Байпаков, 1977а, с. 205).

Городище Кавган-Ата находится на южной окраине аула Балтакуль и представляет округлый в плане плоский бугор высотой 8-10 м. Диаметр его равен 160-170 м. По периметру городище окружено стеной, состоящей из сомкнутых под тупым углом отрезков.

В местах соединения их располагались башни. Вокруг стены находится оплывший ров шириной до 15 м и глубиной 2 м. Въезд внутрь городища устроен в южной части стен. Улица, которая начинается прямо от въезда, делит территорию городища на две равные части. В центре

городища от центральной улицы на запад отходит еще одна, отчетливо прослеживаемая в топографии улица. Вокруг центрального бугра видны следы застройки.

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV-XVIII вв. Встречаются отдельные фрагменты и более раннего времени (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 162-164).

Город Аркук, названный в перечне населенных пунктов па Сырдарье, характеризуется в источниках достаточно обстоятельно (Пищулина, 1969, с. 24, 25).

Первое упоминание о нем встречено во второй четверти XV в. в сочинении Масуда бен Османи Кухистани. Аркук наряду с Ак-Курганом и Узгентом упоминается как город, захваченный Абул-хайр-ханом во время его похода на Сыгнак (МИКХ, с. 159).

Обстоятельная характеристика этого города приводится Рубзиханом, советником и историографом Мухаммада Шайбани.

Он писал: «Первая крепость из числа туркестанских крепостей, которая явилась стоянкой августейших знамен, была крепость Аркук. Эта крепость в одном фарсах от реки Сейхун и расположена она на западной стороне реки. Через нее проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то: Ясы, Сабрам и другие владения. Хотя крепость Аркук по количеству зданий невелика и [состоит] из нескольких домов, но наблюдается удивительное дело в ее благоустройстве.

Через эту крепость проходили в этом году все победоносные воины. Все [воины] вышли из самаркандских и бухарских полей и степей и ни у одного не было [с собой] съестных припасов. Решено было собрать на месяц с лишним продовольствия для похода на узбекские и казахские города, [и что] город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами.

Несмотря на то, что была середина зимы, самое время дороговизны хлеба и скудости продуктов питания, этокое несметное войско, от числа и счета которого останавливается в нерешительности [даже] счетчик фантазии, а обладающий разумом [человек] не берется за перо точности, [чтобы] охватить [хотя бы] часть его, расположилось на пространстве той крепости, и все с большой поспешностью направились в дома того города для сбора продовольствия и заготовили все необходимое для всего войска, без того чтобы кто-либо пожаловался на войско за несчастье или просил заступничества от насилия его.

Поскольку в том городе нет лавок и базаров и большая часть купли-продажи производится в домах жителей, то воины выходили из домов жителей, обремененные ношей. Их обоз и верблюды [были] перегружены всяким добром и показывали, что большинство селений Туркестана по благосостоянию подобны крепости Аркук и даже еще более цветущи.

И это – дело весьма диковинное, потому что если бы прохождение такого войска случилось через большую часть местностей Мавераннахра, Хорасана, Ирака и Азербайджана и оно потребовало бы продовольствия на один месяц, то, возможно, разорилось и погибло бы множество народа от наказаний и мучений при поисках зерна. Войско не смогло бы удовлетворить свои потребности, а те местности лишились бы красоты благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов. И это благоустройство туркестанских городов полностью зависит от бесконечных милостей его величества, наместника всемилостивого, и доброй заботливости, которая появилась в повелителе стран света по отношению к нему [городу Аркуку], за исполнение правил согласия, которое с самого начала исходило с их стороны» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с. 75-76).

Во второй половине XVI в. Аркук упоминается как город на караванной дороге, проходящей по левому берегу Сырдарьи. Известно также, что в окрестностях Аркука и Куджана формировались отряды Бузахар-Султана (МИКХ, с. 260, 261).

В свое время Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич отождествляли с Аркуком городище Артык-Ата, расположенное в урочище Ак-Куль (Агеева, Пацевич, 1958, с. 125-128).

Однако, датировка, предложенная ими для памятника, оказалась неточной. Городище Артык-Ата доживает до XII в. Но, неподалеку от городища Артык-Ата находится еще один памятник-городище – Бозуктобе.

Оно датируется на основании подъемного материала XV-XVIII вв. Таким образом, средневековому Аркуку соответствует городище Бозуктобе (Байпаков, 1977а, с. 206).

За Аркуком вниз по Сырдарье источники XV-XVII вв. помещают город *Ак-Курган*. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» автор Масуд бен Осман Кухистани называет Ак-Курган в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану наряду с Сыгнаком, Сузаком и Аркуком (МИКХ, с. 159).

Хафиз Таныш упоминает Ак-Курган в связи с деятельностью шейбанида Баба-султана (МИКХ, с. 260).

Город известен и в русских источниках. В «Книге Большому Чертежу» Ак-Курган-град помещен в 70 верстах от Яныкургана и к 110 верстам от Сайряма (Макшеев, 1880, с. 31).

Городище Актобе или Ак-Курган, сохранившее название города, расположено в 4 км от берега Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, ориентированный сторонами по странам света. Наиболее высокая часть городища, размерами 150 x 110 м, возвышается на 6 м над общей поверхностью местности. Эта часть городища – цитадель, была укреплена стеной с башнями.

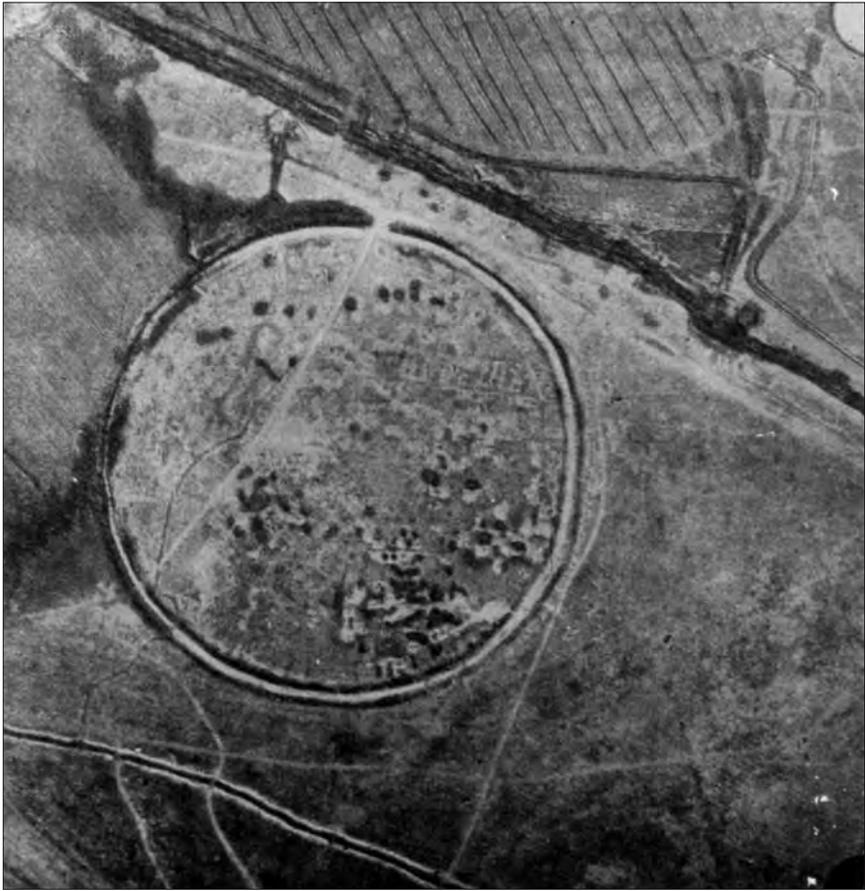

Рис. 36. Городище Бозук. Аэрофото

Вокруг возвышенной части расположены развалины в виде плоского, подчетыреугольного в плане бугра. Размеры его сторон: восточная – 210 м, западная – 240 м и южная – 230 м. Городище опоясано рвом. Датируется памятник на основании подъемного материала XIII-XVIII вв.

Таким образом, отождествление Ак-Кургана с одноименными развалинами не вызывает сомнения (Байпаков, 1977а, с. 205).

Уверенно локализуется еще один левобережный город – *Узгент*. Он впервые упоминается вместе с Сыгнаком, Аркуком и Ак-Курганом в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану.

Затем город описывается в связи с началом деятельности Мухаммеда Шайбани-хана.

Именно из Узгента навстречу Муххамаду Шайбани-хану выступил отряд Хамзы-бека после того, как Мухаммед Шайбани-хан занял Аркук. Отряд был разбит, а Узгент сдался без боя. В городе оставлен гарнизон в 20 человек во главе с Мухаммад-Тимуром.

Город славился своими укреплениями. Известен факт, когда город выдержал осаду четырехтысячного войска (МИКХ, с. 112-113).

Затем Узгент упоминается Хафизом Танышем в событиях второй половины XVI в. (МИКХ, с. 260, 261).

Городище, которое называется Кыр-Узгент, представляет собой многоугольный бугор, окруженный по периметру стеной с башнями. Наибольшая протяженность бугра с севера на юг составляет 250-300 м. По периметру его идет стена с 15 башнями. Городище опоясано также рвом. Въезд расположен в восточной части. Центральная улица, которая начинается въездом, пересекает всю территорию и подходит к водохранилищу – хаузу, расположенному в западной части городской территории. Вокруг центрального бугра прослеживаются участки полей, остатки ирригационных сооружений. Датируется городище XIII-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 160, 161).

В низовьях Сырдарьи на ее левом берегу находился город *Жанкент-Янгикент* (Янгекент, Янакент; ал-Карьят ал-Хадиса, Дих-и Нау).

Жанкент – город, известный как столица огузов с X в., и имеющий богатую событиями историю.

Раскопки городища Жанкент начались уже во второй половине XIX в. сразу же после завоевания Южного Казахстана Россией.

Джанкент посетил востоковед П.И. Лерх, затем художник В.В. Верещагин, которые провели там разведывательные раскопки и собрали интересный материал. Археологическое изучение городища составило интересную страницу истории археологии (Чабров, 1957, с. 197-230).

Изучение городища продолжала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция во главе с С.П. Толстовым (Толстов, 1947, с. 58-62, 98-102). Работы на городище проводятся и сейчас (Байпаков, 2007, с. 35-61; Байпаков, Воякин, Ильин, 2012, с. 22-24; Курманкулов и др., 2007; Байпаков, 2013, с. 157-163).

В итоге удалось установить, в том числе с большей долей уверенности, что новой столице Джанкенту предшествовала старая – город Хувара-Джуvara и отождествляется с городищем Куюк-Кескенкала, расположенном в 25 км южнее городища Джанкента (Байпаков, 2013, с. 36-37).

Следует отметить интересный факт, характерный позднесредневековой истории этого города. Он после монгольского нашествия поменял место своей дислокации и Джанкенту XIII - XIX вв. соответствуют развалины городища Мынтобе или Джанкала, которое находится в 3 км южнее городища Жанкент. Это прямоугольное в плане четырехугольное укрепленное поселение. Размеры его 1,2 x 1,2 км. Стена сохранилась на отдельных участках на высоту до 3 м. И именно это городище исследовалось П.И. Лерхом и В.В. Верещагиным и отсюда происходят материалы, в частности, облицовочные изразцы XV в.

Во второй четверти XVIII в. Северное Приаралье стало основным районом зимнего пребывания хана Абулхайра, который разместил у развалин Жанкента свою главную ставку. Он просил российское государство восстановить Джанкент.

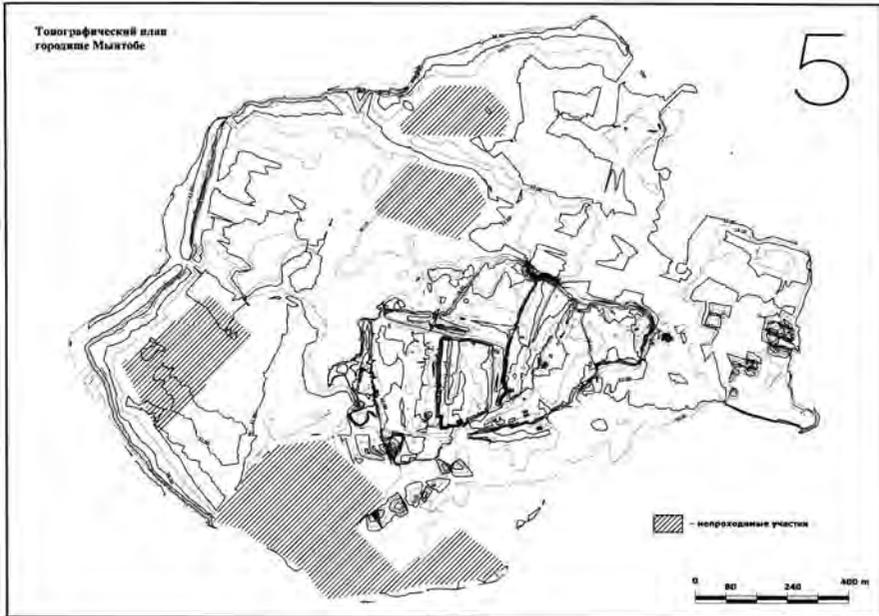

Рис. 37. Городище Мынтобе. План

В «отписке» Ф. Скрябина, датированной 1697 г., есть сообщение о городе Джанкенте-Янгикенте: «А от Туркестана до земли вниз по Сырту рек на три дня до города Юзюганту. И в том де городе Тявку-хан в прошлом году поступился караалпакам сбору половиною городов. И пашут пашню с казахами живучу сообща. И от Юзюганту вниз же по Сарту, по обе стороны кочуют караалпаки, на десяти днищах до мечети их курчут. А городов де особых нет...» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 384).

Указом императрицы Анны Иоанновны от 20 августа 1739 г. начальнику Оренбургской экспедиции В.А. Урусову поручено было ответить хану, что вопрос о возведении города может быть решен только после предварительного изучения местности.

С этой целью царское правительство распорядилось направить в ставку Абулхаира «способного офицера и поручить тому осмотреть тамошние места, описать эти места и учинить ландкарту».

Выполнение этого задания было возложено на поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина, которые в сентябре 1740 г. выехали из Оренбурга в низовья Сырдарьи.

Основные результаты проведенного ими беглого осмотра развалин Жанкента и его окрестностей были изложены в «показаниях» И. Муравина, который обнаружил на территории городища всего лишь «ветхий остаток» крепостных стен (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 56-77). Поэтому просьба Абулхаира не была удовлетворена.

Но в сознании многих поколений казахов руины Жанкента оставались символом многовековой истории кочевых и оседло-земледельческих народов Приаралья. Память об историческом прошлом Жанкента как процветавшей некогда столице обширного ханства сохранялась в народных преданиях и легендах.

Поэтому Абулхаир стремился разместить свою ставку не только в окрестностях Жанкента, но и непосредственно на территории самого городища.

Благодаря Абулхаиру, название и местонахождение древней столицы Приаралья стало известно в России и Европе и было впервые нанесено на географические карты азиатской части континента (Ерофеева, 2007, с. 229-232; История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 410-411).

После смерти хана Абулхаира Северо-Восточное Приаралье перешло к его давнему сопернику султану Батыру (ум. в 1771 г.), а затем – его старшему сыну хану Каипу (ум. в 1795 г.). Каип, следуя примеру своего знаменитого предшественника, также выбрал развалины городища Жанкент, точнее их окрестности, в качестве постоянной резиденции. Развалины города оставались постоянной ставкой старшего сына Каипа, султана Абулгазы (ум. в 1815 г.), избранного в 1797 г. приаральскими казаками ханом.

Широкую известность древнее городище в низовьях Сырдарьи приобрело в годы правления старшего сына Абулгазы – Арынгазы-хана (1815-1821), ставшего в это время самым влиятельным и знаменитым среди казахских правителей. Его детство и юность прошли вблизи Жанкента, где он впоследствии по традиции расположил свою зимнюю ставку. Местом для церемонии провозглашения Арынгазы ханом был выбран Жанкент, и на территории легендарного города в 1815 г. он был поднят по древнему обычаю на белой кошме. Обладая большим честолюбием, сильной волей и незаурядным умом, Арынгазы сумел быстро добиться усиления своей власти, пресек внутренние междоусобицы и нападения подвластных ему кочевников на оседло-земледельческие селения и торговые караваны, активно содействовал русским и бухарским купцам в развитии транзитной торговли. Благодаря этому, Арынгазы приобрел большой авторитет как в Казахской степи, так и в среднеазиатских ханствах.

Однако широкая популярность Арынгазы среди казахского населения всех трех жузов вызвала у российских чиновников серьезные опасения в его политической благонадежности и сохранении лояльности к императорскому престолу. Поэтому в 1821 г. он вызван был в Петербург, награжден там серебряной медалью за успешное сопровождение российской дипломатической миссии в Бухару, а затем на обратном пути задержан царскими властями и сослан в Калугу, где и скончался в 1833 г.

После отправления Арынгазы в далекую ссылку, в Жанкенте на некоторое время воцарился его главный политический противник –

султан Жангазы, или Маненбай (1802-1852), принявший ханский титул и подданство Хивинского ханства. Через год после его смерти в низовье Сырдарьи пришли российские войска, уничтожившие там опорные пункты Хивинского ханства (Байпаков, Ерофеева, 2011, с. 698-711).

Джан-кала. В Приаралье находится позднесредневековое городище Джанкала, отождествленное в свое время С.П. Толстовым с крупным средневековым городом Джендом (Толстов, 1962, с. 288-291). Это положение не подтверждается материалами новых археологических исследований и тождество Джанкалы и Дженда поставлено под сомнение (Байпаков, Воякин, 2010, с. 100-122). Но, город на месте городища Джанкала существовал в XIV-XIX вв. Об этом свидетельствуют раскопки дворца, мечетей, караван-сараев. Известно, что городом в последний период его жизни управлял казахский султан Джангазы (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 316-317, прим. 1). В 1847 г. город был разрушен русскими войсками и больше не восстанавливался.

Сузак, города и поселения, крепости на северных склонах Каратау

Сузак. Этот город впервые упоминается в середине XIII в. в событиях, связанных с поездкой армянского царя Гетума к хану Мунке (Гандакеци, 1976, с. 222). Достигнув Каракорума, Гетум был принят великим ханом «и по достоинству почтен им». «Он пробыл в Орде пятьдесят дней, (хан) пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснить его и страну его; он пожаловал так же грамоту, освобождавшую повсеместно церкви (от податей)».

Возвращаясь, посольство Гетума проехало города Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузак, т. е. Камоц, в Хундахойр и Сгнах, к горам Харчук. Оно также проехало через города «Сгнах и Совран, который очень велик (затем) Харчук и Асон в Саври и Отрар, Зурнук и Дизах. Оттуда через тридцатый день они достигли Самарканда...» (Гандакеци, 1976, с. 224).

В этих названиях легко узнать города, известные по другим письменным источникам: Сугулкент, Кумкент, Сузах, Карачук, Ясы, Сауран, Отрар, Зернук. Они достаточно уверенно отождествляются с конкретными городищами (Байпаков, 1977б, с. 91-92, карта). Именно в это время становится оживленным отрезок Шелкового пути, проходивший вдоль северных склонов Каратау.

В событиях второй половины XV - первой половины XIX в. Сузак часто упоминается как город на северных склонах Каратау, откуда дорога вела на север в Дешт-и Кыпчак и на юг в Сыгнак, Яссы, Отрар, в Среднюю Азию, на запад в Приаралье и на восток в Тараз.

Сузак часто переходил из рук в руки в период войн казахов и Шайбанидов. Так, в сообщении Рузбихана «во рве Сузака» Шайбаниды

Рис. 38. Городище Джан-кала. Аэрофото

разгромили войско сына Джанибека Махмуд-султана, а затем вместе с людьми Сузака и Кара-коза на перевале Согунлук, через который шла дорога из Сузака в Сыгнак, еще раз разбили войско Бурундук-хана (МИКХ, с. 21, 73-77, 105-106).

Сузак известен как город, откуда бежал Махмуд-султан от своих преследователей после отдачи Саурана (МИКХ, с. 116-117).

В сочинении «Тарих и Абу-л-Хайр-хани», написанного Масудом бен Усманом Кухистани, описывается поход хана на Сыгнак. Увидев многочисленное войско, Абу-л-Хайр-хан сдал город, и вслед за ним на милость хана сдались Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгент. Сузак был пожалован в управление султану Бахтияр-султану, Сыгнак – Манеоглану, а Узгент – Вахис-бию Мангиту (МИКХ, с. 159).

В сочинении «Шараф-наме и шахи» и «Абдаллах-наме» (книга, принадлежавшая перу Хафиза Таныша) описывает поход хана Абдаллаха в степь, при этом Сузак был своеобразной базой похода (МИКХ, с. 287). Но в тоже время Сузак стал местом схватки войск Абдаллаха и Баба-султана, за обладание города шли ожесточенные схватки, причем казахи блокировали перевалы на пути из Сузака в Сауран (МИКХ, с. 293).

В 1743-1745 гг. Сузак вместе с городами Туркестан, Сауран, Отрар управлялся казахским ханом Абулмамбетом (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 386).

Интересные сведения о Сузаке и об оседлых поселениях казахов в ущельях гор Каратау приводит Филипп Назаров, совершивший свою поездку в 1814-1815 гг.

«Дорогою (к Сузаку) мы находили весьма много черепак. (В исходе сентября) на рассвете караван остановился в 4-х верстах расстоянием от города. Я с чиновниками и султанами был приглашен к правителю, или губернатору города; он нас угощал чаем, виноградом, дынями; почивал курительным табаком и потом позволил осмотреть город. Сузак заключает в себе от 500 каменных домов, выстроенных столь плотно один к другому, что войдя в улицу, думаешь видеть ее огражденную каменным забором; окна в домах выстроены (вообще) на двор, во всем городе одна токмо круглая улица. Город сей стоит на возвышенном месте, в яру обнесен высокою, каменною стеною, внутри изобилует ключами; до 200 человек гарнизону охраняет город. В предместии его находятся пашни и рассеянные юрты бедных киргизов: жители трудолюбивы, занимаются хлебопашеством и производят мену товаров с кочующими на Сарысе и Чуе киргизами. Женщины их весьма ласковы и столь знакомиты, что приходили многие из них в караван наш» (Назаров, 1968, с. 31).

Далее Ф. Назаров направился с караваном вдоль северных склонов Каратау на юго-восток и через «Чулак-курган» и далее в сторону Арысы и в Чимкент.

Про Каратау он пишет: «Мы повстречали в сем месте киргизов (казахов), которые от набегов разбойников и черных (дикокаменных) киргизов имеют каменные укрепления, поблизости коих видны обработанные поля и передвижные юрты. Они занимаются

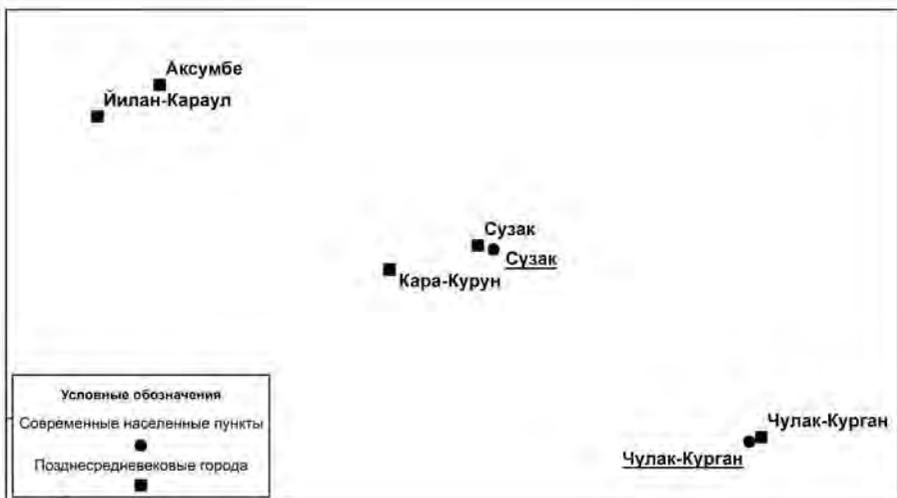

Рис. 39. Города, поселения, крепости на северных склонах Каратау

Рис. 40. Городище Созак (Сузак). Аэрофото

хлебопашеством, променивают хлеб проходящим караванам за товары. В опасных случаях они в укреплениях своих скрывают стариков, жен, детей и скот, защищая их до последней капли крови» (Назаров, 1968, с. 32).

В 1829-1830 гг. о Сузаке, как о крупном городе на торговом пути из Сибири в Среднюю Азию, упоминает Н.И. Потанин, сопровождавший кокандского посланника, и в это время караваны шли и через «Чолак-Курган», который, как пишет Н.И. Потанин, находился в 100 верстах от Туркестана и в 20 верстах от Сузака (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 345).

Спустя три десятилетия (1859) переводчик коллежского регистратора Н.И. Бардашев характеризует дорогу из города Аулиеата в Сузак, которая шла по ущелью Карой в долину р. Асса и далее выходила на северные склоны Каратау и приводила в Чолаккорган и оттуда через 55 верст в Сузак (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 345).

В округе Сузака находилось несколько городов и крепостей. *Йилан-Караул* упоминается в связи с событиями похода Абдаллаха в Туркестан и Дешт-и Кыпчак. В сочинениях Хафиза Таныша описывается ситуация, как путь из Сузака в Сауран перекрыли казахи, использовав крепость *Йилан-Караул*. Он пишет, что части войска Абдаллаха во главе с Ибалах-султаном «были направлены в сторону Саурана. По пути они прибыли к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название *Йилан-Караул*. Здесь, укрепившись, сидели многочисленные войска Дешта и препятствовали проезду. Известно еще одно название этой крепости – *Йиланчук*. Именно здесь Абдаллах расположил свой лагерь, следуя походам на казахов (МИКХ, с. 236). Крепость была окружена, но проживавшее там войско оказало упорное сопротивление, но все же не

смогли удержать крепость, она была захвачена. Победителям достался обоз и снаряжение (МИКХ, с. 213-214).

Есть мнение, что крепость Йилан-Караул соответствует укреплениям Кырык-Кыз (Кыз-Курган) и Бала Корган (Байпаков, 1977а, с. 388). Крепость Кырык-Кыз (Кыз-Курган) имеет форму неправильного круга с диаметрами 80 и 85 м. Крепостные стены сложены из камня-плитняка. Толщина крепостных стен 1,5-2 м, сохранившаяся высота – до 4 м. В стенах имелись проемы типа бойниц.

В северо-восточной стене крепости имеются предвратные сооружения в виде выступающих наружу пилонов, сложенных из такого же камня-плитняка и защищающих въезд в городище.

В центре крепости имелись более крупные строения, состоящие из нескольких комнат. Дома имеют 2-3 и более комнат. Очаги земляные. В некоторых постройках имеются небольшие отсеки – хозяйственные помещения. Общие размеры помещений 10-12 кв. м.

В одном километре севернее Кырык-Кыза находится вторая крепость Бала-Курган. Северо-западная стена ее стоит на кромке отвесного обрыва, труднодоступна; северо-восточная – прикрыта горами. Наиболее уязвима крепость с юго-восточной и юго-западной сторон, поэтому она усилена башней прямоугольной формы и (как продолжение ее) вперед вынесена вторая башня округлой формы.

Размеры крепости 75 x 37 м, высота стен 3-3,5 м. В одном из помещений в крепостной стене имеется бойница, обращенная к входу в ущелье Кызыл-Сай.

Были раскопаны и расчищены от завалов шесть помещений в жилой части крепости; пять из них пристроены к северо-западной стене, одно – к северо-восточной. Размеры комнат 4-5 x 2 x 2,5 м, толщина стен – 1 м. Комнаты однотипны, почти одного размера: примерно 8-10 кв. м каждая. Это комнаты казарменного типа. Очевидно, они служили помещениями для гарнизона крепости.

Можно считать, что Бала-Курган являлся форпостом, прикрывающим большой Кырык-Кыз с севера со стороны степи. Фактически культурный слой в раскопанных помещениях этих двух крепостей отсутствует, кроме небольшого количества маловыразительных черепков от хумчей и кувшинов. Две обнаруженные монеты датируют их XV-XVIII вв.

Каменные крепости Бала-Курган и Кырык-Кыз запирали сквозной проход по ущелью Кызыл-Сай со стороны степи в Туркестанский оазис. Вероятно, крепости сохраняли свои функции в продолжение нескольких веков – с XV по XVIII вв.

Рядом с Кырык-Кызом, к югу от него, расположен позднесредневековый могильник Кызыл-Ата. Он состоит из 296 погребальных памятников разного типа. Из них каменных колец – 65, каменных набросков – 21, каменных ящиков – 2, все остальные – земляные насыпи. Намогильные каменные плиты – кулыптасы имеются почти на всех памятниках.

Большая часть высеченных на них тамг относится к знаку в виде буквы «Т», являющейся тамгой племени «Каракерей» из казахского Среднего жуза. Надо отметить, что схожее начертание тамги имеет крупный род «жагалбайлы» племени «алшын» Младшего жуза.

По арабской графике на одном из кулуптасов с каракерейской тамгой нам стало известно имя одного из погребенных.

«Здесь был захоронен Сыдык – сын Кокея (?) из рода Каракерей». По палеографии эпитафии время захоронения относится к XVIII в.

Кроме тамги каракереев встречаются тамги: «донгелек» – дулатов, «тумар» – шапрашты, «босога» – коньратов и некоторые другие. Судя по тамгам, среди захороненных встречаются представители племен и народов всех трех казахских жузов.

Вероятно, могильник Кызыл-Сай был войсковым кладбищем (Акишев, 1987, с. 85-88).

Рядом с Сузаком источники XV-XVI вв. помещают населенный пункт *Кара-Курун*. У Бенаи в «Шейбани-наме» описывается эпизод подготовки Бурундук-хана к военной кампании против узбеков: «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил [их в одно] большое войско» (МИКХ, с. 21). Есть мнение об

Рис. 41. Сузак. Мавзолей Кулак-Ата. XIX в. Фото 1946 г.

отождествлении Кара-Куруна с местностью Кара-Куль (МИКХ, прим. 20 на с. 509). Это, однако, не соответствует действительности, поскольку Кара-Кулем называлась местность и канал, выведенный из Сырдарьи вблизи Сыгнака, тогда как Кара-Курун находится на северных склонах Каратау. Поиски здесь привели к открытию городища Куль-тобе, расположенного в 25 км северо-западнее. Сузака в ущелье, носящее название Карагур.

Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной из плит камня. Размеры сторон соответственно равны: северная – 30 м, западная – 70 м, юго-западная – 40 м, юго-восточная – 60 м и восточная – 30 м.

Внутри поверхность цитадели плоская. На ней в южной части находится бугор диаметром 15 м. К цитадели с южной стороны примыкает плоский бугор с подковообразным возвышением по краю.

Раскопки городища открыли часть застройки из каменных плит. В двух-пятикомнатных домах имеются жилые помещения с очагами-тандырами, суфы. Другие помещения были кладовые. В топографии городища прослеживается площадь для загона скота.

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV-XVI вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 179-180).

Еще одно аналогичное поселение открыто в ущелье Ран. Оно также было огорожено стенами. Внутри прослежена жилая застройка. Датировка его XVI-XIX вв. Историческое название этого поселения неизвестно. Видимо, Кара-Курун – городище Культобе и город на месте городища Ран являются остатками тех самых «казахских каменных крепостей», о которых писал Ф. Назаров (Назаров, 1968, с. 32).

Селение Чолаккорган. Расположено на северных склонах Каратау. В 1813 г. Ф. Назаров с грамотой и подарками к хану Коканда, в составе специального каравана прошел путь из Омска в Коканд, через казахские степи добрался до Сузака, а оттуда по новому для караванов пути вдоль северных склонов Каратау через урочище Чулак-Ашу и перевал Арыстанда в Чимкент и Ташкент (Назаров, 1968, с. 32). Он ничего не сообщает о городе Чолаккорган, но видимо здесь была одна из каменных крепостей казахов.

О Чолаккоргане сообщает Н.И. Потанин, сопровождавший в 1829-1830 гг. также кокандских посланников, бывших в Санкт-Петербурге в Коканд.

«Выехав из Семипалатинска он (караван) пересек Бетпак-Далу, переправился через р. Чу, добрался до пограничного городка Чолаккорган. Селение насчитывало около 70 домов тесно расположенных один к другому. Дома делаются из глины с деревянными потолками. Местечко это окружено глинобитной стеной и расположено на высокой горе, вокруг которой проведен канал, сажени в три шириной, через него сделан один только мост и поэтому местечко имеет один только выезд» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, т. VI, с. 259).

Это был торговый центр, через который проходили караваны из России и Китая в Ташкент и обратно. Жители обслуживали караваны, занимались хлебопашеством, торговлей с кочевниками, охотой.

Рядом, в 15 верстах от Чулаккоргана, находилось еще одно селение – Джарыкорган. Отсюда шел путь в Чимкент, из Чимкента караван добрался до Ташкента (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 260).

На обратном пути, возвращаясь в Омск, Н.И. Потанин заезжал в Чолаккорган (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 281).

Чолаккорган упоминается в дневнике С.Я. Ключарева, совершившего путешествие в 1851-1852 гг. из Троицка в Ташкент и обратно.

Чолаккорган и сейчас продолжает жить под своим именем – это поселок в Южно-Казахстанской области, в 190 км к северу от Чимкента. В восточной части его находится городище. Оно неоднократно обследовано археологами, но раскопки здесь не проводили, датировано оно на основании подъемного материала XIII-XVI вв. (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с. 428).

Но, однако, здесь была найдена керамика и XVII-XIX вв.

Башня и селение Аксумбе. Башня Аксумбе впервые описана в Зафар-наме «Шараф ад-дина Али Йезди» в связи с борьбой Тимура и Адилшаха. Последний был пойман в горах Каратау и казнен в крепости Аксумбе, это произошло в 1376 г. (Акимушкин, 1973, с. 133).

Аксуме (Аксумбе) упоминается в сочинении Шараф-наме-йи шахи Хафиза Таныша в событиях 1582 г., описавших поход Абдаллаха на казахов. Там написано: «...проехал Аксумбе и Йурунджжалык и расположился лагерем» (МИКХ, с. 270).

В материалах Посольского и Сибирского приказов сохранилась «отписка по расспросам Ф. Скибина и других лиц, путешествующих в Казахскую Орду и Бухарию», датированная 1697 г. Они, доехав до гор Каратау, пишут: «...а наверху того камени башня и караул, и по степи де видать всяких людей, долечи в ходу до подле того камени два дня. А на выходе до того камня казачий город Юзугант, а от Юзуганта ходу казацкими городами до Туркестану три дня» (История Казахстана в русских источниках в XVI-XX вв., 2005а, с. 382-383. Названный в отрывке город Юзугант по нашему мнению – Узгент).

Башня сохранилась до сих пор на окраине современного села Аксумбе Южно-Казахстанской области. Башню и городище рядом с ней обследовала Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, возглавляемая А.Х. Маргуланом еще в 1946 г. По его мнению, башня была построена в конце XIII в. В 2007 году были проведены археологические раскопки городища Аксумбе, получен материал по нему, определена хронология поселения в диапазоне с X по XIII в. (Маргулан, 1948, с. 109-110). По мнению участников раскопок

А.А. Байтанаева и А.А. Ергешбаева, башня Аксумбе была, скорее всего, мечетью, сооружена в период правления Хорезмшаха Муххамеда в XI-XII вв. (Байтанаев, Ергешбаев, 2009, с. 147-156).

Однако, очевидно, что башня Аксумбе выполняла свою роль наблюдательного и сигнального пункта на границе степи и зоны оседлости в позднее средневековье. И все это время здесь обитали воинские отряды и обслуживающее его население. Так было в X-XIII, XIV-XV и до XIX в.

Керамика, собранная на поселении, датируется до XVIII в. и подтверждает время функционирования башни в XIII - XVIII вв.

Города Юго-Западного Жетысу

Город Аулие-Ата. Наиболее полные сведения о городе и крепости Аулие-Ата оставил генерал-майор М.Г. Черняев. Он писал: «Бывшая кокандская крепость Аулие-Ата лежит на небольшой возвышенности левого берега Таласа.

Аулие-Ата состояла из крепости и слободки-города. Крепость имела в плане вид четырехугольника, длина фаса которого составляет 170 сажен. В северо-западном ее углу находилась цитадель, западный фас которой равняется 50 саж., а северный – около 70. К югу и востоку от крепости была расположена слободка-город. Она тянулась на юг почти на версту, а на восточной – на 275 саж. Город был также обнесен стеной... К западу от Аулие-Ата саженьях в 400 находилось кладбище, среди которого возвышался полуразрушившийся мавзолей из жженого кирпича, довольно обширный внутри по имени *Карган* (Карахан), могила здесь которого дала название крепости Аулие-Ата. В полуторах верстах к востоку на значительной возвышенности стоял мавзолей по имени Текгурмас.

В цитадели помещались дом коменданта, жилища его приближенных и казармы (солдат). Вокруг цитадели имелась незастроенная полоса.

В крепости имелись прямых 5 продольных и 5 поперечных узких улиц, застройка насчитывала 517 домов с лавками и 66 – без лавок, 3 мечети и чугунно-литейную мастерскую, 8 кузниц и на юго-восточной стороне караван-сарай.

Город имеет 4 правильных улицы и 250 домов, 5 мечетей при которых имелось 22 лавки. Здесь также была чугунно-литейная мастерская и 15 кожевенных заведений, а также 3 караван-сарая – один на восточной стороне для кульджинских караванов, другой – на южной для наманганских и третий – на юго-западной для ташкентских; 2 мыльных и свечных мастерских и 2 бани.

В числе этих домов были три дома почетных киргиз.

Все постройки сделаны из сырцовых кирпичей и пахсы. В городе и в окрестностях имелись посадки деревьев – ивы, тополя и тала.

Жители занимались торговлей. Число их, судя по числу жилых домов, считая в каждом не менее 5 человек, приблизительное число их доходит до 2500.

...Занимаясь по преимуществу торговлей, здешние жители пашен и скота имеют мало, охотнее разводят сады, огороды и бахчи.

Через Аулие-Ата велась международная торговля. Находясь на пути в Кульджу, Алматы, Копал и Семипалатинск, город служит пристанищем всех караванов, идущих туда из Ташкента, Намангана и других городов. Торговлю его можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Здешние купцы по получении товаров, состоящих из шелковых и бумажных материй и выделанных кож, снабжают ими население киргиз (казахов), кочующее по Таласу и Чу. Товары свои они выменивают у киргизов на скот, преимущественно на баранов, огромные гурты которых перегонялись ими в Среднюю Азию или же в Петропавловск приезжающими оттуда купцами. Число приходивших караванов здешние жители определить не могут, по их рассказам, караваны туда и обратно проходят через Аулие-Ата беспрестанно, по несколько в день.

...Постоянная торговля в городе производилась в лавках, устроенных правильными рядами, занимающими целые кварталы. Значительное число лавок с ташкентскими шелковыми, шерстяными и бумажными тканями, с коврами и с сукнами русского изделия. Много лавок с урюком, изюмом, орехами различных сортов; есть шорные лавки, продаются также: чай, сахар, табак ташкентский, писчая бумага, глиняная посуда местного производства, мыло, свечи, но больше всего мясных, булочных лавок и с зеленью. Тут же помещаются харчевни. Есть также лавки с медными, чугунными и железными изделиями. На базарной площади, находящейся вблизи лавок, ежедневно производится большей частью киргизами продажа лошадей и скота; муки, зернового хлеба.

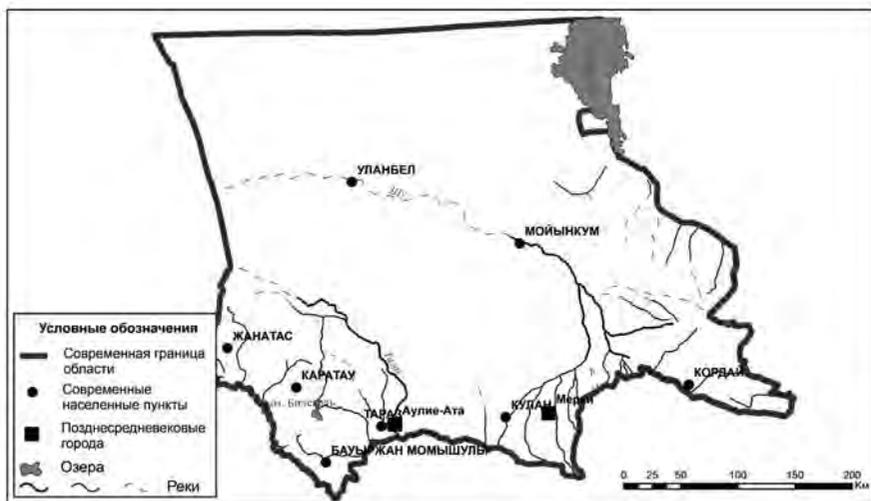

Рис. 42. Городища Шу-Таласского междуречья

*Рис. 43. Городище Тараз. Город Аулие-Ата.
Определение местоположения цитадели*

Город управляется семью аксакалами (старшинами), назначавшимися беком (комендантом) по выбору жителей и от которых они получили вознаграждение за эту службу, смотря по состоянию каждого торговца и жителя. Обязанность их состояла в наблюдении за правильностью продажи товаров, съестных припасов.

Большую же часть доходов город получал с поданных ему киргиз. Так, каракиргизы платили с юрты батман хлеба (около 10 пуд.), воз дров, воз сена для крепости и так называемый зякет со 100 баранов – 3 барана. Киргизы же были обложены меньшей податью: они платили с обыкновенной величины пашни 2 тия и зякет в том же размере. Кроме этих, имеющих уже законную форму сборов, как на тех, так и на других

Рис. 44. Город Аулие-Ата, базар. Фото конца XIX в.

киргиз, это были налог на транспорт – подводы и лошадей (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 351-355).

Город Мерки отождествляется с городищем Мерки.

В арабских источниках Мирки впервые упоминается как «большое селение», лежавшее на караванном пути между городами Куланом и Аспарой в дорожнике «Китаб ал-Масалик в ал-мамалик» Убейдаллаха ибн Абдаллаха ибн Хордадбега, арабского географа, родившегося около 820 г. и занимавшего должность начальника почты в одной из провинций. Его сочинение написано в 846-847 гг. Ибн Хордадбех пользовался какими-то более старыми источниками, восходящими к середине VIII в. (Волин, 1960, с. 74).

Более обстоятельная характеристика города приводится в сочинении арабского географа Мухаммед ибн Ахмед ал-Макдиси. Его сочинение «Ахсан ат-такасим фи-ма рифат ал-акалим», составлено около 985 г. Ал-Макдиси пишет: «Мирки (город) средней величины, укрепленный, имеет цитадель. Соборная мечеть была в древности церковью. Эмир-Амид-ад-Даула-Фаик (крупный военачальник при саманидах) построил рабад за стеной» (Волин, 1960, с. 82).

Еще одно важное упоминание о городе Мирки в источниках на персидском языке по историко-географической тематике содержит анонимный труд Худуд-ал-Алем («Границы мира»), написанный в 982-983 гг. Говоря об о карлуках и городах их, сообщается в сочинении, что округ этот граничит с мусульманами, и что «Мирки – селение, в нем (живут) халухи, приходят также купцы. Между этими двумя селение

(т. е. Куланом и Мирки) находятся три халухских племена, их называют: бистан, хайм, бириш» (МИКК, 1978, с. 42).

После X в. селение Мирки в источниках не упоминается, но оседлое население существовало здесь в XI-XIII вв., XIV-XVIII вв.

В связи с расширением границ Кокандского ханства, включившего в себя районы Юго-Западного Жетысу, в 1815 г. на территории городища была построена крепость, где располагался кокандский гарнизон.

Продвижение русских войск на восток привело в 1864 г. к взятию города Аулие-Ата (Тараз). До этого события, весной 1864г. войска без боя заняли укрепление Мерки (Теренъев, 2012, с. 277-278).

Основная часть средневекового городища Мерки находится на правом берегу р. Карасу в центре современного села Мерке. Городище вытянулось вдоль берега реки и производит внушительное впечатление, особенно в центральной части, на которой возвышается цитадель с башней. В топографии развалин городища хорошо читаются внешний вал, шахристан и башня на цитадели.

Сравнительно хорошо вал сохранился вдоль восточной стороны, но лучшую сохранность он имеет вдоль северной стороны. С внешней стороны вала проходит ров. В северной стене, ближе к северо-восточному углу, имеется глубокий пролом через вал, разрезающий его почти до основания и вскрывающий конструкцию. Ядром вала является массивная стена, выложенная из сырцового кирпича толщиной около 4 м. Сам вал имеет высоту 5 м и толщину 20 м. Глубина рва 1,5 м и ширина 15 м. По верху вала и отчасти вдоль береговой линии укрепления проходит невысокая, местами разваливающаяся глинобитная пахсовая стена толщиной 50-60 см и высотой от 1,8 до 2 м. В ее основании в качестве фундамента положен слой гальки размером примерно 10 x 10 см. Стена имеет три слоя. Высота вала над уровнем внутренней поверхности – около 3 м.

Само городище в плане представляет собой прямоугольный бугор, вытянутый по линии восток-запад. Северная сторона равна 380 м, восточная – 275 м, западная – 250 м. В юго-западной части городища возвышаются остатки цитадели. Она отделена от шахристана стеной, превратившейся в настоящее время в оплывший, сильно задернованный земляной вал высотой 1,5-2 м. Углы стен укреплены круглыми башнями, еще две башни фланкировали въезд в цитадель в юго-западном углу южной стены. Изнутри цитадель имеет вид прямоугольной площадки размером 110-75 м. На ее поверхности видны остатки построек в виде бугров различных форм и размеров. К середине западной стены цитадели примыкает правильной формы прямоугольный холм высотой 4,5 м над общей поверхностью цитадельной площадки. На вершине его плоская площадка размером 17 x 10 м.

Стены и башни цитадели были обновлены и достроены при восстановлении Мерки кокандцами.

Шахристан представляет неправильный четырехугольный бугор высотой 3 м, окруженный оплывшей стеной. По углам и по периметру прослеживаются следы башен в виде выступающих холмов высотой 1,5-2 м.

Во время археологических раскопок полевого сезона 2006 г. в районе северной стены цитадели, на примыкающей к ней площадке размером 50 x 50 м, была вскрыта жилая усадьба кокандского времени с большим двором и жилыми постройками. В раскопе размером 31 x 31,5 м находились шесть помещений. В юго-западной части помещения 2 было расчищено основание печи, возвышающееся на 0,2 м от пола, выложенное из жженого кирпича. Снаружи основание обложено сырцовым кирпичом.

В помещении 3 расчищены остатки открытого очага-сандала размером 0,8 x 0,9 м. Сандал заглублен на 0,1 м, дно его вымощено обломками жженого кирпича. Бортики оформлены жжеными кирпичами, поставленными на ребро. Топка шириной 0,5 м находилась с северо-западной стороны. Во время раскопок были найдены кирпичи с арабской надписью и железный топор, все эти находки могут быть датированы первой половиной XIX в.

Вскрыта постройка, скорее всего, является жилищем коменданта кокандской крепости.

Описание Мерки оставил переводчик начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды И.А. Бардашев в 1859 г. Он сообщает: «Мерке – простенький курган на реке того же имени, устроен на незначительной возвышенности и имеет длину около 50 сажен, поперечник около 30, толщина стен в основании не более 1 сажен, которая, утоньшаясь кверху, увинчена зубцами, вокруг стен рва не имеет» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2007, с. 342).

Города Приуралья

Город Сарайчик. По мнению большинства исследователей, город возник в эпоху Золотой Орды.

Процессы урбанизации в Золотой Орде начались во время правления хана Берке. Золотоордынские города принимают «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, медресе, караван-сараев и бань. Собранные в Золотой Орде ремесленники принесли с собой свои архитектурные каноны и строительные приемы, испытанные строительные материалы и технологию их производства разных регионов Центральной Азии, Казахстана, Ирана, Крыма.

Расцвета городская культура достигла при хане Узбеке и наследовавшем ему Джанибеке. Время их правления характеризуется ростом территории городов и возникновением значительного числа новых населенных пунктов.

Жизнь подавляющего большинства золотоордынских городов была прервана в очень короткий срок – практически одновременно, во время

второго похода Тимура на Золотую Орду. Достаточно сказать, что на территории прикаспийских степей разрушению не подверглись лишь два города – Сарай (на Ахтубе) и Сарайчик (на Урале) (Егоров, 1985, с. 75-78). Интересные сведения о Сарайчике приводит Ибн Баттута.

Время путешествия Ибн Баттуты – XIV в., точнее, его первая половина, а это было время, когда торговый и дипломатический путь из Европы в Китай через Поволжье, Хорезм и Бухару стал самым оживленным.

На своем пути Ибн Баттута побывал в городе Сарайджук (Сарайчик) на реке Урал. И вот, что пишет Ибн Баттута: «Через несколько дней после Сара (Сарая) мы прибыли в город Сарайджук, джук значит «маленький». Таким образом, они хотели выразить, что Сарай – малый. Город этот расположен на берегу полноводной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок как в Багдаде» (Ибрагимов, 1988, с. 72).

Полную и наиболее точную сводку сведений о Сарайчике, извлеченных из письменных источников, приводят В.Л. Егоров и В.В. Трепавлов (Егоров, 1985, с. 124-125; Трепавлов, 2002, с. 225-244).

Возник город, если следовать письменным источникам, по повелению основателя Золотой Орды хана Бату, правившего в 1227-1254 гг.

Городище находится на правом берегу р. Урал, у пос. Сарайчик. Название города хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам. Основание его относится, как отмечалось, ко второй половине XIII в., окончательное разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. (Левшин, 1823, с. 10).

Город длительное время являлся крупным транзитным пунктом, позволявшим золотоордынскому и западноевропейскому купечеству торговать со странами Азии. Он был связан, с одной стороны, прямой дорогой с первой столицей Золотой Орды – Сараем, с другой, с центром Хорезма – Ургенчем. В XIII-XIV вв. этот путь служил основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, начальный отрезок которой шел прямо на восток до р. Сагиз, через которую был устроен брод из обтесанных камней и пролегал по пустынным безводным районам, на расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сарай.

Хорошо сохранился караван-сарай Тас-кичу, представлявший собой прямоугольную кирпичную постройку (45 x 42 м) с внутренним двором и помещениями вдоль стен. Отсюда путь сворачивал резко на юг к переправе через р. Эмбу и далее через плато Устюрт продолжался до самого Ургенча. На протяжении всего пути от р. Сагиз до столицы Хорезма к настоящему времени сохранились остатки около 15 караван-сараяв с обязательными при них колодцами (Толстов, 1958, с. 14-15).

Бытует мнение, что Сарайчик существовал еще в X-XII вв. Как считал известный археолог С.П. Толстов, на этом месте уже в X-XI вв. находилась «хорезмская колония» (Толстов, 1953, с. 304).

Монетный двор Сарайчика чеканил медные деньги. В конце XIV – начале XV вв. выпускались монеты-пулы. На одной стороне их оттиснуто «чекан города Сарайджука», а на другой – изображение цветка и хищного животного, возможно, льва. При раскопках Сарайчика найдено много монет, которые чеканились в городах Золотой Орды, а также Хорезма, Самарканда, Ирана.

Раскопки Сарайчика открыли городскую застройку. Она состояла из домов, построенных из сырцового кирпича. В них насчитывалось от двух до трех комнат, отапливаемых при помощи каналов (каннов), проложенных под полом. В кладовых имелись емкости для хранения запасов продуктов: зерна, фруктов.

Удалось раскопать и часть дворцового здания Сарайчика, стоявшего на искусственном возвышении. Дворец имел портал (входную часть), башни по углам окружающих его стен. Вскрыты остатки бани-хаммам (Тасмагамбетов, Самашев, 2001).

В развитии гончарства Сарайчика велик был вклад мастеров из Хорезма и Южного Казахстана, из сырдарьинских городов (Ерзакович, 1970, с. 60-68).

Город Сарайчик был разграблен и разрушен в 1581 г. казаками (Трепавлов, 2002, с.231).

ГЛАВА III

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ОТРАРТОБЕ

Характеристика Отрара, уличная сеть

Сопоставление топоплана городища, аэрофотоснимков с участками раскопанных площадей вкуче с визуальными наблюдениями позволяет получить следующие представления о характере топографии Отрара. Городище представляет собой прямоугольный в плане бугор площадью около 20 га и высотой 10-15 м с наиболее высокой точкой 18 м. По периметру оно окружено стеной, лучше всего сохранившейся на северо-восточной и восточной сторонах. Здесь крутизна наружного фаса достигает 70-80°. Два въезда – в южной и северной сторонах – соединены улицей. Еще один въезд расположен в западной стене.

Центральным был южный въезд. От него начиналась главная городская магистраль. Она идет прямо на протяжении около 60 м, затем разделяется по трем направлениям. Одна улица ведет прямо к северо-восточным воротам. Она состоит как бы из двух сомкнутых под тупым углом отрезков, место стыка которых находится почти в центре городища. На протяжении 50 м эта улица попала в площадь раскопа VI. Выяснилось, что ее ширина достигает 2-2,5 м. На этом же участке раскопаны две внутриквартальные улочки, на которые выходили двери домов. Внутриквартальные улочки на данном участке городища имели ширину 1,5-2 м. Еще более узкими были тупики к отдельным расположенным в глубине квартала домам – 1 м. Такие улицы характерны для позднесредневековых городов Средней Азии. В Бухаре, столичном городе, «самые большие улицы не шире одной сажени, а самые маленькие доступны только для пешеходов, так как некоторые из них едва имеют 3-4 шага от стены одного дома до стены противоположного» (Мейендорф, 1975, с. 94).

Две другие магистрали отходят на восток и запад и затем сливаются с центральной улицей на расстоянии 60 м от северного въезда. Здесь находилась городская площадь подтреугольной в плане формы площадью 300 м.

Восточная часть городища сохранила более четкий рельеф: здесь направление улиц и тупиков хорошо «читалось» еще до раскопок. Последние подтвердили предварительную дешифровку

Рис. 45. Городище Отрартобе.
Уличная сеть второй половины XV - начала XVIII в.

аэрофотоснимков. От главной городской магистрали на расстоянии 30 м от въезда отходит улица, которая идет параллельно южной городской стене и упирается в восточную стену. Длина ее (а она полностью попала в площадь раскопа IV) около 130 м. От нее отходят две магистральные улицы, которые идут почти параллельно главной магистрали: первая (Восточная 1) – на расстоянии около 100 м, вторая (Восточная 2) – на расстоянии 120 м. Эти улицы сходятся, как удалось установить, у южного въезда. Обе улицы почти идеально прямые, обе на протяжении почти 220 м попали в площадь раскопа IV. Ширина их 1,5-2,5 м. От них отходят внутриквартальные улочки шириной 1,5-2 м. Особенно четко уличная сеть видна в восточной части раскопа. Здесь на участке магистральной улицы протяженностью 150 м отходят 5 внутриквартальных улочек, упирающихся в городскую стену.

Расстояние между внутриквартальными улочками 25-30 м. Ширина их 1,5-2 м.

Замечено, что в месте слияния восточного ответвления главной городской магистрали с магистральной улицей Восточная 1 расположена площадь, на которую выходил фасад городской мечети (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1976, с. 31-34).

Западная и северо-западная части городища также имеют разветвленную уличную сеть. От входа сразу же отходит улица (Западная Г), которая идет параллельно стене на расстоянии 30 м. Создается впечатление, что Отрар имел кольцевую магистраль, которая шла параллельно городским стенам на расстоянии 5-10 м от гребня стены. Отдельные участки этой улицы прослежены на раскопах I и IV.

В раскопе I были прослежены магистральные и внутриквартальные улицы. На протяжении 150 м раскопана магистральная улица Северная 1, которая соединяла северо-восточные и западные ворота. На участке 100 м прослежена улица Северная 2, которая выходит к тем же городским воротам. Улицы имеют ширину до 2,5 м. На этом же раскопе прослежены три внутриквартальные улицы.

В юго-западной части городища, на раскопе III, также обнаружена система улиц и внутриквартальных тупиков. Магистральные улицы Западная 2 и Западная 3 идут параллельно западному ответвлению главной городской улицы и выходят к западным воротам (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, рис. 11, 14).

Уличная сеть в Отраре, как видно из характеристики отдельных улиц и совокупности их, рисуется сложной и достаточно разветвленной. Важным моментом, отмеченным в результате стратиграфических наблюдений, является преемственность уличной сети по крайней мере с XIV в., поскольку было установлено, что на протяжении этого времени основные направления магистральных и внутриквартальных улиц сохранились.

Благодаря аэрофотоснимкам определены границы цитадели, стены которой, согласно источникам, монголы сравнивали с землей. Прослежены следы рвов, которые демаскируют цитадель, располагавшуюся в центре шахристана. Она имела подтреугольные в плане очертания. Размеры каждой из ее сторон 220-230 м (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 43-50).

Удается идентифицировать ворота Дарваза-и Суфи, через которые монголы ворвались в город, с западными воротами, откуда начиналась дорога к мавзолею Арслан-Баб и раннемусульманскому кладбищу, функционировавшему в IX-XIII вв. (Нурмуханбетов, 1974, с. 93).

Пригородная часть за стеной в XVI-XVIII вв. была обжита слабо. Раскопками установлены лишь отдельные участки со слабой застройкой и отдельные загородные усадьбы, кладбища. Лишь у южного входа на участке около 1 га прослежена плотная застройка со следами ремесленных производств, таких, как гончарное и приготавливающее кыр-алебастр.

Раскопки в северо-западной части городища Отрартобе

Широкомасштабные раскопки верхних слоев городища Отрартобе, относящихся к XVI-XVII вв., проведенные в 1971-1976 гг., нашли отражение в опубликованной в 1981 г. монографии К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича «Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.)». Считаем необходимым повторно опубликовать с сокращениями характеристику раскопов, поскольку книга почти за четверть века после своего выхода стала библиографической редкостью и кроме того сами раскопки, охватившие территорию в 7 га, а это третья часть центрального бугра городища, содержит уникальные материалы

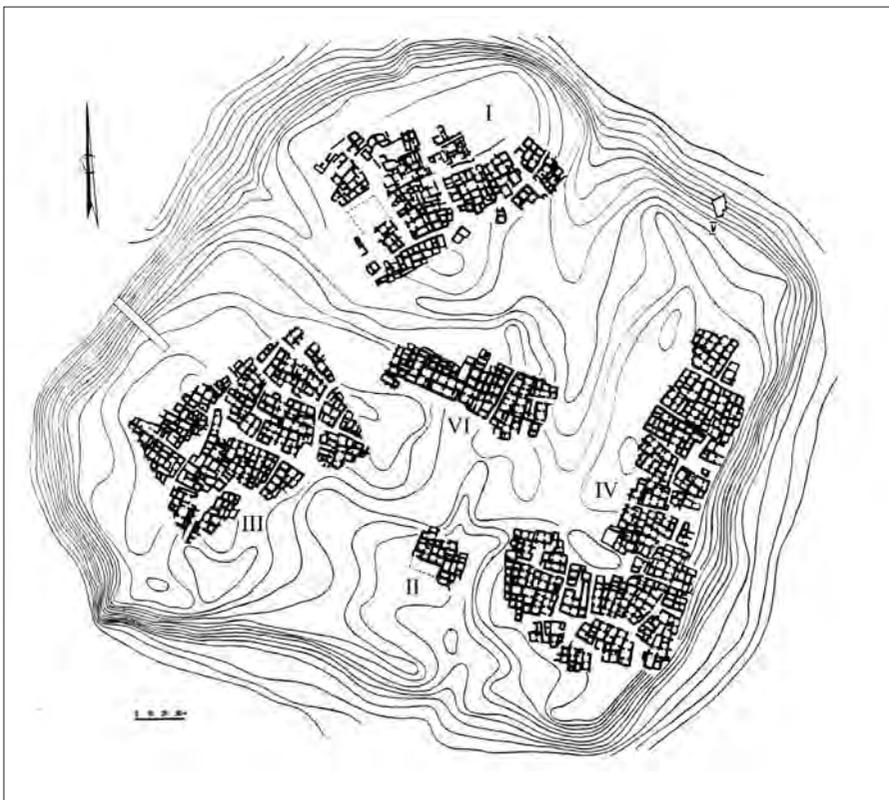

Рис. 46. План центрального бугра Отрара. Раскопы I-VI

по планировке и застройке города. Так же уточнены места локализации раскопов.

Раскоп I находится в северо-западной части городища. Юго-западной стороной он примыкает к магистральной улице, ведущей к воротам в северо-западной стене, северо-восточная и северо-западная границы находятся в 15-20 м от городской стены, юго-восточная граница раскопа проходит в 30-40 м от параллельной ей основной магистральной улицы.

Постройки основного строительного горизонта представляют собой сплошные массивы с плотной застройкой, рассеченной улицами.

Квартал «А» находится в юго-западной части раскопа и включает улицу протяженностью 80 м и два переулка, один из которых выходит на улицу с северо-восточной стороны, другой – с юго-западной.

В юго-западной части квартала находятся четыре домовладения.

Дом 1 состоит из трех помещений: жилого, хозяйственного и подсобного (164, 165, 166). Помещение 165 – центральное в доме. По своему назначению оно жилое. В плане помещение прямоугольное, размером 5,4 х 4,9 м. Вдоль юго-восточной стены в суфе находятся два разновременных тандыра. Первоначальный находился ближе к восточному углу суфы, у прохода в помещение 166.

Вымощенная жженым кирпичом площадка с ташнау, заглубленная на 0,35 м относительно уровня суфы была открыта в сторону прохода в помещение 166. Во второй период площадка с ташнау была засыпана строительным мусором, уровень пола в помещении 166 поднят, а новый тандыр устроен в южном углу суфы.

Рядом с новым тандыром находится открытая очаговая лунка, дно которой вымощено фрагментами керамики. После ремонта изменилось и направление дымоходов. В помещении имеются два прохода: один шириной 0,75 м находился в северо-восточной стене и соединял помещения 165 и 166, другой шириной 1,05 м – в юго-западной стене и вел в помещение 164.

Помещение 164 по своему назначению хозяйственное. В полу ближе к проходу в помещении 165 обнаружены ямы, где, возможно, стояли хумы. В южном углу помещения находится глинобитный закром. Помещение 166, по-видимому, передняя.

Дом был разрушен в результате пожара.

Рис. 47. Раскоп I. Общий вид

Дом 2 небольшой по площади – 23 кв. м, состоит из жилого помещения, кладовой и айвана. Жилое помещение 173 размером 5,8 x 2,9 м. Большую часть его занимает суфа с вмазанным в нее тандыром. Устье топки выведено на борт заглубленной на 0,35 м замкнутой площадки с ташнау. Вход в помещение находился в юго-восточной стене, ширина прохода составила 0,75 м.

Помещение 172 по своему назначению – кладовая. Помещение 173А – айван.

Дом 3 состоит из трех помещений: айвана, общего с предыдущим домом, жилого помещения и амбара. Помещение 178 – центральное в доме. Оно жилое, размером 5,4 x 5,4 м. В восточном углу в суфе размещается печь-тандыр. Топка тандыра выведена на борт замкнутого участка с водосливом-ташнау, примыкающим к юго-восточной стене. Длина горизонтального дымоходного канала в суфе 1,95 м. Он подведен к восточному углу помещения. Проход шириной 0,85 м в северо-восточной стене ведет в помещение 179, служившее амбаром.

Помещение 180 – айван, общий с айваном дома 2.

Дом 4 состоит из двух помещений и айвана. Помещение 181 – жилое. В южном углу найдены остатки плохо сохранившегося тандыра.

Помещение 187 – хозяйственное. В сторону улицы Дом открывался айваном 189 шириной 3,7 м и глубиной 2,5 м. Юго-восточная стенка айвана сохранилась плохо. Не удалось обнаружить также проходы между помещениями.

Дом 5 включает айван 168, жилое помещение 169 и два подсобных помещения – 257 и 271, проходы в которых не найдены. Помещение 169 – центральное в доме. По своему назначению оно жилое, размером 6,6 x 5,4 м. Участок суфы у северо-западной стены занимают тандыр и площадка с ташнау. Длина дымоходного канала, проложенного в суфе, 1,6 м. Стенки суфы, высота которой 0,45 м, сложены из жженого кирпича. На противоположном от тандыра участке суфы находится квадратный очажок с невысоким бортиком из жженого кирпича, его размер 0,4 x 0,4 м.

В юго-западной стене находится проход шириной 0,9 м, соединяющий помещение 169 с авайном 168.

Помещение 257 имеет размер 3,8 x 2,3 м. Помещение 271 размером 3,7 x 2,7 м, по-видимому, имело заком, от которого частично сохранилась боковая перегородка.

Дом 6 включает три помещения, функциональное назначение которых определяется как передняя (190), жилое помещение (182) и амбар (267). Помещение 182 в плане прямоугольное, размером 6,2 x 5,4 м. Слева от прохода в суфу вмазан тандыр диаметром 0,5 м. В западном углу устроен заком-сектор со сторонами 0,65 и 0,95 м. Сохранившаяся высота перегородки закома равна 0,25 м. В закове стояла хумча. К тандыру примыкает площадка ташнау размером 2,5 x 1,5 м. К центру, где находится устье ташнау, пол площадки несколько понижается. Устье

закрывается квадратным (25 x 25 x 4 см) жженым кирпичом с отверстием в центре и подводными канавками для стока воды. Борты суфы, высота которой 0,4 м, сложены из жженого кирпича.

Проходами в северо-восточной стене шириной 0,9 м и в юго-западной шириной 0,8 м жилое помещение сообщалось с амбаром 267 и с передней 190. Амбар прямоугольный в плане, размером 6,0 x 2,8 м, имеет четыре закрома.

Дом 7 включает три помещения – 191, 192, 283. Два из них соединены проходом.

Северо-западнее описанных выше комплексов расположена большая группа помещений (64, 65, 151-154, 156-158, 243, 244, 230), которые не удается расчленить на отдельные домовладения не только из-за фрагментарности стен: здесь отсутствуют также тандыры – наиболее характерная деталь интерьера жилых помещений.

Дом 8 состоял, видимо, из крупного по площади жилого помещения 57 размером 7,0 x 5,5 м, трех хозяйственных построек (помещения 60, 61, 62), расположенных с юго-восточной стороны коридора длиной 6 м, открытого проходом в сторону улицы.

В глубине жилого массива с северо-восточной стороны расположен *дом 9*, состоящий из пяти помещений (55, 58, 59, 63, 99). Жилое помещение 58 большое по площади (5,2 x 5,1 м), велика и площадка с ташнау в центральной части помещения.

Остальные помещения дома подсобного назначения, в одном из них (99) устроены два расположенные рядом закрома.

Планировка *дома 10* не определяется из-за плохой сохранности построек.

За переулком, вдоль северо-восточной стороны улицы квартала «А», расположены еще три домовладения.

Дом 11 состоит из двух помещений – 19 и 26 и коридора 18, который проходами связан с улицей и жилым помещением 26 размером 4,8 x 3,3 м, где проход из коридора шириной 0,6 м с восточной стороны оформлен выступом. Тандыр находится в глубине помещения, у юго-восточной стены, дымоход подведен к южному углу помещения.

Дом 12 – однокомнатный, имеет жилое помещение 12 размером 5,5 x 4,5 м. Тандыр диаметром 45 см находится на суфе слева от прохода, дымоход подведен к северо-западной стене. У северного угла однокомнатного дома на суфе находился загром подпрямоугольного очертания.

Очень интересен *дом 13* – последний из попавших в площадь раскопа I на северо-восточной стороне улицы квартала «А». Это жилое домовладение, в котором находилась гончарная мастерская. Жилое помещение 6, где располагалась гончарная печь, размером 6,7 x 4,5 м. Традиционный для жилых помещений тандыр находился в восточном углу помещения. Гончарная печь находится с юго-западной стороны тандыра, ближе к несохранившейся передней стенке помещения.

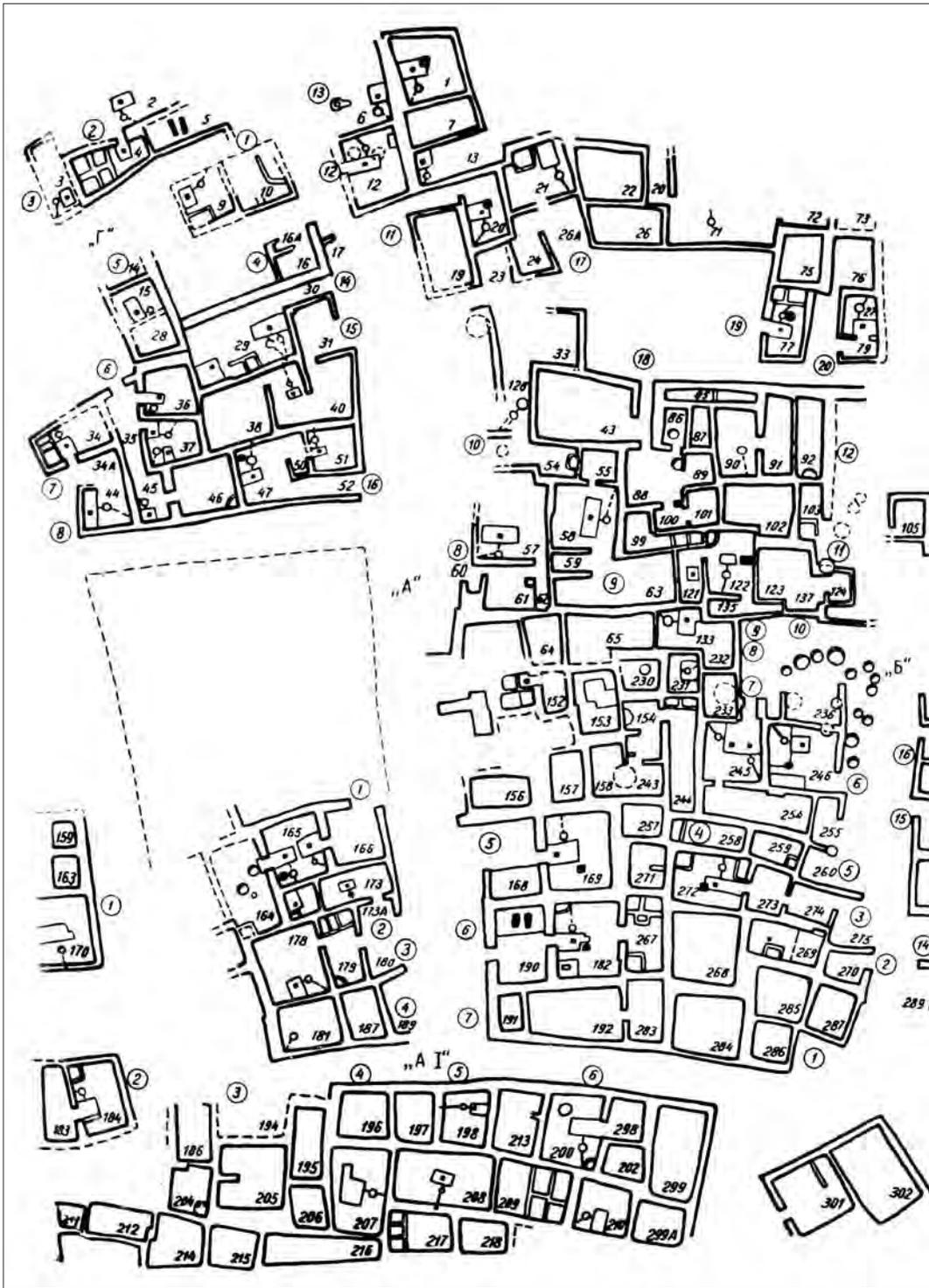
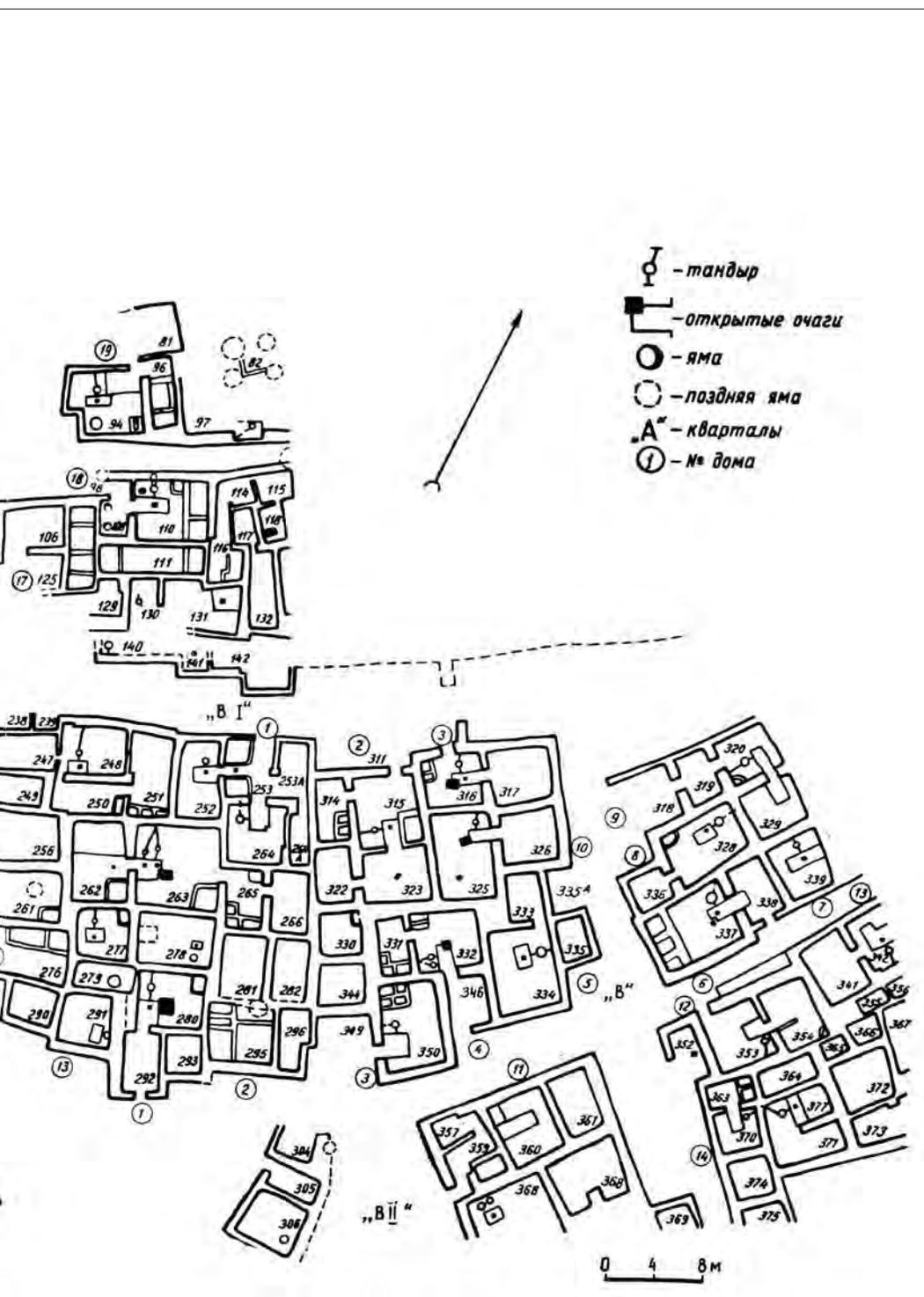

Рис. 48. План

ан раскопа I

Рис. 49. Раскоп I. Аэрофото

С северной стороны глухих стен двух последних домов расположено два жилых комплекса, которые не входят в состав квартала «А».

Дом 14 на юго-западной стороне улицы квартала «А» состоял, по-видимому, из жилого помещения и коридора, который связан проходом с улицей.

В юго-восточной части помещения 29 находится площадка с ташнау размером 2,1 x 1,8 м, опущенная под уровень пола на 0,3 м, и рядом с ней два закрома. В западном углу обнаружена яма диаметром около 0,5 м и глубиной 0,8 м. По-видимому, здесь когда-то находился хум, впущенный под уровень пола.

Дом 15 состоит из трех смежных помещений (38, 39, 40) и айвана (31) с короткой передней стенкой. Комнаты прямоугольные, расположенные по одной оси, разделенные перегородками, в которых имелись проходы. Жилое помещение 39 размером 3,8 x 3,5 м, помещение 40 – 3,5 x 2,2 м и 38 – 5,5 x 4,7 м. Тандыр находился в помещении 39.

Дом 16 включает помещения 47, 50, 51, 52. Длинный узкий коридор 52 ведет в помещение 47. Помещение 47 прямоугольное в плане, размером 4,9 x 2,6 м. В его северо-западной половине находится тандыр диаметром 0,6 м, высотой 0,4 м.

Перед проходом в помещение 51 находится помещение 50, которое, по-видимому, использовалось в хозяйственных целях. Третье помещение дома (51) прямоугольное в плане, размером 4 x 3,2 м. В западном углу находится тандыр диаметром в основании 0,75 м, устье его не сохранилось. Таким образом, в доме 16 два жилых помещения.

В состав квартала «А», возможно, входил еще один переулок северо-восточного направления, который соединялся с улицей квартала «Б».

В переулочек открываются проходами несколько домовладений.

Дом 17 состоял, возможно, из четырех помещений – 21, 22, 24, 26 и открытого в сторону двора айвана 26А.

На противоположной, юго-восточной стороне двора, находится группа помещений (33, 43, 85, 86, 87, 88, 89, 100, 101), соединенных между собой проходами. Они, видимо, объединялись в *доме 18*.

Застройку вокруг двора завершают два дома, планировка которых почти идентична.

Дом 19 открывается проходом шириной 0,9 м в сторону двора. Состоит, по-видимому, из двух помещений: жилого (77) и хозяйственного (75), однако проход в последнее не найден.

Жилое помещение размером 5,7 x 2,7 м, сразу за проходом открывается площадка с ташнау, выложенная жженым кирпичом. Тандыр находится в суфе слева от прохода.

Дом 20 почти такой же по площади, но план его более дробный и включает три помещения: жилое (27) и небольшой входной тамбур перед ним (79), а также хозяйственную постройку (76). Оба помещения объединены коридором 78 – проходом, открытым в сторону переулочка.

Квартал «Г» находится в западной части раскопа I и включает несколько домовладений, число которых явно не полностью отражает застройку этой части городища.

Дом 1 состоит предположительно из двух помещений – жилого (9) и хозяйственного (10). В помещении 9 находился тандыр диаметром 0,6 м.

Дом 2 предположительно включает три помещения – 2, 4, 5. Лучше других сохранилось помещение 4 типа амбара, трапециевидное в плане.

С северо-западной стороны находилось жилое помещение 2 с тандыром. Возможно, в состав дома входило и помещение 5. Помещение примечательно двумя земляными очагами овальной формы. Длина их 1,5 м, ширина топки – 0,5 м.

Дом 3 включает жилое помещение, план которого восстанавливается предположительно: сильно вытянутый прямоугольник с размером сторон 6,1 x 2,5 м. Тандыр находится в юго-восточной части помещения.

На северо-восточной стороне переулочка, напротив дома 1 выявлены лишь два помещения *дома 4* – 16 и 16А, которые производят впечатление нежилых. На этом участке хорошо сохранилась глухая стена квартала «Г».

Дом 5 включает хозяйственное помещение (28), жилое (15) и, возможно, айван (14), открытый в сторону улицы

В жилом помещении 15 тандыр находится в восточном углу, его диаметр 0,55 м.

Интересна планировка *дома 6*. Это крупный комплекс, включающий коридор (35) длиной 7,3 м и шириной 1,4 м, две однокомнатные жилые секции (36, 37) и хозяйственное помещение 46, связанное проходом с третьим жилым помещением 45.

Первая жилая секция – помещение 36. Оно трапециевидное в плане, площадью 10 м. Тандыр находится справа от прохода, хорошо сохранился.

Следующая жилая секция – помещение 37 размером 4,2 x 2,6 м – примечательно двумя тандырами, которые, однако, одновременные.

В третьей секции дома жилое помещение значительно меньше хозяйственного: 3,6 x 2,3 м и 4,7 x 4 м соответственно. Тандыр с площадкой ташнау находится в южном углу помещения.

Дома 7, 8 – однокомнатные секции (помещения 34 и 44), объединенные общим глубоким айваном 34А, открытым в сторону улицы.

Дом 7 – помещение 34 – сохранился лучше. Проход со стороны айвана приводит на площадку с ташнау, открытую в сторону прохода. Тандыр вмазан в суфу прямо напротив прохода.

К этой же стене приставлены три отсека закровов.

Дом 8 включает помещение 44 с тандыром в центре.

Квартал «А1» находится в южной части раскопа 1. Квартал включает жилые дома, расположенные на юго-восточной стороне улицы протяженностью более 25 м, в то время как противоположная, северо-западная сторона, очерчена глухими боковыми фасадами домов соседних кварталов «А» и «Б». В юго-западной части квартала улица выходит на внутриквартальную площадь, а затем – на магистральную улицу, связанную с воротами Дарваза-и Суфи. В западном направлении от площади ответвляется переулок. Постройки, прилегающие к переулку, разрушены настолько, что планировка не восстанавливается.

Дом 1 остался большей частью за пределами раскопа, но, по видимому, три помещения – 159, 163, 170 – входили в его состав.

Жилое помещение 170 полностью не докопано, размеры расчищенной части 5,5 x 4,3 м. У юго-восточной стены почти посередине в суфу вмазан тандыр.

Дом 2 включает жилое помещение 184 и подсобное 183. Оба помещения соединены проходом шириной 0,9 м. В помещении 184 находится сильно разрушенный тандыр, вмазанный в суфу.

Дом 3 включал, возможно, четыре помещения (186, 194, 204, 205), одно из которых (194) – айван.

В *дом 4* условно объединены помещения 195, 196, 206, 207, причем последнее явно жилое. Жилое помещение 207 прямоугольное, размером 7 x 4,9 м.

У северо-восточной стены в суфу встроен тандыр.

Дом 5 включает помещения 197, 198, 208, 217, 218; два из них – 198 и 208 – жилые.

Жилое помещение 198 в плане подквадратной формы размером 4,5 x 3,80 м. Ближе к западному углу в суфе находится сильно разрушенный тандыр.

В центре, в месте понижения площадки, находится устье ташнау.

Дом 6. В комплекс условно объединены помещения 200, 202, 209, 213, 298.

Проход шириной 0,8 м приводит в большое по площади (5,6 x 4,5 м) жилое помещение 200, большую часть которого занимает суфа, а площадка с ташнау открыта в сторону прохода. Тандыр диаметром 0,6 м устроен на восточном участке суфы.

Интересно помещение 209 размером 5,75 x 4,5 м, назначение которого определяют четыре крупных отсека закровов, занимающих северо-восточную половину помещения. В помещении 298 в юго-западной стене найден клад из 13 монет, которые находились в матерчатом мешочке.

Квартал «Б» в плане подпрямоугольной формы находится в центральной части раскопа I. Площадь его составляет около 2800 кв. м. Юго-западный фасад квартала представляет линию сплошной застройки, в то время как северо-восточный фасад рассечен двумя боковыми улицами на три жилых массива.

Границы квартала «Б» четко очерчены глухими стенами внутри жилых массивов и боковыми фасадами домов.

На южном участке квартала, прилегающем к площади, насчитывается семь различных по площади помещений, проходы между которыми не обнаружены. Здесь можно выделить *дом 1*, включающий помещения 284, 287, и *дом 2*, состоящий из помещений 268-270.

Дом 3 состоит из помещений 272-275, сообщавшихся проходами и вытянутых по оси вглубь жилого массива. В сторону улицы Дом обращен айваном 275 шириной 3,9 м и глубиной 3,7 м.

В глубине комплекса находится крупное жилое помещение 272 прямоугольной в плане формы (5,7 x 4 м). Большую часть помещения занимает «П»-образная суфа, лишь перед проходом оставлен участок пола с ташнау. Тандыр находится справа от прохода.

Дом 4 – помещения 258, 259 – очевидно, нежилой, так как никаких признаков отопления найдено не было. Оба помещения примечательны закромами: в помещении 258 перегородка стоит у юго-западной стены, в помещении 259 заком находится в углу.

Дом 6 – однокомнатный комплекс с проходом со стороны улицы в углу западной стены. Помещение 246 большое по площади, размером 5,5 x 5 м. Интерьер несколько отличается от интерьера традиционных жилых помещений. Суфа состоит из двух частей, разделенных узким проходом. На участке суфы в юго-западной части размером 3,4 x 1,85 м устроен тандыр.

В юго-восточном углу суфы защищен плотный глинобитный участок округлых очертаний, служивший опорой для столба. Глинобитное возвышение, прямоугольное в плане, находится у юго-восточной стены, высота его 0,3 м.

Примерно в 12 м по фасаду квартала в северо-западном направлении находится незастроенный участок площадью 62 кв. м (10 x 6,2 м), возможно, внутриквартальный двор. Площадь двора и прилегающий к нему участок улицы сильно изрыты мусорными ямами, покрыты мощными гумусными отложениями, происхождение которых, несомненно, связано с содержанием скота.

Дом 7 находится с южной стороны двора. В него приводит узкий коридор (234) длиной 2 м. Суфа в жилом помещении (4,65 x 4,5 м) двухсторонняя, высотой 0,45 м. В суфу вмазаны два тандыра диаметром 0,55 м с топочными отверстиями у западного и северного бортов суфы

Северо-западнее дома 7 находятся четыре помещения (133, 231, 232, 233), из них два жилых (133, 231). Видимо, это был *дом 8*.

В жилом помещении 133 устье топки тандыра выведено на борт замкнутой площадки с ташнау, заглубленной относительно пола в помещении. В другом жилом помещении – 231 – очаг устроен по-иному: он вмазан в глинобитную тумбу размером 1,5 x 1,2 м, высотой около 0,5 м.

Дом 9 находится с северо-западной стороны двора.

По-видимому, проход находился в юго-восточной стене помещения 135 амбарного типа. Помещение связано проходом с жилой комнатой (122) размером 5,1 x 3,8 м. Тандыр и площадка ташнау перед ним расположены в средней части помещения.

Третье помещение дома – 121, несомненно, хозяйственное.

Дом 10 находится на северо-восточной стороне двора. План дома не совсем ясен, по-видимому, в нем было три помещения – 123, 124, 137.

Во многом остается неясной планировка небольшого участка квартала Б, четко ограниченного с северо-западной стороны глухой стеной переулка квартала «А». Здесь находятся пять помещений, которые предположительно отнесены к двум домам: *Дом 11* – помещения 102 и 103, *Дом 12* – помещения 90, 91, 92.

Дом 13 – трехкомнатный жилой комплекс анфиладного типа. Жилое помещение 291 (4 x 4 м) находится в глубине дома.

Два других помещения дома можно представить как хозяйственное (290) и айван (289), открытые в сторону улицы.

Планировка *дома 14* не совсем понятна из-за отсутствия проходов. По-видимому, два жилых помещения были в глубине дома.

Дом 15 является наиболее крупным по площади и количеству помещений в северо-восточной части квартала «Б». Функциональное назначение всех шести помещений дома определяется достаточно четко.

Жилое помещение 263 находится в средней части комплекса, его размер 6,75 x 6,75 м. Большую часть помещения занимает суфа высотой 0,5 м. Небольшой участок пола (3 x 1,75 м), выложенного жженным кирпичом, оставлен перед проходом в юго-западной стене в соседнее помещение 262. Слева от прохода в суфу впущены два тандыра.

Помещение 263 проходное. С юго-западной стороны его находится помещение 262 размером 6,3 x 4,25 м. Оно примечательно суфой высотой 0,3 м, занимающей весь простенок в северо-западной части помещения. Это летний дворик.

С северо-восточной стороны жилого помещения находились два помещения явно хозяйственного назначения – 265, 266 размером 4,15 x 3,05 и 3,7 x 2,85 м соответственно.

Необходимо отметить любопытную деталь, имеющую отношение к дому 15: от входа в помещение 256 проложена кирпичная вымостка (шириной 1,2-1,4 м) в помещение 260 на другой стороне улицы. По-видимому, существовала какая-то связь между домами 14 и 15 внутри одного квартала.

Дом 16 включает пять помещений: 247-251. К улице примыкают два изолированных помещения. В северо-восточной стене помещения проход шириной 0,6 м ведет в центральное помещение комплекса (248) размером 5,3 x 3,5 м. Почти всю площадь его занимает суфа. У южной стены помещения – небольшой замкнутый участок пола (2 x 1,1 м), выложенный жженым кирпичом, с ташнау.

В 0,3 м от южного борта вымостки находится печь диаметром 0,55 м с горизонтальным дымоходом длиной 1,6 м. В западном углу находится погребок глубиной 0,45 м.

Завершает планировку дома помещение 251 (6,5 x 3,35 м) явно хозяйственного назначения: у торцевой стены, рядом с проходом, находилось три отсека закровов.

Дом 17 сохранился плохо, особенно южный участок. В состав дома входят, видимо, три помещения – 125, 106, 105. В центральном помещении 106 (4,9 x 3,15 м) никаких признаков тандыра не обнаружено, но присутствие его угадывается по остаткам вертикального дымохода на северо-западном участке стены.

В состав дома входит и помещение 105 (2,9 x 2,4 м), хотя и не связанное с ним проходом. Возможно, это помещение – торговая лавка.

Дом 18, в планировке которого угадывается коридор (98), переднее помещение (108), жилая комната (110) и помещение амбарного типа (111).

Дом 19 можно отнести к комплексам квартала «Б». Он состоял, очевидно, из четырех помещений, два из них сохранили лишь обрывки стен, два других – жилое и амбар – сохранились удовлетворительно.

Квартал «В1» включает улицу протяженностью 62 м меридионального направления, параллельную основной магистрали города. Полная характеристика квартала невозможна, так как в раскоп вошло лишь несколько домов на юго-восточной стороне улицы. Противоположная сторона намечена зачисткой, что позволило выяснить ширину улицы – 2,3 м, но постройки остались за пределами раскопа. На юго-восточной стороне квартала выявлено три жилых помещения.

Дом 1 состоит из пяти помещений, причем в двух из них имеются тандыры. Вход со стороны улицы приводит в переднюю 253 (4,5 x 3,9 м), которая является связующим центром всего комплекса.

У юго-западной стены по обеим сторонам прохода в помещение 252 находятся два вместительных закрома (1,9 x 1,7 и 1,9 x 1,5 м), между ними – площадка ташнау. Помещение 252 – жилое, размером 6,1 x 3,2 м. Тандыр в суфе находится справа от прохода, перед ним – площадка ташнау. Второе, по-видимому, основное жилое помещение 264 (4,75 x 4,75 м) находится в глубине дома. Проход в него шириной 0,6 м ведет из передней. В помещении – небольшой участок пола с ташнау. Тандыр устроен в суфе, справа от прохода. В суфу впущена крупная деревянная плаха, служившая «базой» опорного столба перекрытий. Площадь помещений дома составила 71 кв. м.

Дом 2 – четырехкомнатный комплекс с айваном на всю ширину (8 м) фасадной стены. Жилое помещение 315 имеет размеры 5,5 x 5 м. В южном углу его печь диаметром 0,5 м, вмазанная в суфу высотой 0,45 м. В помещении 314 в восточном углу устроены два закрома. Помещение 322 и 323 – смежные, сообщались проемом.

Дом 3 включает два помещения – 316 и 317. Угол дома, возможно, обрамлял айван (сохранилась лишь одна из боковых его стен). В жилом помещении 316 размером 4,75 x 4,1 м суфа устроена на уровне поверхности улицы. В северном углу перед устьем топки печи – пониженный на 0,3 м участок с ташнау и глинобитная очаговая тумба. В западном углу помещения устроены два закрома с тонкими глинобитными перегородками. Другое помещение дома – 317 (4,8 x 4,1 м), по-видимому, подсобное.

Квартал «В» объединяет дома, открывающиеся проходами на улицу протяженностью 21 м меридионального направления. Кроме того, в состав квартала включены дома, связанные проходами с

Рис. 50. Раскоп I. Общий вид с улицы

пересекающей улицей, которая состоит из двух отрезков. Один из них вошел в раскоп полностью, его длина 16 м, другой выявлен частично до границы раскопа на протяжении 15 м. С южной стороны основная улица квартала выходит на площадь.

Дом 1 включает помещения 280, 292, 293. Жилое помещение 280 размером 5,3 x 4,5 м имеет двустороннюю суфу. В северном углу – заком (1,45 x 1,05 м). Примерно в центре помещения, у северного края суфы, имеется тандыр и глинобитная, обрамленная бортиком очаговая площадка. На площадке обнаружены остатки углей и золы. С восточной стороны расположено еще одно помещение 293 типа кладовой размером 3,1 x 2,75 м.

Дом 2 включает четыре помещения – 281, 282, 295, 296, не связанные между собой проходами; выход на улицу также не обнаружен. Судя по отсутствию печи, Дом нежилой.

Дом 3 состоит из двух помещений: айвана 349 и жилого помещения 350. Предположительно (из-за отсутствия проходов) в домовладение входили еще два помещения – 330 и 344, которые находятся на одной оси с айваном. В торцевой стене айвана имеется проход шириной 1 м в большее по площади помещение 350 (7,15 x 4,8 м). Площадка с ташнау в помещении открыта в сторону прохода, печь диаметром 0,75 м устроена в суфе слева от прохода.

Дом 4. В глубине участка на продольной оси находятся два смежных помещения – 331 и 332, третье помещение 340, прямоугольное в плане, вытянуто в сторону улицы узкой стороной, образуя «Г»-образный план домовладения.

Жилое помещение 332 размером 5,1 x 4,5 м. Большую часть его площади занимает суфа. Напротив суфы устроен очаг в виде квадратной глинобитной тумбы. Слева от прохода находятся два тандыра. В западном углу помещения находится погреб.

Дом 5 находится на пересечении улиц квартала «В». Наружный проход в Дом не найден. Помещение 334 жилое, размером 6,6 x 5,1 м. У северо-восточной стены находится печь-тандыр. Другое помещение (333) размером 3,6 x 2,75 м подсобного назначения.

Дом 6 находится на другой стороне пересекающей улицы. Включает два помещения, находящиеся на одной оси: переднюю 338 и жилую комнату 337.

Жилое помещение 337 имеет размеры 5,4 x 4,5 м. Тандыр находится в северном углу. Дымоход подведен к северному углу помещения.

Дом 7 не докопан, выяснена планировка жилого помещения 339 размером 4,6 x 4,2 м. Тандыр диаметром 0,55 м находится у северо-западной стены помещения в суфе. С северо-западной стороны домов 6 и 7 находятся еще два жилых комплекса, которые были связаны проходами с пересекающей улицей квартала «В».

Дом 8 – двухкомнатное домовладение, состоящее из передней 336 и жилого помещения 328. Жилая комната площадью 6,8 x 3 м. Тандыр

находится у западной стенки. Западный угол помещения занят закромом.

Дом 9 – крупный жилой комплекс, состоящий из айвана 318 шириной 4,5 м и глубиной 5 м, передней 319 размером 3,9 x 3 м, жилого помещения 320 (4,4 x 4 м) и подсобной комнаты 329 (4,5 x 4,1 м). План дома «Г»-образный за счет бокового расположения подсобного помещения относительно продольной оси трех других помещений.

На противоположной стороне улицы – двухкомнатный *Дом 10*. Наружный проход в нем не обнаружен, но планировочная ситуация участка позволяет отнести его к кварталу «В». Назначение помещений определяется как передняя (помещение 326 размером 2,8 x 2,6 м) и жилая комната (помещение 325, размерами 6,75 x 4,5 м). Площадка с ташнау глубиной 0,35 м открыта в проход, печь диаметром 0,45 м находится справа от прохода. Рядом с южным углом площадки ташнау – открытый очаг. Рядом с очагом на суфе находится глинобитная «подушка» опорного столба перекрытия.

Дом 11 включает два помещения – 360 (5,4 x 4,6 м) и 361 (5,15 x 3,3 м), оба они нежилые.

Дом 12 двухкомнатный, помещения 353 и 354 соединены проходом и имеют наружный выход на улицу через помещение 353. Помещение 354 хозяйственного назначения, его размер 5,5 x 2,5 м. Помещение 353 жилое, размером 5,7 x 5,2 м. К южной стене дома пристроено небольшое помещение 352, открытое проходом в сторону улицы. По-видимому, это лавка. Она примечательна находкой небольшого клада из двух серебряных монет Сухбанкули-хана. Монеты находились под обмазкой верхнего пола в забутовке площадки с ташнау первоначального пола.

Дом 13 недокопан. За пределами раскопа осталась часть жилого помещения 342, в котором тандыр находится ближе к юго-восточной стене, куда подведен и дымоход. Перед тандыром выявлена площадка с ташнау. Проход в середине юго-западной стены приводит в помещение 341 размером 5,5 x 3,8 м.

Дом 14 включает две жилые секции, каждая из которых объединяет три помещения (363, 370, 374), вытянутые по оси вдоль северо-восточной стороны улицы. Помещение 370 жилое, размером 3,6 x 3,4 м. В северном углу его в суфу вмазан тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау.

Вторая жилая секция больше по площади, ее три подпрямоугольных в плане помещения (364, 371, 377) стоят на поперечной оси. В западном углу помещения 371 размером 6 x 5,1 м в суфу, высота которой 0,4 м, вмазан тандыр.

К тандыру примыкает площадка ташнау (1,1 x 2,2 м). Третье помещение секции (371), вероятно, подсобного назначения.

На раскопе 1 зафиксированы значительные по площади участки жилой застройки, уничтоженные пожаром. Как отмечалось выше, в квартале «А» сгорели дома 1 и 2, пострадала также северная часть

дома 3. В квартале «Б» сгорели дома 14, 15, 16 (южная часть дома); в квартале «В1» – дома 1 (частично), 2, 3; в квартале «В» частично пострадали дома 2, 3, полностью уничтожены дома 4, 10.

Установлено, что после пожара дома были заброшены. Лишь в доме 15 квартала «Б» жизнь возобновилась после периода запустения.

Раскопки в южной части городища. Раскоп II

Раскоп II был заложен в южной части городища. Он почти полностью охватил площадь отдельного бугра, который со всех сторон как бы обтекал улицы. В итоге был расчищен жилой массив, входящий в состав квартала, обозначенного индексом «Д». Квартал площадью 1500-1600 кв. м имеет прямоугольную в плане форму. Западный и восточный фасады квартала глухие. С улицами квартал соединялся проходами, устроенными в северном и южном фасадах. В жилой застройке вычленяется девять отдельных домов.

Дом 1 состоит из пяти помещений. Помещение 1 в плане прямоугольное со сторонами 4 x 5,5 м. Стены сложены из сырцового кирпича размером 30 x 20 x 9 см. На одной из стен отчетливо видна техника кладки: верхний ряд кирпичей положен плашмя, нижний – на ребро, без наклона. Сохранившаяся высота стен от 0,65 до 0,1 м. Тандыр, вмazанный в суфу, имеет диаметр устья 55 см, высоту 55 см, диаметр дна – 95 см. Дымоход длиной 0,9 м выведен в стену.

К тандыру примыкает площадка ташнау, пол которой вымощен обломками жженого кирпича. В северном углу помещения находился погребок со стенками, укрепленными жженым кирпичом. На суфе у тандыра стояли водоносный кувшин, а также пять кувшинов средних размеров. Все сосуды находились на полу во фрагментах, видимо, были раздавлены обвалившейся кровлей.

В середине юго-восточной стены располагался дверной проем шириной 85 см, ведущий в помещение 2 площадью 13,5 кв. м. При расчистке на полу обнаружены куски обгоревшей кошмы. Слой горелого камыша и дерева вдоль северо-восточной стены имел толщину до полуметра. Видимо, к этому дому следует отнести *помещения 10 и 11*.

Дом 2 имеет «Г»-образную в плане форму и состоит из трех помещений 4, 5, 13. Центральное помещение 5 имеет подквадратную в плане форму со сторонами 4,9 x 5,4 м. В суфу вдоль северо-восточной стены, ближе к южному углу, вмazаны два тандыра с дымоходами. На суфе рядом с тандырами стояли три кувшина средних размеров.

К тандырам примыкает площадка ташнау. В западном углу площадки на суфе устроен очаг размером 60 x 60 см. В северном углу помещения вдоль северо-западной стены находится погребок размером 0,7 x 1,2 м, глубиной 0,4 м.

Помещение 4 имеет размер 3,7 x 4,7 м. Вдоль юго-восточной стены располагается семь закровов. Весь западный угол помещения занимает вымощенная жженым кирпичом площадка ташнау.

В припольном слое у северо-западной стены обнаружены обогрешие колоски ячменя, зерна пшеницы, проса, косточки и плодоножки винограда.

Дом 3 имеет крестовидную композицию. Он состоит из четырех помещений. Помещение 9 самое большое по площади – 4,2 x 5,2 м. Интерьер помещения нарушен позднейшими перестройками и поэтому суфа сохранилась лишь участками. Тандыр не сохранился, остался только дымоход.

Помещения 6 и 7 тоже, видимо, кладовые, площадью 9,9 кв. м каждое. С комплексом помещений 8 и 9 связан двор площадью 22,8 кв. м. Площадь дома равна 73,8 кв. м.

Дом 4 трехкомнатный. Помещение 12 центральное в доме, размерами 3,6 x 4,1 м. Всю западную часть помещения занимает суфа с вмазанным в нее тандыром и площадка ташнау. Дымоходный канал длиной 0,9 м выведен в северо-западную стену. У северо-западной стены, ближе к северному углу помещения, расчищен заком.

Дом 5 состоит из трех помещений. Центральным являлось помещение 14, в плане прямоугольное, со сторонами 4,7 x 5,3 м. В западном углу в трехстороннюю суфу вмазан тандыр с примыкающей к нему площадкой ташнау.

Проход шириной 0,8 м соединяет помещение 14 с прямоугольным помещением 17 размером 4,8 x 3,9 м. В северном углу его устроен очаг квадратной формы (1,1 x 1,0 м). В северо-восточной стене, ближе к восточному углу, располагается проход в помещение 16 площадью 11 кв. м. Общая площадь дома составляет 54,7 кв. м. Дом 5 примечателен находкой клада из 48 серебряных монет. Клад находился в матерчатом мешочке, спрятанном под обмазкой суфы у южной стены жилого помещения 14. Дом почти полностью уничтожен пожаром.

В *доме 6* три помещения: 23, 25 и 25А. Помещение 23 – одно из самых больших по площади во всем квартале – 31 кв. м. В восточной части его находится тандыр, вмазанный в суфу.

Дом 7 двухкомнатный. Помещение 26 прямоугольное в плане, площадью 12 кв. м. Большую часть площади занимает суфа высотой 0,35 м. В южный угол суфы вмазан тандыр. Дымоходный канал выведен в угол. Рядом с тандыром находится площадка ташнау. В северном углу площадки ташнау сооружен глинобитный очаг квадратной формы (60 x 60 см) с бортиком высотой 0,12 м.

Дом 8 состоит из двух помещений. Помещение 24 в плане почти квадратное площадью 20 кв. м. Большая часть занята суфой с вмазанным тандыром. Помещение 27 примыкает северо-восточной стеной к помещению 22 размером 2,7 x 3,9 м.

Дом 9 состоит из пяти помещений: 19, 20, 21, 22 и 22А. В помещении 22 имелся тандыр с дымоходом. Помещение 22А имеет прямоугольную форму, площадь 9 кв. м. Пол выложен обломками жженных кирпичей.

Помещение 20 имеет площадь 9,9 кв. м. В нем устроены два закрома. Вся площадь дома составляет 65,9 кв. м.

Рис. 51. Раскоп II. План жилой застройки

Раскопки в юго-западной части. Раскоп III

Основной строительный горизонт раскопа III включает около восьмидесяти домов, которые входят в состав десяти кварталов: «Е», «Е1», «Ж», «Ж1», «З», «И», «К», «С», «С1», и «С11», расположенного в центральной части раскопа.

Квартал «Е» состоит из двух частей, расположенных по обеим сторонам улицы протяженностью около 70 м. С восточной стороны она соединяется с улицей квартала «З», а с западной завершается небольшой площадью или двором, окруженным внутриквартальными постройками. В состав квартала, возможно, входят также два переулка. Один из них с северной стороны выходит на улицу квартала «Ж», другой – с южной – соединяется с улицей квартала «К». Внешние фасады квартала выходят глухими стенами либо на соединение улиц, либо проходят по линиям глухих стен внутри жилых массивов. Все дома связаны дверными проемами с внутриквартальной улицей и переулками. Общая площадь квартала вместе с незастроенными участками составила около 3000 кв. м.

Рис. 52. Городище Отрартобе. Раскоп III

В южной части квартала находится десять многоквартирных жилых комплексов.

Дом 1 состоит из четырех комнат, расположенных на одной оси и связанных между собой проходами. Вход со стороны улицы ведет в переднюю комнату 109 (4,1 x 3,5 м), которая с южной стороны проходом соединена с подсобным помещением 108 (4,2 x 4,6 м), северный вход ведет в центральное помещение 110 (5 x 4,6 м) с двумя печами-тандырами. Рядом устроена ташнау и глинобитная очаговая площадка. Завершает комплекс амбар 111 (3,75 x 2,25 м) с тремя отсеками закромов. Общая полезная площадь дома равна 60 кв. м.

Юго-восточнее дома 1 проходит узкий тупичок длиной 6,5 м, который связывает внутриквартальную улицу с домом 2. Основная жилая ячейка дома (помещения 221, 222, 227) расположена в глубине комплекса. Передняя (или прихожая) комната 222 размером 5,9 x 2,5 м приводит в центральное помещение 221 размером 6 x 4,9 м, в северо-восточном углу которого устроена печь-тандыр. В восточной стене

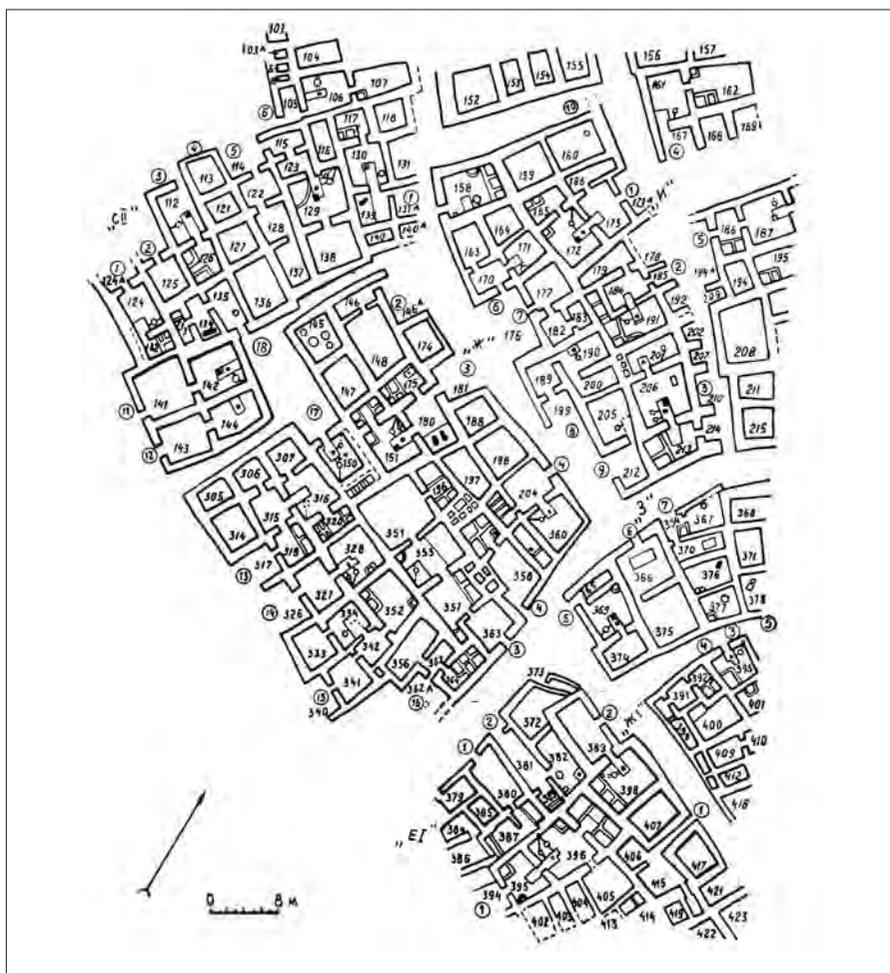

Рис. 53. Городище Отрартобе. Раскоп III

сделан проход в амбар 227 (4,9 x 2,5 м) с тремя закромами. В одном из них устроен погребок.

В состав дома, несомненно, входят и небольшие помещения по обе стороны тупичка (119, 120, 286 и 119А, 120А). Первоначально все они были нежилыми. Позднее, после установления печи-тандыра и традиционного ташнау, помещение 286 стало жилым. В целом Дом включает восемь помещений полезной площадью 93 кв. м.

Дом 3 четырехкомнатный (235, 235А, 287, 288). Две комнаты расположены в глубине дома – это кладовая и амбар с закромами. Центральное помещение 287 размером 6,7 x 4,6 м с печью-тандыром диаметром 0,6 м в юго-восточном углу. У торцовых стен, рядом с проходом, имеются закрома. Общая полезная площадь дома 68 кв. м.

Дом 4 двухкомнатный, площадью 36 кв. м. Он состоит из жилого помещения 291 размером 5,25 x 4,2 м с печью-тандыром и передней комнаты 292 размером 4,7 x 2,9 м. В центральном помещении в юго-западном углу устроен заком.

Дом 5 также двухкомнатный. Помещение 297 площадью 14 кв. м хозяйственное, судя по трем отсекам закромов у восточной стены. Второе (298) жилое, площадью 16 кв. м с печью-тандыром. Тандыр вмазан не в суфу, как обычно, а в глинобитную тумбу в углу помещения. Общая полезная площадь дома 30 кв. м.

Дом 6 двухкомнатный (303, 304). Со стороны внутриквартальной улицы проход ведет в жилое помещение 304 размером 4,6 x 3,7 м. Слева от входа обнаружены остатки сильно разрушенного тандыра, в противоположном углу находился загром подпрямоугольной формы. Общая площадь дома – 30 кв. м.

Дом 7 включает жилое помещение 311 размером 5,25 x 4,1 м, которое примыкает к глухой южной стене квартала. В помещении имеется печь-тандыр с дымоходом и угловой загром, рядом с которым под уровень суфы врыт хум. Две другие комнаты дома – хозяйственного назначения. В помещении 312 (4,9 x 2,35 м) у торцовых стен имеется по два закрома. Общая площадь дома – 49 кв. м.

С западной стороны к переулку между улицами кварталов «Е» и «К» примыкают шесть помещений, по-видимому, входившие в состав дома 8.

Помещение 324 было жилым и самым большим по площади (4,5 x 3,6 м). Общая площадь дома – 63 кв. м.

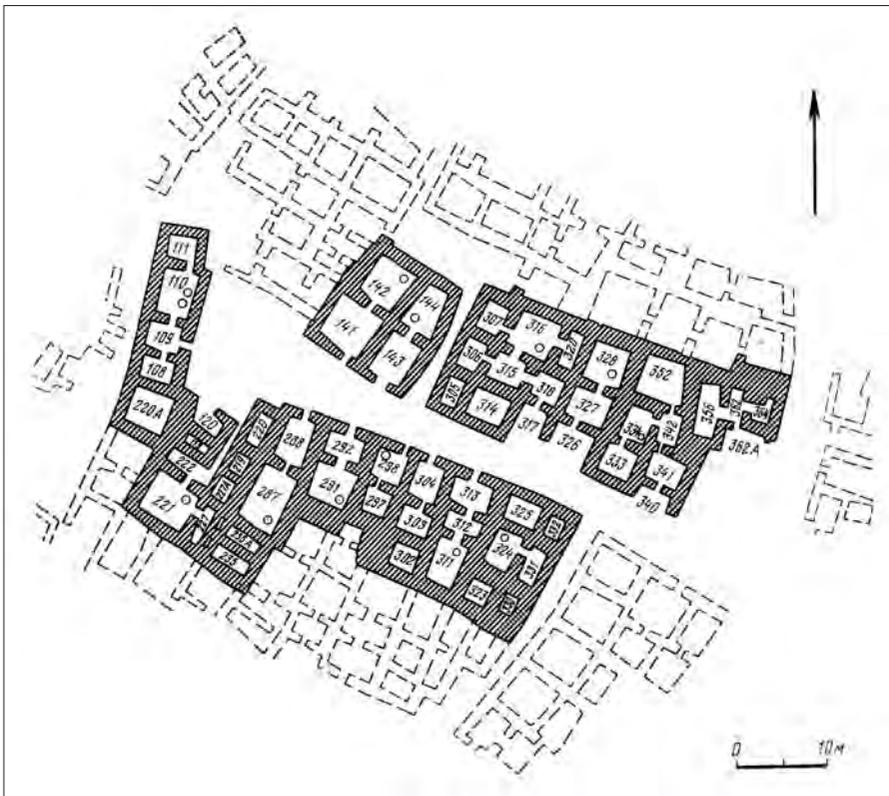

Рис. 54. План квартала «Е» раскопа III

С восточной стороны переулка расположены еще два дома, которые также можно отнести к кварталу «Е».

Дом 9 включал, по-видимому, три помещения, вытянутых по осевой линии вдоль переулка (337, 338, 339). В жилом помещении 337 размером 5,8 x 4,75 м имелись печь-тандыр и углубленная площадка с ташнау. Общая площадь дома около 75 кв. м.

Дом 10 четырехкомнатный, подквадратной планировки. Со стороны улицы проход вел в жилое помещение 347 размером 5,4 x 5,2 м, где печь-тандыр расположена слева от входа. Проходы в южной и восточной стенах связывают жилую комнату с подсобными помещениями, одно из которых (349) – амбар, судя по шести отсекам закровов, другое (346) – кладовая; в ней рядом с проходом из помещения 347 устроен ларь.

Дом 11 двухкомнатный. Жилое помещение 142 площадью 28 кв. м имеет в северо-восточном углу печь-тандыр с дымоходом в комплексе с ташнау и глинобитной очаговой площадкой. Назначение другой комнаты (141), открывающейся проходом на улицу, не ясно. Для прихожей она слишком велика (34 кв. м). Общая площадь дома – 62 кв. м.

Дом 12 подобен соседнему, но меньше площадью – 47 кв. м. Он также состоит из двух комнат (143, 144) размером 5,45 x 4,4 м и 6,0 x 3,9 м. В последней выявлены лишь остатки ташнау у западной стены. Дом, по-видимому, нежилой.

Дом 13 состоит из восьми комнат и айвана, открытого в сторону внутриквартальной улицы. Жилое помещение 316 самое большое в доме (5 x 4,5 м), расположено в глубине дома. В юго-восточном углу комнаты находилась печь-тандыр, вмезанная в суфу. Проход в центре южной стены помещения 316 ведет в помещение 315 (4 x 3,6 м), которое боковыми проходами связано с помещением 306 (3,4 x 2,75 м).

Юго-западную часть дома занимают помещения 305 (3,65 x 2,65 м) и 314 (4,7 x 4 м), проходы в которые проследить не удалось, но эти комнаты, несомненно, входили в комплекс. Общая полезная площадь дома 13 равна 128 кв. м.

К востоку от дома 13 расположен *дом 14* площадью 62 кв. м. Он состоит из двух комнат (327, 328) и айвана (326), общего с домом 12. Жилое помещение 328 размером 5,35 x 4,7 м имело парные тандыры в юго-восточном углу суфы, причем одна из печей – у входа – поздняя. В комплексе с печами и ташнау устроена глинобитная очаговая тумба. У восточной стены – небольшой глинобитный отсек.

Дом 15 состоит из пяти комнат и углового айвана. Жилое помещение 334 площадью 15 кв. м с печью-тандыром диаметром 0,65 м – не самое крупное в комплексе. Два боковых прохода ведут в комнаты 333 (4,25 x 3,7 м) и 342 (3,6 x 2,9 м). Общая полезная площадь дома составляет 93 кв. м.

Дом 16 явно нежилой, ибо в нем отсутствует традиционная для такого рода построек печь-тандыр. Возможно, это складские помещения

и лавка. Общая полезная площадь дома 40 кв. м. Фасад дома открывался в сторону площади айваном 362А.

В *доме 17* прослеживаются два периода строительства. Первоначальный план дома включал жилую комнату и айван общей площадью около 42 кв. м. Жилое помещение 150 размером 4,2 х 6,9 м. Айван 150А (4,75 х 3,4 м) полностью открыт в сторону двора или площади-кармана квартального переулка.

Во второй период планировка дома сохраняется, однако в жилом помещении новая печь-тандыр устраивается слева от входа. Общая площадь дома в последний период обживания составляет 32 кв. м.

Дом 18 находится на противоположной стороне внутреннего двора. Он трехкомнатный (133, 135, 134). Жилое помещение 134 размером 5,4 х 2,8 м расположено в центре комплекса.

Таким образом, в целом квартал «Е» насчитывает 18 домостроений. Планировка квартала производит целостное впечатление благодаря спрямленным контурам фасадов домов, выходящих на внутриквартальную улицу. Планы домов стандартные, выдерживается принцип осевого расположения комнат в один, реже в два-три ряда вглубь жилого массива (13 домов) или вдоль фасада (4 дома). Один Дом подквадратной планировки. Дома в основном двух- и трехкомнатные, за исключением трех комплексов – домов (2, 13, 15). Парные печи-тандыры, которые функционировали одновременно, встречены только в доме 1.

Квартал «Ж» расположен к северу от описанного и имеет весьма сходную с ним планировку: дома находятся по обе стороны улицы протяженностью более 60 м и переулка, который соединял кварталы «Ж», «И», минуя магистральную улицу. Внутриквартальная улица с восточной стороны выходит на улицу квартала «З» меридионального направления, а с западной стороны продолжается в составе соседнего квартала, оставшегося за пределами раскопа; северная и южная границы квартала проходят по линии глухих стен внутри жилых массивов. Общая площадь квартала «Ж» вместе с внутриквартальной улицей и переулком – около 1500 кв. м.

В южной части квартала расположено четыре дома с выходами на внутриквартальную улицу.

Дом 1 состоит из восьми комнат, спланированных по оси в два ряда вдоль улицы. Два помещения – это айваны, один из которых (131, размером 4,65 х 3,5 м) не связан проходом с домом. Дверной проем в западной стене передней комнаты приводит в жилое помещение 130 размером 4,65 х 4,25 м. Общая полезная площадь дома – 88 кв. м.

Дом 2 насчитывает пять комнат и угловой айван. Три помещения (145, 147, 174) предположительно включены в состав дома, так как проходы в них не выявлены, но планировка этих помещений вписывается в общие контуры дома подпрямоугольных очертаний. В жилом помещении 148 размером 7,2 х 4,6 м тандыр не обнаружен, но его присутствие определяется по обломкам.

Помещение 148 проходом связано с узкой передней комнатой 146. Общая полезная площадь дома 112 кв. м.

Дом 3 – пятикомнатное строение с айваном, открытым в сторону внутриквартальной улицы. Айван 181 размером 4,85 x 4,5 м занимает центральную часть фасада дома. В южной стене помещения 180 имеется проход в жилую комнату 151 (5,2 x 4,7 м) с суфой и вымощенным жженым кирпичом участком пола с ташнау. Справа от входа находятся парные печи-гандыры. Общая полезная площадь дома 91 кв. м.

Дом 4 состоит из шести комнат, вытянутых по оси в два ряда вдоль внутриквартальной улицы. Жилое помещение 360 размером 4,95 x 4,80 м. Печь-гандыр диаметром 0,55 м расположена справа от входа. Помещение 359, судя по закрому у восточной стены, – амбар. Общая полезная площадь дома – 90 кв. м.

Рис. 55. Планы кварталов «Ж», «И»

В северной части квартала «Ж» – пять домовладений.

Дом 5 – однокомнатный (158), площадью 31 кв. м, отапливался печью-тандыром, поставленной у восточной стены.

Дом 6 состоит из четырех комнат и айвана площадью 41 кв. м, общего с соседним домом с восточной стороны. Проход в боковой стене айвана приводил в переднюю комнату 170, которая дверным проемом в северной стене связана с жилым помещением 171 размером 4,1 x 3,6 м. Общая полезная площадь дома вместе с частью айвана – 74 кв. м.

Дом 7 трехкомнатный, с айваном, общим с описанным выше комплексом. Жилой комнатой дома следует считать помещение 177. Слева от прохода обнаружено очаговое пятно, по-видимому, остатки печи-тандыра. Общая полезная площадь комплекса 53 кв. м.

Дом 8 четырехкомнатный, одна из них – айван (199). Остальные помещения можно определить по назначению как прихожая (189), жилая комната (190) с печью-тандыром у западной стены и амбар или кладовая (200). Общая полезная площадь дома составила 49 кв. м.

Дом 9 состоит из одной комнаты (205) размером 5,25 x 4,4 м и айвана (212) размером 4,2 x 3,5 м.

Дом 10 находится в переулке северного направления и предположительно включает два помещения: 159 (4,9 x 4,15 м) и 160 (5,9 x 4,25 м), которые сохранились очень плохо. Печь-тандыр устроена в помещении 160. В это же помещении, по-видимому, был и выход в переулок. Общая полезная площадь дома 45 кв. м.

Таким образом, в квартал «Ж» входят десять домостроений с числом комнат от одной-двух (вместе с айваном) до восьми. Комплекс из восьми помещений – единственный в квартале и отнюдь не самый крупный по площади. Более характерны для квартала четырех-шестикомнатные дома. Один из таких домов – с парными печами-тандырами – дом 3.

Квартал «И». Планировка квартала мало отличается от застройки описанных жилых кварталов Отрара. Дома находятся по обеим сторонам улицы протяженностью около 50 м.

Хорошо просматривается южная граница квартала: она проходит по линии глухой стены в средней части жилого массива, общей с кварталом «Ж». Площадь южной части квартала, раскопанной наиболее полно, 450 кв. м. Общая площадь квартала «И» предположительно около 1000 кв. м.

Южная часть квартала состоит из трех многокомнатных домовладений.

Дом 1 состоит из четырех помещений и айвана (173А), восточный участок которого плохо сохранился. Жилое помещение дома (172) с печью диаметром 0,5 м самое большое, размером 5,6 x 4,75 м. В западной стене помещения 172, у прохода в амбар 165, на уровне суфы в матерчатом мешочке находился клад из пяти серебряных монет. Общая полезная площадь дома вместе с айваном – 82 кв. м.

Дом 2 – многокомнатный жилой комплекс в центральной части квартала. Вход в Дом оформлен в виде тамбура (185), по обеим сторонам

которого айваны (178, 192), не связанные проходами с домом. Из тамбура дверной проем ведет в переднюю комнату 184 размером 4,75 x 3,15 м. В торцовых стенах помещения сделаны проходы в два других помещения дома: в западной стене – в кладовую 179, в восточной – в жилую комнату. Печь-тандыр расположена справа от входа, перед топочным отверстием – ташнау. На поверхности суфы в районе очага устроены три отсека закромов. Общая площадь дома – 69 кв. м.

Дом 3 трехкомнатный (201, 206, 213). Фасад дома длиной 16 м обрамляют помещения (202, 207, 210), по-видимому, лавки, открытые в сторону внутриквартальной улицы, и небольшой угловой айван (214). Проход в западной стене приводит в жилое помещение 206 размером 6,25 x 5,5 м. Слева от входа – две печи-тандыра. Перед устьем тандыра расположены сливное устройство ташнау и угловая очаговая тумба. Площадь дома 77 кв. м.

Дом 4 состоит из двух комнат (161, 162), углового айвана (167) и двух небольших помещений по фасаду, не связанных проходами с домом. Из айвана проход ведет в жилую комнату 161 размером 5,5 x 4 м, где печь-тандыр устроена справа от входа. В торцовой стене находится проход в амбарное помещение 162 размером 7,1 x 4,3 м. Общая площадь дома 89 кв. м.

Дом 5 состоял, вероятно, из трех помещений, одно из них осталось за пределами раскопа. Вход в дом был со стороны улицы, причем уличный фасад обрамлен айваном 194А и лавочкой 209. Жилое помещение 187 размером 5,1 x 4,9 м. В северо-восточном углу его – печь-тандыр. Помещение 186 было амбаром, в нем обнаружены парные закрома у восточной стены.

В целом в квартале «И» выяснена планировка пяти многоквартирных домов, мало отличающихся друг от друга количеством помещений и площадью. Планировка домов линейная или крестообразная подквадратная, один из домов с парными печами-тандырами. Характерной особенностью квартала являются открытые помещения, обрамляющие фасады домов с внутриквартальной улицы, двора или площади. Они, несомненно, являются составной частью отдельных домовладений, хотя и не связаны с ними проходами. Возможно, это небольшие торговые лавки.

Квартал «З». Дома квартала расположены по обе стороны улицы меридионального направления в восточной части раскопа III. С южной стороны улица выходит на обширную площадь, с северной – ограничена площадью раскопа по его северо-восточному срезу. Общая протяженность улицы около 60 м, ширина ее колеблется от 1,5 до 4,5 м. Площадь квартала в пределах раскопа около 2000 кв. м.

Дом 1 состоит из двух помещений – 380 и 387, расположенных под углом. Дом явно нежилой: никаких признаков отопления не обнаружено. По-видимому, это складские помещения. Общая площадь – 44 кв. м.

Дом 2 также производит впечатление нежилого. Со стороны улицы проход ведет в длинное, коридорообразное помещение 381 размером

Рис. 56. Городище Отрартобе. Участок раскопа

7,35 x 2,3 м. В нем два прохода: один – в помещение 389 с закромом у восточной стены, другой – в помещение 382.

К дому 2, вероятно, относятся еще два помещения. В одно из них (372) проход не найден, другое (373), типа лавки, имеет самостоятельный выход на улицу. Площадь домостроения около 50 кв. м.

Дом 3 находится на другой стороне улицы. Состоит из пяти помещений, вытянутых по оси вглубь жилого массива. Передняя комната 363 размером 4,45 x 4,3 м. В следующем за ней хозяйственном помещении 357 (5,1 x 4,5 м) устроены закрома у северной стены и в юго-восточном углу. В центральной части комплекса помещение 353 размером 6,65 x 4,7 м. Интерьер его отличается от традиционных жилых помещений. Печь-тандыр находится слева от входа, в глинобитной тумбе высотой 0,6 м и размером 2,75 x 1,8 м. Напротив топки, в углу помещений – секторальный закром. В простенке в северной части помещения – суфа высотой около 0,5 м. На суфе находится земляной очаг открытого типа. Следующее за описанным помещением 351 (7,0 x 6,35 м) жилое. С северной стороны этого помещения находится амбар (196) с закромами у торцовых стен. Общая площадь дома – 131 кв. м.

С северной стороны дома 3 расположен нежилой *дом 4*, состоящий из двух помещений – 355 и 358.

Дом 5 небольшой по площади (40 кв. м), состоит из трех помещений, функционально определяемых как передняя (365), жилое помещение (369) и кладовая или амбар (374). Устройство жилого помещения традиционно: печь-тандыр в юго-восточном углу, ташнау

и глинобитное очаговое возвышение в центре суфы. Общая площадь дома – 42 кв. м.

Дом 6 площадью 60 кв. м состоит из двух больших нежилых помещений 366 и 375 размером 5,3 x 5,25 м и 7,75 x 5,6 м соответственно.

Дом 7 трехкомнатный. Вымощенный жженым кирпичом проход со стороны улицы ведет в переднюю комнату 354 размером 3,05 x 2,55 м. Перед проходом в жилое помещение 367 (4,4 x 3,05 м) поставлен заком. Планировку жилого помещения выяснить не удалось ввиду плохой сохранности участка. Общая площадь дома 32 кв. м.

Таким образом, в той части квартала «З», которая вошла в раскоп, насчитывается семь домовладений, четыре из них явно нежилые. Эти дома находятся на участках пересечения улиц или выходят на площадь в юго-восточной части раскопа.

Квартал «ЖI». В него условно объединены несколько домов, связанных проходами с двумя пересекающимися улицами в юго-восточной части раскопа. Одна из улиц широтного направления выходит под углом на улицу квартала «З».

Дом 1. Планировка дома не совсем понятна из-за отсутствия проходов в двух помещениях. Предположительно план постройки состоит из трех смежных помещений, соединенных проходами (406, 415, 419). По обеим сторонам его еще по одному помещению – 407 и 417. Площадь домостроения составила 62 кв. м.

Дом 2 двухкомнатный, с айваном. Проход в восточной стене связывает прихожую с жилой комнатой 398 (6,5 x 4,85 м). Печь-тандыр расположена справа от входа, за печью устроены три отсека закомов на всю длину южной стены помещения. У северной стены в суфе найден кувшин с кладом медных монет (976 экз.). Площадь дома 55 кв. м.

Еще два жилых домостроения расположены через улицу, у северо-восточного края раскопа.

В *доме 3* два помещения, которые определяются как прихожая (377) и жилая комната (376). В прихожей заком в юго-восточном углу, в жилой комнате – печь-тандыр. Общая площадь дома около 30 кв. м.

Рядом находится еще один жилой *дом 5*, в котором известно только жилое помещение с печью-тандыром (378).

В *доме 4* было, вероятно, четыре помещения, вытянутых по оси вдоль фасада переулка квартала «ЖI» (390, 391, 392, 393). В одном из помещений (392) хорошо сохранились два закома у восточной стены. Другое помещение (393) жилое, со всеми атрибутами интерьера. В помещении найден клад медных монет, который находился в горшке, зарытом в суфе.

В целом в вошедшей в раскоп части квартала «ЖI» находится не менее шести отдельных комплексов, четыре из них, несомненно, жилые.

Квартал «ЕI». У юго-восточной границы раскопа расположена целая группа помещений, которые не удается разбить на отдельные жилые комплексы.

Многокомнатный жилой комплекс (*дом 1*) первоначально насчитывал восемь (?) помещений, вытянутых в два ряда по оси вглубь жилого массива. Восточная половина дома состояла из четырех подсобных помещений (402, 403, 404, 405). Дом горел, причем наиболее сильно пострадали именно подсобные помещения. Жилое помещение 396 размером 5,7 x 5,5 м. В юго-западном углу его – две печи-тандыра.

Хорошо сохранилось еще одно помещение дома – амбар (397) размером 6,45 x 2,9 м. У торцовых стен стоят закрома, причем закрбом у восточной стены разделен перегородкой на два отсека.

Первоначальная площадь дома была не менее 130 кв. м.

Квартал «К» находится в южной части раскопа III. Дома расположены по обеим сторонам улицы протяженностью более 70 м, лишь частично вошедшей в площадь раскопа. С северной стороны на улицу выходит переулок со стороны квартала «Е», с западной – переулок, который связывал улицы кварталов «К» и «С». Последний переулок образован глухими стенами домов и очень узкий – чуть больше метра шириной. Общая площадь квартала – около 2500 кв. м.

Дом 1 четырехкомнатный. Дверной проем со стороны улицы ведет в переднее помещение 335 размером 3,9 x 3,2 м. Смежное жилое помещение 343 примерно такое же по площади – 3,7 x 3,45 м. Печь-тандыр находится слева от входа. Проход в северо-восточном углу приводит в хозяйственное помещение 344 размером 5,8 x 3 м с угловым закрбом. Площадь домовладения 71 кв. м.

Дом 2 расположен по другую сторону переуллка. Предположительно в доме было шесть помещений (308, 309, 310, 321, 322, 329) с угловым айваном. Общая площадь домовладения не менее 70 кв. м.

Дом 3 четырехкомнатный, помещения располагаются анфиладой. В жилом помещении 301 (5,4 x 4,25 м) справа от входа две печи-тандыра с дымоходами. Еще одно помещение дома – 302 размером 3,5 x 3,25 м. Общая полезная площадь домовладения 60 кв. м.

Планировка *дома 4* (помещения 293, 294, 295, 296). Конкретизировать удалось только назначение помещения 294 (4,75 x 4,4 м). Это, несомненно, жилая комната, в которой сильно разрушенная печь-тандыр расположена справа от прохода. Общая площадь дома – 55 кв. м.

Дом 5 насчитывает четыре помещения. Все помещения располагаются анфиладой. Два ближайших к улице – 243 и 244 – типа амбаров или кладовых. Хорошо сохранилось жилое помещение 289 размером 5,1 x 4,6 м. Углы передней стенки помещения заняты двумя отсеками закрбомов.

Печь-тандыр и площадка с ташнау расположены у задней стены, перед проходом в следующее помещение дома. Площадь дома составляет 66 кв. м.

Дом 6 пятикомнатный (226, 233, 234, 242, 253). Первоначально в доме было, видимо, четыре помещения, которые можно определить как прихожая (253), где справа от входа расположены два закрома, два

хозяйственных помещения (234, 242) и жилого комната (226) размером 6,15 x 4,7 м. Площадь дома в последний период обживания около 75 кв. м.

Дом 7 включает жилую комнату 252 и айван 252А. Дом сохранился очень плохо.

Западнее дома 7 находится группа помещений, примыкающих к западному переулку и внутриквартальной площади (225, 231, 232, 239, 240, 241, 251), которые можно условно объединить в *дом 8*. Площадь домовладения была, вероятно, около 130 кв. м.

В южной части квартала на западной стороне внутриквартальной улицы находится крупное домовладение с двумя жилыми секциями, характер планировки которых не вызывает сомнений. Они объединены общим айваном 250 шириной 5,3 м и глубиной 3,5 м, расположенным на углу дома и открытым в сторону внутриквартальной площади.

Дверной проем в *дом 9* в западной стене айвана приводит в жилое помещение 249 размером 5 x 4,7 м. Справа от входа расположена печь-тандыр, а в северо-западном углу – заком. Второй дверной проем в западной стене жилого помещения приводит в помещение 238 (5,15 x 4,4 м), также, по-видимому, хозяйственного назначения. Площадь дома 82 кв. м.

Дом 10 состоит из трех основных помещений – 248, 254, 255. Вход из айвана, общего с домом 9, приводит в длинное узкое помещение 248 (10,15 x 1,85 м), напоминающее зернохранилище. Следующее за ним жилое помещение 254 выделяется размером: 6,2 x 6,7 м. Справа от прохода в углу расположен заком.

Восточный фасад дома протяженностью 17 м обрамляют три айвана, открытые в сторону улицы, и четыре помещения, которые не связаны проходами с помещениями дома 10. Вероятно, это торговые лавки и складские помещения. В целом площадь дома составляет 150 кв. м.

Южнее расположен *дом 11*. Количество помещений и общая площадь жилого домовладения не установлены.

Вдоль восточной стороны улицы расположено еще несколько домовладений. Южный участок улицы не докопан, здесь выявлен только *Дом 12*, который включает не менее четырех помещений. Три из них явно хозяйственного назначения, помещение же 263 (4,5 x 3,45 м) жилое. Площадь дома предположительно около 45 кв. м.

К югу от *дома 12* расположена группа из шести помещений (264, 265, 266, 270, 271, 276), которые, возможно, составляли единый комплекс – *дом 13*. Жилым было, несомненно, помещение 264: здесь у западной стены находится замкнутый участок с вымосткой из жженого кирпича и ташнау. Печь-тандыр с дымоходом расположена южнее, сохранилась очень плохо. Площадь домовладения предположительно около 100 кв. м.

Не удается с уверенностью определить и количество помещений в соседнем *доме 14*. Жилое помещение 275 размером 6,05 x 5,6 м;

печь-тандыр находится ближе к северо-западному углу, перед печью – замкнутый участок площадки с ташнау; в юго-западном углу – закром. Не исключено, что в состав домовладения входили еще пять помещений – 269, 274, 281, 282, 283. Площадь дома – не менее 130 кв. м.

В целом квартал застроен крупными по площади жилыми комплексами (до 150 кв. м), для планировки которых характерно расположение комнат анфиладой в один-два ряда. Лишь один дом имеет подквадратную в плане форму с четырьмя накрест расположенными помещениями. В южной части квартала были сконцентрированы торговые лавки в виде помещений, открытых в сторону улицы. В наиболее крупных домах квартала имеются длинные узкие помещения площадью 20-26 кв. м для хранения зерна.

Квартал «С» находится в западной части раскопа III. Организующим центром квартала является улица меридионального направления протяженностью более 60 м. С южной стороны после пересечения с переулком квартала «К» улица выходит на магистраль, идущую вдоль крепостной стены города. В центральной части квартала на улицу выходит внутриквартальный переулок длиной более 40 м. В месте пересечения улицы и переулка расположена обширная внутриквартальная площадь или двор. Общая площадь квартала около 2000 кв. м.

Дом 1 – трехкомнатный, назначение помещений можно определить как прихожая (67), жилое помещение (66) и кладовая или амбар (65).

В *доме 2* четыре помещения. Жилая комната (54) размером 4,4 x 2,8 м с печью-тандыром расположена в глубине комплекса, рядом с глухой стеной, разделяющей два соседних квартала.

Дом ремонтировался: первоначальные уровни полов в помещениях 55 и 56 были на уровне ташнау в помещении 55. Общая площадь помещений дома 53 кв. м.

Дом 3 – крупный комплекс, состоящий из семи помещений (27, 28, 29, 40, 43, 44, 45), вытянутых анфиладой в два ряда. В жилом помещении 27 (5,1 x 4 м) справа от входа в средней части восточной стены расположены две печи-тандыра с обязательными дымоходами. Дверной проем в переулок находится в переднем помещении 45 (7,5 x 3,05 м). Общая площадь помещений дома около 115 кв. м.

В *доме 4*, расположенном западнее дома 3, судя по количеству печей-тандыров, было два жилых помещения (9, 10), амбар с тремя отсеками закромов (помещение 15) и две кладовые (13, 14). Жилое помещение 10 имело размеры 5,9 x 5,1 м.

Дом 5 состоит из айвана (8), занимающего угловую часть фасадной стены дома, переднего помещения (5), где в восточном простенке поставлен закром, и жилого помещения (4). Площадь дома предположительно около 60 кв. м.

Дом 6 четырехкомнатный: айван (6) шириной 5,4 м и глубиной 2,9 м с короткой передней стенкой, передняя комната (3), жилое помещение (2) размером 3,8 x 2,4 м с печью-тандыром и, вероятно,

амбар (помещение 1). Площадь предположительно определяется в 46 кв. м.

Дом 7, возможно, состоял из двух помещений – 12 и 17.

Восточнее расположен жилой *Дом 8*. В нем есть помещение 32 (3,75 x 3,25 м) с печью-тандыром и небольшой очаговой лункой на суфе и помещение 22 (3,6 x 3,1 м).

Дом 9 включает четыре помещения (46, 47, 57, 58), расположенных попарно друг против друга. В дом попадали со стороны площади, через айван 57А. Из айвана проход ведет в переднее помещение 57 (3,6 x 2,45 м). Ближе к северо-западному углу помещения находится проход в жилое помещение 47 размером 6,05 x 2,7 м. Общая площадь помещений дома 77 кв. м.

Дом 10. Пять помещений дома (34, 48, 59, 68, 69) вытянуты по длинной оси вглубь жилого массива, вход в дом расположен со стороны площади, причем участок перед входом тщательно вымощен битым жженым кирпичом. Помещение (59) жилое, размером 4,7 x 3,4 м. Площадь дома составляет 56 кв. м.

Дом 11. В нем пять помещений (216, 218, 219, 220, 220А) вытянуты по длинной оси вдоль фасада площади. Возможная площадь дома около 95 кв. м.

Южнее дома 11 расположена группа из шести помещений (217, 219, 223, 224, 229, 230), практически не связанных проходами и явно нежилых.

В целом, в квартале «С» выделено 12 отдельных комплексов, хотя общее их число могло доходить до 15-16. Десять домовладений, несомненно, жилые, в одном из них – доме 3 – парные печи-тандыры в жилом помещении, которые функционировали одновременно. Западная часть переулка по обеим сторонам обрамлена айванами.

Квартал «С1». Дома квартала расположены вдоль участка улицы, общей для кварталов «С» и «СП», и по обеим сторонам переулка, который с западной стороны выходит на внутриквартальную улицу. Квартал вошел в раскоп явно не полностью: в западной части переулочек длиной 12 м, судя по топографии участка, продолжается за пределами раскопа. Выявленная площадь квартала «С1» составляет 500 кв. м.

Дом 1 – многоквартирный жилой комплекс, два ряда помещений которого идут параллельно глухой стене внутри жилого массива. Жилое помещение 50 находится в глубине дома, его размеры 8,4 x 4,2 м. Проход в северной стене ведет в хозяйственную часть дома, которая насчитывает четыре небольших по площади помещения: 60, 71, 75 и 75А. Общая площадь дома 96 кв. м.

Дом 2 – также многоквартирный жилой комплекс, планировкой напоминающий соседний дом. Жилое помещение 76 расположено в глубине дома. Остальные помещения – 61, 62, 73, 74, 74А, по-видимому, хозяйственного назначения. Площадь всего домовладения 67 кв. м.

Дом 3 находится в северной части квартала, занимая угловой участок на пересечении улицы и переулочка. Вход в дом со стороны улицы

ведет в помещение 96 размером 2,85 x 2,6 м, у южной стены которого находятся парные закрома. В северной стене смежного помещения 90 размером 2,8 x 2,55 м – проход в помещение 91 (5,4 x 2,8 м). Следующее за ним жилое помещение 92 – самое большое в комплексе, квадратное в плане (5,25 x 5,25). Печь-тандыр диаметром 0,55 м находится в юго-восточном углу помещения, рядом – очаговая тумба и углубленный участок с ташнау, открытый в сторону прохода в соседнее помещение 97 (2,8 x 2,5 м). Таким образом, в доме насчитывалось семь помещений общей площадью 77 кв. м.

Дом 4, по-видимому, нежилой: в трех помещениях дома, довольно больших по площади (87 – 4,95 x 3,5 м; 88 – 6,2 x 5,35 м; 89 – 6,3 x 5,6 м; общая площадь около 86 кв. м), не обнаружено никаких следов отопления. Можно полагать, что в помещениях в течение долгого времени содержали скот, судя по толстым слоям навоза.

Квартал «СII», постройки которого расположены у северо-западной границы раскопа, исследован частично: большая часть его осталась за пределами раскопа. В основе планировки квартала лежит застройка восточной стороны площади, в которую вливаются две улицы; с юго-восточной стороны – улица квартала «Е», с юго-западной стороны – улица кварталов «С» и «СІ».

Дом 1 состоит из двух помещений и айвана (124А, 124, 132), вытянутых в глубину жилого массива. Следующее за айваном жилое помещение 124 прямоугольной формы, размером 5,2 x 3,55 м. Печь-тандыр находится у задней стены помещения. Площадь помещений дома около 37 кв. м.

Дом 2 нежилой, состоит из помещения 125 размером 4,25 x 3,8 м и айвана.

Дом 3 – двухкомнатный жилой комплекс, в котором различаются хозяйственное помещение 126 (4,25 x 3,6 м), расположенное в глубине дома (в углах южной стены устроены закрома), и жилое помещение 112 (6 x 4 м). Общая площадь комнат – около 40 кв. м.

Дом 5 – крупный жилой комплекс в восточной части квартала. Композиция планировки установлена достаточно определенно: это двухрядная анфилада смежных помещений, длинной осью вытянутых вглубь жилого массива. Узловое помещение дома – айван 114 (4,75 x 3,5 м). Благодаря наличию двух проходов, обе части дома независимы друг от друга. Присутствие крупного жилого помещения в северной половине дома позволяет определить назначение остальных помещений. Жилое помещение 129 размером 6,1 x 5 м. Сразу за дверным проемом устроена площадка ташнау, печи-тандыры расположены на суфе, слева от входа.

Не совсем понятно назначение помещений в южной части дома. Они меньше по площади (помещение 122 – 4,3 x 3 м, 128 – 3,75 x 3,75 м, 137 – 4,8 x 2,65 м), соединены между собой сквозными проходами. В целом площадь дома составляет около 140 кв. м.

На противоположной стороне улицы, по крайней мере, три помещения (105, 106, 107) составляли единый комплекс – дом 6. Ближайшее к улице помещение 105 – небольшая (4,2 x 2 м) прихожая, из которой есть проход в помещение 106 – жилую комнату дома размером 5,1 x 4,15 м с печью-тандыром в юго-западном углу. Следующее за жилым помещением 107, очевидно, амбар (6,55 x 3 м). Общая площадь дома составила 49 кв. м.

Значительные участки застройки уничтожены пожаром и заброшены. Полностью сгорели дома 9, 10, 11 в квартале «К» и два соседних дома в квартале «С», дома 7 (юго-восточный участок), 8 и 9 в квартале «Ж». В квартале «И» пожаром уничтожен дом 3, частично пострадал и соседний дом 2.

Раскопки в центральной части. Раскоп VI

Раскоп VI был заложен в центральной части городища и захватил участок магистральной улицы на протяжении 50 м. Своей южной стороной раскоп примыкал к границе старой траншеи, заложенной еще в 1904 г. (Кларе, 1904, с. 32-35). Общая площадь раскопа составила около 6000 кв. м. В него попали три квартала.

Квартал «Ю» занимает прямоугольный участок площадью около 1000 кв. м. Дома выходят во внутриквартальный тупик, который начинается от магистральной улицы и тянется почти на 60 м. В раскопанной половине квартала было 6 домов.

Дом 1 четырехкомнатный, с крестообразным расположением комнат. Перед входом с правой стороны к дому пристроено небольшое помещение 10А, которое, по-видимому, использовалось как загон для скота. В дом попадали через помещение 10, которое имеет размер 5,85 x 5,30 м. Стены его тщательно обмазаны желтой глиной, хорошо виден плавный переход обмазки стен в обмазку пола. Большую часть пола занимает суфа. Тандыр хорошей сохранности. Дымоход тандыра выведен в восточный угол помещения. Площадка ташнау выложена целым жженым кирпичом квадратной формы размером 26 x 26 x 5 см.

Через проход с выложенным порошком попадали в помещение 12. В нем отмечена двухсторонняя суфа высотой 0,45 м. Центральная часть помещения по всей длине вымощена жженым кирпичом. Помещение 11 представляет собой кладовую с закромами.

Дом 2 состоит из четырех помещений, расположенных крестообразно. Прихожая 13 квадратная в плане площадью 21 кв. м. Через дверной проем в северо-западной стене попадали в помещение 14. Проход, выложенный жженым кирпичом, вел в помещение 15 размером 6,03 x 5,83 м с трехсторонней суфой. Дымоход тандыра выведен в юго-западную стену.

Помещение 26 площадью 21 кв. м было амбаром.

Дом 3 состоит из четырех помещений, вытянутых вдоль улицы. Сообщение с улицей осуществлялось через проем в юго-западной стене помещения 8. Помещение 4 имеет размер 5,60 x 7,35 м. В центре

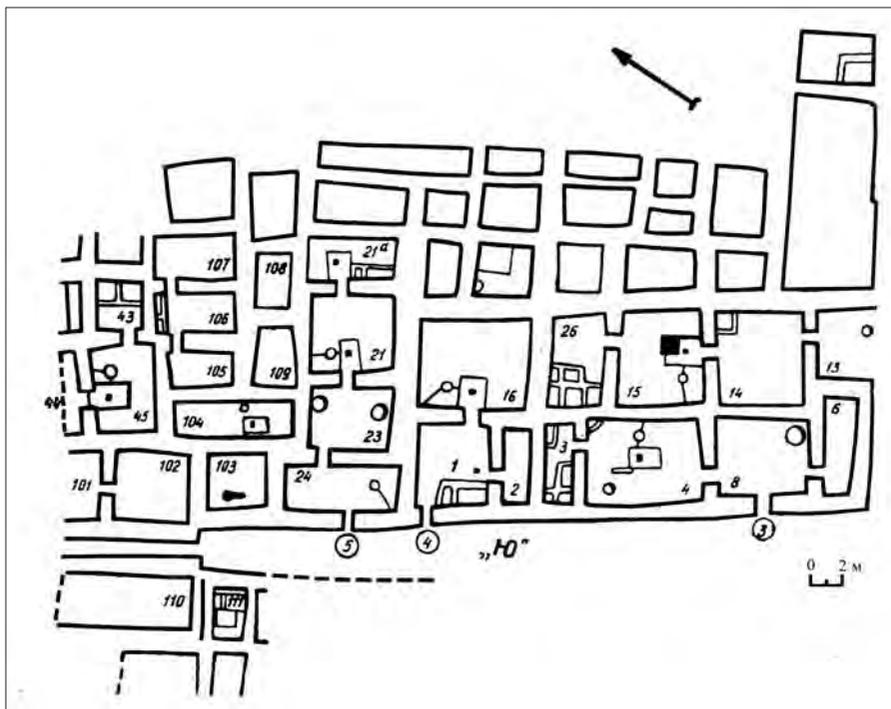

Рис. 57. Городище Отрартобе. План раскопа VI

его находилась площадка с ташнау. В суфу вмазан тандыр. В западном углу расчищена яма для хранения зерна. В северном углу устроен секторальный загром. Помещение 3 с тремя загромами служило амбаром.

Дом 4 состоит из трех комнат. Большую часть помещения 16 площадью 44 кв. м. занимает суфа с вмазанным в нее тандыром. Площадка ташнау выложена жженым кирпичом. В помещении 1 площадью 22,5 кв. м. часть пола выложена обломками жженого кирпича. Через дверной проем в юго-восточной стене помещения связывалось с комнатой 2, которая предназначалась под кладовую.

Дом 5 состоит из четырех комнат. Помещение 21 размером 5,77 x 5,30 м, где имеется суфа с вмазанным тандыром. Выкладка ташнау у юго-западной стены переходит в порожек комнаты 23. На полу ее найден перстень из горного хрусталя.

Дом 6 состоит из двух секций, объединенных общим двориком, и насчитывает семь помещений. В первую секцию входили помещения 61 и 62, во вторую – 63, 64, 65; помещения 59 и 60 – общие. Вход в Дом осуществлялся через дверной проем в юго-западной стене помещения 59. Помещение 61 занято суфой с вмазанным тандыром. Помещение 62 площадью 18,7 кв. м. также имело суфу и тандыр.

Через помещение 64 попадали в помещения 63 и 65. Комната 64 удлиненной формы, размером 7,2 x 3,8 м. Большая часть ее занята суфой, в которую вмазан тандыр. Помещение 65 размером 7,22 x 1,84 м. В юго-западной части помещения размещались шесть загромов.

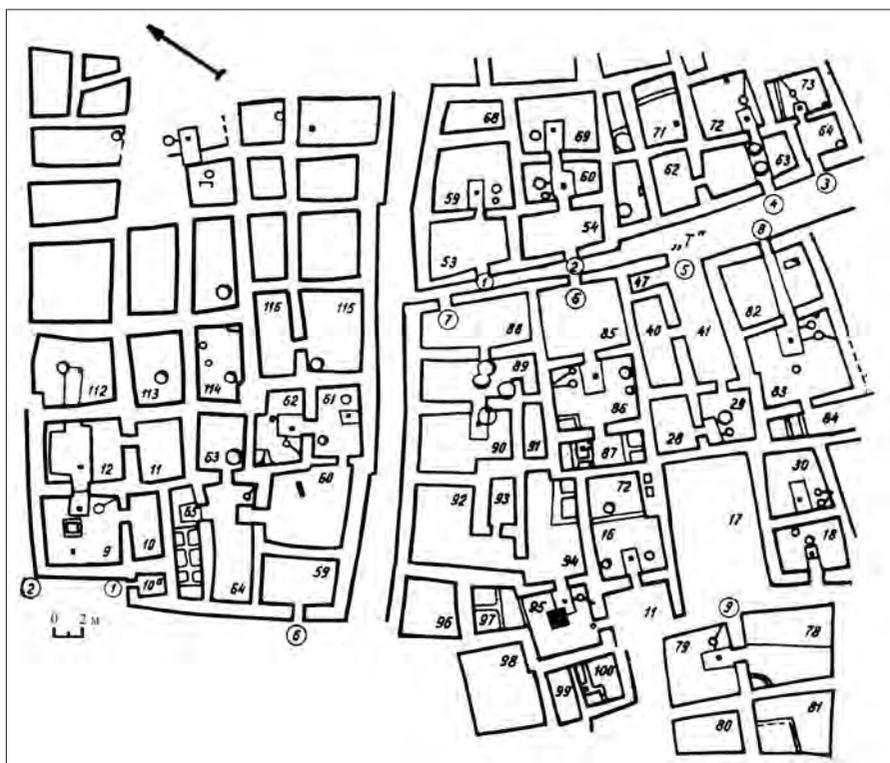

Рис. 58. Городище Отрартобе. План раскопа VI

Квартал «Т» отделен от жилого массива квартала «Ю» магистральной улицей шириной от 1,5 до 2,5 м. Жилища квартала группируются вдоль узкой внутриквартальной улочки, которая выходит на магистральную улицу.

Дом 1 этого квартала состоит из трех помещений. Вход с внутриквартальной улочки ведет в помещение 53, видимо, открытый дворик площадью 20,3 кв. м. Проход из него ведет в центральное помещение 59 с суфой и двумя тандырами. Напротив входа в суфу вмазаны два больших сосуда типа хума. Площадь помещения 25,2 кв. м.

Дом 2 имеет три помещения. Вход с улочки ведет в помещение 54. Проход ведет в центральное помещение 60 с двумя тандырами. Площадка ташнау размером 1,5 x 1,5 м. Три стороны помещения заняты суфами. Проход соединяет площадку ташнау помещения 60 с площадкой помещения 69, где зафиксированы тандыр и суфа. Общая площадь жилища 52,1 кв. м.

У юго-восточной границы раскопа VI находится дом 3, состоящий из двух помещений. Правая от входа часть помещения 64, вероятно, была занята суфой. В дверном проеме, ведущем в жилое помещение 73, сохранились остатки деревянной дверной рамы. Дверной проем вел на площадку ташнау помещения 73, которая имела полукруглые очертания.

Напротив двери в суфе устроен тандыр. Вдоль левой от входа стены устроен заком, отгороженный каркасной стенкой. Обнаружены следы столбов диаметром 12-15 см.

Дом 4 объединяет помещения 62, 63, 72, 71. Вход снутри квартальной улочки вел в помещение 63 площадью 19,5 кв. м. Проход из помещения 63 вел на площадку ташнау помещения 72 площадью 16,8 кв. м. Напротив входа в суфе устроен тандыр.

Дом 5 состоял из помещений 40, 41, 47, 28, 29. Помещение 41, возможно, служило двориком, из него можно было попасть в помещения 40 и 29. В углу жилого помещения 29 расчищена площадка ташнау, тандыр и яма-хранилище.

Дом 6 расположен напротив дома 2. Он также состоит из трех помещений, вытянутых в одну линию. Центральное помещение 86 с суфой и двумя тандырами. На площадке перед тандыром было много неполивной посуды во фрагментах.

С описанным кварталом связан комплекс помещений 88, 89, 90, 91 линейной планировки, сообщающихся проходами с внутриквартальной улочкой – *Дом 7*. Все помещения, в том числе жилое (90), сильно пострадали от ям позднего происхождения.

Дом 8 состоит из трех помещений осевой планировки. В переднем помещении (82) с левой стороны от входа, в суфе, устроен очаг открытого типа.

Центральное помещение 83 все занято суфой. Перед входом в него находится площадка ташнау размером 1,7 x 2,2 м. Слева от входа в суфе устроены два тандыра с дымоходами. Площадь этого помещения 35,8 кв. м.

Единым комплексом *дома 9* представляются помещения 11, 16, 72. У дома линейная планировка.

К отдельному *дому 10* относятся помещения 78 и 79, связанные проходом. Помещение 79 имеет размер 5,5 x 6 м. Половина его занята суфой с тандырами. В одном из углов устроен полукруглый заком.

В отвале у южной бровки раскопа VI найден клад из 352-х медных монет.

Раскопки в юго-восточной части. Раскоп IV

Квартал «Л» (квартал керамистов) представляет собой прямоугольный в плане жилой массив, в составе которого вычленяются 11 отдельных домовладений, сгруппированных по сторонам внутриквартальной улицы, которая отходит от магистрали, идущей в меридиональном направлении, почти параллельно центральной. Улица квартала протяженностью 65 м заканчивается тупиком у городской стены. От улицы на расстоянии около 22 м под прямым углом отходит переулок длиной 14 м. Площадь квартала составляет чуть больше 2000 кв. м. Протяженность его в глубину 65 м, ширина по фасаду – 32 м.

Восемь из одиннадцати домов расположены по правой стороне улицы (юго-западная часть), три дома – слева (северо-восточная часть). Выходы домов открываются на улочку. Передний фасад квартала глухой, образован длинными боковыми стенами домов. Внутриквартальная улочка имеет ширину 3-3,5 м. Перед некоторыми домами участки улицы вымощены обломками жженных кирпичей.

Три дома в квартале принадлежали гончарам, судя по гончарным горнам, расположенным в зимних помещениях и во дворе.

Дом 1 включает пять помещений. Вход в дом находился в помещении 36. Центральным является помещение 35, прямоугольное в плане, размером 5,7 x 4,55 м. В северном его углу находится гончарная печь. В противоположном, южном углу в суфу вмазан тандыр. К суфе, высота которой 0,45 м, примыкает площадка ташнау размером 1,85 x 1,3 м. Почти посередине юго-западной стены находится проход шириной 0,9 м, ведущий в помещение 36, прямоугольное в плане, размером 6 x 3,5 м. Вдоль юго-восточной стены его в ряд устроены три закрома. В северо-западной стене имеется проход шириной 0,6 м, ведущий в помещение 15 – двор, площадью 45 кв. м.

В северо-восточной стене помещения 15 сделан проход, соединяющий дворик с помещением 14. По функциональному назначению – это одно из подсобных помещений мастерской. Вдоль стен и в углах видны следы пожара. Дверной проем шириной 0,7 м в северо-западной стене соединяет помещение 14 с помещением 7. Здесь на полу расчищено четыре ямы, заполненные белым известковоподобным веществом, углями. Помещение 7 тоже относится к подсобным. В плане это почти квадрат, со сторонами 4,5 и 4,4 м. В центре его обнаружена круглая утрамбованная площадка диаметром 2 м. Площадка выделена желобообразным углублением. Видимо, она служила для замешивания теста.

Дом 2 состоит из трех помещений: 47, 48, 49. Первое прямоугольное в плане, размером 5 x 4,2 м. Почти половину его площади занимает гончарная печь. В северном углу находился тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау размером 1,75 x 1,55 м. В западном углу помещения, рядом с площадкой ташнау – сегментовидный загром.

Проход шириной 0,65 м в юго-западной стене помещении 47 ведет в помещение 48. Южный угол его занят разрушенным тандыром.

В западной стене имеется проход шириной 0,7 м, ведущий в соседнее помещение 49 размером 4,5 x 3,3 м.

Дом 3 тоже трехкомнатный. Вход с улицы вел через северо-западную стену в летнее помещение 66, почти квадратное в плане, размером 5,5 x 5,25 м. Западную его часть занимает открытый дворик, пол которого вымощен обломками жженого кирпича. К северу от площадки ташнау в суфу вмазан тандыр.

Проходом в западной стене помещении 67 соединялось с длинным узким помещением 79 (6,5 x 2,5 м).

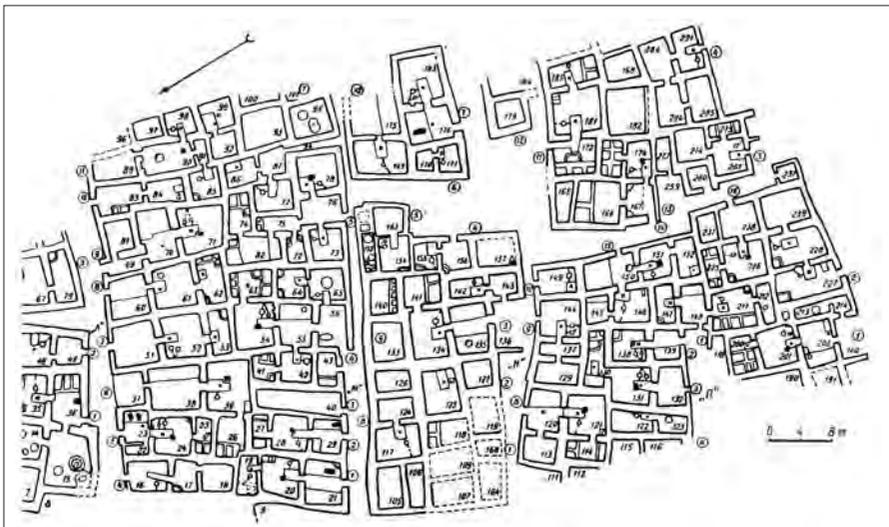

Рис. 59. Раскоп IV. План северо-восточной части

Дом 4 включает три помещения. Наружный вход в него находился со стороны внутриквартальной улочки и вел в помещение 16 – центральное в доме. В суфу, ближе к северо-западной стене помещения 16, вмазан тандыр с дымоходом.

В юго-западной стене находился проход шириной 0,6 м, ведущий в соседнюю комнату 17. В юго-западной стене помещения 17 – дверной проем шириной 0,6 м в помещение 18.

Дом 5 включает жилое и хозяйственные помещения, летний дворик. Центральным является жилое помещение 24 подквадратное в плане размером 5,05 x 4,45 м. Большую его часть занимает суфа с двумя вмазанными в нее тандырами. Топочное отверстие снаружи оформлено прямоугольной керамической плитой размером 0,41 x 0,35 м. Плита, украшенная растительным орнаментом, имеет высокий утолщенный волнистый край, образованный защипами. Тандыр закрывался массивной крышкой. Второй тандыр имеет венчик диаметром 0,5 м. Вертикальный дымоходный канал сечением 0,2 x 0,25 м проложен в южной стене. К нему подведены горизонтальные дымоходные каналы от обоих тандыров. Топка тандыра прямоугольная размером 0,17 x 0,2 м. Снаружи топочное отверстие также украшено прямоугольной керамической плитой размером 0,49 x 0,39 м. По краю плиты идет утолщенный бортик. Поле плиты орнаментировано растительными завитками и «жемчужинами».

К тандырам примыкает площадка ташнау размером 2,4 x 1,15 м. В северо-западном углу площадки ташнау – глинобитный столик кубической формы с углублением для углей. Рядом с тандырами в восточной стене устроены две ниши.

В восточной и западной стенах помещения 24 имеются проходы шириной 0,8 и 0,95 м, ведущие в соседние помещения. Смежное помещение 23 размером 5,4 x 3,2 м служило летним двориком.

Вдоль южной стены располагалась суфа. На суфе было два открытых очага грушевидной формы.

Третье помещение дома (25) представляет собой амбар для хранения продуктов.

Дом 6 четырехкомнатный. Помещение 39 – самое большое в доме (6,9 x 5,5 м). В северном углу его в суфу вмазан тандыр. Дым из тандыра выводился горизонтальным каналом длиной 1,55 м, проложенным в суфе.

Помещение 38 имеет площадь 40 кв. м. Юго-восточный простенок занят суфой шириной около 2 м. Помещение 37 имеет размер 4,1 x 3,85 м, его можно считать айваном.

Помещение 26 – амбар. Северо-западная часть его занята двумя закромами. Вдоль западной стены на полу находились раздавленные сосуды: два хума, тагора, широкогорлый горшковидный сосуд.

Дом 7 состоит из трех помещений. Помещение 52 квадратное в плане со стороной 5,5 м. На северо-западном участке суфы находятся два одновременных тандыра. К тандырам примыкает площадка ташнау размером 1,3 x 1,7 м. Дверными проемами в юго-западной и северо-восточной стенах помещение 52 соединялось с соседними (51, 53).

Помещение 53 размером 6,0 x 2,7 м хозяйственного назначения. Около закрома и вдоль западной стены обнаружены раздавленные сосуды: большая миска, три узкогорлых кувшина, тагора, небольшая хумча и широкогорлый сосуд. Через помещение 51 осуществлялся выход на улицу.

Рис. 60. Раскоп IV. Общий вид

В доме 8 три помещения. Жилое помещение 61 квадратное в плане со стороной 5,4 м. В восточном углу в суфе находился тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау. Два дверных проема – в северо-восточной стене и в юго-западной стене – ведут в помещения 60 и 62. Последнее, прямоугольное в плане, размером 6,65 x 3,25 м, служило амбаром. Здесь пять закровов.

Помещение 60 размером 5,9 x 4,25 м являлось летним двориком.

Дом 9 состоит из трех помещений и коридора (69), через который осуществлялась связь с внутриквартальной улицей.

В помещении 71 площадью 34 кв. м рядом с входом в суфе находились два разновременных тандыра.

К тандырам примыкает площадка ташнау.

Помещение 70 в плане прямоугольное размером 6,7x4,25 м. Оно было летним: почти половину его площади занимает суфа. К этому же дому относится помещение 81, изолированное от других, его можно отнести к хозяйственным.

Дом 10 состоит из двух помещений. Помещение 84 в плане прямоугольное размером 4,7 x 2,9 м. В юго-западном углу находится тандыр. Длина дымоходного канала 1,15 м. К тандыру примыкает площадка ташнау.

Дом 11 состоит из шести комнат, сохранность их очень плохая. Дом, несомненно, перестраивался вследствие выделения дополнительной комнаты с тандыром. В результате в нем оказались два жилых помещения (85, 98).

Помещение 98 в плане почти квадрат со стороной 3,5-3,6 м. Слева от входа в суфе устроен тандыр. Перед тандыром имеется площадка ташнау. Проход шириной 0,7 м в северной стене этого помещения соединяет его с помещением 97 (3,9 x 2,7 м). К северу от него расположено помещение 89, к югу – 91, через которое можно попасть во вторую жилую комнату (85).

Квартал «Л1» примыкает к кварталу керамистов с северо-востока. Он раскопан не полностью. Вскрыто четыре дома, входы в которые прослеживаются с улицы, параллельной улице квартала керамистов. Площадь составляет немногим более 800 кв. м.

Дом 1 состоит из пяти помещений. Помещение 5 центральное в доме. Оно прямоугольное в плане, размером 4,2 x 3,8. Почти в центре, немного ближе к северной стене в суфе находится тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау. В юго-западном углу помещения расположен секторальный закров, рядом с ним в пол вмазан хум

Проход в северо-восточной стене соединяет помещение 5 с помещением 4, служившим летним двориком. При зачистке пола в юго-восточном углу ниже уровня суфы на 0,15 м обнаружен тандыр плохой сохранности с примыкающей к нему вымощенной жженым кирпичом площадкой ташнау. Следовательно, в более ранний период жизни города это помещение было жилым.

Помещения 1 и 2 раскопаны частично. Они, скорее всего, выполняли функции кладовых.

Дом 2 включал пять помещений, полностью раскопаны только три – 11, 12, 13. В помещении 12 находится тандыр. Длина горизонтального дымохода, проложенного в суфе от тандыра до южной стены – 1,0 м. В юго-восточном углу, рядом с входом находится закрома.

Проход в восточной стене приводит в хозяйственное помещение 11 размером 6,2 x 4,45 м. Вдоль южной стены его находится суфа. На ней в ряд стояли различные сосуды: тагора, хумча, кувшины, котел. Вдоль западной стены расположились три закрома. В северо-восточной стене есть проход, соединяющий помещения 11 и 10.

Дом 3 состоит из четырех помещений, три из них (32, 33, 34) раскопаны полностью. Центральное в доме помещение 33 прямоугольное в плане размером 5,75 x 4,4 м. Почти в центре помещения находится тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау. В помещении два прохода. Один ведет в помещение 34, имевшее хозяйственное назначение, другой устроен в восточной стене, напротив площадки ташнау, и ведет в помещение 32.

В помещении 34 (6,3x3,9 м) вдоль южной стены в ряд расположены три закрома.

Помещение 32 тоже прямоугольное в плане размером 5,45 x 4,85 м являлось летним. Вдоль северо-западной стены расположена суфа. На суфе находятся два открытых овальных в плане очага. У южной стены находились раздавленные узкогорлые кувшины.

В *доме 4* выявлено три помещения. Центральным было помещение 46 размером 6,2 x 4,2 м. Посреди помещения, ближе к северной стене, находился тандыр с дымоходом.

Помещение 44 имеет размер 4 x 2,9 м. Строительных конструкций внутри нет. Помещение 45 тоже пустое.

Квартал «М» расположен вдоль узкой внутриквартальной улочки (ширина 2-3 м), отходящей от магистральной улицы под прямым углом. Квартал прямоугольный в плане, вытянутый с запада на восток. Его длина около 60 м, ширина 22 м, площадь около 1500 кв. м. Здесь имеется пять домовладений, они сосредоточены в северной части квартала. Напротив, через улицу, насчитывается только два домовладения.

Дом 1 находится в начале улочки. Его помещения (19, 20, 21) расположены анфиладой. Ближайшая к улице комната 21 прямоугольная в плане. Вдоль длинных стен устроены суфы. Проход в восточной стене ведет в помещение 20 – центральное в комплексе, размером 4,7 x 5,5 м. В его юго-западном углу зафиксирован тандыр. Площадка перед тандыром размером 1,4 x 2,0 м вымощена кирпичом.

Третье помещение дома (19) размером 5,2 x 2,6 м первоначально служило кладовой: у его западной стены устроены два закрома.

Дом 2 по планировке аналогичен описанному. В нем также три помещения. Центральное (28) – почти квадратное в плане, размером 4,7 x 4,6 м. В нем ближе к юго-западному углу имеется вмазанный в суфу тандыр. Вторая комната (27) служила амбаром, третья (29) – прихожей или летним помещением.

К дому 2 с юго-восточной стороны примыкает помещение 40 – дом 3. Узкое и длинное, размером 6,6 x 2,45 м, оно каких-либо сооружений внутри не имеет. При расчистке на полу обнаружен слой навоза толщиной от 10 до 22 см. Судя по характеру напольных наслоений, это был загон для скота.

Дом 4 – крупное домовладение из трех жилых секций с общей прихожей (56) площадью 17 кв. м. Из прихожей два входа ведут в секции. Наиболее обширная из них центральная, состоящая из трех помещений. Комната 55 имеет размеры 5,2 x 4,1 м. У ее восточной стены отмечена суфа.

Центральной в этой секции была комната 54 с двумя тандырами. Дымоходы тандыров выведены в общий колодец, устроенный в восточной стене. Устье топки меньшего тандыра облицовано керамической плитой с округлым отверстием. Плоскость плиты заполнена барельефными завитками и шишечками. В южной стене рядом с тандырами сделаны три ниши.

Амбар 63 имел площадь 17 кв. м. У стен расположены закрома, пол между ними вымощен жженым кирпичом.

Из летнего помещения 55 проход ведет во вторую секцию дома, которая состоит из двух комнат. В жилой комнате 42 имеется тандыр, а в кладовой 41 площадью около 9 кв. м – три закрома.

Третья секция дома соединялась проходом с общей прихожей. Секция двухкомнатная. Одна комната (65) жилая, была с тандыром, другая (64) служила амбаром.

Юго-западный участок дома 4 занимает небольшое помещение 43 с самостоятельным выходом на улицу.

Дом 5 состоит из двух секций, объединенных общей прихожей (76). Первая секция однокомнатная (78) размером 5,0 x 4,3 м. У западной стены находился тандыр. В северо-восточном углу площадки обнаружен глинобитный столик кубической формы с очажком наверху и деревянная балка опорного столба.

Вторая секция дома насчитывает пять связанных проходами помещений. Центральное (73) размером 4,2 x 3,8 м имеет тандыр в северо-восточном углу. Помещение 75 коридорообразное. Через него попадали в помещение 72, которое использовалось как амбар, и 102. В последнем вдоль восточной и западной стен устроены суфы. Помещение 74 площадью около 15 кв. м, смежное с помещением 71, выполняло функцию кладовой или амбара. В ее восточной части выявлено три больших закрома.

Дом 6 имеет три помещения. В дом попадали с узенькой улочки-тупичка. Прихожая 87, квадратная в плане, двумя дверными проемами соединялась с другими помещениями дома. Помещение 77 центральное, с тандыром. Помещение 86 размером 4,0 x 4,2 м служило кладовой.

Дом 7 раскопан не полностью – за пределами раскопа осталась юго-восточная его часть. По-видимому, он включал шесть помещений (92, 93, 95, 99, 100, 101), в том числе жилое (99) и переднюю (92), расположенную в глубине домовладения.

Рис. 61. Раскоп IV. Общий вид

В юго-западной части квартала «М» было, по-видимому, три домовладения. Одно из них – дом 8 – состоит из двух комнат: прихожей 124 и помещения 117 с тандыром.

Дом 9 предположительно включал три помещения (126, 133, 140), два из которых без каких-либо следов внутренней планировки, а в третьем помещении (140) обнаружено пять кормушек для скота у южной стены.

Дом 10 находится в глубине внутриквартальной улицы, у крепостной стены. Планировка его точно не выяснена, определены лишь контуры центрального жилого помещения (69) размером 6,6 x 4,2 м с тандыром и летнего помещения 175 с суфой у юго-западной стены.

Квартал «Н». Его дома группируются вокруг внутриквартальной площади и по обеим сторонам четырех улиц, выходящих на площадь. Первая улица, подходящая к площади с западной стороны, соединяет площадь и квартал с магистральной улицей, вторая и третья вливаются в площадь с северной и южной сторон, а четвертая – с восточной стороны. Последняя, по-видимому, заканчивается тупиком у крепостной стены. Площадь квартала около 2000 кв.м.

В северной части квартала обнаружено семь домов.

Дом 3 имеет две жилые секции, объединенные айваном 136. Одна из секций состоит из двух комнат: кладовой 143 и жилого помещения 142 с тандыром, другая – из трех комнат: летнего помещения 135 с суфами у торцовых стен, амбара 141 с парными закромами у южной стены и жилого помещения 134 размером 5,85 x 4,30 м с тандыром.

Дом 4 имеет три помещения. Дверной проем дома открывался из помещения 156 типа прихожей в сторону площади. Жилое помещение 155 (3,6 x 2,9 м) расположено в глубине комплекса, большую часть его занимает «Г»-образная суфа с вмазанным в юго-западном углу тандыром. В юго-западном углу помещения 157 находилась небольшая гончарная печь.

В *доме 5* три помещения. Одно (154) размером 4,55 x 3,75 м с парными тандырами в северо-восточной части суфы. Помещение 153 амбарного типа. В нем зафиксировано два закрома в восточной части и три – в западной. Выход из дома осуществлялся через помещение 163.

В северо-восточной части квартала отмечено два дома.

Дом 6 двухкомнатный (170, 171). Одна – небольшое жилое помещение (3,55 x 2,7 м) с тандыром, другая – кладовая (2,8 x 2 м).

Дом 7 также двухкомнатный, но значительно больше по площади. Жилое помещение 183 с парными тандырами. Помещение 176 (5,7 x 4,2 м) летнего типа.

Южная часть квартала «Н» насчитывает три дома.

Дом 8 состоит из четырех комнат: летнего помещения 120 (4,0 x 5,1 м) с суфой у восточной стены и вымощенным участком пола, жилого помещения 121 (4,9 x 5,1 м) традиционной планировки с тандыром на северо-западном участке суфы, амбара 114 (5,15 x 2,35 м) с закромами у северной и южной стен и помещения 113 (4,1 x 3 м), смежного с летней комнатой, по-видимому, кладовой. В помещении 121 сохранились остатки деревянных конструкций: опорная база центрального столба в виде плахи длиной 2,3 м. У южной стены лежала подбалка опорного столба. По всему помещению разбросаны многочисленные обломки тонких поперечных жердей, остатки камыша, скрученного в жгут.

Дом 9 включает помещения 129 (5,6 x 2,65 м), 137 (5,25 x 3,0 м) и 144 (5,3 x 5,0 м). Жилая комната 144 имеет, видимо, разновременные тандыры. Суфа с трех сторон ограничивает небольшую «П»-образную площадку с ташнау, выложенную жженым кирпичом. Помещения 137 и 129, видимо, кладовые.

Дом 10 однокомнатный (149), размером 4,85 x 3,0 м. У южной стены расположен тандыр.

В юго-восточной части квартала находится большой *дом 11*. Он имеет линейную планировку и состоит из трех помещений (172, 181, 185). Не исключено, что в состав дома входили еще два помещения – 168 и 182, но проходы в них не найдены. Помещение 181 (6 x 5,5 м) первоначально было единственным жилым в секции. В его северо-западном углу находился тандыр, а в северо-восточном – погреб. Второе жилое помещение – 185 (6,35 x 3,15 м) появилось, видимо, позднее, в связи с выделением еще одной семьи в доме. К южной стенке приставлены парные закрома.

С северной стороны дома 11 расположено еще одно домовладение, которое осталось недокопанным – *дом 12*. Назначение двух других помещений 179 и 184 осталось неизвестным.

Дом 13 с помещениями 259 (3,35 x 3,0 м) и 273 (4,35 x 1,8 м), судя по отсутствию каких-либо признаков отопления, нежилой.

Дом 14 жилой, с традиционным комплексом помещений: комната 174 (4,7 x 3 м) с суфой и печью-тандыром слева от входа, летнее помещение 167 (4 x 3,4 м) с суфой в северной половине, кладовая 166.

На южной стороне внутриквартальной улочки имеется два дома.

Дом 15 состоял из пяти комнат, по-видимому, перестраивался, так как в нем два жилых помещения – 146 (4,4 x 4,0 м) и 151 (4,15 x 3,85 м). Тандыр в помещении 146 вмазан в «Г»-образную суфу. Помещение связано проходами с кладовой 145 (3,15 x 2,85 м) и прихожей 150 (6,7 x 3,5 м). Через последнюю попадали в жилую комнату 151 (4,15 x 3,85 м) с тандыром и очаговой тумбой.

Дом 16 включает четыре помещения. Обширная передняя 238 (4,85 x 3,85 м) проходом в середине западной стены связана с жилой комнатой 226 (5,25 x 4,6 м). В северной стене имеется проход в амбар 225 (5,0 x 1,75 м), к восточной и западной стенкам которого приставлены парные закрома. Еще одно помещение – 237 (3,5 x 2,25 м), по-видимому, кладовая.

Квартал «П» состоит из четырех домовладений, расположенных по обеим сторонам тупика, с западной стороны открытого на магистральную улицу. Протяженность тупика около 17 м, ширина 5 м, выявленная площадь квартала немногим более 400 кв. м.

Дом 1 с четырьмя помещениями линейной планировки очерчивает восточную границу квартала. Центральное помещение – 211 (5,4 x 4,6 м) с тандыром в северо-восточном углу и секцией из четырех закровов у западной стенки. С южной стороны в нем имеется проход в кладовую 212 (5,0 x 1,65 м), а с северной – в летнее помещение 148.

Дом 2 состоит из помещений 138 (4,1 x 3,9 м) и 139 (3,75 x 3,25 м). Последнее, по-видимому, летнее, с традиционной суфой у западной стены и полом, вымощенным жженым кирпичом. Помещение 138 отапливалось парными тандырами, расположенными в юго-западном углу.

В сторону улицы дома 1 и 2 открывались общим для них айваном (136).

Дом 3 трехкомнатный, «Г»-образной планировки. Через переднюю 132 (5,0 x 3,35 м) попадали в центральное жилое помещение 131 (5,0 x 4,6 м). Проход в северной стене ведет в помещение 130 (7,15 x 2,1 м) амбарного типа.

Дом 4 попал в раскоп частично, полностью выявлена планировка лишь помещений 122 (5,4 x 2,5 м) и 123 (3,9 x 5,4 м). Вероятно, дом насчитывал четыре комнаты. Помещение 122 с суфой, в которую у восточной стены вмазан тандыр. Остальные комнаты подсобного характера.

Квартал «Р» – крупный жилой массив, плотная застройка которого разрежена двумя внутриквартальными улицами. Площадь квартала 2600 кв. м, на его территории находится 15 домовладений.

Планировка дома 1 несколько необычна. Четыре расположенные по оси комнаты – 160 (5,35 x 3,2 м), 202 (5,75 x 4,0 м), 201 (4,75 x 4,5 м), 200 (4,55 x 2,9 м) – дополняют с восточной стороны еще два помещения – 213 (4,35 x 1,4 м) и 214 (2,3 x 1,8 м). Часть фасада дома занимает айван 160, который связан боковым проходом с двумя смежными помещениями типа кладовых (213 и 214). Из помещения 202 проход ведет в центральную жилую комнату 201. В глубине дома находится амбар (200). Западную половину его занимают пять отсеков закромов.

В доме 2 три помещения и крохотное (помещение 251) у восточной стены на внешней стороне дома, не связанное с ним проходом. В доме имеются два помещения с печью-тандыром – 227 (8,3 x 3,7 м) и 228 (6,75 x 4,1 м).

Дом 3 – помещения 261 (4,25 x 4 м), 260 (2,65 x 2,6 м), 274 (4,0 x 3,75 м) и 275 (3,7 x 1,5 м). Центральное жилое помещение – 261 с тандыром в юго-восточном углу, перед ним вымощенный участок пола с ташнау.

Дом 4 состоит из четырех помещений: жилой комнаты 291 (5,7x3,3 м) с печью-тандыром на юго-западном участке суфы и подсобных (284, 285, 286).

Дом 5 многоквартирный, для него характерно двухрядное осевое расположение комнат в глубь массива застройки. Часть фасадной стены занимает айван 203 (4 x 2,2 м). Из айвана проход ведет в переднюю комнату 204 (5 x 3 м), из которой можно попасть в центральное жилое помещение 205 (5,85 x 5,0 м). В последнем в восточной части суфы имеются парные тандыры с единым внутрискрипным дымоходом. Из помещения 205 проход, расположенный в юго-восточном углу, ведет в восточную половину дома, где зафиксировано четыре небольших подсобных помещения (219, 218, 217, 216).

Дом 6 состоит из четырех помещений. Все комнаты расположены анфиладой. Помещение 229 – айван (4,6 x 2,7 м) на всю ширину фасадной стены; 230 – прихожая (4,35 x 3,6 м) с закромом в юго-западном углу; 231 – центральное жилое помещение (4,4 x 4,5 м) с двухсторонней суфой и печью.

Дом 7 двухкомнатный, вытянутый в глубину квартала. Центральное жилое помещение 242 (4,2 x 4,5 м) с двумя одновременными тандырами. Проходом в центре северной стены помещение соединялось с прихожей 241 (4,8 x 4,3 м).

Дом 8 состоит из помещений 263 (4,2 x 2,7 м), 264 (4,35 x 4,0 м), 279 (3,8 x 2,9 м), 278 (3,25 x 2,3 м), 252 (4,25 x 3,25 м) и 253 (4,1 x 2,1 м). Для планировки дома характерно двухрядное осевое расположение комнат. Удалось определить лишь жилую комнату 264 с одновременными тандырами в юго-западном углу.

Дом 9 насчитывает четыре помещения: 292 (3,6 x 3,6 м), 293 (3,85 x 4,0 м), 300 (3,85 x 4,5 м), 301 (4,2 x 3,6 м). Центральное жилое помещение 300 с тандыром у восточной стены в суфе, которая занимает большую часть комнаты.

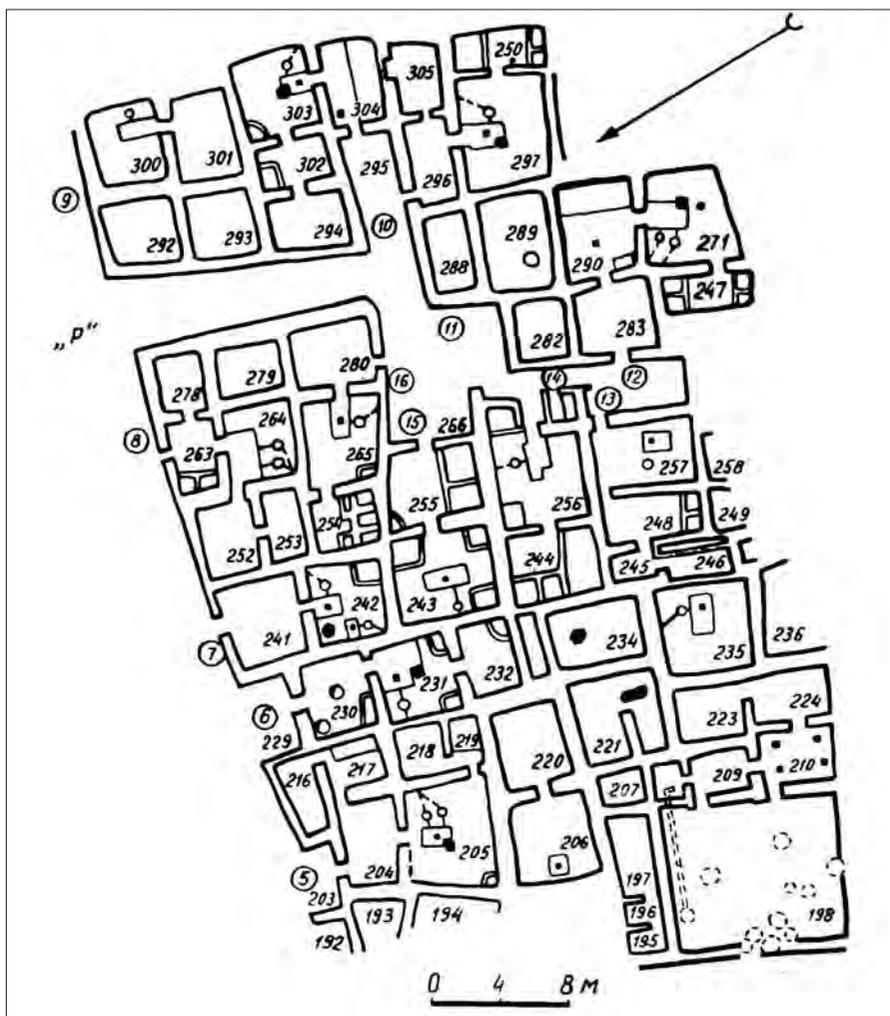

Рис. 62. Раскоп IV. План юго-восточной части

Юго-восточную часть квартала «Р» занимает большой дом 10, состоящий из двух жилых секций. С улицей они сообщались проходами, выходящими в коридор (помещение 295). Одна из секций четырехкомнатная (294, 302, 303, 304). В ней центральным является помещение 303 размером 4,35 x 3,5 м с печью-гандыром. Помещения 302 и 294, по-видимому, кладовая и амбар.

Вторая секция дома также имеет четыре помещения. Жилая комната 297 (6,6 x 5,0 м) расположена в глубине комплекса. Помещения 305 (4,0 x 2,5 м) и 296 (5,0 x 2,35 м) подсобного назначения.

Дом 11 с четырьмя помещениями (281, 282, 288, 289) сохранился очень плохо. В центральном помещении 289 (5,6 x 3,85 м) обнаружен лишь гандыр. Помещение 281, по-видимому, угловой айван.

Дом 12 четырехкомнатный, подквадратный в плане. Со стороны улицы дверной проем ведет в переднее помещение 283 размером

Рис. 63. Раскоп IV. Общий вид юго-восточной части

4,6 x 4,5 м. Следующее за ним помещение 290 (5,9 x 4,35 м), по-видимому, дворик. Проход в южной стене приводит в жилое помещение 271 (5,8 x 5,6 м) с двумя тандырами.

Дом 13 четырехкомнатный, с довольно сложной планировкой, в которой, однако, выдерживается осевое расположение комнат. Основное помещение 257 (5,8 x 3,7 м) жилое, в нем участок с ташнау расположен в центре. В помещении 248 у южной стенки имеются два закрома.

Дом 14 осевой планировки, включает помещения 244 (2,7 x 2,25 м), 256 (5,75 x 5,1 м), 267 (1,4 x 1,25 м) 268 (1,35 x 1,45 м). Участок улицы перед домом выложен жженым кирпичом, вымостка продолжается и в небольшой прихожей (267), с южной стороны которой имеется лавочка (268) с суфой у южной стены. В жилом помещении 256 большую часть площади занимает суфа, у северной стены помещен тандыр. В глубине комплекса находится помещение 244 типа амбара с закромами.

В *доме 15* помещение 243 (5,75 x 4,9 м) примечательно тандыром и участком пола с ташнау. На улицу Дом открывался айваном 266.

Дом 16 состоял из трех помещений вытянутых анфиладой: 254 (3,7 x 2,9 м), 265 (5,0 x 4,3 м) и 280 (4,85 x 3,6 м). Планировка помещений традиционная: в центре комплекса жилое помещение (265) с тандыром, в глубине – амбар (254) с пятью закромами в южной половине, на восточной стороне – прихожая (280).

Квартальная мечеть. На стыке восточной и южной частей раскопа IV находится большое здание площадью 200 кв. м, состоящее из шести помещений. Определено два периода жизни здания, которые

можно различить по уровням полов и некоторым изменениям в планировке.

Первоначально комплекс состоял из зала 198 (10,1 x 8,5 м) и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной анфилады из трех и двух помещений. В здание входили через дверной проем. Противоположная восточная стена оформлена неглубокими нишами на высоте 0,9 м от пола. Перекрытия покоились на четырех колоннах (подробная характеристика мечети и ее план приведены ниже).

Раскоп IV (южная часть)

В 1976 г. раскоп IV был расширен в южном направлении. Его западной границей служила магистральная улица, начинающаяся от южных ворот, восточной и южной - гребень бугра - тобе.

Квартал «У». Все помещения квартала группируются вокруг внутриквартальной улочки и дворика (368).

Дом 1 объединяет четыре помещения: 354, 355, 356, 357. Центральное жилое помещение 354 занято суфой. Перед входом – площадка ташнау, с левой стороны от входа – тандыр.

Дом 2, соседний с описанным выше, объединяет помещения 341, 342, 343, 344. В центральном помещении 343 размером 5,0 x 5,8 м суфа. Справа от входа расположен тандыр.

Соседнее помещение 342 служило амбаром. У стен его расположены закрома. Помещение имело выход на улицу, из него же попадали в помещение 341.

Дом 3 имеет общую стену с домом 2. В нем три помещения – 338-340. Жилое помещение 339 размером 5,3 x 3,2 м занято суфой, площадка ташнау расположена перед входом. Слева от входа находился тандыр. Помещение 340 может быть интерпретировано как дворик.

В *доме 4* было три помещения 323, 324, 327. Помещение 324 с тандыром имеет площадь 20 кв. м.

Помещения 324 и 327 были связаны проходом. В последнем прослежены следы перестроек. Первоначально оно служило кладовой.

Дом 5 раскопан частично, к нему ведет тупик, который упирается в жилое помещение 313. Здесь расчищен тандыр с дымоходом в суфе и площадка с ташнау перед устьем тандыра.

Дом 6 объединяет помещения 358, 364, 363. Помещение 358 размером 3,8 x 5,8 м служило прихожей. Помещение 364 жилое, с двумя разновременными тандырами. Помещение 363 служило амбаром. Здесь располагалось ташнау и пять закровов.

С кварталом связан и *дом 7*, объединяющий помещения 362, 366, 367, а также комплекс гончарной мастерской с двумя печами, двором и подсобными помещениями. Центральное жилое помещение 366 размером 5,6 x 4,7 м имело суфу. С правой стороны находился тандыр. Помещение 362 – амбар с двумя закромами по двум сторонам. Во дворе 368 зафиксированы остатки гончарной печи.

Еще одна гончарная печь находится в помещении 365, которое относится к *дому 8*. Он включает два помещения – 376А и 376, в которых обнаружены тандыры. Помещения 363А и 310 у противоположной стены двора, очевидно, служили в качестве подсобных для всего гончарного комплекса.

Дом 9 объединяет помещения 361, 305. Помещение 305 размером 5,5 x 4,5 м занято суфой. Площадка с ташнау находится перед проходом в помещение 361, слева от входа – тандыр.

Дом 10 объединяет помещения 371, 373, 378. Помещение 373 площадью 22,5 кв. м. имело тандыр. Помещение 378 было, видимо, кладовой. Помещение 371 – хранилище с двумя большими закромами.

Рядом располагался *дом 11* с аналогичной планировкой. Жилое помещение 374 (4,8 x 6,1 м) связано, по-видимому, с улицей через помещение 377. В помещении 374 устроена суфа с вымощенной жженым кирпичом площадкой ташнау. В углу площадки – открытый очаг с прокаленной поверхностью. Тандыр находился с левой стороны от входа. В правом дальнем углу – глинобитная круглая тумба с массивным основанием, причем переход к более широкому основанию сделан ступенькой. В плоскость верхней площадки вмазан квадратный обожженный кирпич. Это был постав для ручного жернова. В кладовой 370 расчищены четыре симметрично расположенных вдоль стен закрома.

Севернее расчищены два помещения 312 и 375, относящиеся к *дому 12*. Сохранился дом плохо, помещения, примыкающие к улице, полностью оплыли.

Дом 13 находится на восточной стороне магистральной улицы и включает помещения 406, 407, 409, 413, 414, 415. Южная часть комплекса, несомненно, жилая. Здесь в помещении 406 слева от входа, в суфе находятся два тандыра, которые функционировали одновременно. Жилое помещение 406 связано проходами с кладовой 409 и с передней 407.

Квартал «Ф». С южной стороны к кварталу «У» примыкает жилой комплекс «Ф», связанный с улицей восточного направления.

Дом 1 состоит из двух жилых секций, связанных с общим двориком (помещение 350). Передняя 349 была соединена проходом с улицей. На полу ее расчищен слой навоза, что дает основание считать, что здесь держали скот. Из передней вход вел в помещение 350 размером 5,6 x 4,3 м, из него в помещение 352, площадь которого составляла 25,5 кв. м. В нем имеется суфа ташнау, площадка которой вымощена жженым кирпичом. Жилое помещение имеет проход в кладовую 345, занятую четырьмя закромами размерами 1,2 x 1,0 м; 1,2 x 1,2 м; 1,4 x 1,0 м; 2,0 x 1,4 м.

Второе жилое помещение 346 с тандыром имеет площадь около 20 кв. м. Вдоль стены напротив устроены два закрома. Остальные помещения в доме (347, 348, 351, 353), скорее всего, выполняли функции кладовых.

В дом 2 входят помещения 335-337. В помещении 336 западная половина занята суфой, а восточная покрыта кирпичной вымосткой. Проход в северной стенке вел в жилое помещение 337 с суфой, ташнау и двумя тандырами. В помещении 337 обнаружено несколько железных криц, обломков железа, в завале помещения 335 – мощный зольник, обломки оплавленных стенок огневой камеры печи. Все данные свидетельствуют о существовании здесь кузницы. Здесь же, видимо, производилась плавка железа и литье, поскольку в доме найдены лемех пахотного орудия и кетмень.

Дом 3 расположен в восточной части квартала. В жилом помещении 405 размером 5,6 x 5,0 м, в суфе (высота 0,5 м), справа от входа, устроен тандыр, а перед ним – площадка ташнау. Не исключено, что к этому же дому относится и помещение 410.

Дом 4 состоит из пяти помещений. Центральным является помещение 400 размером 7,4 x 5,5 м. В нем устроена суфа, в которую вмазан тандыр с дымоходом, выведенный в угол. Помещение связано с амбаром 395 (16,5 кв. м). Два других помещения (394, 401), видимо, кладовые.

В доме 5 две жилые секции, объединенные общей передней комнатой или двором (помещение 430). В одной из секций жилым является помещение 428. Помещение связано проходом с кладовой 421.

Вторая секция дома насчитывала два помещения. В помещении 432 находился тандыр. В помещении 433 площадью 12 кв. м в суфе была сооружена гончарная печь. С восточной стороны к описанному дому примыкает дом 6, состоящий из двух помещений: 434, 435. В помещении 434 (21,5 кв. м) правую пристенную часть занимал ряд закровов. Слева от входа расположена суфа. Узкий коридорообразный проход между суфой и стенкой закровов вел в помещение 435. Справой стороны в суфе устроен тандыр.

Дом 7 состоял из помещений 452, 466, 467. В помещении 466 зачищена площадка ташнау, основание тандыра, следы деревянной плахи в центре помещения, на которую ставился опорный столб перекрытия. С северной стороны находится амбар – помещение 467. Через помещение 452 дом был связан с улочкой. На эту же улочку выходило помещение 449.

Дом 8 состоял из помещений 444, 444А, 445А. В помещении 444А выявлен уровень суфы, тандыр слева от входа и площадка ташнау. Помещение 444, судя по мощному слою навоза на полу, служило для содержания скота.

В состав квартала «Ф», возможно, входил и дом 9, четыре помещения которого анфиладой вытянулись вдоль боковой улочки северного направления. Вход с улицы приводит в помещение 447 (5,0 x 4,75 м). Последнее, очевидно, внутренний дворик. В южной стене двора вход шириной 0,8 м в помещение 476 размером 5,2 x 3,7 м, в северной стене – в помещение 478 размером 4,8 x 4,7 м. Помещение занято трехсторонней суфой.

Проход в северной стене вел в кладовую 479 размером 4,75 x 2,8 м, где вдоль левой стены устроены два прямоугольных закрома.

Квартал «Ф1» расположен у крепостной стены городища с южной стороны. Здесь можно предположить улочку, которая проходила по гребню бугра, ибо ряд жилых комплексов квартала ориентирован своими выходами на юг.

В *доме 1* помещение 391 размером 4,7 x 3,6 м служило, видимо, двориком. В помещении 388 находились суфа, площадка ташнау с вымосткой и в левой части суфы тандыр.

Помещение 397 *дома 2* имеет суфу у западной стены. Проходом оно связано с помещением 398 площадью 17,2 кв. м. В последнем «П»-образная суфа, площадка с ташнау перед входом, тандыр в суфе. Видимо, помещение 398 было связано с помещением 403, которое могло служить кладовой.

В *доме 3* жилым было помещение 423 с тандыром, поставленным вплотную к северной стене, и помещение 424, с гончарной печью длиной 1,2 м и наибольшей шириной около 0,5 м. Сохранилась лишь топка, стены ее сильно оплыли в процессе обжига.

Квартал «Х». Дома того квартала группируются по обеим сторонам улицы, являющейся продолжением улицы квартала «Ф» в восточном направлении. Несколько комплексов расположено на южной стороне улицы квартала «Х».

Дом 1 включает три помещения. Вход с улицы вел в помещение 451 – летний дворик размером 5,0 x 4,6 м. Из дворика проходы вели в помещения 415 и 450.

Помещение 415 – амбар площадью 7,2 кв. м. Помещение 450 размером 5,55 x 5,1 м занято трехсторонней суфой. В левой от входа части суфы устроено два тандыра. Функционировали они одновременно.

Дом 2 состоит из двух помещений – 464 и 454. С улицей связано жилое помещение 464 размером 6,4 x 5,25 м с трехсторонней суфой. С лева от входа в суфу вмазан тандыр.

Дом 3 имеет «Г»-образную планировку. Он состоит из четырех помещений. Помещение 490 размером 5,3 x 4,4 м, вероятно, было летним двориком. Через проход шириной 80 см попадали в помещение 469 площадью 24 кв. м, занятое трехсторонней суфой. В левой и правой плоскостях суфы вмазано по тандыру, они, несомненно, разновременные. Помещение 408, площадь которого 17,8 кв. м, также жилое. Оно занято суфой высотой 36 см. В правую плоскость суфы вмазан тандыр. В западной стене помещения 408 имелся проход, который вел в кладовую 453 размером 3,8 x 3,2 м. Правую часть кладовой занимает прямоугольный закром длиной 3,15 м, шириной 1,65 м.

Дом 4 также четырехкомнатный с линейной планировкой. Помещение 474, ближайшее к улице, площадью около 30 кв. м, было летним двориком. Проход шириной 1,1 м вел в помещение 473 площадью 42 кв. м. Последнее занято трехсторонней суфой. Недалеко от юго-восточного угла в суфу впущен небольшой оштукатуренный погребок.

В поперечный край суфы вмазана деревянная балка длиной 1,45 м. Справа от входа в плоскости суфы находились два разновременных тандыра с общим дымоходом в западной стене. Из помещения 473 через проход шириной 0,8 м попадали в помещение 42 размером 5,0 x 3,2 м с тандыром. Помещение 472 связано с небольшой кладовой 471, размерами 3,5 x 1,75 м.

Дом 5 шестикомнатный. Связь с улицей имело помещение 507 размером 4,9 x 4,3 м – это был дворик. В правой стене дворика имелся проход в помещение 506. Первоначально это было жилое помещение с суфой, площадкой ташнау и тандыром. Центральным в доме было помещение 513 площадью 28,5 кв. м. Суфа высотой 37 см обложена сырцовым кирпичом. Слева от входа в суфу вмазан тандыр. В левой стене помещения имелся проход шириной 0,8 м в кладовую 505. В северной стене помещения 507 имелся вход в помещение 510. К дому относятся и помещение 502.

Дом 6 состоял из пяти комнат. Вход с улицы вел в помещение 509, скорее всего, дворик. Через проход попадали в помещение 529 размером 3,8 x 3,25 м, на полу которого лежал слой гумуса. Помещение могло использоваться для содержания скота. Проходом двор соединялся с помещением 530 размером 4,3 x 2,6 м. Суфа высотой 40 см и стены помещения оштукатурены толстым слоем глины. Слева от входа в суфу очень близко друг к другу вмазаны два тандыра.

Через помещение 530 попадали в кладовую 524 (4,2 x 4,3 м), занятую системой закровов.

В правой стене кладовой имелся проход шириной 0,65 м и подсобное помещение 528 размером 4,3 x 3,6 м. Это тоже кладовая. На полу слева от входа стояли две хумчи на квадратном жженом кирпиче каждая.

Дом 7 из трех комнат сохранился очень плохо. Помещение 488 размером 2,65 x 3,9 м служило двориком. В восточной стене – проход в жилое помещение 508 с тандыром с ташнау перед ним. Еще одно помещение – 529А, видимо, кладовая.

Дом 8 трехкомнатный. Помещение 490 размером 3,3 x 2,1 м служило двориком. Проходом дворик связан с помещением 526 площадью 22 кв. м, и с помещением 527 площадью 17 кв. м. Следует полагать, что тандыр находился в помещении 526.

Дом 9 насчитывал пять комнат. Выход на улицу осуществлялся через помещение 514 размером 4,3 x 3 м. Проход шириной 0,8 м вел в помещение 515 (5,5 x 4,9 м) с тандыром. В левой и правой плоскостях суфы вмазано по тандыру. Проходом помещение связывалось с помещением 519 размером 3,3 x 2,7 м. Здесь вдоль длинной стены сооружены два прямоугольных закрома.

Из помещения 514 сделан проход в помещение 518 площадью 20 кв. м. Помещение использовалось под хлев: вся его площадь покрыта слоем гумуса.

Рис. 64. Раскоп IV. Общий вид и вход в дом

Дом 10 четырехкомнатный, «Г»-образной планировки. Помещение 500 имело площадь 28 кв. м, было жилым с трехсторонней суфой и тандыром в нем. В левой стороне суфы устроен тандыр. В состав дома входили еще три помещения – 492-494. В состав дома могли входить также помещения 498 (1,85 x 3,7 м) и 499 (4,45 x 2,35 м).

Дом 11 имел «Г»-образную планировку, включал четыре помещения. Небольшое помещение 495 (3,6 x 3,2 м) с тандыром занято двухсторонней суфой и вымосткой ташнау перед проходом. Слева от входа в суфу вмазан тандыр. С помещением 495 связаны помещения 485 размером 6,4 x 4,1 м; 484 – 3,6 x 4,9 м и 480 – 5,4 x 3,3 м.

В переулке северо-восточного направления находится еще несколько домовладений.

Дом 12 четырехкомнатный. С улицы попадали в дворик 531 площадью 38 кв. м. В углу сооружен секторальной формы загром. Назначение отдельной части помещения (3,0 x 1,5 м) стало понятным после находки жернова в центре дворика. Жернов имел диаметр до 1,2 м, мог вращаться только с помощью животного. Отгороженный угол следует рассматривать как стойло этого животного. Загром – кормушка для него. Около северной стены двора обнаружена яма глубиной 70 см, шириной 66 см, плотно заполненная камнями, средний размер которых 18 x 25 см, всего 50 камней. Это, видимо, поделочный материал для отбойников, терочников, пестов.

Дворик соединялся с помещением 534 площадью 15 кв. м, на полу которого лежал толстый слой гумуса. Из помещения 534 проход вел в помещение 544 размером 4,6 x 3,4 м. Отсюда можно попасть в кладовую 543.

В *дом 13* входили четыре помещения. Вход в дом осуществлялся через помещение 523 площадью 20,5 кв. м. В южной стене имелся проход в помещение 522 размером 5,1 x 2,85 м, пол которого покрывал толстый слой гумуса. Вероятно, здесь держали скот. Еще одним проходом, в западной стене, помещение 523 соединялось с помещением 520 размером 4,85 x 5,4 м. Вдоль стен последнего была сооружена трехсторонняя суфа. В левой стороне суфы находится тандыр.

В западной стене помещения находился проход в помещении 516 размером 1,75 x 5,6 м. В нем находились четыре прямоугольных закрома.

Дом 14 состоит из трех комнат, расположенных анфиладой. Помещение 578 размером 6,25 x 5,0 м, вероятно, дворик. Проходом шириной 80 см дворик соединялся с помещением 521 размером 4,7 x 5,2 м, в свою очередь, связанным с комнатой 511 площадью 10 кв. м. В последнем, возможно, имелся тандыр, судя по мелким фрагментам на полу.

Дом 15. Два помещения дома – 558 и 576 – производят впечатление нежилых, так как в них отсутствуют очаги.

Дом 16 трехкомнатный, с линейной планировкой. Помещение 535 (6,5 x 3,7 м) имеет выход на улицу. Проходом шириной 0,8 м оно соединялось с помещением 537 площадью 16 кв. м, занятое суфой высотой 30 см. В правой плоскости суфы находился тандыр и площадка ташнау перед ним.

Квартал «Ч» объединяет дома, имеющие выход на улочку, проходящую по юго-восточному краю городища, вдоль крепостной стены. *Дом 1* трехкомнатный, линейной планировки. В дом попадали через проход шириной 0,9 м в помещении 548. В суфу высотой 50 см, хорошо обмазанную глиной, вмазан тандыр.

Помещение 548 с южной стороны соединялось проходом шириной 90 см с помещением 541, видимо, кладовой. В северной стене помещения 548 имелся проход шириной 1 м в кладовую 574. Здесь вдоль западной стены расположены четыре закрома.

Дом 2 четырехугольный. Переднее помещение 542 соединялось с улицей проходом. Следующее помещение 532 площадью 32 кв. м имело два тандыра. На суфе стояли три чаши, восемь кувшинов, хумча, тувак и пять горшкообразных сосудов.

В северной стене помещения имелся проход в кладовую 533 размером 2,55 x 3,3 м. В южной стене помещения 532 сделан проход в кладовую 545 площадью 10 кв. м. В ней у восточной стены устроены два прямоугольных закрома.

Квартал «Ш». *Дом 1* линейной планировки, трехкомнатный. Связь его с улицей осуществлялась через помещение 583 площадью 40,7 кв. м. Стены помещения тщательно оштукатурены. В глубине его найдены

остатки плохо сохранившегося тандыра. Проход шириной 80 см вдет в помещение 551. В последнем слева от входа устроена суфа, в которую впущена гончарная печь грушевидной формы.

Вероятно, в состав дома входило и помещение 579 размером 4,2 x 3,7 м, имеющее отдельный вход. Это амбар с закромами прямоугольной формы, сооруженными в ряд вдоль северной стены.

Дом 2 четырехугольный, «Г»-образной в плане формы. Вход с улицы вел в помещение 581. Из помещения 580 попадали в жилое помещение 573 размером 5,8 x 4,1 м с тандыром, вмazanым в суфу.

В состав дома входит и кладовая 557 (4,15 x 2,75 м) с двумя прямоугольными (0,8 x 0,9 и 0,8 x 1,6 м) и одним секторальным (0,7 x 0,9 м) закромами.

В северной части квартала раскопано также несколько помещений хозяйственного назначения. Они группируются по 2-3 и имеют самостоятельные (обособленные от жилых домов) выходы на улицу.

В тупичке, соединяющемся с южной стороны с внутриквартальной улицей, расположен дом 3. Планировку и количество комнат, входящих в дом, установить не удалось.

Дому, видно, принадлежали еще четыре помещения, расположенные в тупике. Это амбар 566 размером 9,25x2,7 м с четырьмя прямоугольными закромами. Амбар соединялся с помещением 578 размером 3,5 x 2 м и небольшим помещением 586.

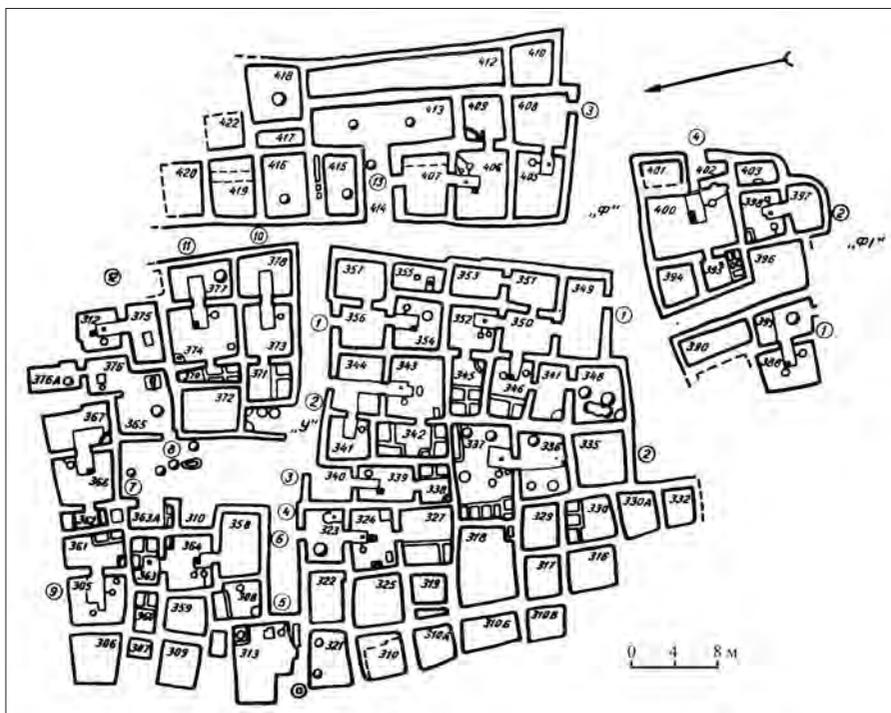

Рис. 65. Раскоп IV. Южная часть

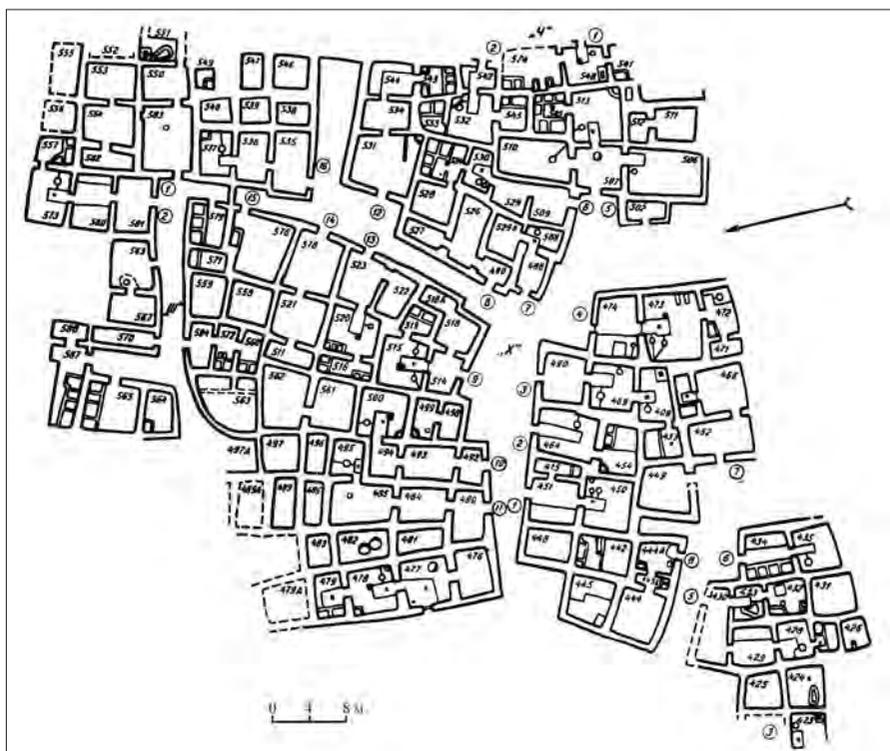

Рис. 66. Раскоп IV. Южная часть

Исследования на раскопе IV. Объект I

Наряду с планиграфическими исследованиями уровня верхнего слоя Отрара уделялось внимание стратиграфии городища и изучению более ранних его слоев. Работы в этом направлении проводились на небольшом по площади раскопе V у крепостной стены, с северо-восточной ее стороны, на раскопе III (здесь работы не завершены) и на раскопе IV.

Объект I. Ранний слой исследовался в границах нового объекта 1. Они проходят по выявленным ранее улицам верхнего слоя: с северной и восточной стороны – по двум пересекающимся улицам квартала «Н», с южной – по улице квартала «Р», с западной стороны – по магистральной улице, которая, судя по топографии участка, идет вдоль всей западной границы раскопа IV. От магистральной улицы в восточном направлении отводился переулок «П», заканчивающийся тупиком. Таким образом, объектом раскопок был жилой массив трапециевидной в плане формы площадью около 1500 кв. м, со всех сторон окруженный улицами.

В ходе работ выявлена планировка первого строительного горизонта. Сохранность его очень плохая: большинство помещений, а их около 50, сnivelированы поздним строительством и сохранились примерно на уровне суфы или чуть выше поля с остатками вымосток из жженого кирпича. Проходы между помещениями выявлены далеко не везде.

Разница в уровне полов нового и более позднего строительных горизонтов составляет 0,75-1,5 м. Характер заполнения между горизонтами неоднороден. На тех участках, где жизнь продолжалась без перерывов, заполнение состоит из рыхлых насыпных прослоек с гумусированным лессом, обломком сырцового и жженого кирпича. Вместе с тем есть участки, которые какое-то время были заброшены. Здесь, как правило, выбран строительный кирпич, заполнение носит характер свалки с многочисленными мусорными ямами, где очень много фрагментарной керамики.

В целом раскопанный массив плотно застроен жилыми домами – их насчитывается 11. В состав каждого дома входит несколько помещений, среди которых выделяется жилое. Для него характерна обширная суфа, занимающая почти всю площадь помещения, и встроенная в нее печь-тандыр с каналом дымохода в суфе и внутри стены. Выделяются также передние помещения, кладовые и амбары, в которых устроены пристенные закрома.

На южную улицу имели выходы два дома.

Дом 1, состоящий из пяти помещений. Ближайшее к улице помещение 9 размером 4,5 x 3 м жилое, с печью в северо-восточном участке суфы. На участке пола сохранились остатки вымостки из жженого кирпича и ташнау.

В северной стене сделан проход шириной 0,55 м в хозяйственную половину дома, состоящую из трех помещений. Наиболее крупным является помещение 8 (4,25 x 2,55 м). В нем два закрома в обоих углах передней стены. В боковых стенах – проходы в узкие длинные помещения 7 и 10.

Помещение 7 по назначению определяется как амбар с тремя отсеками закровов. В помещении 10 суфа шириной 1,2 м устроена вдоль западной суфы. На суфе в юго-западном углу – открытый шестигранный в плане очаг, выложенный из жженого кирпича, поставленного на ребро.

Юго-западный угол дома занимает помещение 11, которое, по-видимому, также входило в состав дома.

В доме 2, который примыкает к дому 1 с восточной стороны, четыре помещения, расположенных крестообразно-попарно друг против друга. В переднем помещении 5 (3,2 x 2,8 м) суфа высотой 0,5 м расположена у западной стены. Пол перед проходом в помещении 6 заглублен на 0,3 м, на этом же уровне участок пола продолжается и за проходом, образуя площадку с ташнау в юго-восточном углу помещения 6. Остальное пространство помещения занято суфой высотой 0,2 м, печь с дымоходом находится слева от прохода.

В восточной части объекта 1 находится три домовладения.

Дом 3 включает жилое помещение 20 размером 5,05 x 4,75 м. Большую часть его занимает суфа. Печь устроена в северо-восточном углу, устье топки выведено на северный борт суфы.

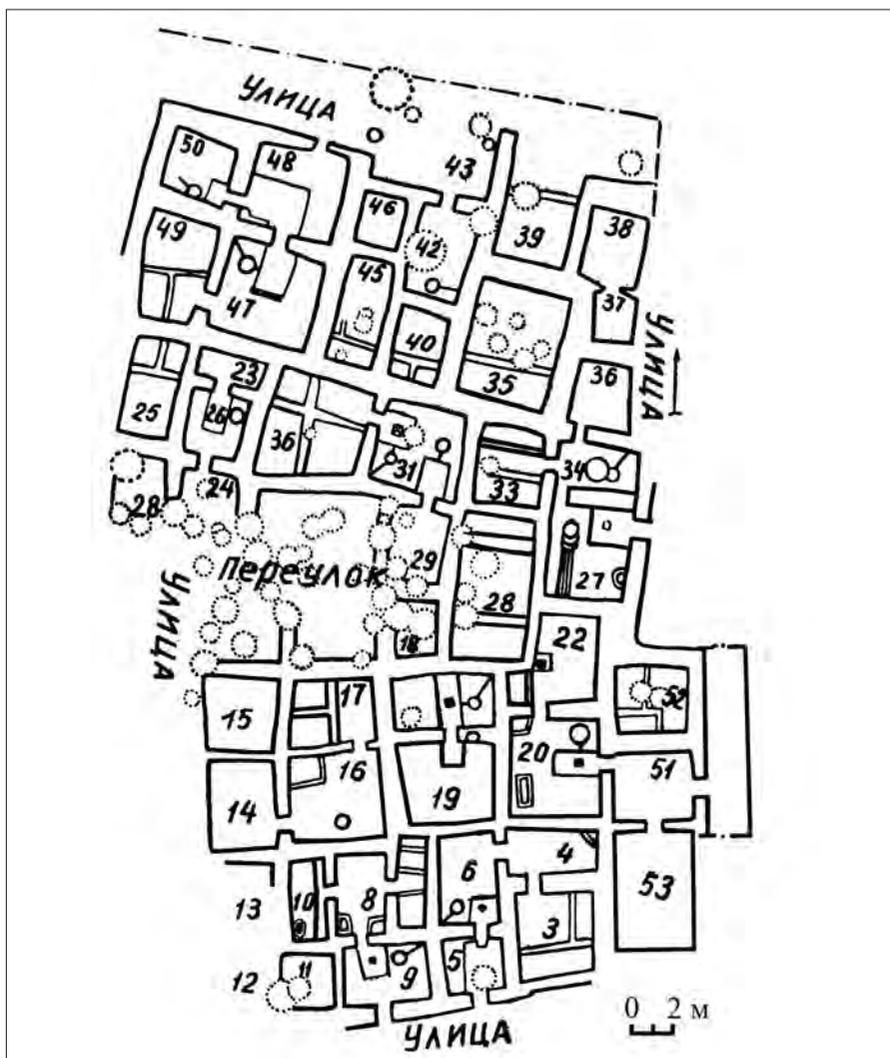

Рис. 67. Раскоп IV. Объект 1

Другие помещения дома хозяйственного назначения. Помещение 52 (3,9 x 3,45 м), видимо, амбар, судя по двум закромам в западной его части. Проход в это помещение, возможно, был со стороны передней 51 (4,2 x 3,75 м). Еще одно помещение дома 22 примечательно углубленным под уровень пола участком с ташнау и закромом.

Дом 4 включает четыре помещения. На участке, занимаемом домом, прослеживаются два периода строительства. Первоначально на месте помещений 27 и 34 была одна просторная комната размером 7,9 x 4,35 м. Вход в дом располагался в средней части фасадной стены, за входом находился вымощенный жженым кирпичом участок ташнау, с трех сторон окруженный суфой. Печь находилась напротив входа, у западной стены. С северной и западной сторон помещение соединялось проходами амбаром 33.

Позднее жилое помещение подвергалось перестройке: северная часть его перегорожена приставной стенкой, за счет чего выделяется новое помещение 34 размером 4,35 x 2,25 м.

Дом 5 занимал северо-восточный участок жилого массива. В нем два помещения (37, 38), которые сохранились очень плохо. Отсутствие каких-либо признаков отопления свидетельствуют о нежилом характере домостроения.

В северной части объекта 1 насчитываются два дома, примыкающих к улице и открывающихся на нее проходами.

Дом 6 состоит из четырех помещений – 40, 42, 45, 46 и айвана 43. Проход из айвана приводит в помещение 42 (4,7 x 3,1 м), которое было жилым, судя по печке с дымоходом у южной стены.

Значительно лучше сохранился *дом 7*, расположенный западнее. На квадратном плане участка площадью около 140 кв. м находятся четыре помещения, расположенные попарно друг против друга. Угловой дверной проем со стороны улицы приводит в переднее помещение 48 (4,9 x 4,5 м), для которого характерна двухсторонняя суфа. В помещении два дверных проема: в западной стене – в помещении 50 (3,3 x 3,25 м), в южной – в помещении 47 (5,25 x 4,9 м). Судя по находящимся в них печам-тандырам, оба помещения жилые, но основным было второе, значительно большее по площади. В центральном жилом помещении печь вмазана в суфу в северо-западном углу.

С западной стороны помещение 47 соединяется проходом с помещением 49 амбарного типа (5,5 x 3,6 м) с двумя вместительными отсеками.

Есть основания считать, что фасад дома со стороны улицы был обрамлен неглубоким айваном.

Как отмечалось, западная граница объекта 1 проходит по магистральной улице, в восточном направлении ответвляется переулком протяженностью около 15 м, который заканчивается тупиком. Участок очень плохо сохранился. Территория переулка какое-то время использовалась под свалку мусора.

С переулком связаны четыре дома, два из которых находились на северной стороне переулка.

Дом 8. В нем известно жилое помещение 26 с печью-тандыром и помещение 23 типа кладовой с северной стороны. В состав домовладения входили еще два помещения – 25 и 28, первое использовалось как зернохранилище: в нем два отсека закровов у северной стены.

Дом 9 состоял, видимо, из четырех помещений, три из них соединены проходами (29, 31, 36). Жилым было помещение 31 размером 4,4 x 4,35 м, пережившее период реконструкции. Первоначальный тандыр диаметром 0,65 м был устроен в суфе прямо напротив входа, а дымоход выведен к восточной стене.

Новый тандыр устраивается в юго-западной части помещения, дымоход подводится к ближайшему углу. Помещение 36 типа – амбар с тремя отсеками закровов.

Перестройки характерны и для дома 10, также связанного с переулком. Жилое помещение 19 первоначально имело размер 7,85 x 5,1 м. Печь находилась в центральной части его, ближе к восточной стене. Новая печь, диаметром 0,55 м устраивается в северной половине комнаты, в суфе у восточной стены. Возможно, к дому 10 относится помещение 18, типа передней.

Дом 11 включает помещения 14, 15, 16, 17. В жилом помещении 16 (5 x 4,5 м) сохранились остатки печи-тандыра у южной стены и следы перегородок закрома в северо-западном углу. С западной стороны помещение связано проходом с помещением 14. Для помещения 17 характерны парные закрома.

Стратиграфия и хронология поздних слоев

На данном этапе исследований позднесредневекового Отрара стратиграфические исследования позволяют выделить три слоя, сверху вниз, последовательно прослеживаемых в различных частях городища: слой I – на небольшой площади выявлен на раскопках I и IV в виде самостоятельного жилого горизонта.

Отчетливо выявляется сохранность слоя II в разных частях города. Речь идет, прежде всего, об одновременной застройке территории, на что указывают частые повторения почти одинаковых планировочных схем домов, разделенных общей стеной, устройство совмещенных каналов дымоходов в общей стене двух соседних домов. Отметим также два важных синхронных фактора для всей территории города: момент разрушения и монетные находки в слое.

Следы пожаров неоднократно отмечались при исследовании жилых строений в слое II. Исследования показывают, что пожары, по-видимому, вообще не были редким явлением в Отраре, где подавляющее большинство жилых домов отапливалось тандырами с довольно сложной системой дымоходов. Однако можно четко различить пожары локальные и общегородские. При локальном пожаре сгорала часть дома или отдельные участки помещений. Следы таких пожаров заметны только по закопченным или прокаленным стенам под ремонтной штукатуркой стен и обмазкой суфы. При общегородских пожарах разрушалось несколько домов, стоявших рядом, стены построек прогорали по всей толщине. Большинство таких домов осталось заброшенными. Если же они и обживались после периода, то под обмазкой нового пола обязательно находились рухнувшие балки перекрытий и камышитовая кровля.

Участки городища, подвергшиеся общегородским пожарам, были зафиксированы на всех раскопках 1971-1976 гг. по уровню слоя II, что позволяет момент разрушения и запустения считать синхронным для этих частей территории города (Ерзакович, 1980, с. 96-107).

Для хронологии позднего Отрара большое значение имеют датированные клады серебряных и медных монет. В слое II найдено три клада серебряных джанидских тенег и один медный клад, среди

недатированных монет которого были русские медные копейки с именем царя Алексея Михайловича. Выпускавшиеся в 1655-1663 гг. датированные Отрарские клады очень близки по хронологическому составу. Особенно хорошо это заметно по серебрянымкладам: в двух из них есть монеты, чеканенные от имени Иман-Кули-хана (1611-1645), в третьем кладе помимо монет этих правителей есть монеты Абд ал-Азиз-хана (1645-1680), но его наиболее поздняя монета по дате (1059-1649) очень близка к двум предыдущимкладам. Хронологический диапазон русских монет также близок к наиболее поздним монетам серебряных кладов. Важно отметить, что очень близки между собой по составу и недатированные медные клады, найденные в разных районах, в том числе в слое с серебряным джанидским кладом на раскопе III. Таким образом, нумизматические данные также свидетельствуют в пользу синхронности слоя II на всех исследованных участках городища. Однако при датировке слоя возникают определенные трудности. Достаточно сказать, что 20% монет отрарских серебряных кладов составляют новые типы в джанидском чекане, а также стертые монеты, не поддающиеся датировке, следовательно, дата самой поздней серебряной монеты

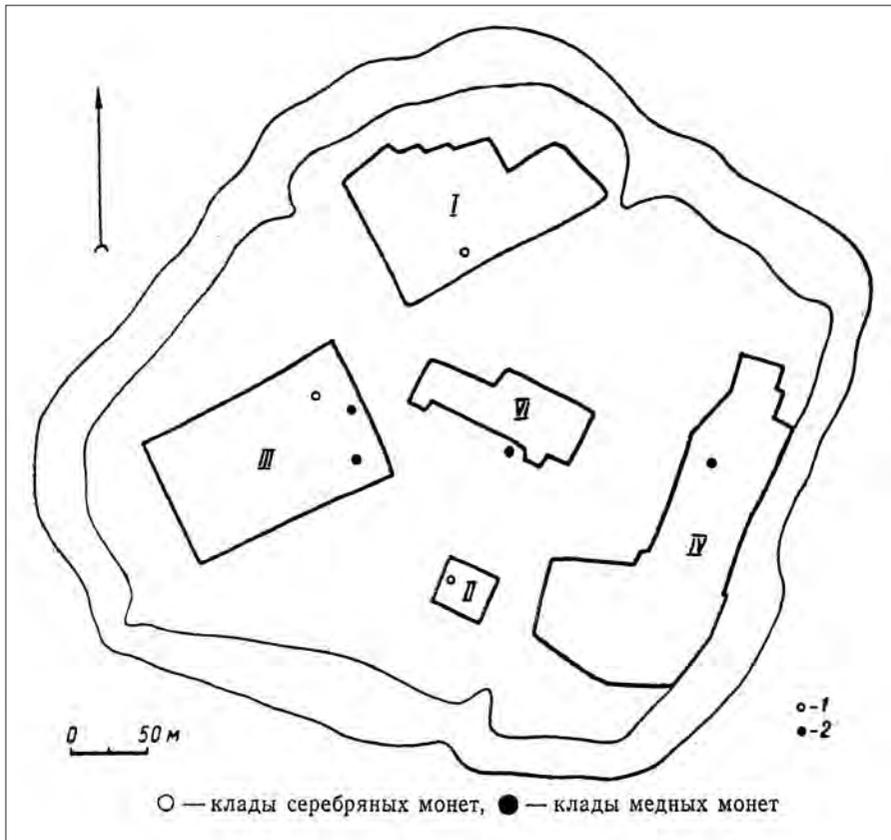

Рис. 68. Схематический план центрального бугра Отрара с обозначением монетных кладов

– 1059-1649 гг. – указывают лишь на то, что клады были зарыты не ранее середины XVII в. По мнению Е.А. Давидович, высокопробные джанидские монеты (60-90% чистого серебра) первых шести государей, включая часть монет Абд ал-Азиза, окончательно вышли из обращения в последней четверти XVII в., (Давидович, 1968, с. 248) поэтому применительно к отрарскому материалу можно утверждать, что дата закрытия кладов приходится на третью четверть XVII в. Этой дате не противоречат и русские монеты конца 50 – начала 60-х годов XVII в. Появление их в Отраре явно не случайно, поскольку они найдены не только в кладе, но и разрознено, что также важно для датировки слоя. Нижняя дата – не ранее начала XVII в., поскольку в подстилающем слое отсутствуют джанидские монеты, но найдены монеты шайбанидского чекана, в том числе последней четверти – XVI в. Среди датированных монет слоя II есть серебряная монета джанида Баки-Мухаммад-хана (не ранее 1665-1666). Эта находка в совокупности с данными стратиграфии городища позволяет датировать слой II в пределах первых трех четвертей XVII в. (В хронологии слоя не учитываются более ранние монеты, в том числе тимуридского и шайбанидского чекана. Присутствие их в слое свидетельствует лишь о том, что денежное обращение Отрара в XVII в. находилась любая монетовидная медь).

В слое III найдены датированные медные монеты, среди которых наиболее поздние: на уровне первоначального пола и помещения 31 – тимуридский чекан с шейбанидским надчеканом начала XVI в.; в помещении 20 на уровне пола – чекан Саурана последней четверти XVI в.; на полу помещения 26 – монета, которую можно предположительно отнести к шейбанидскому чекану; в помещении 3 в слое завала – монета шейбанида Абдаллах-хана II (1583-1598); в помещении 49 – шейбанидский чекан Бухары первой четверти XVI в. Находки медных монет позволяют датировать слой III XVI в., возможно второй половиной столетия.

Археологические материалы периода, последовавшего после пожаров и запустения, очень немногочисленны и происходят из нескольких жилых домов в восточной части городища на раскопе IV и отдельных участков на других раскопах. Монет из слоя известно очень немного, главным образом, нечеканенные монетовидные пластинки и заготовки. Две серебряные монеты датируются – это низкопробный чекан джанида Субхан-Кули-хана (1680-1702), монеты которого находились в обращении более 100 лет, до конца XVIII в. (Давидович, 1968). Однако для датировки слоя продолжительность этого типа монет не имеет определяющего значения, так как она корректируется применительно к Отрару данными письменных источников. Для нас важна начальная дата монет Субхан-Кули-хана: она позволяет отнести заключительный этап жизни на городище ко времени ранее 80-х годов XVII в. (Спустя 13 лет после издания книги К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича «Поздний средневековый Отрар XVI-XVIII вв.» [1981] была сделана попытка сопоставить общегородской пожар Отрара с

конкретным историческим событием. По мнению М.Б. Ходжаева, разгром и соответственно пожар города был связан с походом 1681 г. в Южный Казахстан Бошокты-хана во главе джунгарского войска. Джунгары разгромили 9 городов из 11, кроме Ясы и Ташкента. В списке перечисленных разрушенных городов Отрара нет, но М.Б. Ходжаев считает, что это был Отрар и после этого он уже не возродился как город (Ходжаев, 1993, с. 57-61).

Очень скудная информация об Отраре этой поры имеется в письменных источниках. По русским источникам конца XVII в. Отрар известен как один из пунктов на сауранской дороге из Сибири (Тобольск) в Среднюю Азию (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, 1933, с. 262-263). Отрар значится в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1730 г. (Добросмыслов, 1912, с. 110). По-видимому, уже в эту пору Отрар был незначительным пунктом, в котором проживало, по данным П.И. Рычкова 40 семей (Рычков, 1887, с. 20-21 [первое издание книги: СПб., 1762]; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., 1964, с. 488).

Последнее достоверное упоминание об Отраре имеется в показаниях переводчика М. Арапова, который в 1748 г. находился в ставке хана Средней орды Барака и был в районе Туркестана. Во второй половине XVIII в. Отрар исчезает со страниц письменных источников и окончательно заустевает.

Таким образом на центральном бугре позднесредневекового Отрара выделяются слои XVI в., XVII в. (первые три четверти столетия), конца XVII – первой половины XVIII в.

Отрар в XVI-XVIII вв.: раскопки 2005 г.

Характеристика раскопа в топографии Отрартобе. ЮККАЭ в полевом сезоне 2005 года проводила раскопки останцевых культурных слоев на территории двора архитектурного комплекса XIV – начала XV в., включающего в себя соборную мечеть (Акишев, Байпаков, Ермакович, 1987, с. 103-122). Это была часть раскопа IV.

Раскоп был заложен в северо-западной части двора, площадью свыше 1000 кв. м, был ограничен раскопами предыдущих лет. С северо-запада ограничен раскопом, вскрывшим наружную стену комплекса, на северо-востоке – раскопом, вскрывшим мечеть XVI-XVII вв., на юго-востоке – раскопом в центре двора, вскрывшим колодец и территорию вокруг него, а на северо-западе собственно мечети.

Рельеф раскопа в результате предыдущих раскопок, произведенных в разное время, в основной своей части имеет понижение в сторону юго-запада. Юго-восточная часть раскопа охватила участок, значительно углубленный, конструкции которого стоят на уровне пола двора мечети. В северо-восточной части раскоп был прирезан к участку, прилегающему к мечети XVI-XVII вв., который возвышается над уровнем двора мечети на 2-2,5 м.

Верхний строительный горизонт. Конструкции верхнего строительного горизонта выявлены после удаления дернового слоя в северо-восточной части раскопа, которая была не затронута при предыдущих раскопках.

В квадрате В3 вскрыта часть помещения 1, прилегающая к северному углу. Сохранились внутренние фасады стен, оштукатуренные глиной желтого цвета. Северо-западная стена высотой 40 см, сохранилась в длину на 63 см, северо-восточная стена – на 240 см. На уплотненном полу были найдены фрагменты хумчи, кости животных. Ближе к середине помещения обнаружена балка длиной 155 см, толщиной 10 см. Помещение использовалось как загон для скота, судя по толстому слою навоза на полу.

К юго-западу от помещения 1 в восточном углу квадрата В2 выявлены остатки тандыра. Сохранилась лишь основа, выложенная из битых жженных кирпичей. Диаметр тандыра 69 см. Прослежено поддувало, выходящее на площадку ташнау.

Ташнау представляло собой вымощенную жженным кирпичом площадку, закрывавшую сливное устройство – хумчу с выбитым дном, вкопанную в культурный слой земли. Устье ее было перекрыто квадратным кирпичом. В центре кирпича просверлено отверстие, к которому сходятся восемь желобков, расположенных радиально. Помещение, к которому относились тандыр и ташнау, проследить не удалось из-за разрушенности стен.

К юго-западу от ташнау в 150 см на поверхности были расчищены деревянные брусья, уложенные в ряд перед подковообразной сырцово-кладкой. Длина брусьев от 40 до 70 см, шириной до 10 см.

Второй строительный горизонт. По уровню второго строительного горизонта было полностью вскрыто девять помещений и части ещё двух помещений. Три из них объединяются на отдельное домовладение.

Дом 1 состоит из трех помещений: передней, жилой комнаты и кладовой, расположенных крестообразно относительно друг друга. Переднее помещение выходит в сторону квартальной улицы. Центральным является жилое помещение 1 с суфой. К нему с юго-востока примыкает передняя 2, с юго-востока – кладовая 3. Помещение 6 находится в северной части дома, сообщается с передней проходом.

Помещение 2 трапециевидной в плане формы, имеет размеры 4,8 х 3,9 м. Стены сохранились на высоту 30–40 см. Они сложены из сырца размерами 30 х 20 х 8 см. Перед проходом в помещение 47 обнаружены остатки выкладки из жженого кирпича с ямой ташнау в центре. Кирпич перекрытия отсутствует. Яма изнутри выложена жженными кирпичами, поставленными на ребро. Помещение в составе дома служило передней, из которого попадали в жилое помещение 73.

Помещение 1 жилое, центральное в доме, имеет подквадратную форму: длина северо-восточной стены 4,5 м, северо-западной – 4,5 м, юго-западной – 4,4 м, юго-восточной – 4,7 м. Проход в помещение из передней, шириной 1,1 м, устроен тамбуром в юго-восточной стене.

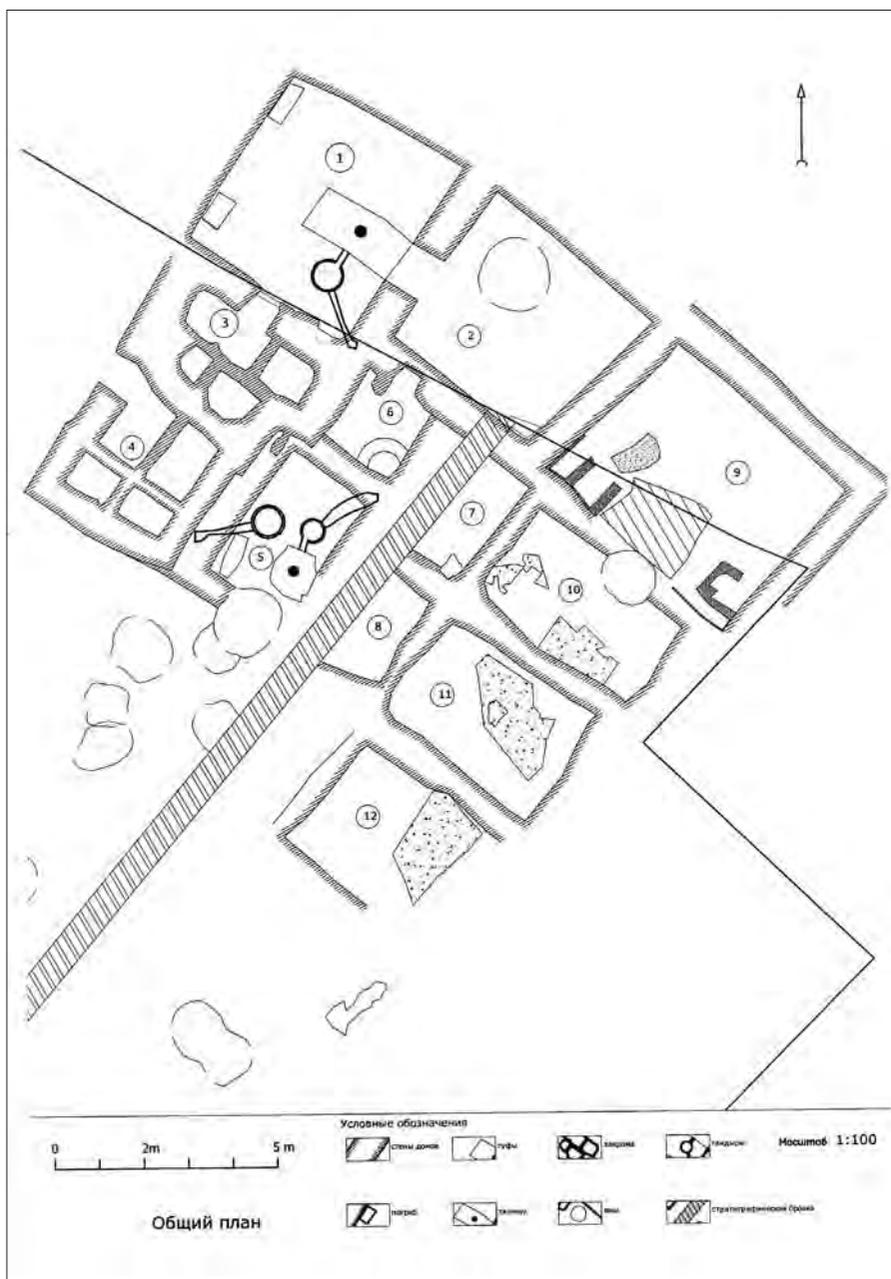

Рис. 69. Раскоп 2003 г. Общий вид. План

Перед проходом находится площадка размерами 2,4 x 1,1 м, выложенная жжеными кирпичами.

Площадка ограничивается бортом суфы, сложенного из обломков жженого кирпича. В кладке местами присутствует кирпич формата 28 x 28 x 6 см. Ближе к середине площадки имеется сливное устройство – ташнау. Оставшуюся площадь помещения занимала суфа.

Прослежены два периода обживания помещения, при которых изменялись расположения тандыров. В первый период тандыр был устроен к северо-западу от площадки. Тандыр имеет диаметр 70 см. Дымоход, сложенный из сырцовых кирпичей, положенных на ребро, шириной 12 см, длиной 150 см, проложен в суфе и выходит к южному углу. Поддувало позднее было заложено сырцовым кирпичом. В этот же период вдоль северо-западной стены, ближе к углам помещения, были устроены два погребка прямоугольной формы. Стенки погреба выложены сырцом, по краям выкладка жжеными кирпичами. Погреб у северного угла имеет длину 1,3 м, ширину – 5,2 м, глубину – 4 м. Стенки погреба были сложены из жженого кирпича, отдельные части которого выступают из стенок.

Во второй период новый тандыр располагался с северо-восточной стороны площадки, к которому выходило его поддувало. Дымоход тандыра подведён к восточному углу помещения, к вертикальному дымоходному колодцу.

Кладовая 6 расположена в западной части дома, проход к ней шёл через жилое помещение. Он устроен по уровню суфы жилого помещения. Со стороны жилого помещения сохранилась нижняя часть дверного косяка шириной 10 см. Проход был выложен из битых кирпичей. В выкладке встречены фрагменты резной терракоты и крышки тандыра. Перед проходом имеется площадка размерами 110 x 90 см, вымощенная фрагментами жженого кирпича.

Площадка дает доступ к расположенным здесь закромам из трех отсеков. Возможно, был четвертый загром на месте ямы. Первый загром прямоугольной формы, устроен в восточном углу помещения. Размеры 115 x 107 см. С соседним загромом и площадкой отделен перегородкой, высотой 25 см.

Следующий загром также прямоугольной формы, расположен в южном углу. Размеры 113 x 88 см. Перегородки сохранились на высоту 73 см. Поздняя яма, попавшая в пределы закрома, частично прорезала северо-восточную и юго-западную стенки закрома. Третий загром размерами 90 x 70 см, глубиной 50 см, находится в западном углу.

В последний период проход, ведущий в кладовую, был заложен. Жилое помещение и передняя комната были превращены в загон для скота, а кладовая – в мусорную свалку.

Дом 2, помещения 4, 5, 6 также можно соотнести друг с другом и считать их входящими в один дом с крестовидной планировкой.

Помещение 4 расположено в северной части раскопа, в квадрате А3, примыкает с северо-востока к помещению 6, с юго-востока к помещению 48. Является кладовой с тремя закромами и площадкой перед проходом, обеспечивающей к ним доступ. Закрома прямоугольной формы, в помещении устроены по углам. Первый загром, размерами 155 x 122 см, находится в восточном углу, второй, размерами 120 x 70 см, южном и третий, размерами 110 x 80 см, в западном углу помещения. Друг от друга закрома отделены перегородками, сложенными из сырцовых и жженных кирпичей. Полы и

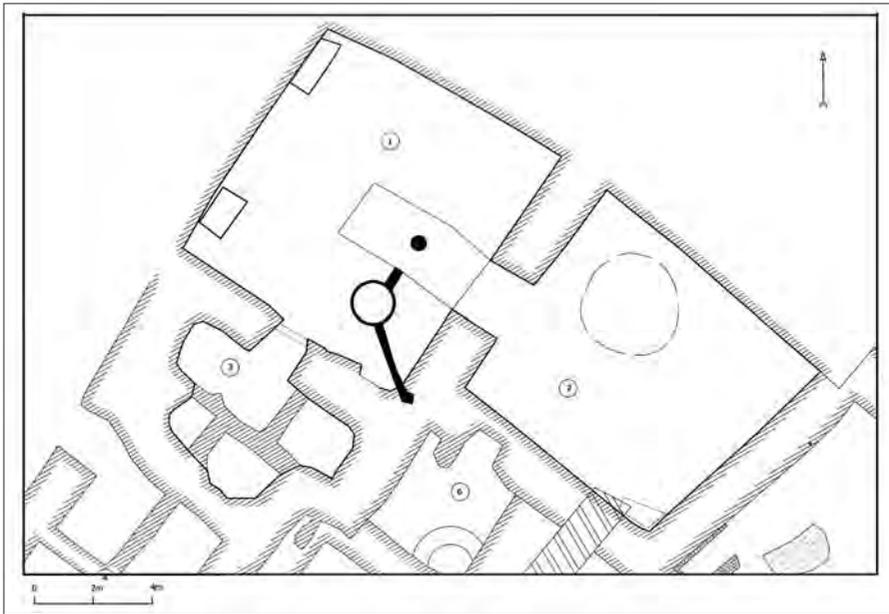

Рис. 70. План дома 1

стенки закомов были оштукатурены глиной желтого цвета, в верхней части она осыпалась. В заполнение закомов были обнаружены фрагменты костей домашних животных, а также фрагменты жженных и сырцовых кирпичей и керамики. Проход в помещение, шириной 80 см, устроен в северном углу. Она являлась проходом в помещение, которое, возможно, было жилым. Перед проходом обнаружена центральная часть площадки, вымощенная квадратными кирпичами, со сливным устройством в центре. Размеры этого помещения 550 x 350 см. Помещение было разделено дугообразной стеной на два отсека, где были устроены кладовые двух разных домовладений.

От жилого помещения, к которому относилась кладовая, сохранилась мощеная жженным кирпичом площадка в 2,5 м к северо-западу от кладовой. Она обнаружена под рыхлым слоем. Размеры сохранившейся части площадки 165 x 135 см. Площадка выложена из битых жженных кирпичей, ее юго-восточная часть разобрана.

Помещение 5 являлось жилым. Его размеры 3,4 x 2 м. Проход в помещение был в юго-восточной стене. Перед проходом выложена площадка со сливным устройством в центре. Устье ташнау перекрывала кирпич с отверстием. Размеры площадки 100 x 100 см. Площадка ограничена бортами суфы, сложенными из жженных кирпичей комбинированной кладкой, плашмя и на ребро.

К северо-западу от площадки в 30 см в суфу вмазан тандыр, диаметром 52 см. Тандыр сохранился на высоту 5 м. Дымоход выведен в восточный угол помещения. У западного угла, вдоль северо-западной стены в суфе устроен щелевидный погреб, прямоугольной формы.

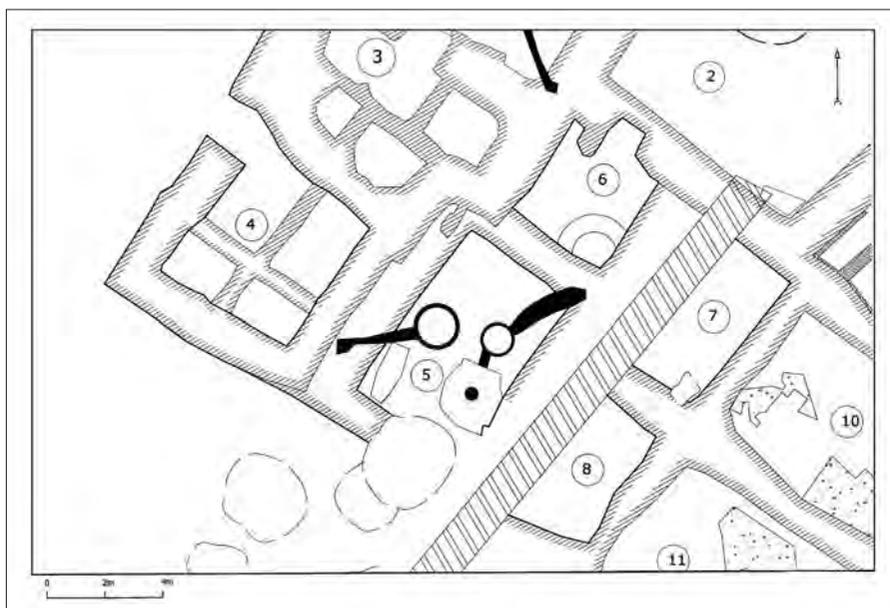

Рис. 71. План помещений 4-8

Размеры погребца 110 x 50 см, глубиной 50 см. Стенки его сложены из жженого кирпича, вперемежку с сырцовыми.

Кладовая 6 расположена северо-восточнее помещения 48. Ее размеры 1,9 x 1,9 м. В южном углу выявлены остатки подквадратного закрома, размерами 50 x 50 см.

Ещё одно помещение размерами 2,5 x 2 м, расположено к юго-востоку, являлась передней, через которую возможно осуществлялся вход в дом. Назначение его осталось невыясненным из-за плохой сохранности.

Помещение 9 находится в восточной части раскопа, юго-восточнее помещения 96, имеет с ним общую северо-западную стену. Размеры помещения 5,2 x 4,3 м. Основания стен помещения сложены из жженных кирпичей квадратного формата размерами 27 x 27 x 6 см, на высоту 5 рядов кладки. Помещение стояло на фундаменте, во втором строительном горизонте направление стен было изменено. В помещении прослежены три периода обживания, начиная с уровня III строительного горизонта, когда оно было жилым помещением при мастерских.

Во втором строительном горизонте назначение помещения кардинально меняется. Оно становится мастерской с двумя гончарными печами. Печи пристроены к юго-западной и юго-восточной стенам, ближе к углам помещения. Пространство между печами занимала суфа. Печь, расположенная у западного угла, сохранилась лучше. Сохранность печи у южного угла несколько хуже, но и эти остатки дают представления о формах печи. Формы и назначения печей одинаковы, поэтому ограничимся описанием западной печи лучшей сохранности.

Печь построена из жженого кирпича. Сохранились пять рядов кладки. Нижние три ряда являются фундаментом и не имеют регулярной кладки. Стенки собственно печи сохранились в 2 ряда, на высоту 20 см.

Северо-восточная стенка отсутствует, но удалось проследить поворот на северо-западной и юго-восточной стенках и таким образом выявить размеры внутренней части (резервуара) печи; он равен 80 x 70 см. Стенки камеры ошлакованы, нижняя граница идет ровной линией, что позволяет определить уровень дна обжиговой камеры. По застывшей глазури на стене помещения видно, что печь просела на 10 см относительно стены. Ниже обжиговой находилась огневая камера. Оштукатуренные стенки и пол сильно прокалены и превратились в пористый материал белого цвета. Стена помещения на уровне огневой камеры прокалилась, почернела от копоти. Поддув и дымоход печи не обнаружены. Снаружи северо-западной стены обнаружены застывшие потеки шлака.

Промежуток между печью и северо-западной стеной помещения образует канал шириной 35 см. Оштукатуренные стены помещения, прилегающие к западному углу, прокалены, приобрели светло-зеленый цвет. Прокаленная поверхность прослежена на глубину до 100 см, намного ниже уровня печи.

Явной связи между печью и прокалами на стене не выявлено, как и происхождение этих прокалов. Хотя аналогичная ситуация повторяется около печи у южного угла помещения.

В заполнении печи найдены многочисленные куски кварца, шлака. Здесь же найдены в большом количестве керамические глиняные прокладки сипая, разделявшие чаши, составленные для обжига в стопку.

К северо-западу от мастерской находились три помещения, служивших, видимо, загонами для скота. Помещения расположены параллельно друг другу, вытянуты по оси северо-восток – юго-запад. Стены сохранились по основанию в очень плохом состоянии, на высоту 1-2 см. Юго-восточные стены помещений были срезаны при предыдущих раскопках. Определены размеры двух помещений. Северо-восточное помещение размерами 4,5 x 2,3 м, помещение в середине 3 x 4,3 м, толщина стен 70-80 см. Заполнение помещений состояло из навоза. В пределах помещений обнаружены три завала сырцовых кирпичей от стен, а под ними толстый слой навоза.

III строительный горизонт. Конструкции третьего строительного горизонта в пределах некоторых помещений (1, 6) повторяла планировку второго строительного горизонта, с незначительными отклонениями. В северо-западной части раскопа третий строительный горизонт раскопан и расчищен (помещения 41, 51). Конструкции по уровню третьего строительного горизонта фрагментарны, вычленяются отдельные помещения, но объединить их в домовладения не представилось возможным, кроме помещений 1 и 2, представляющихся как единый комплекс мастерской и жилого помещения.

Помещение 1 находится в восточной части раскопа, северо-восточной помещения 2 и имеет с ним общую юго-западную стену. Сообщается с ней через проход в середине этой стены, шириной 80 см. Помещение имеет те же размеры, что и во втором строительном горизонте, 5,2 x 4,3 м. Назначение помещения – жилое. Перед проходом находится мощеная площадка размерами 130 x 190 см. Она выложена из жженных кирпичей квадратной формы и их обломков. В центре напротив поддува тандыра находится слив ташнау, перекрытый кирпичом с отверстием

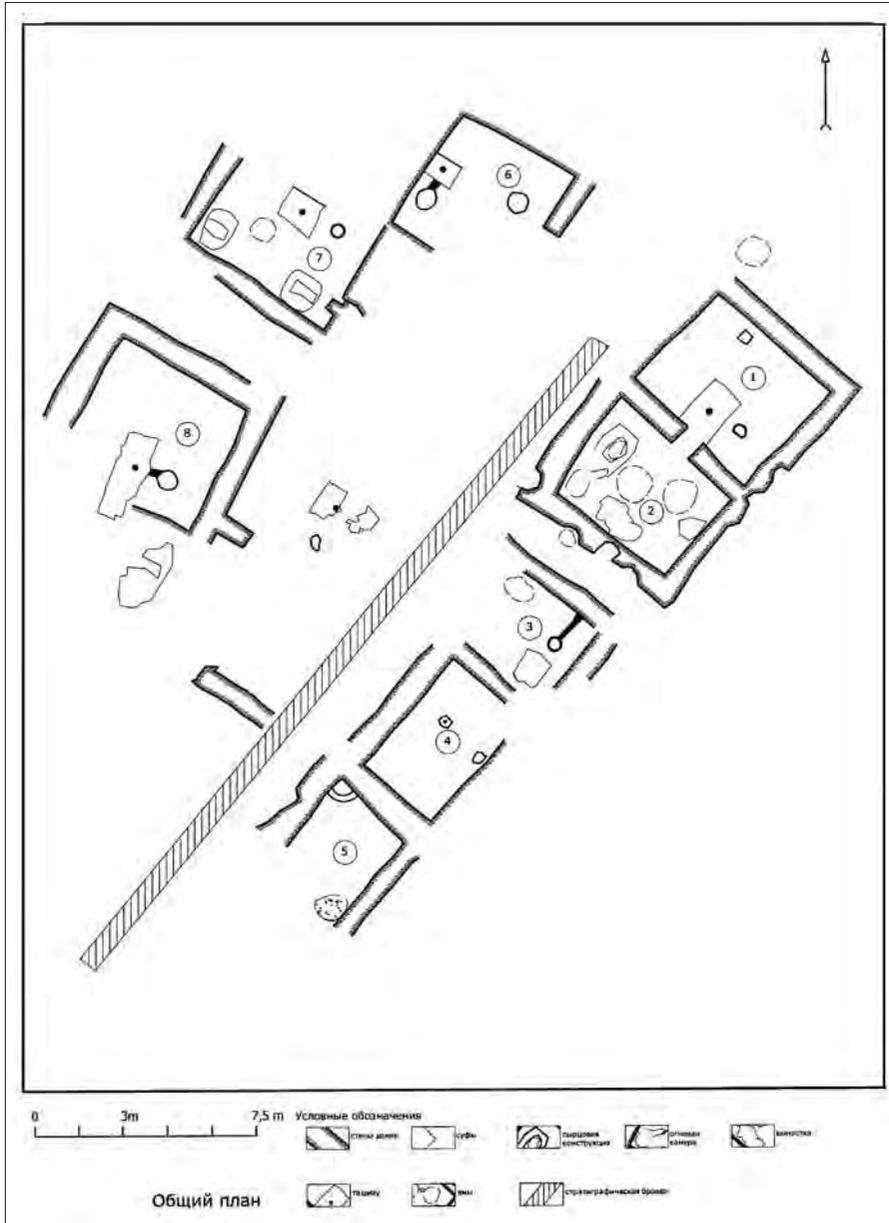

Рис. 72. III строительный горизонт. Общий план

диаметром 1 см. В северном углу площадки обнаружена кладка из половинок жженого кирпича в один ряд, образующий вместе с бортом суфы подквадратный отсек-закром. Площадка ограничивается бортами суфы, сложенными из жженных кирпичей в четыре ряда. Верхние ряды сложены из сырца. На юго-восточном борте ближе к середине устроено поддувало тандыра. В промежуток между поддувалом и юго-западной стеной помещения прорезан ямой.

Оставшуюся площадь помещения занимала суфа высотой 50 см. Поверхность суфы уплотнена, обмазка не обнаружена. Ближе к южному углу помещения в суфу вмазан тандыр. Тандыр с диаметром устья 45 см, высотой 55 см. Поддувало выходит на площадку-ташнау. На стенках тандыра прочерчены прямые и волнистые линии в ряд. Устье тандыра овальной формы. У северо-восточной стены помещения ближе к северному углу в суфе имелось углубление квадратной формы, размерами 40 х 40 см. Стенки облицованы жжеными кирпичами, поставленными на ребро. Верхние края кирпичей слегка отбиты. Предположительно углубление служило как курильница.

Помещение 2, расположенное с юго-западной стороны помещения 95, является мастерской. Помещение трапециевидное в плане. Размеры стен: северо-восточная стена длиной 5,4 м, северо-западная – 4,1 м, юго-западная – 4,5 м, юго-восточная – 3,5 м. Ширина стен 80-90 см. Хорошо сохранилась северо-восточная стена, общая для помещений 1 и 2.

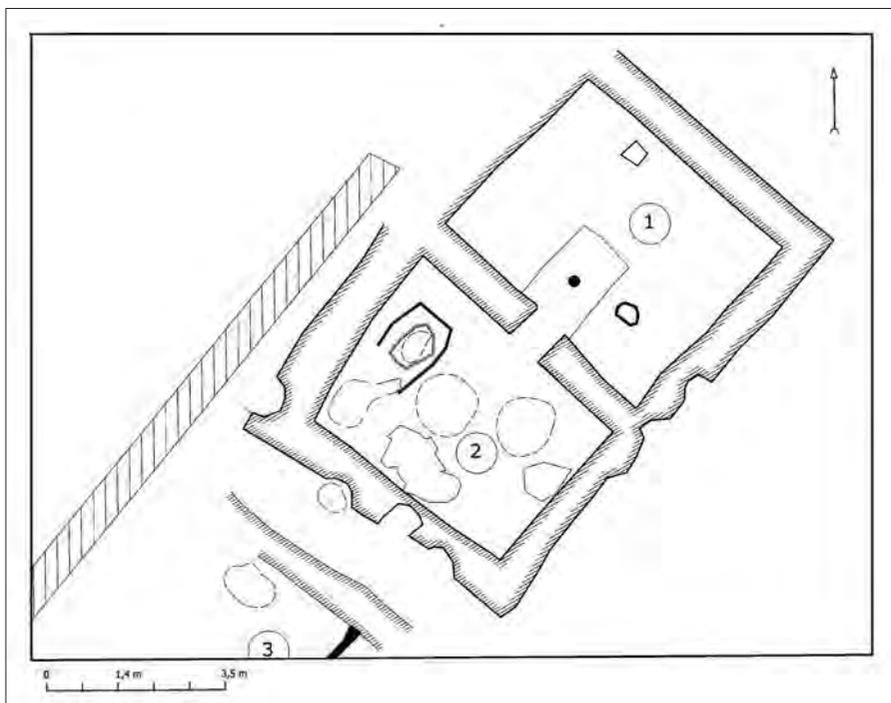

Рис. 73. План помещений 1 и 2

В западном углу помещения устроена обжиговая печь. У нее сохранилась нижняя часть с огневой камерой. Большая часть помещения была вымощена фрагментами жженого кирпича. Размеры выкладки предположительно 3,3 x 3,8 м. От площадки сохранились западный и восточный углы. Площадку прорезали две ямы, большая часть выкладки выбрана. Вдоль северо-западной стены, в 30 см от нее, ближе к северному углу, обнаружена конструкция прямоугольной формы размерами 1,7 x 1,2 м. Стенки толщиной 30 см сложены из сырца. В середине имеется небольшое углубление 85 x 55 см, глубиной 40 см. Назначение данной конструкции не выяснено. Возможно, она является одним из составляющих мастерской. За юго-восточной стеной помещения находилась внутриквартальная улица шириной 1,4 м.

К юго-западу от помещения 2 за внутриквартальной улицей раскопаны три помещения, расположенные по линии юго-запад – северо-восток. Северо-восточное помещение 3 использовалось как жилое. Контуры сырцовых стен выявлены по уровню суфы, в рухлом состоянии. Суфа была обмазана желтой глиной. Проход в помещение находился в юго-западной стене, ближе к южному углу. Перед проходом площадка, вымощенная жжеными кирпичами (25 x 25 см), подпрямоугольной формы, размерами 120 x 105 см. В центре площадки имеется ташнау, сливное отверстие, которое перекрыто кирпичом с отверстием в центре. Тандыр расположен напротив прохода за северо-восточной стороной площадки. Диаметр тандыра составляет 54 см, а глубина – 45 см.

Помещение 3 через проход в юго-восточной стене сообщалось с помещением 38. Помещение прямоугольной формы со сторонами 4,8 x 3,1 м. На высоту 42 см (5-4 рядов кладки) сохранились юго-западные и северо-западные стены, сложенные из сырцового кирпича размерами 30 x 20 x 7 см. У юго-восточной стены, ближе к середине, был вкопан хум высотой 95 см, с диаметром тулова 62 см. В 140 см от него обнаружена хумча, также вкопанная в пол. Сохранилась её нижняя, донная часть.

Крайнее из раскопанных на данном участке помещений расположено к юго-западу от помещения 3 и имеет с ним общую северо-восточную стену. Помещение 5 было раскопано ранее. У него сохранились северо-западная, северо-восточная и юго-восточная стены. Северо-западная стена шириной 100 см, имеет высоту 15 см (2 ряда кладки), юго-восточная шириной 70 см, сохранился один ряд кирпичей.

Стены сложены из сырцовых кирпичей. Юго-западная стена срезана предыдущими раскопками. В помещении прослежены два периода обживания. В первый период помещение функционировало как жилое. От этого периода в северном углу сохранился угол стенки закрома шириной 20 см, сложенный из сырцовых кирпичей, сохранились на высоту 15 см. Во втором периоде помещение превращено в загон. В пределах помещения на всей площади на полу расчищен слой навоза.

Раскопки к северо-западу от центральной бровки вскрыли четыре жилых помещения и продолжение внутриквартальной улицы.

В помещении 6 обнаружены тандыр и площадка ташнау. Площадка расположена в северо-западной части помещения, она имеет размеры 120 x 90 см. Площадка вымощена целыми (30 x 30 x 5 см) и половинками (15 x 15 x 5 см) четвертинками жженого кирпича. Юго-восточный конец площадки ограничивает бортик суфы, таким образом, проход в помещение находился в северо-западной части, оставшейся под бровкой.

С юго-западной стороны к площадке примыкает тандыр, устроенный ближе к северному углу помещения. Диаметр тандыра 70 см, высота 40 см.

Помещение 7 жилое. Раскопана его юго-западная часть. Другая часть с проходом осталась под бровкой. Юго-западная стена имеет длину 5,7 м, северо-западная стена расчищена в длину 3,4 м. Эти стены сохранились по уровню суфы, в следах. На высоту до 1 м сохранилась юго-восточная стена, которая имеет длину в 4,3 м. Позднее в этой стене был прорублен проход в кладовую 22.

При расчистке помещения выявлены два периода обживания. Первоначальное назначение помещения жилое. В этот период в помещении были устроены мощеная площадка, тандыр и два прямоугольных щелевидных погребов, впущенные в суфу.

Площадка устроена в северо-восточной части помещения и возможно примыкала к северо-восточной стене с проходом. Площадка имела ширину 140 см, в длину расчищена на 120 см. Площадка выложена квадратными кирпичами, их обломками.

Оставшуюся площадь помещения занимала «П»-образная суфа. С юго-восточной стороны площадки, в 50 см от нее, в суфе устроен тандыр. Поддув тандыра выходит к площадке. Диаметр тандыра 50 см, глубина 50 см. Также в суфу были впущены щелевидные погребов, которые находятся ближе к западному и южному углам помещения. Погребов имеют примерно одинаковые размеры – 100 x 45 см, глубиной 55-60 см. Стенки погребов сложены из жженого кирпича, верхний ряд из сырца. Стенки и пол обмазаны глиной желтого цвета с содержанием соломы. Вокруг устья погребов углубление подквадратной формы, размерами 130 x 130 см, глубиной 7 см.

Во втором периоде помещение использовалось как загон для скота, о чем свидетельствовал слой навоза, покрывавший всю площадь помещения. В этот же период появилась яма в середине помещения, между площадкой и западным погребом.

За юго-западной стеной помещения пролегалла внутриквартальная улица шириной 2 м. Она прослежена в длину 7 м, между помещениями 7 и 8.

Помещение 8 расположено к юго-западу от помещения 7, разделено от нее улицей. Помещение квадратной формы размерами 5,2 x 4,7 м.

Стены шириной 85-95 см сохранились в следах по уровню суфы. Они сложены из сырцовых кирпичей размерами 35x20 см. Часть

юго-западной стены к западу от прохода срезана при предыдущих раскопках.

Проход в помещение находился в юго-западной стене. Он выложен кирпичами, ширина его 85 см. Площадка размерами 254 x 120 см, расчищена в юго-западной части помещения. Выложена площадка из целых и битых жженных кирпичей.

Площадка ограничивается бортом суфы. Борт суфы с юго-восточной и северо-западной сторон сложен из сырца, а с северо-восточной стороны – из жженого кирпича. Сохранились от одного до двух рядов сырцовой кладки и четыре ряда жженого кирпича. Над северо-восточным бортом сохранились остатки деревянной плахи. Юго-западная сторона площадки соединена с проходом.

Тандыр вмазан в суфу, расположен у середины площадки, с юго-восточной стороны, за бортом суфы. Диаметр тандыра 75 см, сохранившаяся высота 40 см. Поддувало разрушено. Дымоход выведен к юго-восточной стене, у южного угла.

К юго-востоку от помещения 8, в 260 см от нее выявлены остатки мощеной площадки и тандыра. Площадка выложена жженными кирпичами (25 x 25 x 5 см), половинками и четвертинками. Центр и южный угол площадки прорезаны ямами, выкладка отсутствует. Борты суфы сохранились с северо-восточной стороны и у восточного угла. Здесь же сохранились остатки суфы, обмазанные глиной желтого цвета. Примерные размеры площадки 2,2 x 1,4 м. К юго-западу от площадки расположен тандыр, в полуразрушенном состоянии, диаметром 65 см, сохранившаяся высота 36 см.

Вопросы хронологии строительных горизонтов

Мечеть, расположенная в юго-восточной части центрального бугра, была обнаружена на южном участке раскопа IV, после того как в квартале «Ф» в доме 8 под северной стеной помещения 444А (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 109-125, рис. 22) обнажилась кладка из жженого кирпича. Стена дома XVII в. (II горизонт) скрывала лишь гребень кирпичной кладки. Шурфами была выявлена квадратная колонна со стороной 1,3 м, сложенная из квадратного жженого кирпича на ганчевом растворе. Вскоре были обнаружены другие колонны, поставленные в определенном порядке. Стало ясно, что в толще культурного слоя находится монументальное сооружение.

Было выяснено, что строительная площадка под мечеть тщательно сnivelирована. Пол мечети представлял собой плотную обмазку без следов гюмуса. Кое-где встречались лунки явных временных очагов, которые появились уже после того, как постройка перестала функционировать. Для датировки мечети важны материалы перекрывающего слоя.

Следующий горизонт – III – это жилые постройки, планировка которых полностью искажила первоначальные сооружения. Открытое пространство мечети со столбами было перегорожено стенами, а сами столбы включены в конструкцию стен. Характерно, что на полах

отсутствует слой завала, следовательно, в момент перепланировки здание еще хорошо сохранилось.

Жилые помещения функционировали продолжительное время. Повсюду фиксируется два уровня полов, сопровождавшиеся надстройкой стен. Иногда старые стены срубали и ставили новые, менялось назначение помещений. У южной кромки участка на месте тупика появляется улица, направленная к крепостной стене. Не раз подновлялись суфы, тандыры и дымоходы, менялся интерьер. Однако, в целом, характер застройки двух строительных периодов горизонта одинаковый: жилой массив с обычными для позднесредневекового Отрара типами строений, где непременно есть комната с обширной суфой, в которую встроена печь-тандыр с дымоходом.

Хронология жилого горизонта устанавливается более определенно по сравнению со временем постройки мечети, прежде всего благодаря обилию медных монет (определение монет принадлежит В.Н. Настичу), найденных в кладе помещения 7.

Клад шайбанидских монет и одиночные находки этого же чекана позволяют датировать III-й горизонт XVI в. Присутствие же более ранних монет либо случайно, либо отражает особенности структуры денежного хозяйства южно-казахстанских городов поры позднего средневековья, когда в денежном обращении находилась практически любая монетовидная медь (Ерзакович, 1980).

Керамический комплекс из жилых построек горизонта III в целом аналогичен керамике Отрара XVI в., известной по другим объектам, и находит прямые параллели в синхронных среднеазиатских коллекциях (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 164-165). Для глазурованной керамики слоя характерны чаши и блюда на кольцевом поддоне с высоким туловом полусферической формы.

ГЛАВА IV

РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Исследования городища Туркестан

Топография городища. Городище Ески Туркестан расположено в юго-восточной части современного г. Туркестана. Площадь городища составляет приблизительно 88,5 га. Оно имеет в плане форму неправильного шестиугольника, вытянутого по оси с северо-востока на юго-запад. Территория его окружена по периметру крепостными стенами с шестью воротами. Общая длина крепостной стены составляет приблизительно 3 км, в стене было одиннадцать башен и еще шесть башен на трех основных воротах Туркестана. Трое ворот не имели башен. Стены имеют следующие размеры: северная – 450 м, южная – 520 м, западная – 550 м, северо-восточная – 600 м, юго-западная – 420 м и северо-западная – 500 м. В северо-восточной части города располагалась цитадель, в плане имевшая пятиугольную форму с площадью приблизительно 3 га. Цитадель была отделена от городских жилых районов стенами и рвом с водой. Стены были высокие, до 15 м, из крупного сырцового кирпича, восемь башен были сложены из жженого кирпича. Длина стен по периметру около 700 м. Через ворота в северо-восточной и юго-западной стенах соединялись цитадель и шахристан. Длина стен цитадели: северная – 100 м, северо-восточная – 100 м, северо-западная – 160 м, юго-восточная – 150 м, юго-западная – 200 м. Шахристан имеет высоту от 2 до 6 м над окружающей местностью. В западном углу цитадели располагался мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Территория цитадели была плотно застроена домами, и центральная улица разделяла цитадель на два квартала, а тупиковые улочки – на мелкие участки.

Общая застройка города первой половины XIX в. видимо мало отличалась от городской топографии XVIII в. и более раннего времени.

Судя по сохранившемуся плану 1875 г., шахристан состоял из пяти крупных жилых массивов, которые, в свою очередь, делились на 50 кварталов различной величины. Правильной и четкой планировки не было. Главные улицы города ответвлялись от ворот и шли к цитадели и базарной площади, которая находилась в центре жилой застройки. Планировку города можно считать радиальной. Шахристан был плотно застроен одноэтажными домами из сырца и пахсы, которые группировались в кварталы различной конфигурации.

Жилые постройки выходили глухими стенами во двор, хозяйственные – на улицу. Деревьев во дворах почти не было. На главных улицах устраивали торговые ряды, и с этой целью некоторые дома имели айваны, открывавшиеся в сторону улицы. Почти в каждом квартале имелась благоустроенная мечеть с айванами, выходящими во дворик с хаузом – водоемом и деревьями.

Среди усадеб пригород характеризовался усадебной застройкой. В нем располагались сады и возделываемые поля, к которым проводились оросительные каналы и арыки, использовавшие воду из окрестных речек (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999. с. 53-58; Туякбаев, 2009, с. 76).

По мнению М.К. Туякбаева, до кокандского завоевания город выглядел иначе. Он был меньше и представлял собой прямоугольник в плане, вытянутый по оси с северо-востока на юго-запад, площадью 33,8 га, и располагался к западу и юго-западу от цитадели. До сих пор эту территорию с северной и западной стороны ограничивают хорошо прослеживаемые остатки стен с башнями на углах и ров. Длина крепостных стен составляла около 2260 м, не считая стен цитадели. Южная стена не сохранилась, но прослеживается перепад уровней дневной поверхности, подчеркивающий мощь культурных отложений внутри шахристана по сравнению с пригородом, который был окружен стеной в XIX в. В XVII и начале XVIII в. это была часть шахристана (Туякбаев, 2009, с. 76-78).

Археологические раскопки

Масштабные раскопки были проведены на территории шахристана на раскопе «Тоган» М.К. Туякбаевым (Туякбаев, 2009, с. 86-103).

Первый строительный горизонт. На площади раскопок был обнаружен дом, состоящий из помещений и двора.

Размеры помещения 1 составляют 5,3 x 4 м. Суфа высотой 0,5 м занимает большую часть помещения. Слева у входа в суфу встроен тандыр высотой 0,50 м с венчиком, диаметр которого составляет 0,65 м. Горизонтальный дымоход длиной 1,5 м проложен в суфе и выведен в вертикальный колодец в стене. Топка тандыра глубиной 0,35 м имеет форму прямоугольника. Площадка-ташнау размером 1,6 x 1,2 м, вымощенная жженым квадратным кирпичом, расположена перед тандыром. Второй тандыр находится в юго-западном углу помещения. Перед ним также устроено ташнау. Соседнее помещение 7 соединяется с первым широким проходом и имеет несколько тандыров, встроенных прямо в суфу.

Помещение 2 расположено в центре дома. «Г»-образная суфа занимает большую часть помещения, площадка с ташнау расположена в западном углу. Края суфы вокруг площадки укреплены кладкой из сырцового кирпича и обмазаны глиной.

Помещение 4 имеет размеры 5 x 5,2 м. С юго-восточной стороны (со стороны двора) в него ведет вход, за ним расположена площадка

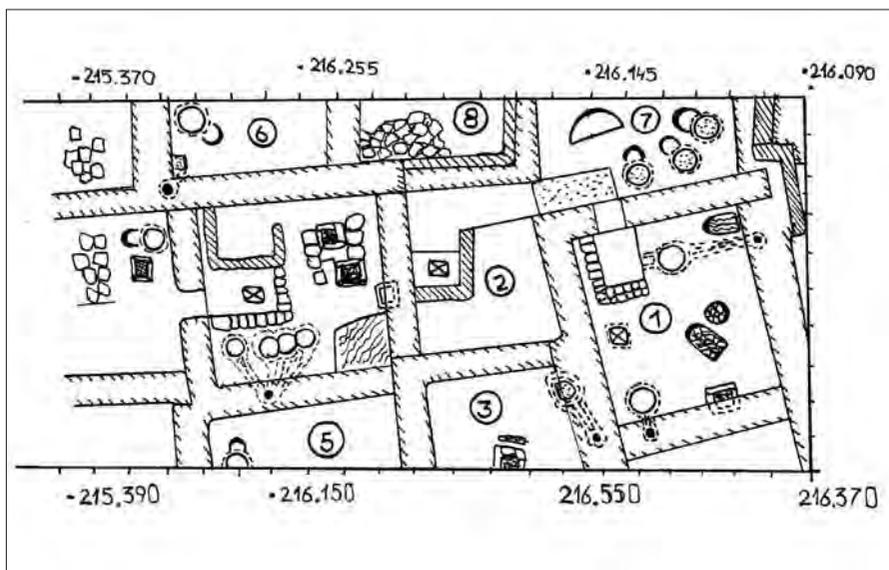

Рис. 74. Городище Туркестан. План первого строительного горизонта

с ташнау, вымощенная жженым кирпичом. Помещение с трех сторон окаймляется «П»-образной суфой. Два тандыра встроены в суфу справа от входа. Тандыры имеют топочные отверстия, выходящие на площадку, и дымоходы, которые встроены в суфу и выведены в колодец-дымоход, расположенный в юго-восточной стене. Расчистка поверхности суфы выявила наличие остатков еще двух более ранних тандыров, расположенных чуть севернее, вплитык к тандырам более позднего периода. Закром из сырцового кирпича находится слева от входа. Два сандала размерами 0,5 x 0,5 м обнаружены в северо-западном углу на суфе. Они сложены из жженных кирпичей размерами 0,25 x 0,25 м. Яма квадратной формы, заполненная золой, размером 1,5 x 1,5 м и глубиной 0,30 м, расположена в юго-восточном углу. По всей вероятности, это место бывшего закрома, который после разрушения использовался в качестве зольника. Остальные помещения попали в зону раскопок частично, поэтому определить их размеры невозможно.

Представляют интерес три тандыра, встроенные в суфу, с небольшими ямками для очага перед топкой, которые расположены в помещении №7. Тандыры подобной конструкции встречаются в помещениях №5 и 6 и во внутреннем дворике. Интересна печь-камин с горизонтальным дымоходом, соединенным с колодцем-трубой в помещении №3. По наличию большого количества тандыров с дымоходами и без них можно предположить, что здесь в конце XIX в. существовал дом или квартал хлебопеков (Туякбаев, 2009, с. 87-88).

Керамика. Изделия по составу глазури делятся на две группы: с бесцветной и окрашенной глазурью. Встречается голубая, серо-зеленая и даже желтоватая глазурь. В основном цветная глазурь использовалась

для создания фона, для орнамента черного цвета. В орнаменте преобладают геометрические фигуры или многочисленные мотивы растительного происхождения. Имеются сосуды с двусторонней поливой; как правило, внешняя сторона покрыта до середины корпуса, а внутри – полностью вся поверхность. Но чаще встречаются сосуды с поливой только с внутренней стороны. Распространены чаши с грязно-белой и голубоватой поливой, нанесенной на внутреннюю поверхность чаш. Снаружи на белый ангоб наносятся концентрические круговые линии по центру, борта часто окаймляются параллельными линиями, внутри которых расписан узор. Роспись орнаментом располагается между изображением в центре и бортом.

Встречаются фрагменты, на которых круговые линии черного цвета нанесены в три ряда, а пространство между ними заполнено голубоватой лентой. Черные и голубые звездочки типа «басма» заполняют пространство между бортом и этими полосами.

В большом количестве найдены фрагменты тонкостенных чаш, белый фон которых украшен растительным орнаментом синего цвета изнутри или снаружи, а также дисковидные и кольцевые поддоны чаш, на белый фон которых нанесен растительный узор фиолетового цвета. Также можно встретить узор в виде «шахматных клеток».

Неполивная керамика представлена фрагментами и целыми сосудами, изготовленными из глиняного теста с примесью мелкозернистого песка, часто с вкраплениями известковых зерен. Из хорошо сохранившихся изделий необходимо отметить хумчу высотой 55 см и кувшин без горловины. Керамика первого строительного горизонта датируется XIX и началом XX вв. (Туякбаев, 2009, с. 86-90).

Второй строительный горизонт. Полы помещений второго горизонта залегали на глубине от 1,72 до 2,06 м, уровень суф – от 1,51 до 1,64 м.

Вновь уже во втором строительном горизонте на площади раскопок появилась часть ранее встречавшегося большого дома. Полностью расчищены были два помещения – 1 и 7, остальные четыре помещения под номерами 2, 3, 6, 8 и два помещения – 4 и 11 – сохранились частично. В связи с изменением общей планировки дома помещения нумерация помещений была обновлена.

Помещение 1 площадью 11,5 кв. м было жилым. Напротив входа располагалась суфа, в которую был встроены тандыр высотой 0,50 м и диаметром 0,65 м в основании. Суфа имела «Г»-образную форму, ее борт обложен жженым кирпичом. Пространство, свободное от суфы-ташнау, вымощено жженым кирпичом. Дымоходное отверстие расположено у тандыра под углом к топке. Ширина дверного проема, ведущего в Помещение 3, составляет 0,8 м, к этому помещению с юго-западной стороны примыкает Помещение 7. Тандыр здесь не имеет дымохода и, видимо, топили его «по-черному», в стенах помещения нет ниш, которые имеются в помещении 1.

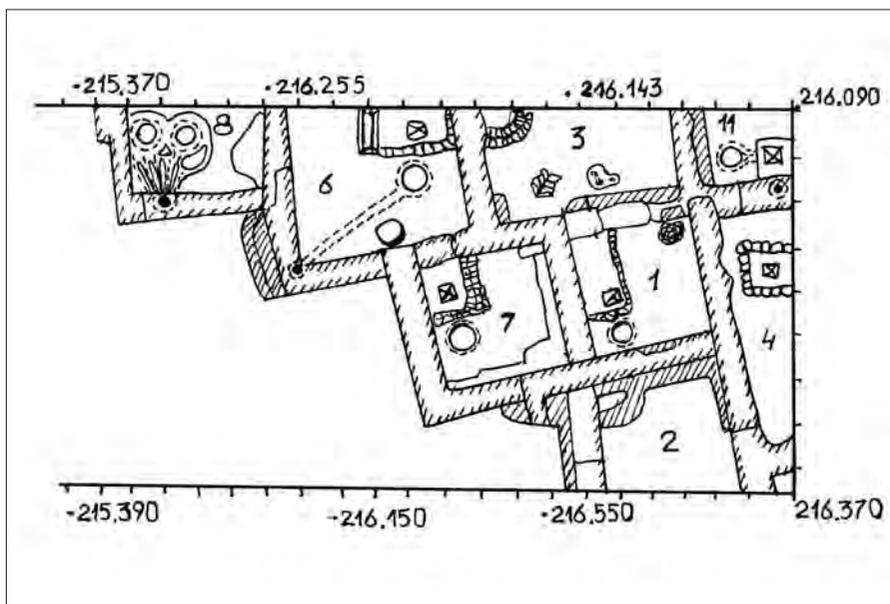

Рис. 75. Городище Туркестан. План второго строительного горизонта

Дверной проем помещения 7 ведет в помещение 6 площадью 17,5 кв. м. Напротив входа в суфу встроен тандыр. В центре вымощенной площадки в пол вкопана небольшая хумча с пробитым дном, перекрытая кирпичом со сквозным отверстием в центре.

Помещение 8 расположено с западной стороны рядом с помещением 6. Только его часть размером 4 x 2,5 м оказалась на площади раскопок. В помещении обнаружены два плохо сохранившихся тандыра с остатками горизонтального дымохода, подведенного к вертикальному колодцу-дымоходу, встроенному в юго-восточную стену.

Площадь помещения 3 составляет около 20 кв. м. Здесь зафиксирован фрагмент площадки, вымощенной жженым кирпичом, и фрагмент обмазки суфы ганчем. В помещении 11 сохранилась часть суфы, ташнау и тандыр без дымохода. В помещении коридора 4 зафиксирована площадка, обложенная жженым кирпичом с трех сторон, и ташнау. В помещении 2 в северо-западном углу сохранился небольшой заком. На уровне верхних слоев второго строительного горизонта во дворе выявлено несколько очагов, сделанных в форме восьмигранника.

Поливная керамика изготовлена из глины с примесью мелкого песка. Черепки на поверхности излома в основном красновато-коричневого или желтоватого обжига. Фрагменты керамики, покрытые бесцветной или окрашенной глазурью, расписаны черной, голубой (бирюзовой), коричневой и фиолетовой красками. Самую представительную коллекцию составляет керамика с монохромной росписью, включающая фрагменты чаш, блюд и тагора. По цветам глазури и росписи они разделяются на группы.

Керамика, покрытая бесцветной или голубой глазурью с росписью черным и темно-серым цветом, – это фрагменты чаш и блюд с узорами в виде раскрученной спирали – зигзага, звездочек – «басмы», размещенные в концентрических поясах и оконтуренные серо-голубыми кружочками, а также с узорами растительного характера.

Следующую группу по численности составляют фрагменты чаш и тагора с росписью голубым и черным цветом на белом фоне. Это концентрические круговые линии спиралей, размещенные по дну тагоры. Такие же растянутые или раскрученные спирали нанесены по внешней стороне чаш.

Из обломков неполивной керамики – фрагменты горшков, кувшинов, тагоры имеется орнаментация зигзагообразными прочерченными линиями.

Аналогичные типы керамики встречаются в верхних слоях городища Ески Туркестан и датируются концом XVII – XVIII вв. (Сенигова, 1978, с. 174-187, рис. 2-7, 13).

Третий строительный горизонт. В этом горизонте планировка дома существенно изменилась. Четыре помещения были полностью вскрыты (1, 6, 7, 9), помещения 2 и 3 не имеют одной стены, а остальные помещения в зону раскопок вошли частично.

В помещении 1 у северо-западной стены расширена производственная гончарная печь. Она состояла из двух тандыров разного диаметра, поставленных один на другой.

Нижний тандыр с большим диаметром (60 см) использовался как горн, к нему подведен рукав для поддувания снаружи. Верхняя обжиговая камера-тандыр диаметром в 40 см расположена у края нижнего тандыра-горна и соединена с последним специальным продухом. Снаружи тандыры обложены жженым кирпичом и камнем. Судя по конструкции, это была рудообогатительная печь для выплавки цветных металлов, где осуществлялся процесс очищения металлов от шлаков. Рядом с печкой на суфе расположен открытый прямоугольный очаг с невысокими глиняными бортиками и яма, заполненная золой. Чуть левее от них, прямо у входа, на суфе имеется ташнау. У юго-восточной стены на суфе сооружен «П»-образный очаг из глины. В трех стенах помещения имеются ниши, одна из них оштукатурена и разделена на ячейки ганчевым раствором. Это помещение соединено с помещением 3, по-видимому, служившим двориком или айваном.

С юго-запада к этим двум помещениям примыкает помещение 7 площадью 12,25 кв. м. В южной части помещения 7 находится закром. В юго-западной части помещения расположена площадка с ташнау. Здесь же имеется дверной проем, ведущий в помещение 9 площадью в 11,2 кв. м.

«П»-образная суфа окружает площадку с ташнау с трех сторон, бортики невысокой суфы обложены жженым кирпичом, а две стороны (справа и слева от прохода) на уровне поверхности суфы декорированы облицовочными майоликовыми кирпичами темно-синего цвета.

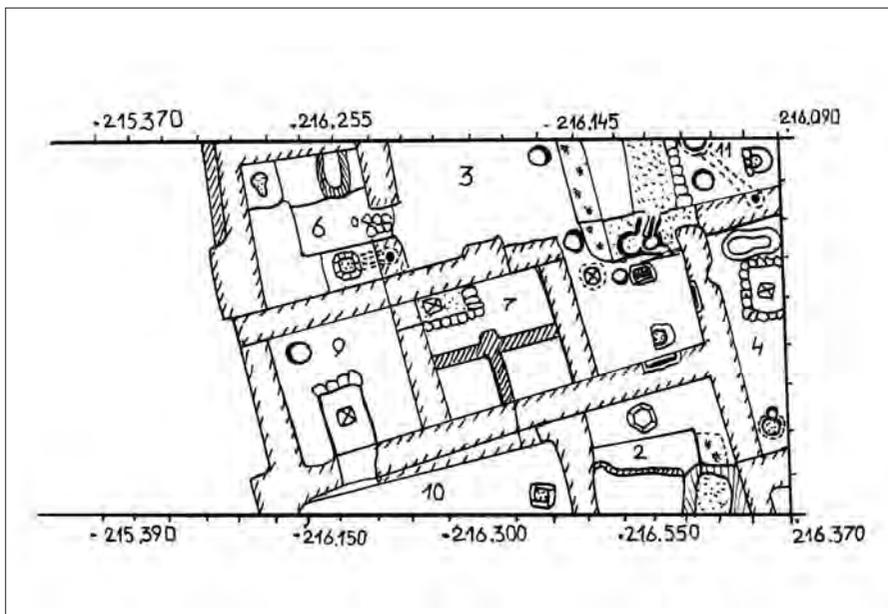

Рис. 76. Городище Туркестан. План третьего строительного горизонта

Под кирпичами этой площадки был найден клад, состоящий из 468 медных монет. Монеты завернуты в хлопчатобумажную материю, истлевшую со временем. Монеты были исследованы нумизматом Р.З. Бурнашевой. Она отнесла монеты к малоизвестному чекану Ташкентского монетного двора первой половины XVII в. (Бурнашева, Смагулов, Туякбаев, 2006, с. 16-19).

С северо-западной стороны к помещению 9 примыкает помещение 6 площадью в 11,52 кв. м. Большую часть помещения занимает «П»-образная суфа, состоящая из четырех частей разной высоты. Слева от входа в суфе встроены восьмигранный очаг диаметром 0,45 м, сложенный из жженных трапециевидных кирпичей, кладкой на ребро. Очаг не имеет топочного поддувала, дымоход подведен к вертикальному колодцу-трубе, расположенному в восточной стене.

В западном углу на уровне суфы расположен восьмигранный очаг открытого типа. Справа от него находится узкий заком прямоугольной формы с невысокими бортами.

Такой же восьмигранный очаг находился в помещении 2. Это большое помещение с односторонней двухуровневой суфой, вторая половина помещения полностью вымощена квадратными плитами из песчаника размером 0,4 x 0,4 м. В помещении имеется заком. Часть суфы, рядом с закомом, покрыта ганчевым раствором. Семигранный очаг встроены в суфу с дымоходом.

Была вскрыта часть помещений 4, 10 и 11. В помещении 11 сохранилась суфа с тандыром, имеющим горизонтальный дымоход, вымощенная площадка-ташнау перед его топкой.

Керамический комплекс третьего строительного горизонта представлен следующими группами посуды:

Керамика с черной или серо-зеленой росписью на белом фоне и покрытая бесцветной или светло-голубой поливой. Это фрагменты чаш и блюд, украшенные орнаментом в виде «басма» или растянутой спирали, а также концентрическими линиями по краю. Эти линии нанесены черной или серо-голубой краской.

Керамика с узорами черного и голубого цвета на белом фоне. Она состоит в основном из боковин горшков, блюд и чаш. Орнамент – розетки с голубыми кольцевыми обводками, зигзагами, спиралями и лепестками черного и голубого цвета.

Следующую группу представляют тонкостенные тарелки и блюда с растительным орнаментом синего и темно-голубого цвета, нанесенного на белый ангоб, и покрытые бесцветной глазурью. Есть фрагмент, где по краю венчика нанесена цепочка плодов граната с лепестками, а в центре тарелки – изображение цветка граната. Все это оконтурено черной краской и окрашено голубым цветом.

Встречаются также фрагменты тарелок, блюд и чаш, покрытые светло-голубой, серой и светло-синей глазурью. Основные мотивы оформления – спирали, зигзагообразные линии, «запятые», нанесенные черной или синей краской.

Интересен керамический светильник, выполненный в форме барана. Реалистично выполненная скульптурка барана служила в качестве резервуара для масла, а на спине был водружен трехрожковый сосуд для фитилей. Высота светильника составляла около 20 см, длина – 21,6 см и ширина – 8 см. На лбу фигурки имеется дырочка для заправки светильника маслом. Весь корпус окрашен белым ангобом и разрисован спиралями, завитками, лепестками черного и голубого цвета, а сверху покрыт бесцветной глазурью голубоватого оттенка.

Вышеописанный комплекс керамики имеет аналоги в материалах городищ Отрара, Саурана и Туркестана, которые датировались концом XVI и XVII в. (Туякбаев, 2009, с. 94, рис. Б.18, 1-7; Б.19, 1, 2, 4, 5; Б.19, 6, 9-12; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 121; Сенигова, 1978, с. 171-186).

Четвертый строительный горизонт. Планировка дома на этом уровне не изменилась. Все помещения сохранили прежнюю нумерацию. Данный горизонт расположен на уровне 7-8 ярусов.

Помещение 1 имело площадь 12,8 кв. м. Ниши в стенах увеличились по высоте. Дверной проем устроен в северном углу и ведет в помещение 11. Перед входом в него имеется площадка с ташнау, вымощенная жженым кирпичом. В помещении устроена «Г»-образная суфа, в которую встроен тандыр. Вертикальный дымоходный колодец встроен в юго-восточную стену помещения, к нему подведены горизонтальные дымоходы тандыров данного и соседнего помещения 3. Длина второго горизонтального канала составила почти 6 м.

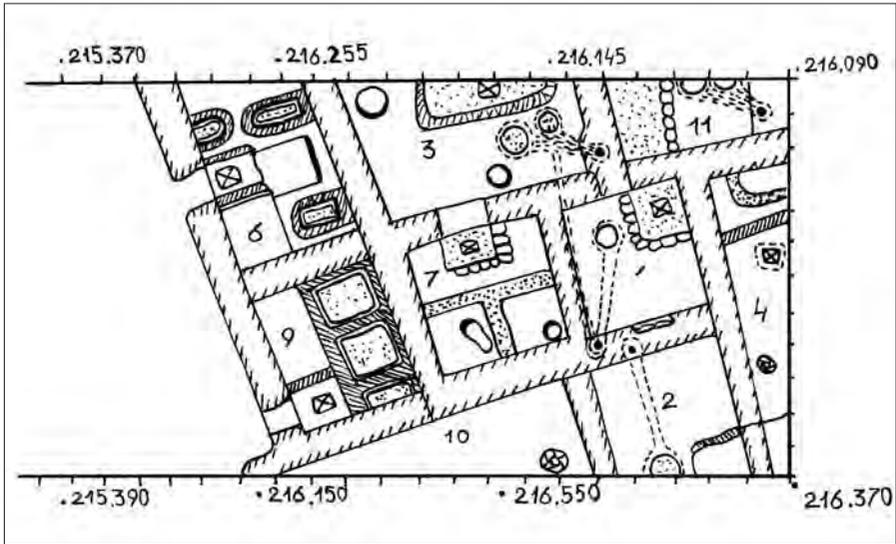

Рис. 77. Городище Туркестан. План четвертого строительного горизонта

Помещение 3 имеет два тандыра, расположенных на разных уровнях. К тандырам с запада примыкает площадка с ташнау размером 3,4 x 1,5 м, к ней и выходят топочные отверстия тандыров.

Помещение 7 почти не изменилось и по площади, и по внутренней планировке. Но площадка с ташнау переместилась к середине северо-западной стены, где был пробит дверной проем. Резервуаром для ташнау служила на этот раз не хумча с пробитым дном, а специально выложенное из жженого кирпича сооружение в виде усеченного конуса.

Помещение 2 отличается от других двух тем, что имеет две стены, поверхность которых полностью оштукатурена ганчевым раствором. Судя по площадке перед тандыром, вход в помещение находился в юго-восточной стене. Тандыр размещается слева от дверного проема в суфе. Тандыр был самым большим из всех здесь обнаруженных, наружный диаметр его венчика достигает 90 см, внутренний – 65 см.

Хорошо сохранившееся Помещение 9 имеет «Г»-образную суфу, в которую врезаны три ванны, обмазанные изнутри толстым слоем ганчевого раствора.

В помещении 6 в суфе размещаются еще три ванны, две из них расположены слева от входа, третья – в юго-восточном углу. Скорее всего, эти два помещения были производственными, такие ванны использовались для изготовления высококачественной глины, необходимой при производстве керамических изделий.

Керамический комплекс сохраняет традиции в типах керамики, поливы и декора, цветов росписей, широко используются растительные и геометрические мотивы. В росписях появляются тамгообразные знаки, наносимые на дно чаш, тарелок, блюд.

Часто встречаются завитки, спирали и вихревая розетка. Нередко на донцах на белом фоне черной краской нанесены розетки: темно-красные на белом фоне и черные, покрытые светло-голубой глазурью. Узор «шынжыр» (цепь) встречается и на краях чаши, и на донцах.

Встречаются также фрагменты чаш, в декоре которых представлены пышные растительные композиции, нанесенные на белый фон черным и голубым цветом.

Чаще стала встречаться керамика с росписью кобальтом. Особенно много таких находок было в помещении 2. Здесь была вскрыта большая мусорная яма, заполненная фрагментами «тимуридской керамики». Почти все поддоны, извлеченные из ямы, были кольцевые.

В оформлении росписей этих чаш изнутри доминируют многолепестковые розетки или их вариации с вихревыми линиями и растительными мотивами. Все они ярко-синего, но встречаются и сочно-фиолетового цвета. В декоре наружных частей чаш и горшков чаще стали использовать шестигранные или ромбовидные сеточки.

Керамика четвертого строительного горизонта относится к XVI в.

Подтверждением этого вывода может служить медная монета, которую Р.З. Бурнашева отнесла к чекану Туркестана XVI в. (Туйкбаев. 2009, с. 97-98).

Пятый строительный горизонт. После снятия стен четвертого строительного горизонта проявилась другая планировка дома. Были обнаружены длинные коридорообразные помещения.

Помещение 1. Площадку перед входом огораживала с трех сторон невысокая суфа. Юго-восточная часть суфы была занята двумя глинобитными подковообразными очагами. В западной части суфы был встроен тандыр.

Помещение 2 уменьшилось. Перед входом в него находилась вымощенная жженым кирпичом площадка. В четвертом строительном горизонте это помещение использовалось в качестве мусорной свалки, большая часть помещения была заполнена золой и фрагментами поливной керамики.

В помещении №3 была вскрыта половина площадки с ташнау, вымощенная жженым кирпичом и бортиками суфы, с трех сторон облицованными сырцовым кирпичом. Резервуаром для ташнау служил хум с пробитым дном.

Дверной проем находится в центре северо-западной стены. Перед входом имелась площадка квадратной формы, вымощенная кирпичом с встроенным ташнау. В юго-западном углу помещения сохранились остатки закрома, стенки которого сложены из жженого кирпича.

В помещении 13 в суфу высотой 0,47 м встроен тандыр с горизонтальным дымоходом длиной в 1 м.

С северной стороны к этому помещению примыкает длинное помещение 14 в виде коридора. У его стены расположены остатки печи.

Остальные помещения не имели каких-либо следов интерьера, но во многих из них находили мусорные ямы.

В комплексе поливных керамических изделий преобладают, как и раньше, чаши и блюда; встречаются тарелочки, тагоры, горшки, пиалы и крышки, также найден фрагмент подсвечника.

Выделяются две группы керамики: керамика с белым фоном, покрытая прозрачной глазурью, иногда с рисунком, выполненным кобальтом или марганцево-коричневыми красками. Вторая группа характеризуется голубой прозрачной глазурью и черной подглазурной росписью.

Посуда украшена растительным и геометрическим орнаментом с разнообразными элементами. Это ветви, изящно изогнутые стебли, усики, завитки, спирали, цветы лотоса, пальметты, розетки, крестовины, «пчелиные соты», шахматная клетка, круги, вихревые розетки, а также изображения рыб.

Встречаются чаши, покрытые серо-голубой поливой, украшенные резным орнаментом лепестковых и вихревых розеток.

Интересны две конусовидные чашечки с желтой поливой.

Похожая керамика встречается в материалах Отрара XIV-XV вв. Фрагменты керамики с желтой глазурью на красно-коричневом фоне и с темно-коричневым узором на ярко-зеленом фоне относятся к XIV в. К этому же времени относятся еще две чаши с кольцевым поддоном, на внешней стороне – растительные мотивы орнамента на белом фоне. «Тимуридская керамика», встречающаяся здесь повсюду, а также несколько медных монет дают основание датировать данный строительный горизонт XV – началом XVI в. (Туякбаев, 2009, с. 100-101, рис. Б. 30а; Б. 36б, Б 37, 1-3, 5).

Неполивная керамика представлена хумами, горшками и крышками. Тулово хумов яйцевидной формы с крутым плечиком, четко выделенной горловиной и горизонтально отогнутым валиком венчика с плоским верхним бережком. Хумы отличаются друг от друга формой, размерами и декором.

Кувшины крупных и средних размеров с одной и двумя ручками, со стройными пропорциями тулова, с высокой цилиндрической горловиной и слегка утолщенным, треугольным в сечении или загнутым наружу венчиком. Часто они имеют несколько врезных линейных и волнисто-концентрических поясов по венчику, по горловине и тулову.

В целом, I строительный горизонт датируется XIX – началом XX в.; II строительный горизонт – XVIII в.; III строительный горизонт – концом XVI – XVII в.; IV строительный горизонт – XVI в.; V строительный горизонт – XV – началом XVI в. (Туякбаев, 2009, с. 103).

Раскопки городища Мазараттобе

Топография. Городище Мазараттобе расположено в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области, в 25 км к северо-востоку от Шымкента. Восточнее городища вытянулась горная гряда Киргизского

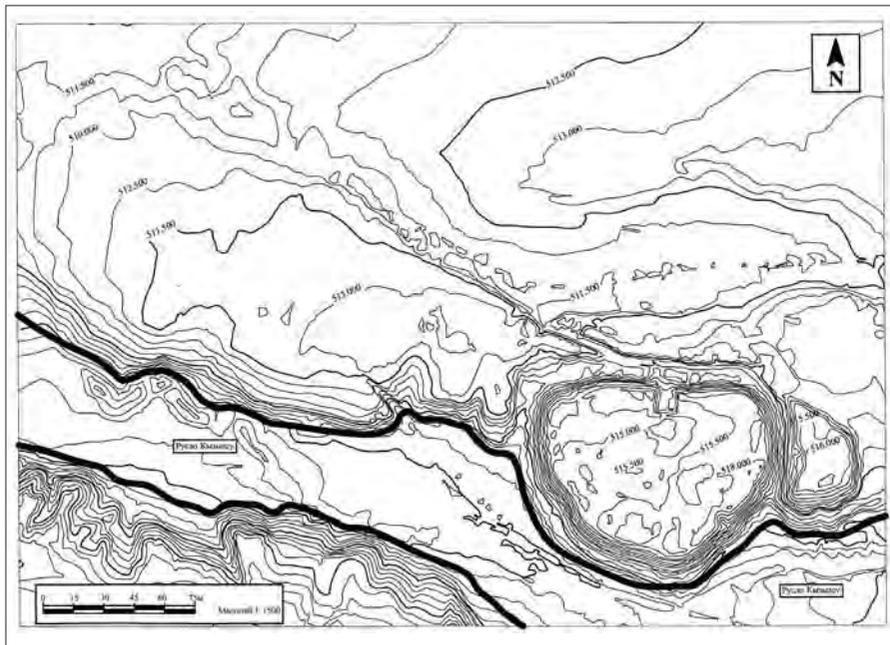

Рис. 78. Городище Мазарттобе. План

Алатау, покрытая снегом. Севернее городища с востока на запад протянулась гряда сопок, покрытая летом зеленой растительностью. Городище как бы находится в долине, изобилующей мелкими речками и родниками, берущими свое начало в горах и близлежащих сопках. Часть сопок распахана и отведена под поля для выращивания зерновых культур крестьянскими хозяйствами, или используется как пастбище для выпаса скота местными жителями.

Городище располагается на второй надпойменной террасе пересохшей речки Кызылсу. Русло ее лишь в весенний период наполняется талыми водами. Берег с северной стороны – крутой, с южной – пологий, заросший, как и пойма пересохшей речки, густой травяной растительностью. В долине Кызылсу находится много родников.

Городище имеет двухчастную структуру и состоит собственно из «рабада» и центрального холма. Памятник располагается вдоль речки Кызылсу, на правом ее берегу, протянувшись с востока на запад. Рельеф городища неровный.

В северо-восточной части городища на территории рабада располагаются два оплывших холма подпрямоугольной формы, предположительно крупные строения.

Центральная часть городища расположена бугре-тобе овальной формы. Протяженность ее с севера на юг составляет 81 м, с востока на запад – 107 м. Общая площадь холма равна 8667 кв. м. Высота бугра в его самой высокой точке – более 5 м. На поверхности прослеживаются

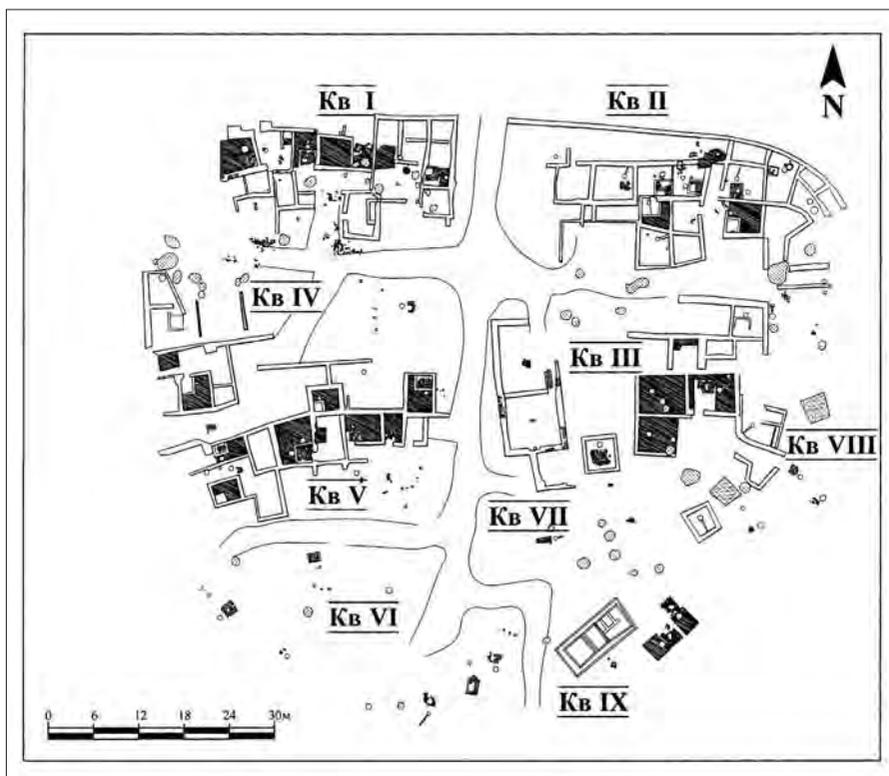

Рис. 79. Общий план. Строительный горизонт 2

бугры округлой и подпрямоугольной формы, с оплывшими стенами – остатками древних строений.

С западной, северной и восточной сторон бугра сохранились остатки земляного вала, по-видимому, являющиеся остатками крепостной стены, которая со временем оплыла. С запада, севера и востока центральная часть опоясана рвом шириной 5,7 м. С внешней стороны рва насыпан вал из суглинка, извлеченного при рытье рва вокруг бугра. Ширина этого вала составляет до 2,7 м, высота до 1,2 м. Часть вала с северной и западной сторон была сnivelирована в настоящее время.

В 200 метрах от холма находится овраг с покатыми склонами, заросшими травой (Байпаков, Сейткалиев, Воякин, 2011, с. 97-98).

Первый строительный горизонт

Постройки первого (верхнего) строительного горизонта были возведены на месте заброшенных жилых и хозяйственных построек второго (нижнего) строительного горизонта.

На первом участке выявлен один дом, располагавшийся в северо-западной части холма вдоль края рва у центральной магистральной улицы, проходящей с севера на юг от северного края рва.

Дом 1 состоит из двух жилых помещений, хозяйственного помещения и двора.

Двор дома выходил на улицу «А». Во дворе справа у стены под навесом находилась печь, сложенная из кирпичей. Сохранились два камня – базы колонн, поддерживающих кровлю навеса двора.

Помещение 1 – жилое, расположено западнее хозяйственного помещения. В помещении расчищен пристенный очаг с дымоходом. Вход в жилое помещение располагался со стороны хозяйственного помещения.

Помещение 2 – жилое, размером 2,7 x 7,5 м, вход в него шел через помещение 1.

Помещения первого строительного горизонта сильно разрушены более поздними перекопами и могилами. Истинные границы помещений домов читаются лишь по найденным остаткам стен, печей, тандыров.

По его уровню обнаружена магистральная дорога. Она расположена в центральной части городища и протянулась по оси север-юг. Дорога длиной 72 м, шириной 4,5 м берет свое начало от рва с северного края холма, плавно поднимаясь вверх в южном направлении. По обеим сторонам дороги находятся остатки стен и конструкций.

На западе в северной части к магистральной дороге примыкает улица «А» длиной 36 метров, шириной 3,8 м, протянувшаяся по направлению восток-запад. Вдоль улицы расположены жилые и хозяйственные помещения домов. От улицы в разные стороны пролегалли небольшие переулки, ведущие к домам горожан.

В юго-западной части городища между пятым и шестым жилыми массивами с западной стороны к магистральной дороге примыкает улица «Б», тянущаяся с севера-востока на юго-запад. Длина улицы 30 м, ширина – 3,5 м.

В южной части холма к магистральной улице примыкает улица «В». Она протянулась с северо-запада на юго-восток и соединяется с центральной дорогой. Длина улицы 12 м, ширина дороги – 2,9 м. По обеим сторонам улицы расположены дома девятого и шестого массивов.

В северо-восточной части городища к магистральной улице примыкает улица «Г» длиной 29 метров и шириной 1,9 м направлением север-юг. Она плавно поворачивает налево, делит территорию второго и третьего массивов. От улицы «Г» в юго-восточном направлении отходит переулок, который разделял дома седьмого и восьмого массивов.

Центральная часть

Городская застройка. В топографии раскопа центральной части городища в общей застройке компактно выделяется группа домов второго горизонта. Жилой массив расположен в северо-западной части городища. В результате раскопок выявлено четыре дома.

Дом 1 состоит из семи помещений и двора. Общая площадь дома составляет 170 кв. м. В дом вели два входа: один с магистральной улицы, другой – со двора.

Двор размером 9 x 5,5 м располагался в южной части вдоль улицы «А». На востоке часть двора примыкала к магистральной дороге, где она плавно поворачивает на запад в сторону улицы «А». С левой стороны у пахсовой стены под навесом был установлен тандыр. Северная часть двора ограничивалась пахсовой стеной, в которой был проход в хозяйственное помещение айванного типа 1.

Помещение 1 – жилое, располагается в северной части дома. Сверху помещение было перекрыто конструкциями первого строительного горизонта. Отметим, что границы помещения первого строительного горизонта совпадают с границами более раннего помещения. Размеры раскопанного помещения с севера на юг – 4,8 м, с востока на запад – 3,8 м.

В северной части помещения сохранились остатки стены в два ряда сырцовых кирпичей. Стена, располагаясь у края рва городища, играла роль своеобразного фортификационного сооружения. На западе помещение соседствует с жилым помещением второго дома, с южной стороны – граничит с айванным помещением. В юго-восточном углу расчищен проход, через который можно было попасть из жилого помещения 3 в помещение 1.

Жилое помещение 1 является самым большим в первом доме. Конструкции и строительные элементы более раннего времени при перестройке и перепланировке внутри комнаты не сохранились и были перекрыты поздними конструкциями.

Помещение 2 – жилое, размером 3,4 x 2,8 м, расположено в северной части дома на краю рва. К западу от него находится жилое

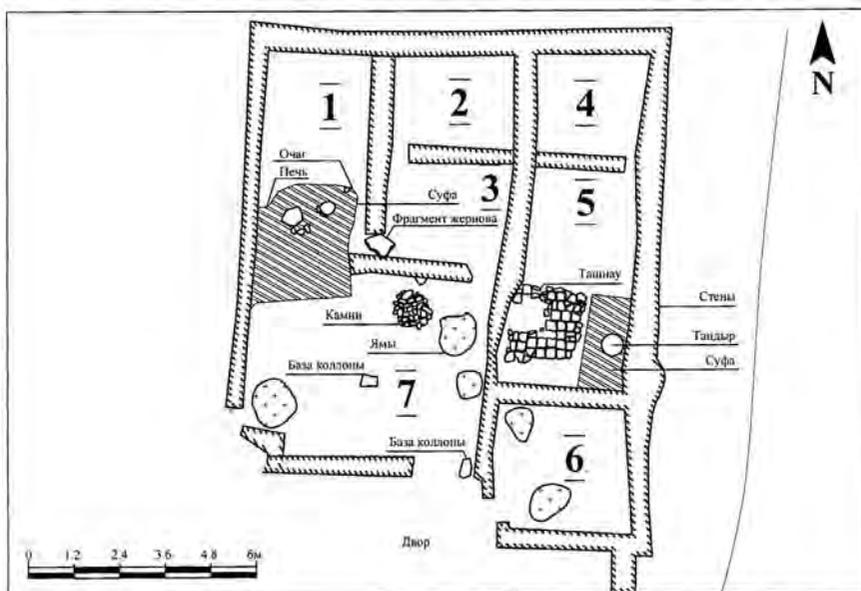

Рис. 80. Квартал I. Строительный горизонт 2. Дом 1

Помещение 1. На востоке располагается комната 4, которую отделяет кирпичная стена. С южной стороны находится комната 3, между разделительной и несущей стенами в западной части имеется дверной проем шириной 0,65 м, через который можно попасть из одной комнаты в другую.

Помещение 3 размером 3,4 x 1,9 м жилое, к западу от него располагается также жилая комната 1, к востоку – хозяйственное помещение 5. Между разделительной стеной, за которой находится жилая комната 2, и несущей стеной существует проход, через который можно попасть из одной комнаты в другую.

Помещение 4 квадратной формы размером 2,9 x 2,9 м расположено в северо-восточном углу дома. К западу находится помещение 2, которое отделяется стеной из сырцового кирпича. С восточной стороны располагалась несущая стена, отделяющая помещения от магистральной дороги, проходящей в 3-х метрах восточнее помещений. Между стенами устроен дверной проем шириной 0,7 м. В помещении обнаружены остатки печи, сложенной из жженных кирпичей размером 46 x 18 x 8 см. В заполнении помещений при зачистках были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, принадлежащие водоносному сосуду, а также фрагменты сероглиняного котла с двумя петлевидными ручками.

Помещение 5 хозяйственно-бытового назначения размером 5,3 x 2,9 м. К западу от него располагаются комната 2 и айванное помещение. К северу за кирпичной стеной находится комната 4. За восточной стеной в 3-х метрах проходит магистральная дорога.

В помещении в юго-восточной части располагается площадка ташнау, вымощенная квадратным жженым кирпичом. У восточной стены устроена суфа размером 2,0 x 1,3 м. В нее был впущен тандыр, диаметр устья тандыра 68 см, высота – 50 см, толщина стенок – 2,3 см. В северной стенке тандыра находится дымоходное отверстие. Горизонтальный дымоходный канал длиной 1,7 м проложен в суфе. В нижней части тандыра располагалось овальное сверху топочное отверстие размером 18 x 20 см.

С южной стороны за стеной располагается хозяйственное помещение с двумя зерновыми ямами. При расчистке поверхности площадки ташнау был найден фрагмент керамической глазурованной статуэтки-игрушки – головка барана с закрученными рогами.

Помещение 6 – хозяйственное размером 3,5 x 3,2 м располагается в юго-восточной части дома. На уровне пола лежал камень, который, возможно, служил базой колонны. В границах помещения найдены скопления керамических сосудов. Помещение служило для хранения продуктов и зерна. Зерновые ямы располагались в южной и западной части помещения.

Яма 1 для хранения зерна представляет собой куполообразную округлую конструкцию, выкопанную в суглинке. Широкая снизу яма плавно сужается кверху. Стенки ямы были обмазаны глиняным раствором. Пол ямы ровный, утрамбованный. Диаметр нижней части

ямы – 1,64 м, устье ямы диаметром 0,82 м, глубина ямы – 1,5 м. По краям ямы и в стенке видны норы грызунов.

Яма 2 аналогична яме 1. Западная стенка ямы соприкасалась со стенкой ямы, находящейся в соседнем айванном помещении. Диаметр ямы на уровне пола – 1,43 м диаметр устья – 0,7 м, глубина – 1,2 м. В северо-западной части ямы было расчищено сквозное отверстие размером 30 x 50 см, соединяющее с зерновой ямой айванного помещения 1. Целостность внутренних стенок ямы нарушена норками грызунов.

Помещение 7 – айванного типа, располагается в южной части дома 1. Помещение было перекрыто крышей. В северной стороне у стены находилась мусорная яма. В восточной части помещения у стены располагалась зерновая яма, вырытая в суглинистом плотном полу помещения. С южной стороны прослеживаются остатки разрушенной пахсовой стены, которая отделяла хозяйственное помещение от двора, расположенного южнее. Возле пахсовой стены обнаружен плоский скальной породы камень, видимо, служивший базой колонны. Еще два камня, по-видимому, также базы колонн, расположены по одной осевой линии север-юг. Вход в помещение со стороны двора не выявлен. В северной части между несущей и разделительной стеной существовал проход, через который можно было пройти в жилые помещения дома.

Дом 2 состоял из пяти помещений. Общая площадь дома – 133,5 кв. м. С западной стороны имелся вход со стороны тупика, идущего от улицы «А». Тупик был вымощен булыжником. Из тупика через входной проем попадали в коридор, располагавшийся южнее жилого помещения с тандыром и ташнау. Через коридор и внутренний дворик, закрытый навесом, можно было пройти еще в одно хозяйственное помещение. На территории дворика выявлена база колонны, которая поддерживала крышу внутреннего дворика.

С южной стороны располагалось хозяйственное помещение или кладовая с закромом, которое было отделено от улицы «А» стеной.

В северной части дома находились два хозяйственных помещения 3 и 4. В северо-восточной части дома – жилое помещение 2 с очагом в суфе и ташнау.

С западной стороны располагалось жилое помещение 1, разделенное пахсовой стенкой. В северной части находилось айванное помещение. К нему примыкала пахсовая стена, которая отделяла его от хозяйственного. В хозяйственном помещении находился закром, примыкавший к кирпичной стене, отгораживающей от двора дома 1.

Хозяйственное помещение расположено в северо-западной части городища на территории дома 1. Помещение на севере примыкает к другому помещению, где расположились мусорные ямы позднего периода, пробившие плотно утрамбованный сырцовый пол. С восточной стороны помещения располагается стена, сложенная из прямоугольных сырцовых кирпичей размером 40 x 20 x 6 см, к ней примыкает закром. С южной стороны помещения вдоль улицы «А»

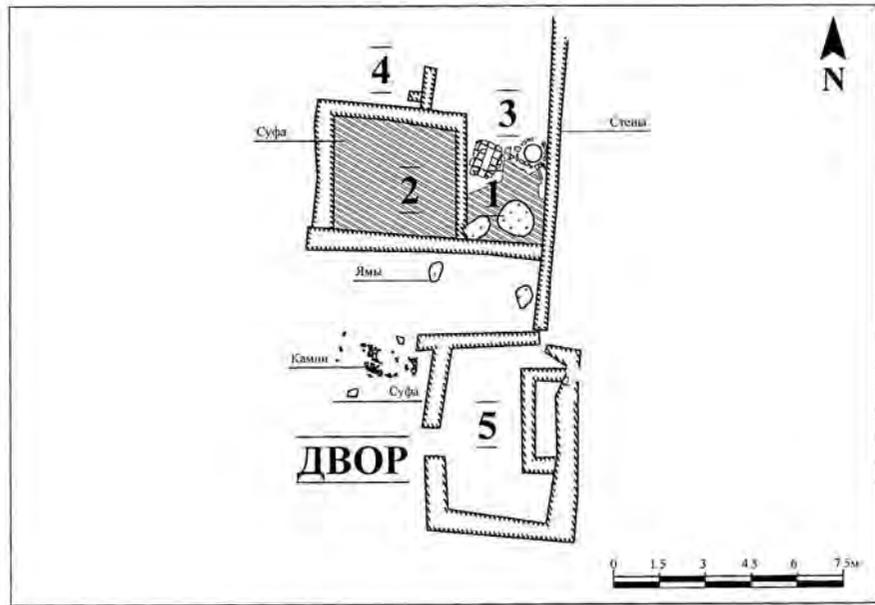

Рис. 81. Квартал I. Строительный горизонт 2. Дом 2

располагается стена, которая отделяет дом 1 от дома 3. Между стенами расположен коридорообразный входной проем длиной 1,2 м, ширина прохода 0,7 м.

Двор размером 9 х 6,5 м, располагавшийся к югу от хозяйственного помещения 2, тянулся вдоль улицы «А». В центре двора расчищены три плоских скальных камня, видимо, служивших базами колонн, находящихся на одной осевой линии. В юго-восточной стороне – скопление галечника. При расчистке площади двора прослеживается зольный слой с обгорелым деревом от кровли. В юго-западной части двора раскопана мусорная яма позднего периода.

Помещение 1 размером 4,6 х 3,2 м. Пол помещения – плотный утрамбованный суглинок.

С северной стороны по направлению запад-восток выложена стена из сырцовых кирпичей на пахсовой кладке более раннего времени. Южная несущая стена помещения выложена из серой глины методом пахсовой кладки по оси восток-запад.

Помещение 2 – жилое, размером 6,1 х 2,1-2,6 м, располагалось у края рва в северо-восточной части дома. У юго-восточной стены размещается суфа с печью-тандыром. Восточная стена помещения (направлением север-юг) – несущая кирпичная стена длиной 11,2 м была общей для помещений дома 1 и 2.

Суфа «Г»-образной формы, размером 2,9 х 2,9 м. Высота – 0,35 м. Поверхность обмазана глиняным раствором. В более позднее время суфу повредили мусорные ямы – бадрабы. Рядом находится санитарное устройство ташнау (1,55 х 1,53 м), площадка которого выложена жженым кирпичом размером 25 х 25 х 6 см.

Помещение 3 – хозяйственное, размером 2,9 x 1,9 м, располагалось у края рва в северной части дома. В помещении найдены фрагменты красноглиняного кувшина с вертикальной уплощенной ручкой и хума. Около стены располагалась кирпичная печь первого горизонта.

Помещение 5 размером 5,1 x 3,6 м – хозяйственное, пол плотно утрамбован. Восточная стена помещения сложена из кирпича размером 40 x 20 x 6 см, к стене примыкает заком длиной 3 м и шириной 0,85 м. Кладка стенок и перегородки закома сделана из сырцовых кирпичей, поставленных вертикально на ребро, плотно подогнанных друг к другу и скрепленных глиняным раствором. Внутренний размер закома 2,3 x 0,54 м.

Южная стена дома тянется вдоль улицы «А». Между стенами с западной стороны расположен входной проем длиной 1,2 м и шириной 0,7 м.

Дом 3 состоял из шести помещений: двух жилых, двух хозяйственных помещений, айвана и кладовой. Общая площадь дома составляет 58 кв. м. Войти в дом можно со стороны переулка (тупика) через айван (4) в хозяйственное помещение, затем в жилое помещение 1. Это было самое большое помещение в доме, имело сквозной проход, через который можно было пройти в кладовое помещение, располагающееся в северной части дома. С восточной стороны возле суфы существовал проход в жилое помещение 2. Еще один проход существовал в районе айвана (двора). Через него вход вел в жилое Помещение 2.

Помещение 1 – жилое помещение размером 5,2 x 4,6-5,4 м, имеет форму неправильного прямоугольника и расположено в 2,2 м от края

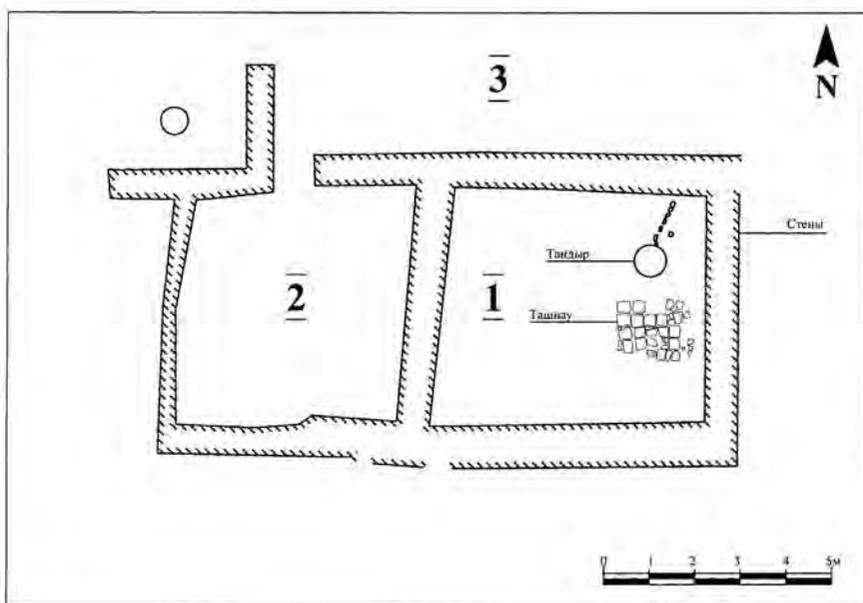

Рис. 82. Квартал 1. Строительный горизонт 2. Дом 3

рва. С севера помещение ограждает от края рва стена, сложенная из сырцовых блоков размером 40 x 22 x 8 см. С западной стороны помещения прослеживается разделительная стена более позднего строительного периода, построенная на месте ранней пахсовой стены этого помещения. Стена является смежной с помещением 1 дома 4. В северной части помещения прослеживается дверной проем шириной 0,7 м и глубиной 0,5 м. Северо-восточную часть помещения занимает суфа, западная сторона ее была обложена сырцовыми кирпичами, образующими бортик. Размеры суфы 2,4 x 2,4 м, сохранившаяся высота около 0,5 м.

Помещение 2 жилое, размером 5,2 x 3,6 м. В северном углу помещения у стены в суфу впущен тандыр. Около суфы находится площадка, вымощенная жженым кирпичом размером 25 x 25 x 5-6 см, с санитарно-гигиеническим устройством – ташнау. Размер площадки ташнау 1,8 x 1,8 м.

Помещение 3 – хозяйственное размером, 4,2 x 2,3 м, находится к югу от помещения 1. Восточная пахсовая стена отделяет помещение от айвана (двора). В юго-восточном углу у стены имелся проход в айван и далее в переулок.

Помещение 4 – айванное, размером 2,15 x 1,2 м, располагается в юго-восточной части от хозяйственного помещения 3. Из переулка через проход с восточной стороны можно было попасть в хозяйственное помещение.

Помещение 5 – хозяйственное размером 4,5 x 3,06 м, находится с южной стороны от хозяйственного помещения 3. В центре помещения находился скальный прямоугольный камень от базы колонны.

Помещение 6 – кладовая размером 7,9 x 1,9-2,4 м располагалась у края рва в северной части дома. В северной части помещения располагалась стена, ограждавшая территорию помещения от края рва. В западной стене через дверной проем можно было попасть в Помещение 1. Возле двери вдоль стены устроена суфа-лежанка размером 2,4 x 0,7 м.

Дом 4 состоял из трех помещений. С улицы «А» вход вел через крытое дворовое помещение в айван, где на площадке стояли сосуды. В стену был вмонтирован пристенный очаг. Из айванного помещения через дверной проем вход был в жилое помещение. Рядом с айванном помещением сохранились остатки стен помещения, размеры и функциональное значение которого установить не удалось. В помещении 2 при расчистке были обнаружены сосуды для хранения жидкости и муки. По всей видимости, дом специализировался на изготовлении муки и выпечке хлеба.

Помещение 1 – жилое размером 4,5 x 3,8 м. У стены расположена суфа с тандыром. Рядом на полу находился квадратный скальный камень от базы колонны. С западной стороны суфы – санитарное устройство – ташнау, площадка которого выложена жжеными квадратными

кирпичами размером 25 x 25 x 4 см. Размер площадки ташнау – 1,9 x 1,9 м. Центральная часть кладки, где находится водослив, был разобран.

Помещение 2 – кладовая размером 5,2 x 2,1 м. В северо-западном углу помещения в стену встроены пристенный очаг, используемый для отопления помещения как камин.

При расчистке помещения обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, боковины кувшинов, донца, ручки с фрагментами горловины; фрагмент кесе, украшенный растительным орнаментом на белом фоне, находящиеся в одном месте. Около южной стены найдены фрагменты красноглиняной тагоры и раздавленная широкогорлая хумча. Видимо, здесь хранились запасы продуктов и посуда.

Жилой массив II

Второй строительный горизонт

Второй массив расположен в северо-восточной части городища. С северной стороны участка – ров, вдоль которого проходит стена, за которой находятся дома. С южной стороны с запада на восток проходит улица «Г», которая отделяет территорию второго жилого массива от третьего.

Дом 1 располагается в восточной части холма. Представляет собой строения прямоугольной планировки. Размеры дома 12,1 x 9,9 м, вытянут с запада на восток, общая площадь дома 120 кв. м.

Дом состоит из двух помещений: жилого и хозяйственного. К юго-востоку расположился дворик, входящий в общую площадь дома. Севернее от жилого находится хозяйственное помещение, от которого идет выход в переулок и в другое помещение дома. Жилое помещение от айванного отделено сырцовою стеной.

Южнее хозяйственного и жилого помещений протянулась улица «Г», ведущая к центральной магистральной дороге.

Помещение жилое площадью 15,5 кв. м, квадратное в плане. С севера к помещению примыкает пахсовая несущая стена, к югу – дворик. На западе от жилого помещения расположился коридорообразный проход.

В северной части помещения находится суфа с тандыром и дымоходом. Рядом с суфой с юго-западной стороны располагается санитарно-гигиеническая площадка – ташнау. Примерно в центре стены на суфе находился плоский скальный камень – база колонны.

Дом 2 насчитывает три помещения: жилое и хозяйственное, а также двор. Общая площадь дома составляет 80 кв. м. В северо-восточной части домовладения между крепостной стеной и несущей стеной находится хозяйственная комната. С улицы «Г» через коридорообразный проход заходили в дом. В его восточной части существовал дверной проем. В северной части домовладения находился дворик и небольшое помещение с тандырами и печами. Двор, как и помещения, был крытым, и через него можно было попасть в жилые и хозяйственные помещения.

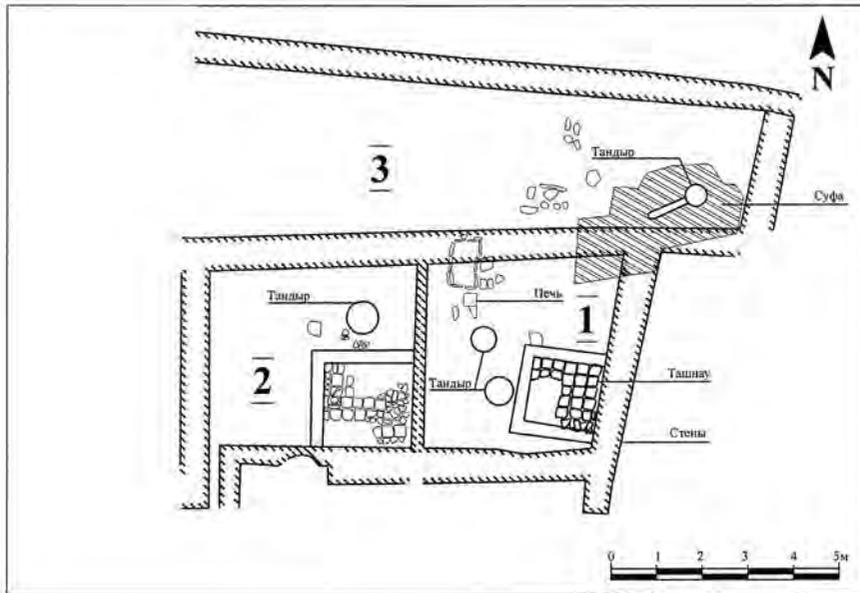

Рис. 83. Квартал II. Строительный горизонт 2. Дом 2

Помещение 1 размером 4,7 x 3,7 м – жилое, судя по наличию «Г»-образной суфы с парными тандырами. Возле суфы – вымощенная жжеными кирпичами площадка ташнау. На суфе находился уплощенный камень, служивший базой для колонны, поддерживающей кровлю. В северной части суфы из жженных кирпичей сооружен заком.

Рядом с ташнау на «Г»-образной суфе находится прямоугольный скальный камень – база колонны. В северной части помещения на сырцовой площадке расположился заком первого (верхнего) строительного горизонта, сложенный из жженных квадратных кирпичей. Зафиксированы следы перепланировки: закома были сложены из жженных кирпичей, взятых из частично разобранных ташнау.

Возле суфы раскопаны фрагменты толстостенных кувшинов с ручками и глазурованный керамический таз – тагора, украшенный растительным орнаментом.

Помещение 2 размером 4,7 x 3,7 м расположено за помещением 1. В центре помещения на «Г»-образной суфе находится тандыр, которым пользовались постоянно. При перепланировке помещения на месте старого тандыра соорудили новый, меньший по размеру, украшенный прочерченными полосами.

Возле суфы находится санитарно-гигиеническая площадка – ташнау.

Помещение 3 – хозяйственное, располагается у края рва второго жилого массива. В южной стороне помещения в более позднее время располагалась суфа первого строительного горизонта, перекрывшая конструкции второго строительного горизонта. Здесь находились

закрома, а также тандыр. Рядом с тандыром был найден железный лемех от плуга.

Дом 3 расположен в северо-западной и западной части второго участка между магистральной дорогой и улицей «Г». Вход в дом со стороны магистральной улицы вдоль рва. В доме четыре помещения: два жилых и два хозяйственных. Общая площадь дома около 100 кв. м.

Помещение 1 – жилое размером 4 x 4,8 м. В северном углу помещения находится суфа с впущенным в нее тандыром. Устье тандыра диаметром 56 см и глубиной 60 см, толщина стенок 3-4 см. Рядом с суфой напротив тандыра располагается площадка ташнау размером 1,5 x 1,2 м, вымощенная квадратным жженым кирпичом стандартного размера 25 x 25 x 4 см.

Помещение 2 – хозяйственное размером 5,65 x 5-5,2 м, располагается к западу от жилого помещения 1. Южная стена помещения 2 сложена из сырцовых кирпичей. Она является общей для жилого и хозяйственного помещений. Между несущей и разделительной стеной находился проход, соединявший жилое и хозяйственное помещения.

Дом 4 располагается в южной части второго участка возле улицы «Г», площадь дома 72 кв. м. С северной стороны дом примыкает к дому 2, с восточной стороны через узкий переулочек дом соседствует с домом 1. Вход в жилые и хозяйственные помещения был со стороны переулочка. Дом состоит из двух жилых и двух хозяйственных помещений.

Помещение 1 – хозяйственное, размером 3,6 x 3,8 м, находится в западной – северо-западной части дома. Стены сложены из стандартных крупномерных сырцовых кирпичей 40 x 20 x 8 см.

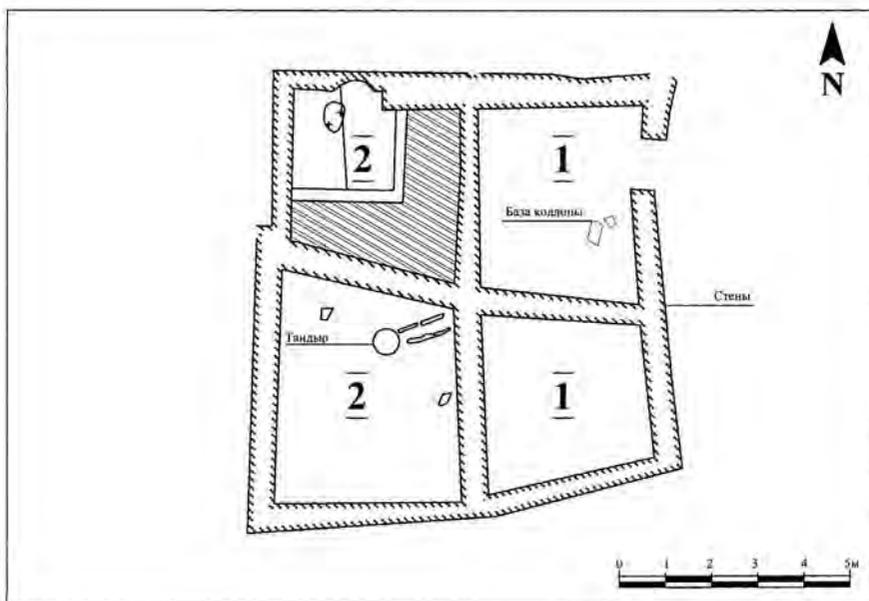

Рис. 84. Квартал II. Строительный горизонт 2. Дом 4

Восточную часть помещения занимает суфа размером 2,8 x 2,9 м. В северной части помещения выявлена мусорная яма, относящаяся к первому строительному горизонту, пробила пол и повредила кладку кирпичной стены более раннего периода. С внутренней стороны южной стены располагался сложенный из сырцовых кирпичей заком размером 1,6 x 0,36 м, высота бортиков 0,23 м. В западной части помещения ниже уровня пола находится яма для хранения зерна. Зерновая яма округлой формы: широкая снизу, плавно сужается кверху. Стенки ямы со следами глиняной обмазки заглажены. Диаметр устья ямы 0,58 м, дна – 1,04 м, высота – 1,5 м.

Помещение 2 размером 3,2 x 3,6 м – жилое. У северной стены располагалась суфа. В восточной стене находился дверной проем, через который можно было попасть из переулка в дом. В южной в стене также был дверной проем, ведущий из хозяйственного в жилое помещение 2.

Помещение 3 – хозяйственное размером 3,4-3,8 x 3,5 м, располагается в юго-восточной части дома, граничит с хозяйственным помещением 1 и жилым 2. В северной части в стене сохранился дверной проем, через который можно войти в помещение. В углу у южной стены существовал дверной проем, соединявший два жилых помещения.

Помещение 4 – жилое размером 4,8 x 4,2 м, располагается западнее хозяйственной комнаты 1. В северо-восточной части помещения на полу располагался тандыр с дымоходом. Здесь же, на плотном сырцовом полу, лежал камень – база колонны, поддерживавшей кровлю.

Дом 5 располагается в восточной части второго участка. Общая площадь дома составляет 105 кв. м. Вход в дом был со стороны переулка: сначала в жилое помещение 1, затем в другие жилые и хозяйственные помещения.

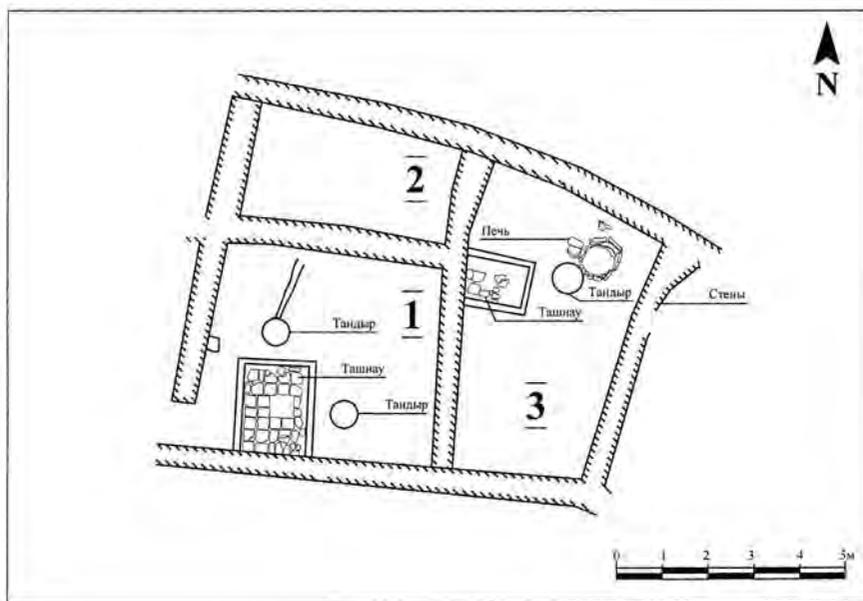

Рис. 85. Квартал II. Строительный горизонт 2. Дом 5

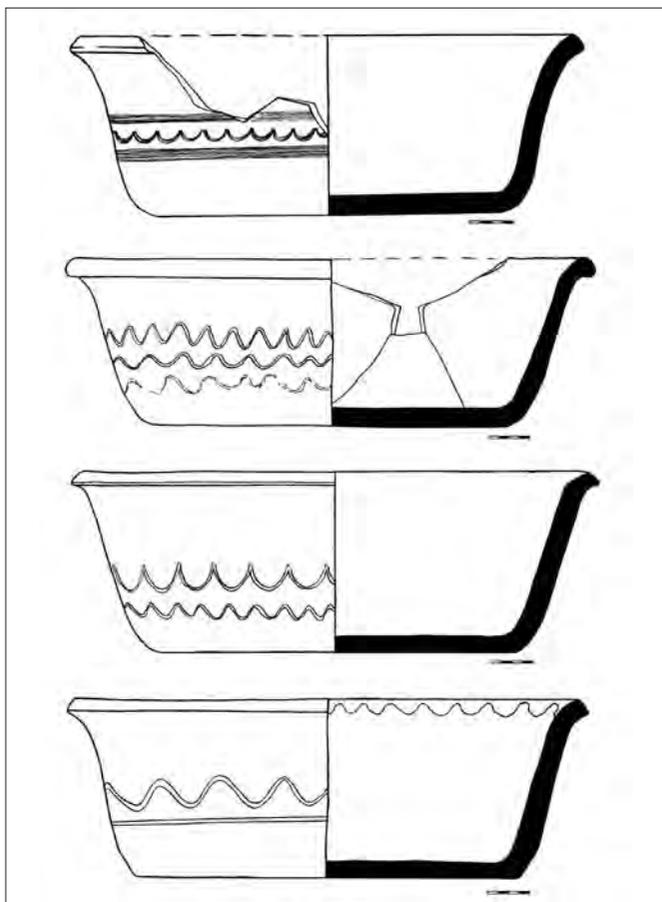

Рис. 86. Неполивная керамика. Тагора

Помещение 1 – жилое, размером 5,4 x 5,75 м. Между южной и западной стеной помещения находился дверной проем. В северо-западной части помещения находится суфа размером 1,2 x 1,2 м с впущенным в нее тандыром. Тандыр плохой сохранности. Диаметр донной части составил 0,62 м, сохранившаяся высота – 0,27 м. В южной стенке тандыра у самого дна имеется поддувало, верхняя часть которого оформлена в виде дуги. Поддувало высотой 7,5 см, шириной 15 см. В северной стенке тандыра – дымоходное отверстие с каналом, проложенным в суфе, длиной 1,08 см. Дым выводился в вертикальный колодец северной пахсово-кирпичной стены, где дополнительно образовывал ещё одно «колено».

Напротив тандыра у южного края суфы располагается площадка ташнау размером 2,2 x 1,9 м, выложенная квадратным жженым кирпичом. В центре площадки ташнау имеется квадратное отверстие – сток для слива воды.

К востоку от ташнау располагается на сырцовой площадке еще один тандыр диаметром 0,4 м и сохранившейся высотой 0,26 м. Толщина стенок 2,4 см.

За стеной помещения с северной стороны у края рва холма располагается комната меньших размеров.

Помещение 2 размером 5,1 x 2,6 м располагается в северной части дома. С южной стороны комнаты в сырцовом полу у стены расположена печь округлой формы, диаметром приблизительно 0,4 м, сохранившаяся глубина 0,3 м, толщина стенок 3-4 см.

Помещение 3 – жилое, располагается в северо-восточной части дома у края рва. В помещении имеется суфа с тандыром. Диаметр тандыра у донной части – 0,7 м, диаметр устья – 0,4 м. Севернее тандыра с западной стороны располагается санитарно-гигиеническая площадка – ташнау размером 0,72 x 1,3 м. Само санитарное устройство сложено из квадратных обожженных кирпичей размером 26 x 26 x 6 см. Часть кирпичей ташнау была вторично использована для сооружения печи и тандыра в более позднее время.

Двор с очагом находился к юго-востоку от помещения 3. Размер двора 6 x 7 м.

Жилой массив III Второй строительный горизонт

Третий жилой массив расположен напротив жилого массива II городища. Их разделяет улица «Г». С восточной стороны строения и помещения массива близко подходят к восточной стене городища, находящейся у самого края рва. На западе располагался небольшой переулочек, отделявший массив застроек от мечети. В третьем жилом массиве было два дома. На момент раскопок остатки домов возвышались над городищем в виде большого бугра.

Дом 1 состоит из трех помещений. Общая площадь дома – 83,5 кв. м.

Помещение 1 жилое, размером 3,9 x 3,5 м, располагалось рядом с улицей «Г», от которой было отделено стеной. Внутри жилого помещения у северо-западного угла находилась суфа с впущенным в нее тандыром. В тандыре два дымоходных отверстия.

Дымоход 1 длиной 1,9 м проложен в виде желоба в сырцовой облицовке суфы по направлению к северо-западной стене помещения. Желоб обложен сырцовыми кирпичами формата 28 x 18 x 6 см. Ширина дымоходного канала 8 см, ширина дымоходного желоба – 24 см.

Дымоход 2 длиной 1,6 м устроен аналогичным образом, направлен к северо-восточной стене. Ширина дымоходного канала 14 см, ширина дымоходного желоба – 28 см.

Посредством дополнительных «колен» оба дымохода подводились к вертикальному колодцу в северной стене для вытяжки дыма на улицу.

К суфе с южной стороны напротив тандыра примыкала площадка ташнау, выложенная жжеными квадратными кирпичами.

При расчистке помещения были найдены фрагменты чугунного толстостенного котла.

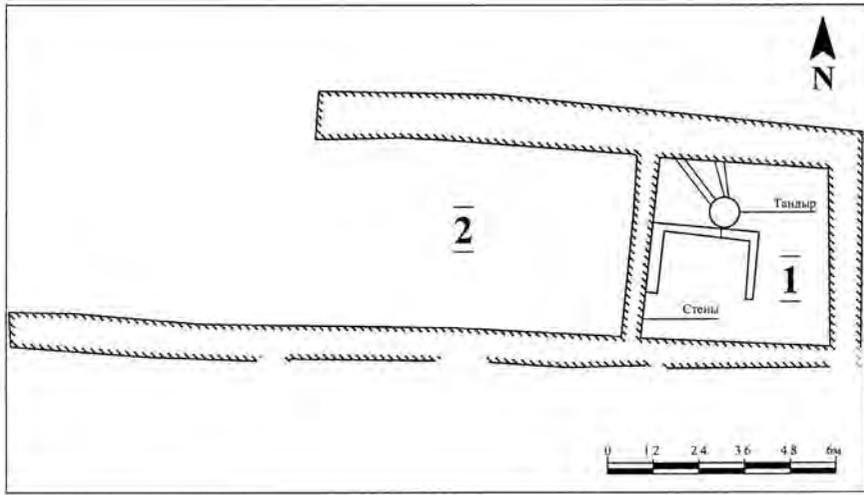

Рис. 87. Квартал III. Строительный горизонт 2. Дом 1

К западу от помещения 1 располагались еще два помещения.

Помещение 2 – квадратное в плане находится в центре дома.

Помещение 3 – самое крайнее, частично повреждено ямами и поздними могилами. В границах этого помещения вдоль стены располагались лежанка-суфа и площадка ташнау, куда выходило поддувало топки тандыра.

Дом 2 состоит из трех помещений. Общая площадь дома составляет 83 кв.м.

Помещение 1 размером 4,4 x 3,56 м. Внутри помещения расчищена квадратная площадка размером 1,35 x 1,25 м, выложенная сырцовыми кирпичами. К западу от помещения 1 располагалось другое помещение меньшего размера.

Помещение 2 размером 3,8 x 1,9 м расположено между помещениями 1 и 3. Пол помещения был выложен сырцовыми квадратными кирпичами. Другие конструкции в помещении отсутствуют.

Помещение 3 – жилое, размером 3,75 x 2,9 м, расположенное между помещениями 2 и 4. В северной части помещения вдоль несущей стены располагалась «Г»-образная суфа размером 2,9 x 0,65 м, сохранившаяся высота 0,25 м. У суфы находилась площадка ташнау, на которой были обнаружены керамические водоносные кувшины.

Помещение 4 - айванное размером 4,5 x 3,75 м. С западной стороны помещения стена отсутствовала.

В описываемом доме был найден набор столярно-слесарных инструментов: железное тесло, фрагмент железной пилы, зубило, железный пробойник и железная кованая лучковая дрель. По всей видимости, в доме занимались изготовлением колесного транспорта и изделий и дерева, используемых в быту.

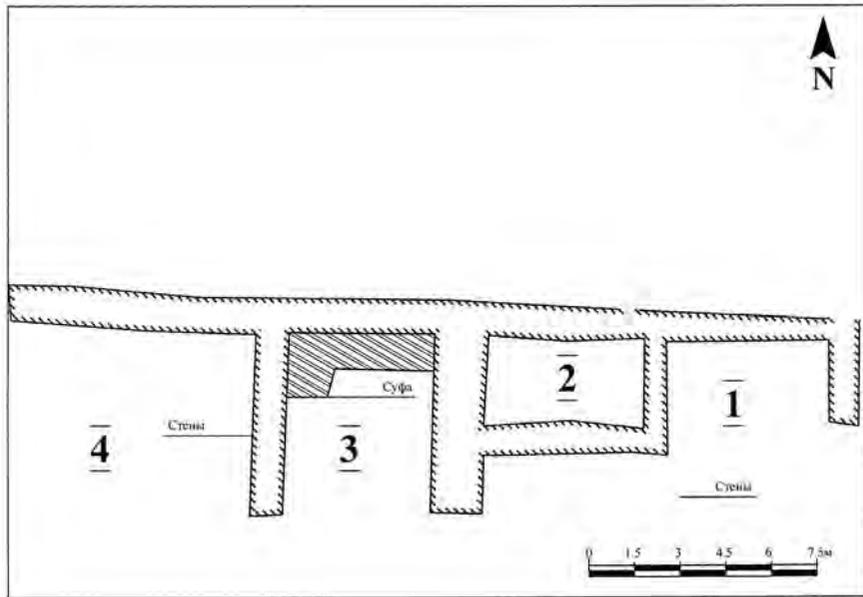

Рис. 88. Квартал III. Строительный горизонт 2. Дом 2

Жилой массив IV Второй строительный горизонт

В четвёртом жилом массиве выявлено шесть домов. Расположен жилой массив в западной части холма между магистральной улицей и южнее улицы «А», делится зигзагообразным переулком. В строительстве здесь использовался жжёный кирпич квадратной формы.

Дом 1 находится в западной стороне массива. Состоит из одного жилого помещения с «Г»-образной суфой и ташнау, помещения айванного типа, коридора, соединяющего айванное помещение с жилым и хозяйственным помещениями. Между домами 1 и 2 располагается переулочек. Стены дома сложены из квадратных кирпичей размерами 25,5 x 25 x 5 см; 25,5 x 25,5 x 5 см и 25 x 25 x 5 см.

Помещение 1 находится в северо-западной части дома. Помещение трапециевидной формы, размером 4,05 x 2-3 м. В северном углу помещения расположен тандыр диаметром 0,82 м, глубиной 0,45 м. С западной стороны с севера на юг находится стена из жженого кирпича, вдоль которой располагаются оба помещения дома.

Помещение 2 размером 5 x 4-4,1 м. Сохранившаяся высота стен 0,2 м, толщина 0,5 м, насчитывает четыре ряда жженого кирпича размерами 25 x 25 x 5 см, 25,5 x 25,5 x 5 см.

Вход в помещение был с восточной стороны через коридор.

У входа в жилое помещение располагалась санитарно-гигиеническая площадка – ташнау размером 1,5 x 1,8 м, вымощенная жженым кирпичом. Кирпичная кладка ташнау была разобрана:

сохранились единичные кирпичи от кладки. Ташна примыкало к суфе, борта которой были обложены сырцовым кирпичом.

Коридор размером 5,5 x 1,1 м восточной стеной примыкает к кирпичной стене, отделяющей дома 1 и 2 от третьего дома.

Стены помещения сложены из жженого кирпича. Высота стены составляет 0,3 м, толщина – 0,52 м.

Дом 2 состоял из жилого и хозяйственного помещений и коридора. Вход в дом был устроен из переулка через коридор, огороженный кирпичной стеной. Вход вел в жилое помещение 1 с «Г»-образной суфой. Через этот же коридор можно было пройти в помещение 2.

Общая площадь дома составляет 80 кв. м.

Дом 3 располагался напротив дома 1, общая площадь дома 80 кв. м. В доме было три помещения и коридор. Одно из помещений было разрушено, от него частично сохранились северная и южная стены, сложенные из квадратного жженого кирпича. Вход в дом

Рис. 89. Неполивная керамика. Кувшин и горшок

располагался с западной стороны из переулка, который вел в коридор. В коридоре прослеживаются два входа. Через них можно было пройти с восточной стороны в жилое помещение 2. Другой вход вел через навес в хозяйственное помещение.

Помещение 1 – хозяйственное, размером 3,65 x 3,20-3,65 м, располагается в южной части дома. С западной стороны от него находится помещение с суфой и тандыром и ташнау. Площадка ташнау вымощена жженым кирпичом. Найдены фрагменты красноглиняных толстостенных хумчи и водоносных сосудов.

Помещение 2 размером 5,05 x 5,6 м. Вход в помещение был с северной стороны из коридора шириной 1,02 м. Между стенами располагался входной проем шириной 0,72 м.

У входа в жилое помещение располагалась санитарно-гигиеническая площадка – ташнау, размером 1,5 x 1,1 м, выложенная квадратным жженым кирпичом. Ташнау примыкало к «Г»-образной суфе, борта которой были обложены кирпичом. В северо-восточной части суфы был вмонтирован тандыр с топкой, которая была выведена на площадку ташнау.

Помещение 3 – коридор размером 8,5 x 2,1 м, расположено в северо-западной части дома, вытянуто по линии юго-запад – северо-восток. С западной стороны помещения располагается квадратная сырцовая площадка, размером 2,5 x 2 м. Между площадкой и стеной имелся проход длиной 3,2 м и шириной 1,05 м, ведущий в помещение 2 и дальше. В северо-восточной стороне коридор поворачивает на юг в сторону помещения 3. В северной части коридора у северной стены

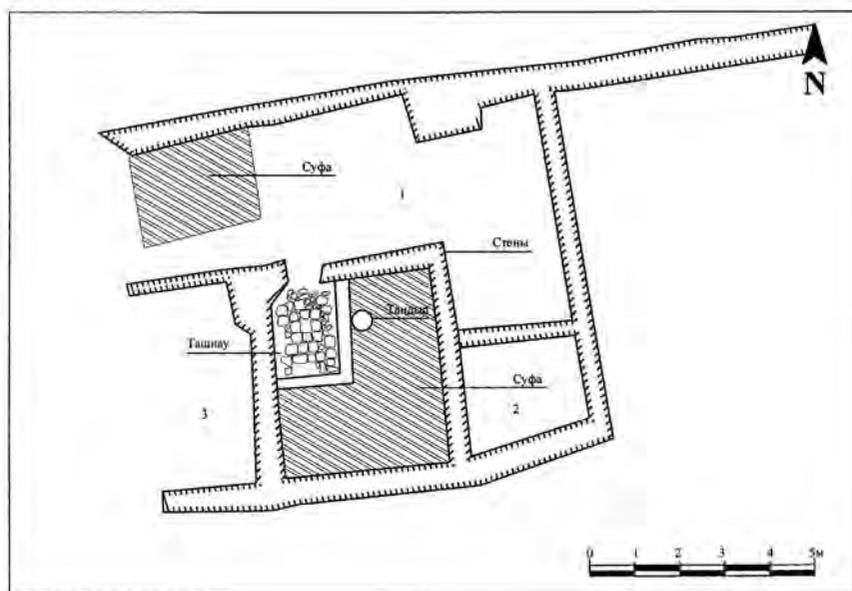

Рис. 90. Квартал IV. Строительный горизонт 2. Дом 3

имеется своеобразный квадратный выступ – тumba размером 1,75 x 1,8 м, сложенная из квадратных жженных кирпичей.

Дом 4 состоял из двух помещений – «Г»-образного айвана, выходящего на магистральную дорогу и улицу «А», жилого помещения и дворика. С улицы «А» вход был в «Г»-образное айванное помещение, огражденное снаружи стеной. Общая площадь дома составляет 60 кв. м.

Помещение айванное «Г»-образной планировки располагается в северной части дома. К западу от жилого помещения располагался навес с четырьмя колоннами, от них остались каменные базы из скального камня. За навесом, разделенным стеной, располагался внутренний дворик, окруженный стеной. С западной стороны айвана вход вел в

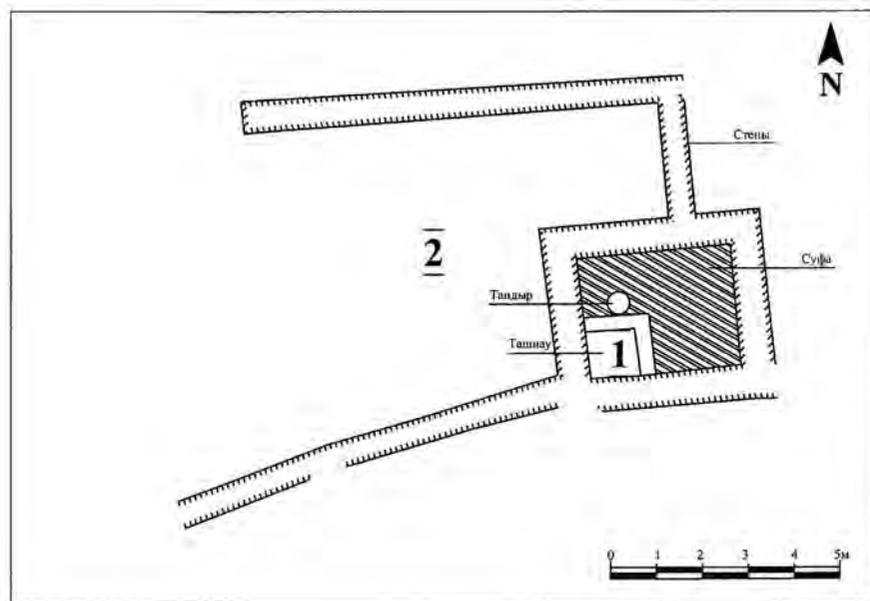

Рис. 91. Квартал IV. Строительный горизонт 2. Дом 4

жилое помещение, где располагалась «Г»-образная площадка – суфа с тандыром и ташнау.

Помещение 1 размером 4,5 x 3,6 м находится в восточной части дома. С запада со стороны айвана имелся вход, ведущий в жилое помещение. В помещении располагалась «Г»-образная площадка – суфа. В суфе с левой стороны от входа в помещение находился тандыр диаметром устья 0,48 м и глубиной 0,56 м. К суфе примыкала санитарно-гигиеническая площадка – ташнау, вымощенная жженым кирпичом. Ташнау было закрыто кирпичом с круглым сквозным отверстием слива в центре.

Дом 5 располагается в юго-западной стороне жилого массива и состоит из трёх помещений. Общая площадь дома составляет примерно 73 кв. м. С восточной стороны располагался зигзагообразный переулок.

Вход в дом был с западной стороны, где заканчивается переулок. Стена и вход в западной части не сохранились.

Помещение 1 – жилое, размером 5,2 x 2,5 м, располагается в восточной части дома. В помещении зафиксирована площадка из плотного серого суглинка – суфа. В западной стене имелся дверной проем в соседнее помещение 2.

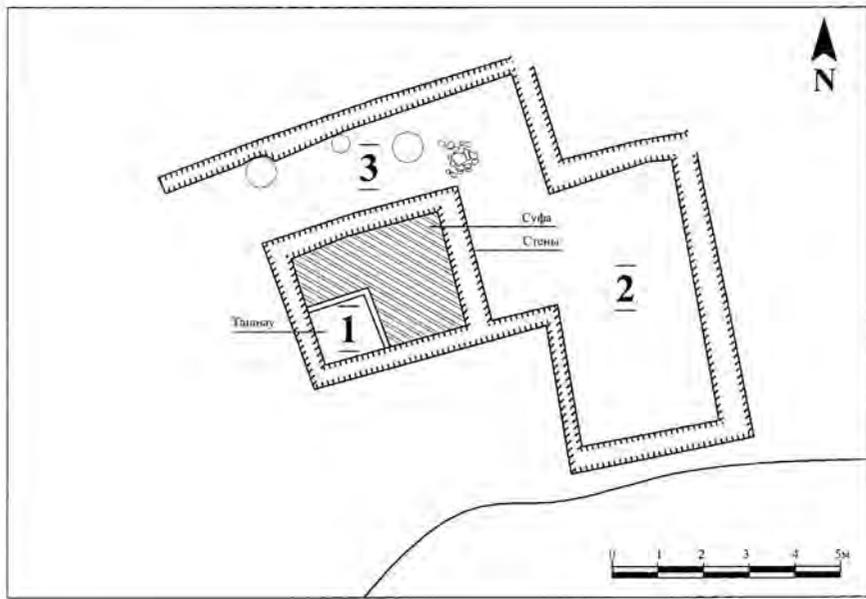

Рис. 92. Квартал IV. Строительный горизонт 2. Дом 5

Помещение 2 размером 4,1x2,5 м находится в северной части дома. В помещении располагалась «Г»-образная суфа, в которую с южной стороны вмазан тандыр с диаметром устья 0,56 м и глубиной 0,42 м.

Рядом к суфе с северо-западной стороны примыкала санитарно-гигиеническая площадка – ташнау. Площадка вымощена жжеными кирпичами размерами 25 x 25 x 5 см и 25,5 x 25,5 x 5 см. Дверной проем в восточной стене вел в спальное помещение.

Помещение 3 размером 5,5 x 3 м расположено в юго-западной части дома.

С восточной стороны помещения находится прямоугольная комната с суфой, тандыром и ташнау.

Дом 6 состоит из жилого, хозяйственного помещений и коридора. Вход вел с магистральной улицы в помещение айванного типа. Южнее айвана располагалась стена, делящая территорию четвертого и пятого массивов. Из переулка через коридор вход вел в жилое помещение, где располагалась «Г»-образная площадка – суфа, в которую был вмонтирован тандыр с дымоходом. К суфе примыкала санитарно-гигиеническая площадка – ташнау, выложенная жженым квадратным кирпичом.

Помещение 1 размером 4,1 x 2,5 м. С запада со стороны помещения 1 имелся вход в жилое помещение. В помещении располагалась «Г»-образная суфа, в которую вмазан тандыр.

Помещение 3 имеет размеры 5,0 x 2,3 м. Помещение граничит с жилым помещением пятого дома.

Жилой массив V

Второй строительный горизонт

Пятый массив на холме городища состоял из трёх домов. Массив располагался между магистральной дорогой и улицами «А» и «Б».

Дом 1 располагался в северо-восточной части массива между магистральной улицей и улицей «А». Сооружения дома сильно разрушены.

Помещение 1 площадью 42 кв. м с суфой и тандыром, рядом с суфой напротив тандыра располагается площадка с ташнау.

Интерес представляет тандыр. По-видимому, по какой-то причине тандыр требовал ремонта, который был решен банальным способом. Внутрь существующего тандыра (внутренний диаметр сохранившейся части: 87 см, толщина стенок 4 см) был вставлен новый тандыр меньшего размера (внутренний диаметр сохранившейся части – 75 см, толщина стенок 4,5 см, высота стенок – 41 см). На внутренней поверхности меньшего тандыра прочерчен чередующийся орнамент в виде чешуи рыбы, волнистые и волнообразные вертикальные линии, треугольники. Орнамент из треугольников разделяет композиции из чешуйчатого и волнообразного орнамента на две половины. Стенки большого тандыра изнутри также были украшены прочерченным орнаментом в виде прямых вертикальных линий и перекрещенных полос с лункообразными вдавлениями. Стенки обоих тандыров повреждены.

С юго-восточной стороны от тандыра расчищен дымоход длиной 1,8 м, проложенный в суфе. Дымоходный канал по бокам и сверху обложен сырцовыми кирпичами, образующими своеобразную камеру. К северу от тандыра устроена санитарно-гигиеническая площадка ташнау, на которую выведено поддувало тандыра размером 18 x 15 см. Верхняя часть поддувала овальная. Площадка ташнау размером 1,95 x 1,5 м сложена из квадратных обожженных кирпичей размером 28 x 36 x 5 см и 24 x 24 x 5 см, а также резными кирпичами, размер которых составляет 25 x 25 x 5 см. Центральная и южная часть ташнау просела. В центре ташнау из резных кирпичей выложен водослив, образующий шестиконечную звезду. Под водосливом в центре обнаружен квадратный кирпич с просверленным по центру отверстием для стока воды. Диаметр отверстия составляет 2,5 см. От отверстия по сторонам света были прочерчены восемь полос, образующих своеобразную звезду.

В заполнении тандыра найдены фрагменты раздавленных красноглиняного и сероглиняного кувшинов, небольшой сосуд цилиндрической формы.

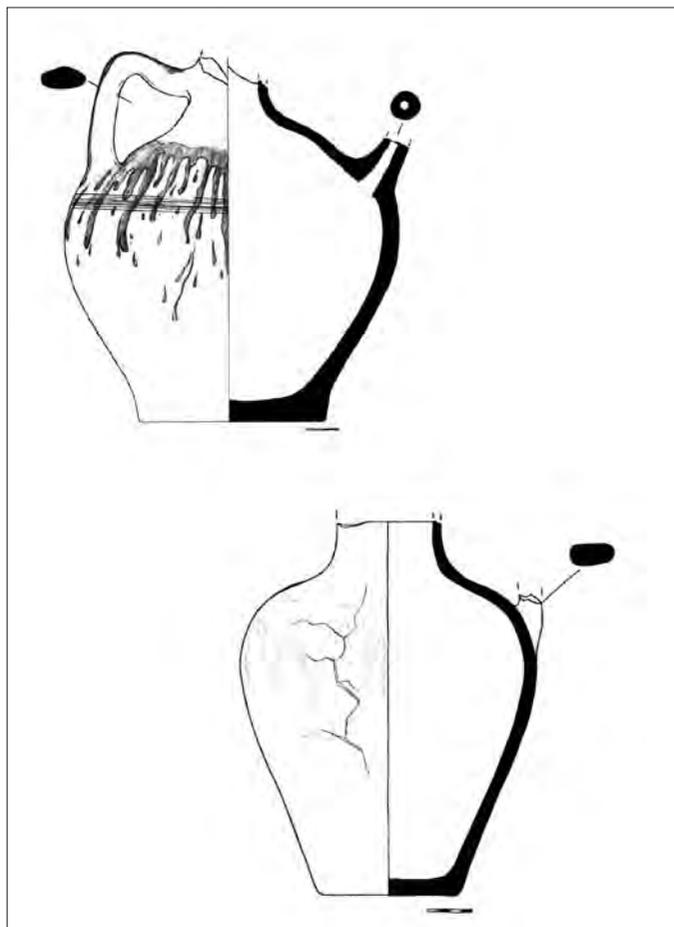

Рис. 93. Неполивная керамика. Кувшины

Рядом с ташнау на сырцовой поверхности был найден небольшой кувшинчик.

Дом 2 состоял из помещения и крытого двора. Вход в дом вел из переулка вдоль стены во двор. Общая площадь дома составляет 62 кв. м.

Двор прямоугольной формы был перекрыт навесом, опорой для которого служили несущие стены. Через двор вход вел в жилое помещение 1. Вход был в стене, сложенной из квадратных жженных кирпичей. Внутри двора с северной стороны на сырцовой площадке располагался тандыр.

Помещение 1 размером 6,5 x 4,3 м. В помещении находилась «Г»-образная суфа с тандыром. В северо-восточном углу помещения находился очаг, вырытый в сырцовой площадке и обложенный сырцовыми кирпичами.

Помещение 2 – хозяйственного назначения, в него вел вход из помещения 1. В помещении 2 находились два тандыра и печь, к которой

примыкала площадка ташнау. Из помещения 2 выход вел в небольшой коридор, где у стены располагался пристенный тандыр. В северо-восточной стороне коридора находился дверной проем, через который можно было попасть в жилое помещение.

Помещение 3 – жилое, граничило с хозяйственным помещением, отделено от него разделительной стеной. В помещении у северной стены располагалась суфа. Размеры не установлены.

Дом 3 является самым большим домом не только на территории пятого массива, но и всей центральной части. Площадь дома 330 кв. м. Состоял он из пяти помещений, коридора и двора.

Двор крытый, размером 20 x 5,2 м. Пол двора был вымощен галькой. В центре двора располагались четыре колонны, от которых сохранились четыре каменных базы. Колонны поддерживали кровлю над двором. В западной части двора на прямоугольной площадке располагался тандыр и примыкавшее к нему ташнау.

Из двора ход вел в коридор, через который можно было пройти в хозяйственные помещения, располагавшиеся с северной стороны вдоль коридора. Отдельный вход со двора был устроен в жилое помещение, примыкавшее южнее к хозяйственным.

В жилом помещении располагалась «Г»-образная суфа с очагом, сооруженным из фрагментов жженных кирпичей. Рядом с очагом располагался тандыр с дымоходом. На юге жилое помещение примыкало к двум хозяйственным помещениям.

В помещениях 1 и 4 при расчистке были обнаружены сосуды для хранения жидкости и муки. По всей видимости, дом специализировался

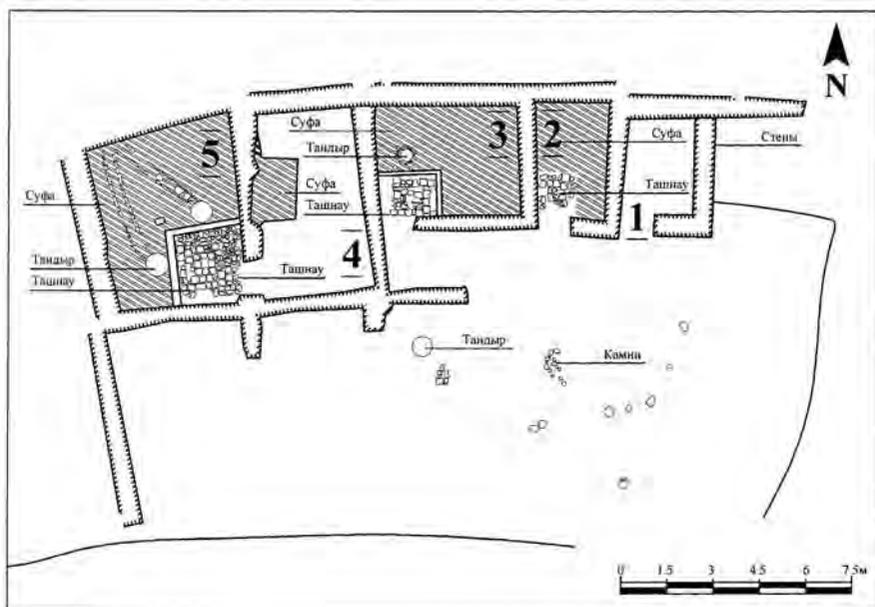

Рис. 94. Квартал V. Строительный горизонт 2. Дом 3

на помоле зерна и выпечке хлеба. Наличие четырех тандыров также указывает на специализацию дома.

Коридор размером 11 x 2,05 м располагался в южной части дома. С северной стороны коридора располагались хозяйственные и жилые помещения. Отдельный вход со двора вел и в жилое помещение.

Помещение 1 - хозяйственное размером 2,8 x 2,1 м. В него можно попасть из двора через дверной проем, находящийся в южной части. Из хозяйственного помещения 1 через коридор можно было войти в помещение 2. В помещении при расчистке были обнаружены фрагменты крупных сосудов – хумов для хранения жидкости, зерна и муки.

Помещение 2 имело размеры 2,1 x 3,3 м. В нем располагалась санитарно-гигиеническая площадка ташнау, размером 1,1 x 1,2 м, выложенная жжеными кирпичами.

К югу от помещения 2 располагаются два помещения, разделенные кирпичной стеной.

Помещение 3 размером 2,8 x 6,5 м, в нем расчищена площадка ташнау – санитарно-гигиеническое устройство размером 1,1 x 1,2 м, вымощенное жжеными кирпичами. Ташнау примыкает к «Г»-образной суфе, края которой обложены кирпичом. В суфу впущен тандыр. На суфе найден раздавленный хум.

Помещение 4 имело размер 5,6 x 2,7 м. С западной стороны в стене имелся дверной проем (1,1 x 0,56 м), ведущий в помещение 5. На севере за стеной располагалось помещение четвертого дома. С южной стороны располагалось несохранившееся помещение, через которое со стороны двора можно было попасть в жилые помещения.

В помещении с западной стороны у стены располагалась суфа размером 1,12 x 2,06 м, сохранившаяся высота – 0,25 м.

В помещении возле суфы найдены фрагменты кувшинов с ручками и керамические тазы – тагора.

Помещение 5 размером 5,1 x 4,3 м. В нем у восточной стены располагалась «Г»-образная суфа с двумя вмазанными тандырами с дымоходными отверстиями. Между тандырами в суфу была смонтирована база колонны из квадратного камня.

Рядом с суфой напротив тандыров находилось ташнау, площадка которого размером 2 x 1,80 м выложена жжеными кирпичами.

Возле ташнау находился входной проем, перед которым располагались две ступеньки лестницы.

Жилой массив VI

Второй строительный горизонт

Жилой массив VI располагался в южной части холма городища и был отделен от массива V улицей «Б». В результате раскопок был выделен один дом. Остальные дома массива сильно разрушены, читаются по остаткам тандыров и ташнау, размеры их не установлены.

Дом 1 находится в восточной части массива на углу между магистральной дорогой и улицей «Б». Вход в дом находился со стороны улицы «Б» и вел в коридор. Из коридора попадали в жилое помещение.

В жилом помещении имелась суфа с тандыром и ташнау.

Площадка ташнау размером 0,9 х 1,5 м вымощена жжеными кирпичами, размеры которых 27 х 27 х 4 см и 25 х 15 х 4 см.

На расстоянии 0,9 м от юго-восточного угла площадки на глубине 0,2 м от уровня пола обнаружен подпяточный камень размером 40 х 30 см.

Жилой массив VII

Второй строительный горизонт

Седьмой массив располагается восточнее и южнее постройки, возможно, квартальной мечети. Она находится в середине центральной части городища. Мечеть размером 17,4 х 8 м. Стены мечети сложены из сырцового кирпича формата 40 х 29 х 7 см.

В мечети выделяются намазхана – молебельный зал и двор, мощеный галькой.

В массиве VII выделены два дома.

Дом 1 располагается в трех метрах к востоку от мечети. Состоял из четырех помещений. Вход в дом осуществлялся со стороны переулка. Через крытый коридор, отгороженный пахсовой стеной от переулка, вход вел в хозяйственные помещения 1 и 2. При расчистке в них найдены водоносные сосуды и фрагменты тагоры, а также разрушенные зерновые ямы.

Из коридора, минуя хозяйственные помещения, вход вел в жилое помещение 1.

Помещение 1 располагалось в юго-восточной части дома. В нем была суфа с тандыром и ташнау. Из него через дверной проем в северной части стены попадали в небольшое коридорное пространство, оттуда вход вел в хозяйственное помещение 2, где располагался заком.

Помещение 2 находилось рядом с помещением 1, от него сохранились лишь плохо читаемые стены. Внутри стен располагалась сырцовая площадка. Других строений и строительных элементов не обнаружено.

Помещение 3 размером 4 х 5,2 м, по-видимому, было жилым, находилось восточнее мечети. В помещении расчищены остатки суфы с тандыром, а ниже уровня глиняного пола – площадка ташнау, выложенная жженым квадратным кирпичом.

Тандыр округлой формы, диаметр сохранившейся части тулова 79 см, высота стенок – 25 см, толщина стенок 3-4 см. Ниже дна тандыра обнаружены остатки второго тандыра, относящегося к третьему строительному горизонту. Его размеры: сохранившаяся высота стенок – 15 см, диаметр тулова на этой высоте – 75 см.

Диаметр тандыра 75 см, глубина – 15 см.

Ташнау располагалось в южной части помещения, рядом с суфой. Площадка ташнау размером 2 х 2 м вымощена квадратным жженым кирпичом. В центре ташнау – водослив.

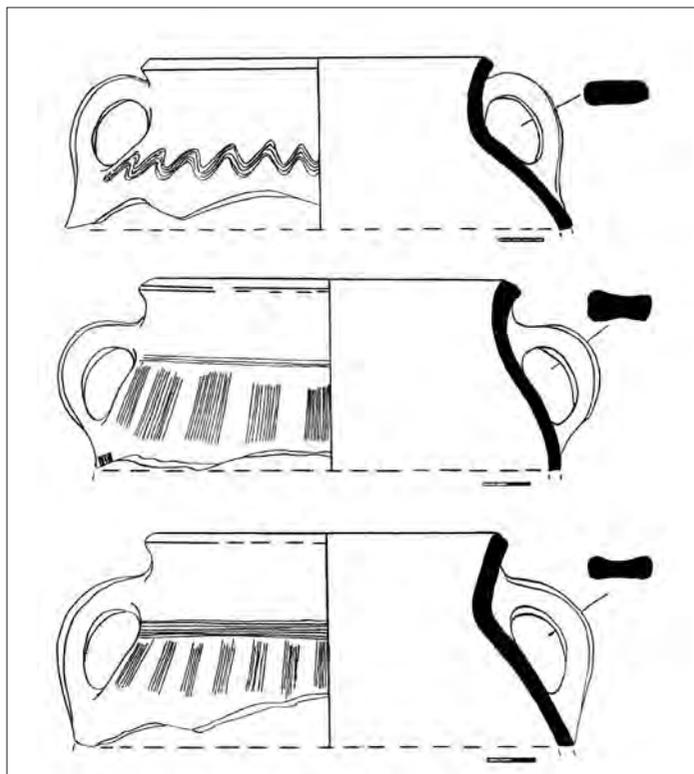

Рис. 95. Горшкообразные сосуды с ручками

Дом 2 находился южнее мечети, на углу магистральной улицы и улицы «В». В нем насчитывалось два помещения и крытый двор. Дом от магистральной улицы отделяла широкая пахсовая стена. За ней располагался небольшой крытый дворик. Из двора через дверной проем в восточной части был вход в хозяйственное помещение 1.

Помещение 1 – жилое, располагалось в юго-восточной части дома. В нем находилась суфа с тандыром. Изнутри стенки тандыра украшены орнаментом, прочерченным по сырой глине. Это элементы чешуйчатого орнамента и растительный – в виде цветов и переплетающихся ветвей.

От тандыра к восточной стене отходил дымоходный канал длиной 1,78 м, проложенный в суфе. Напротив дымохода перед топкой тандыра устроена площадка ташнау размером 2 x 0,8 м из квадратных и прямоугольных жженных кирпичей размером 32 x 18 x 5 см и 25 x 25 x 5 см. В центре ташнау водослив сложен из резных кирпичей, образующих восьмиконечную звезду. Размер сливного отверстия – 17 x 17 см.

В помещении были найдены две дугообразные железные заклепки от запора двери и фрагменты водоносных кувшинов и тагоры.

Через дверной проем в северной стене выходили в коридор, откуда вход вел в кладовое помещение 2.

Помещение 2 – кладовая, оно располагалось рядом с хозяйственным помещением 1. В кладовой находились заком и яма для хранения зерна. Широкая снизу яма плавно сужается кверху. Стенки ямы были заглажены и видны следы глиняной обмазки. Диаметр нижней части ямы – 1,83 м, устья – 0,82 м, глубина – 1,3 м.

Жилой массив VIII

Второй строительный горизонт

Восьмой жилой массив располагается к востоку от домов седьмого массива. На территории восьмого массива раскопаны помещения трех домов, а также строительные конструкции, расположенные к востоку от мечети и вдоль рва восточной и юго-восточной стороны холма.

Дом 1 находится к востоку от мечети, он отделен от жилого массива VII переулком, отходящим от улицы «Г».

Дом состоит из трех помещений – двух жилых, хозяйственного и двора. Общая площадь дома – более 160 кв. м.

Помещение 1 – жилое размером 5,2 x 6,2 м. В помещении имелась суфа размером 2,7 x 1,7 м, сохранившаяся высота 25 см. В суфу вмазан тандыр с дымоходом. Диаметр тандыра 65 см, высота стенок – 50 см. У самого дна тандыра прослеживается топочное отверстие сверху дугообразной формы размером высотой 15 x 7,5 см. Топка выведена на площадку ташнау с восточной стороны.

К северу от этого тандыра находится еще один: округлой формы, помещен в суфу. Внутренний диаметр тандыра составляет 47 см, сохранившаяся высота стенок – 40 см. От тандыра в северо-восточном направлении отходил дымоход длиной 1,18 м. Он примыкал к стене

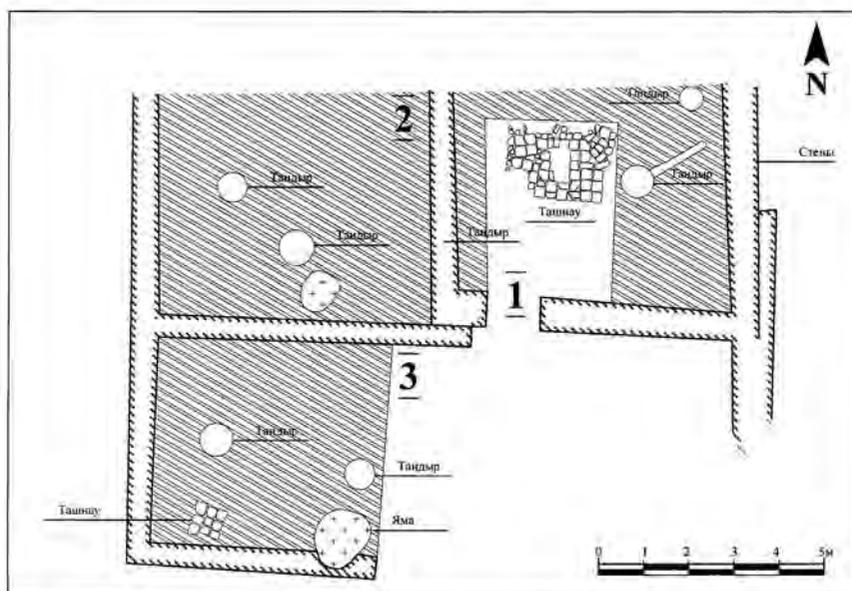

Рис. 96. Квартал VIII. Строительный горизонт 2. Дом 1

посредством дополнительного колена для вытяжки дыма. Топка тандыра также выведена на площадку ташнау размером 1,8 x 2,3 м, сложенную из квадратных жженных кирпичей размером 26 x 26 x 4 см. Центральная часть ташнау просела. В центре ташнау располагается водослив, закрытый кирпичом со сквозным круглым отверстием диаметром 3 см в центре.

На кирпичном полу ташнау был найден раздавленный красноглиняный кувшин, стоявший в западной части площадки.

Помещение 2 размером 7,1 x 6,2 м, на суфе в центре помещения расположены два тандыра. Суфа «П»-образной формы размером 3,2 x 2,8 м и высотой 45 см, располагается у западной стены помещения. Один тандыр с дымоходом длиной 1,18 м. Диаметр тандыра 0,7 м, высота стенок – 40 см. В юго-западной стенке тандыра прослеживается топочное отверстие сверху дугообразной формы размером 8,5 x 14 см. В стенке тандыра напротив топки располагается дымоходное отверстие.

Рядом с тандыром находится квадратная санитарно-гигиеническая площадка – ташнау размером 1,4 x 1,3 м, сложенная из обожженных кирпичей размером 25 x 25 x 5 см.

Второй тандыр также впушен в суфу. Внутренний диаметр тандыра – 62 см, сохранившаяся высота стенок от дна – 40 см.

Помещение 3 – жилое, в восточной части помещения находилась суфа «П»-образной формы. В нее были впушены два тандыра. К западу от суфы находилась площадка ташнау.

Дом 2 восточнее дома 1. Помещения дома сильно разрушены и читаются по сохранившимся конструкциям.

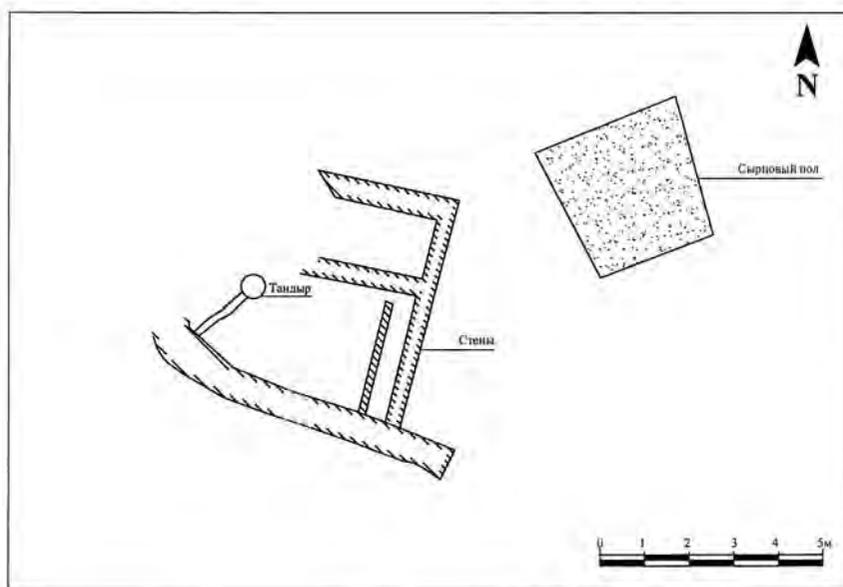

Рис. 97. Квартал VIII. Строительный горизонт 2. Дом 2

В жилом помещении располагалась суфа. В нее был вмазан тандыр с дымоходом. Ниже уровня суфы находилась квадратная в плане площадка ташнау, сложенная из жженных кирпичей. Других конструкций обнаружить не удалось, они были разрушены поздними перекопами, мусорными ямами и современными могилами.

К востоку от тандыра зафиксированы остатки пола от несохранившегося помещения.

Дом 3 расположен южнее дома 1. Дом состоял из жилого, хозяйственного помещений и двора. Примерная площадь дома около 150 кв. м.

Помещение 1 – жилое. В нем сохранилась суфа, в которую был вмазан тандыр с дымоходным отверстием.

Устье тандыра разрушено, диаметр сохранившейся части тулова 0,7 м, стенки сохранились на высоту 0,55 м. Длина дымохода, направленного к южной стене, – 0,85 м, ширина дымоходного канала 0,1 м.

К северу от тандыра располагается ташнау размером 0,8 x 0,8 м. Площадка ташнау сложена из квадратного жженого кирпича размером 25 x 25 x 5 см.

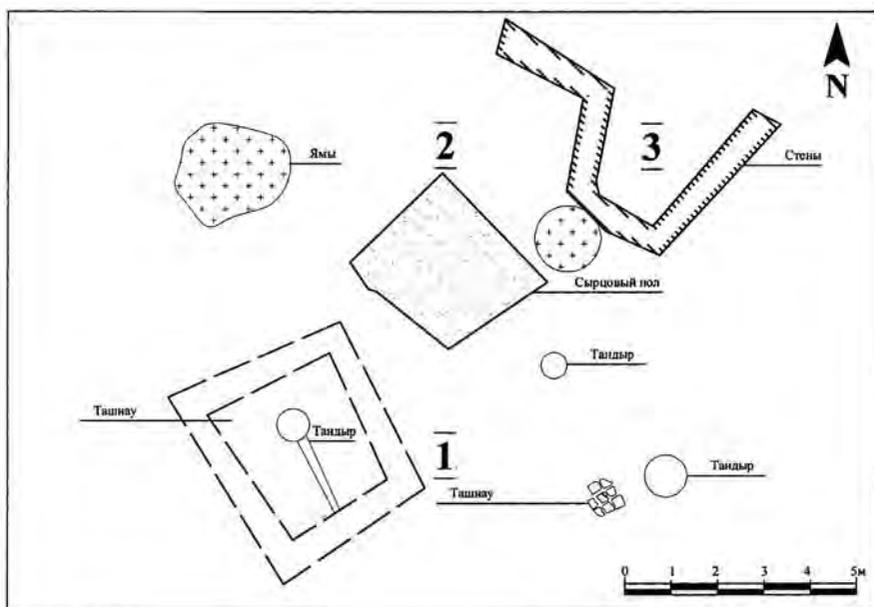

Рис. 98. Квартал VIII. Строительный горизонт 2. Дом 3

Стены помещения и другие конструкции разрушены поздними перекопами и мусорными ямами.

Помещение 2. Северная часть помещения была занята суфой с вмазанным в нее тандыром.

Стены помещения и другие конструкции не сохранились.

Жилой массив IX Второй строительный горизонт

Девятый жилой массив расположен в южной части раскопа. Большая часть конструкций домов разрушена и читается по сохранившимся ташнау и тандырам, а также по частично сохранившимся стенам. Наиболее хорошо сохранились два дома.

Дом 1 состоит жилого и хозяйственного помещений и дворика. Располагался дом вдоль магистральной дороги в юго-восточной части раскопа. В планировке дом в виде неправильного четырехугольника. Вход в него был со стороны двора, располагавшегося недалеко от магистральной улицы и отделенного паховой стеной. Из двора прослеживались два входа: один вел в жилое помещение с тандыром, другой вход – в хозяйственное помещение.

Помещение 1 располагалось в восточной части дома. Представляет собой остатком помещения размером 3,8 x 3,6 м.

Суфа «П»-образной формы сохранилась в длину 1,2 м и высоту 0,2-04 м.

Тандыр вмазан в суфу, диаметр сохранившейся части тулова – 0,7 м, высота – 0,1 м. В стенке суфы напротив тандыра сохранилось устье топки арочной формы размером 20 x 22 см.

Ташнау квадратной формы, пол его выложен квадратными жжеными кирпичами размером 25 x 25 x 5 см.

Помещение 2 размером 4 x 5,8 м. Помещение сохранилось на уровне площадки, на которой располагался тандыр с дымоходом. На полу выделяется площадка размером 0,9 x 1,1 м под ташнау, с углублением для стока воды. Площадка выложена жженым прямоугольным и квадратным кирпичом размером 32 x 18 x 4 см и 26 x 26 x 4 см.

При раскопках дома были найдены фрагменты водоносных кувшинов, хумов и хумчи, тагора. Найдены куски разбитого каменного жернова для помола зерна.

Дом 2 располагался вдоль магистральной улицы в юго-восточной части раскопа, площадь дома 140 кв. м. Дом состоит из жилого и хозяйственного помещений, коридора и дворика. Вход в дом был со стороны магистральной улицы во двор, который отделялся от магистральной дороги паховой стеной. Во дворе находилась каменная база колонны из плоского камня. Из двора прослеживался вход в коридор. Из него вход вел в жилое помещение, в котором на суфе располагался тандыр. Другой вход был в хозяйственное помещение.

С восточной стороны дома находится помещение 1 с ташнау и суфой, в которую вмазан тандыр. Юго-западнее помещения 1 расположено жилое помещение 2. С южной стороны помещения 2 находилось помещение 3, между ними находилась общая стена направлением север-юг.

Помещение 1 – жилое размером 3,1 x 4,8 м располагается в восточной части дома. Южную часть помещения занимала суфа «П»-образной формы размером 3,2 x 2,8 м, высотой 45 см. В суфу был вмазан

тандыр с диаметром тулова 0,7 м, сохранившаяся высота стенок от дна тандыра составила 0,34 м. К северу от суфы располагается ташнау, его площадка размером 1,3 x 1,3 м покрыта жжеными кирпичами. Здесь был найден раздавленный кувшин.

Помещение 2 располагается в центре дома, его размеры 4,8 x 3,28 м.

Помещение 3 размером 4,8 x 3,1 м располагается в юго-западной стороне дома.

Третий строительный горизонт

Исходя из среднего размера выделенных домов на этой территории, можно предположить, что на данном участке находилось четыре дома, состоящие каждый из двора, хозяйственных и жилых помещений.

Дом 1 состоит из двух жилых помещений, хозяйственного помещения, коридора и двора. Дом располагался в центральной части городища.

Двор дома углом выходил на улицу «А». Во дворе раскопана каменная база колонны, свидетельствующая о том, что двор был закрыт навесом, опиравшимся на колонну. Из двора вход вел в жилое помещение. Стены жилого помещения сложены из сырцовых кирпичей 40 x 20 x 5 см. В помещении располагалась «Г»-образная суфа, в которую вмазан тандыр с дымоходом. Дымоход выходил в северо-западную стену в дымоходный колодец. К суфе с южной стороны примыкала санитарно-гигиеническая площадка – ташнау из жженных кирпичей. Из жилого помещения вход вел через дверной проем в юго-восточном углу помещения в кладовую.

Помещение 2 – хозяйственное, в нем вскрыты и расчищены восемь ям для хранения зерна. Самая большая яма имеет куполообразную форму. Возле ям лежал крупный плоский камень. Им, по-видимому, закрывали самую большую яму.

Дом 2 располагался на западной окраине шахристана. Дом состоит из жилого и хозяйственного помещений, коридора и двора. Двор располагался в восточной части дома. Во дворе выявлено 6 плоских камней – базы колонн. Из двора вход вел в помещение, через коридор в жилое помещение, где находилась суфа с вмазанным в нее тандыром. У основания суфы к тандыру примыкала площадка ташнау, выложенная сырцовыми кирпичами.

Стратиграфия

Первый (верхний) строительный горизонт. Городище после запустения начинает хаотично застраиваться. Прослеживается, что были застроены северная, северо-восточная и центральная часть городища. Магистральная дорога играла роль основной артерии в системе застройки. Сохранность построек плохая, они разрушены при освоении земли под пашню. Керамика верхнего горизонта датируется XVIII – первой половиной XIX в.

Второй строительный горизонт прослеживается по всей площади городища.

Магистральная дорога продолжает функционирование. К ней примыкали переулки. В центре городища у магистральной дороги было построено здание, интерпретируемое как мечеть.

Отмечена плотная поквартальная застройка. Жилища строились по традиционному плану. Основу каждого дома составляло жилое помещение. Внутри него задверью находилась прямоугольная площадка, вымощенная обожженным кирпичом со сливным устройством – ташнау. Большую часть комнаты вдоль стены занимала глинобитная суфа, борта ее были облицованы жженым или сырцовым кирпичом. Стены помещений обмазывались штукатуркой. В суфу недалеко от входа вмазывался тандыр – печь универсального назначения, которой при помощи системы дымоходов отапливали помещение в холодное время года. Дымоходы прокладывались в суфе и выводились к стене или к стыку стен к вертикальным колодцам для выхода дыма наружу. В помещениях располагались санитарно-гигиенические устройства – ташнау для слива используемой воды через большие сосуды без дна, впущенные в культурный слой. Размеры кирпича, использованного при вымостке ташнау: 20 x 20 x 5 см, 25 x 25 x 5 см, 25,5 x 25 x 6 см, 26 x 26 x 5 см.

При расчистке хозяйственных помещений были выявлены зерновые ямы, свидетельствующие о том, что жители занимались сельским хозяйством. Размеры зерновых ям разные: диаметр устья ям варьирует от 0,5 до 0,82 м, дна – от 1,4 до 1,65 м. Глубина ям – 1,2-1,9 м.

Керамика, собранная при раскопках домов и помещений во втором строительном горизонте, представлена двумя группами – поливной и неполивной.

Для поливной керамики характерно распространение таких форм, как чаши типа пиала и кесе, тарелки, блюда, тагора, кувшины, горшки и горшкообразные сосуды, светильники. Полива прозрачная, положена на белый ангоб или окрашена в голубой цвет. Элемент росписи – спирали, линии, знаки «басма», растительные и геометрические мотивы, нанесенные фиолетовой и синей красками.

Есть экземпляры с пышным орнаментом, характерным для керамики XIX в. (Байпаков, Сейткалиев, Воякин, 2011, с. 94-98, фото 9). Она близко напоминает керамику Средней Азии XIX в., хорошо известную по материалам Ферганы и Ташкента (Дервиз, Жадова, Жданко, Митляевский, 1974), традиции которых сохраняются у современных мастеров.

В целом же комплексы поливной керамики близки керамическим изделиям городищ Сайрама, Отрара, Туркестана, Сузака XVI-XVII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, рис. 78-82; Туякбаев, 2009, рис. 13, 19; Жолдасбаев, 2012, рис. 2-6).

Неполивная керамика делится на тарную, кухонную, столовую, для транспортировки, бытовую. Это – хумы и хумчи, котлы и горшки,

кувшины и кувшинчики, чаши. Они также аналогичны неполивной посуде из Сайрама, Отрара, Туркестана, Сузака XVI-XVII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, рис. 38-56; Жолдасбаев, 2012, рис. 7-19).

Раскопки на городище Караспантобе

Городище Караспантобе расположено в бассейне среднего течения р. Арысь на северо-западной окраине с. Караспан Ордабасинского района Южно-Казахстанской области.

Памятник двухчастный в плане, состоит из укрепления в виде четырехугольника, вытянутого в северо-западном направлении. Размер основания 90 x 120 м, верхней площадки – 50 x 65 м, высота – 22-24 м. Удлинения по микрорельефу связаны с входами. Съемка сверху с дельтаплана показала, что на верхней площадке в юго-западной части могло располагаться возвышение типа вала, окружавшего часть укрепления, и даже следы башен.

Вокруг пониженная площадь, на которой кольцом поднимаются холмы обжитых кварталов различной ширины. Они окружают ядро со всех сторон, кроме небольшого разрыва в юго-восточной части. На поверхности их встречаются одновременные материалы вплоть до XVII-XVIII вв. Наиболее интенсивно поздние слои сосредоточены в северо-восточной и северо-западной части памятника и связаны с северо-западным подъемом на городище.

Наиболее активно освоены были территории к западу от укрепления, где ширина их достигает 60 м, в других местах она сужается до 20 м. Эти широкие площади, вероятно, являются наиболее древними и связаны с основными входами – подъемами в центральное ядро. Самая возвышенная часть зафиксирована с юга и юго-запада.

Раскоп №1 был заложен в юго-западной части тобе, ориентирован по сторонам света и имеет размеры 25 x 25 м. На глубине 0,3-0,4 м стали выявляться контуры помещений, которые были расчищены до полов на глубину 0,5-0,7 м. При строительстве их использовался сырцовый кирпич и широко применялся камень. Жилища выстроены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 32 x 25 x 10-15 см и 23-25 x 20 x 8-10 см. Применялся жженный кирпич вторичного использования размером 25 x 25 x 4-5 см. В центре группы вскрытых построек располагался двор, при расчистке которого были найдены ямы.

Кварталы группируются из двух-, трех- и четырехкомнатных домов. В результате работы на цитадели городища Караспантобе выявлено два строительных периода обживания центральной части городища. На основании керамического комплекса верхний слой Караспантобе датируется концом XVII – началом XVIII в.

Дома в основном состоят из двух или трех помещений. В каждом доме имеется жилое помещение с тандыром, который вмазан в суфу. Обычно суфа занимает $\frac{3}{4}$ всего помещения. Тандыр имеет топку и дымоход, выведенный в стену или угол стен. Перед тандыром располагалась ташнау – санитарно-гигиеническое устройство для сточной воды. Площадка вымощена жженным кирпичом.

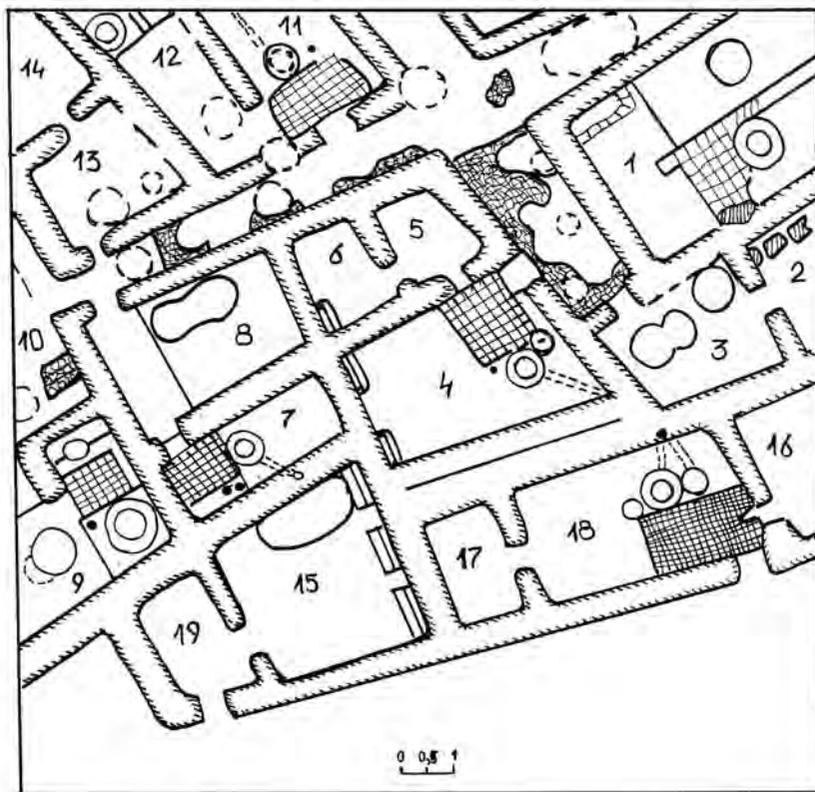

Рис. 99. Городище Караспан. Раскоп 1. Строительный горизонт 1

В помещении №4 верхнего (первого) строительного горизонта на углу площадки с ташнау найдена ладьевидной формы зернотерка, вторично использованная при вымостке площадки. Другие помещения служили кладовыми, в которых хранили продукты питания.

Преобладает поливная керамика с одноцветной марганцевой краской, или же двухцветная – марганцевая и голубая. Основными элементами оформления чаш, тарелок, блюд являются спиралевидный орнамент и знак в виде солнца – басма.

Много фрагментов хумов и хумчей, изготовленных вручную ленточным способом. Аналогичные хумы встречаются на территории Отрара в материалах городищ XVII-XVIII вв.

Во втором строительном горизонте намечаются некоторые изменения в интерьере жилищ. Следует отметить появление некоторых новых элементов в строительной технике, в частности, во внутреннем оформлении помещений. К примеру, тандыр переносится из дальнего угла ближе ко входу. Санитарно-гигиеническое устройство – ташнау как бы соединяет второе помещение и айван, либо жилое помещение и кладовую. Суфа занимает большую часть жилого центрального помещения и возвышается над уровнем пола на 0,3-0,4 м. Суфа

застилалась циновками, сплетенными из камыша, либо кошмой или ковриком. Отпечатки циновок, а также следы обгорелых фрагментов кошмы обнаружены при зачистке помещения. В суфе располагался тандыр, устье которого выходило на край суфы. Дымоходный канал начинается с круглого отверстия в стенке тандыра и продолжается в суфе по короткому отрезку до стены или угла помещения. Дымоходный канал соединяется с вертикальным колодцем в стене дома. Тандыр не меняет свою форму, имеет стандартный размер 0,3-0,45 м при высоте 0,5 м.

На углу суфы устанавливалась прямоугольная тумба для жаровых углей или же делалось углубление в суфе. В общем интерьере помещения тандыр и площадка с ташнау формируют хозяйственную зону. На бортах суфы рядом с тандыром стоит глиняная посуда. Здесь же на краю суфы или же в углу с ташнау лежат целые жернова или их фрагменты. По углам жилого помещения устанавливались секционные закрома, закапывались сосуда типа хума, хумчи или кувшины.

В помещении 9 имеется щелевидный погреб. В стенах помещений имеются ниши, предназначенные для хранения домашней утвари.

В общей планировке городских домов Караспантобе присутствуют маленькие дворы с навесом, под которыми располагалась суфа с

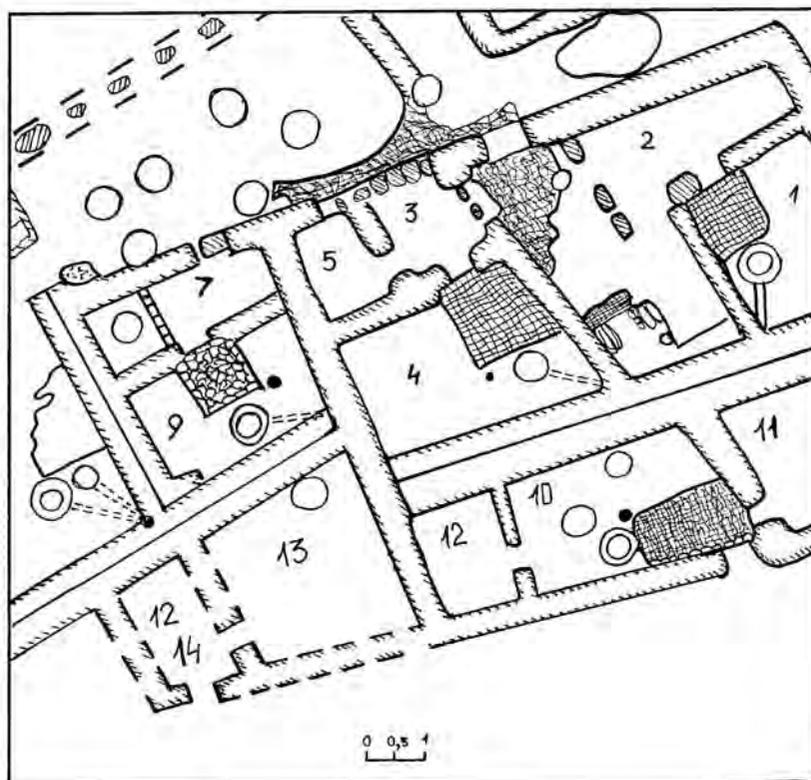

Рис. 100. Городище Караспан. Раскоп 2. Строительный горизонт 2

одним или двумя овальными (грушевидными) земляными очагами, здесь же устраивались закрома для хранения продуктов (двор 1, 1-й строительный горизонт). Данная планировка традиционна и для домов позднесредневековых городов Южного Казахстана.

В поливной керамике преобладают чаши, тарелки, тагора. Тагора – обязательная принадлежность каждого дома, его жилой комнаты. Тагора обычно стояла рядом с тандыром. У них прямые стенки, которые у венчика переходят в плавно отогнутый небольшой бортик или закраину. Внешняя поверхность не имеет орнамента, внутренняя же покрывалась прозрачной глазурью и росписью темно-коричневой, синей и голубой красками. Преобладают растительные и геометрические элементы в орнаментике. В одном случае тагора украшена изображениями рыб.

Встречены обломки фигурок баранов, покрытые голубой поливой.

Неполивная керамика представлена хумами, тагора, горшковидными сосудами, кувшинами. Встречены неполивные и поливные светильники (Шербаев, Дудаков, 2005, с. 168-170; Байпаков, Шербаев, 2006, с. 308-311).

Керамика из верхнего и нижнего слоя раскопа 1 находит ближайшие аналогии в керамическом комплексе Отрара (Акишев, Байпаков, 1981, рис. 37-82).

Раскопки и изучение городов и поселений на северных склонах Каратау

Группа городов и поселений на северных склонах Каратау представлена городом Сузаком, городами, поселениями и крепостями Чулак-Курган, Каракурун, Йилан-Караул, Аксумбе. Как выше отмечалось, в рамках работ ЮККАЭ именно здесь в 1971-1972 гг. были сосредоточены работы палеоэтнографического отряда экспедиции. Уже тогда была очевидна перспективность палеоэтнографических (сейчас по современной терминологии – этноархеологических) исследований.

Отряд возглавлял С.Ж. Жолдасбаев. В начале 70-х гг. был изучен бассейн среднего течения Сырдарьи, южные и северные склоны хребта Каратау. Разведочные маршруты пролегли через Бетпакдалу вплоть до Улытауских гор. В итоге были обнаружены и обследованы остатки более сотни зимовок и городищ.

Среди открытых и изученных С.Ж. Жолдасбаевым памятников в качестве стационарных объектов были выбраны два позднесредневековых городища – Культобе и Ран.

Археологические данные, полученные С.Ж. Жолдасбаевым, показали своеобразие оседло-земледельческих, городских и кочевых традиций, их взаимодействие.

В 1975 г. С.Ж. Жолдасбаев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура казахов в XV-XVIII вв.» (Жолдасбаев, 1975).

Материалы раскопок были опубликованы в 2012 г. (Жолдасбаев, 2012).

Позднее С.Ж. Жолдасбаев продолжил свою работу по изучению казахских поселений и зимовок в Жетысу и убедительно доказал наличие оседлости, земледелия у казахов и в этом регионе. На эту тему им была написана и защищена докторская диссертация и выпущена монография (Жолдасбайулы, 1996).

Раскопки городища Культобе

Городище Культобе расположено на северных склонах Каратау на территории Сузакского района Южно-Казахстанской области. Оно находится в 30 км западнее Сузака. Оно отождествляется с поселением Каракурун (Байпаков, 1977а, с. 207).

Городище стоит на месте выхода из ущелья Каракыр. Местные жители называют его Культобе – зольный бугор.

Цитадель городища в плане имеет вид четырехугольника, окруженного стеной, сложенной из каменных плит. Размер сторон: северной – 30 м, западной – 70 м, юго-западной – 40 м, юго-восточной – 60 м, восточной – 30 м.

Поверхность цитадели плоская, но на ней в южной части расположен овальный бугор диаметром примерно 15 м.

Цитадель расположена в центре шахристана, протяженность которого с севера на юг достигает 200 м, с востока на запад – 120 м.

В 1971 г. в северо-западной части поселения на площади 500 кв. м С.Ж. Жолдасбаевым был заложен раскоп, а для выяснения характера оборонительных сооружений – траншея. Было вскрыто 10 помещений.

Помещение 1 имело размеры 3,2 х 2,3 м. Толщина восточной и западной стен 0,6 м, северной и южной – 0,4 м. В южной стене в восточном углу имелся проход шириной 0,7 м. Рядом с дверью в пол врыт хум. В центре помещения в суфу вмазан тандыр – очаг с дымоходом. На суфе были собраны фрагменты поливной тагоры диаметром 0,5 м и двух кесе. Помещение связывается проходом с помещением 2.

Помещение 2 находится к югу от помещения 1 и имеет выход шириной 1 м на восток. По сравнению с другими это самое большое по размерам помещение (5,5 х 5 м). Все стены выложены из камня. В центре помещения находился каменный ящик, который служил базой центральной колонны. В северо-восточном углу расчищен тандыр с дымоходом, проложенным в суфе. Перед ним ташнау, перекрытое плоским камнем. В тандыре найдены поливной кумган, обломки пиал и чаш.

Проход с восточной стороны соединяется с коридором длиной 9 м, шириной 2,6 м. Коридор выходит на улицу. В коридоре имелась яма, возможно, закрытая деревянной крышкой, а в северо-западном углу – круглый заком, стенки которого выложены камнями и обмазаны глиной. Коридор выходит на улицу тремя ступеньками, поскольку дома, построенные на противоположной стороне улицы, ниже на 60 см, чем дома цитадели.

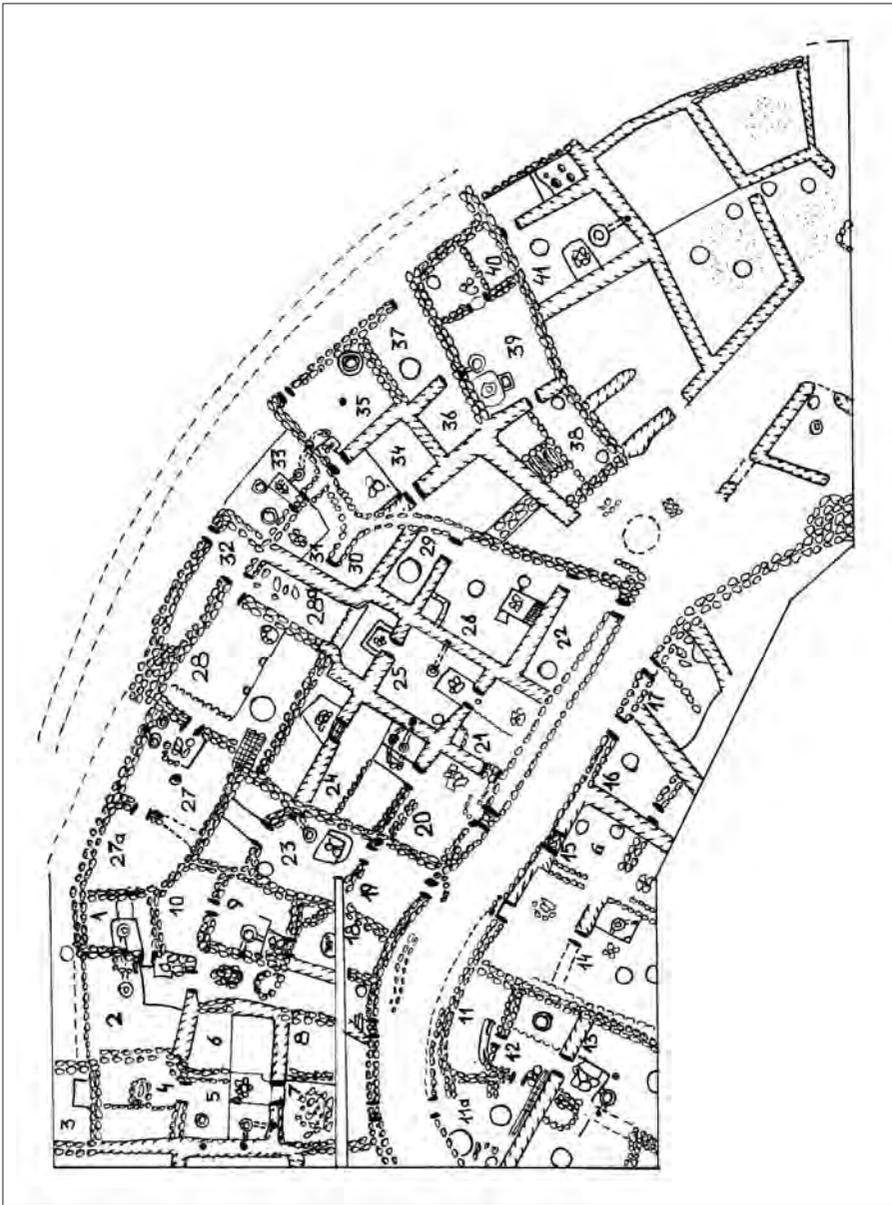

Рис. 101. Городище Культобе. Раскоп 2

Помещение 3 находится у крепостной стены на юго-западной стороне. Размеры его 3 x 3,7 м. Сохранившаяся высота стен 0,3-0,4 м, все они сложены из камня. Толщина стен от 0,4 до 0,5 м. Помещение соединяется проходами с помещением 4.

Помещение 4 находится восточнее помещения 3 и соединяется с помещениями 5, 6.

Эти комнаты объединены в одно помещение. Однако, в западной части между этими комнатами есть перегородка длиной 2 м. Размеры

помещения 5,7 x 4,5 м. В помещении 5 имелся тандыр, а в северной части, т. е. в помещении 6 – открытый очаг на суфе. Его дымоход выходил в колодец в восточной стене.

Помещение 7 находится на восточной стороне, т. е. на стороне улицы в центре поселения. Помещение проходное – это коридор размерами 5 x 2,85 м. Все стены из камня. Сохранившаяся высота до 0,7 м. У западной стены его стоял заком длиной 1,5 м, сложенный из камня. В помещении найдены обломки трех неполивных горшков. Горшки с двух сторон имеют петлеобразные ручки, венчик слегка отогнут наружу, на тулове волнистые линии.

Помещение 8 размером 2,6 x 2,4 м – кладовая.

Помещение 9 (4,4 x 2,7 м) находится в северо-западном углу раскопа. Тандыр-очаг, вмозанный в суфу, расположен ближе к южной стене, перед ним ташнау. В северо-западном углу расчищена яма для хранения проса.

Помещение 10 имеет размеры 1,8 x 2,5 м. Дверной проем шириной 0,8 м, порог высотой 0,1 м. Во время расчистки припольного слоя в центре помещения найдены две поливные чаши.

В 1972 г. раскопки были продолжены в северо-восточной стороне рядом со старым раскопом. Было вскрыто около 50-ти помещений и остатки двух улиц. Одна из них тянется вдоль крепостной стены, ширина ее 2 м. Другая шириной 2,5 м – в центре поселения. Дома располагались между улицами и вокруг цитадели. Дадим характеристику жилым комплексам.

Первый комплекс – это дома, построенные вокруг цитадели. Вскрыто пять домов из двух комнат, четыре из них (14, 15, 16, 17) вскрыты частично.

Дом 14 состоит из двух комнат, вскрыт почти полностью, тандыр находится в жилой комнате. Передняя комната со стороны центральной улицы имеет выход.

В переднем помещении ташнау расположено в северо-восточном углу, недалеко от него южнее в центре помещения находилось основание центральной колонны. Стены помещений восточной стороны возведены из сырца, остальные сложены из камня.

Дом 16 рядом с *домом 15* находятся в северо-восточной стороне. Основное помещение полностью не вскрыто. Выход из него вел на центральную улицу.

Дом 17 также расположен в северо-восточной стороне. Вскрыто переднее помещение, восточную часть занимает суфа, края которой выложены камнем. Выход устроен на центральную улицу.

Дом 13 из четырех комнат 11, 11а, 12, 13 расположен в южной стороне.

Помещение 11а, по-видимому, служило айваном и выходило на центральную улицу.

Помещение 12 расположено в центре, оно соединяло почти все комнаты дома 13. Восточную половину этой комнаты занимает суфа,

краям которой обложены камнем. На глубине 1,3 м обнаружен тандыр, относящийся к нижнему слою. В этом помещении у южной стены прослеживаются остатки стен нижнего слоя.

Второй комплекс состоял из 4-х двухкомнатных домов, расположенных в шахристане, на второй стороне улицы. Каждый дом имел кладовые, хозяйственные ямы и закрома.

Дом 1 состоял из двух комнат и кладовой (19, 23). Основное помещение 23 расположено на северо-западной стороне. Тандыр находится в суфе ближе к восточной стене, дымоход выходит в колодец в восточной стене. На суфе у южной стены стояли два котла. В западной стороне помещения была еще одна небольшая комната, по-видимому, кладовая.

Дом 2 состоит из двух комнат (20, 24) и кладовой. Помещение 20 размером 5,5 x 3,5 м – передняя, соединяется с жилым помещением 24. Его общая площадь 23 кв. м. В юго-восточном углу находились два тандыра – один большой, другой поменьше. Перед тандыром устроена площадка ташнау, перекрытого плоским камнем. Помещение разделено на две части перегородкой, соединяется с кладовой и проходом – коридором размером 5,7 x 0,9 м.

Дом 3 состоит из двух комнат (21, 25) и кладовой.

Помещение 21 – жилое, суфа расположена в южной части. В западном углу находится загром размером 1,0 x 0,6 м.

Помещение 25 – жилое. Рядом со входом в него на суфе расположен тандыр и напротив устроено ташнау. Дымоходный канал-колодец расположен в северо-восточной стене. В западной стороне находился дверной проем. Он вел в небольшое помещение, которое служило зернохранилищем. В проходе находится четырехугольное ташнау.

Дом 4 состоит из трех комнат 22, 26, 29. Помещение 22 – передняя. В северо-восточной стене оно соединяется проходом с центральным жилым помещением 26. В помещении в восточной части тандыр и ташнау.

Установить точные размеры, кроме восточной сырцово-кирпичной стены, не удалось.

Помещение 26 соединяется с кладовой – помещением 29 размером 3 x 2 м, которое находится на западной стороне.

Итак, все дома выходят на центральную улицу.

Третий комплекс – 5 домов с выходами на улицу со стороны крепостной стены: два 5-ти комнатных, два 3-х комнатных и один 2-х комнатный дома.

Дом 1 (27а, 27, 28, 28а, 32) расположен у крепостной стены на западной стороне, помещения 27а, 28, 27 – центральные. Помещения 28а, 32 – хозяйственные, 27а – гостиная, соединялась проходами с помещением 27, в помещении следов хозяйственной деятельности не обнаружено.

Проход через ташнау соединяет с помещением 28. Пол этого помещения ниже пола ташнау 27, поэтому при входе между этими

помещениями сделана одна ступенька. Большая часть помещения занята суфой. В центре суфы одна хозяйственная яма, во время расчистки на поверхности суфы около южной стены найдены остатки алаши из верблюжьей шерсти. Около стены в северо-восточном углу находилась вторая хозяйственная яма, в которой обнаружены остатки проса. На полу у выхода из помещения 27 вымостка из плоских камней. Помещение соединяется с помещениями 28а и 32. Помещение 28а – кладовая. Помещение 32 узкое, из него вел выход на улицу у крепостной стены.

Дом 2 состоял из трех комнат (30, 31, 33). Помещение 31 расположено между 30 и 33 помещениями. В помещении «Г»-образные суфы. Помещение 31 в западной стороне соединяется с помещением 33. Проем перед очагом (прихожая) соединяет две комнаты. Помещение 33 размером 5,5 x 3 м – очаг в северо-восточном углу расположен тандыр, около него – ташнау. Во время расчистки на ташнау найдены обломки трех хумов и верхняя часть ручной мельницы (зернотерка).

Дом 3 состоит из трех комнат (34а, 34, 35), из них 35 – жилое помещение размером 4,25 x 3,7 м. На юго-западной стороне в суфу вмазаны два тандыра. В центре помещения расчищено основание центральной колонны. Помещение соединяется дверным проемом с помещением 34 размером 3,2 x 4,2 м. Юго-восточную сторону занимает суфа, на полу никаких хозяйственных строений не прослеживается. По-видимому, это помещение служило гостиной или спальней. Помещение 34а имеет прямоугольную в плане форму. По-видимому, это помещение служило кладовой.

Дом 4 состоит из пяти комнат (37, 36, 38, 39, 40). Центральным было помещение 39 размером 6 x 4 м. Все комнаты соединяются с этим помещением. В юго-западном углу расположен тандыр, перед ним в углублении ташнау. Рядом на суфе открытый четырехугольный очаг размером 0,6 x 0,4 м. В центре помещения находилось основание центральной колонны. Дымоход из тандыра выведен в западную стену. Проход в северной части помещения соединяет его с помещением 40 размером 4,3 x 2,5 м. Восточную половину помещения занимает суфа. В северо-западном углу – яма для хранения проса. Во время расчистки обнаружено около 3-4 кг остатков проса. Помещение соединяется с помещением 38, восточную часть которого занимает суфа. К центральному помещению (39) с западной стороны примыкают комнаты 36 и 37. Эти помещения, по-видимому, служили как общая проходная. Выход на улицу был из помещения 37.

Дом 5 состоит из двух комнат: 41 (5 x 6 м) – жилой и кладовой (1,4 x 2,2 м). В жилом помещении около южной стены расположен тандыр. Перед ним в углублении – ташнау. Помещение соединяется с севера с хозяйственным помещением. В хозяйственном помещении на восточной половине на суфе стояли три глиняных котла и один хум, в котором обнаружены остатки проса.

Кроме вышеописанных домов на восточном раскопе было открыто восемь помещений, однако все они были разрушены.

Все дома имеют выход на улицу, идущую вдоль крепостной стены к основным воротам городища, расположенным в южной стороне. Также раскрыта центральная улица, которая огибает цитадель и выходит к главным воротам. Улицы посыпаны галькой.

Дома на шахристане расположены на террасах, уровень полов в домах повышается от крепостной стены к цитадели до 2-х метров.

Раскопки цитадели

Цитадель была окружена каменной стеной толщиной 0,8 м. Раскопками в южной части цитадели вскрыто три дома и отдельные комнаты, которые в план раскопок комплексно не вошли.

Дом 1 расположен на юго-восточной стороне раскопа (помещения 1, 2, 3, 4). Основное центральное помещение – 1, в нем два тандыра расположены в северо-западной части помещения. Перед тандыром – ташнау. В помещении 2 на суфе рядом с тандыром находится четырехугольный открытый очаг, которым обогревали помещение посредством горящих углей. Проход через ташнау ведет к помещению 2. В нем два закрома: один на суфе, второй – в углублении в юго-восточном углу, в центре углубления – ташнау, рядом – основание центральной колонны. Вторую половину помещения занимает суфа. Юго-западная стена дугообразная. В этом помещении у юго-западной стены найден тайник с кладом асыков. В нем около 100 асыков, в большинстве сайгачьих, остальные – бараньи и один – архара.

Дом 2 имеет пять комнат (6, 7, 8, 12). Центральные комнаты расположены в восточной стороне (6, 12). В них имелись тандыры. Основное жилое помещение – 12. В нем тандыр расположен у восточной стены, перед тандыром – ташнау. Оно узким проходом соединяется с помещением 6, в котором на суфе устроен тандыр. К основному центральному помещению с западной стороны примыкает помещение 13. Помещение 6 расположено в центре, остатки тандыра находятся в юго-восточном углу. Перед ним – ташнау, перекрытое верхней частью зернотерки с отверстием в центре. Помещение с западной стороны соединяется с помещением 8, а с южной стороны с помещением 7. Помещение 8 имеет форму длинного коридора. В юго-восточном углу найдены остатки тандыра. Позже этот тандыр был превращен в хозяйственную яму. Во время расчистки в ней обнаружены остатки проса. Яма от других частей помещения отделена суфой. Рядом с этой ямой находилась вторая яма, которая использовалась как мусорная.

Дом 3 состоит из трех комнат (10, 11, 15). Основное центральное помещение 11, оно является жилым. В нем два тандыра, перед ними – ташнау. В помещении 10 находится суфа, а в юго-восточном углу – загром. К центральному жилому помещению с юго-западной стороны примыкает айван (9), а через айван – улица.

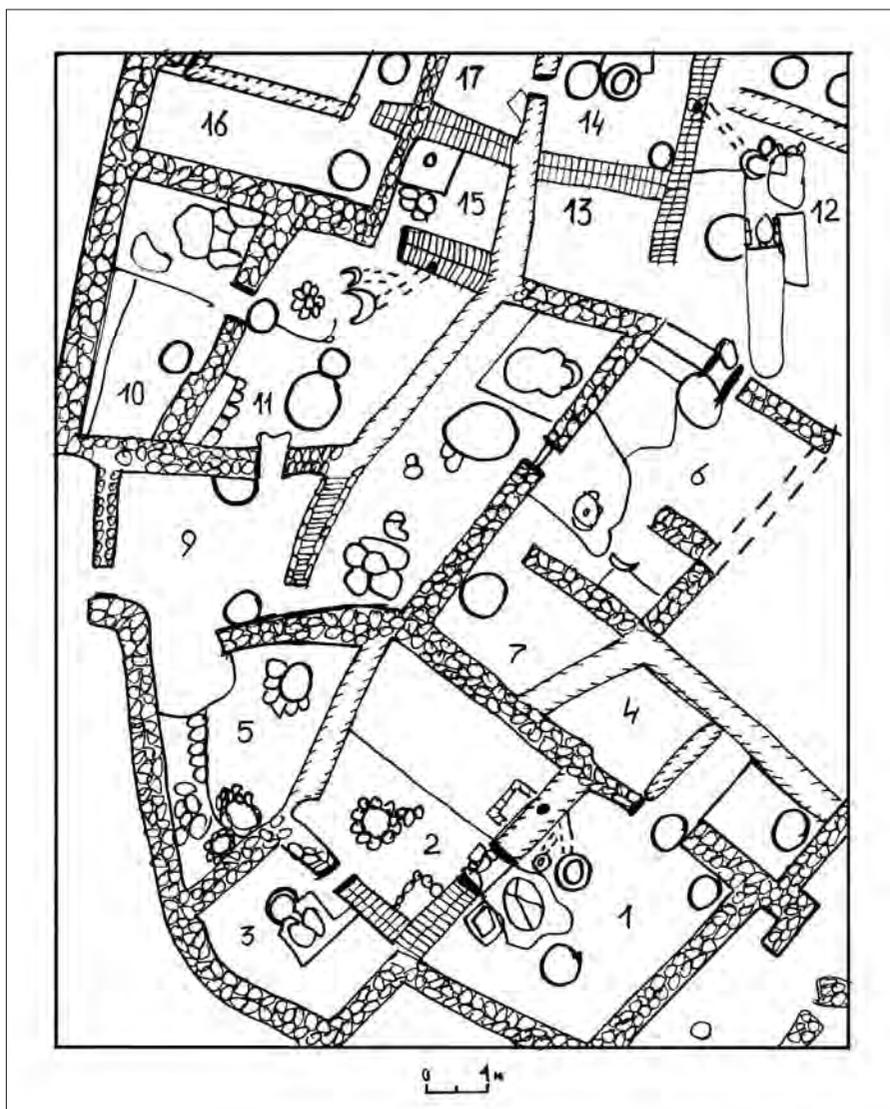

Рис. 102. Городище Культобе. Цитадель. Раскоп 3

Раскопками были вскрыты и отдельные помещения. Помещение 16 – длинный «Г»-образный коридор, расположенный в северной части раскопа. Помещение 17 также, видимо, коридор. Вторая половина не вошла в план раскопок. Помещение 15 расположено на юго-западной стороне раскопа (Жолдасбаев, 2012, с. 12-42).

Исследования на городище Ран

В полевом сезоне 1974 г. палеоэтнографический отряд проводил раскопки на городище Ран, расположенном на северных склонах хребта Каратау в ущелье Кенсай в 2 км к югу от села Кызылбайрак.

Топография городища Ран представляет собой в плане бугор трапецевидной формы высотой 10 м и размерами 150 x 110 м.

Предполагаемая изначально «цитадель» размером 25 x 20 м расположена в западной части городища и отделена каменной стеной, сохранившейся на высоту 0,5-0,6 м. В ходе раскопок было обнаружено, что это не цитадель, а гончарная мастерская. На всей поверхности городища прослеживаются следы каменных построек. По ним можно предположить, что основные жилые комплексы построены по краям ближе к крепостной стене.

Строительный горизонт 1. Раскоп был заложен рядом с гончарной мастерской. Вскрыт полностью один жилой комплекс, состоящий из шести комнат и двух хозяйственных помещений. Все жилые помещения соединены между собой, в каждой комнате, кроме 1 и 5, находились тандыры-очаги.

Помещение 1 (4,6 x 4,5 м) расположено на юго-восточной стороне городища. Южную его половину занимает суфа высотой 0,45 м. В северо-западном углу – заком из камня.

Помещение 2, соединенное проходом с помещением 1, расположено у крепостной стены. Размеры его 2,8 x 4,5 м. В северо-восточном углу находятся два тандыра: большой имеет диаметр устья 0,6 м, у дна – 0,88 м, высота стенок – 0,5 м, меньший имеет диаметр устья 0,3 м, у дна – 0,35 м, сохранившаяся высота стенок – 0,3 м. Перед ними ташнау. Дымоходный канал выходит в северо-восточном углу. Рядом была еще одна маленькая комнатка, в которой обнаружили остатки тандыра и перед ним ташнау.

Помещение 3 размером 3,2 x 4 м, в его северо-восточной стороне расположен тандыр. Дымоходный канал выведен в угол, где стыковались восточная и северная стены. Комната соединяется на северо-востоке с помещением 5, а с западной стороны проходом соединяется с помещением 4.

Помещение 4 имеет размеры 3,3 x 4 м. Тандыр находится в юго-восточном углу. Перед тандыром устроено ташнау. Верхняя часть тандыра расположена на уровне суфы. Суфа занимает южную часть помещения. Следует отметить, что помещение 4 соединяется проходом с восточной стороны с помещением 3, а с северо-западной стороны – с помещением 6.

Помещение 5 среди жилых помещений является самым большим, его размеры 5 x 6 м. Стены между 5 и 6 и между 4, 5, 6 комнатами сложены из сырцовых кирпичей (35 x 18 x 8 см). Северо-восточную часть помещения занимает суфа. В юго-восточном и юго-западном углу четырехугольная небольшая тумба 1 x 1 м. В юго-западном углу сделано небольшое углубление, в нем обнаружены нижние части деревянных полок. На суфе в северо-восточном углу находилась яма для хранения зерна.

Помещение 6 расположено у крепостной стены. Размеры его 5,5 x 5 м, тандыр находится в юго-западной половине. Диаметр тандыра у дна – 0,8 м, устья – 0,45 м, сохранившаяся высота стенок 0,45 м. Перед тандыром площадка ташнау, оно соединяет помещения 5 и 6. Во время

зачистки в ташнау найдена одна монета, вторая монета обнаружена на суфе в северо-восточном углу. По определению Р.З. Бурнашевой, они относятся к концу XVI – началу XVII в.

Между западной стеной помещения и крепостной стеной, по-видимому, имелось 1,5 и 2-х метровое пространство, которое каждая семья или жители близлежащих помещений использовали в качестве летней кухни или кладовой. На северо-восточной стороне вскрыты два хозяйственных помещения (7, 8).

Помещение 7 расположено рядом с жилыми помещениями 5 и 6.

Помещение 8 расположено рядом с помещением 7. Установлено, что эти помещения служили для хозяйственных целей.

Датируется I-й строительный горизонт XVII-XVIII вв.

II строительный горизонт. После завершения раскопок по уровню первого строительного горизонта были зафиксированы все детали строительных остатков. Когда были удалены стены по уровню нижнего пола, раскопки были продолжены. Установлено, что каменные стены стояли на зольнике. Когда полностью убрали зольные слои, было выявлено четыре помещения, полы которых находились на уровне 4-го яруса.

Помещение 1а размером 4,5 x 3,5 м расположено у крепостной стены. Наверху было хозяйственное помещение 7. В северо-восточном углу находился тандыр. На суфе рядом с тандыром – четырехугольный открытый очаг, сложенный из сырцового кирпича. Дымоходный канал и дымоходный колодец находятся в северо-западной стене. К западной стене пристроены закрома размером 0,7 x 0,3 м. Рядом найдены два горшка, прикрытые каменной крышкой, недалеко от них стоял хум. В южной половине у стены на полу находилась раздавленная тагора. На полу помещения следы очень сильного пожара, сгоревшие балки и камыш. Проход с западной стороны ведет в небольшое помещение у крепостной стены. Это небольшое помещение, по-видимому, туалет. Яма его накрыта круглым камнем.

Помещение 2а размером 4,5 x 3,5 м можно считать передней комнатой. В него ведет проход с восточной стороны. Полы этих помещений разрушены постройками верхнего слоя, впускными хозяйственными ямами.

Южную часть помещения занимает суфа. У северной стены находился закромок размером 0,2 x 0,3 м. Рядом на тумбе стоял перевернутый дном вверх горшок, а внизу – небольшой поливной горшочек.

Помещение 3а расположено у крепостной стены. Помещение разрушено ямами верхнего горизонта. Помещение соединяется проходами в западной стороне с небольшой кладовой. В помещении 3 в восточной стороне стоял тандыр.

Помещение 4а. Полы этого помещения тоже разрушены. В хорошей сохранности был загром длиной 4 м и шириной 0,8 м. Интересно

отметить, что стены верхнего строительного горизонта были сооружены исключительно из камня, а стены нижнего горизонта сложены из пахсы или сырца.

Основной собранный материал – керамика, костяные и каменные изделия. На дне чаш встречаются тамгообразные знаки в виде креста и параллельных черточек.

Судя по материалам, второй строительный горизонт городища датируется XV-XVI вв.

Раскопки гончарной мастерской. В усадьбе гончара открыто десять помещений, три из них жилые, входят в состав гончарной мастерской, другие использовались как подсобные.

Жилище гончара состояло из двух комнат (1, 2), которые располагались у западной крепостной стены. Они между собой сообщаются проходом длиной 4 м и шириной 1,1 м. На полу прохода в обоих помещениях имеются ташнау, пол которых вымощен плоским камнем. В восточной и северной стене устроены ниши. Рядом находился небольшой круглый заком. Помещение с западной стороны выходит на улицу у крепостной стены.

Помещение 2 – жилое. Длина стен разная: восточная – 4,65 м, западная – 4,1 м, северная – 5,6 м и длина южной стены 6 м.

В помещении на суфе в юго-западном углу устроены два тандыра. Перед ними ташнау. Перед большим тандыром – очаг из камня. Очаг сложен прямо на полу и прикрыт плоским камнем. Края выложены сырцом, очаг в форме сковородки. Суфа в помещении хорошей сохранности. Дымоход тандыра и очага выходит в юго-западный угол. Вдоль северной стены на восточном углу стояли хум и котел. Под хумом находилось зернохранилище, а рядом с котлом – круглый заком.

В западной стене устроен дверной проем. Он ведет в сторону западной крепостной стены. Это позволяет предполагать, что между жилищем и крепостной стеной имелось свободное пространство размером 1,5 x 2 м. Можно констатировать, что вокруг городища у крепостной стены и домами проходила сквозная улица.

Помещения 3, 4, 5, 6, 7 – мастерская усадьбы. Между собой они сообщаются проходами. Одно из них использовалось также для приготовления глины. В центре его на краю суфы имелась специальная углубленная площадка.

В помещении 5 был тандыр. В северо-восточном углу на суфе стоял котел с речным песком. Проход в восточной стороне соединял эти помещения с помещением 6. В нем две хозяйственные ямы и три небольших закома – у северной и западной стены. Возможно, они предназначались для хранения ангобных глин.

В помещении 7 имелся тандыр, перед ним – ташнау. По-видимому, в помещении производили сушку керамики, об этом свидетельствуют найденные здесь подставки.

Помещение 3 расположено на западной стороне, в нем хозяйственные ямы и закома, вторую половину помещения занимает суфа.

Гончарная печь расположена в центре мастерской. Печь была двухъярусной, сохранилась топка – огневая камера. Она имеет грушевидную форму длиной 2,1 м, диаметр камеры 1 м, глубина примерно 0,95 м. Стенки обжиговой камеры не сохранились. Печь имела специализацию и, судя по ее размерам, в ней обжигали столовую посуду: пиалы, чаши.

На полу, в печи, в топке обнаружены семена ревеня толщиной слоя 0,3 м, вокруг обжигательной части – слоем толщиной 0,1 м. Видимо, гончар в качестве топлива использовал сухой ремень, заросли которого покрывают склоны гор.

Гончарная печь с трех сторон отгорожена от остальных помещений каменной стеной, перекрытия над ней не было. Перед топкой гончарной печи было свободное место для зольника и ям с бракованной посудой. Найдены две неполивные миски, по форме они почти повторяют деревянную посуду казахов XIX в. Поливной керамики очень мало, полива голубая, роспись отсутствует. Найдены костяные пряслица, костяные шилья. Печь функционировала в XV-XVI вв. (Жолдасбаев, 2012, с. 43-65).

Керамика городищ Культобе и Ран

Поливная керамика в основном станковая. Преобладают чаши и блюда диаметром от 10 до 14 см, кесе и пиалы, тарелки, по форме совершенно аналогичные отрарским (Байпаков, 2007б, с. 157-158). Поливная керамика этого периода отличается плохим качеством поливы и мутными тонами росписи. Изменяется профиль поддона.

Распространена керамика с бесцветной поливой и росписью марганцем – это чаши, тарелки, тагоры. Ведущий элемент орнамента – завиток и спираль. Края чаш расписаны волнистыми линиями в рамке из горизонтальных полос. Встречается орнамент в виде солярных знаков, которые наносились на белый фон марганцевой или голубой краской и группировались в различных вариациях. Считается, что появление таких знаков относится к XVII-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович 1981, с. 189). Обычно употреблялись три вида краски: марганцевая, голубая и темно-коричневая или черная. Встречается еще один тип чаш с двухцветной росписью марганцевой и голубой красками. Для них характерен геометрический орнамент в виде сочетания треугольников. В верхнем поясе, окаймленном голубой и коричневой красками, расположены два ряда треугольников вершинами друг к другу.

Среди керамики встречаются чаши. Края их венчиков отогнуты наружу, в сечении образуют треугольник, на некоторых внутри и снаружи краской нанесены вихревые розетки или просто бессистемно прочерченные линии. Такая посуда находит аналогии в керамике Сузака XVII в. (Ерзакович, 1996, с. 81). Блюда диаметром венчика 28-35 см, высотой 6 см, края венчика слегка отогнуты наружу. Роспись на белом фоне темно-коричневая или же марганцевая. Снаружи между параллельными линиями имеются розетки или волнистые линии.

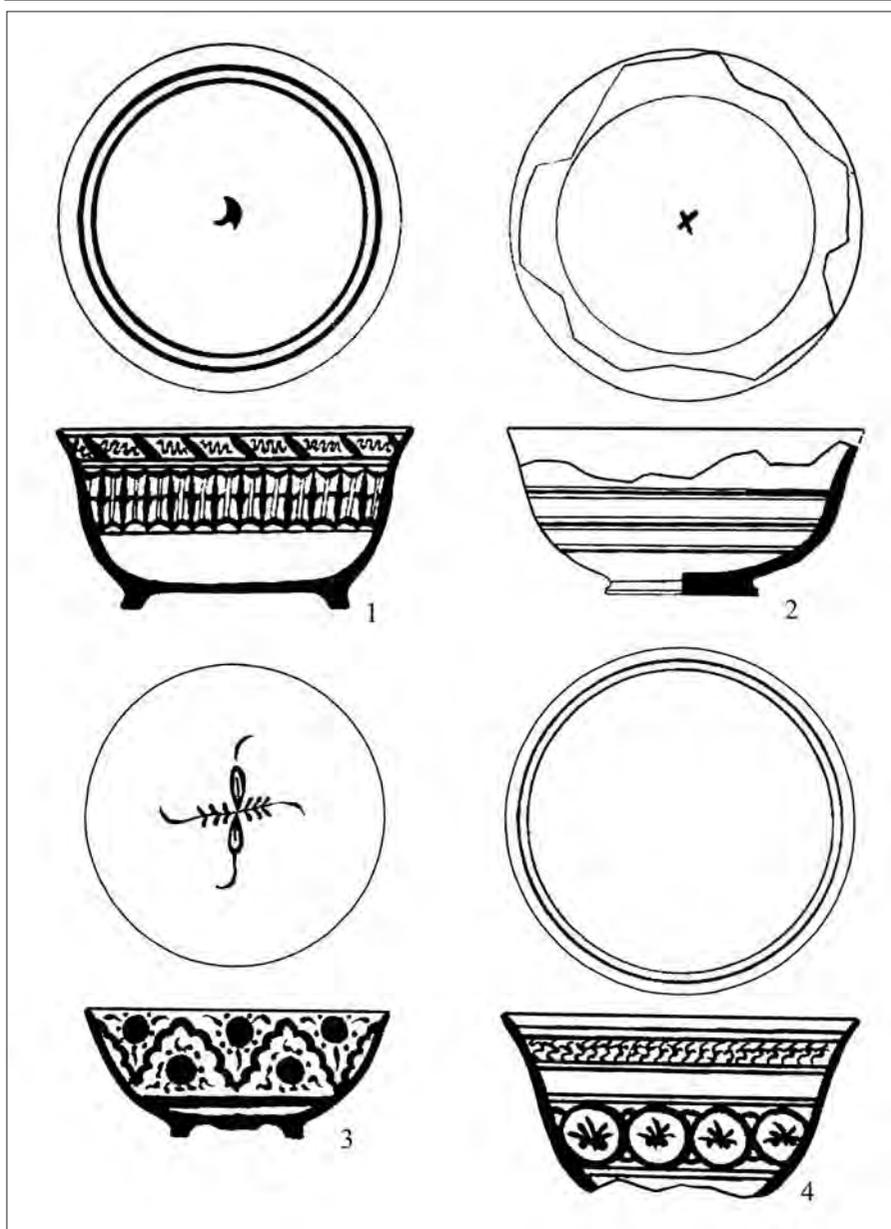

Рис. 103. Поливная керамика. Чаши

Часто встречаются поливные сосуды, с двух сторон имеющие ручки, иногда без них, тулова округлые. Цвет поливы голубой или синий без росписей. Эти сосуды напоминают форму казахских деревянных сосудов, сделанных из кожи, которые применялись для хранения сливок. Среди поливной посуды встречаются кумганы, у них есть носик и подглазурная роспись нанесена на грязновато-белый фон. Керамика относится к XVI-XVIII вв.

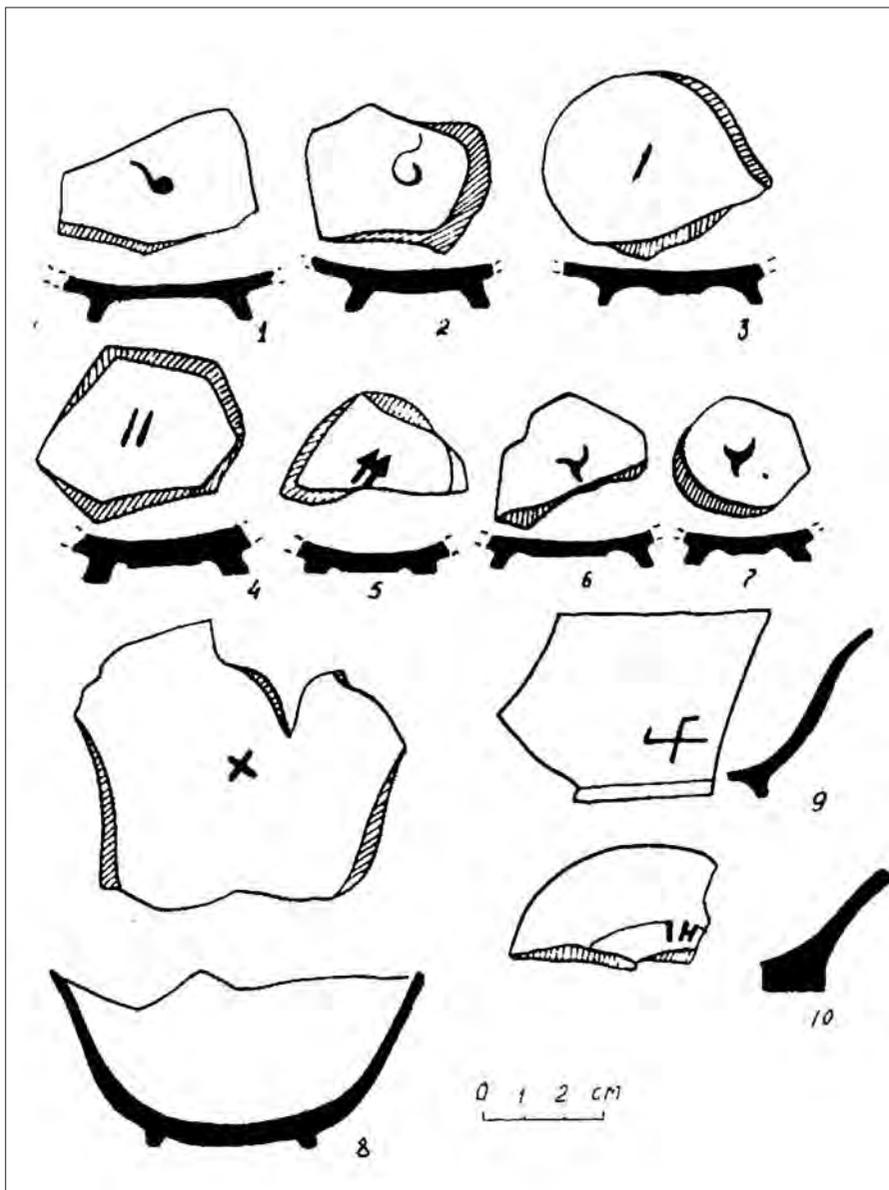

Рис. 104. Поливная керамика. Чаши

Неполивная керамика делится на группы: кухонную посуду для хранения запасов пищи и жидкостей; для транспортировки жидкостей и столовую. Это хумы, хумчи, тагора, кувшины, горшки, крышки, котлы.

Для хумов характерно овальное тулово, высотой от 50 до 80 см. Ширина горловины от 20 см до 50 см. Венчики массивные, выгнуты наружу с площадкой наверху. У некоторых из них по всей поверхности тулова сделаны насечки. Аналогии имеются в Отраре (Байпаков,

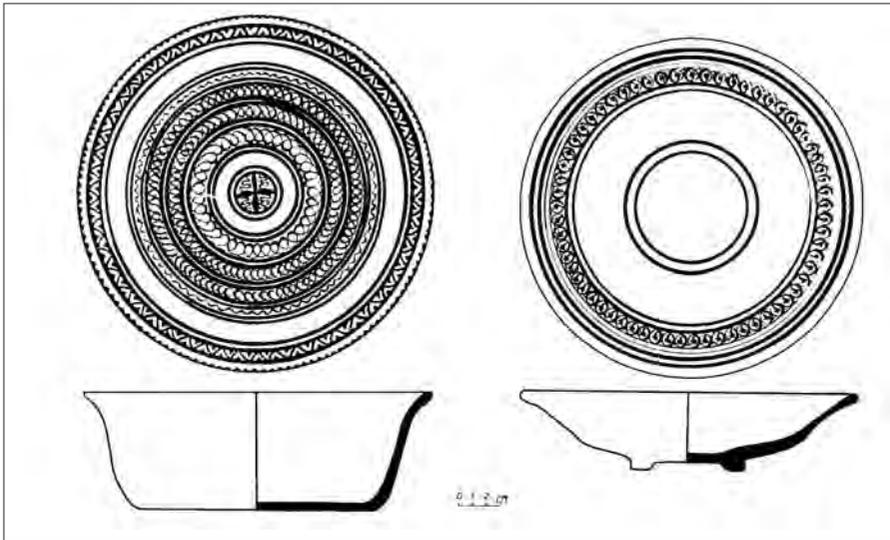

Рис. 105. Поливная керамика. Тагора и тарелка

Ерзакович, 1974, с. 145, рис. 2); Сауране (Смагулов, 2011, с. 367, рис. 52, 1-4; Туякбаев, 2009, с. 184, рис. Д.3) и в Хорезме (Вактурская, 1959, с. 330). Хумы с насечками на тулове известны в Мерве (Массон, 1953, с. 416).

Хумчи отличаются от хумов размерами. Они иногда с двух или с одной стороны имеют ручки, плоские в сечении. Хумчи характерны для всей территории Южного Казахстана. Они предназначались для приготовления кумыса. В глиняной посуде кумыс не теряет свой вкус и долго хранится. Хумы использовались для хранения зерна

Горшкообразная посуда – самый многочисленный и разнообразный тип неполивной посуды. Тулово у горшков раздутое в плечиках, горло прямое, иногда встречаются с четырьмя ручками, плоскими или круглыми в сечении, которые соединяют горло и плечики.

На тулове обычно две параллельные волнистые линии, между ними ямочки. Венчики у сосудов отличаются большим разнообразием. В большинстве случаев они имеют округленную в разрезе форму, отогнутую наружу под большим или меньшим углом. Кувшины имеют овальное с покатыми плечиками тулово, невысокое горло, встречаются узкогорлые от 4 см и широкогорлые до 15 см. Тулово соединено с плечиками одной коленчатой ручкой. Снаружи поверхность покрывалась белым, розовым или темным ангобом. На шейке проведены параллельные волнистые линии.

Неполивные чаши делались из красноватого теста. Сверху покрывались розовым или красного цвета ангобом. Поддоны у чаш дисковидные с выступом, очень редко встречаются кольцевые.

Среди тагора встречаются горшкообразные формы. Они покрыты красным или розовым ангобом. На краю венчика или на боковине имеются волнистые линии, встречаются с трапециевидными волнистыми линиями.

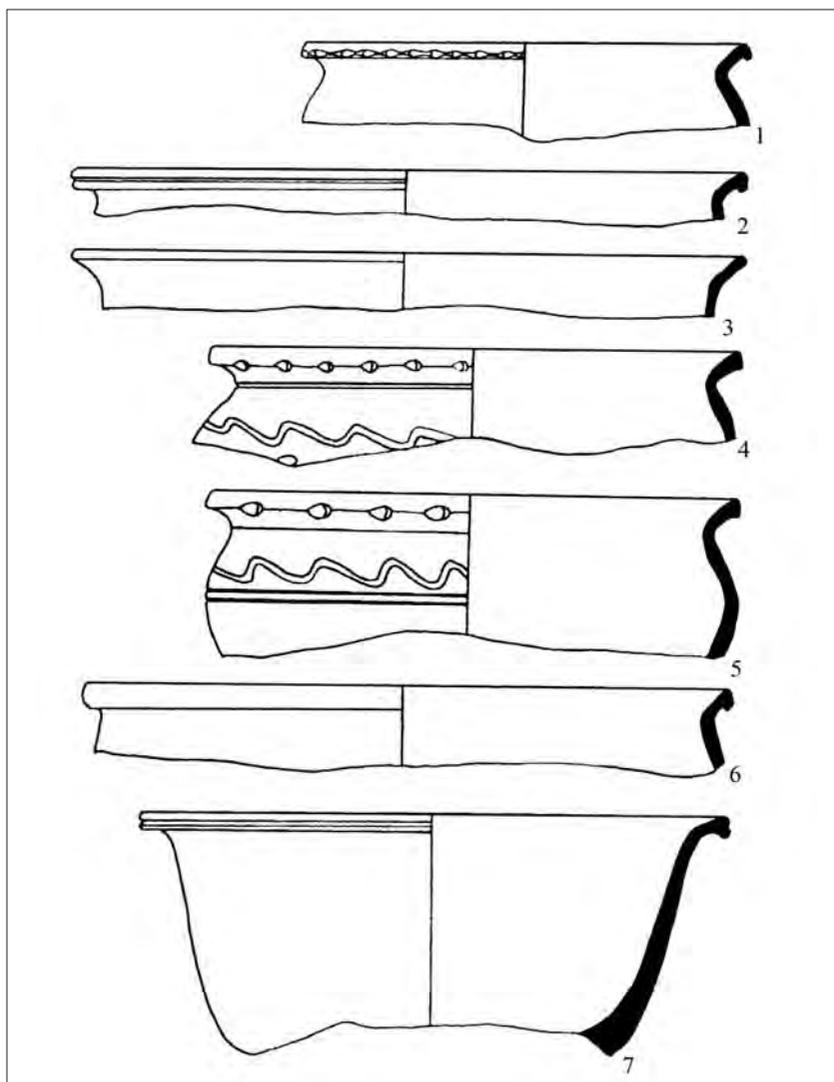

Рис. 106. Неполивная керамика. Хумы, горшки, тагора

Тагора – более распространенная форма посуды. Близкие формы тагора имеются в материалах Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 109, рис. 65, 8-9, 12).

Крышки для тандыров изготовлены из теста с примесью соломы. Крышки имеют дисковидную форму. Диаметр 30-55 см, с грибовидной ручкой в центре. Толщина крышек 2,5-4 см у края и 4-5 см в центре. Поверхность крышек гладкая или украшена вдавленными линиями.

Среди кухонной посуды часто встречаются котлы. Форма их шаровидная и горшковидная, с плоским и уплощенным дном. Ручки петлеобразные, в сечении круглые, располагаются ниже шейки на плечиках.

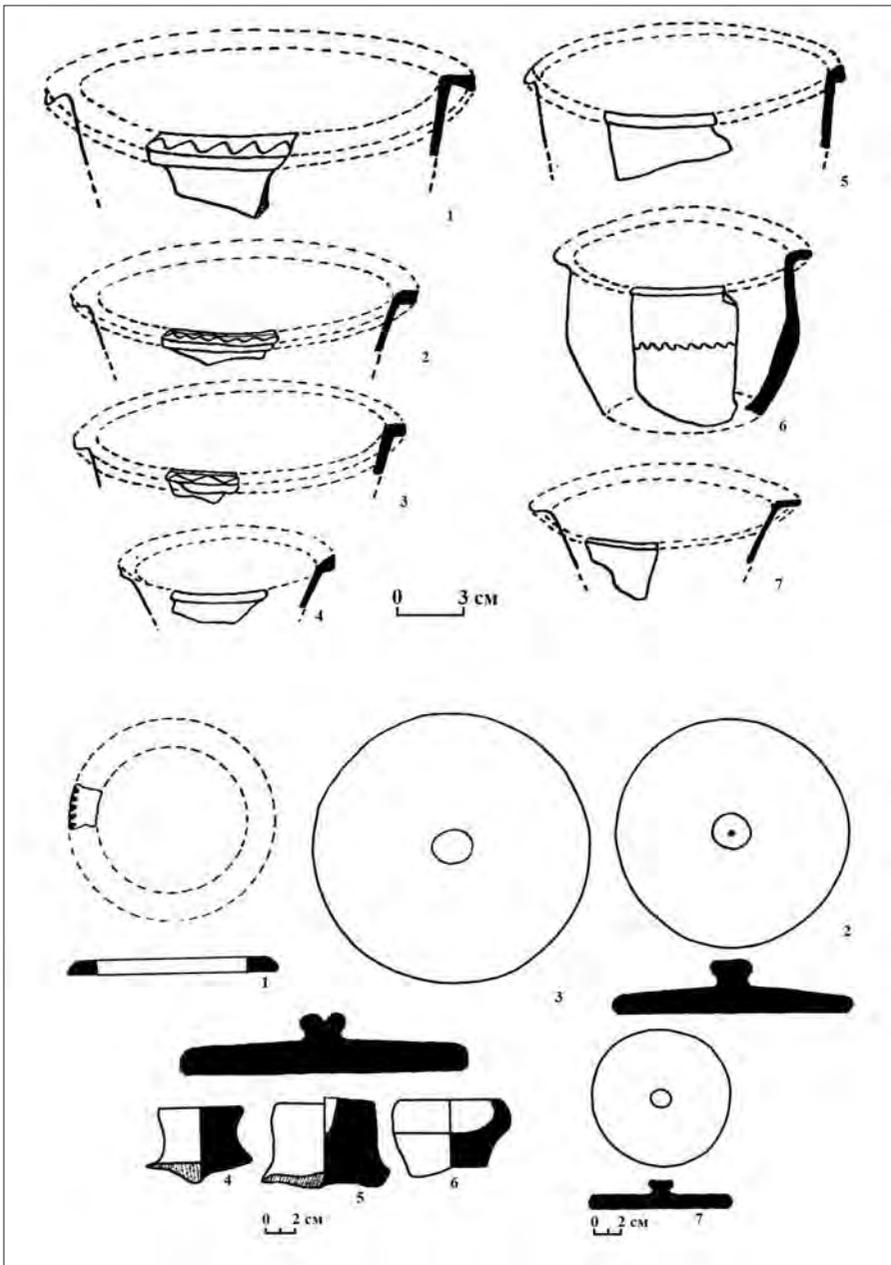

Рис. 107. Неполивная керамика. Горшки, крышки

Среди керамических изделий представлены чираги. Они имеют один, два или четыре носика.

Среди неполивных керамических изделий встречаются ковши, которые по форме имитируют казахские деревянные поварешки.

Датируется керамика XVI-XVIII вв. (Жолдасбаев, 2012, с. 66-91).

Исследование пригорода – сельской округи Саурана

Вокруг центральных развалин города Саурана располагалась обширная сельскохозяйственная округа, состоявшая из усадеб с участками от 1 до 4-5 га различной конфигурации. Они были разделены глиняными стенами-дувалами, от которых остались оплывшие валы. Необходимые водные источники находились в Каратау. Это обстоятельство способствовало развитию новых территорий к северу от города, которая орошалась каналами, выведенными из горных речек и кяризов. В этой части ширина пригородной округи составила 4 км. Постепенно сужаясь, она протянулась к северу на 3,4 км. К югу и юго-западу от города граница ее находится в 600 м. С восточной стороны остатки усадеб прослежены на расстоянии до 1,5 км от городской стены. В 2 км к востоку от города расположена, предположительно, садово-парковая зона в виде двух прямоугольных участков, примыкающих друг к другу и ограниченных валом. Размеры участков 140 x 130 м и 190 x 126 м, их углы обозначены округлыми буграми. В центре большего участка расположена западина колодца.

Через северную часть пригорода в настоящее время проложены железная и автомобильная дороги. Пространство между дорогами большей частью распланировано под посевы. Участок около 3 га к северу от городища у железной дороги занят современным кладбищем. Таким образом, древнему культурному ландшафту, созданному в XIV-XVII вв., нанесен значительный урон. Общая площадь разрушенной культурной зоны составляет около 250 га.

Остатки сельскохозяйственной округи маркированы оплывшими стенами – валами, возвышающимися на 0,5-1,5 м в виде бугров. Примерное количество усадеб около 200.

После основания города (XIII-XV вв.) горожанами осваивалась территория вокруг города в радиусе 300-400 м. Эту часть города, скорее, можно охарактеризовать как неукрепленный «рабад», где располагались загородный намазгох, и на значительном, на тот момент, расстоянии от города – ханака (Байпаков, Смагулов, 2005, с. 93-95, фото 32-37).

Активное освоение территории к северу от города, вероятно, началось в начале XVI в. с постройки кяризов. Применение новой для региона технологии поставки воды дало толчок к развитию земледелия. На приусадебных участках культивировались бахчевые культуры, разбивались сады и выращивались зерновые культуры. Почти на всех участках зафиксированы гряды, характерные для виноградников. Исследования усадеб были начаты еще в середине 80-х гг. XX в. (Байпаков, 1999, с. 94-97). Широкомасштабные раскопки были организованы и проведены в 2011 г.

Археологическое изучение округи Саурана дало возможность установить характер построек, их типологию. Всего было изучено 36 объектов, из которых большую часть составили хранилища, жилые усадьбы, хлебопекарня, временные сезонные жилища.

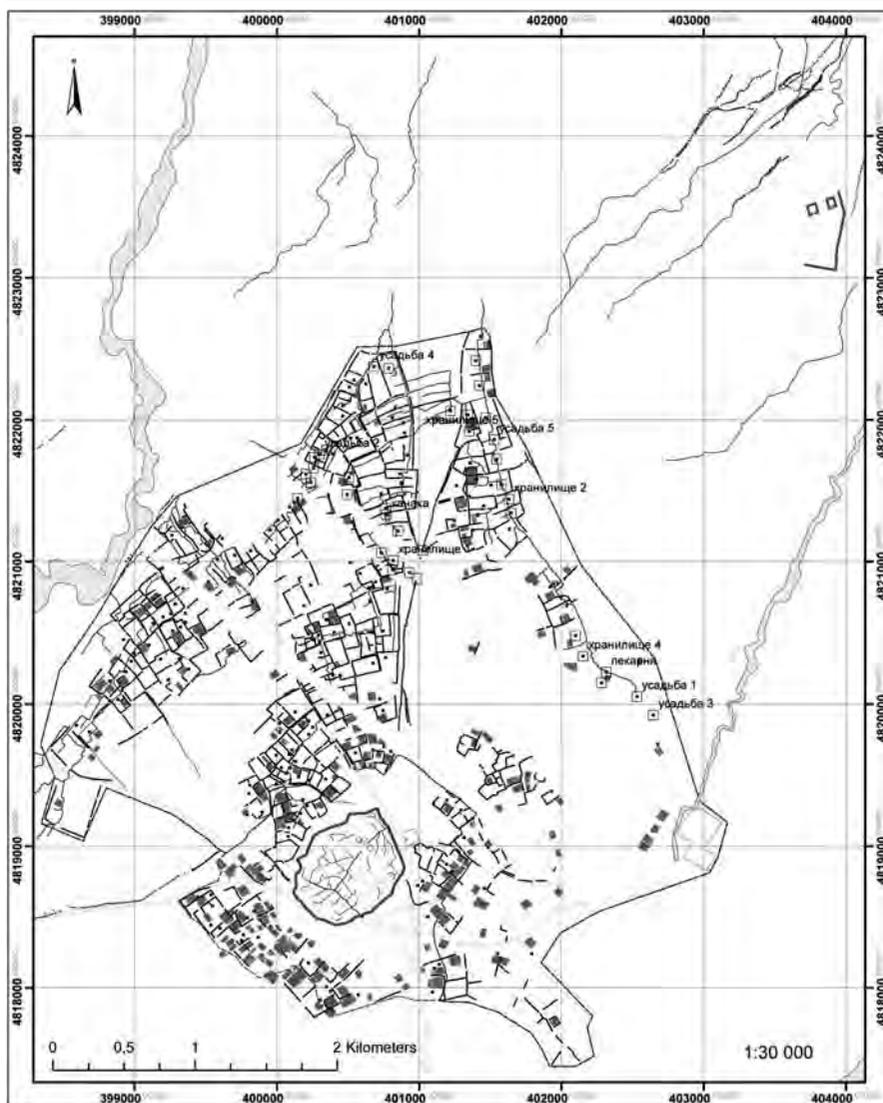

Рис. 108. Городище Сауран и его округа

Хранилища. В начальный период освоения территории на участках строились временные сезонные жилища и хранилища. Эти сооружения однокамерные, отличаются малыми габаритами. Все изученные объекты представляют собой сырцовые сооружения подквадратной и прямоугольной форм размерами 3,5 x 3,5 м; 5,0 x 3,7 м; 3,3 x 3,3 м.

Они использовались как хранилища зерна и хранилища-холодильники для продуктов.

Хранилище 1 находилось в 1,7 км к северу от центральных развалин городища, сооружение двухкамерное. Сохранившееся помещение квадратной формы размером 4,7 x 4,7 м, ориентировано сторонами по странам света. Сохранность стен хорошая, высота северной стены

достигала 2,1 м, высота южной, западной и восточной стен – 1 м. Внутренний фас стены ровный, местами сохранилась штукатурка. Толщина обмазки – от 2 до 4 см.

В постройке имелся заком, пристроенный к северо-восточному углу помещения. Стенка закома имеет в плане форму четверти круга. Радиус круга 0,7 м; высота стенки – 20 см.

На уровне пола во втором помещении обнаружены две продолговатые ямы с прокаленными стенками. По всей вероятности, ямы являлись очагами-коптильнями. Очаги вытянуты в сторону северной стены, примыкают к ней под прямым углом. Первый очаг длиной 2,4 м, шириной 0,6 м, глубиной 0,2 м. Стенки обмазаны глиной, которые от длительного воздействия высоких температур ошлакованы. Грунт вокруг очагов прокален на глубину до 10 см. Внутри расчищен слой золы.

Второй очаг расположен параллельно первому в 0,8 м к западу от него. Длина его 2,4 м, ширина 0,5 м, глубина 0,2 м. Обмазка сохранилась на западной стенке. Здесь встречены фрагменты керамики XIV-XV вв.

К северо-западу от сооружения есть воронка от колодца с отвалом из гальки, идентичной остаткам кяризных колодцев. Диаметр воронки 4 м, глубина 1 м.

Данное сооружение и колодец, несомненно, являются частью хозяйства, расположенного на территории участка, ограниченного паховым дувалом. Приблизительный размер участка 320 x 100 м.

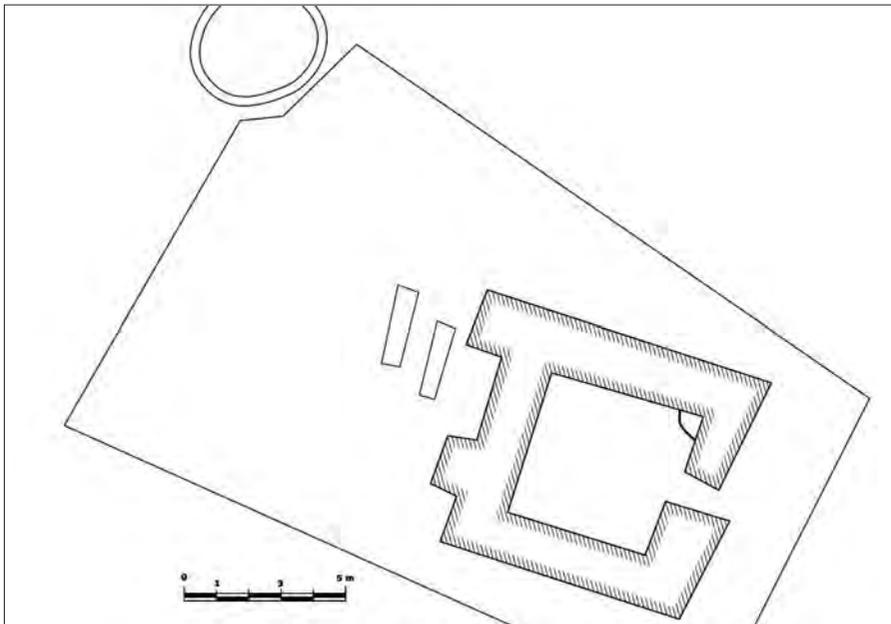

Рис. 109. Хранилище 1. План

Рис. 110. Городище Сауран. Северная часть

Раскопанное сооружение явно имело хозяйственное назначение, а именно предназначалось для обработки и хранения продуктовых запасов. Толщина стен и перекрытия из камыша, обмазанного толстым слоем глины (остатки его расчищены в завалах и на полу), позволяли сохранять определенную температуру внутри помещений относительно температуры окружающей среды.

Хранилище 2 расположено в 2,2 км к северо-востоку от центральных развалин городища Сауран. В плане сооружение подквадратное, ориентировано углами по странам света, размером 8 х 7 м. Стены, сложенные из пахсовых блоков, сохранились на

высоту 0,4 м. Размеры сторон: северо-западная стена длиной 8 м, толщиной 1,2 м; северо-восточная – длиной 7,2 м, толщиной 1,1 м; юго-восточная – длиной 7,4 м, толщиной 1 м; юго-западная – длиной 7,4 м, толщиной 1,15 м. Стены плохой сохранности: штукатурка с внешней стороны оплыла, на внутренних поверхностях сохранилась фрагментарно.

Дверной проем расположен посередине западной стены, в 1,8 м от юго-западного угла, в 1,8 м от северо-западного угла, ширина проема 1,3 м. Помещение имеет размеры 4,5 x 4,5 м. Пол помещения углублен от основания стен на 0,6 м в материк. Таким образом, в помещении был устроен погреб. На глубине 0,6 м площадь ямы-погреба была сокращена отступом на 0,45-0,5 м, до размера примерно 3,4 x 3,4 м; глубиной 0,35 м. Общая глубина погреба составила около 1 м.

Раскопанное однокамерное сооружение, видимо, являлось хранилищем сельскохозяйственной продукции сразу нескольких усадеб. Толстые, мощные пахсовые стены, углубленный в материк пол и, вероятно, толстое камышовое перекрытие с глиняной заливкой, обеспечивали постоянную низкую температуру и определенную влажность внутри помещения.

Хранилище 3. В 2,3 км к северу от городища Сауран выявлены остатки 4-х комнатного жилого дома крестообразной планировки. Стены дома у основания имеют ширину 1,3 м, верхняя часть стен впоследствии сужена до 0,85 м и таким образом достигнута цель расширения внутреннего пространства помещения. На стене сохранились следы от кетменя и лопаты, посредством которых делали выемку кирпича со стены. Тандыры были сделаны позднее, вертикальный колодец дымохода пристроен к углу стен, а не в самой стене.

В результате раскопок установлено, что данное строение целиком или часть его (*помещения 1 и 2*) изначально могли служить как хранилище для продуктов. Эта часть строения имела толстые стены, которые предохраняли от жары и могли использоваться как «холодильники». При вторичном использовании стены были сужены, внутреннее пространство помещения расширено и переделано под жилье. В этот период в интерьере помещения появляются суфы, тандыры и очаги. Строительный материал со стены был использован для поднятия уровня пола и заполнения суфы.

Таким образом, на объекте прослежены два периода обживания и два уровня пола.

Хранилище 4 расположено в 1,8 км на северо-восток от центральных развалин городища Сауран. Размеры помещения по внутреннему периметру составили 4,2 x 4,2 м. Вход в помещение расположен в центре восточной стены, ширина прохода 1,1 м. Углы помещения позднее были укреплены дополнительной кладкой. Размер кирпичей 36 x 25 x 5 см. Толщина раствора кладки – 1,5 см.

Стены были оштукатурены. Наиболее хорошо сохранилась штукатурка на северо-западной стене: видно, что стены штукатурились

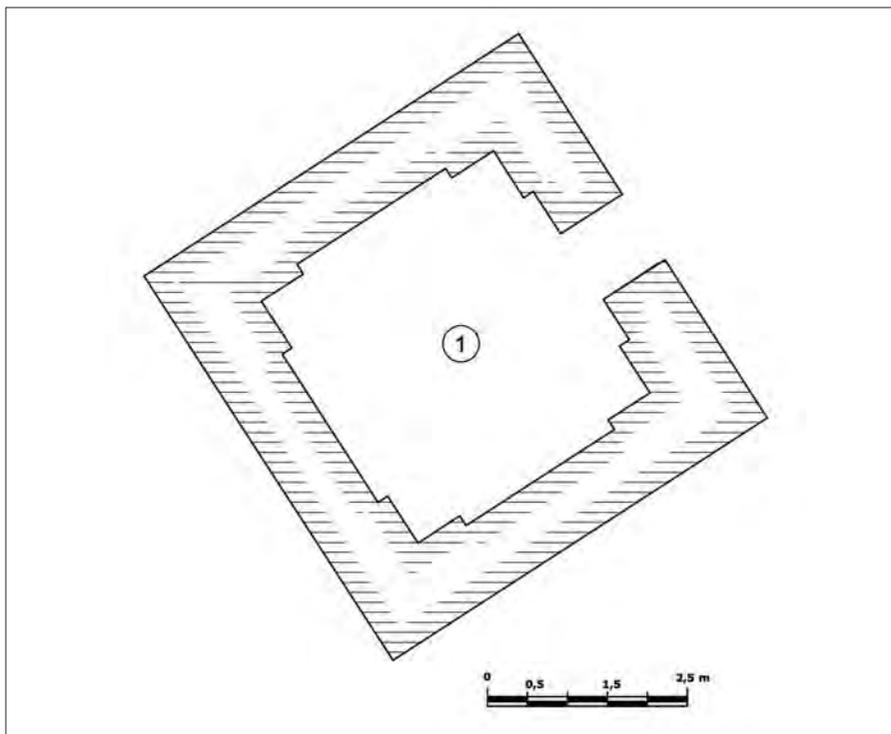

Рис. III. Хранилище 4. План

два раза. Внешний фас стен сохранился плохо, но и там заметны следы штукатурки.

Хранилище 5 расположено в 2,7 км к северу от центральных развалин городища.

Раскопками установлено, что в первый (ранний) период прямоугольное сооружение из пахсы использовалось как зернохранилище.

После длительного запустения, во втором периоде пахсовое сооружение было расчищено и включено в жилище с крестообразной планировкой.

Жилые усадьбы. Позднее, в XVI в., когда степь вокруг Саурана была окультурена, горожане стали строить за городом жилые дома. Сохранность многих объектов оставляет желать лучшего. Несмотря на это, удалось выделить четыре вида планировок усадеб. Загородные усадьбы конструктивно мало чем отличаются от городского жилья. Здесь также зафиксированы анфиладные, крестообразные, «Г»-образные планировки домов. Исключением являются однокамерные дома, что, вероятно, является следствием переоборудования хранилищ в жилые дома.

Усадьба 1. Усадьба с домом анфиладной планировки раскопана в 1,8 км к северо-востоку от центральных развалин городища Сауран. Выявленная постройка ориентирована углами по сторонам света с

незначительным отклонением. Жилое помещение имело размеры 4,1 x 3,7 м. Стены толщиной 1 м сохранились на высоту 0,7 м, местами – 0,4 м. Сложены они из сырцовых кирпичей размерами 37 x 20 x 10 см, встречаются кирпичи подквадратной формы, размерами 26 x 25 см, 24 x 27 см.

Проход в соседнее помещение располагался в середине северо-западной стены. Ширина прохода 1 м. Вход в помещение с улицы расположен в северо-восточной стене, ширина его 0,9 м.

Восточный угол помещения сохранился на высоту 1 м. На этом участке сохранилась штукатурка стены толщиной 1,5 см, сильно прокаленная и покрытая сажей.

Пол обмазан глиной с примесью соломы. При расчистке его зафиксированы следы периода запустения. На полу расчищен наносной слой пылевидного грунта. В центре помещения на полу обнаружены два прокала на месте напольных очагов. При расчистке припольного слоя заполнения найдены остатки балок перекрытия и камышового покрытия крыши, фрагменты поливной и неполивной керамики XVI-XVII вв.

С юго-восточной стороны к помещению 1 примыкает помещение 2 размером 5,15 x 5,2 м. В северо-восточной стене расположен входной

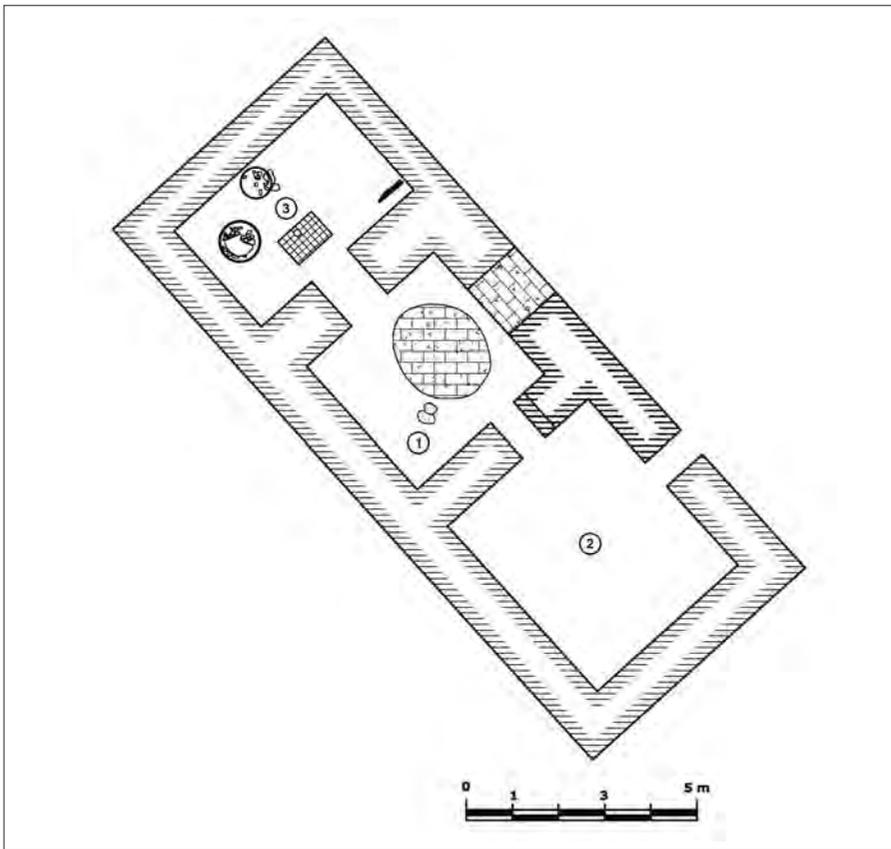

Рис. 112. Усадьба 1. План

проем шириной 0,8 м. Помещения 1 и 2 изолированные, каждое имеет отдельный выход на улицу.

Элементы интерьера помещения не выявлены, возможно, оно выполняло функции подсобного. В рыхлом заполнении помещения найдены куски сырцовых кирпичей и фрагменты керамики. На некоторых участках пола обнаружен тлен от камышового перекрытия.

С северо-западной стороны к помещению 1 примыкает *помещение 3* размером 4,75 x 2,8 м. Оно сообщается проходом в юго-восточной стене шириной 1 м с помещением 1, которое было жилым. В его интерьере расчищены два одновременных тандыра, впущенных в суфу, которые использовались для приготовления пищи и отопления в зимний период. У восточного угла обнаружено горелое дерево длиной 0,48 м, шириной 6 см. При расчистке рядом с ним были найдены фрагменты поливной и неполивной керамики XVI-XVII вв.

Напротив входа расчищена площадка ташнау, заглубленная относительно поверхности пола. Площадка размером 1,15 x 0,65 м. Борта площадки сложены из сырца шириной 8 см. Глубина площадки относительно сохранившейся части суфы составила 15 см. На месте ташнау имеется воронка диаметром 15 см, глубиной 10 см.

Перед площадкой в 0,5 м от края в суфе располагались два тандыра. Суфа частично разрушена, верх тандыров отсутствует. Первый тандыр диаметром сохранившейся части тулова 0,7 м, высотой 0,4 м. Дно тандыра вымощено обломками жженого кирпича, на дне расчищены кусочки обгорелой древесины, кости животных и зола.

Второй тандыр лучшей сохранности: диаметр тулова тандыра 0,7 м, высота стенок 0,35 м, толщина стенок 1,5 см. Дымоход от тандыра по суфе выведен к западному углу помещения. Длина дымоходного канала 1,1 м, ширина – 0,15 м, глубина 0,15 м. Вертикальный колодец дымохода находился в северо-западной стене. В заполнении тандыра найдены фрагменты поливной и неполивной керамики XVI-XVII вв.

Раскопанный объект является жилой усадьбой, состоящей из трех помещений. Два из них жилые, одно помещение, пристроенное позднее, – хозяйственное. Дом, размером 15,6 x 6,5 м, имел анфиладную планировку. По керамике, полученной из раскопа, усадьба датируется XVI-XVII вв.

Усадьба 2 «Г»-образной планировки, расположена в 2,5 м к северу от центральных развалин. В северной части дома расположены два помещения, вытянутые по линии северо-восток – юго-запад, выполнявшие функции жилых комнат. Ко второму, юго-западному помещению, с юго-восточной стороны примыкает большое помещение хозяйственного назначения.

Помещение 1 – жилое, в южном углу находился тандыр. При расчистке топки найдены фрагменты керамики XVI-XVII вв.

Дымоход проложен в суфе и выведен в вертикальный колодец в юго-восточной стене. Длина горизонтальной части дымохода 0,9 м, ширина канала – 0,15 м, глубина – 0,1 м.

К юго-западной стене примыкает площадка ташнау. Остальную часть помещения занимает суфа.

Помещение 2 размером 3,5 x 3,3 м примыкает к помещению 1 с юго-западной стороны и сообщается с ним проходом в северо-восточной стене. Стены сохранились на высоту 0,4 м. Внутренние поверхности стен покрыты штукатуркой, которая сохранилась преимущественно у оснований стен. В помещении 2 выявлена суфа размером 2,8 x 0,6 м, расположенная вдоль юго-западной стены. Она примыкает к западному углу. Поверхность суфы была вымощена жжеными кирпичами, борта суфы сложены из сырцовых кирпичей в два ряда.

Помещение 3 примыкает к помещению 2 с юго-восточной стороны. Размеры помещения 7,5 x 5 м, длинной стороной оно ориентировано с юго-востока на северо-запад. Дверной проем шириной 0,9 м находится в юго-западной стене у западного угла. Ширина прохода 0,9 м. Помещение, возможно, служило кладовой. В восточном углу устроен заком размером 0,8 x 0,65 м, высота стенок – 0,2 м. В заполнении закома найдена неполивная чаша.

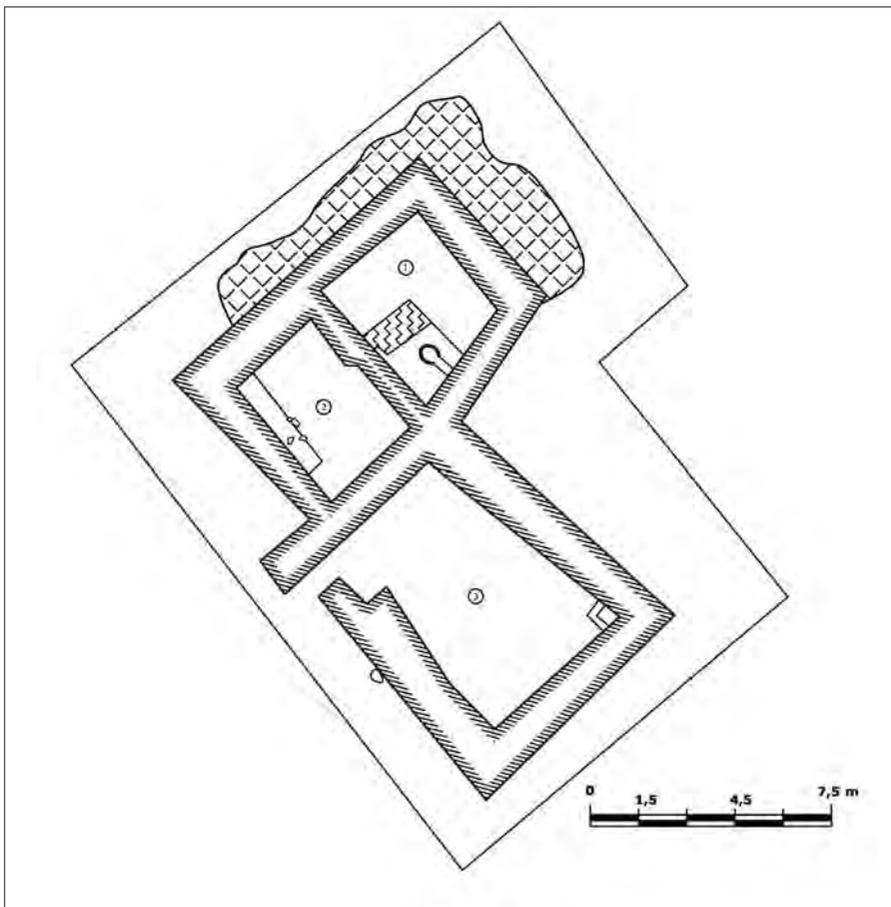

Рис. 113. Усадьба 2. План

Раскопанная постройка является остатками усадьбы, состоящей из трех комнат, две из них жилые и третья – кладовая.

Усадьба 3 – дом из двух помещений, расположен в 2 км на северо-восток-восток от центральных развалин городища Сауран. Усадьба ориентирована углами по сторонам света. Размеры первого помещения 5,25 x 4,35 м, стены сложены из сырцовых кирпичей размерами 32 x 18 x 6 см. Проход в помещение устроен в северо-восточной стене, его ширина – 1,1 м.

Большую часть помещения занимала суфа. Высота ее составила 0,25 м от уровня площадки перед входом. На площадке перед входом установлен тандыр, это было сделано позднее при перепланировке помещения, так как он не вмазан в тело суфы, а лишь частично прорезает его. Тандыр диаметром 0,6 м, высота сохранившихся стенок – 0,45 м.

С юго-западной стороны к помещению 1 примыкало помещение 2 размером 3,9 x 3,2 м. Северо-восточная стена помещения 2 – общая, в ней ближе к северному углу устроен проход шириной 0,95 м.

Порог входа в помещение выделен бортиком из двух рядов кладки сырцовым кирпичом, обмазанным глиной. Ширина бортика 25 см, высота 25 см.

Усадьба датируется XVI-XVII вв.

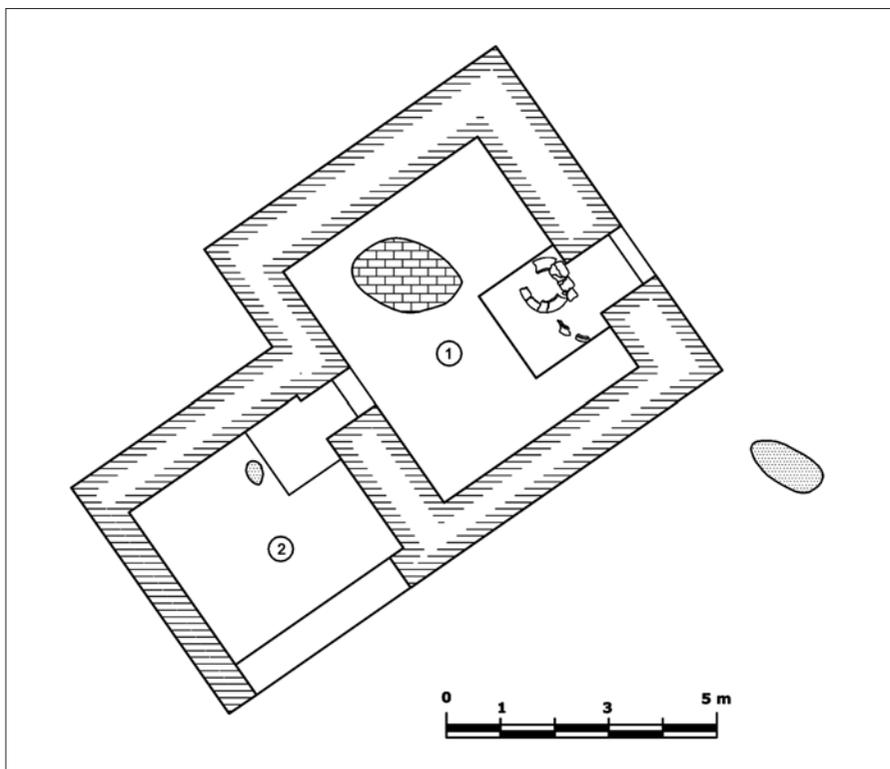

Рис. 114. Усадьба 3. План

Усадьба 4 расположена в 3 км к северу от центральных развалин. Строение размером 11,8 x 10,2 м состояло из 4-х крестообразно расположенных помещений. Построено оно из сырцовых кирпичей размерами 40 x 18 x 8 см.

Помещение 1 является входной частью, занимает восточный угол. Через него попадали в помещения 2 и 4. Первоначально главный вход в сооружение находился в середине северо-западной стены, ширина входа 1,5 м, пространство по обеим сторонам от входа занимали суфы.

Помещение 2 размером 5,6 x 4,8 м занимает северный угол сооружения. С юго-запада к нему примыкает помещение 3, с юго-востока – помещение 1. В помещение 2 попадали из помещения 1 через проем в юго-восточной стене. Вход в *помещение 3*, шириной 0,85 м, расположен в юго-западной стене. Стены помещения были оштукатурены глиной желтого цвета с примесью соломы. Штукатурка сохранилась местами только на внутренних поверхностях. Толщина обмазки равнялась 1 см.

В помещении расчищены два разновременных пола. По уровню верхнего пола большую часть помещения занимала «Г»-образная суфа. Она была пристроена к северо-восточной и северо-западной стенам. Ширина суфы вдоль северо-восточной стены 2 м, вдоль северо-западной – 2,1 м. Суфа сохранилась на высоту 0,3 м от уровня пола площадки ташнау перед входом.

Южный угол помещения был свободен от каких-либо конструкций, представляется в виде площадки размером 3,7 x 3 м, пол был обмазан светло-желтой глиной. Через нее проходили от главного входа к проходу в помещение 3.

На глубине 0,7 м был обнаружен второй пол. Центральную часть помещения занимала яма с закругленными углами размером 4,5 x 3,7 м, глубиной 0,25 м. Функциональное назначение помещения по уровню второго пола можно интерпретировать как хранилище – погреб.

Помещение 3 квадратное, размером 3,4 x 3,4 м, занимало западный угол сооружения. С северо-востока к нему примыкает помещение 2, с юго-востока – помещение 4. Помещение 3 сообщается с ними через проходы в северо-восточной и юго-восточной стенах.

Перед входом в помещение устроена площадка ташнау размером 1,9 x 1,5 м. Она занимает восточный угол помещения и соединяет проходы в помещения 2 и 4. В центре площадки было устроено сливное устройство размером 1,2 x 0,5 м ниже уровня основной площадки на 0,2 м.

Оставшуюся площадь помещения занимала суфа, расположенная вдоль северо-западной и юго-западной стен. Ширина суфы вдоль северо-западной стены 1,9 м; вдоль юго-западной стены 1,3 м; сохранившаяся высота – 0,25 м.

В суфе у южного угла обнаружены остатки тандыра.

По собранному керамическому материалу, представленному фрагментами поливной и неполивной посуды, усадьба датируется XVI-XVII вв.

Помещение 4 размером 3,6 x 3,4 м расположено в южном углу сооружения. С северо-запада к нему примыкает помещение 3, с северо-востока помещение 1, сообщается с ними дверными проемами в северо-западной и северо-восточной стенах.

При расчистке помещения выявлено два уровня пола. По верхнему уровню была вскрыта часть пола у северного угла. Здесь была устроена площадка ташнау размером 1,8 x 1,6 м. Оставшуюся площадь помещения занимала суфа, расположенная вдоль юго-западной и юго-восточной стен.

На уровне второго пола проем в северо-западной стене был заложен, а в северо-восточной стене был прорублен новый вход с айвана. Перед ним была устроена площадка ташнау размером 1,8 x 1,7 м, занимавшая восточный угол помещения. Площадка была окружена суфой «Г»-образной формы. Суфа сохранилась частично: ширина 2 м, высота 0,3 м.

Тандыр, впущенный в суфу, диаметром 0,85 м, сохранившаяся высота стенки 0,4 м. Дымоход тандыра выведен к южному углу помещения. Длина дымохода 0,75 м. Вертикальный колодец дымохода находится в углу помещения.

За пределами дома в 1,3 м от северо-западной стены обнаружен наземный очаг овальной формы, заглубленный в землю. Размер очага 0,6 x 0,3 м, стенки прокалены, в заполнении расчищена зола с содержанием древесных угольков.

Раскопанный объект является загородным домом-усадебой. Проведенные исследования на объекте позволяют восстановить этапы функционирования сооружения. Прослежены перепланировки, функциональные изменения помещений. Первоначально это было хранилище, позднее, когда на территории аграрной зоны стали появляться дома-усадебки, к нему были пристроены помещения 1, 3, 4, преобразовавшие сооружение в жилой дом.

Усадьба 5 расположена в 2,6 км к северо-востоку от центральных развалин города Саурана. Внешние стены с южной и северной сторон раскопа прослеживаются в следах. Сравнительно хорошей сохранностью отличаются конструкции в западной части раскопа. Это наиболее ранняя часть дома. «Ранний дом» размером 14,5 x 6 м вытянут по линии север-юг. Дом обращен фасадом на запад. Позднее с восточной стороны, к юго-восточному углу сооружения, были пристроены еще два помещения, вытянутых с запада на восток, придав тем самым сооружению «Г»-образную планировку. Для доступа к этим помещениям в восточной стене «вестибюля» был сделан проход на задний двор. Дом построен из сырцовых кирпичей размером 32 x 18 x 6 см.

Помещение 1 размером 4 x 2,45 м является центральным в ранней части сооружения. Оно выполняло функции вестибюля. У северо-западного угла выявлено прокаленное округлое пятно на месте очага диаметром 0,3 м.

Помещение 2 размером 5,8 x 4 м занимает северную часть сооружения. В него попадали через помещение-вестибюль 1. При входе

в помещении была устроена площадка размером 1,35 x 1,1 м – ташнау, вымощенная окатанной галькой. В центре площадки лежал кирпич со сквозным сливным отверстием посередине, который перекрывал водопоглощающий колодец. В юго-восточном углу помещения сохранилось прокаленное пятно округлой формы диаметром 0,5 м. Расположение его у площадки с ташнау позволяет предположить, что это был тандыр, впущенный в суфу.

За северной стеной помещения, являющейся внешней, расчищена упавшая стена. Ее контуры размером 5,15 x 2 м, сохранившаяся толщина – 0,45 м. Хорошо читается кладка стены из сырцового кирпича размерами 32 x 18 x 6 см. В центре выявлен оконный проем размером 1,3 x 1,05 м. Верхний пролет окна сложен из кирпичей, поставленных на ребро, и намечен легкий арочный изгиб. Боковые косяки оштукатурены светло-серой глиной с примесью соломы. Толщина штукатурки 1,5 см. Окно расположено напротив входа в помещение.

В помещении зафиксирован период длительного запустения. Зафиксированы остатки стены второго периода. Во втором периоде обживания площадь помещения значительно сократилась – до 8 кв. м.

Помещение 3 размером 4 x 4 м примыкает к помещению 1 с юга. Проход в помещение шириной 1 м располагался в середине северной стены, напротив прохода в помещение 2.

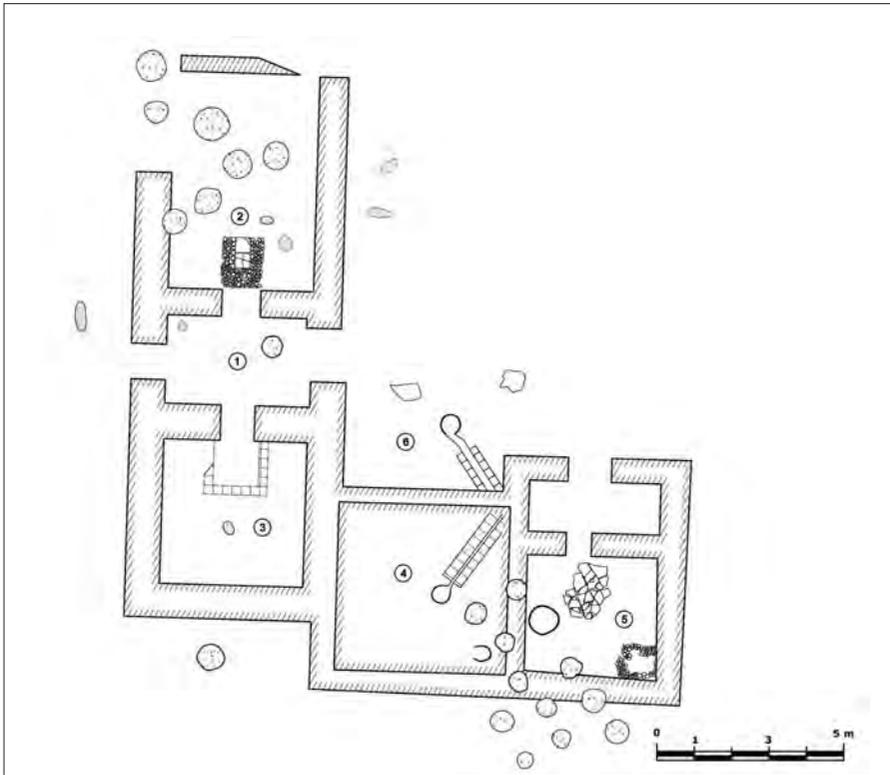

Рис. 115. Усадьба 5. План

При входе в помещение устроена площадка ташнау размером 1,2 x 1,0 м. Оставшуюся часть помещения занимала суфа «П»-образной формы. Напротив входа в суфе обнаружены остатки тандыра в виде прокаленного пятна размером 0,4 x 0,3 м. В слое встречена поливная и неполивная керамика XVI-XVII вв.

Строение, примыкавшее к основному, в плане прямоугольное, размером 10 x 6,5 м. Постройка состоит из трех комнат и, вероятно, навеса. Стены сложены из кирпича-сырца и сильно опплыли. Сохранились они на высоту 0,15-0,6 м.

Помещение 4 размером 4,3 x 4 м примыкает к помещению 3 с восточной стороны и имеет с ним общую западную стену. Ближе к центру помещения выявлены остатки тандыра диаметром 0,5 м, сохранившаяся высота стенки 0,3 м. Тандыр был впущен в суфу. Дымоход был подведен к северо-восточному углу помещения. Суфа располагалась вдоль северной стены, ширина ее 2,8 м, сохранившаяся высота 0,1 м.

В юго-восточном углу помещения располагался сандал в виде смонтированного в суфу донной части хумчи с выбитым дном.

Помещение 5 примыкает к помещению 4 с восточной стороны. В плане оно прямоугольной формы размером 5,2 x 3,2 м. Входная часть помещения отделена от основной части перегородкой, образуя перед входом тамбур размером 3,5 x 1,5 м, вытянутый по линии восток-запад.

Вход шириной 0,8 м в основную часть строения расположен в северной стене. Перед входом имеется площадка ташнау, выложенная из камня-плитняка. Размеры площадки ташнау 1,4 x 1,25 м. Центр выкладки на месте слива просел. Над площадкой был расчищен рыхлый надувной слой, содержащий битые кирпичи и фрагменты керамической посуды, датируемой XVI-XVII вв.

В юго-западной части помещения у западной стены выявлено основание тандыра, впущенного в суфу.

Юго-восточный угол помещения занимала вымостка из окатанной гальки размером 1,0 x 0,9 м, она маркирует место площадки ташнау.

Вход со двора шириной 1,2 м устроен напротив входа в основную часть.

Помещение 6 расположено с восточной стороны помещения 1.

В помещении в суфе устроен тандыр.

Пекарня расположена в 1,7 км на северо-восток от центральных развалин городища.

В пределы раскопа попала юго-западная часть сооружения, где были вскрыты четыре помещения.

Помещение 1 вскрыто частично. Стены сложены из сырцовых кирпичей прямоугольного формата, размером 36 x 20 x 6 см. На стенах местами сохранилась штукатурка из глины с примесью соломы.

Проход из помещения 2 расположен на северной стене. Ширина прохода 0,5 м. Перед проходом в помещение имеется площадка

размером 2,8 x 1,8 м, занимающая все пространство, прилегающее к западной стене. Пол площадки обмазан толстым (2 см) слоем глины с примесью соломы. В юго-восточной части площадки зафиксирован прокаленный участок овальной формы размером 0,9-0,7 м. На месте прокала расчищена зола и древесные угольки. Восточную часть помещения занимала суфа, борт которой сохранился в следах. В суфу был смонтирован тандыр.

Помещение 2 примыкает к помещению 1 с севера и сообщается с ним проходом. Помещение сохранилось частично: отсутствует северная часть со стеной. Расчищенная часть представляет собой узкое коридорообразное помещение размером 2,8 x 1,5 м. Пол и стены помещения оштукатурены глиной желтого цвета с примесью соломы.

Помещение 3 расположено в северо-западной части и примыкает к помещению 2 с запада. Размеры сохранившейся части: ширина с востока

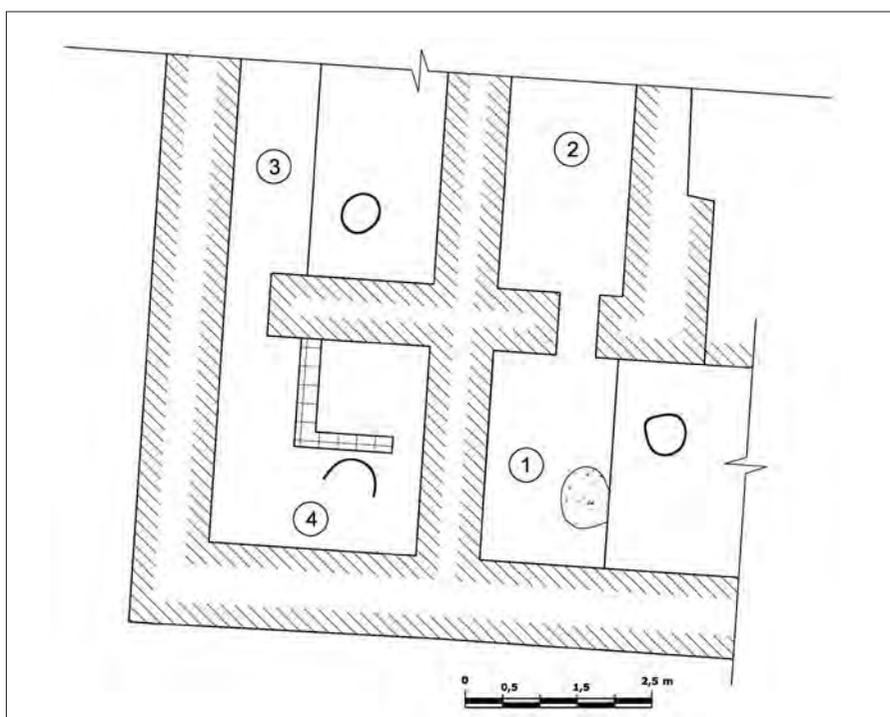

Рис. 116. Пекарня. План

на запад 2,7 м, длина прослежена на 3 м. Большую часть пространства помещения занимала суфа, прилегающая к восточной стене. Ширина суфы 1,6 м, в ней ближе к юго-восточному углу находились остатки тандыра.

В западной части помещения находится узкий коридор, через который попадали в помещение 4.

Помещение 4 размером 2,8 x 2,7 м расположено в юго-западном углу раскопа.

Северо-восточный угол помещения отделен от остальной части «Г»-образным бортиком из сырцовых кирпичей размерами 30 x 25 x 5 см, шириной в полкирпича. Суфа квадратная, размером 1,8 x 1,8 м.

В юго-восточной части помещения обнаружен тандыр, расположенный в 0,15 м от суфы и в 0,65 м от южной стены.

Таким образом, вскрыта часть сооружения, состоящая из четырех помещений. По выявленным остаткам конструкций можно выдвинуть гипотезу, что открыта постройка производственного помещения – хлебопекарня.

Керамический материал из раскопа позволяет датировать объект XVI-XVII вв.

Этноархеологические исследования: казахские зимовки и процессы седентаризации

Следует отметить, что исследование зимовок находится на стыке археологии и этнографии – палеоэтнографии, научное направление, которое успешно развивалось в СССР. Такие работы вела Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР, организованная выдающимся ученым С.П. Толстовым. Он писал: «Одной из особенностей комплексных работ Хорезмской экспедиции является организация в широких масштабах археологических исследований на памятниках XVIII-XIX вв., заброшенных по разным историческим причинам земледельческих поселениях» (Толстов, 1962, с. 295).

Палеоэтнография являлась важным направлением исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ). Об этом писал К.А. Акишев: «И, наконец, перспективность изучения района объясняется ролью и местом Южного Казахстана в образовании казахского народа и сложении казахской государственности. Для решения этих вопросов археологические исследования должны быть максимально приближены к событиям XV-XVIII вв., объектом исследований в союзе с палеоэтнографией и антропологией должны быть памятники материальной и духовной культуры собственно казахского народа. Однако, совершенно необходимы поиски и раскопки развалин зимовок, остатков летних стоянок, монументальных построек, ирригационных сооружений и семейно-родовых кладбищ XV-XVIII вв. Комплексное изучение даст возможность не только лучше проследить развитие сложившейся культуры казахов, но и путем сопоставления ее с уже имеющимися археологическими материалами ранних доказахских эпох установить истоки происхождения материальной и духовной культуры казахского народа. Генезис материальной и духовной культуры – одна из важнейших проблем этногенеза народа» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 207-208).

Сейчас это научное направление называется «этноархеология» (Томилов, 2002, с. 3-21; Байпаков, 2004, с. 129-130).

Как отмечалось, в ЮККАЭ был организован специальный отряд, который занялся изучением казахских поселений и зимовок. Были

обследованы бассейн среднего течения Сырдарьи, южные и северные склоны хребта Каратау, разведочные маршруты пролегли в Центральном Казахстане в Улугтауских горах. За указанный период были обнаружены и обследованы остатки более сотни зимовок.

Такие же работы были проведены на территории Жетысу, выпущена монография о характере и роли оседлости у казахов XVI – начала XX вв. (Жолдасбаев, 1996).

В результате исследований удалось разделить памятники казахской оседлости по следующим типам: кыстау – зимовки; кыстау – поселения; уактылы коргандар – замки (укрепленные стенами и рвами); кенты (кала) – городища (Жолдасбаев, 1972, с. 187-191; 1974, с. 173-187; 1976, с. 46-58).

В большинстве случаев казахские зимовки расположены на берегах рек Сырдарьи, Шу, Или, Арыси, Таласа, Сарысу, Кенгира, Жезды, Каракенгира, в прегорьях Каратау, Таласского, Илийского и Джунгарского Алатау.

Они находятся в хорошо защищенных от ветров местах и в горных ущельях, пригодных для выпаса скота зимой. Такие места испокон веков и до сих пор использовались из поколения в поколение. К сожалению, обживание таких мест современниками зачастую почти полностью уничтожает следы построек прошлых эпох.

Зафиксированные зимовки по своему внешнему виду, топографии и расположению можно разделить на два вида:

Зимовки, расположенные на берегах рек. Как правило, состоят из двух-трех камерных землянок и полуземлянок. В плане они круглые и продолговатые. Наибольший диаметр или длина – от 3 до 5 м, глубина – от 0,5 до 1 м.

Зимовки, расположенные в горных ущельях. Это по преимуществу наземные жилища, основным строительным материалом для которых был камень. Они тоже состоят из 2-3-х комнат. Стены сохранились на высоту от 0,5 м до 1,5 м. Обмазки стен обнаружить не удалось. Подъемный материал состоит из фрагментов керамики, которые по составу и поливе можно датировать XVI-XVIII вв. Такие зимовки дожили до конца XIX – начала XX в.

Расстояние между зимовками, расположенными на берегах рек, 5-10 км и обыкновенно они занимают почти все течение реки от истока до устья.

Зимовки обычно располагались группами. В каждой имелись от 5 до 10 хозяйств, расположенных друг от друга на таком расстоянии, которое необходимо для выпаса скота каждого хозяйства. Следует отметить (это подтверждается данными археологии и этнографии), что по всей территории Казахстана расположение и планировка зимовок очень близки. Продолжительность проживания в таких зимовках длилась с конца ноября до начала апреля. Однако жители о зимних хлопотах думали еще с лета. Они на зимовке строили сараи и ремонтировали жилища, выращивали хлеб, заготавливали сено, дрова.

Постоянные зимовки в археологической науке получили название зимовок-поселений. Они были известны со времен саков и усуней (Акишев, 1970, с. 69-78; Байпаков, 2008).

Археологические исследования свидетельствуют, что на таких зимовках люди жили постоянно и занимались земледелием, и эти зимовки постепенно превращались в поселения.

Такие места вместо старого названия кыстау (зимовка) теперь называются кыстак (поселение). Вокруг них прослеживаются обработанные земли, где выращивали просо, ячмень и пшеницу. Просо было самым распространенным.

Размеры их площади обычно 100 x 50 м. Они имели наружные стены и ров (Жалгызтам), а поздние сельские поселения XVIII-XIX вв. – стен и ровов не имеют. Они состоят из нескольких отдельных домов, размеры каждого из них 20x30 м. В поселении обычно бывает от 5 до 15 домов (Актасмечеть, Арасаттин Кумы, Шыгырлы I, II).

Исследование зимовок. В Туркестанском оазисе был исследован кыстак *Шыгырлы I*, построенный на развалинах поселения, относящегося к XIII-XV вв. Шыгырлы I состоит из 10 полуземлянок и хозяйственных помещений, сделанных из тальника. По плану жилищ можно предполагать, что здесь проживало 5 семей, о чем свидетельствуют их хозяйственные постройки. Раскопками были вскрыты две полуземлянки, сообщающиеся между собой. Полуземлянки имели два уровня пола. На уровне верхнего пола вход был с юго-восточной стороны, на уровне нижнего – с западной, толщина слоя между полами – 15-20 см. Это говорит о том, что жители, временно покинувшие свои места, после возвращения заново обустраивали дома. Стены сделаны из пахсы, но встречаются в обломках сырцовые кирпичи.

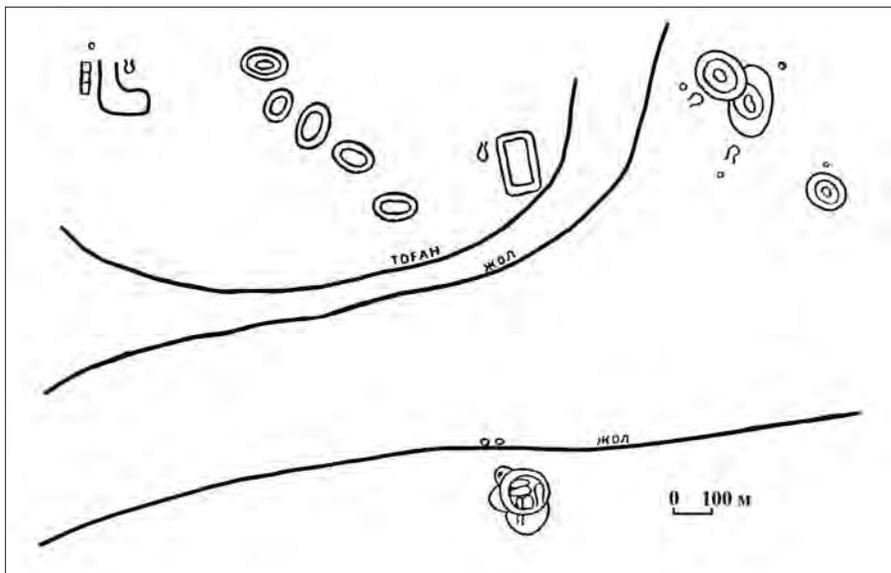

Рис. 117. Кыстак-зимовка Шыгырлы I. План

В одной из комнат на уровне верхнего пола у стены обнаружен очаг, а в центре второй комнаты – овалный очаг, размером 20 х 30 см. Крыша полуземлянки была типа «шалаша», т. е. конусообразной, с отверстием для дыма.

Название Шыгырлы, по сообщению местных информаторов, происходит от того, что жители поселения занимались поливным земледелием, добывая воду из колодцев с помощью шыгыра (чигиря). Об этом же свидетельствует наличие котлована-водохранилища длиной 30-40 м, шириной 15-20 м и глубиной 10-12 м, обнаруженного на юго-западной стороне поселения. От него протянут небольшой аркык к орошаемому участку.

Такие же кыстаки зафиксированы вокруг Саурана, в каждом из них имеются от 5 до 10 домов. В этих кыстаках жилища наземные, но около каждого имеются хозяйственные полуземлянки (Жолдасбаев, 1976, с. 46-50).

Поселение *Актасмечеть* является наиболее крупным, площадь его достигает 4 га. Оно находится на протоке Сырдарьи, в 40 км к юго-западу от Саурана. В топографии его различаются 15 оплывших бугров различной величины на расстоянии 20-30 м друг от друга. Среди развалин находится мечеть, а на западной стороне – мавзолей. По сообщению местных информаторов, мечеть построена во второй половине XIX в., а мавзолей Айкожи – в конце XVII в.

Объектом исследования был выбран расположенный возле мечети четырехугольный бугор. Площадь раскопа составила 270 кв. м.

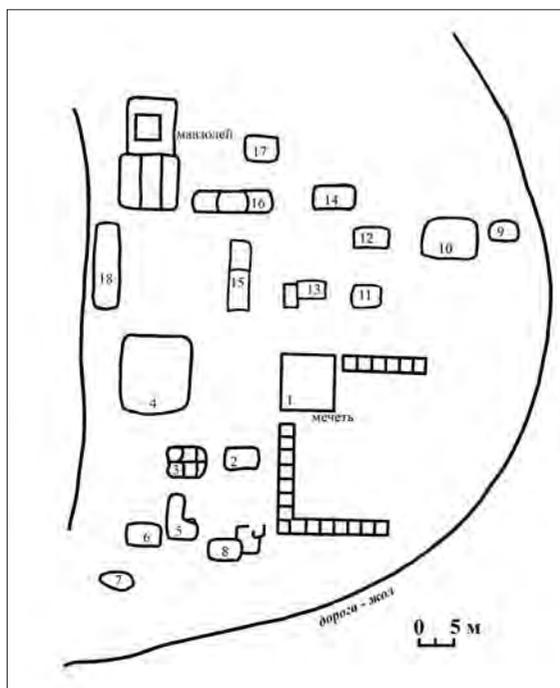

Рис. 118. Общий план поселения Актасмечеть

Всеверо-восточному углу располагались два жилых помещения. Комната 1 размером 4,55 x 5,4 м длинной стороной ориентирована на восток. Южная стена сооружена из сырцового кирпича, в то время как другие стены воздвигались из пахсы. Сохранившаяся высота стен 0,4-0,5 м, толщина 0,5 м. Пол в помещениях – земляной.

Перед входом в помещение имеется углубление шириной 1,2 м; длиной – 1,6 м. Пол его ниже уровня общего пола на 0,25 м. С юго-востока к этому углублению подходит предпечное пространство, расположенное еще глубже на 0,1 м. Очаг плохой сохранности. Он почти не отличался от типичных казахских очагов, обычно устраиваемых при входе в помещение в правом углу. Дымоход шел вертикально в стене и выходил на плоскую крышу.

В северо-восточном углу к стене был пристроен четырехугольный столик размером 1,4 x 0,7 м и высотой 0,5 м. Нижняя часть его сформирована из пахсы, а верх сложен из обломков жженого кирпича, уложенных в два ряда. Очевидно, он мог служить как жукайак – место для хранения одеял и других пожитков.

Помещение 2 примыкает к первому с южной стороны. Размеры его с севера на юг – 4,9 м, с запада на восток – 3,9 м. В юго-восточном углу комнаты находилась яма, в полутора метрах к северу от нее располагалась вторая, обе ямы перекрыты жженым кирпичом. В первой яме найдены остатки проса, обломок серпа и обломок венчика чаши зеленовато-коричневого цвета. Вторая яма была пустой. В центре комнаты в небольшом углубленном месте обнаружены следы открытого очага. Кухонный очаг находился, по всей вероятности, в первой комнате.

Можно предполагать, что данное поселение существовало с XVII до конца XIX вв. (Жолдасбаев, 1975, с. 86-93).

В окрестностях Саурана исследовалось поселение Жалгызтам (XVI-XVIII вв.), расположенное в 7 км к юго-западу от городища, южнее железнодорожной ветки Туркестан – Кызылорда и в 6 км от разъезда №29 (Жолдасбаев, 1974, с. 173-187).

Временные замки (уактылы коргандар), убежища, укрепленные земляными валами или каменными стенами, которые снаружи имеют ров, встречаются в Центральном Казахстане на берегах рек. Использовались как летние стоянки такие известные, как Орда (170 x 100 м), Ногербек дарасы (200 x 150 м), Айбас дарасы (29 x 30 м), Шоткаранын коны (30 x 35 м). Подобные замки встречаются также у выходов из ущелий северного и южного склонов Каратау, которые называются местным населением «Таскорган» – каменный замок.

По словам информаторов, они построены во время джунгарского нашествия. Временные замки культурного слоя почти не имеют, поэтому их абсолютная датировка несколько условна (Жолдасбаев, 1976, с. 33-35). Важным типом оседлых поселений казахов считаются городища (шахар, кала, кент). Некоторые из городищ (Культобе, Ран, Таскорган) находятся у выходов из ущелья. Вокруг имеются участки для посевов и оросительные каналы. Городище представляет собой овальный

в плане холм (180 x 135 м) с заметной цитаделью, расположенной ближе к северной части бугра. Высота его достигает 10-12 м. По краям городища в некоторых частях прослеживаются остатки крепостной стены шириной до 1 м и всхолмления – сильно оплывший ров.

С северо-западной стороны городища обнаружены развалины водяной мельницы. В ущелье найдены в трех местах развалины еще трех водяных мельниц, где встречаются обломки керамики. Около городища находятся могильники XVI-XVII вв. Такие же зафиксированы на юго-западной стороне городища Культобе.

Раскопки проводились в двух местах: в северо-западной части городища, где площадь раскопа достигла 2300 кв. м, и на цитадели – 500 кв. м. В процессе исследования на территории шахристана было вскрыто более 60 помещений и выявлены остатки двух улиц. Одна из них тянется вдоль крепостной стены, ширина ее – 2 м, а другая – в центре поселения, ширина ее 2,5 м. Вскрыто 17 помещений, которые располагались между улицами и вокруг цитадели.

Основной строительный материал – камень-плитняк, иногда для внутренних перегородок использовали сырцовые кирпичи формата 30 x 12 x 8 см. Сохранившаяся высота стен 0,3 м.

Городище Ран представляет собой овальный в плане холм высотой 10 м. Цитадель размером 20 x 25 м расположена у западной крепостной стены и от шахристана отделена каменной стеной, сохранившейся в настоящее время на высоту 0,4-0,5 м. На всей поверхности городища хорошо прослеживаются каменные постройки (Жолдасбаев, 1976, с. 54-58). По ним можно предполагать, что основные жилые комплексы располагались по краям городища ближе к крепостной стене, что объясняет понижение площади городища к центру. Главные ворота поселения находились с южной стороны. Стратиграфическое исследование городища выявило три слоя: нижний слой датируется XII-XIV вв.; средний – XV-XVI вв.; верхний – XVII-XVIII вв.

Итак, в Южном и Центральном Казахстане сельские поселения в XV-XVIII вв. возникли и развивались на базе кочевнических ставок и зимовок. Места, которые они занимали, располагались в удобных для оседлого и полuosедлого образа жизни районах, на важных торговых путях.

Материальная культура казахов XV-XVIII вв. в своих основных чертах отразила своеобразное соотношение оседло-земледельческих и кочевнических традиций, которые были присущи Казахстану с глубокой древности (Жолдасбаев, 1975).

Поселения казахов в Жетысу. Казахское ханство возникло на западе Жетысу – в районе реки Шу, местности, называемой в источниках, Кордай и Козыбасы, в непосредственной близости от с. Кордай. Поэтому регион Жетысу уже в первые годы образования государства оказался в сфере влияния и интересов казахских ханов (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 217-258; История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 312-361).

К.А. Акишев и М.К. Хабдулина пришли к выводу, что средневековый топоним «Козыбасы» сохранился в названии горы, расположенной на юге современного с. Таргап. Небольшая гора Козыбасы вместе с двумя другими – Бесбатыр и Дегерес составляют горную гряду, протянувшуюся с востока на запад на 45-50 км. На юге гряда соединяется с горами Жетижол и образует вместе с северными склонами Заилийского Алатау межгорную долину, орошенную многочисленными родниками и горными речками.

Долина является южным пределом региона Козыбасы. На севере в него входили Шу-Илийские горы с долинами Копа и Карой, а на северо-западе – горы Аныракай и Хантау. Вся эта территория, как определяют исследователи, включая на западе низовья и среднее течение Шу, общей протяженностью 1000-1200 км составляла округ Козыбасы.

Археологическими поисками здесь были открыты и выборочно обследованы десятки памятников хозяйственной и культурной деятельности, относящихся к XV-XIX вв. Это остатки большого количества стационарных жилых и хозяйственных строений, которые группируются в поселения, расположенные по берегам рек, около родников или искусственных каналов. Это поселения Тажибай-жайляу, Шобек-жайляу, Сабден-жайляу, Бектасбулак, Балажан-булак.

Поселения *Бесмойнак I-II* и Бугумуйыз расположены в междуречье одноименных рек на северных склонах горы Жетыжол. Поселение Бугумуйыз занимает площадь длиной 200-250 м. Водоснабжение обеспечивалось каналом длиной до 400 м, выведенным из реки Бугумуйыз.

Бесмойнак II состоит из двух отдельно стоящих многосекционных зданий, расположенных на мысу, образованном довольно глубоким (ныне сухим) руслом речки и каналом, подведенным к поселению с восточной стороны. Постройки по своим параметрам и сложности планировки напоминают укрепленную усадьбу типа резиденции правителя.

Южная резиденция размером 20 x 60 м, на этой площади по остаткам оснований стен прослеживается десять помещений. Наружные стены по всему периметру памятника облицованы камнем, толщина их 0,6-0,7 м, сохранившаяся высота стен местами достигает 1,5 м.

Северная усадьба размером 15 x 40 м состоит из четырех помещений, сохранившаяся высота стен до 1 м.

Большая группа памятников обнаружена в юго-западных пределах региона Козыбасы, в долинах рек Актерек, Сулукоянды и Куркуреук, стекающих с гор Жетижол. Это остатки зимовок и водяных мельниц, ирригационные системы, ограждения из крупных каменных блоков больших земельных участков площадью от 15 до 25 га.

По берегам этих рек на площади в 20-25 кв. км было зафиксировано свыше пятнадцати жилых и хозяйственных строений. Планировка большинства из них стандартна: жилые дома двух-трехсекционные линейной планировки, изредка «Г»-образной (поселения Актерек I и Куркуреук IV), размерами: 4 x 8 м и 4 x 12 м.

К каждому жилому дому пристроен хозяйственный двор (размером 7 x 12 м, 8 x 12 м и 12 x 14 м), служивший для содержания скота и

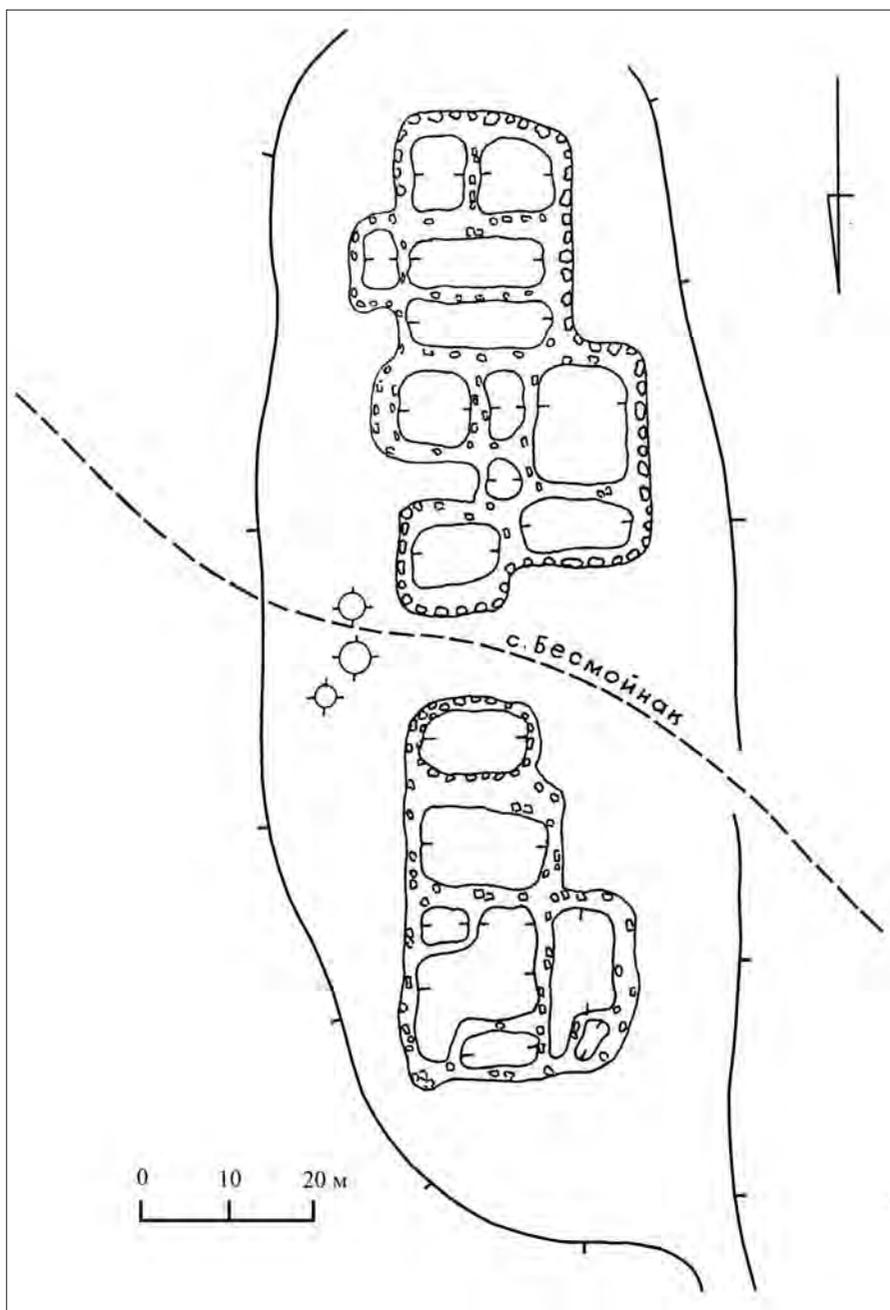

Рис. 119. Поселение Бесмойнак II

других бытовых нужд. На территории одного из поселений обнаружены крупный каменный жернов, лемех от сохи, подковы, скобы от ворот, фрагменты керамической посуды.

Большой интерес для выяснения практики водоснабжения и землепользования представляют так называемые каменные сооружения разной конфигурации размерами 70 x 150 м и 200 x 700 м. У поселения

Куркуреук IV внутри ограждений обнаружены остатки стен небольшой постройки и квадратная оградка из четырех обработанных каменных плит, врытых в грунт. Земельные площади внутри последних в осенне-летний сезон использовались под посевы зерновых (пшеница и просо), а в осенне-зимнее время под пастбища.

Таким образом, функции описанных ограждений чисто хозяйственные, они ограничивали территории, которые использовались под зимние пастбища и под пашенное земледелие.

Большой интерес представляют остатки водяных мельниц, обследованные по среднему и нижнему течению реки Актерек. На протяжении 3-3,5 км был построен каскад из шестнадцати мельниц. Все они примерно одних параметров и аналогичной конструкции, состоящей из помещения самой мельницы и водовода, который сооружен в виде высокого вала, по верху выложенного камнем. По каналу вода подавалась в русло водовода, откуда она с высоты 2-2,5 м падала на лопасти механизма, приводившего в движение жернова. В развалинах нескольких мельничных помещений сохранились жернова, вросшие в грунт. При строительстве мельниц система работы их была спланирована так, что вода, использованная первой мельницей, по новому водоводу подавалась в последующие. Возможно, каждая мельница принадлежала одному или нескольким родам.

Ограниченность новой территории обитания вынуждала к предельно плотному расселению на пригодных для нормальной жизнедеятельности оазисах.

Следует обратить внимание на важность изучения памятников Казахского ханства для более глубокого понимания феномена крупного государства, его политогенеза и культурогенеза.

Экстремальные условия вынуждали к плотному расселению населения, о чем свидетельствует сосредоточение большого количества поселений-зимовок на узкой территории, к жесткому распределению земельных наделов. Лимит хозяйственно-пригодных земель вынуждал также к централизованному решению рационального закрепления зимних пастбищ и источников водоснабжения (Акишев, Хабдулина, 1998, с. 130-132; Акишев, 2013, с. 135-141).

ГЛАВА V

ТИПОЛОГИЯ ГОРОДИЩ, ГОРОДСКАЯ ЗАСТРОЙКА: КВАРТАЛ, ЖИЛИЩЕ, ФОРТИФИКАЦИЯ; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Типология позднесредневековых городищ

Рассматриваемый период в истории Казахстана достаточно подробно описан по сравнению с предшествующими письменными источниками. В них содержатся довольно обстоятельные сведения о сырдарьинских городах (Пищулина, 1969, с. 5-49; 1983, с. 165-176). Их анализ дает представление о некоторых сторонах жизни городов, в первую очередь Ясы-Туркестана, Отрара, Сыгнака, Саурана, Сузака, Сайрама.

Во второй половине XV века в письменных источниках уже не встречаются названия северо-каратауских городов – Уросогана, Сугулкента. Городища, отождествленные с этими городами, как показывают археологические исследования, пустеют к концу XV – началу XVI в. В низовьях Сырдарьи прекращают жить городища Джанкала, Кыз-кала; на Бугуни городище Бузук-тобе (Чилик), на Средней Сырдарье – Куйрыктобе и Оксыз.

В Отраре с середины XV в., как показали археологические работы, пустеет пригород. К XVI в. территория его занимала чуть больше гектара и вся городская жизнь была сконцентрирована только на центральном бугре.

К сожалению, пригород Отрара, занимавший территорию к востоку и югу от его центральной части, разрушен в ходе работ по планированию территории под посевы кукурузы. Восточная часть пригорода, его большая часть занята современными полями. Территория пригорода далеко выходила за пределы стен рабада и отступала от центрального бугра приблизительно на 2-3 км на северо-восток и на 4 км на юг. Она маркировалась остатками древних построек в виде бугров и агроирригационных планировок.

Сокращение городской территории отмечено для Сайрама, Сыгнака, Сузака. Пустеют рабады и городская жизнь сосредотачивается в пределах центральной, наиболее укрепленной части. Это зафиксировано и археологическими исследованиями, и другими данными. Так, П.П. Иванов на основании опрошенных данных от старожиллов Сайрама пишет о скученности населения города в центральной части на территории бывших цитадели и шахристана, где легче было найти защиту за стенами.

В XVI-XVII вв. важную роль в политической и экономической жизни региона стали играть города левого берега Сырдарьи, такие как Аркук, Куджан, Аккурган, Узгент. На северных склонах Каратау роль главного города перешла к Сайраму.

Происходит быстрое возвышение Ясы-Туркестана до ранга столицы всего Южного Казахстана (Пищулина, 1969, с. 19). По приказу Тимура здесь возвели мавзолей над гробницей Ахмеда Ясави и город превратился в идеологический центр края (Массон, 1930, с. 22). С этого времени город становится центром тимуридских, шейбанидских наместников края, а затем столицей казахских ханов. Столичное положение города подчеркивается активной работой туркестанского монетного двора, возобновившего чеканку монет с 60-х гг. XVI в. (Бурнашева, 1983, с. 58).

Установлено, что почти все позднесредневековые города Казахстана наследуют планировочный остов городов предшествующего времени. В топографии позднесредневековых городов различаются «хисар» – центральная часть города, обнесенная стеной, и пригородные районы. Термин «хисар» понимается и как город, и как укрепление, и как городская стена (Сухарева, 1958, с. 59-62).

Хисар, по определению Г.А. Пугаченковой – это густонаселенная укрепленная часть города, в которой концентрировались правительственные здания, казармы, соборная мечеть, главные рынки и ремесленные мастерские, жилые дома основных городских слоев (Пугаченкова, 1976, с. 10-11). В хисаре выделялась дополнительными укреплениями цитадель – кала.

Территория со следами застройки за стеной, за хисаром была пригородом, сельской зоной и жизнь ее, как свидетельствуют этнографические материалы, резко отличалась от жизни хисара, собственно города (Сухарева, 1958, с. 59).

Обычно в Средней Азии хисару старались придать прямоугольную в плане форму или же повторяли в его контурах очертания старого города. Например, хисар Мерва отличался прямоугольными очертаниями, тогда как хисары других городов повторяли старую планировку (Пугаченкова, 1958, с. 381-387; 1976, с. 11).

Позднесредневековые города Южного Казахстана наследовали планировку домонгольских городищ.

Приархеологической типологизации позднесредневековых городищ Южного Казахстана в качестве основного признака используются, как и для типологии городищ более раннего времени, размеры памятника.

Все городища легко разделяются на две группы. В первую вошли городища Сайрам, Отрар-тобе, Туркестан, Сауран, Сунак-Ата, Сузак.

Вторую группу составили городища Узун-тобе, Караспан, Бузук левобережный, Икан, Ишкан, Сор-тобе, Жойнек-тобе, Торт-коль II, Сюткент II, Кавган-Ата, Котан, Кыр-Узгент, Ак-Курган, Куль-тобе, Ран, Шага.

Как установлено, авторы письменных источников редко употребляют по отношению к казахстанским городам термин «шахр» – персидское «город», который прилагался к административному центру вилайета, крупному населенному пункту, обнесенному стеной.

Такой термин употреблялся по отношению к Сайраму и Ясы. Чаще для центров вилайета употреблялся термин «кала» – для Ясы, Сайрама, Отрара, Сайрана, Сыгнака, Сузака. «Кала» назывались и некоторые мелкие населенные пункты – Аркук и Куджан. По отношению ко всем городам применялся также термин «баллада» – городок, местечко; «наузи» – местность, земледельческое поселение (Пищулина, 1969, с. 29-32.). Такой разнотермием характерен для всех авторов, в том числе и наиболее сведущего автора «Михман-наме ий Бухар» Рузбихана (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976, с. 186).

Несмотря на такое неустойчивое применение терминов, авторами письменных источников подчеркивается торговая значимость последних, наличие ремесел (Пищулина, 1983, с. 27)

Уже отмечалось, что в Туркестане функционировал монетный двор. Имеются данные о чеканке монеты Отраром. Все это вместе взятое позволяет считать выделенную первую группу городищ остатками крупных позднесредневековых городов.

Каждый из этих городов являлся центром историко-культурного района: Сайрам в пригородной зоне Таласского Алатау, Отрар в низовьях Арыси, Сауран на Средней Сырдарье, Сыгнак в Южном предгорье Каратау и Сузак на северных склонах Каратау.

Памятники второй группы также можно считать остатками городков. Археологические исследования на этих городищах, отождествленных с конкретными городами, свидетельствуют о развитии здесь ремесел, в первую очередь, судя по находкам, гончарного, железоплавильного, кузнечного, ювелирного.

В это же время и города, и городки, по свидетельству письменных источников, имели аграризованный характер (Пищулина, 1983, с. 28-29).

На этом основании возникает вопрос, а не считать ли их сельскими поселениями? На наш взгляд, это будет не правильно, поскольку для этих населенных пунктов присущи, как отмечалось, ремесла, торговля. Даже самые маленькие из них являлись своеобразными центрами, где происходили культурно-экономические контакты. Наконец, следует отметить компактность городищ, наличие оборонительных стен.

Что же касается сельскохозяйственных направлений в жизни населения городов, то они им также присущи и составляют специфику всех позднесредневековых городов Средней Азии (Сухарева, Турсунов, 1982, с. 16).

Кварталы позднесредневекового Отрара

Раскопками на широких площадях (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 135-138), установлено, что основным застроечным компонентом позднесредневекового Отрара и других Сырдарьинских городов являлся

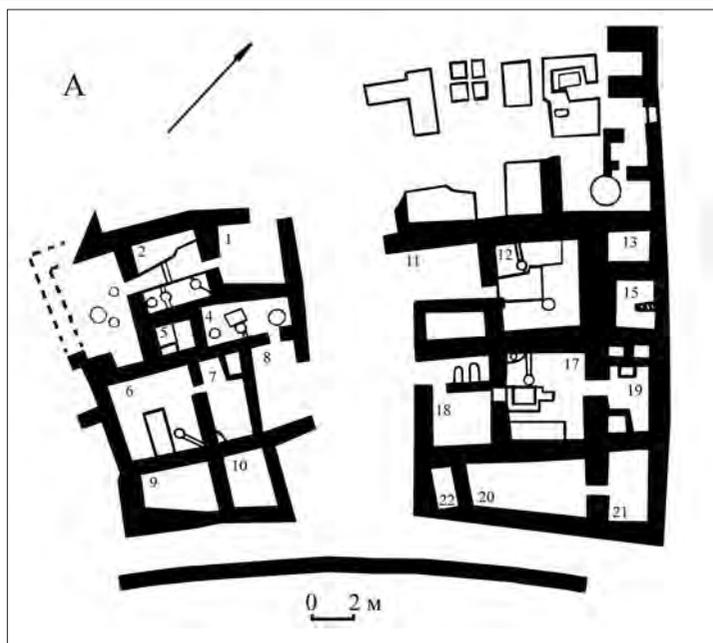

Рис. 120. Отрартобе. Раскоп I. План квартала А

квартал. Кварталы имели вид подпрямоугольных, трапециевидных и многоугольных в плане жилых массивов, пристроенных друг к другу и составляющих вместе плотную застройку. Дома, как правило, не имеют индивидуальных выходов на магистральные улицы. Они выходят на внутреннюю площадь двора или улочку квартала, которые, возможно, сверху перекрывались навесами выходящих сюда айванов. Со стороны проезжих или магистральных улиц кварталы ограничивались глухими стенами, а сообщение происходило через дворы и улочки, которые в случае нужды закрывались воротами. Однако некоторые из домовладений, расположенных в глубине квартала, далеко от двора, сообщались с улицей своими проходами. Рост населения квартала и появление новых семей при отсутствии свободных площадей зачастую приводили к застройке внутреннего двора, и тогда выходы на улицу для отдельных или группы домов устраивались в прежде глухих стенах, выходящих на фасад.

Крупные жилые массивы со сплошной застройкой пересекают магистральные улицы, параллельные главной артерии города – дороге, соединяющей городские ворота. Основной настроенный компонент города – квартал, под которым понимается участок квартальной улицы с выходящими на нее домами. Со стороны магистральных улиц и внутри жилых массивов кварталы, как правило, окружены глухими стенами, дома имели индивидуальный выход на внутриквартальную улицу. Помимо магистральных улиц, общение между кварталами осуществлялось через сеть узких переулков. Конфигурация и площадь кварталов различны, в целом до 2500 м.

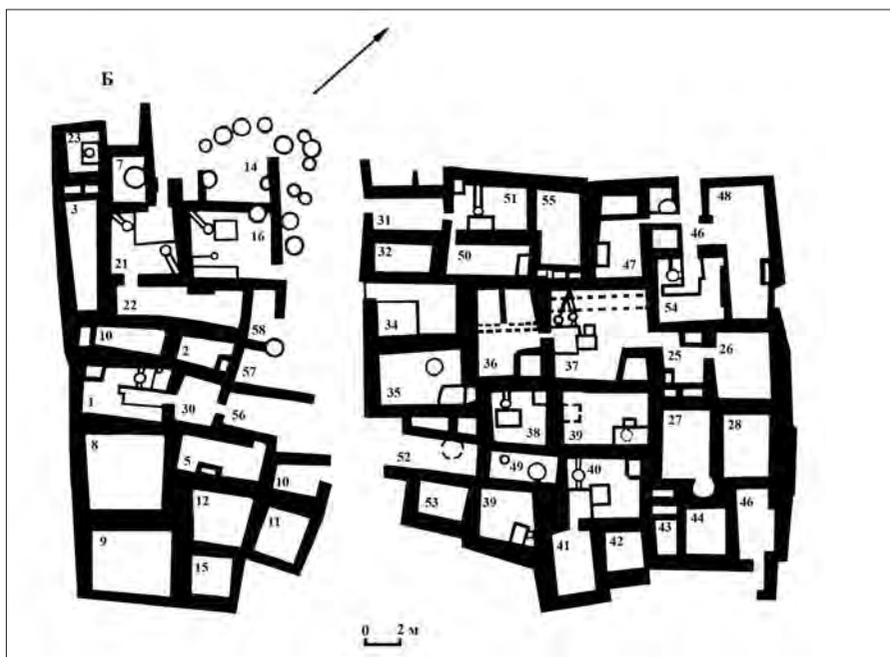

Рис. 121. Отрартобе. Раскоп I. План квартала Б

Несмотря на разнообразие контуров кварталов, преобладают четкость «красных линий», правильно спланированные дома, внутри кварталов предусматривались симметрично расположенные «кош» – парные ансамбли зданий, поставленных на одной оси, разгрузочные площади – «карманы» вдоль узких улиц. В состав каждого квартала входит от 6 до 15 домостроений.

В археологической литературе единого определения понятия «квартал средневекового города» нет. Обычно под кварталом понимается массив застройки, границы которого, как правило, определяются топографией развалин или же площадью раскопов (Кабанов, 1956, с. 95-125; Князев, 1945, с. 163-175; Шишкина, 1970, с. 15-18). В большинстве случаев не поддается членению и сама застройка в отношении отдельных жилых комплексов или домовладений. Такое положение обусловлено незначительной площадью раскопов по отношению ко всей городской территории.

В Ургенче частью квартала названа группа построек, примыкающая к городской стене (Тургенев-Амитиров, 1958, с. 495-504). Там же открыты остатки 54 помещений, расположенных двумя полосами шириной 10-15 м вдоль магистральной улицы на протяжении 60 м. Постройки включены в состав двух кварталов (Федоров-Давыдов, 1958, с. 84-104). Но поскольку ни один из них не раскопан полностью, вероятно, кварталов могло быть и больше. Число примеров нетрудно увеличить. Там же, где исследования велись в течение ряда лет и раскопками вскрыты большие участки города, наблюдается картина, зачастую не совпадающая с традиционными представлениями.

В Пенджикенте, согласно А.М. Беленицкому, кварталы представляют собой жилые массивы, ограниченные улицами, сеть которых в городе была регулярной и прямоугольной (Сухарева, 1976, с. 326).

Близкую к отрарской характеристику квартала раннесредневекового города дает В.Л. Воронина: «Группа дворов, населенных родственниками, образовывала самостоятельный квартал с собственной улочкой, отделенной от городской улицы воротами, которые запирались на ночь» (Воронина, 1959, с. 84-104).

Аналогичную топографию кварталов отмечает В.А. Лавров в сводной работе, посвященной градостроительству Средней Азии (Лавров, 1950, с. 93). Исследователи полагают также, что квартал,

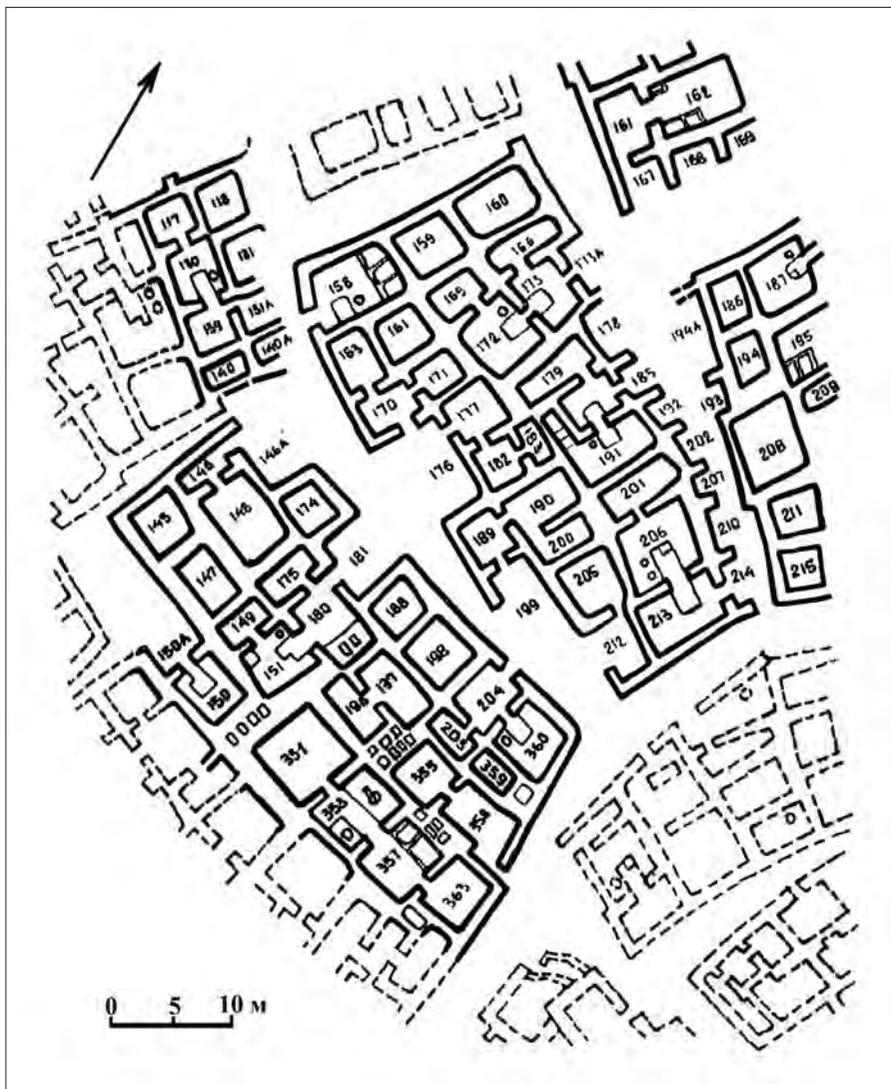

Рис. 122. Отрартобе. Раскоп III. План кварталов Ж, И. Пунктиром показаны постройки соседних кварталов

оформившийся в период раннего средневековья, без изменений доживает до позднего средневековья (Воронина, 1959, с. 84-104).

Интересные результаты получены при сопоставлении кварталов Отрара и средневекового Херсонеса (XII-XIV вв.) (Якобсон, 1950). Кварталы Херсонеса прямоугольные в плане, площадью 1400-1800 кв. м, состоят из 9-10 жилых усадеб. Помещения выходили на улицы сплошной стеной, глухим фасадом. Непосредственного входа в жилище с улицы не было. Входы в дома находились со стороны небольшой внутриквартальной площади. В северо-западной части города, где проживало менее зажиточное население, кварталы состояли из трех-четырёх домов. Усадьбы здесь занимали всю площадь квартала, не оставляя свободной территории внутри (Якобсон, 1940, с. 31-38; 1950, с. 86-95).

Аналогичная картина наблюдается при раскопках позднесредневековых слоев Ани. Здесь застройка одного из кварталов площадью 1800 кв. м состояла из 35 помещений, входящих в 9 жилых комплексов. Дома, как правило, не имели самостоятельных выходов на улицу. Выход был общим для двух-трех домов (Марр, 1906, с. 72-94). Нетрудно заметить, что кварталы Херсонеса и Ани удивительно сходны с застройкой позднесредневекового Отрара и по площади, и по количеству домовладений, и по расположению квартала в системе городской застройки.

Для среднеазиатского и для казахстанского города, как показывает опыт этнографического изучения, жизненным оказалось деление на жилые кварталы. «Изучение кварталов Бухары раскрыло их социальное значение, показало, что жилой квартал – не только территориальная единица. Его жителей объединяли своеобразные общественные связи, которые определяли формы быта горожан и самый характер средневекового жилого квартала» (Сухарева, 1976, с. 8). Жилые дома кварталов Бухары были обращены входами на внутриквартальные улицы, а на фасады выходили глухими стенами. Полное отсутствие в планировке кварталов «красных линий» рождало причудливые извивы переулков, проходов и тупиков (Ремпель, 1962, с. 234-237).

Таким образом, улица соединяла живших на ней людей, была главным фокусом квартала в отличие от европейского понимания квартала как разделительной линии (Сухарева, 1976, с. 13). Замкнутость квартала, наличие ворот, закрывающих улицы и делающих совершенно изолированным квартал, обеспечивали жителям его защиту. Со временем вместе с воротами (Сухарева, 1966, с. 86) подчеркнутая замкнутость исчезла.

Квартал был не только ячейкой города в территориальном отношении, но и административной единицей, с которой через старшин имели дела городские власти (Сухарева, 1976, с. 17). В каждом из кварталов Отрара имеется один или два дома, которые отличаются от других домов наличием двух тандыров в центральном помещении. Принадлежали они, очевидно, квартальным старшинам.

Как известно, при монголах на территории Казахстана существовал налог «хонашумора» – сбор с жилища или усадьбы, соответствующий, по мнению исследователей, подымному налогу на Руси (Беленицкий, 1948, с. 117-118). Наверняка он существовал и в более позднее время. Возможно, освобождение от побора за «второй дым» было своего рода привилегией квартальных старшин, которые поэтому могли позволить себе иметь в доме два очага.

Дома с двумя тандырами необязательно самые большие и самые богатые в квартале. Напротив, в подавляющем большинстве они рядовые. Объясняется это также как и в Бухаре тем, что квартальные старшины-аксакалы никогда не выбирались из богачей или людей знатных. Это был почетный пост, старшина считался слугой общества (Сухарева, 1976, с. 33). Обычно аксакалы исполняли свои обязанности по десять и более лет. Характерно, что социальная картина кварталов, воссозданная на основе археологических материалов, как правило, однородна. Нет кварталов богатых и бедных, в каждом есть два-три богатых дома, один-два бедных, остальные приблизительно однородны. Этот факт подтверждается этнографическими параллелями. В той же Бухаре в одном и том же квартале, в одной и той же квартальной общине имелись и богачи, и бедняки. Причем социальное неравенство не нарушало издревле сложившегося бытового уклада. Напротив, для богатых и знатных семей такое соседство представляло много удобств, ибо им легко было найти людей для услуг (Сухарева, 1976, с. 18).

Как известно, в Бухаре ремесленные корпорации вышли далеко за пределы одного какого-то квартала. В одном и том же квартале проживали ремесленники различных специальностей. Обувщики жили в 32 кварталах, во многих кварталах обитали строители. Такое распространение ремесла является характерным признаком высокого развития феодального города (Сухарева, 1976, с. 42-43). В Отраре гончары жили не только в специализированном квартале, но и в других. Так, в квартале «А» один из домов принадлежал мастеру-керамисту, отдельные дома – кузнецам, гончарам, специалистам по обработке камня.

В отличие от среднеазиатских городских кварталов XIX – начала XX в. кварталы Отрара были очень маленькими. Если в Бухаре в квартале насчитывалось от 30 до 120, а в среднем 36,6 домовладений (Ситняковский, 1898, с. 79-85), в Ходженте – около 40 домовладений (Турсунов, 1967, с. 26).

В ряде случаев удается проследить рост числа домовладений в кварталах Отрара. Но поскольку территория города была застроена крайне плотно и свободных участков практически не было, то увеличение домовладений происходило в основном за счет дробления участков. Зачастую бывшие амбары и дворы перестраиваются в жилье. Иногда дом возводился за счет сокращения внутриквартальных дворов.

По мнению О.А. Сухаревой, в историческом прошлом кварталы были территориально крупнее, а измельчение их произошло в результате дробления (Сухарева, 1976, с. 323). Некоторые материалы Отрара подтверждают это мнение, но вместе с тем, видимо, имело место и увеличение некоторых кварталов. Это было связано с развитием города, укреплением связей между горожанами, с ростом производства, торговли, культуры.

Таким образом, динамика развития городского квартала была сложным и неоднозначным процессом, в котором многое еще остается неясным.

В Отраре раскопками открыто свыше 30 кварталов XVII в., из которых 21 попал в площадь раскопок целиком, другие частично.

Квартал состоял из 6-12 домов. Площадь, занимаемая одним кварталом, в среднем не превышала 1600 кв. м, а среднее число домов в квартале – 11. Внутриквартальные улочки шириной до 2 м начинались от магистральных улиц и объединяли все домовладения квартала. Они, как правило, немощенные, с плотной, утрамбованной поверхностью. Благоустройство улиц выражалось в вымостке участка перед домами и отмостке вдоль улиц из жженного кирпича и его обломков. Улочки имели «карманы» расширения, видимо, служившие загонами для скота. Иногда внутриквартальная улочка переходила в дворик – площадь, где располагалась серия хозяйственных ям, а чаще всего такой дворик мог использоваться как загон для скота всех жителей квартала.

Аналогичная застройка кварталами характерна и для структуры городищ северных склонов Каратау, Рана и Куль-тобе, датированных XVI-XIX вв. (Жолдасбаев, 1975а, с. 24-25). Такая же застройка прослеживается в Сауране, Аркуке, Бузуке, где на аэрофотоснимках дешифруются магистральные внутриквартальные улицы, массивы кварталов.

Стационарным раскопкам на городище предшествовали археолого-топографические работы, одним из направлений которых было изучение стратиграфии развалин. По материалам стратиграфического раскопа (1969-1970 гг.) было выяснено, что центральный бугор – территория цитадели и шахристана в древности – начал обживаться в первые века н. э. и жизнь здесь продолжалась вплоть до XVII-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 122).

Стационарные работы, начатые в 1971 г., преследовали цель сплошного послойного изучения города. Раскопки верхнего слоя в течение четырех полевых сезонов (1971-1974 гг.) охватили территорию города на площади 4 га. Полностью восстановлен планировочный и архитектурный облик города в северной (3,25 га) и восточной (0,75 га) части, по обе стороны основной магистральной улицы, которая соединяет два главных въезда с северо-восточной и юго-западной стороны.

В стратиграфии верхнего слоя прослеживаются два строительных горизонта: второй половины XVII – XVIII в. и XVI – первой половины XVII в. В самый последний период жизни города обживались лишь

отдельные участки, сохранность построек очень плохая: обрывки стен высотой в один-два ряда кирпичей, остатки оснований печей тандыров, вымостки ташнау – водопоглощающих устройств. Основной же строительный горизонт XVI – первой половины XVII в. сохранился удовлетворительно, открыты стены высотой до 1,5 м. Планировка горизонта, благодаря широкомасштабным раскопкам, выявляется довольно четко.

С целью изучения характера застройки городской территории Туркестана в 1988-1989 гг. археологическим отрядом института «Казпроектреставрация» были проведены широкомасштабные раскопки участка шахристана, расположенного в 150-200 м к западу от здания ханаки Ходжи Ахмеда Ясави. Общая площадь вскрытого участка составила около 1200 кв. м.

Анализ планировки вскрытого городского участка г. Туркестана XVIII-XIX вв. показал, что характер его застройки несколько отличался от квартальных застроек г. Отрара XVII-XVIII в. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 122).

В Туркестане с улицей непосредственно сообщается не каждое отдельное домостроение, а двор, на который ведут выходы из 1-3 домов и хозяйственных помещений.

Письменные источники говорят о разделении территории Туркестана на четыре района (махалья) соответственно четырем воротам в крепостных стенах. Пятый район представляла собой застройка арка г. Туркестана – участка рядом с ханакой Ахмеда Ясави (Добросмыслов, 1912, с. 125).

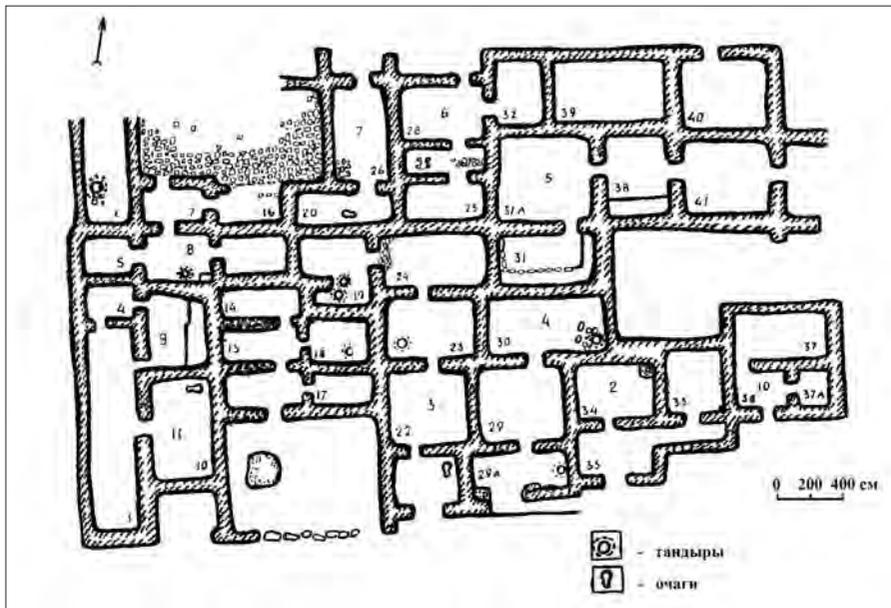

Рис. 123. План участка застройки Туркестана по уровню XVII-XIX в.

Социальное и планиграфическое содержания разделения города на районы (махалы) еще предстоит выяснить, поскольку широкомасштабных археологических работ на территории шахристана г. Туркестана не производилось.

Жилище позднесредневекового Отрара

На городище Отрартобе изучили 300 домов-секций, которые достаточно полно характеризуют жилище позднесредневекового Отрара. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае – отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало единому традиционному типу. Приведем описание однокомнатного дома, характерного для Отрара XVI-XVIII вв.

Дом состоит из комнаты и айвана с фасадной стороны. Общая площадь дома с айваном – 32,5 м. Жилое помещение размером 4,65 x 3,5 м. Большую часть площади занимает глинобитная суфа высотой 0,55 м. Борта ее выложены жженым кирпичом, сколами внутрь суфы. Перед проходом в айван оставлен небольшой участок пола (2,1 x 1,35 м), вымощенного жженым кирпичом. Ближе к юго-западному отрезку суфы находится ташнау, перекрытое кирпичом без отверстия. Сток воды осуществлялся через щели вокруг кирпича.

В помещении одна, реже две печи-тандыра, но одна из них более поздняя. Первоначальная печь находилась в северном участке помещения. Устье топки, обложенное кирпичом, выведено на юго-западный борт суфы. Диаметр устья тандыра 0,5 м, ко дну диаметр увеличивается до 0,7 м.

Горизонтальный канал дымохода проложен из тандыра до ближайшего угла помещения, где вертикальным колодцем в стене выводится наружу.

Сохранились отпечатки оснований деревянных столбов, подпиравших перекрытия.

Вдоль юго-восточной стены устроены четыре закрома различных размеров (1 x 0,7 м; 1,05 x 0,55 м; 1,1 x 0,5 м; 1,1 x 1 м) с необычно широкой передней перегородкой – 1,05 м по основанию. Впрочем, сохранившаяся ее высота лишь около 0,3 м; по-видимому, верх перегородки был значительно уже.

Западная стена помещения имеет ширину 1,1 м, северо-восточная – 1,7 м (после ремонта она стала толще, первоначальные размеры не определены), северо-западная – 1 м, юго-восточная – 1,1 м; стены сохранились на высоту до 0,9 м. Стены и поверхность суфы прекрасно оштукатурены в два-три слоя, иногда на бортах суфы видны следы окраски в красный цвет.

Рис. 124. Отрартобе. Тандыр в жилом помещении

Дверные проемы имеют ширину 0,8-1 м в северо-западной стене, ведут в айван (4,75 x 3,4 м), который полностью открыт в сторону небольшой площади-«кармана», устроенной в месте «Г»-образного пересечения двух узких переулков. Боковые стены айвана образованы стенами соседних домов.

В композиции планировки домов выделяются два основных варианта: линейная планировка, или осевая (в том числе двухрядная), когда проходные помещения вытянуты в одну линию, и крестообразная планировка – смежное расположение комнат, каждая из которых составляет примерно четвертую часть дома. Для примера приведем описание нескольких домов, где функциональное назначение помещений определено достаточно четко (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 125-126, рис. 2а).

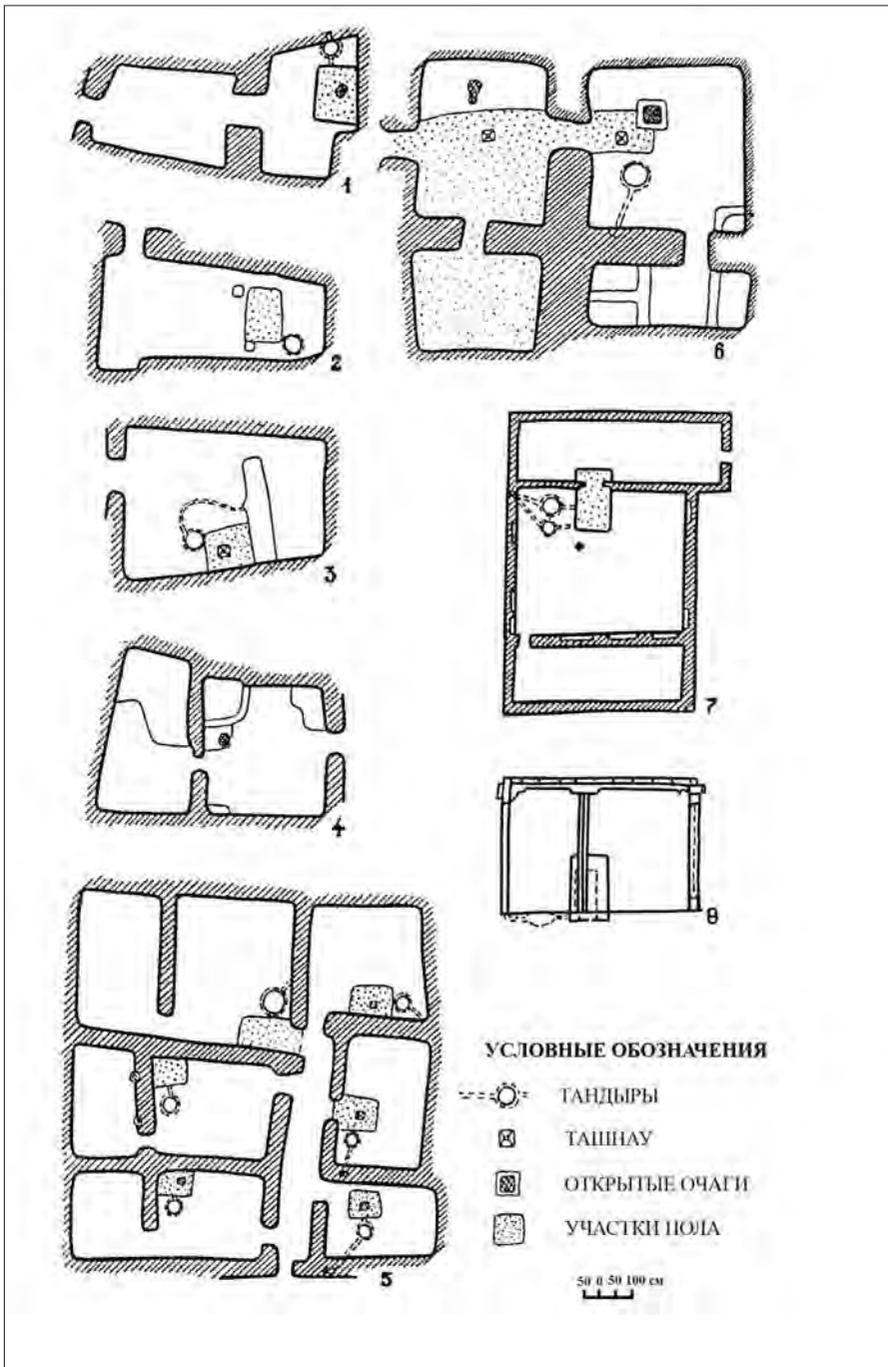

Рис. 125. Планы жилых домов Отрара.
 1, 2, 3 - вторая половина XIII - первая половина XIV в.;
 4, 5 - вторая половина XIV-XV в.; 6 - XVII в.,
 7, 8 - план и разрез дома конца XIX в. (Туркестанский район,
 Шымкентская область)

Дома крестовидной планировки. Дом 4 в квартале «Ж» четырехкомнатный, с айваном, открытым в сторону квартальной улицы. Айван размером 4,85 x 4,50 м занимает центральную часть фасадной стены дома. Проход шириной 1,1 м в юго-западной стене ведет в подсобное помещение типа летней кухни (6,7 x 3,8 м), в которой юго-восточная половина занята суфой с двумя земляными очагами открытого типа. Они грушевидной формы, длиной 1,3 м и 1,2 м, в наиболее широкой части – около 0,5 м. Проходом в северо-западной стене помещение связано с амбаром (4,9 x 2,6 м), у юго-западной стенки которого четыре отсека закромов, а в северной части помещения,

Рис. 126. Отрартобе. Крышки тандыров

заглубленной относительно уровня пола, – подпрямоугольный участок с ташнау. В юго-западной стене летней кухни – проход шириной 0,9 м в центральное жилое помещение размером 5,2 x 4,7 м, с суфой и вымощенным жженым кирпичом участком пола с ташнау.

В северном участке суфы находятся парные печи-тандыры диаметром 0,6 м и 0,5 м. Устья топок выходят на северо-западный борт суфы, самостоятельные горизонтальные дымоходы печей подведены к ближайшему углу помещения, где вертикальным колодцем в стене выведены наружу. У юго-западного борта суфы – глинобитная очажная площадка, сделанная в уровень с суфой, и деревянная плаха на уровне пола, концами вмазанная в борта суфы и очажной площадки. В западном углу помещения – заком (1,2 x 1 м), перегородки которого сложены из сырцового кирпича. Рядом с передней стенкой помещения под уровень суфы вмазан крупный горшковидный двуручный сосуд, который использовался, видимо, для хранения муки.

Проходом в северо-западной стене жилая комната связана с еще одним помещением амбарного типа размером 3,85 x 1,75 м. Парные закрома в амбаре устроены у торцевых стен, между закромами оставлен проход шириной 1,1 м. Пол в амбаре приподнят относительно уровня суфы в центральном жилом помещении на 15 см. Общая полезная площадь дома (вместе с подсобными помещениями) составила 91 м (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 126-127, рис. 3б).

Еще один дом 4 крестовидной планировки находится в квартале П (раскоп III, 1973 г., объект VI, помещения 165, 166, 172, 173, 173А). Так же, как и предыдущий, состоит из четырех помещений и айвана, который занимает почти всю фасадную стену дома. Из айвана проход шириной 0,8 м ведет в прихожую комнату (5,9 x 3,75 м), которая с северо-западной стороны проходом связана с кладовой (6,25 x 1,65 м), а с юго-западной – с центральным жилым помещением размером 5,6 x 4,75 м. Традиционная суфа в этом наиболее крупном помещении комплекса сделана на уровне пола в прихожей, а вымощенный жженым кирпичом участок с ташнау в проходе между помещениями заглублен на 0,5 м.

В северном участке суфы находится печь-тандыр диаметром 0,5 м, устье топки подведено к северо-западному борту суфы, а горизонтальный канал дымохода – к северному углу помещения. У ее юго-западного борта – очажная тумба, а на уровне углубления в ташнау находится деревянная плаха, вмазанная концами в борт суфы и очажной тумбы. В западном углу помещения – крохотный заком (0,6 x 0,5 м), рядом с ним по горловину вкопан сосуд типа хума. В северо-западной стене помещения проход шириной 0,65 м в амбар (4,5 x 2,6 м) с парными закромами в западном углу.

Помещения дома хорошо оштукатурены, стены сохранились на высоту до 1 м. Внутренние перегородки толщиной от 0,5 до 1,1 м. Сырцовая кладка стен комбинированная: два ряда плашмя уложенных кирпичей в перевязку чередуются с поставленными в один ряд на ребро с наклоном.

Из 300 домов-секций 75% составляют линейно спланированные постройки. Анфилада из проходных помещений может включать от двух до пяти комнат.

Для второго варианта характерен квадратный контур дома (крестовая планировка) и наличие четырех смежных комнат, каждая из которых составляет примерно четвертую часть дома. Изредка встречается «Г»-образная планировка проходных помещений.

Из приведенных описаний домов различной планировки видно, что практически все функции жилого дома объединены в одной наиболее теплой комнате с печью-тандыром, которая служила и спальней, и столовой, и кухней. Центральные жилые помещения очень похожи, при различной площади (от 8-10 до 45 м) они, как правило, самые большие в комплексе и интерьер их стереотипен. Дверной проем устраивали в средней части фасадной стены, за дверью внутри помещения –

Рис. 127. Отрартобе. Закрома в доме

небольшая прямоугольная площадка, вымощенная жженым кирпичом, которая занимает примерно 1/8 площади комнаты. Все остальное пространство занято глинобитной суфой высотой 0,4-0,5 м, борта суфы укреплены жженым или сырцовым кирпичом.

Характерная деталь некоторых жилых помещений – неглубокая ниша, которую устраивали в стене рядом с дверным проемом. Встречаются парные ниши. Основание их находится либо на уровне суфы, либо приподнято на 20-30 см.

Справа или слева от входа в суфу вмазывалась печь специального изготовления с закраиной в виде широкой массивной площадки, опущенной под уровень суфы.

Рис. 128. Отрартобе. Сосуд для хранения зерна

Как отмечалось, диаметр устья, как правило, 0,45-0,6 м, ко дну расширяется до 0,8 м. Дно топки печи выкладывалось обломками жженого кирпича или мелкой галькой. Устье топки выводилось на край суфы в уровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку в

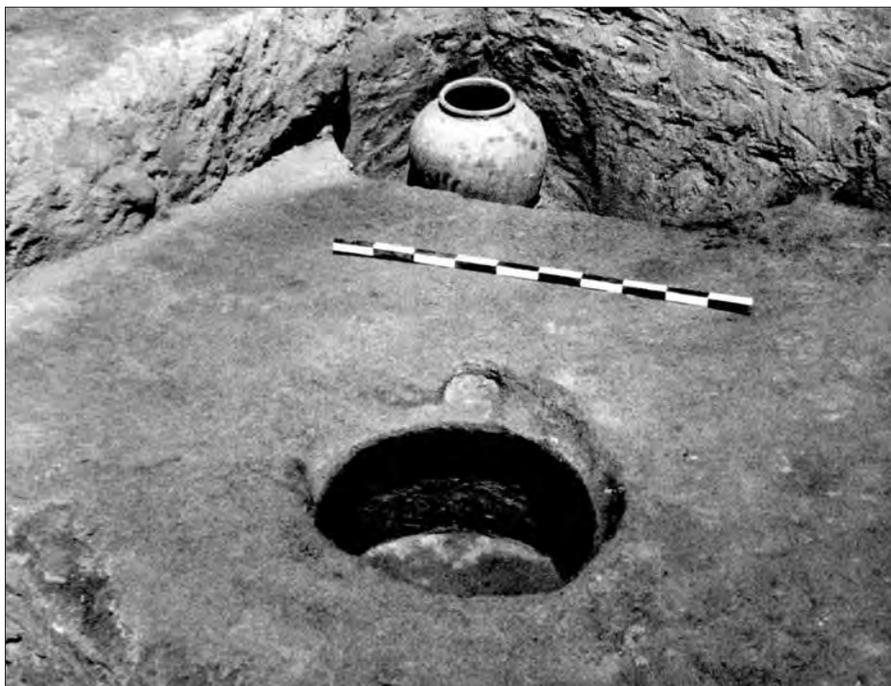

Рис. 129. Отрартобе. Сосуд для хранения зерна

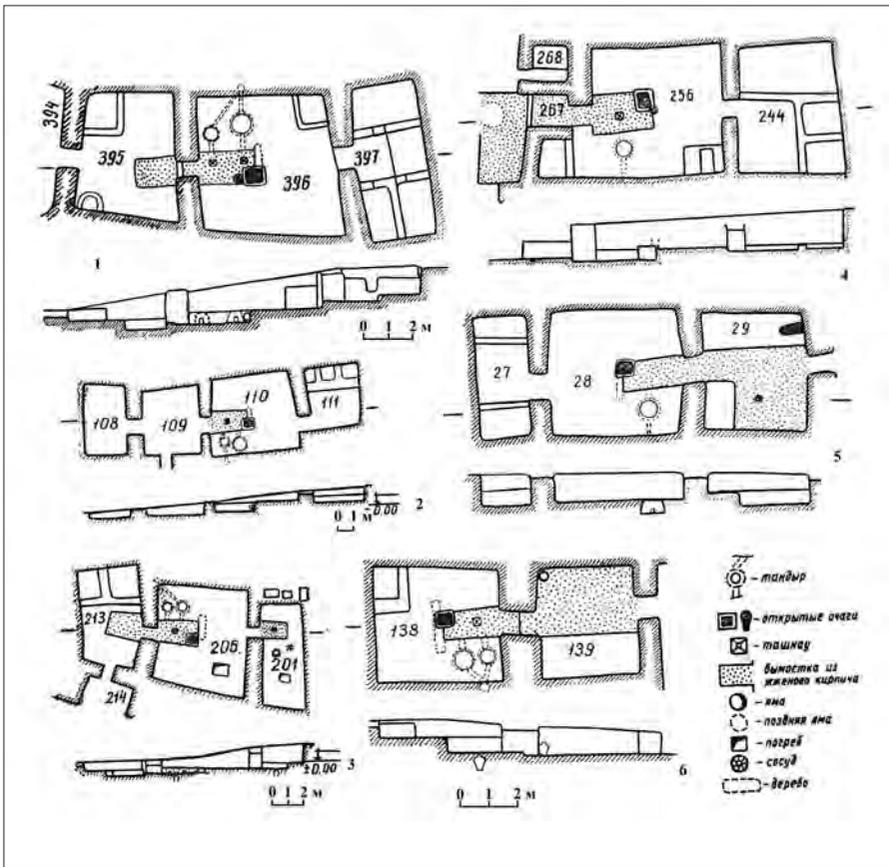

Рис. 130. Отрартобе. Планы и разрезы домов

тулове печи находилось отверстие дымохода, канал которого шириной 10-15 см прокладывали в суфе до ближайшего угла или стены помещения, далее он шел внутри стены в виде колодца. Горизонтальный отрезок канала обкладывали кирпичом. Дымоходы обычно одноканальные, но встречаются и двухканальные в случае, если печь устраивали рядом со стеной помещения.

Печи в жилых помещениях универсального назначения. В них можно было поставить казан для варки пищи, испечь лепешки, о чем свидетельствуют характерные для тандыров нарезки на внутренних стенках. Печи служили и для обогрева помещения благодаря системе дымоходов типа канов. Сверху печку закрывали массивной плоской крышкой с грибовидной ручкой.

В жилом помещении, как правило, присутствует дополнительный очаг на специальной глинобитной тумбе, которую пристраивали вплотную к суфе наискосок от печи-тандыра. У очагов был, по-видимому, невысокий бортик. Встречаются и обычные очаговые ямки где-либо поблизости от печи. Возможно, в них хранили жаровые угли после того,

как печь использовалась по назначению, но ближе положение, что этот очаг культовый, он служил для хранения домашнего огня и курения трав, в частности, адраспана, отпугивающих злые силы и несчастья.

Жизнь обитателей дома проходила в основном в помещении с суфой и тандыром. Остальные помещения подсобного назначения: прихожая комната или айван, кладовая, помещение амбарного типа с закромами, которые устраивали либо по периметру стен, либо в углах, либо вдоль боковых стен. Полностью сохранившиеся глинобитные перегородки закровов высотой до 1,3 м имели узкие округленные книзу лазы в 0,5-0,8 м от поверхности пола. Стенки некоторых амбаров с закромами несут следы обжига. По-видимому, их сначала просушивали огнем, а затем штукатурили. Для хранения продуктов использовали и сосуды большой емкости, поставленные на пол или впущенные под уровень пола. Характерны также погреба, которые обнаружены главным образом в жилых помещениях с печью и суфой. Погреба устроены следующим образом. Впускное отверстие (шириной 0,2-0,3 м) находилось в площадке, заглубленной под уровень суфы на 15-20 см и перекрытой, очевидно, деревянной крышкой. Грушевидной формы яма погреба неглубокая, до 1 м, диаметр по дну до 0,5 м. К сожалению, трудно конкретизировать назначение хозяйственных хранилищ, ибо они, как правило, очищены от содержимого, но закрома, несомненно, использовались для сыпучих продуктов. В погребах, по всей видимости, хранились молочные продукты, масло.

В некоторых многокомнатных домах функционировало специальное летнее помещение с односторонней суфой, по-видимому, закрытой навесом. В суфе устраивали один или два земляных очага восьмеркообразной или грушевидной формы, они топились по-черному. Пол летнего помещения вымощен жженым кирпичом с плотной глиняной обмазкой, для стока воды предусмотрены ташнау. Однако подобные летние помещения – редкость для Отрара и дворов внутри дома в традиционном понимании этого слова здесь нет.

В массе хозяйственных помещений удается выделить загоны для скота, конюшни. Последние определяются по наличию кормушек с глиняными стенками. Помещения для скота довольно редки и были, скорее всего, рассчитаны на несколько семей или даже на весь квартал.

Для санитарных нужд использовались выгребные и мусорные ямы, непременная деталь любого жилого дома позднесредневекового Отрара – поглощающий колодец для сточной воды – ташнау. Они встречаются в жилых и хозяйственных помещениях и обязательно перед печью в жилом помещении с суфой. Устройство ташнау традиционное: широкогорлый сосуд типа хума с выбитым дном вкапывался в уровень с полом и перекрывался сверху специальным кирпичом, снабженным отверстием с подводными канавками. Встречаются и кирпичи без отверстия, вода просачивалась в этом случае через специально оставленные щели вокруг кирпича. В богатых домах для ташнау использовали сосуд специального изготовления – в виде трубы длиной до 1,5 м, с сильно-

раздутым туловом, зауженной горловиной, снабженной отогнутым наружу венчиком диаметром до 0,4 м. В богатых же домах интерьер украшен плитками с рельефным орнаментом, которые оформляли устья тандыров, орнаментированными плитками оформлялся слив ташнау.

Все постройки Отрара XVI-XVIII вв. возведены из кирпича прямоугольного формата самых различных размеров: 32 x 25 см, 27 x 18 см, 25 x 15 см, 23-25 x 20 см и других при толщине 8-10 см. Стандарт при изготовлении кирпичей отсутствует, трудно выделить даже наиболее

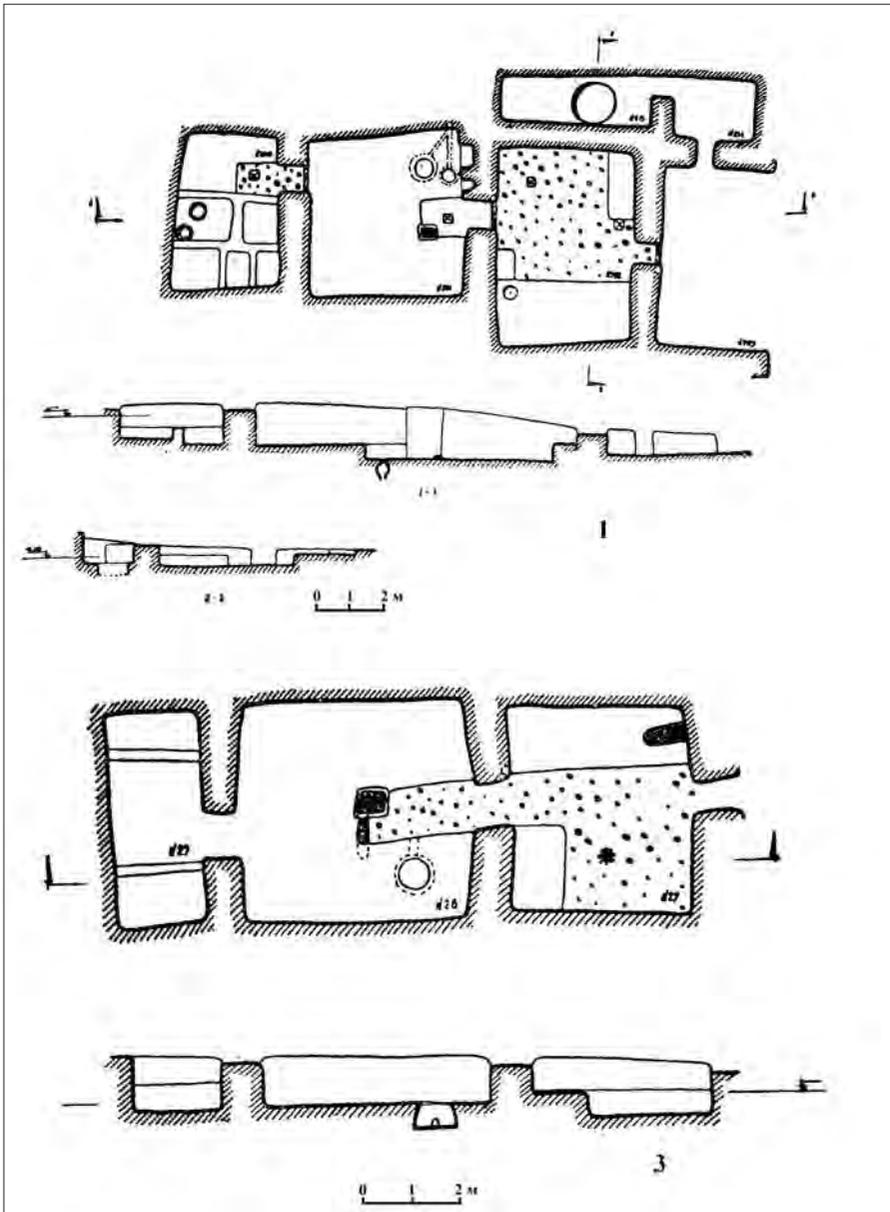

Рис. 131. Городище Отрартобе.

Планы и разрезы домов: 1 - дом 1 квартала «Р»; 3 - дом 2 квартала «М»

используемые размеры. Кирпичи, как правило, сырцовые, с примесью соломы, но широко использовался и кирпич, который нарезался из дерна. Жженный кирпич квадратный, 24-26 см в длину при толщине 4-6 см, применялся в основном для вымостки полов, укрепления бортов суфы, устья печей. Встречаются также глинобитные стены и перегородки. В строительном деле использовались каркасные конструкции в виде одно- или двухрядной опалубки с внутренней перевязкой. Система кладки кирпичей: плашмя с перевязкой, комбинированная кладка из

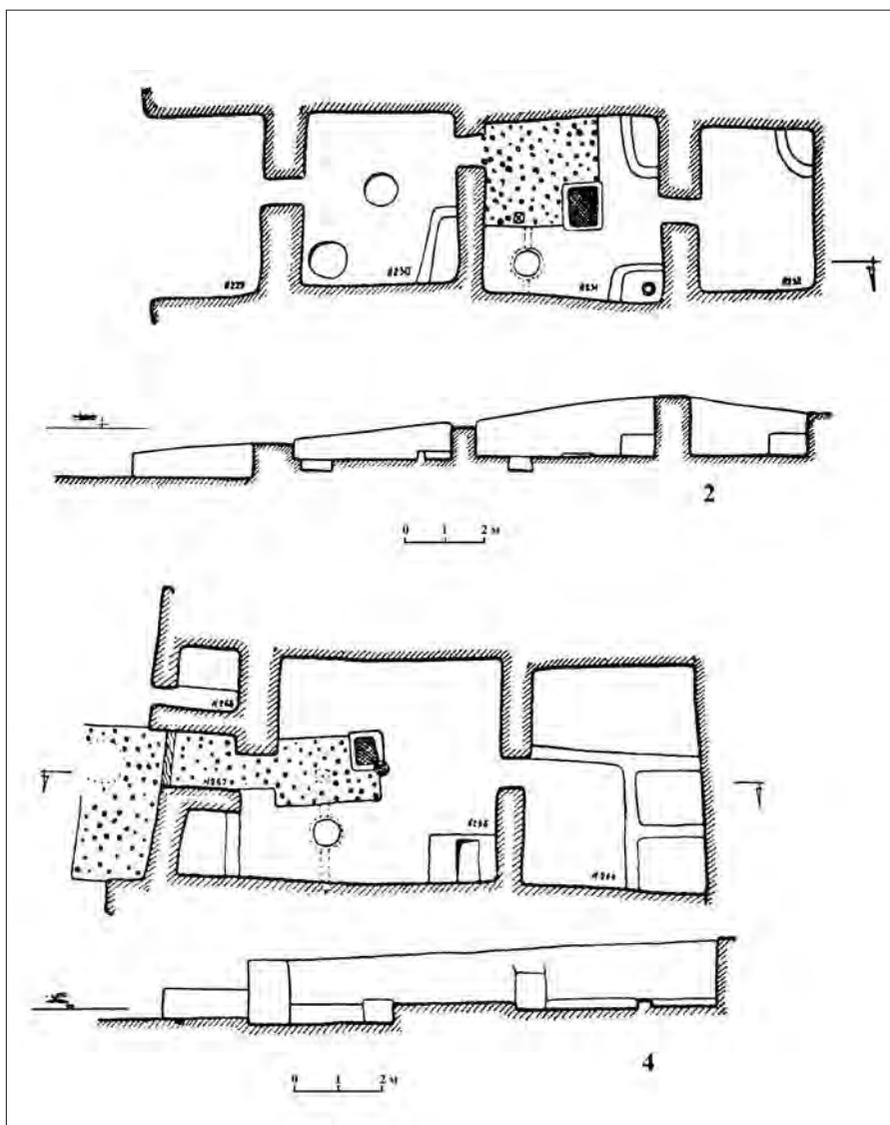

Рис. 132. Городище Отрартобе.

Планы и разрезы домов: 2 - дом 6 квартала «Р»; 4 - дом 13 квартала «Р»

рядов горизонтально положенного кирпича и положенного на ребро с наклоном, встречается также кладка «в елочку». Кирпич связывался глиняным раствором, стены неоднократно штукатурились.

Фундаменты стен отсутствуют. В некоторых случаях удается проследить камышовые прокладки для изоляции от почвенных солей.

Известную трудность представляет реконструкция перекрытий. Тщательная зачистка находимых на полах помещений остатков дерева, камыша, кусков обмазки позволила представить перекрытия следующим образом. Почти во всех центральных жилых помещениях с печью и суфой находится массивная деревянная плаха длиной до 1,5 м и толщиной 15-20 см, лежащая либо на полу и вставленная концами в борта суфы, либо целиком вмозанная в суфу. Положение ее можно представить по опорной базе колонны, всегда – это центральная точка помещения. На опорную базу опиралась деревянная колонна, которая поддерживала прогонную балку с помощью подбалки трапецевидной формы. На прогонную балку укладывали тонкие поперечные жерди и массивную камышовую кровлю, обмазанную глиной. Редко встречаются варианты: в небольших помещениях опорная база в виде плахи отсутствует, колонна устанавливалась в углубление в суфе с подкладкой из жженого

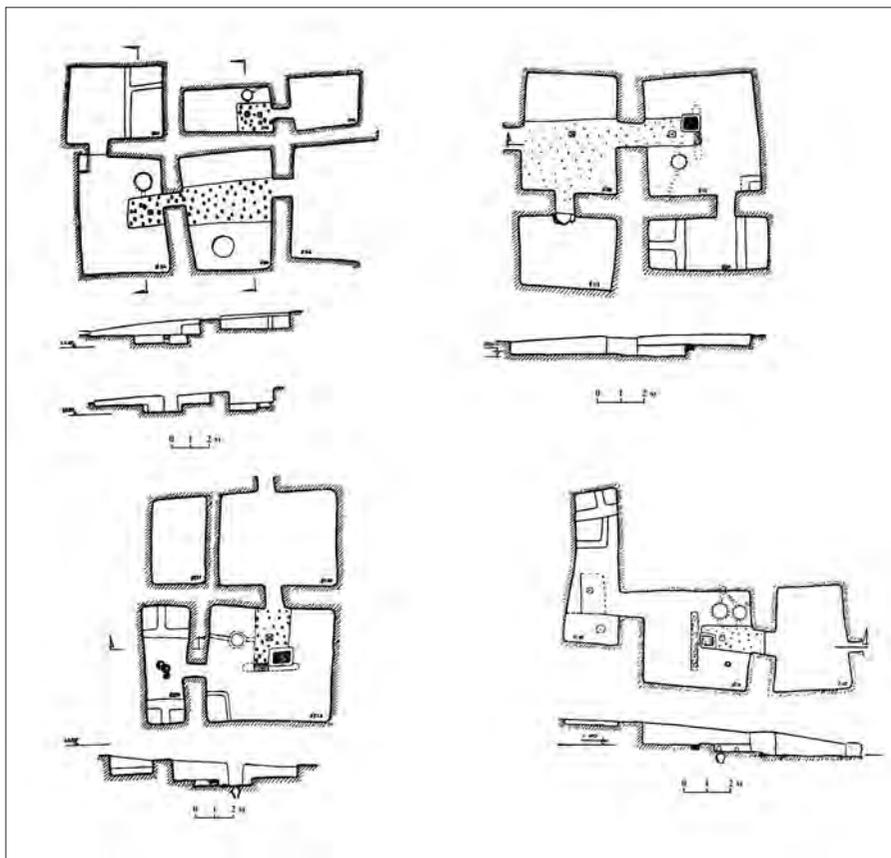

Рис. 133. Городище Отрартобе. Планы и разрезы домов

кирпича или использовалась каменная база. Судя по углублению-пазу, основание колонны могло быть круглым или квадратным. Одиночными и парными колоннами снабжались и фасады айванов, судя по остаткам ямок в полу или каменным подставкам.

Дерево и камыш использовали не только в перекрытиях жилищ. Нередко встречаются деревянные пороги и дверные рамы, камышовыми циновками иногда выстилалась поверхность суфы.

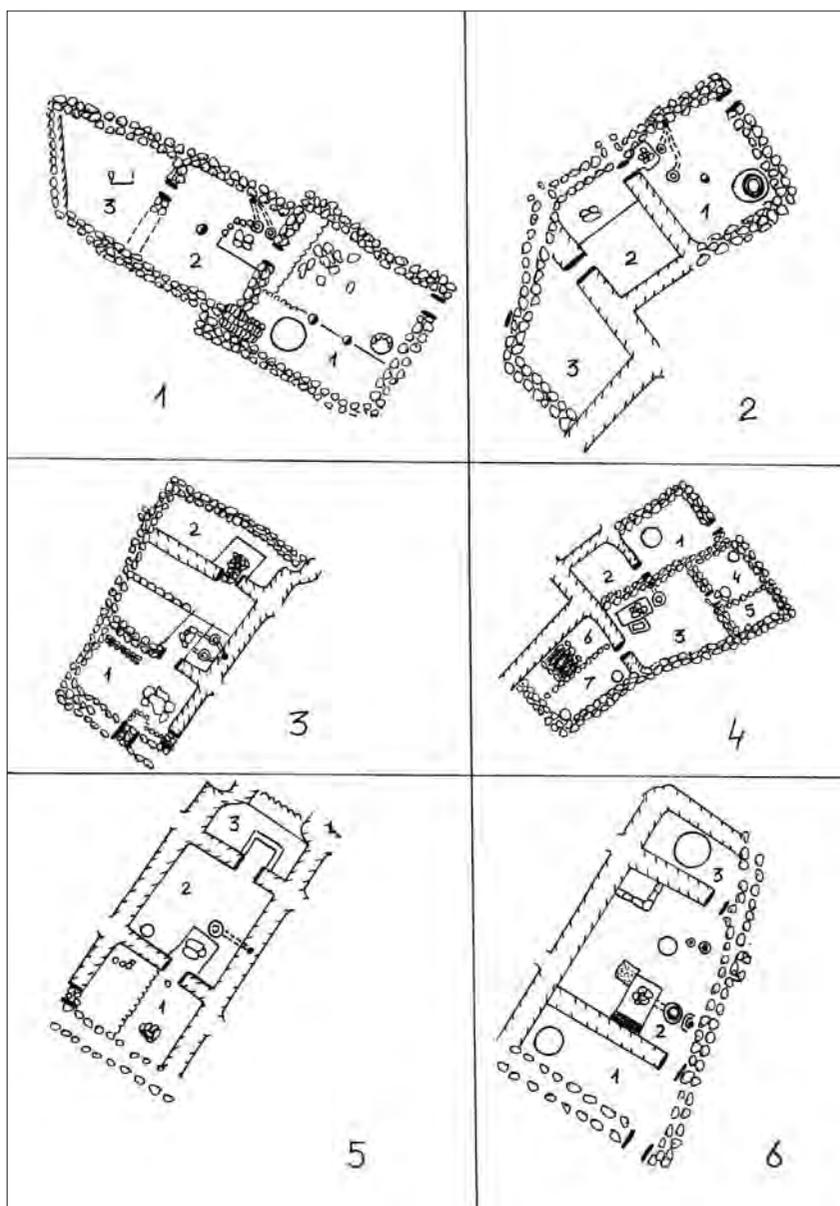

Рис. 134. Городища северных склонов Каратау. Культобе, Ран. Планы домов

Традиционный тип жилища позднесредневекового Отрара – отнюдь не изолированное явление в Южном Казахстане. Раскопки других памятников позднего средневековья в изучаемом районе показывают, что явление это массовое и охватывает значительный ареал. Аналогичные жилища изучались на городище Туркестан, на городище Мазараттобе, позднесредневековом поселении Жалгызтам (в 7 км к юго-западу от городища Сауран), на городище Куль-тобе и Ран на северных склонах Каратау (Жолдасбаев, 1974а, с. 173-187; Жолдасбаев, 1974б, с. 468-469). Жилища последнего памятника отличаются лишь тем, что возведены главным образом из камня-плитняка, которого много в горном районе.

Ограничены аналогии с соседними районами Средней Азии ввиду слабой изученности памятников позднего средневековья. Лишь по материалам Ургенча можно судить, что во многом близкие жилища встречаются и в Хорезме, хотя там и не удалось выделить отдельные дома-секции (Вактурская, 1958, с. 476; Федоров-Давыдов, 1958, с. 506-508). Различия, по-видимому, лишь в деталях: в Ургенче горизонтальные дымоходы проложены вдоль стен, там несколько иной формат жженого кирпича (22 x 22 x 5 см), из которого выкладывались и фундаменты стен, перед печами – углубления для золы в полу (в Отраре их нет) и т. д.

Палеоэтнографические материалы по жилищу Отрара дают интересные данные при сопоставлении их с оседлым жилищем среднеазиатских народов и казахов.

Планы отрарских жилищ, непременно включающих жилую комнату и переднюю или айван, традиционны по существу для всех народов Средней Азии, в том числе и казахов. Двух- или трехчастное деление дома (прихожая или айван, зал и кладовая) при компоновке на продольной или поперечной оси широко распространено (Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 280). Близкие аналогии можно найти и таким традиционным для среднеазиатского жилища устройствам, как ниши, закрома, ташнау; позднейшие сандалы в домах узбеков, таджиков очень похожи на отрарские жаровые очаги, хотя функциональное назначение последних было, по-видимому, все-таки иным. Интерьер отрарских жилых помещений с суфой близок жилищу горных таджиков в пределах Каратегина и Вахша, где почти весь пол, за исключением небольшого пространства у двери, поднят примерно на 1 м. Любопытно, что устройство печей-тандыров и функциональное назначение их очень близко. В горном жилище очаг, вделанный в уровень с суфой, устьем топки выводился на край суфы вровень с полом (Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 596). Тандыры горных таджиков – это и хлебная печь, и отопление жилища, и приготовление пищи в казане. Количество примеров полного совпадения или близости планировки отрарских жилищ, отдельных деталей внутреннего устройства, перекрытий, строительных приемов можно было бы продолжить. Несомненно, что в целом отрарское жилище восходит к кругу среднеазиатского домостроительства со всеми его атрибутами.

Однако есть момент, который позволяет выделить оттарское жилище в кругу родственных явлений, – это способ отопления.

Среднеазиатское жилище отапливалось либо по-черному, либо с помощью каминов, которые употребляются на сравнительно узкой территории: у таджиков верхнего Зеравшана и ферганского населения (Воронина, 1953, с. 182). Дымоходов типа оттарских в среднеазиатской этнографии немного. Так, жилища уйгуров отапливаются очагом в суфе с прямым дымоходом внутри суфы и в стене. Однако отопительные дымоходы в домах уйгуров – явление позднее, они стали устраиваться вместо каминов лишь в конце XIX в. (Захарова, 1959, с. 256-257).

Каны получили широкое распространение в XIII-XIV вв., но явление это, несомненно, заимствованное, в том числе и в Хорезме (Ургенч), где в домонгольский период они не были известны. Каны в домах позднесредневекового Ургенча можно рассматривать как отголосок традиций монгольского времени. Нельзя исключать и возможности привнесения этой традиции на рубеже XVI-XVII вв. присырдарьинским населением, часть которого ушла вместе с Шайбани-ханом в Среднюю Азию. Дело в том, что в городах на средней Сырдарье и северных склонах Каратау каны были известны задолго до монгольского нашествия (Агеева, 1962, с. 148-149; Сенигова, 1962, с. 158, рис. 35; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 69, 74; Ахижанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69) и к XVI в. эта система отопления претерпела значительную эволюцию.

Оттарские каны XVI-XVIII вв. таковыми можно назвать лишь условно, они далеки от классических восточных образцов, что не удивительно, ибо «П»-образная форма кана начинает постепенно забываться уже в домостроительстве Золотой Орды (Егоров, 1970, с. 85). По-видимому, с изменением формы кана утрачиваются и классические черты суфы раннего средневековья. Суфа в домах XVI-XVIII вв. Оттара занимает почти всю поверхность жилой комнаты и сохраняется с чисто утилитарной целью – для вывода устья топки на край суфы. Больше того, в некоторых домах Оттара поверхность суфы и есть поверхность пола, «суфа» сделана в уровень с поверхностью других помещений и улицы, а вымощенный кирпичом участок «пола» с ташнау лишь заглублен относительно поверхности «суфы».

Таким образом, отопительная система позднесредневекового Оттара, имеющая древние местные традиции (Неразик, 1968, с. 204; Ахижанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69), явление вполне устойчивое и сформировавшееся на значительной территории Южного Казахстана.

Можно предполагать, что в ходе дальнейшего изучения Оттара характеристика жилища будет полнее, конкретизируется представление о тех или иных конструктивных и функциональных особенностях отдельных элементов жилища, полнее и разносторонней выявятся связи палеоэтнографии Оттара и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Важно подчеркнуть другое. Жилище лишь с одной стороны характеризует материальную культуру позднесредневекового города Южного Казахстана.

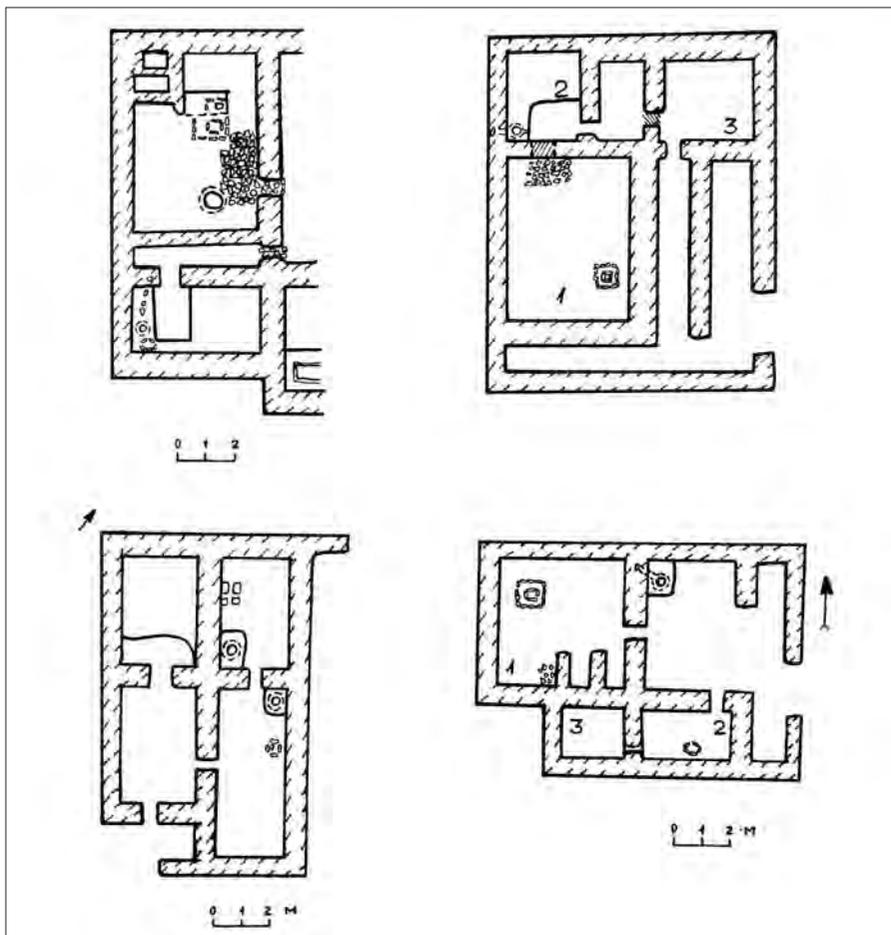

Рис. 135. Городище Туркестан. Планы домов

Городское жилище города Туркестана XVII – первой половины XIX в.

Туркестан, жизнь которого прослежена по археологическим, историческим источникам, нумизматическому материалу с рубежа эр до современности, дает и уже дал, как и Отрар, возможность проследить развитие городского жилища в диапазоне XVIII – первой половины XIX в.

Важно проследить традиции и инновации в развитии жилища, его планировке, характере строительных материалов в динамике в плане социальной и этнокультурной составляющей.

Туркестан имел ряд общих признаков, свойственных всем городам Средней Азии и Казахстана. Это, прежде всего, плотность жилой застройки, «нерегулярность» сети улочек. Плотной городской застройкой были заняты две основные части города – цитадель или «арк» (территория вокруг ханаки Ходжи Ахмеда Ясави, около 2,6 га охваченная в XIX в. самостоятельным кольцом крепостных стен) и

территория собственного города – шахристана (расположена к юго-западу от «арка», который имеет подпрямоугольные очертания, площадь 26,9 га, окружена крепостными стенами и рвом).

В отличие от городской, застройка пригорода была усадебной, когда пространство между домами было занято садами виноградника, посевами, огородами.

Вот как описывает пригород Туркестана П.И. Пашино:

«Туркестан был виден еще много раньше со своим знаменитым храмом Азрет-Султан... Подъезжая к городу, мы стали замечать несколько дорог, направляющихся в разные стороны... Длинные заборы, построенные из необожженного кирпича, отделяли от нас опустелые брошенные сады. Чем ближе к городу, тем больше оживления в садах... Вот показались, наконец, и ворота с мостиком, перекинутым через ров, и за ним на горе возвышался дивный храм Азрета» (Пашино, 1868, с. 5).

Учитывая глубокую традиционность жилого домостроительства в присырдарьинском регионе, можно предположить, что загородные дома не очень отличались от сельских усадеб конца XIX – начала XX в., достаточно хорошо изученных этнографически (Жилина, 1982, с. 147; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 168-169).

Раскопки показали, что городское жилище этого времени представляло собой двух-, трех- и многокомнатную постройку, состоящую из жилых комнат или комнат кладовых, служебных помещений. Вход с улицы вел в хозяйственное помещение, где держали скот, сельскохозяйственный инвентарь и различный хозяйственный скраб. Отсюда дверь вела в жилую комнату, жилая комната соединялась дверью с кладовой. Кладовая состояла из двух невысоких этажей: верхнего, предназначавшегося для хранения продуктов, и нижнего, где хранилась мелкая хозяйственная утварь. Придомные участки отсутствовали.

Жилая комната была квадратной, в центре ее стояла колонна, поддерживающая балочное перекрытие. Почти вся площадь помещения была занята суфой. Около входа находилось углубление с водосливом, прикрытым кирпичом или каменной плитой. Это было санитарно-гигиеническое устройство – ташнау. Сюда же выходило поддувало тандыра, вмазанного в суфу. В ней же прокладывался дымовой канал от тандыра, который соединялся с трубой в стене дома.

Окон в домах не было, не считая небольших отверстий в стене с вмазанными деревянными палочными заграждениями. Основным источником света было квадратное отверстие в крыше над очагом, закрывавшееся деревянной крышкой.

В стене комнаты было много ниш для постельных принадлежностей, одежды, посуды, различной бытовой утвари.

В конструкции, планировке и интерьере туркестанского дома середины XIX в. прослеживается много общего с жилой архитектурой Отрара и южно-казахстанских городов XVII-XVIII вв.

Археологические исследования позднесредневековых слоев городища Отрар показали, что такой тип жилища имеет глубоко местную основу и является результатом продолжительной эволюции в сложных условиях этнокультурных контактов (Байпаков, 1980б, с. 16-20).

К вопросу о «больших домах»

В жилой архитектуре Отрара XVI-XVIII вв. и Туркестана XIX в. выделяется тип больших домов, дома площадью 200-300 кв. м, с широким центральным коридором либо прихожей, в которой с обеих сторон и с торца открывались проходами отдельные жилые секции. Однако варианты планировки больших домов не были только такими, они отличались разнообразием. Вместо коридора, связывавшего секции, мог быть двор, двор с айваном, прихожая-вестибюль, откуда шли входы. Иногда вход в другие секции шел через центральное помещение, бывшее своеобразным распределительным узлом.

Изолированные секции дома практически автономны: каждая включала жилое помещение, кладовую, небольшой полуоткрытый дворик, а также ряд других помещений, назначение которых не всегда понятно.

Наиболее типичная планировка хорошо сохранившегося дома охарактеризована Л.Б. Ерзаковичем (Ерзакович, 1993, с. 51-57).

Дом 13 находился в центральной части южной половины раскопа IV, охватывающего юго-восточный угол городища. Жилой массив, включающий дом, окружен улицами. На улицу с западной стороны жилого массива открывается проходом дом, ориентированный сторонами по сторонам света. Общие размеры постройки прямоугольной формы 19,25 x 16 м или чуть больше 300 кв. м.

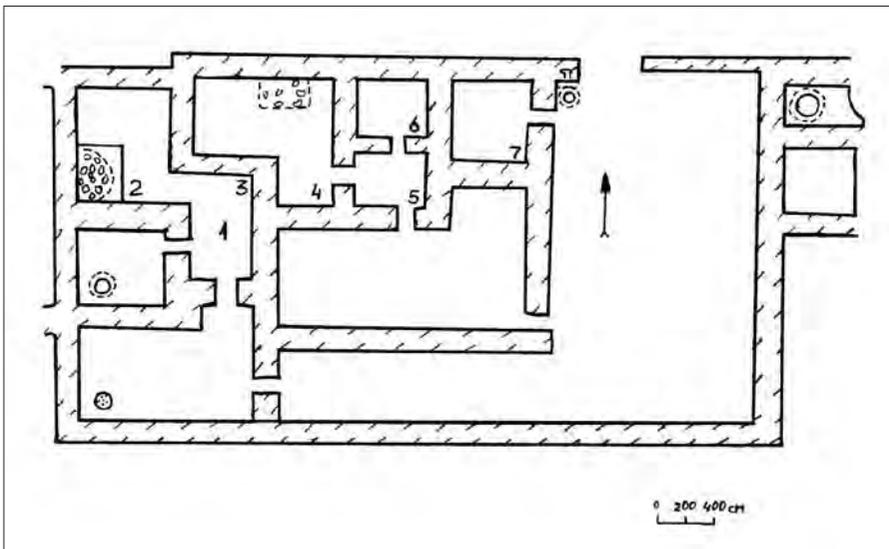

Рис. 136. Городище Туркестан. План дома

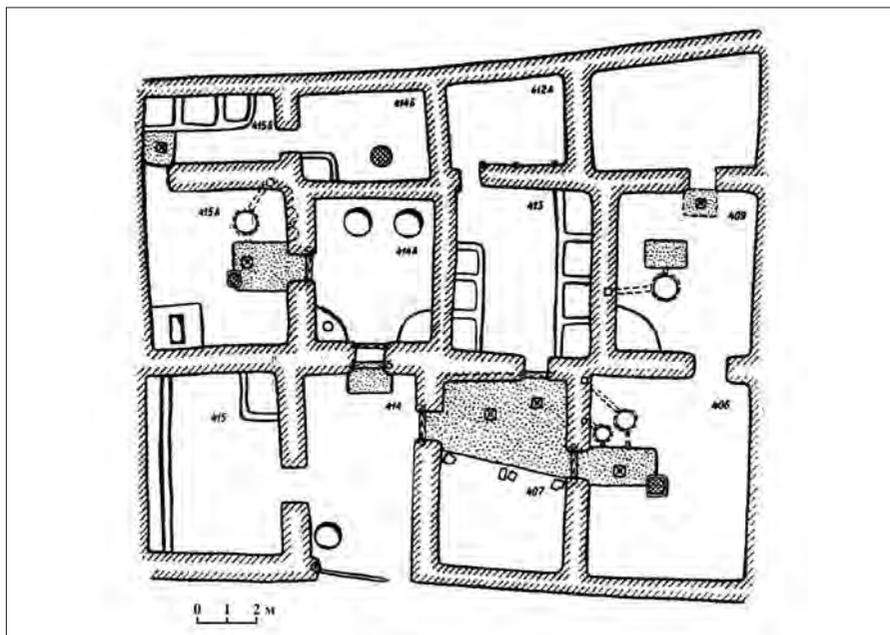

Рис. 137. Городище Отрартобе. План «большого» дома

Постройка имела два строительных периода, причем на заключительном этапе поднимался уровень полов, ремонтировались стены, обновлялись тандыры, но планировка оставалась прежней. Дом был заброшен, очевидно, после общегородского пожара.

Распределительным центром дома является коридор (414) длиной 6,50 м и шириной 3,20 м. Коридор полностью открыт в сторону улицы.

Коридор имеет три дверных проема, два из которых – восточный и южный – ведут в жилые секции, третий – в северной стене – принадлежит помещению, где, видимо, содержался скот (415). Помещение большое, размером 5,50 х 4,0 м, с кормушкой 0,48 м, устроенной вдоль северной стены и закомом в юго-восточном углу.

Коридор-проход ведет в жилую секцию с четырьмя помещениями: 414А, 414Б, 415А и 415Б.

Помещение 414А (4,25 х 3,55 м) сохранилось хорошо, многократно обмазанный глиной пол, суфа. Восточный простенок занят суфой.

Слева от входа в углу было сооружено место для постава зернотерки в виде тумбы высотой 0,55 м.

Поверхность тумбы понижается к центральному выступу для удобства сбора муки. Справа от входа, также в углу, находится еще одна секторальная в плане тумба высотой 0,30 м, которая использовалась, видимо, как стол.

В *помещении 414А* хранили зерно.

С северной стороны находится жилое помещение 415А, размерами 4,60 х 4,25 м, участок пола, вымощенный жженым кирпичом, один из которых с отверстием: водосливное устройство – ташнау. Остальную площадь помещения занимает суфа. Справа от прохода в суфу впущен

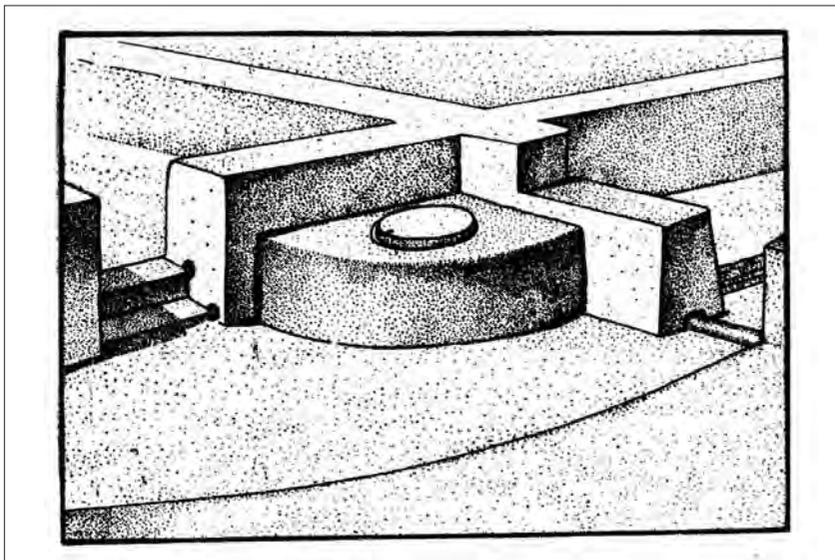

Рис. 138. Городище Отрартобе. Выкладка под ручную мельницу

тандыр с дымоходом, подведенным к ближайшему углу помещения.

На противоположной стороне от тандыра борт суфы слегка расширяется за счет тумбы, по верху которой расположен приподнятый над уровнем суфы прямоугольный открытый очаг с низким бортиком (0,50 x 0,45 м), это алтарь – курильница. В северо-западном углу помещения устроен погребок со щелевидным устьем.

В помещении 415А устроены три ниши, расположенные в ряд в стене справа от входа.

Борта суфы выложены жженым кирпичом, а в основании борта, напротив входа, находится массивная деревянная плаха – подставка под центральный столб, на котором держался основной прогон плоских перекрытий.

В северо-восточном углу проход приводит в помещение 415Б – кладовую с тремя закромами, поставленными вдоль восточной стены. Перед закромами, сразу за проходом, устроено ташнау, вымощенное жженым кирпичом с водосливом.

Помещение небольшое по размерам: 4,0 x 2,05 м. С южной стороны находится проход в последнее помещение секции – 414Б (3,80 x 2,75 м). В северо-западном углу поставлен заком, а ближе к западной стене находится открытый очаг.

Вторая жилая секция дома расположена в южной половине строения, включает шесть помещений: 406, 407, 409, 413, 412, 412А. Проход в секцию находится в южной стене коридора, ближе к юго-восточному углу. В проходе – деревянный порог. За проходом находится помещение 407 – дворик, где западный простенок занимает суфа, укрытая навесом, другая часть помещения открыта, пол вымощен жженым кирпичом с двумя водосливами – ташнау.

Помещение 407 размером 5,80 x 3,90 м. Хорошо сохранилась передняя часть суфы, на которой зафиксирована опора под столбы перекрытий над суфой. Две опоры имеют базы из жженого кирпича, одна – каменная плита.

На суфе дворика находятся два открытых очага.

Проход с остатками деревянного порога в восточной стене приводит в *помещение 413* (размер 5,0 x 4,0 м). Это была кладовая, судя по семи закрамам у стен.

Из дворика через проход в южной стене можно попасть в еще один ряд проходных помещений, расположенных цепочкой с запада на восток. Два из помещений жилые – 406 и 409, третье – 412 – неясного назначения.

Основным жилым помещением было *406*, самое крупное по площади в доме – около 30 кв. м. Сразу за проходом расположена небольшая прямоугольная площадка пола из жженого кирпича с водосливом в центре, все остальное пространство занято суфой. Слева от прохода в суфу впущены два тандыра, которые функционировали одновременно. Каждый снабжен самостоятельным дымоходом, подведенным к ближайшей (северной) стене.

На другой стороне суфы, в углу между южным и западным бортами, находится глинобитная тумба, слегка приподнятая над уровнем суфы, с открытым очагом-алтарем наверху размером 0,50 x 0,50 м.

В юго-восточном углу находится проход в следующее жилое *помещение 409* размером 4,75 x 4,15 м. От первоначальной планировки помещения сохранился лишь участок с водосливом – ташнау – перед проходом в последнее помещение дома 412. Во второй строительный период *помещение 409* стало жилым: в нем были установлены тандыр и глинобитная тумба к северо-западному углу, которая использовалась для ручной мельницы.

Следующее за жилым помещением *412* разрушено.

Находок в доме мало: несколько фрагментов керамики, характерной для Отрара XVII в., и монеты. В дальнем от входа углу коридора в неглубокой ямке был обнаружен клад из более чем трех десятков кусков кричного железа, что, возможно, указывает на принадлежность к железоплавильному производству обитателей дома.

Дом следует считать единым комплексом, заселенным родственными семьями. Каждая семья занимала свои помещения, среди которых обязательно присутствие жилой комнаты, кладовой. Некоторые помещения были, возможно, общими, это сарай, где содержался скот и открытый дворик. Нововведением дома XVII в. является цепочка хозяйственных помещений, которая разделяла две половины. Большие дома отмечены и в застройке Туркестана XVIII-XIX вв. (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 173, рис. 45).

Дома с центральным коридором и симметрично расположенные относительно центральной оси помещения напоминают более ранние, отрарские прототипы караханидского времени (Акишев, Байпаков,

Ерзакович, 1987, с. 35-44, рис. 15), которые, в свою очередь, по-видимому, модифицируют композиционную схему раннесредневековых построек «коридорно-гребенчатой планировки». Мы не располагаем таким массовым материалом для характеристики жилища X-XII вв., как для эпохи позднего средневековья, но во всех известных ранних жилищах в схеме плана, как правило, присутствует коридор. Аналогичные дома известны в отрарском домостроительстве и более позднего времени – XIV-XVI вв. (наряду с другими типами) (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 46-47, рис. 19, 20). Наиболее близкие аналогии отрарским жилищам с центральным коридором есть среди хорезмийских типов сельского жилища XII – начала XIII в., которые, в свою очередь, оказали сильное влияние на формирование большесемейных домов – хаули Южного Хорезма XIX в. (Неразик, 1976, с. 193-197). Впрочем, сходство отрарских домов и хорезмских хаули носит скорее внешний характер, поскольку у археологических прототипов, в том числе и ранних, нет больших дворов, помещения для скота чрезвычайно редко включаются в застройку, коридоры в отрарских домах значительно уже, иная типология очагов.

Причина появления больших домов, на наш взгляд, связана со все еще сохраняющейся традицией их существования, а также ухудшением политической и экономической ситуации в тот либо иной период, когда родственникам было легче переносить трудности, объединяясь под «одной крышей».

Социально-экономические процессы в городах XVI-XIX вв.

«Археологическое жилище», которое становится известным после раскопок, к сожалению лишено той информативности, которое имеет «жилище этнографическое». Археологи имеют дело, как правило, с остатками стен, фундаментами, полами, очагами, остатками сохранившихся на полах или в завалах перекрытий. И все же, как считает один из выдающихся теоретиков археологии В.М. Массон: «Остатки жилища, открываемые археологами, следует изучать не как изолированное явление, а как общую реконструированную картину, одновременно с анализом экономического базиса хозяйственных циклов и этнической традиции» (Массон, 1976, с. 111).

Попытки определения социальной структуры городского населения на основе анализа массового материала по жилищу Отрара уже предпринимались. Были выделены принадлежащие зажиточным горожанам, дома среднего и бедного населения (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 194-195). Тогда априори предполагали, что для домов богатых горожан характерна большая площадь, большее число помещений, наличие центральных помещений, объемность кладовых.

Однако попытки выявления связей по этим признакам показали, что единственным постоянным, по которому устанавливается зависимость в варибельности домов, является общая площадь дома. Все остальное не показывает зависимости друг от друга, не имеет какой-

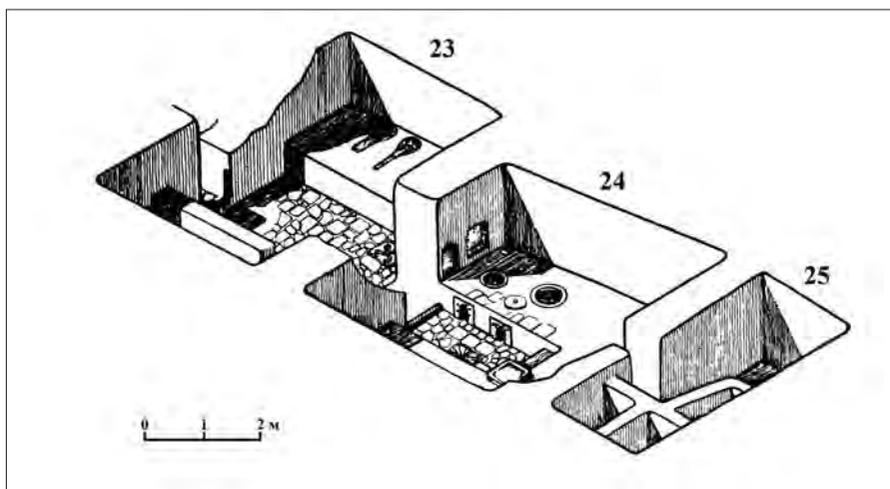

Рис. 139. Городище Отрартобе. Дом (аксонометрия)

либо постоянной величины. То есть при общей большой площади дома у него может быть маленьким центральное помещение и, наоборот, в сравнительно меньшем центральная комната большая. В больших домах необязательны более объемистые кладовые что, впрочем, естественно – богатые люди могли хранить основные запасы пищи и содержать скот за городом.

Поэтому основным и единственным количественным показателем является площадь дома, а также такие качественные критерии, как характер кладки стен, использование жженого кирпича, применение в интерьере художественной отделки (плиты для оформления устьев тандыров, вымостки ташнау), наличие обнаруженных при раскопках монет, изделий из бронзы, набора поливной керамики. Это становится понятным, если учесть наблюдения этнографов, которые отмечали, что в XIX – начале XX в. жилище зажиточной части населения по принципу своего устройства не отличалось от жилища людей среднего достатка. Об этом пишут исследователи жилища таджиков (Кисляков, 1963, с. 103). В туркменском ауле «дома, в которых живут ханы и ишаны... отличаются от обыкновенных жилищ только размерами» (Бачинский, 1960, с. 50). При этом нельзя забывать, что каждый дом стоял на городской земле, которая, как отмечается в источниках, стоила дорого и не случайно исследователи внутренней организации жизни средневекового города считают, что частная собственность на землю и высокая стоимость земли в городе – ключ ко многим сторонам городской жизни в Средней Азии (Большаков, 1973, с. 311-323).

Таким образом, следует подчеркнуть, что уже сама по себе общая площадь дома (участка городской земли под ним) – важный показатель общественного положения домовладельца.

Широкие раскопки Отрара, где открыто и изучено более 300 отдельных жилищ, из которых 231 принадлежит отдельным семьям,

Рис. 140. Городище Отрартобе. Раскоп IV. Квартал «Л». Парные тандыры

Рис. 141. Городище Отрартобе. Плита, оформляющая топку тандыра

Рис. 142. Городище Отрартобе. Плита, оформляющая топку тандыра

позволяют решить задачу классификации домов по характеристике площадей с помощью ЭВМ. Для этого ставится задача рассмотрения совокупности домов, разбитых по кварталам. Каждому дому соответствует несколько характеристик: общая площадь дома; площадь помещения с тандыром; площадь кладовых. Для выявления характера социальной структуры населенного пункта необходимо произвести классификацию жилых домов по общей площади дома, которая и характеризует имущественное положение домовладельца.

Таким образом, задача классификации заключается в группировке вседомовисследуемого населенного пункта по классам. Классификацию больших совокупностей домов целесообразно проводить с помощью ЭВМ. С этой целью была составлена программа на языке P1 1 для ЭВМ ЕС 1022. Алгоритм классификации заключается в следующем. Каждому дому ставится в соответствие две характеристики: первая – буквенно-числовое выражение, отражающее квартал, к которому принадлежит этот дом, и номер этого дома внутри квартала (например, 5Б – пятый дом квартала «Б»); вторая – общая площадь дома в квадратных метрах. Эти характеристики вводятся в память ЭВМ в виде двух одновременных

массивов: массива номеров и массива площадей. Равномерности этих массивов совпадают с количеством домов. В результате обработки элементы этих массивов располагаются по убыванию площадей методом перебора.

Разрабатывается блок-схема программы классификации, где A – значения площадей домов и (1) – название квартала и номер дома; $P1$, $P2$, $P3$ – фиксированные константы; $1, 2, 3$ – индексные переменные.

Затем на печать последовательно выводятся номера групп (классов), количество домов (элементов) данной группы и перечисляются номера домов (вместе с их площадями), принадлежащих данному классу (группе). Полученная распечатка наглядно показывает пропорциональное отношение количеств домов каждого класса, что позволяет судить о преобладающих классах домов (т. е. социальных группах населения) данного населенного пункта и распределении этих классов по кварталам. Выделяется четыре класса домов: с общей площадью 70 кв. м и выше; от 50 до 70 кв. м; от 30 до 50 кв. м; менее 30 кв. м. Выясняется, что из 231 дома 78 относятся к первой группе, 71 – ко второй, 61 – к третьей и 21 – к четвертой.

Рис. 143. Городище Отрартобе. Плитка с водосливным отверстием таинау

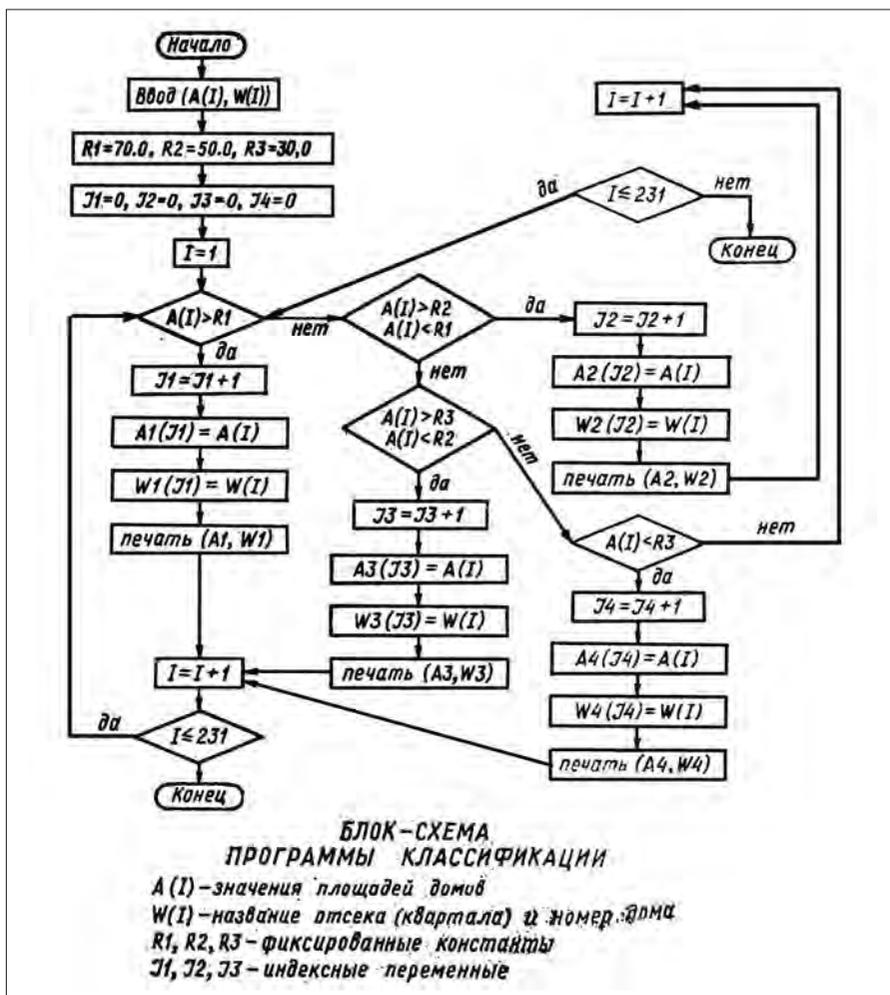

Рис. 144. Блок-схема программы классификации домов городища Отрартобе

Первая группа домовладений характеризуется правильной кладкой стен, качественными обмазками стен и полов, наличием кирпичных вымосток дворинок, более широким, чем в других домах, использованием жженого кирпича. Мало чем, кроме размера площади, отличаются от домов первой группы жилища второй и третьей, тогда как для четвертой группы домовладений характерна небрежность кладок стен, отсутствие вымосток из жженого кирпича, меньшее количество поливной керамики. Все это дает возможность интерпретировать дома 1 группы как жилища зажиточной части горожан, 2 и 3 группы – как дома среднего городского населения и 4 группы – бедной части горожан.

В процентном отношении это выражается так: 33,76% домов принадлежит к зажиточным, наиболее обеспеченным горожанам; 57,13% относятся к средней прослойке горожан; 9,09% домов принадлежит бедной части населения.

В числе домов есть такие, где в жилом помещении имелись два тандыра, действовавших одновременно. Обычно таких домов в кварталах один или два. В свое время исследователями Отрара было высказано мнение о том, что такие дома принадлежали квартальным старшинам, старостам или, как их называли в Бухаре, «аксакалам» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 137-138). Как показывают этнографические исследования, такие дома не обязательно самые большие в квартале и, следовательно, самые богатые, напротив, они в подавляющем большинстве принадлежат среднему сословию. Дело в том, что в Бухаре аксакалы никогда не выбирались из числа богачей или людей знатных, это был почетный пост, ибо старшина считался слугой общества (Сухарева, 1976, с. 33).

Атрибуция домов с двумя тандырами нашла подтверждение находкой в одном из таких домов лопатки коровы с надписью тушью. Надпись содержит имена мужчин, напротив которых указана мера веса или объема, но чего – неясно. Возможно, это список должников, членов какой-то общины, которые сдавали нечто квартальному старосте, аксакалу. Некоторые имена зачеркнуты, видимо, тех людей, которые рассчитались (чтение и интерпретация надписи на лопатке принадлежит В.Н. Настичу).

Наряду с жильем индивидуальной семьи в XIII-XVIII вв., как отмечалось, появляются постройки, которые отличаются большими размерами площади и объединением в составе дома нескольких жилых секций. Таких домов в кварталах немного – от одного до двух или 7,96% от числа раскопанных.

Было отмечено, что в процессе распада патриархальной семьи и превращения ее в малую, сложилась переходная форма семьи, которую называют неразделенной. Она состоит уже не из трех или более поколений, а из двух – отца с матерью и женатых сыновей (Кисляков, 1969, с. 18-20). И, видимо, в больших домах обитала именно такая семья. Уже отмечалось, что большие патриархальные семьи являлись основной хозяйственно-культурной ячейкой Хорезма. Исследование

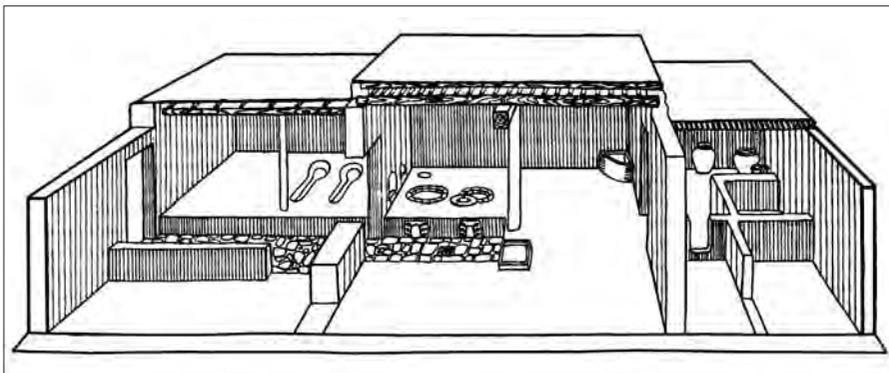

Рис. 145. Городище Отрартобе. Графическая реконструкция богатого жилого дома XVI-XVII вв.

Е.Е. Неразик показало, что такая форма семьи в Хорезме не была застывшей, а, напротив, находилась в процессе постоянного развития. Колебания в численности и структуре семьи происходили неоднократно. Так, в VII-VIII вв. произошло укрупнение семьи, тогда как в XII – начале XIII в. малая семья получила большую самостоятельность, затем в XVI-XIX вв. вновь произошла реставрация большесемейных коллективов. Отмечаются и причины, определяющие изменения семьи и, прежде всего, факторы политической стабильности и этнических влияний (Неразик, 1976, с. 237-238).

В данной связи не безынтересно отметить, что многосекционные дома отмечены в казахстанских городах во второй половине XIII – XVIII вв. Пока невозможно выявить характер тенденции их распространения в городе во времени, поскольку нет сопоставительных материалов. Так, если в Отраре по уровню XVII в. раскопано свыше 30 кварталов, то по уровню строительных горизонтов XIII-XV вв. – всего два. Но, во всяком случае, появление многосекционных домов следует, видимо, связывать с событиями дестабилизации политической и экономической жизни в период послемонгольского нашествия, в эпоху междоусобных войн казахских и узбекских феодалов за обладание сырдарьинскими городами. В условиях отсутствия сильной централизованной власти, войн, грабежей городского населения более стойкими к катаклизмам оказались большие патриархальные семьи, появление которых в южно-казахстанском городе отмечено новым типом жилища.

Многосекционные дома в застройке Отрара составляют 14,2% от всех домов.

В многосекционных домах Отрар-тобе обитали, скорее всего, большие патриархальные семьи.

Основная масса домов рядовых горожан приходится на два или три окраинных квартала у западной городской стены. Беднота ютилась в небольших по площади одно- и двухкомнатных домах с каркасными стенами. Постройки расположены скученно, зачастую отсутствуют индивидуальные выходы на улицу. В топографии богатых домовладений заметно тяготение к центральной части города, однако они не группируются в отдельные обособленные кварталы. Состав большинства кварталов примерно одинаков: один-два дома небольших по площади, остальные – главным образом средние или крупные домовладения. Таким образом, для большинства кварталов Отрара характерна определенная социальная уравновешенность состава жителей, что свидетельствует о территориальной консолидации однородного населения.

Ранее мы отмечали, что в каждом квартале выделяются дома, отличительная особенность которых – парные печи разного диаметра в жилой комнате. По-видимому, это дома квартальных старшин или старост. Характерно, что подобные дома не выделяются по площади или по количеству комнат среди других домовладений квартала. Социально-административное положение владельцев таких домов

зависело от каких-то иных факторов, очевидно, от выборности или наследственности должности.

Отмечается ремесленная специализация кварталов позднесредневекового Отрара. В северо-восточной части города располагался квартал, где жили гончары. В составе его насчитывается одиннадцать домовладений. Мастерские находились в трех жилых домах. Одна из мастерских – в доме из пяти помещений. Две гончарные печи находились в летнем помещении, одна – в жилом. Две комнаты мастерской предназначались для хранения глины и сушки изделий перед обжигом. Все печи однотипные: овальной в плане формы, двухъярусные, наибольший диаметр 1,2 м. Еще две мастерские с печами располагались рядом в жилых помещениях.

Судя по обилию шлаков и криц, связанных с производством металла, в некоторых домах Отрара находились мастерские с иным ремесленным уклоном. Несомненно, были кварталы, специализировавшиеся на торговле, судя по целому ряду небольших помещений со стороны улицы, входивших в состав многоквартирных домовладений. Одиночные лавочки есть почти в каждом квартале, однако не встречается ни одной лавки при доме-мастерской, что свидетельствует о специализации торговли и ремесла. По предварительному подсчету домов-мастерских, ремесленная специализация которых не вызывает особых сомнений, и количества работников, необходимых для нормального функционирования мастерских, около 12% семей позднесредневекового Отрара было занято в сфере ремесленного производства. Судя по количеству лавок, приблизительно 15% семей жило на доходы, получаемые от торговли. Значительно труднее определить род занятий и источник доходов остальной части населения города.

Большинство жилых домов Отрара имеют небольшие зернохранилища, вместимостью до тонны, что вполне достаточно для одной семьи. Мы исходим из таких расчетов: по данным 20-х годов XX в. семья казаха-середняка в среднем ежедневно расходовала 530 г пшеницы и около 70 г пшена или проса на человека (Трофимук, 1930, с. 203). Эти данные очень близки к аналогичным расчетам для других районов (Бибиков, 1967; Массон, 1971, с. 102-103). Если исходить из ежедневной нормы в 600 г на человека, то для отрарской семьи из 6-ти человек необходимо было приблизительно 1,3 тонны зерна в год. Учитывая другие хранилища, например хумы, крупные двуручные сосуды, которые использовались как емкости для муки, можно считать, что практически в каждом отрарском доме, независимо от социального и имущественного положения его владельца, хранился запас зерна, необходимый на год. Однако многие дома имеют амбары, вместимость которых явно превышает годовую потребность одной семьи. В среднем каждый третий дом Отрара имеет зернохранилище емкостью 5-8 тонн в пересчете на пшеницу или ячмень. Встречаются зернохранилища, куда можно было засыпать до 13 тонн зерновых культур. Учитывая зерно, необходимое для посевного фонда, мы считаем, что в этих

домах количество зерна, засыпаемого в амбары, в три с лишним раза превышало среднегодовую норму на семью. На этом основании можно полагать, что производственная деятельность, по крайней мере, третьей части городского населения, была тесно связана с товарным сельским хозяйством, в частности с выращиванием зерновых культур – проса, ячменя, пшеницы. О том, что именно городское население было втянуто в сферу сельскохозяйственного производства, свидетельствует то обстоятельство, что сельскохозяйственной округи у Отрара XVI-VIII вв. практически не было. К настоящему времени известны лишь одно небольшое поселение в 2 км к югу от Отрара и усадьба на территории заброшенного к тому времени рабада.

В то же время данные о масштабах орошаемого земледелия в округе Отрара свидетельствуют о существовании крупной позднесредневековой оросительной сети, магистральные каналы которой, как и более ранних систем, были выведены из реки Арысь. По крайней мере, до XVI в. функционировало водохранилище у стен Отрара объемом 408 тыс. куб. м.

Несомненно, основная масса зерна поступала на рынки Отрара в виде готовой продукции – муки и лепешек. Помимо небольших ручных каменных мельниц, находимых почти в каждом доме, встречаются жернова диаметром до 1 м, которые вращались при помощи рабочего скота.

Таким образом, позднесредневековый Отрар в результате археологических исследований представляется как городской центр с присущими ему строительно-планировочными элементами и развитой социальной структурой, производственная деятельность основной массы населения которого была направлена в сферу ремесла и земледелия, а также торговли, связанной тесными узами со степью.

Вопросы демографии

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений является демографическое исследование населения определенного города, отдельного региона. Вопрос о степени развития городской жизни и размере города – это, в первую очередь, вопрос о численности его населения. Историческая демография призвана воссоздать демографическую ситуацию определенных эпох, исследовать народонаселение стран или районов, а также установить динамику численности населения на протяжении того или иного периода в связи с особенностями развития общества и отдельных коллективов (Козлов, 1969, с. 7).

Трудность исследования численности древнего и средневекового населения Казахстана вызвана не только слабой разработанностью методологии, но прежде всего почти полным отсутствием статистических данных в письменных источниках. Не представляется исключением в этом отношении и Отрар. Лишь у ал-Макдиси, автора X в., говорится, что главный город Отрарского оазиса мог выставить

70 000 воинов (Бартольд, 1963в, с. 233). Поэтому основной материал для демографических изысканий дает археология.

В последнее время вопросы, связанные с исторической демографией, привлекают внимание. Ведутся подсчеты населения древних и средневековых городов с учетом общей площади, занятой отдельными домовладениями, селитебной площади (Wolley, 1957, p. 247; Большаков, 1973, с. 256-268; Байпаков, 1974, с. 188-200; Распопова, 1972, с. 150). Интересные данные получены этнографами (Сухарева, 1958, с. 73).

Широкие раскопки Отрара позволяют определить количество жителей его достаточно уверенно. Численность населения Отрара около середины XVIII в. – последнего периода жизни города – известна: П.И. Рычков в своем сочинении «Топография Оренбургской губернии» насчитывает в Отраре 40 семей (Рычков, 1887, с. 18-20).

Общепринято средняя численность семьи в Средней Азии и Казахстане в период развитого феодализма определяется в 5-7 человек (Кисляков, 1969, с. 38; Сухарева, 1966, с. 103). Таким образом, в Отраре проживало 200-280 человек. Сведения П.И. Рычкова заслуживают доверия: по его данным, в Туркестане насчитывалось 1000 семей (Рычков, 1887, с. 38). Перепись 1867 г. установила численность Туркестана в 5000 человек (Бартольд, 1965а, с. 520).

Для установления народонаселения Отрара XVII в. наиболее перспективным оказался следующий путь: определение числа домовладений в квартале и численности жителей одного квартала, определение количества кварталов в городе и количества всех жителей. Аналогичный принцип определения численности населения Варахши предложил в свое время В.А. Шишкин. В основу подсчетов он положил соотношение всей площади города и площади отдельной усадьбы. Определив количество отдельных домовладений, он смог установить численность населения Варахши.

Площадь жилого квартала в Отраре составляет 1200-1800 кв. м или в среднем около 1500 кв. м. Территория, занятая Отраром в XVII в., исчисляется 20 га, или 200 000 кв. м. Если учесть, что зданиями общественного пользования (мечети, бани и т. д.), улицами, площадями и базарами была занята четвертая часть города, как принял В.А. Шишкин для Варахши, то площадь, занятая жилыми кварталами, составит 15 га, или 150 000 кв. м. Таким образом, в позднесредневековом Отраре было 100 жилых кварталов, в каждом из них от 6 до 12 домов. Каждое из домовладений принадлежало индивидуальной семье из 5-7 человек, а всего в квартале, таким образом, проживало 30-42 или 60-84 человека, в среднем 45-63 человека. Зная количество населения в одном квартале и общее число жилых кварталов, легко определить численность населения Отрара XVI-XVII вв. – 4500-6300 человек или в среднем 5500 жителей.

Такое же количество жителей имели Сыгнак (20 га) и Сузак (22 га). В Туркестане (35 га) насчитывалось 170 кварталов, а в них проживало 9180

человек. Сауран был вдвое больше по площади Отрара, в нем должно было быть 11 000 человек. Сайрам, имевший площадь 28 га, насчитывал 7560 жителей (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 189-190).

Фортификация городов

Археологическое изучение фортификации связано с исследованием самых разных сторон жизни города, а поскольку размеры города изменялись в периоды расцвета и упадка, крепостные стены четко фиксируют эти изменения. Они позволяют судить о динамике развития города, о динамике его исторической топографии.

Изучение стен, их строительства, разрушения и восстановления связано с политической и социальной жизнью города.

Изучение фортификации позволяет представить характер организации обороны города на разных этапах его истории и, в свою очередь, с социальной структурой населения города.

Крепостные стены и их изучение оказываются первостепенным источником по истории военного искусства.

Возведение городских стен было важным с точки зрения техники строительства. Изучение строительных приемов, строительных материалов позволяет судить о техническом уровне строительства, технологическом потенциале общества.

Все упомянутые аспекты в той или иной степени затрагивались археологами Казахстана и Средней Азии, изучавшими фортификацию. Недостаток письменных источников по этому региону, в частности, полное отсутствие специальных военных трактатов, еще более увеличивает значение исследования самих памятников. На базе их изучения появились гипотезы и теории, имеющие большое значение для изучения политогенеза, социогенеза и культурогенеза.

Однако, по мере накопления археологического материала появлялись и попытки его теоретического осмысления, создания концепции развития фортификации как для всего региона, так и для отдельных областей, городов.

Это касается исследования крепостных стен в позднесредневековых городах.

Так, фортификация позднесредневековых городов Туркменистана исследовалась Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1958, с. 381-387). Изучение городов Мерва, начатое Г.А. Пугаченковой, а также Туркестана, Саурана и Отрара успешно продолжается (Брун, Аннаев, 2002, с. 63-74; Брун, 2004, с. 11-23; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 149-154; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 149-165; Смагулов, 2011а; Байпаков, Смагулов, 2005, с. 67-68; Смагулов, 2010).

Фортификационные сооружения города Туркестана. Источники XVI-XVII вв. содержат самые общие сведения о фортификации средневекового Туркестана.

К началу XVIII в. относится первое графическое изображение фортификационных устройств Туркестана. На рисунке города из архива

*Рис. 146. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави и стены
цитадели городища Туркестан. Вид с юга.
Рисунок предположительно В.В. Верещагина.
Из книги Ю. Скайлера «Туркестан». 1876 г.*

экспедиции Д.Т. Мессершмидта изображена стена с четырьмя башнями и ров (Ёлгин, 2013, рис. 2).

П.И. Пашино, посетивший г. Туркестан в 1866 г., отметил, что «коканская цитадель, обведенная глиняною стеною и рвом, находится на более возвышенном месте...» (Пашино, 1868, с. 20).

По сведениям А.И. Добросмылова, стена, окружавшая цитадель, в начале XX в. местами уже разрушилась (Добросмылов, 1912, с. 126). Более конкретные сведения, относящиеся к концу XVIII в., сообщает купец Тауш Мерген: «...а город де Туркестан кладен необожженным кирпичом, а в иных местах жженный кирпич; в высоту тот город сажен три, в толщину аршина в 2 и сажень, а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы. Да в том же городе башня, де четвери ворота проезжая. Да казаков живет в том городе с Тевки ханом мужеска полу и женска человек с 1000» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 405).

Первые археологические раскопки стен цитадели Туркестана были проведены в 1973 г. и выявили три строительных горизонта северо-восточной крепостной стены цитадели: XIX – начало XX в.; XVII-XVIII вв.; XIV-XVI вв. Разрез стены на уровне II-IV ярусов (1-2 м) показал, что она сложена из сырцового кирпича, имела сохранившуюся высоту 180 см при ширине основания 190 см. Стена была возведена из сырцового кирпича (20 x 30 x 12-14 см). Желтый кирпич чередовался с кирпичом серовато-зеленым. Исследования на других участках цитадели подтвердили стратиграфию, полученную разрезом ее стены (Сенигова, 1974, с. 40).

Археологические раскопки 1978-1979 гг. определили направление и конструктивные особенности северо-восточной стены арка. До раскопок стена представляла собой оплывший вал, на котором прослеживались

две круглые башни. Восточная башня сохранилась лучше. В ней было обнаружено круглое внутрибашенное помещение диаметром 3,6 м. Стены помещения были выложены из сырцового кирпича и обмазаны с внутренней стороны слоем глины толщиной 2 см. Сохранились они на высоту 160 см (10-12 рядов кирпича).

Вход в башню находился с западной стороны и представлял собой тамбур-коридор длиной около 3,0 м, шириной 2,8 м, укрепленный поперечными балками.

Шурфы, заложенные на северо-восточной стене цитадели, показали, что верхняя часть стены была сооружена комбинированной кладкой – «елочкой» в два ряда кирпичей, поставленных на ребро с наклоном в разные стороны. Основная же часть стены была выложена сырцовым кирпичом «ложком» и «тычком», пояса из нескольких рядов «органического» кирпича (гидроизоляционный слой), затем шла пахсовая заливка. Сохранившаяся высота поздней стены составляла около 2-х метров. Под ней находились остатки более ранней крепостной стены в виде оплывшей глинобитной массы.

Исследования юго-восточной стены цитадели дали почти аналогичные результаты. Стена сохранилась на высоту 2,8 м (Марьяшев, Мотов, 1982, с. 42). Жилища всех строительных горизонтов примыкали с внутренней стороны к крепостной стене.

Основные работы, проведенные в 80-х годах прошлого века, были сосредоточены на исследовании северной и северо-западной стен. Северная стена занимала отрезок между северо-восточной и северной башнями цитадели.

Было заложено 7 шурфов-разрезов различной глубины и длины на участке протяженностью 120 метров.

В результате археологических работ был околонтурен внешний фасад северной стены на участках между разрезами.

При расчистке пятнадцатиметровой полосы внутри цитадели вдоль северной стены на глубине 40-45 см были раскопаны остатки жилищ. Обнаружены три каменных основания юрт и четыре жилых помещения, примыкающих к стене.

Таким образом, на цитадели Туркестана в этот период (раскопанный строительный горизонт датируется XVI-XVII вв.) наряду со стационарными жилыми постройками, вплотную примыкавшими к оборонительной стене, использовались и юрты.

В результате археологических работ на цитадели были вскрыты остатки пахсовых стен, которые относятся, по всей вероятности, к оборонительной стене самого первого (раннего) строительного горизонта. Она представляет собой мощную (шириной 4-5 м) монолитно-пахсовую конструкцию, прослоенную местами сырцовым кирпичом. Эта стена являлась основой для стен всех последующих строительных периодов.

Сопоставление полученных данных дает следующую картину: ранняя стена, фас которой выявлен почти по всему периметру цитадели,

была сооружена из пахсы, в то время как на участке к югу от восточной башни она возведена из сырцового кирпича. Время разрушения ранней стены совпадает со временем перекрывания ее строительным горизонтом XVI-XVII вв.

Плохая сохранность северо-восточной башни не позволяет полностью восстановить ее конструктивные особенности, но реконструировать ее вполне возможно. Башня имела «рубашку» толщиной 1,5-1,8 м, выложенную сырцовым кирпичом. Диаметр башни на вскрытом уровне достигает 8-10 м. Стены цитадели примыкают к башне без перевязки. Внутри башенного помещения обнаружен комплекс керамики XIX в.

Восточная башня (диаметр основания 9 м) имеет аналогичную конструкцию. Стены помещения сохранились лишь на 1,6 м от уровня пола. Бойницы и зубцы не сохранились.

Таким образом, археологические исследования фортификационных сооружений цитадели уточнили и дополнили сведения письменных источников. Они показали, что крепостные стены г. Туркестана, возведенные в XV-XVI вв., были отреставрированы и перестроены в первой половине XIX в. (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 149-163).

Фортификация Саурана. Система обороны города Саурана снискала ему славу неприступной крепости. Автор XVI в. Фазлаллах ибн Рузбихан отметил монументальность укреплений, стен и рва, обеспечивающих его защитникам возможность долгого сопротивления в случае осады неприятелем (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с. 140).

Об укреплениях Саурана, которые могли выдержать любую осаду, красочно писал Хафиз Таныш в своем сочинении «Шараф-наме-йи-Шахи – Книга шахской славы» (МИКХ, с. 290-294). В связи с осадой и штурмом Саурана армией Абдаллах-хана в июне 1582 г., по его словам: «крепость Сабран является сильно укрепленной твердыней, такой сильной и мощной крепостью, что рука вращения судьбы никогда не достигала подножия ее вала...».

Прочность ее была такова, что никому в голову не приходила мысль разрушить башни и вал (ее)... Ворота крепостного рва снаружи и изнутри были так глубоки, что походили на реку... От этого рва до вершины крепости около пятидесяти гязов и такой крутой подъем, что ноги лазутчика покрываются ранами... На каждом шагу (жители крепости) поставили сундуки и поместили (в них) стрелков из лука, у каждой башни стояли стрелки из ружей, пули которых... никогда не знали промаха. На каждую башню крепости (защитники) положили немного тростника, кувшин с золой и флагу с маслом для того, чтобы при необходимости использовать их. Жители крепости смертоносными стрелами, сверкающими, сжигающими мир пуляли из самострелов и приготовленными ими другими средствами вооружения не давали возможности (воинам Абдаллах-хана) окружить крепость (МИКХ, с. 303).

Войска осадили Сауран. И вот как описывается эта осада: «...Хан приказал, чтобы пушкاري и стрелки из баллист зажгли огонь битвы и сражения, поставили вблизи крепости котлы и стали метать камни для разрушения крепостной стены и для того, чтобы вызвать страх и боязнь у злосчастных врагов.

...В тот же день по приказу государя, ласкающего друзей, сжигающего врагов, Мирак-туббаши, которому после смерти мстительного устада Рухи была передана эта высокая должность, вместе с остальными пиротехниками, стрелками из ружей и пушек установили осадную машину и начали сражение.

Метая тяжелые камни, они разрушали жилища жителей крепости, дома и срубы колодцев.

Жители крепости сыпали сверху, как град пули (тир) и камни на голову войска-завоевателя» (МИКХ, с. 290-294).

Затем (хан) приказал, чтобы проворные саперы ударами острых кирок принялись делать окопы и подкопы и подобно воде начали резать небо земли, провели окопы через крепостной вал и довели до противоположной стороны башен и вала. (Он велел) положить внизу бревна, для того чтобы при необходимости наполнить (пространство между ними) топливом и нефтью и сжечь их. Согласно приказу, ведущие подкоп люди за короткое время сделали скважину вокруг крепостного рва... Они выпустили всю воду (из крепостного рва). Ударяя лопатами и железными копьями, они стали делать подкопы) (МИКХ, с. 305). И, тем не менее, жители Саурана еще долго сопротивлялись (Пищулина, 1969, с. 18).

Стены Саурана. Дешифровка аэрофотоснимков городища вкупе с анализом топопланов и визуальными наблюдениями дает возможность охарактеризовать развалины города следующим образом.

Городище Сауран представляет собой овальную в плане площадку, окруженную стеной, оплывшие участки которой сохранились на высоту от 3 до 6 м. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад на 800 м и с северо-запада на юго-восток на 500 м. Площадь городища возвышается над окружающей местностью на 2-2,5 м. Стена городища возведена на стилобате высотой 2-3 м. Детальное визуальное обследование всей длины стены, особенно удовлетворительно сохранившихся участков, показало, что крепостная стена пережила, по крайней мере, два периода строительства. Точнее, первоначальная стена (этап I) в какое-то время подвергалась капитальному ремонту и реконструкции (этап II). Следы этой реконструкции явно просматриваются на сохранившихся участках.

Первоначальная стена имела на гребне зубчатый парапет. Местами он просматривается заложенным в позднюю кладку. А значит, она имела идущую по верху стрелковую площадку, что предполагает значительную толщину стены в верхней части (не менее 3-4 м) и еще большую в нижней. В зубах стены, имеющих сводчатое завершение, устроены стрельчатые стрелковые бойницы. Первоначальная стена (во всяком случае, зубцы)

сложена из сырцового кирпича и тщательно оштукатурена. В ходе ремонта и реконструкции участка, где первоначальная стена оказалась полностью разрушенной, были застроены, а сохранившиеся участки закрыты панцирем новой кладки, и гребень стены поднят над прежним уровнем не менее чем на 2-3 м. В стене прослеживаются четыре круглые двухэтажные башни, выступающие за ее внешнюю линию. Верхний этаж перекрывался куполом, опирающимся на тромпы, остатки которых сохранились до сих пор. В стенах башен прорезаны узкие щели бойниц.

Внутри городища вели двое ворот. Главные ворота находятся в северо-восточной части стены и представляют собой мощное фортификационное сооружение, фланкированное двумя выступающими наружу башнями, имевшими два этажа. Вход представлял собой двадцатиметровый коридорообразный проход, образованный выступающими отрезками стены. Вторые ворота (сохранность их плохая) устроены в юго-восточном отрезке стены городища. В восточной части в башне имелся еще один вход в город в виде проема, ширина которого составила 1,20 м, высота – 1,7 м.

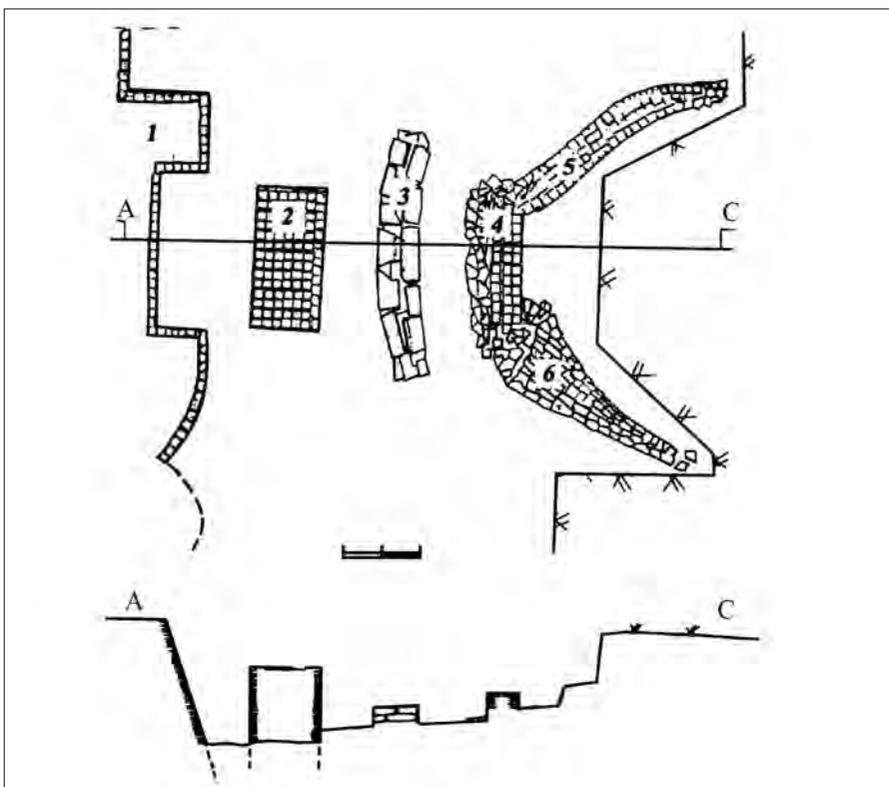

Рис. 147. Городище Сауран. Северные ворота.

План конструкции опор моста.

- 1 - предворотный пилон; 2-устой 1; 3 - поздняя ремонтная подпорная стенка устой из намогильных камней; 4 - устой 2 с поздней ремонтной обкладкой из намогильных камней; 5 - подпорная стенка из обожженного кирпича; 6 - южная каменная подпорная стенка*
- (по Е.А. Смагулову)*

Вокруг стены снаружи был выкопан ров глубиной до 3 м и шириной 15-20 м. Выброс из него наружу составил бруствер-вал высотой 1-1,5 м, шириной до 5 м.

Магистральная улица, которая начинается из северо-восточных ворот, делит территорию городища на две почти равные части по линии северо-восток – юго-запад.

Ворота. Северные крепостные ворота города Сауран расположены на прямом северо-восточном участке крепостной стены городища. В 2005-2007 гг. была исследована стратиграфия наслоений над проезжей частью ворот, выявлены последовательно залегавшие четыре строительных периода реконструкций ворот, начат стратиграфический разрез через крепостной ров, выявлена облицовка обожженным кирпичом нижней части фасадной стороны предвратного комплекса. Благодаря оборонительным сооружениям, обеспеченности водой, продовольствием, оружием, город мог выдержать осаду в течение нескольких месяцев. В системе укреплений Саурана названы крепостные стены с башнями, входами и выходами, крепостной вал (баре), ров (хандак).

В ходе дальнейших исследований были получены сведения о воротах (Елеуов, Акымбек, Калиев, 2005, с. 257).

Выяснилось, что поверхности предвратного берега рва перед въездом выложена квадратным жженым кирпичом (26-27 x 26-27 x 5-7 см). К кирпичной выкладке берега рва под въездом и к основанию северной и южной башен примыкают два пилона, также сложенные из квадратного жженого кирпича. Расстояние между краями пилонов на уровне проезжей части равно 4 м. Пилон северной башни прямоугольной формы и отступает от плоскости берега рва под въездом на 1,3 м, от плоскости основания башни – на 2,1 м. Пилон южной башни округлой формы, отступает от плоскости берега рва под въездом на 1,4 м, от плоскости основания башни – на 0,5 м. Берег рва между пилонами под въездом выступает от границы ворот на 0,7 м. Выступающие пилоны и участок между ними образуют плоскую площадку шириной около 2 м на уровне проезжей части, служившую, видимо, в качестве основания для западного конца деревянного настила моста.

Напротив ворот, на расстоянии 2,25 м от кромки площадки, возвышается устой 1, выложенный из квадратного жженого кирпича (28 x 28 x 5 см, 28 x 28 x 6 см, 29 x 29 x 5 см, 29 x 29 x 6 см). Он прямоугольной формы, его длина 3,6 м, ширина – 1,7 м.

На расстоянии 4,3 м к востоку от устоя 1 стоял устой 2, примыкавший к восточному берегу рва. Он также был сложен из квадратного жженого кирпича (28 x 28 x 5 см, 29 x 29 x 6 см), его длина 3,0 м, ширина 1,0 м. Устой 2 прилегал к вертикальному краю берега рва. От северного угла устоя 2 в направлении восточного берега (материка) под тупым углом идет кладка (толщина 1 м, длина 6,5 м) из квадратного жженого кирпича (28-29 x 28-29 x 5-6 см), выполнявшая функции подпорной стенки для устоя 2 и берега рва.

Прослежены ремонтные работы опорных конструкций моста. Так, например, торцевые стороны устоя 2 в месте примыкания подпорных

стенок со стороны рва были обложены камнем. По основанию устоя 2 была сделана выкладка плоским необработанным камнем, ее толщина 0,6 м. Поверх каменной выкладки были положены плоские обломки каменных намогильных плит, что увеличивало его толщину. С целью восстановления разрушенной части устоя 2 на его кирпичную кладку сверху, в несколько рядов, были положены обломки каменных намогильных плит.

На основании полученных материалов и наблюдений можно предположить, что внешний (восточный) конец деревянного настила моста опирался на трапециевидный выступ, предусмотрительно сделанный при рытье рва в береговом материке. Ширина его основания у берега составляла около 10 м, выступал он от берега примерно на 4,5 м, ширина конца, обращенного к воротам, составляла 3,5 м.

Длину деревянной части моста можно реконструировать, ее длина составляла 10 м, а ширина – 3,5-4 м. Вероятно, мост состоял из двух частей: западной (короткой) и более длинной, «восточной части моста», от устоя 1 до устоя 2.

Обращает на себя внимание разница в размерах кирпичей в кладках предвратной части (пилоны, обкладка основания северной башни), где применен исключительно кирпич размерами 26-27 x 26-27 x 5-7 см, а в кладках устоев и в подпорной стенке использован кирпич только размерами 28-29 x 28-29 x 5-6 см. Данный факт может свидетельствовать о одновременности возведения этих конструкций моста.

В стратиграфии наслоений на проезжей части северо-восточных ворот были выявлены характерные следы сильного пожара – сгоревшие толстые балки, бревна опор дверных полотнищ.

В конструкциях ворот раннего (первоначального) периода не использовались массивные каменные надгробия. Они появляются в (третьем) строительном горизонте, который перекрыл горизонт с сильным пожаром, уничтожившим деревянные конструкции въездного комплекса. Вероятно, что это тот самый пожар, который возник в ходе штурма войсками Абдуллахана II, тогда же и сгорел деревянный мост перед воротами.

Самый ранний строительный горизонт, возможно, датировался XIV в., временем основания города Сауран на новом месте и строительства его фортификационной системы. А сильный пожар, уничтоживший деревянные конструкции ворот, упавшие на вымощенную камнем-плитняком проезжую часть, связан со штурмом города Абдуллаханом II (Смагулов, 2011а, с. 130-131).

Городские укрепления Отрара

Городские стены Отрара стали предметом специальных исследований. Для этого в ряде пунктов были заложены траншеи через гребни городища, захватившие участки городской территории. Лучше всего удалось выявить основные параметры стены, установить время сооружения и ремонтов ее на раскопе V, расположенном вблизи северных ворот городища. Здесь на площади около 125 кв. м

прослежена стратиграфия напластований. От самого верхнего (первого) строительного горизонта сохранились лишь вымостки ташнау и основания тандыров. Следующий строительный горизонт – второй.

Постройки второго строительного горизонта достаточно легко увязываются с постройками других раскопов и относятся к XVII в. Удалось проследить, что постройки двух верхних строительных горизонтов «стоят» над стеной, следовательно, в последний период жизни Отрара крепостная стена уже была разрушена.

Лучше всего сохранилось помещение в третьем строительном горизонте. Оно почти квадратное (5,8 x 5,3 м). Хорошо сохранилась обмазка поверхности суфы. Общая толщина обмазки – около 25 см. К середине южной стены примыкала площадка с ташнау размером 2,0 x 1,7 м, вымостка которой продолжалась в проход, ведущий в соседнее помещение 11. Между тандыром и южной стеной в суфу по самый венчик был вкопан хум. У северной стены в ряд вкопаны еще три хума. У восточной стены располагался заком размер примерно 1,0 x 1,0 м с толщиной стенок 10-15 см, высотой 35 см. На самом нижнем уровне пола второго строительного горизонта у восточной стены устроена печь открытого типа. Прямоугольная в плане, она расположена под углом к стенам и площадке с ташнау и углублена в пол на 25 см. Размеры ее камеры 75 x 40 см. Стенки образованы поставленными на ребро кирпичами размером 20 x 20 x 8 см. Устье печки открыто на юго-запад.

На полу помещения найдены обломок серьги, представляющий собой круглую «гофрированную» бусину из синего камня на бронзовом стерженьке, обломок фарфоровой пиалы с синей росписью, а также медные монеты.

Конструкции четвертого строительного горизонта почти полностью уничтожены позднейшей перестройкой участка. Здесь помещение имело размер 6,4 x 5,5 м. Площадка с ташнау углублена на 45 см относительно площадки третьего строительного горизонта. Ее размер 2,0 x 1,5 м. В суфе устроены два погребка. Стены помещения сложены из сырцового кирпича размерами 38 x 21 x 8 см. В завале над закромами найдены два шара. Один из них выполнен из обожженной глины и покрыт красным ангобом с лощением, второй – из черного камня. Последний имеет шесть отверстий – пять маленьких и одно крупное, сходящихся к полости, высверленной внутри шара. Здесь же найдены бусы (15 целых и 4 в обломках) из стекловидной массы. Особую важность приобретает находка клада монет на полу помещения. Клад насчитывает 219 целых монет и фрагментов, некоторые из них восстановлены из более мелких обломков. Более половины всех монет поддается лишь частичному определению; примерно на 40 экз. оттиски штемпелей сохранились настолько фрагментарно, что возможность их однозначного определения очень сомнительна, а около 25 экз. практически безнадежны (определение монет сделано В.Н. Настичем). Размеры монет в основном колеблются в пределах 23-26 мм, с единичными отклонениями на 2-3 мм в обе стороны. Выборочное

взвешивание 30-ти наиболее хорошо сохранившихся экземпляров дает приблизительный средний вес в пределах 5,0+-0,5 г с отдельными отклонениями преимущественно в сторону меньшего веса.

Основу комплекса составляет серебряный чекан различных монетных дворов государства Тимуридов конца XIV – первой трети XV в. За исключением 2-х экземпляров с утраченными датами, чеканенных в Багдаде от имени Искандера Кара-Кююлу (823-839/1420-1436) (известны анонимные багдадские танга этого правителя, датированные 837/1433-1434 гг. См. Марков, 1986, с. 683, №2, однако есть основания полагать, что монеты Искандера из нашего клада чеканены несколько раньше), все остальные полностью или частично определенные монеты (свыше 160 экз.) принадлежат чекану Тимура и Махмуда (790-806/1388-1403), Мухаммада Джахангира (807-812/1404-1409, номинальный правитель при Халил-султানে) и Шахруха (807-850/1405-1447) (судя по внешнему облику и остаткам надписей, большинство монет, не поддающихся определению – до 40 экз., – также относятся к чекану Тимура и Шахруха). Среди них выделяется большая группа монет (47 экз.) с надчеканами, которая вкратце будет рассмотрена ниже. На монетах без надчеканов с именами Махмуда и Тимура (выявлено 3 экз.) выпускные данные не сохранились. К периоду до 1405 г. предположительно отнесены 2 монеты со стертыми датами, чеканенные в Астрабаде и Куме, и еще 8 экз., утратившие выпускные данные, но типологически близкие чекану Тимура.

Чекан времени Шахруха, самый многочисленный в кладах (не менее 92 экз., не считая надчеканенных), представлен следующими монетными дворами: Абаркух (?) – 1 экз., Астрабад – 10 экз., Герат – 3 экз., Исфахан – 2 экз., Керман (?) – 1 экз., Йезд – 8 экз., Кашан – 6 экз., Кум – 4 экз., Сабзевар – 4 экз., Саве – 3 экз., Самарканд – 1 экз., Тебриз – 1 экз., Хорезм – 1 экз., Шираз – 15 экз., (?) – 2 экз., (?) – 1 экз. Ряд экземпляров отнесен к отдельным монетным дворам предположительно, по общности элементов типа: Астрабад – 2 экз., Йезд – 4 экз., Сабзевар – 3 экз., Шираз – 2 экз. На 23 монетах с именем Шахруха названия монетных дворов не сохранились; еще 17 экз. с утраченными выпускными данными определены как чекан Шахруха по косвенным признакам. Наиболее ранняя из сохранившихся дат – 802/1399-1400 гг. на 3-х монетах Ширазы с именем Шахруха, позднейшая – 834/1430-1431 гг. читается на 2-х монетах, также ширазского чекана; еще 3 экз. отнесены к этой дате как аналогичные по типу.

47 монет имеют надчеканы разных форм и размеров. Основные типы монет, подвергшихся надчеканке, распределяются так: 8 экз. – чекан Тимура и Махмуда; 7 экз. – то же (предположительно); 1 экз. с именем Джахангира; 11 экз. – 4 предположительно – чекан Шахруха, 2 монеты Искандера Кара-Кююлу (выпускные сведения утрачены; тип тот же, что и у монет без надчекана); 7 монет неустановленных правителей и 8 экз., основной тип которых утрачен.

Наименования монетных дворов сохранились лишь на нескольких монетах; в ряде случаев место чеканки удастся определить по типовым признакам: Астрабад – 3 экз., Сабзевар – 2 экз., Исфахан, Йезд, Нимруз (?), Шабангара (?) – по 1 экз. Позднейшая дата под надчеканом – 828/1424-1425 гг. сомнительна; достоверно читается 821/1418-1419 гг. (чекан Хорезма).

Все эти данные убеждают в том, что клад накоплен не ранее 834/1430-1431 гг. где-то в Хорасане или Западном Иране и позднее целиком привезен оттуда в Отрар. Судя по поздним монетам клада, четвертый строительный горизонт следует датировать временем около середины XV в.

В пятом строительном горизонте расчищено несколько помещений. Жилое помещение 3 квадратное в плане размером 3,7 x 3,7 м. Площадка ташнау размером 1,6 x 1,55 м располагалась в юго-западном углу помещения. С площадки ташнау вдоль западной стены вел проход в соседнее помещение. Тандыр располагался у восточного борта суфы. Высота тандыра 50 см, размер устья топки 15 x 10 см. Перед топкой в полу сделана выемка глубиной 15 см.

Помещение погибло в результате пожара. Поэтому при расчистке на поверхности суфы обнаружены многочисленные остатки разных вещей, которые имеют важное значение для датировки горизонта. Северная часть суфы была покрыта тростниковой циновкой. Кроме того, найдена масса обугленной ткани, иногда с прослойкой какого-то ворса; костяная пластинка длиной 7,5 см; кусочек венчика деревянной чаши с резным орнаментом; часть боковины и венчика еще одной деревянной чаши; грузик из темной глины диаметром 5 см, толщиной 1,8 см с отверстием диаметром 0,8 см; две костяные пластины длиной 10,8 и 17,5 см; многочисленные обломки железных, бронзовых и деревянных предметов; керамический сосудик высотой 6 см с синей, белой, зеленой росписью под прозрачной поливой; бронзовый цилиндрический сосудик с тремя отверстиями для подвешивания. Среди керамики встречены обломки трех поливных чаш, части крупного тонкостенного кувшина без ручки под зеленой поливой, части неполивного тонкостенного кувшина, обломки лепного горшка и расписных чаш под желтой поливой. Железные обломки (гвозди, заклепки, крючки, обкладки) скорее всего, были деталями деревянных предметов.

Среди находок имелся фрагмент рукописи, написанной по-арабски, сохранившийся благодаря консервации медными окислами лежавшего на нем зеркала. Надпись была частично прочитана и по особенностям почерка определено время: вторая половина XIV – XV в. (датировка предложена О.Д. Чехович и В.Н. Настичем). Дата клада в перекрывающем слое позволяет сузить датировку 5-го горизонта второй половиной XIV – началом XV в.

Ниже построек 5-го горизонта на 0,3-0,4 м расчищено основание верхней крепостной стены, время сооружения которой, ориентируясь на датировку 5-го строительного горизонта, можно отнести к первой

половине XIV в. Фасад стены открыт на протяжении примерно 140 м. К северо-восточному углу шахристана она плавно поворачивает наружу, а затем делает резкий выступ к северу (более 4 м) и дальше идет, срезая угол. К востоку от траншеи, разрезавшей стену, зафиксирован значительный участок ремонта. Это кладка из сырцовых кирпичей, положенных плашмя, которая выступала за линию стены на 60 см. На противоположном конце открытого участка, в районе ворот, стена также плавно поворачивает к северо-западу и через 34 м оканчивается неровным торцом шириной 2,95 м и высотой в 3 кирпича. Торец этот под тупым углом примыкает к узкой (ширина 60 см) стенке, идущей на север на протяжении 7,6 м.

Отмечено, что фасад нижней, более ранней, стены срублен на позднем этапе. Одновременно вырублены и слои под стеной до глубины 2,3 м ниже ее основания. Таким образом, вдоль склона холма был выкопан ров, а склон сделан более крутым. Ров имеет ширину вверху около 2 м, книзу сужается до 0,4 м. Высота его наружного борта 1,1 м. Крутой склон холма был создан для укрепления обороноспособности города. Стена выполняла свои оборонительные функции вплоть до XVI в., затем пришла в ветхость, ее подрубили и прямо на ней возвели постройки двух верхних строительных горизонтов. Функции стены перешли к задним стенам домов, выходящим на край высокого крутого склона. Там, где внешний фас городища в самый поздний период жизни был достаточно крутым и не нуждался в работах, подобно вышеописанному, стена не срубалась, а использовалась в качестве части общих укреплений, где основную оборонительную функцию опять-таки несли задние глухие стены домов и крутой склон городища.

Своеобразна техника кладки сырцовой площадки и бруствера. Площадка и бруствер сохранились на высоту 35 см. Ширина бруствера 130 см. Сложен он из сырцового кирпича, такого же, как и стена, положенного вперемежку ложком на толстый слой глины. Внешний и внутренний фас бруствера облицован двумя рядами таких же кирпичей, поставленных на узкое ребро. Площадка сложена из сырцовых кирпичей. Верхний ряд их уложен плашмя вперемежку. Внутренний фас стены также облицован кирпичами, поставленными на ребро.

Следует отметить следующее: последняя стена вокруг города возводилась в первой половине XIV в. и существовала до конца XVI в. В самый поздний период жизни города – XVII – начало XVIII в. – роль стены выполняли срубленные под углом около 70° крутые скаты бугра городища и глухие задние стены домов. Оборона города усиливалась также глубоким рвом.

Фортификация юго-западных ворот Отрара. Раскопки в районах юго-западных ворот шахристана Отрара показали наличие развалин входного комплекса, состоящего из внутренних ворот, симметричных сырцовых сооружений ворот, вынесенных далеко за линию крепостных стен. Комплекс формировался на протяжении длительного времени, в несколько этапов.

Особняком стоит ранняя башня, вынесенная на 12 м за линию стен и построенная на склоне бермы. Башня разрушена в результате постройки входного комплекса. Башня сложена из сырцовых кирпичей желтого цвета, размерами 33 x 20 x 8 см. Сохранились 6 рядов кладки. Кладка комбинированная: кладка «елочкой» чередуется с рядом кирпичей, положенных плашмя. Слой, перекрывавший башню, состоял из рыхлого грунта с содержанием керамики и прокаленных кирпичей и наносного слоя. Выносная башня сильно разрушена, большая часть перекрыта караульным помещением и башней последующего периода.

Внутренние ворота расположены на линии крепостной стены шахристана. Крепостная стена и ворота были сооружены в ак-ордынский период в конце XIII – начале XIV в. Крепостная стена представляет собой облицовку останца ранних стен сырцовыми кирпичами. Стены ворот построены из кирпичей. Проем ворот шириной 4,3 м. Он

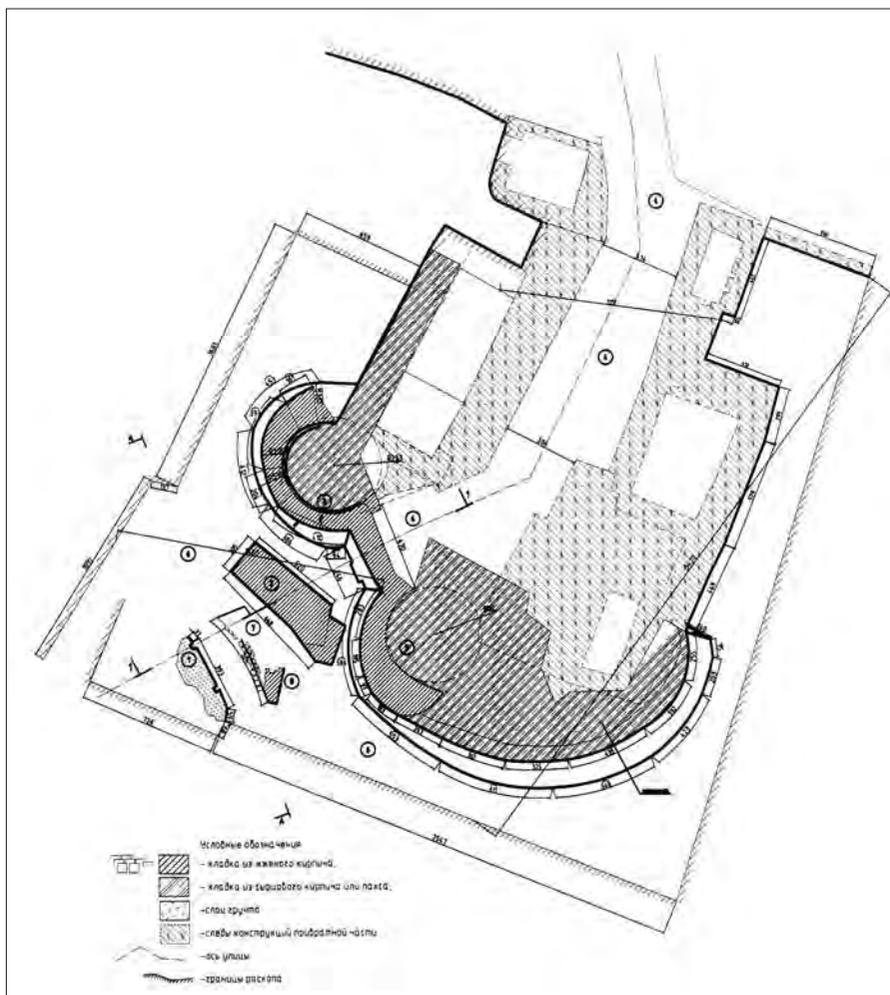

Рис. 148. Городище Отрартобе. План въездного комплекса XII - XVII вв.

оформлен пилонами с внутренней стороны. Толщина стен составила 2,3-2,5 м. В этот период, вероятно, ров проходил непосредственно перед внутренними воротами.

В дальнейшем была сооружена платформа из останца культурных отложений и облицована жжеными кирпичами. На нем были построены два параллельных сооружения прямоугольной формы. Эти сооружения оформили въезд в город. Сооружения из сырца имели мощные стены, построенные на склоне «бермы», вероятно, на месте древнего рва, в 5,2 м от крепостной стены шахристана. В интерьере помещений сооружения отсутствуют элементы обустройства. Возможно, это были караульные помещения, где хранился арсенал и через которые поднимались на башни. Помещения расчищены по уровню последнего пола. Помещения погибли в результате сильного пожара.

Параметры первого, северо-западного, сооружения – 11 x 6 м, ширина стен в верхней части 1 м, высота – до 2 м. На самом высоком месте в кладке насчитывается 27 рядов. Кладка комбинированная: четыре ряда кладки плашмя чередуются с одним рядом кладки на ребро с наклоном. В завершающий период сооружение было разделено на два помещения стеной-перегородкой. Первое помещение, ближе к крепостной стене, прямоугольной формы, размером 6,2 x 3,5 м. Вход в помещение оформлен двумя пилонами, образующими глубокий айван перед входом. При расчистке в помещении выявлен завал прокаленных сырцовых кирпичей, образовавшийся при обрушении перекрытия в результате сильного пожара. Второе помещение треугольной формы, так как южный угол помещения срезан. В углу помещения, возможно, была устроена лестница, ведущая наверх башни. От лестницы сохранилась первая ступенька.

Второе помещение расположено симметрично первому, напротив, через улицу. Стены сложены из сырцовых кирпичей комбинированной кладкой. Параметры сооружения 14,2 x 6 м, ширина стен в верхней части 1 м. Сооружение полностью перекрывало ров. Фундамент сложен из жженных кирпичей квадратной формы, размеры 25-27 x 25-27 x 5 см. Фундамент прослежен на высоту 1 м. Далее стены сложены из сырцовых кирпичей прямоугольной формы, размером 40 x 20 x 9 см. Стены помещения сохранились на высоту 7 м. Вход в помещение расположен в середине северо-западной стены. Первоначальный размер помещения был 10 x 3,5 м. В завершающий период помещение было разделено стенкой надвое. Первое помещение размером 5,5 x 3,5 м. Второе помещение 4 x 3,5 м. Помещения расчищены по уровню первого пола. Во втором помещении зафиксирован завал из прокаленных сырцовых кирпичей.

На завершающем этапе сооружения комплекса были построены башни, фланкировавшие въезд. Для этого платформа была несколько расширена с южной стороны. Фундаменты башен построены из жженого кирпича квадратной формы, размером 27,5 x 27,5 x 6 м. Наземная часть была, скорее всего, из сырца, чему свидетельствуют завалы прокаленных

сырцовых кирпичей во рву перед воротами. Башни расположены по линии север-юг, под углом 45 градусов по отношению к крепостной стене. Северная башня вынесена на 23 м, южная – на 32 м от крепостной стены. Башни отстоят друг от друга на 3,8 м, между ними облицованный жжеными кирпичами фасад ранней платформы. Башни построены впритык к ранней платформе и не связаны с ней. На северной башне производились ремонтные работы, внесшие изменения в ее параметры. В северной, примыкающей к караульным помещениям части, она наращена на толщину 1,5 м, а ближе к перемышке плавно сходит на нет. Ремонтная кладка произведена небрежно, зачастую битыми кирпичами. На юго-западной стороне ремонтная кладка прослежена на глубину 1,5 м. В кладке встречена облицовочная терракота, с глубоким резным орнаментом. Такая терракота была ранее обнаружена при раскопках мечети Отрара XVI в. Таким образом, можно предположить, что ремонт входной группы производился в конце XVI – начале XVII в.

Перед башнями в 2,8 м, параллельно платформе расположена опора моста подпрямоугольной формы размером 4,6 x 1,8 м, вскрытая на данный момент на глубину 3 м. Опора также неоднократно ремонтировалась и наращивалась, как и платформа, вверх, по мере роста культурного слоя на городище. При наращивании видоизменялась и форма опоры. Последняя надстройка производилась в конце XVI – начале XVII в., когда в кладке использовалась, как и на башне, резная терракота. Оттуда же брались жженные кирпичи для ремонта? Облицованный жженым кирпичом фас рва выявлен в 4,3 м напротив опоры моста. В облицовке рва выявлены три паза для деревянных опор моста. Вероятно, стенка рва была облицована только в районе моста. Сохранившиеся параметры облицовки 1,5 x 0,5 м, она расчищена на данный момент на глубину 1,8 м. Между стенкой рва и опорой на глубине 2,5 м обнаружены завалы жженого кирпича. Вблизи опоры массивные зольные линзы, продукты горения масла. К югу от второй опоры, параллельно ей обнаружено бревно, совершенно истлевшее, длиной около 3 м.

В завершающий период жизни шахристана Отрара входная группа перестала существовать, ее завалы и лёсс заполнили ров, образовав пандус. Этот пандус был оформлен стенами из жженных кирпичей и вымощен битыми кирпичами, что придавало «парадность» въезду. В стенах, выходящих на улицу с наружной стороны, располагались торговые лавочки. Тут же располагалась кузнечная мастерская.

Об этническом составе населения

Основное содержание этнической истории Казахстана поры позднего средневековья – завершение консолидации племен в народ казахов, установление этнического состава населения казахских жузов, миграция и смешение пришлых и автохтонных племен. Сложение народности – процесс длительный.

Как отмечалось в пятитомной истории Казахстана, «реальным историческим следствием развития государственности в рамках

Казахского ханства являлась единая казахская народность. В эпоху Казахского ханства в XV-XVIII вв закрепились основные, практические общие для населенной огромной территории Казахстана черты и особенности материальной и духовной культуры Казахского этноса» (История Казахстана с древнейших времен..., 1997, с. 295).

Однако вопрос о населении городов Казахского ханства является сложным. Мнение об этническом составе горожан не однозначно. Но его, безусловно, необходимо рассматривать только в исторической ретроспективе, с одной стороны, и в динамике исторического развития Казахского ханства и позднесредневековых городов, с другой.

В целом же, решать вопрос об этносе городов следует с точки зрения развития степной цивилизации, которая предусматривает, начинания с древних времен, наличие в Казахстане двух социально-экономических направлений – земледелия и скотоводства, кочевничества и оседлости, степи и города. На всем протяжении истории наблюдается взаимодействие и взаимообогащение культур скотоводов и земледельцев, составляющих базу племенных объединений и государств. В недрах этих взаимодействий лежат истоки достижений и культуры, и этногенеза. Это и эпоха бронзы, когда складываются предпосылки государственности; в государствах саков, усуней, кангюев; в каганатах кангаров, тюргешей, карлуков, караханидов, кимаков и кыпчаков, огузов, в Ак-Орде и Могулистане. Доказано, что население их было не только номадами, но и земледельцами и горожанами.

Следует подчеркнуть, что номадизм – лишь часть степного хозяйства, жизни и быта, часть своеобразной степной цивилизации Казахстана. Урбанизация составляет вторую ее часть (Байпаков, 2012б, с.12-25; Байпаков, 2008, с. 13-20; Абусейтова 2008, с. 34-42; Кумек, 2008, с. 42-49; Хабдулина 2008, с. 49-58; Кызласов, 2006, с. 9-15).

Преимущество городской культуры Казахстана, ее континуитет наблюдается, прежде всего, в названиях городов, существующих зачастую непрерывно в течение по крайней мере одного – двух тысячелетий. Вот их далеко их не полный список: Тальхир, Мерке, Тараз, Сайрам, Шымкент, Карасаман, Отрар, Туркестан, Карнак, Ташнак, Сауран, Сыгнак, Сузак, Джанкент, Сарайчик. Примечательно, что в средневековых источниках эти города названы карлукскими, кангарскими, огузскими, кимакскими, кыпчакскими. Эти же племена вошли в состав казахского народа. Именно они составляли до сложения казахского народа население городов и степи (Байпаков, 2010; Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 97-101; Байпаков, 2013, с. 497-501). О преимуществе материальной культуры его свидетельствует анализ формирования и развития городского жилища, топография застройки, отраженная в квартальной планировке, в керамическом производстве.

В течение столетий в среде горожан сохраняются культы огня, барана, коня, верблюда, дождевого камня, которые появились в государствах саков, усуней, кангюй и продолжали сосуществовать

в эпоху мусульманского ренессанса и позднего средневековья (Байпаков, 1980б, с. 16-20; 1965; 1994, с. 20-33; 2007а, с. 424-440; 2010, с. 258-378).

Все сказанное свидетельствует о том, что и в этническом плане сохранилась преемственность, благодаря которой в позднем средневековье сложился народ – казахи и государство казахов – Казахское ханство.

В доказательство этого мнения необходимо провести и анализ конкретного археологического материала. Он есть и отличается достаточной информативностью.

Атрибутирована керамика кангаров и огузов, керамика кыпчаков (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 180-200; Байпаков, 1986, с. 58, рис. 12; с. 106, рис. 33).

С кимаками сопоставлена система типа «канов», появившаяся на юге Казахстана в IX-XI вв. (Ерзакович, 1970, с. 60-68; Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69).

Жилище как этнокультурный маркер. Выше уже отмечалось, что жилище, его интерьер и экстерьер, находки в комплексе с привлеченными данными из этнографии могут дать ответ на вопросы об этносе, его оставившем.

Жилище позднесредневекового Отрара, как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана, анализировалось неоднократно.

Достаточно назвать монографию К.А. Акишева, К.М. Байпакова и Л.Б. Ерзаковича и статьи К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, А.Н. Жилиной, Е.А. Смагулова.

К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович отмечали, что новый тип жилища сложился в послемонгольское время, не раньше середины XIII в. – это были дома одно и многокамерные, с тандырами, снабженными дымоходами, проложенными в суфе и выводящимися через колодец в стене или в углу стен на крышу. В отличие от более ранних жилищ, в помещениях увеличивается площадь суфы, она теперь занимает почти всю площадь помещения, за исключением площадки ташнау, которая маркирует пол комнаты (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 123-133; Байпаков, 1980б, с. 16-20).

Кровля опиралась на деревянную колонну-опору, которая поддерживала несущую балку. Колонна опиралась на каменную базу. На суфе стояли сосуды для приготовления пищи, в углах стояли хумы для хранения зерна и муки.

В кладовых имелись закрома, поставленные в ряд или в два ряда.

В дальнейшем жилище развивалось, планы его были анфиладные, крестовидные, «Г»-образные. Некоторые дома имели дворики открытые или закрытые с одной стороны, дворовые айваны. Освещались помещения через «люк», находившийся над очажным углублением перед проходом (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 123-133).

Истоки жилища, однако, уходят далеко вглубь столетий.

Появляется все больше фактов, указывающих на древнюю основу традиционного жилища.

Согласно археологическим данным, уже в последние века до н. э. на территории Южного Казахстана и Приаралья в кангюйской культуре был известен тип дома, для жилого помещения которого характерна суфа по периметру стен, напольные четырехугольные очаги в центре, плоские перекрытия, опирающиеся на столбы (Толстов, 1962, с. 186-190; Левина, 1971, с. 12-13; Байпаков, 1980в, с. 18). Эти особенности сохраняются столетиями. Новые элементы – тандыры, очаги с дымоходами, санитарные устройства с ташнау, площадь суфы продолжают древнюю основу, композицию интерьера. Этнография также отмечает архаичность таких черт жилища, как наличие светодымового отверстия на крыше, колонны в центре жилого помещения, обязательное присутствие в нем универсального очага – тандыра (Жилина, 1973, с. 54-55). На формирование традиционного жилища на Сырдарье влияли этнокультурные процессы. По археологическим материалам второй половины I тыс н. э. прослеживается инфильтрация тюркского населения центрально-азиатского происхождения в оседлую зону на Сырдарье (некоторые типы керамики, украшения, дымоходы типа кана). Интеграция в городах различного происхождения групп населения сопровождалась тюркизацией аборигенного населения. Сходные процессы происходили и в Жетысу и хорошо известны благодаря сообщению Махмуда Кашгарского о тюркизации согдийцев (Бартольд, 1964а, с. 466-468).

В возрождении Отрара послемонгольского времени и других городов региона принимало участие местное население. Заметная тенденция к преобладанию той его части, которая проживала в жилищах с канами, обнаруживается не ранее первой половины XIV в., а к середине этого столетия тип жилища, где жилое помещение отапливалось канами, становится ведущей формой в массовой жилой архитектуре. Катализатором этого важнейшего процесса служили, на наш взгляд, события и явления этнополитической и этносоциальной истории региона. Имеется в виду факт укрепления политического и экономического положения местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки в Ак-Орде.

После XIV в. традиционное жилище изменяется мало. Однако в XVI-XVIII вв. появляются новые элементы, среди которых наиболее значительными представляются очаги двух типов: восьмеркообразные, заглубленные за уровень суфы, и глинобитные четырехугольные с невысоким бортиком. Первый очаг кухонный, так как устраивался в домах, где есть небольшие дворики с навесом под суфой, топился «по-черному», форма его характерна для длинных земляных очагов, распространенных среди групп полуоседлого населения. Второй очаг – неременная деталь жилого помещения, где, напомним, есть тандыр с дымоходом-каном; устраивался в центре помещения на

суфе, у борта, противоположного входу, и рядом с опорным столбом перекрытий. Эти очаги напоминают обогреватели – сандалы в старых домах среднеазиатского оседлого населения, но функциональное назначение отарских очагов было, видимо иным: сильная прокаленность указывает на то, что здесь постоянно хранились жаровые угли. Утилитарная функция очага, возможно, не была единственной. Открытые очаги в центре жилого помещения можно рассматривать как сакральный элемент жилища. В них разжигали огонь и проводили «курение» дымом. Культовые очаги не были редкостью в домах горожан позднего средневековья и выступали как реликты домусульманских верований. Аналогичные явления долго сохранялись и в среде полукочевых групп населения, как, например, ритуал священного огня в очаге в центре юрты у кыпчаков Ферганы, переселенцев из бассейна Сырдарьи конца XVII – начала XVIII вв. (Шаниязов, 1974, с. 231). Данные явления выглядят как ретроспектива степных влияний, вызванных усиленной инфильтрацией собственно казахов в оседлую зону и города Сырдарьи на рубеже XVI-XVII вв. Внутренняя организация отарского жилища сходна с ситуацией в юрте: здесь, по-видимому, не было мехманхоны, отсутствовало деление на мужскую и женскую половины (Остроумов, 1890; Добросмыслов, 1912).

Этот тип жилища с каном, характерный по имеющимся данным для региона средней Сырдарьи, сохранился в народной архитектуре местного населения, которое в прошлом именовало себя по месту жительства «отарлык», «иканлык» или носило название «сарты». Современные группы населения именуют себя «узбеками». Еще дореволюционные исследователи обратили внимание на своеобразие этнографических признаков, языка, обычаев, облика сырдарьинских сартов, отличающих их от сартов ферганских или самаркандских, но сближающих с казахами. В культуре их переплетаются элементы культур древнего ираноязычного населения и тюркоязычных народов. Археологические и этнографические данные свидетельствуют о необычайно долгом переживании поверий о дождевом камне ядажда (Малов, 1947, с. 151-160; Басилов, 1976). Сохраняются обычаи и верования, генетически связанные с кангойским фарном, выступающим в образе барана, на керамических изделиях поры позднего средневековья (Байпаков, 1980а, с. 32-45), в ритуалах праздника «кошкар-ата», который сырдарьинские сарты отмечали неприметно в юртах за пределами города (Ерзакович, 1986, с. 100-111). Традиции прослеживаются и в домостроительстве.

Изучение быта казахов экспедицией, возглавляемой С.Н. Руденко, показало, что в Северном Казахстане на зимовках (кстау) существовали однокамерные жилища, разделенные сырцовой стеной-перегородкой на 2-3 комнаты: жилая половина, кухонная и кладовая. Число комнат зависело от того, как устанавливается перегородка: перпендикулярно торцевой стене или параллельно ей, но в любом случае кухонное отделение функционировало самостоятельно. Перегородки высотой до 1,5 м, как правило, не доходили до потолка помещения. Особенность их

состоит в том, что они обогревали помещение, так как приставленная к торцу стены глинобитная печь-казандык была снабжена дымоходами, которые шли внутри перегородки и выводили дым наружу (Руденко, 1927, с. 11-13; Баронов, 1927, с. 39-40; Глухов, 1927, с. 118-120. А.Н. Глухов указывает также размеры печей-перегородок: 2,18 x 0,76 м, высота 1,3 м; 2,04 x 0,39 м, высота 2,80 м). Казандык со стенкой-перегородкой использовался как для обогрева смежных помещений, так и для приготовления пищи в казане, который устанавливался над топкой. Наряду с этим использовали обычные печи казандык с прямым дымоходом. Их использовали и в полуземлянках, где дымоход выводили наружу в виде отверстия в грунте. Употреблялись и примитивные печи «жирошак» в виде длинной узкой земляной ямы (Глухов, 1927, с. 131).

Кроме жилого и кухонного помещений, под одной крышей находились и хозяйственные помещения: загоны для скота, амбары с закромами (сусек), со стенками из саманного кирпича в один ряд. Размеры закромов 1,2 x 1,5 м, высота около 1 м. Зерно иногда ссыпали в особые ямы в земле (руа), отвесные стенки которых просушивали обжигом (Глухов, 1927, с. 131).

Значительную часть жилого помещения занимали суфы, деревянные или глинобитные, в 30-40 см от пола (Руденко, 1927, с. 11-12; Глухов, 1927, с. 118).

Дома выстроены из саманного кирпича, для надворных и хозяйственных построек, а иногда и для жилого дома, использовался дёрн, нарезанный в форме кирпича – «пластовый кирпич», а также камень-плитняк. Кирпич из дёрна нарезали лопатами, переворачивали травой вниз и просушивали на солнце. При использовании травяной слой был внизу, что увеличивало сцепление между рядами кладки, так как связующий раствор не употреблялся (Глухов, 1927, с. 113). Перекрытия жилищ плоские, в виде одной или трех продольных балок с камышовым или травяным настилом, обмазанным глиной (Руденко, 1927, с. 11; Глухов, 1927, с. 112).

Аналогичные двух-трехкамерные жилища были и на зимовках семиреченских казахов по берегам р. Или. Отличие их состояло лишь в том, что к жилищу обычно добавлялось «шошала» – неподвижная, приспособленная к оседлости юрта. Жилище отапливали печью с прямым дымоходом. Строительные материалы: камышово-деревянный каркас, обмазанный глиной, камень, дерево (Баскаков, 1971, с. 104-115).

О южно-казахстанском жилище казахов, известно, к сожалению мало. Из материалов недавних обследований известно, что дома состоят из двух комнат – жилой и хозяйственной (кухонной), иногда с промежуточной третьей комнатой, используемой для домашних работ или как кухня в зимнее время. В жилой половине часть пола иногда занимает глинобитное возвышение типа суфы. Отапливается жилище печами типа казандык с прямым дымоходом (Сабитов, 1953, с. 197; Востров, 1961, с. 192).

Из образа казахского оседлого и полuosедлого жилища видно, что намечаются точки соприкосновения его с позднесредневековыми

отрарскими жилищами, имея в виду планировку, интерьер, строительные приемы и материалы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что казахское оседлое жилище было хорошо знакомо с печами с разнообразными дымоходами, в том числе с обогреваемой дымоходами перегородкой. Печки-стенки были широко распространены у казахов и употребляются в быту до сих пор.

Стенка-перегородка с дымоходами могла появиться вместе с обособлением и самостоятельным функционированием кухонного отделения в доме. Напомним, что в жилых домах позднесредневекового Отрара подобного функционального разделения помещений еще не было или оно намечалось очень слабо.

В слое XVI – второй половины XVIII в. известны жилища, где есть специальное кухонное помещение с парными земляными очагами в суфе и печью-тандыром, вмазанным в глинобитную подставку в четвертом углу помещения (горизонтальный дымоход сохранился в виде короткого канала длиной 0,3 м. Раскоп III, 1973 г., объект 1, квартал «Ж», дом 6, помещение 353). Отметим также аналогичное устройство длинных земляных очагов Отрара и казахских жирощак (длинные земляные очаги вообще характерны для полуседлого населения. См. Кармышева, 1960, с. 19).

Указанные параллели для позднесредневекового жилища Отрара представляются весьма важными, так как намечается линия преемственности народного оседлого казахского жилища

Тип зимнего жилища с обогреваемой перегородкой сохранился у немногочисленных групп казахов, проживающих на юге Таджикистана, куда казахи, по мнению исследователей, переселились примерно в последней трети XIX в., главным образом из присырдарьинских районов.

Видимо, в среде казахов сложилась вышеупомянутая форма жилища, функциональная близость систем отопления оседлого и полукочевого населения – канов и теплых перегородок – наталкивает на мысль о возможности генетических связей этих явлений (Ерзакович, 1973, с. 188-189). Различия в конструкции печей, изменение внешних форм, планировки домов с печками-стенками по сравнению с городским жилищем, значительная удаленность районов, распространение степного варианта интересующего нас жилища объясняются особенностями хозяйственно-бытового уклада и формами семейного быта полукочевого населения.

Постоянное взаимодействие двух групп населения в контактных зонах среднего течения Сырдарьи, общность этногенетических процессов способствовали формированию близости культуры кочевого и оседлого населения, что устанавливают как археологические, так и этнографические материалы по жилищу.

Археологическое жилище позднесредневекового Отрара и городов Южного Казахстана рассматривается с точки зрения этномаркирующего признака оставившего его населения. Е.А. Смагулов совершенно справедливо отмечает, что одним из определяющих признаков

этноса может быть жилище и отмечает, что жилище Отрара находит много общего с этнографическим жилищем узбеков, населявших Туркестанский оазис и проживавших в Туркестане, Икане, Карнаке. Об этом писала А.Н. Жилина. Основываясь на этом, Е.А. Смагулов считает, что этнографические узбеки – это сарты. О сартах, как о населении городов Южного Казахстана XVI – начала XX вв. существует обширная литература (Жилина, 1982, с. 137-162). Сарты обитали не только в Южном Казахстане и Жетысу, но и в Ферганской долине, Ташкентской области, в Хорезме.

В литературе XIX – начала XX в. сартам посвящено множество публикаций (Южаков, 1867; Остроумов, 1890; Эварницкий, 1893; Шилов, 1904; Смирнов, 1887; Масальский, 1913).

В советской исторической и этнографической литературе установлено, что сартами называлось оседлое население Средней Азии, составлявшее в этногенезе узбекского народа первоначальный пласт, образовавшийся в результате тюркизации древнеоседлых ираноязычных народов (Народы Средней Азии и Казахстана, 1962, с. 170; Жданко, 1972; БСЭ, 1975, с. 603; Вахабов, 1961).

В Южном Казахстане в период XVI-XVIII вв. тюркоязычные сарты составляли значительную часть населения городов и поселений (Зарубин, 1925; Андрианов, 1961, с. 119).

В этнографическом облике сартов интересны те черты, которые свидетельствуют о синкретичном пути сложения этой этнокультурной общности. Е. Смирнов писал в этой связи: «Сарты представляют собой тип, в этнографическом отношении вполне определенный; это, несомненно, арийцы, но принявшие в себя много тюркской крови, от близкого общения с этой народностью в течение тысячелетий. Сохранив отличительные черты своего первоначального типа, сарты сохранили особенности и в принятом языке, имеющем свой собственный характер, а не простую смесь языка иранского и тюркского» (Смирнов, 1887, с. 48).

В процессе же интенсивной консолидации с последней волной тюркских племен, пришедших в Мавераннахр под именем «узбеки», произошла замена «сарт» на «узбек».

В регионах Южного Казахстана сарты были разбросаны среди массива казахских племен, распространившихся здесь в XVI в. и имевших кочевой или полукочевой характер хозяйства, в конце XIX в. насчитывалось по приблизительным данным 48 тысяч человек (в районах г. Туркестана и г. Каратау, г. Аулие-Ата (Жамбыл) и Мерке, г. Шымкент и окрестности) (Андрианов, 1961, с. 18).

Как отмечает И.И. Зарубин, впервые в официальных переписях населения этноним «сарт» был изъят из употребления во время сельскохозяйственной переписи 1917 г. с разъяснением, что «особого народа сарт не существует, и что этот термин всюду должен быть заменен словом узбек» (Зарубин, 1925).

Другим регионом компактного расселения сартов, где они до недавнего времени сохраняли свое этническое самосознание, являлся Хорезм. На основе анализа местной топонимики и ряда исторических

известий Г.И. Снесарев пришел к выводу о том, что «вопрос о тюркизации исконных жителей Хорезмского оазиса и о сложении группы «сарт» – основной этнографической группы узбекского населения этой территории – невозможно решать, не обращаясь к огузскому этническому пласту как к одному из наиболее ранних и активных компонентов в этом процессе» (Снесарев, 1975, с. 91).

Таким образом, основные районы расселения сартов локализируются в северо-восточных регионах Средней Азии. Особое значение этого региона в этногенезе узбекского народа явствует из исторического анализа этого процесса (Аскарков, 1986, с. 3-13). Поэтому и рассмотрение проблемы сложения этнографической группы «сарт» в связи с процессом тюркизации местного древнего населения имеет определенную актуальность для региона Южного Казахстана, который в силу своего географического положения является одним из основных районов, где процесс интеграции этносов и культурных традиций протекал наиболее интенсивно. На изучение этого процесса на основе археологического материала нацеливает одно из основных направлений, принятых в современной археологии Казахстана, акцентирующее внимание на выявлении конкретных результатов культурно-интеграционных процессов и изучении роли кочевых и полукочевых тюркских племен в сложении и развитии городской средневековой культуры Южного Казахстана (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 205-206).

В силу экономической неустойчивости и классовой дифференциации в кочевом обществе постоянно существовала некоторая часть населения, которая вела земледельческо-скотоводческое хозяйство. Возможно, часть этой массы населения спорадически инфильтрировалась в социальную организацию древних городов, основное население которых составляли «сарты», а не только расселялись в аулах, которых уже в XIX в. в бассейне средней Сырдарьи, на южных склонах Каратау насчитывалось большое количество. Нужно отметить, что еще А.Ф. Миддендорф, проезжавший через эти края во второй половине XIX в., отмечал топографические особенности оседлых поселений сартов и казахов (Миддендорф, 1882, с. 339). Для более раннего времени облик таких казахских оседлых поселений представлен материалами археолого-этнографического отряда ЮККАЭ (Жолдасбаев, 1972а, с. 187; 1974, с. 173 и сл.).

Правомерность проекции, с некоторыми оговорками, данных второй половины XIX в. на более ранние века основано на стабильности в общих чертах этнокультурной обстановки в регионе в период XVI-XIX вв. Специфика ее как и в более ранние периоды заключалась в сосуществовании в регионе двух хозяйственно-культурных комплексов – оседлых земледельцев и скотоводов. Первых в позднесредневековую эпоху представляли сарты – коренное население маргинальной зоны – северо-востока Средней Азии, интегрированные позже в узбекскую нацию. Вторых – местные полукочевые племена, этническая основа казахского ханства, составившая позже основу казахской нации.

Некоторые исследователи считают, что сарты являлись основным населением городов Южного Казахстана и они, по его мнению, были коренным тюркизированным населением. Позже они были интегрированы в узбекскую нацию. Сарты, полагают они, являлись субстратным населением по отношению к казахам, которые были кочевниками и постепенно инфильтрировались в состав городского населения. Полукочевая и оседлая часть казахов обитала в массе своей в «эфемерных аулах-зимовках» (Смагулов, 1992, с. 202-203).

В рассуждениях ряда исследователей о сартах как о будущих узбеках Южного Казахстана, как нам кажется, в качестве доказательства основного аргумента использована идея А.Н. Жилиной, которая на основе изучения традиционного городского жилища в городах Туркестан, Карнак, Икан, Сузак, Шымкент, Сайрам, Карамурт, Карабулак, Манкент считает, что и сами поселения, и соответственно жилища, были узбекскими, которые называли себя сартами. Узбекское население переселилось сюда, считает А.Н. Жилина, из Средней Азии после завоевания Южного Казахстана и Жетысу Кокандом (1801-1822 гг.). Кокандский период в истории Южного Казахстана, отмечает она, характеризовался постройкой новых крепостей-форпостов, восстановлением «старых городов», оживлением городской жизни, связанной с торговлей, ремесленными промыслами и земледелием (Жилина, 1982, с. 138-163). Следует отметить, что А.Н. Жилиной, безусловно, было известно высказывание В.В. Бартольда, который сравнил деятельность согдийцев VII в. с кокандским начала XIX в. Он писал: «В Чуйской долине уже в VII в., несомненно, существовала земледельческая культура и что эта культура была принесена сюда выходцами из Мавераннахра (т. е. культурной области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей), подобно тому как в новейшее время такие же колонии были основаны жителями Кокандского ханства» (Бартольд, 1963а, с. 32). Против этого мнения В.В. Бартольда приходится возразить, поскольку движение согдийцев по Великому Шелковому пути было мирным (Байпаков, 2010, с. 64-71), тогда как Коканд районы Южного Казахстана и Семиречья завоевал, и пришлое население внедрялось уже в существовавшие города Южного Казахстана. Так что проводить параллель между двумя этими событиями вряд ли возможно, так же как отождествлять сартов с узбеками.

При этом А.Н. Жилина не рассматривает предысторию этих городов, которые к моменту завоевания Кокандом имели богатую многовековую историю, развитую материальную и духовную культуру. Это касается и городской застройки, и домостроительства. Об этом свидетельствует огромный археологический материал, который не был знаком А.Н. Жилиной. Свои выводы она базировала на трудах российских путешественников, краеведов, литераторов. Ее рассуждения как основная версия решения «проблемы сартов» рассматривались исследователями.

Л.Б. Ерзакович подходит к вопросу об этносе городов с позиций сходства жилища казахов с традиционным жилищем Отрара XVI-XVIII вв. в динамике (Ерзакович, 1986, с. 100-111).

Вопрос об определении термина «сарт» достаточно сложный. У Махмуда Кашагарского он употреблялся в значении «купец». Известно также, что сартом был для монголов джабгу карлуков Арсланхан. В ряде других источников слова «сарт» и «мусульманин» употреблялись как синонимы. В позднее время сартами назывались горожане и земледельцы в противоположность кочевникам, а для кочевого казаха каждый оседлый житель был сартом независимо от того, на каком он говорил языке: тюркском или иранском. В официальном языке сарт, по-видимому, означал, как полагал В.В. Бартольд, тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой язык (Бартольд, 1964б, с. 527-528). Отмечалось, что у сартов Сырдарьинской области наблюдалось преобладание тюрко-монгольских черт (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, 1913, с. 393). Неправомочно также ставить знак этнического равенства между сартами и узбеками. На этот счет достаточно конкретное высказывание есть у В.В. Бартольда, который писал, что «сартами называется и сейчас говорящее по-тюркски городское население Средней Азии в противоположность крестьянам-узбекам» (Бартольд, 1964б, с. 528). В связи с этим следует отметить, что разница между традиционным жилищем узбеков Средней Азии и Южного Казахстана достаточно ощутима. Отмечены также черты влияния южно-казахстанского домостроительства в жилище Средней Азии, в частности, в системе отопления очагами типа «йер-учак», привнесенного сюда из Туркестана (Писарчик, 1982, с. 81). Поэтому будет правильнее считать сохранившиеся почти до наших дней традиционные жилища Южного Казахстана сугубо местным явлением. Видимо, сарты Южного Казахстана – это потомки той части кангюев, кангаров, огузов, канглы, которые жили в городах и под влиянием городского быта, мусульманства забыли названия своих родовых подразделений и получили собирательное имя «сарты», известное в источниках уже с XII-XIII вв. (Байпаков, 1994, с. 29).

Культуру сартов Южного Казахстана можно считать своеобразным сколком средневековой культуры Казахстана и, в первую очередь, Сырдарьинского (Туркестанского) региона. Сарты, проживавшие в городах Туркестане, Отраре, Сузаке, Сыгнаке в XVI – начале XX вв., были интегрированы в состав казахов, а не узбеков, как полагают некоторые исследователи, не случайно многие традиции культуры средневекового и позднесредневекового населения городов сохранились в этнографической культуре казахов, также проживавших в вышеназванных городах Казахстана.

Знаки-тамги на керамике. Они появляются в эпоху кангюйского государства, на керамике каунчиноидных культур, позднее присутствуют на посуде раннего средневековья у древнетюркских племен, в эпоху Ак-Орды, Могулистана и на керамике городов XVI-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 190-194). Тамги несли многофункциональную нагрузку, в том числе и этническую (Ахинжанов, 1978, с. 49-59).

В ряде публикаций знаки-тамги на керамике связываются напрямую с городским этносом. Так, К.М. Байпаков и А.Н. Подушкин считают, что эти знаки генетически связаны с казахскими тамгами (Байпаков, Подушкин, 1989, с. 150-151).

Еще более конкретны авторы раздела о тамгах на керамике позднесредневекового Отрара связывая их с тамгами казахов, проживающих в Отраре (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981).

Впервые вывод о казахах в городе Сузах, сделанный на основе анализа керамики с тамгами, высказал Л.Б. Ерзакович (Ерзакович, 1966, с. 69).

Такого же мнения придерживаются С. Жолдасбаев (Жолдасбаев, 1975а, с. 39) и С.М. Ахинжанов (Ахинжанов, 1975, с. 49-54).

Для тамгообразных знаков характерны простейшие элементы: одна вертикальная линия (I) или сдвоенная (II), кресты (X, +), углы (V, \/), один круг (○) или два рядом (○○), перечеркнутый круг (©), круг, разделенный пополам (э). Аналогичная керамика найдена в позднесредневековых слоях городищ Сузака, Куль-тобе, Саурана (Жолдасбаев, 1975а, с. 39).

Все знаки на керамике с Отрара имеют сходство с тамгами казахских племен. Прямая линия (косеу) является тамгой племени канглы Старшего жуза. Такую же тамгу имеют два рода из этого жуза – ысты и тлик (Аманжолов, 1959, с. 12; Востров, Муканов, 1968, с. 49-50). Удвоенная прямая линия (кос-алип, по названию первой арабской буквы «алиф») является тамгой племени кыпчак. Такую же тамгу имеют роды тама и кереит Младшего жуза. Крест был тамгой кереев Среднего жуза. Аналогичная тамга имелась у племени сргели Старшего жуза и телеу Младшего. Редко встречаемые на керамике стреловидные изображения в виде двух или трех прямых сходящихся линий являются тамгами родов найманов из Среднего жуза. Причем знак, составленный из двух прямых, служит общей тамгой для родов племени найман и баганалы Среднего жуза (Гродеков, 1889, с. 4, прил.). Тамгой племени дулат является круг (донголек) (Востров, Муканов, 1968, с. 66; Аманжолов, 1959, с. 12) и круг, перечеркнутый прямой линией пополам (Таньшпаев, 1925, с. 28).

Канглы, тамга которых встречается чаще, чем тамги других родов и племен, сыграли важную роль в казахском этногенезе. Западные присырдарьинские и чу-таласские кангла входили в объединения казахов при Джанибек-хане и Гирей-хане (Пищулина, 1977, с. 240). В более позднее время канглы фигурируют в списках родов Старшего жуза (Рычков, 1796, с. 71; Левшин, 1832а, с. 10). обстоятельная справка о канглы приведена Н.А. Аристовым. Он анализирует этноним «канглы» и проводит прямую связь между канглы и Канжкой – Кангюем, известными в Авесте и ханьских источниках II в. до н. э. – V в. н. э. (Аристов, 1896, с. 3-4, 291-292). Эту точку зрения принимают с некоторыми оговорками В.В. Востров и М.С. Муканов (Востров, Муканов, 1968, с. 34). Исследования на эту тему провел А.Т. Кайдаров (Кайдар, 2004).

В литературе есть мнение об ираноязычности племен, входивших в состав Кангюя. Лишь под влиянием инфильтрации тюркских этнических групп с востока, не ранее середины I тыс. н. э. кангюйские племена стали менять свой этнический облик и язык (Кляшторный, 1964, с. 170-174). В тесной связи с кангюем находились кангары-печенеги, что устанавливается на основе анализа письменных известий. Таким образом, кангюйская традиция сохранялась и в раннем средневековье.

Этноним «канглы» вновь появился несколько позднее, в результате завоевания древних печенежско-огузских земель на Сырдарье и в Приаралье кимаками и кыпчаками. Принятие этого имени верхушкой кыпчакских племен выражало стремление последних связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель (Толстов, 1947, с. 101). Вполне закономерно считать, что пласт местного кангюйского населения на Сырдарье не исчез, а продолжал присутствовать здесь в качестве одного из этнических компонентов. В XIV-XV вв. именно на территории, бывшей центром расселения канглы, сформировалось государство Ак-Орда, сохранившее, как считают исследователи, основной этнический состав автохтонных племен древнего Казахстана (Пищулина, 1977, с. 231).

Среди тамгообразных знаков на керамике Отрара большой серией представлен знак, состоящий из двух прямых параллельных линий, являющийся общекыпчакской тамгой. Кыпчаки издревле были связаны с районом среднего течения Сырдарьи. Письменные источники позволяют локализовать часть кыпчаков в бассейне Сырдарьи с X-XI вв. Согласно В.В. Бартольду, упоминаемые в источниках кимаки, жившие близ Саурана, являлись на самом деле кыпчаками (Бартольд, 1968а, с. 550).

В канун монгольского нашествия кыпчаки составляли основное население области Туркестан. Центр их находился в Сыгнаке. Во главе сыгнакского владения кыпчаков стояли кыпчакские ханы из племени урани. Последний хан этого владения по имени Алп-Дерек перед самым нашествием монголов подчинился хорезмшаху Мухаммеду и был назначен им наместником Отрара. Он известен в источниках как Иналчик Кайр-хан (Ахинжанов, 1989, с. 191-236). В XIV в. кыпчаки составляли основное ядро войск Тохтамыша. Находясь в близком соприкосновении с оседло-земледельческой культурой, кыпчаки не могли не войти составной частью в среду городского населения. Тем более что известно о наличии в среде кыпчаков более древних традиций оседлости и городской жизни, зародившихся у них при совместном проживании с кимакскими племенами (Кумекоев, 1969, с. 69). Видимо, с проникновением кимако-кыпчакских племен в бассейн Сырдарьи можно связать появление в Отраре и ряде других городов системы отопления типа канов (Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69).

Племена дулатов (дуглатов) наряду с уйсунями, суанами и албанами составляли ядро Старшего жуза казахов. Существует мнение, что дулаты связаны с племенами дулу (Аристов, 1894, с. 400-

401; Бернштам, 1964, с. 156-157), составлявшими в период раннего средневековья политическое объединение на территории Жетысу (Пищулина, 1977, с. 239). Оставались они здесь и в более позднее время. В монгольское время дулаты населяли восточную часть Чагатайского улуса, в XIV – начале XVI вв. играли ведущую роль в Могулистане. В русских источниках XVIII в. дулаты фигурируют как племя Старшего жуза (Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., 1964, с. 407; Рычков, 1796, с. 70-72). В районе Сырдарьи дулаты появились впервые во второй половине XV в. В «Тарих-и Рашиди» сообщается, что «на территории реки Или произошло сражение. Поражение потерпел Йунус-хан... Весь могульский улус ушел в Туркестан. В пределах Туркестана на берегу реки Сайрух расположена местность с названием Кара-Тукай. Там они провели зиму» (МИКХ, с. 197-198). Видимо, в это время и происходило внедрение дулатов в состав городского населения. Предпринимались даже административные меры для их оседания, что вызывало недовольство могульской знати (МИКХ, с. 200).

Письменные сообщения о племени сргели относятся к рубежу XV и XVI вв. Это племя, согласно Рузбихану, в составе других казахских племен, объединенных Касым-ханом, кочевало от берегов Волги, где находились летние пастбища, до зимовок Ташкента и Туркестана (Ибрагимов, 1960, с. 143). По другой версии, сргели пришли на Сырдарью вместе с войском Джанибека и Гирея. Во всяком случае, с XV – начала XVI в. этот район являлся постоянным местом их пребывания (Востров, Муканов, 1968, с. 65)

О пребывании на Сырдарье найманов, имеющих тамгу из двух прямых линий, соединенных под углом, сказать что-нибудь определенное очень трудно. Возможно, в этих местах осела часть их, которая отстала от своих сородичей, ушедших с Шайбани-ханом в Мавераннахр после распада Государства кочевых узбеков.

Таким образом, традиционализм материальной и духовной культуры, прослеживаемый в урбанизированных центрах Южного Казахстана в первом веке – XIX в. н. э. свидетельствует, на наш взгляд, об эволюционном пути развития здесь городской культуры, развивавшейся в тесном взаимодействии с культурой скотоводческой, в том числе и кочевой. В данной связи еще раз напоминаем о степной цивилизации. Об этом же пишут исследователи, изучавшие города Южного Казахстана и Приаралья. Наиболее четкое обоснование о традиционности хозяйственно-бытового уклада тюркских народов Аральского бассейна и об их этногенезе пишет С.П. Толстов. Он, опираясь на доказательный материал о комплексном хозяйстве дотюркского и тюркского населения в городах огузов, которые не были мифом, а реальностью, он пишет о кочевниках и их оседании и считает, что «оседлый джатак» – «Ятук Махмуда Кашагарского древнее кочевого бая» (Толстов, 1947, с. 99-100).

С.П. Толстов дает картину этногенеза тюркских народов Средней Азии и отчасти казахов. Он выделяет древний пласт сакских племен, который постепенно тюркизируется в ходе переселения сюда

тюркских племен кангаров, огузов, кыпчаков и затем каракалпаков (Толстов, 1947, с. 100-102).

Он пишет о государстве Кангха, его более чем 1500-летняя преемственность племенами кангаров и кыпчаков, которая свидетельствует о древней генеалогической традиции «и лишь монгольское завоевание, превратившее в руины города Сыр-Дарьи, прервали эту преемственность» (Кляшторный, 1964, с. 179).

Однако, как показывают археологические исследования, генеалогическая традиция не прервалась, а продолжала жить в Казахском ханстве, в культуре и этносе казахов.

И одним из аргументов этому являются тамги казахских племен, населявших Сырдарьинский регион, и их преемственность с тамгами на керамике предшествующих периодов.

Возражая против этого положения, некоторые исследователи пишут о том, что не все тамги на керамике XVI-XVIII вв. повторяют тамги Казахских племен, родов и поэтому рассуждения о казахских тамгах в городах Южного Казахстана XVI-XVIII вв. основывает лишь на формально-типологическом сходстве.

И, следовательно, указанный комплекс тамг не может служить достаточным аргументом для определения этноса (Смагулов, 1979, с. 58-64; 1992, с. 199).

Так почему же керамика с тамгами появилась в нужном месте и в нужное время? Ответить – случайно, очень просто, так же как и заметить, что тамгообразные знаки не могут служить достаточным источником для определения этноса населения Отрара (Смагулов, 1992, с. 199).

Создается впечатление, что этот посыл был нужен исследователям для утверждения того, что жителями городов позднесредневекового Отрара были сарты, названные при переписи узбеками.

Но возникает вопрос: сами ли сарты причислили себя к узбекам или это был заказ? Такие случаи известны в советское время.

Не совсем убеждает утверждение, что в первой половине XVIII – начале XIX вв. городская жизнь в регионе испытывает тенденции дезурбанизации (Смагулов, 1992, с. 197). Об этом же процессе упадка городов пишет А.Н. Жилина: «Спровоцировали упадок джунгарские погромы и разграбления городов, в том числе и в Туркестане, случившиеся в начале XVIII в., и лишь колонизационная политика Коканда способствовала экономическому возрождению Южного Казахстана и подъему городов (Жилина, 1982, с. 138-175).

Наплыв населения из Коканда привел к тому, что вскоре здесь сложился этнический тип населения «узбеки», которые и стали в городах преобладающим населением.

На наш взгляд, кокандско-узбекский период урбанизации лишь продолжает традиции развитой городской культуры, расцвет которой приходится на XVI – первые три четверти XVII в. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 129-132). И именно в этот период окончательно сложились топография позднесредневекового Отрара и типы городского жилища, и в это же время в комплексе керамики появляется посуда с тамгами казахов.

Именно на этот культурный пласт наслои́лась культура пришлого узбекского населения.

Приобретает новое звучание и гипотеза о принадлежности гончарных мастерских в городах, либо имевшая место экономическая зависимость ремесленных, в том числе и гончарных мастерских, от глав казахских родов (Ахинжанов, 1975, с. 56).

В свое время К.А. Пищулина отмечала важный момент, связанный с политическим процессом перехода сырдарьинских городов Южного Казахстана в руки казахской знати.

При тимуридах городами управляли хакимы-наместники или правители, назначенные из Самарканда. Так, хакимом Ясы и Отрара был Музид-тархан, а его сын правил в Сауране. Такая же ситуация имела место при Шайбанидах. Мухаммед Шайбани-хан отдал Отрару сыну Мухаммеду Тимур-султану, а Сауран – брату Мухмуд-Тимур-султану, а затем весь Туркестан был передан в управление дяде Кучим-султану. Ситуация начала меняться в годы борьбы за города между узбеками и казахами. В конце XV в. правителем Сузака стал сын Джанибек-хана Махмуд-султан. Саураном стал править другой сын – Иренджи-султан. Когда же казахи овладели Ташкентом, то им стал управлять брат хана Ишима, который управлял Туркестаном, Турсун (Пищулина, 1969, с. 33).

Подробную и обстоятельную выборку о казахских правителях городов и о казахх – жителях городов, привел М. Кожа (Кожа, 2012, с. 162-177).

В начале XVI в. Касым-хан (1511-1521) занял Сайрам (История Казахстана с древнейших времен до наших дней, 1997, с. 342-344). В это же время казахские ханы овладели Сарайчиком, расположенным на берегу Жайыка (Мирза Мухаммед Хайдар, 1996, с. 349).

В период правления старшего казахского хана Тауке (1680-1715) число подвластных казахам городов в Присырдарье достигло 32 (Посольские материалы Русского государства, 2005, с. 379)

Н.К. Витсен пишет: «В то время... на козакских территориях в целом можно насчитать тридцать два маленьких городка». Управление городов осуществлялось через назначаемых ханом наместников, которые выбирались из близких родственников-султанов. Согласно Н.К. Витсену, при Тауке правителем Сузака являлся «Абла-султан»; Саурана – Каз-султан; Сырнака (Сыгнака) – Есим (Ишим)-султан; Карнака – Каип-султан; Икана – Булат-султан; Отрова (Отрара) – Турсын-хан; Сайрама – Карабас-султан (Витсен, 2006, с. 67). При выезде ханов из Туркестана и Ташкента в этих городах управляли «дятьки их», лично преданные хану люди. В Ташкенте таким человеком при Жолбарыс-хане (1720-1739) был «Большой Орды знатнейший кайсаченин Тюля бий, который и в Ташкенте больше хана владельцем почитается» (Материалы по истории Казахской ССР, 1948, с. 97). В Туркестане это был Нияз-батыр, после него Туркестаном управлял Абулмамет-хан (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв., 1961, с. 164). Безусловно, такое положение способствовало увеличению числа казахов в среде горожан.

В источниках есть сведения о проживании казахов в позднесредневековых городах Южного Казахстана. В грамоте, относящейся к концу XVI в., в составе населения Сыгнака названы арабы, тюрки, казахи и каракалпаки (Пищулина, 1969, с. 8).

Согласно отчету о поездке Теуш-мергена в г. Туркестан в 1693 г., «казаков живет в том городе с Тевки ханом мужеска полу и женска человек с 1000» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв., 2005а, с. 405). В журнальной записи русско-казахских переговоров 1740 г. глава аргынов Нияз-батыр отмечен как житель города Туркестана (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв., 1961, с. 164). Влиятельный старшина Старшего жуза Толе-бий имел дом в Ташкенте, где проживали жена и два сына (Посольские материалы Русского государства, 2007, с. 96). Кроме представителей казахской элиты в городах жили и обнищавшие казахи. Перечисляя городки между Ташкентом и Туркестаном, купец Ш. Арсланов в 1735 г. отметил, что они населены сартами, «между которыми и киргиз-кайсаки убогие живут» (Путевые дневники и служебные записки..., 2007, с. 99).

По данным Я.П. Гавердовского, «многие из киргизцев сей орды (Средней жуз) заводят уже постоянные селения около гор Каратау и в Ташкении» (Первые историко-этнографические описания казахских земель, 2007, с. 400).

Филипп Назаров, в 1813-1814 гг. посланный в Коканд, отмечает, что в близи Чимкента «видны обиталища прежних киргизов, их сады, курганы и поля» (Назаров, 1968, с. 33).

Городское население Сузака, которое кочевало в окрестностях, казахи называли общим именем «сарт», было довольно пестрым по своему происхождению. Заметную прослойку в нем составляли осевшие в самом городе представители разных казахских родов: ошакты, сатек, коралас, мирза-тоби (Жилина, 1982, с. 137-163).

О казахах, влившихся в состав городского населения, свидетельствуют рассказы жителей г. Чимкента начала XX в. о том, «что они потомки выходцев от Отрара и Туркестана, и представляют из себя не чистый сартовский тип, а помесь с киргизами». По свидетельству отдельных очевидцев, жители г. Туркестана того времени по языку и антропологическому типу мало отличались от степняков (Добросмыслов, 1912, с. 204).

Очень важным является замечание М. Кожи, составленное на анализе источников, о том, что отдельные группы населения присырдарьинских городов вошли в состав казахского народа. В этническом составе современных казахов имеются ряд родов, ведущих свое происхождение от городских жителей (Ходжаев, 1995, с. 33-40). Это сунак и ходжа (Гродеков, 1889; Тынышпаев, 1925; Кенесбаев, 1977). Ряд городков и крепостей на юге Казахстана, отмечает М. Кожа, были построены по распоряжению казахских правителей. Это крепость *Джатан*, которую построил у подножия одной горы казахский хан Тахир (1523/1524-1531/1532) в первой половине XVI в. «для отражения войск калмаков» (Бадаи' ал-вакаи', 1969, с. 181).

Подпоручик Д. Телятников, описывая свою поездку в Ташкент в 1796 г., замечает: «По реке Арысь – кочевка Большой орды Усунской волости; ... во многих местах построены глиняные маленькие крепостцы, из коих, в случае нападения какого-либо неприятеля, той волости кайсаки, с женами и детьми запершись, чинят отпор» (Путевые дневники и служебные записки..., 2007, с. 162).

Все вышеизложенное позволяет отметить сложность решения вопроса об этническом составе населения городов позднесредневекового Казахстана. Однако прямолинейное решение этой проблемы невозможно. Причислять его к сартам, записанным узбеками, в среде которых были и казахи, вряд ли справедливо. И Е.А. Смагулов, и А.Н. Жилина рассматривают ситуацию в истории региона, относящуюся к кокандскому (1816-1865) и российскому (1862-1917) периодам. Но это верхушка «временного айсберга». Что же касается второй половины XV – первых трех четвертей XVIII в., то это время борьбы за города и вхождение их в состав Казахского ханства, период борьбы с джунгарами и сохранения Отечества. В это время именно казахская элита управляет городами. В них, судя по казахским тамгам на керамике, проживало и казахское население, потомки городского населения предыдущих периодов, постепенно интегрирующихся в состав казахов.

Именно в это время окончательно складываются типы традиционного жилища, доживающего в Южном Казахстане вплоть до середины XX в. Важно еще раз обратить внимание на то, что сарты – это сколок оседлого и городского населения, вошедшего в состав казахов.

Учитывая полиэтничность городов на основании письменных источников и археологического материала, следует отметить, что жителями городов Казахского ханства были и потомки древних племен, населявших Южный Казахстан, Жетысу и Западный регион в древности и средневековье, и получившие имя сарты и, конечно же, казахи, которые постоянно вливались в состав горожан и оседлого сельского населения. Это были обедневшие группы казахов-джатаков и представители казахской правящей элиты, сделавшие города своими резиденциями. Города не только усиливали политическую власть казахской родовой верхушки, но и способствовали росту их экономического положения.

ГЛАВА VI

ФУНКЦИИ ГОРОДОВ: РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ИРРИГАЦИЯ

Ремесла

Накопленный археологический материал позволяет получить достаточно полное представление о городском ремесле, но, к сожалению,

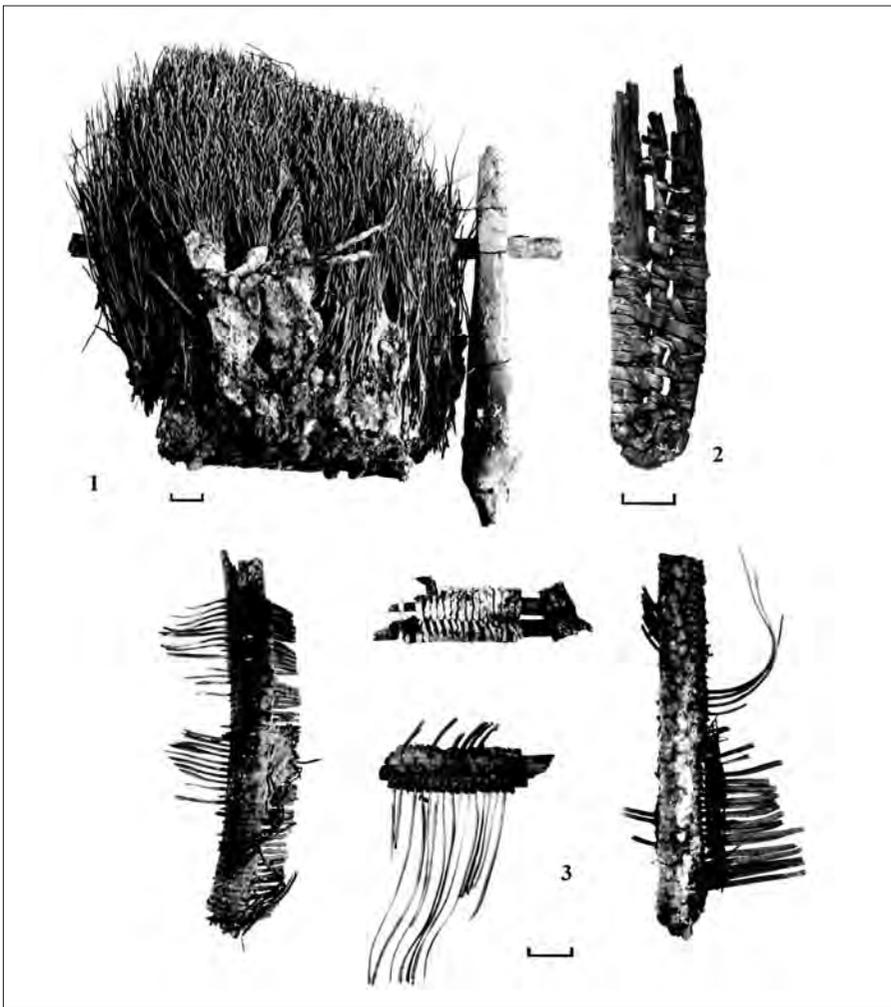

Рис. 149. Городище Отрартобе. Фрагменты ткацкого станка

Рис. 150. Отрартобе. Мешочек из ткани

о ткачестве, ковроделии, производстве изделий из войлока, шерсти, предметов из дерева – данных нет. Ткани, ковры, войлок, деревянные поделки не сохранились. Найдены лишь кусочки тканей из хлопка, шерсти, кожи, обрывки войлоков на суфах, обгоревшие остатки ватных одеял. Интересны фрагменты, скорее всего, ткацкого станка из раскопок Отрартобе - и это все.

Можно, однако, по комплексам керамики, гончарным печам писать о гончарстве. По находкам – о медницком и ювелирном ремеслах, кузнечном деле, об обработке камня и кости.

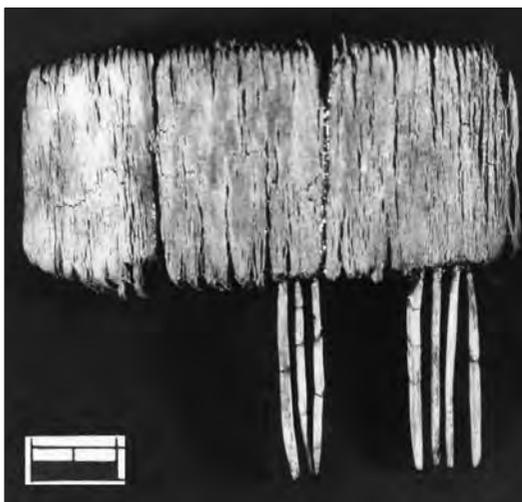

Рис. 151. Отрартобе. Деревянный гребень

Гончарное ремесло. Важные сведения о развитии керамического ремесла дает изучение гончарных печей, технологических особенностей керамики. Раскопки и исследование печей в комплексе с производством, определение их локализации в городе позволит подойти к проблеме внутренней организации ремесленного производства. В этом отношении оправдано использование методического приема, который предусматривает определение территориального расположения центров производства как отражения форм организации соответствующих видов промыслов и ремесел (Массон, 1976, с. 58-59). Однако он требует полного, а не выборочного вскрытия керамикопроизводящих участков поселений и городищ. Такие работы все еще не получили достаточного развития. Раскопки только гончарных печей, конечно, облегчают получение материала, зачастую эффектного, но оставляют нерешенными некоторые важные вопросы. Поэтому, в связи с определением уровня развития гончарства, организации ремесла особый интерес представляет полное исследование квартала гончаров в западном пригороде Мерва (Лунина, 1962, с. 207-418) и на Афрасиабе (Брусенко, 1969, с. 118-120). Керамическое производство позднего средневековья изучалось в Мерве и Шахрухии (Лунина, 1981, с. 131; Буряков, Тихонин, 1981, с. 58-63). Лакуну в изучении гончарства поры позднего средневековья в какой-то мере восполняют материалы раскопок южно-казахстанских городов, в первую очередь, Отрара, Туркестана, Саурана, а также Куль-тобе и Рана (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 157-162; Жолдасбаев, 1976а, с. 520).

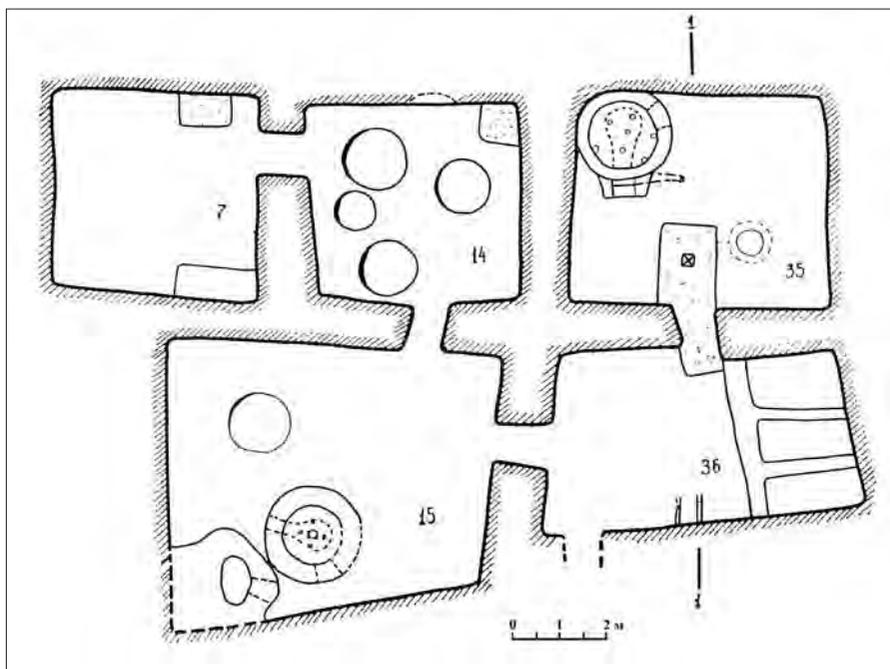

Рис. 152. Отрартобе. Гончарная мастерская в квартале «Л», дом 1

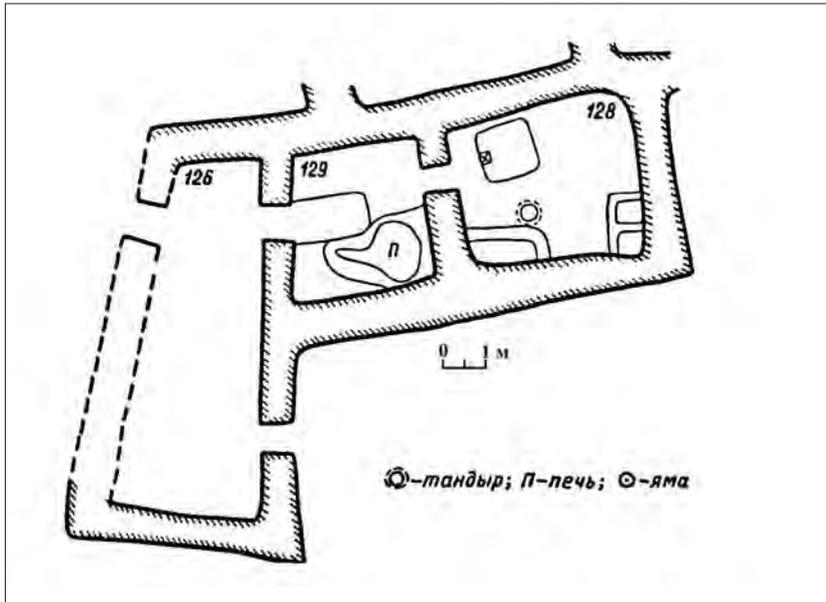

Рис. 153. Отрартобе. Дом гончара

На городище Отрар, в квартале «Л» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, с. 3-48) насчитывается 11 домовладений, два из них принадлежали гончарам. Квартал в плане прямоугольный, его размеры: длина 65 м, ширина по фасаду около 32 м. Общая площадь немногим больше 2000 кв. м. Внутриквартальная улочка, идущая от магистральной улицы, упирается в крепостную стену. Длина улочки 65 м, ширина около 3 м. В 22 м от начала улочки под прямым углом в северном направлении отходит тупичок длиной 14 м.

Три домовладения образуют массив, расположенный по левую, т. е. северную, сторону внутриквартальной улочки, если следовать в глубину квартала от магистральной улицы.

Дом 1 состоит из пяти помещений различного назначения. Центральное помещение 35 в плане прямоугольное площадью около 25 кв. м. В нем имеются тандыр и гончарная печь, которая сооружена в северо-западном углу вплотную к двум стенам. При расчистке печи внутри обнаружен плотный завал из сырцовых кирпичей, истлевшего камыша, мусора, кусков стен обжиговой камеры. Печь двухъярусная, сложена из сырцового кирпича. Сохранность ее удовлетворительная. Высота обжиговой камеры 0,7 м, диаметр пода 1,2 м. Огневая камера примерно такого же размера (диаметр 1,1 м, высота 0,9 м) впущена под суфу. Пол ее вымощен обломками жженого кирпича, стенки ошлакованы. Под печи целый, из прокаленной до кремового оттенка глины. В нем сделано семь отверстий-жаропроводов диаметром 9-15 см. Топка сложена из жженого кирпича, в ней обнаружен слой золы и угля. Она прямоугольной формы размером 0,7 x 0,45 м и расположена

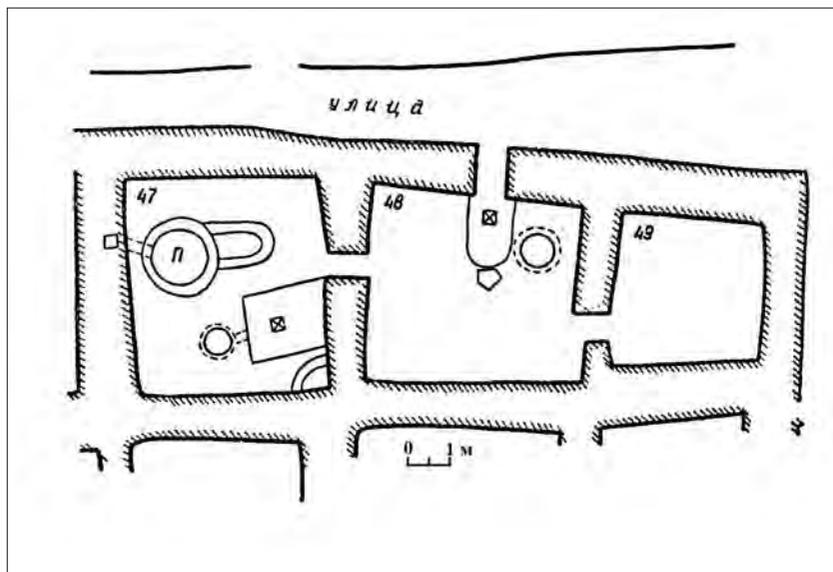

Рис. 154. Отрартобе. Дом гончара

примерно под углом 45° относительно уровня суфы. В правой стенке топки на расстоянии 0,4 м от устья расчищен горизонтальный канал сечением 0,3 м и длиной около 2 м. Видимо, через него воздух поступал в огневую камеру. Устье топки с внешней стороны оформлено рамкой из сырцовых кирпичей.

Из огневой камеры дым выходил через вертикальный дымоход, устроенный в стыке северной и западной стен помещения. В обжиговой камере с южной стороны имелось овальное отверстие диаметром 0,4 м для загрузки посуды в печь.

В противоположном углу помещения в суфу вмазан тандыр, у которого диаметр венчика 0,5 м, высота стенок 0,45 м. Квадратная топка размером 0,2 x 0,2 м расположена напротив дымохода. Длина дымохода, проложенного в суфе, – 1,45 м. К суфе высотой 0,45 м примыкает площадка ташнау размером 1,85 x 1,3 м. Пол ее вымощен обломками жженого кирпича. Юго-восточный угол помещения занят закромом прямоугольной формы размером 1,2 x 1,5 м.

Почти в середине южной стены находится проход шириной 0,9 м в *помещение 36*. Оно в плане прямоугольное, размером 3,5 x 6 м, вдоль восточной стены помещения устроены три закрома. У южной стены рядом с выходом на улицу расположен открытый очаг, сложенный из сырцового кирпича. В западной стене имеется проход в *помещение 15* (5,1 x 8,8 м). В его юго-западной части сложены две гончарные печи из сырцового кирпича размерами 30 x 20 x 10 см. Обжиговые камеры сооружены над подом, устроенным на одном уровне с полом помещения, и несколько опущены вниз.

Рис. 155. Отрартобе. Керамические печи

Одна из печей угловая, сохранилась плохо. Под ее обрушился. Диаметр верхней части обжиговой камеры 0,85 м, расстояние от пола огневой камеры до верха обжиговой составляет 1,6 м. Пол огневой камеры выложен жженым кирпичом, который, как и стенки, покрыт слоем сажи. На стенках обжиговой камеры изнутри имеются потеки серо-зеленого цвета. Топочное отверстие овальной формы (0,35 x 0,45 м) находится под подом обжиговой камеры в стене печи. Загрузочное отверстие не обнаружено.

Вторая печь лучшей сохранности, но с южной стороны она разрушена поздней мусорной ямой: повреждены стенка обжиговой

Рис. 156. Отрартобе. Керамические печи

камеры и край пода. Под печи состоит из желто-зеленой, сильно ошлакованной, ноздреватой в изломе массы. В центре пода имеется жаропровод с отверстием в виде квадрата со стороной 0,3 м. Против каждой стороны квадрата расположено еще по одному жаропроводу овальной формы (11 x 16 см). Диаметр верха печи 1,35 м, высота от верха до пода 0,5 м. Топочное отверстие округлой формы (0,3 x 0,33 м) располагается под углом 45° к полу помещения. Почти напротив топки в стенке обжиговой камеры находится загрузочное отверстие диаметром 0,5 м.

Площадка перед печами вымощена обломками жженого кирпича.

В *помещении 38* была расчищена яма с керамикой. В плане яма круглой формы, диаметр ее устья 1,15 м, глубина около 1,5 м. В яме аккуратно были уложены кувшины в три яруса. Чтобы уменьшить давление одного сосуда на другой, между ними сделаны прокладки из обломков боковин сосудов. Всего в яме находились 21 кувшин, 5 тагор и 3 больших хума. Хумы стояли в центре ямы, один на другом. Донца у хумов были выбиты. В заполнении ямы земля пузыристая, что указывает на длительное присутствие воды. У самого дна земля очень плотная, лессовидная.

В северной стене помещения имеется проход шириной 0,9 м в *помещение 14*. Оно в плане квадратное со сторонами 4,55 м. По функциональному назначению это одно из подсобных помещений дома гончара. В центральной части помещения устроены четыре ямы, а в северо-восточном углу – вымостка из жженого кирпича. С западной стороны оно соединяется дверным проемом с *помещением 7*.

Помещение 7 в плане квадратное, площадью 20 кв. м. В центре его прослежена утрамбованная площадка. По форме это правильный круг диаметром 2 м. Пол площадки находится на одном уровне с полом помещения. Площадка выделена желобоподобным углублением, ограничивающим площадь круга. Видимо, здесь замешивали глиняное тесто. При расчистке помещений мастерской найдены большой каменный пест, каменный тигель для плавки поливы, шарики поташа, палитра для красок, куски стекломассы.

Дом 2 (помещения 47, 48, 49) также совмещен с мастерской.

Помещение 47 прямоугольное в плане, размером 5,0 x 4,2 м. В его северо-восточной части находится гончарная печь. Обжиговая камера круглой формы, сложена из сырцового кирпича. Изнутри на ее стенках имеются потеки шлака беловато-зеленоватого цвета. Под устроен на уровне суфы, но он не сохранился, осталась лишь беловатая полоса шириной 5 см в месте соединения пода со стенкой обжиговой камеры. Диаметр пода 0,7 м. Лаз для загрузки печи топливом вынесен далеко вперед и соединен с топкой каналом длиной 0,9 м, идущим под углом 45° к поду печи. Лаз отстоит от печи на расстоянии 0,6 м. Топочное отверстие диаметром 0,4 м сделано параллельно полу. Огневая камера разрушена.

В суфу вмазан тандыр (диаметр венчика 0,65 м, высота 0,5 м). От него к северной стене в суфе проложен горизонтальный дымоход длиной 1,5 м. Топка, как обычно, выведена на борт суфы, ограниченной крохотной площадкой с ташнау, вымощенной жженым кирпичом.

В юго-западном углу помещения находится закроем в форме сектора со сторонами 0,5 м и 0,4 м. Его пол и стенки изнутри тщательно обмазаны глиной.

Помещение 48 прямоугольной формы размером 5,0 x 4,65 м. В его восточной части обнаружен сильно разрушенный тандыр с

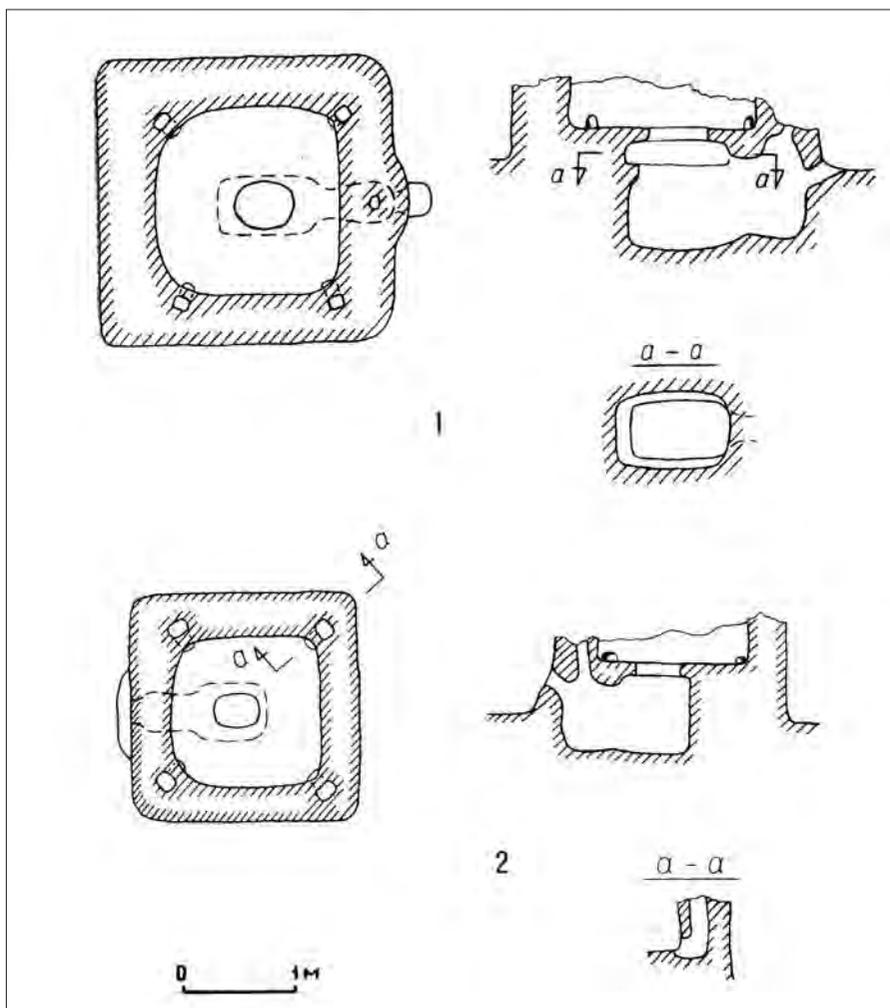

Рис. 157. Отрартобе. Планы гончарных печей:
1 - в квартале «У»; 2 - в квартале «Н»

примыкающей к нему площадкой ташнау. Оно закрыто кирпичом с желобками и сливным отверстием в центре.

Третье помещение дома-мастерской (49) площадью 13,5 кв. м. В нем имелся выход на внутриквартальную улицу.

Одна мастерская площадью около 215 кв. м находилась в квартале «У». В ней различается жилая часть – дом, состоящий из двора, жилой ячейки с двумя тандырами и кладовой с пятью закромами. Производственная часть состояла из пяти помещений, в двух из них находились гончарные печи. Назначение других помещений по сохранившимся остаткам интерьера выяснить трудно, можно лишь предположить, что они использовались для хранения сырья, производственных операций, сушки изделий.

Одна из печей разрушена полностью, вторая – в хорошем состоянии. Печь двухъярусная. Топка, сложенная из сырцового кирпича, была

Рис. 158. Отрартобе. Яма-хранилище с керамикой в доме 6 квартала «Л»

впущена в землю. Форма ее подчетырехугольная, размером 1,0 x 0,7 м и высотой 0,9 м. По внешнему периметру размер камеры 2,2 x 2,2 м. Топка соединялась с обжиговой камерой овальным отверстием диаметром 0,4 м. На четыре угла камеры выходят продухи размером до 10-12 см. Они служили терморегуляторами и вытяжкой для дыма.

Наряду с крупными мастерскими отмечено мелкое ремесленное производство. Небольшая гончарная печь обычно устраивалась во дворе дома.

В квартале «А» печь стояла в яме овальной формы глубиной 1 м, устроенной во дворике двухкомнатного дома. Печь двухъярусная,

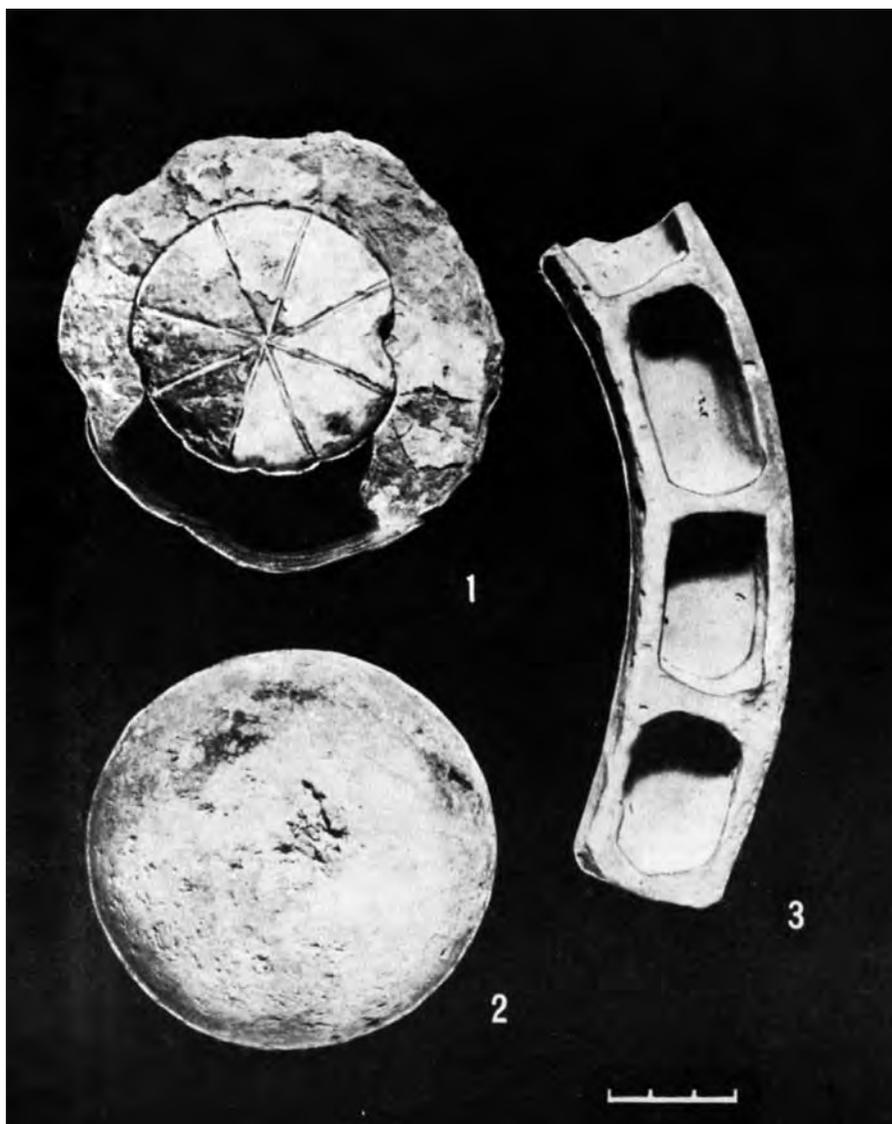

Рис. 159. Отрартобе. Инструментарий гончара: 1, 2 - наковаленки для формовки сосудов; 3 - «палитра» для красок

соединялась серией продухов с обжиговой камерой. Общая высота печи 1,1 м. Верх ее сохранился на уровне поверхности двора. Высота обжиговой камеры 0,6 м. Загрузка производилась через два отверстия сверху. Топка печи имеет ширину, равную ширине обжиговой камеры, длину 1,6 м и высоту 0,4 м. С юго-западной стороны к топке по воздухоудвному желобу поступал воздух. Горизонтальный участок желоба был сделан из выдолбленного бревнышка, обмазанного толстым слоем глины. Печь служила для производства небольших стандартных поливных кесе, которые обнаружены в заполнении печи слипшимися, поскольку в процессе обжига были сложены стопкой.

В квартале «Ф» два небольших домика, состоявшие из айвана и жилой комнаты, совмещенной с кладовой, имели во двориках маленькие гончарные печи. От них сохранились огневые камеры грушевидной формы длиной 1,4 м, шириной около 1,0 м и глубиной 0,6 м. Печи предназначались для выпуска посуды малых форм – пиал и кесе.

Сравнение отрарских и описанных этнографами гончарных мастерских свидетельствует о близости их устройства и оснащенности, доходящей до тождества. Вот, к примеру, мастерская кишлака Хорезма – потомственного усто. Площадь производственного помещения 41 кв. м. Оно темное, с одним оконцем, через которое в мастерскую подавали глину. Рядом с окном находился гончарный станок, установленный в яме размером 2,0 x 1,7 м. Станок состоял из двух кругов на вертикальном стержне: нижний, вращаясь, вращал верхний круг для формовки изделий. Круги деревянные, диаметр нижнего 85-95 см, верхнего – 18-25 см. Стержень, на котором крепились круги, изготовлен из твердого дерева, обычно карагача. Конец его имел металлическое острие, упирившееся в камень. Системой реек станок удерживался в вертикальном положении. Здесь же устанавливали котел с водой и клали мокрую тряпку для очистки рук от глины (Екимова, 1959, с. 351-352). Аналогичным образом оборудованы и отрарские мастерские, где найдены круглые ямы для установки гончарного круга, а рядом вкопаны сосуды для воды. Деревянные части от кругов не сохранились, и лишь в сушильне мастерской XIV – начала XV в., расположенной на центральном бугре Отрара, на полу расчищена четверть круглого деревянного изделия диаметром около 1 м. Возможно, это остатки нижнего круга. Крупные каменные обломки жерновов, скорее всего, использовались в качестве опор гончарных станков.

В углу хорезмской мастерской около входа устраивался навес для сушки изделий, рядом находилась площадка для вымеса глины. Печей в мастерской обычно две, зимняя – в помещении, летняя – во дворе. У гончаров, изготавливавших разнообразную мелкую посуду, летних печей было две. Наиболее интенсивно гончары работали зимой, за исключением самого холодного месяца, тогда как летом они занимались еще и сельским хозяйством (Екимова, 1959, с. 352). Разделение печей на летние и зимние прослежено и в крупных мастерских Отрара (кварталы «Л» и «У»), относящихся к XVII в.

На протяжении от позднего средневековья до нового времени набор гончарных инструментов оставался неизменным. Это глиняный черепок (в Отраре встречены и костяные пластины) для выравнивания краев сосудов, нож, грибовидные наковаленки различных размеров, каменные ладьевидные сосуды для плавки поливы, пестики для размельчения глазури. Мало изменился и характер печного припаса (Екимова, 1959, рис. А18; Джаббаров, 1959, рис. 9; 1971, рис. 10).

Как известно, основной фигурой феодальной эпохи считается мелкий ремесленник – владелец средств производства и сам непосредственный производитель продукции. Несмотря на целый ряд феодальных повинностей, свободный ремесленник являлся, видимо, центральной фигурой ремесла (Пигулевская, 1955, с. 76).

По мнению исследователей истории феодального общества в странах Востока, индивидуальное производство экономически самостоятельного мелкого товаропроизводителя-ремесленника, работавшего в своей мастерской на базаре или дома, выполнявшего операции по изготовлению изделий (самолично или при содействии членов семьи) с помощью собственных средств производства (сырье) и орудий труда, в крайне ограниченных масштабах, возникло еще в древних городах и оно вытеснило частично несвободный труд из сферы производства, расшатывало их экономическую и социальную структуру, основанную на натуральном и корпоративном ремесле. Только в средневековом городе мелкотоварное ремесло становится преобладающим (Ашрафян, 1977, с. 117).

Наряду с мелкотоварным производством сохранялось и ремесло, которое концентрировалось в казенных мастерских – корхана. О натуральном ремесле средневековых городов Ирана, Индии достаточно подробно сообщают письменные источники (Ашрафян, 1977, с. 118-119).

Известно о подневольных ремесленниках золотоордынских городов, причем есть и археологические подтверждения наличия корхана на Царевском городище (Сарай-Берке): раскопками выявлены богатые аристократические усадьбы и при них землянки подневольных ремесленников (Федоров-Давыдов, 1970, с. 70-71).

Отрарские мастерские дают представление об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя-гончара, работавшего в своей мастерской при доме. Наблюдается концентрация ремесла как в центральной части города, так и в пригороде, где существуют отдельные кварталы гончаров. В расположении гончарных мастерских сохраняется преемственность. Слобода гончаров существует на одном месте со второй половины XIII до середины XV в. (два строительных горизонта); прослежена преемственность в расположении квартала керамистов на центральных развалинах. Рядом с мастерской XIV – начала XV в. у северных ворот в строительном горизонте XVII в. расчищена гончарная печь.

В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение, что заметно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере домов дорогих строительных материалов, например, жженого кирпича. Среди раскопанных в пригороде мастерских второй половины XIII – первой половины XIV в. выделяются своими размерами I и V, тогда как усадьба-мастерская II по занимаемой площади меньше их втрое. К числу состоятельных относился гончар, мастерская которого расчищена на территории центрального бугра.

Хозяева больших мастерских – сами непосредственные производители – могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих. Известно, что в Самарканде XVI в. в ремесленной мастерской были заняты мастер (усто), ученик (шагирд) и рабочий (коргар) (Беленицкий, 1940а, с. 46). Мастеру подчинялся подмастерье (халпа, ширик, зири-заст – закончивший срок обучения ученик, имеющий опыт самостоятельной работы) (Джаббаров, 1959, с. 380; Никулин, Шамансурова, Рашидов, 1966, с. 55). По мнению М.Е. Массона, мастера, подмастерья и ученики выделились уже в XI-XII вв. (Массон, 1940, с. 97). В этой связи обращает на себя внимание наличие в мастерских керамистов XVII в. помещений с тандыром, аналогичных жилым комплексам отарских домов. Непосредственно ли в мастерских жили ученики и подмастерья?

Одной из наиболее сложных является проблема цеховой организации ремесленников. По мнению А.Ю. Якубовского, ремесленники городов Средней Азии были объединены в цеха уже в X в. (Якубовский, 1932, с. 33). По мнению О.Г. Большакова, раскопанные в Мерве мастерские XII – начала XIII в. свидетельствуют о появлении небольших мануфактур, где вместе с подсобными рабочими было занято не менее 10 человек (Большаков, 1973, с. 283-284). С.Б. Лунина по материалам тех же раскопок Мерва предполагает существование здесь товарищества (кооперации) двух мастеров-керамистов. Такая форма объединения являлась, считает она, ступенью перехода к цеху (Лунина, 1962, с. 407). Первые же упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV-XV вв. (Беленицкий, 1940б, с. 190; Якубовский, 1932).

Материалы раскопок Отрара дают основание предполагать наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Уже отмечалось объединение мастерских пригорода второй половины XIII – первой половины XIV вв. в пары. Например, мастерские IV и VI, I и V имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Предполагаемые тупички с навесами могли выполнять роль своеобразных общих кладовок. В полной изоляции каждой такой пары мастерских, замкнутости их в массиве аналогичной застройки можно усматривать наличие родственных отношений между мастерами (мастер-отец и отделившийся мастер-сын) (Екимова, 1959, с. 376). Однако не исключен и корпоративный смысл такой застройки, вызванный к жизни объединением двух мастеров, как это было в Мерве.

Более высокая степень организации, возможно, цеховая, наблюдается в квартале гончаров XVII в. Большинство жителей квартала было связано с гончарством. Крупная мастерская с четырьмя печками принадлежала трем домовладельцам. Они, видимо, являлись совладельцами. Кроме них, по крайней мере, еще две семьи владели двумя мастерскими. Очевидно, это пример ремесленной специализации городского квартала, в таком случае предположение о том, что «каждый квартал (махалля) в городе был занят определенным ремеслом»,

приобретает силу факта (Очерки истории СССР, 1953, с. 501; Сухарева, 1976, с. 288-289). Но такое совпадение в Отраре XVII в. – единичный случай. Наряду с концентрацией гончарного ремесла отмечено расселение гончаров в других кварталах города. Что же касается квартала гончаров, то ремесленники его, скорее всего, были объединены в цех, подобный тем, о которых известно по сохранившимся цеховым уставам – рисоля. Уставы содержали освященные религией правила передачи знаний от учителя к ученику и как бы благословляли свыше институт ученичества. С этим институтом были связаны тайны, которыми окружалась вся рецептура производства. Ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпагар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался калантар, избиравшийся на цеховом собрании. В Фергане и в Самарканде старшина цеха назывался бобо и аксакал (История народов Узбекистана, 1947, с. 32; Пещерева, 1949, с. 34). Обычно калантар выдвигался из состоятельных гончаров. Так, калантаром кишлака Каттабаг в Хиве был потомственный усто, влиятельный и богатый бай Таджи-Палван. Он наблюдал за работой мастеров, следил за техникой производства, выступал в базарной торговле как аксакал ряда гончаров, регулировал отношения между мастерами и подмастерьями (Джаббаров, 1959, с. 379-385; Екимова, 1959, с. 348-349).

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные рисоля, вырабатывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров позднесредневековых южно-казахстанских городов.

Дом 4 в квартале гончаров в Отраре, судя по интерьеру и наличию двух тандыров, как раз мог принадлежать калантару, который одновременно являлся и старостой – аксакалом квартала (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 137-138).

В связи с вышесказанным вызывает интерес находка хума при раскопках Туркестана с оттиском штампа, в надписи на котором читается имя гончара.

Хум был обнаружен под вымощенной площадкой ташнау и являлся верхней частью поглотительного колодца – ташнау. Судя по внешним данным, он изготовлен по технологии, обычной для среднеазиатского гончарного ремесла. Равномерно тонкие стенки тулова свидетельствуют о высоком мастерстве гончара.

Плечики хума украшены девятью оттисками одного и того же круглого штампа с выпуклой надписью в двойном линейном ободке.

Диаметр плоской части штампов до внешнего ободка 71-75 мм. В поле штампа располагается надпись в три строки, охваченная сверху и с боков линейным выпуклым обрамлением; еще две линии разделяют строки между собой. В боковых сегментах изображены дугообразные значки, служащие орнаментальным заполнением фона. Почерк надписи – поздний упрощенный насталик.

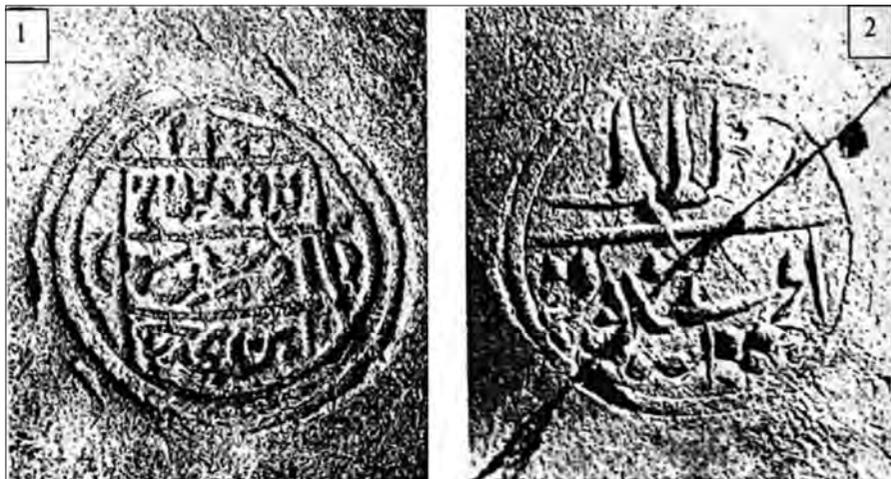

Рис. 160. Личные штампы главы цеха гончаров Туркестана середины XIX в.
(по Е.А. Смагулову)

Текст и перевод надписи:

1. Старший гончар
2. Усто (мастер) Йунус (?)
3. Сын Маджид-бая

В верхнем сегменте помещена дата – 1260 (1844 г.).

В связи с этим следует рассмотреть еще одну аналогичную находку, сделанную Т.Н. Сениговой в 1973 г. при раскопках в г. Туркестане.

Находка представляет собой несколько обломков верхней части крупного хума с утраченными венчиком и нижней частью, на которых полностью или частично сохранились 8 оттисков другого штампа надписи с именем гончара. Оттиски ориентированы основанием от венчика и также развернуты под разными углами против часовой стрелки. В поле штампа, обрамленном круговым линейным ободком диаметром 58-62 мм, разделенном горизонтальной чертой на две неравные части, размещена надпись в 2 строки крупным примитивным насталиком с полной диакритикой.

Перевод надписи:

1. Гончар
2. Усто Йунус

Надписи свидетельствуют о том, что они предназначены специально для маркировки керамических изделий. Дата на одном из них, обозначающая год изготовления штампа, возможно, имеет отношение и ко времени, когда данный мастер получил звание «кулоли калой» – старшего гончара. Кроме того, если чтение имени мастера на этом штампе верно, можно предполагать, что оба штампа принадлежали одному и тому же лицу по имени Йунус, а различие в титулатуре

отражает его «профессиональный рост», изменение сословного статуса в иерархической структуре ремесленной организации (Смагулов, Настич, 1998, с. 70-77).

Анализ произведенной в мастерских Отрара керамической продукции, главным образом из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженной, расписанной, но не обожженной, керамики из обжиговых камер), позволяет наметить пути специализации мастеров. Она, по мнению некоторых исследователей, должна была существовать уже в домонгольское время. Это подтверждается выделением специализированных гончарных печей, вниманием ремесленников к только определенным видам изделий и разделением труда внутри крупных мастерских (Лунина, 1981, с. 136).

На Отраре, в квартале гончаров XIII-XIV вв. в мастерской I квартала керамистов 92% всей продукции составляли водоносные кувшины и кумганы. В мастерской II мастер специализировался на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов; в мастерской III изготавливалась штампованная керамика – фляги, а также поливная посуда; в мастерской IV выделывали водоносные кувшины и поливную керамику. Наблюдается кооперация двух расположенных рядом мастерских IV и VI в производстве посуды. В производственной части последней мастерской, на том месте, где обычно располагалась печь, находилась площадка для активной сушки изделий, использовалась специальная жаровая система. Может быть, здесь осуществлялся промежуточный процесс производства – сушка изделий и передача полуфабрикатов в мастерскую IV (Байпаков, 1983, с. 35). По этнографическим материалам известно, что существовала группа гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие поливой и восстановительный обжиг производились другими мастерами (Пещерева, 1959, с. 208). В пользу такой специализации мастерской IV свидетельствует и большее, чем в других мастерских, количество фрагментов необожженных сосудов.

Помимо основного ассортимента в каждой мастерской, видимо, для собственных нужд изготавливались и другие типы изделий. Обломки их в небольшом количестве обнаружены в отвалах. Так, несомненно, уникальным является глиняный широкогорлый кувшин с дугообразной, как у ведра, ручкой, найденный в мастерской VII, раскопанной частично (Байпаков, 1983, с. 37).

Еще дальше, видимо, зашел процесс специализации в XVII в. В крупных мастерских кварталов «Л» и «У» основным продуктом производства являлись водоносные кувшины, двуручные горшки и хумы.

В мастерских же квартала «Л» изготавливался весь ассортимент посуды, в том числе большие сосуды – хумы и, видимо, тандыры. Об этом

свидетельствуют размеры печей и характер находок. Так, при расчистке помещений дома-мастерской 1 найдены керамические наковаленки в виде грибка. Они использовались при формовке крупных сосудов – тандыров и хумов в комплексе с деревянной лопаткой, покрытой с обеих сторон рифлением. Одной рукой мастер прикладывал изнутри сосуда наковаленку, а другой с помощью деревянной лопатки забивал швы и выравнивал наружную поверхность изделий. Следы такой дополнительной формовки несут на себе найденные при раскопках тандыры и хумы. «Косые насечки» служат хронологическим признаком: они появляются на хумах в XVI в.

Среди инструментария и приспособлений гончара интересен фрагмент керамической палитры для красок в виде открытой многоячеистой коробки. Она имеет форму овального желобка шириной 4 см и длиной 16 см. Найден также ладьевидный тигелек из талькохлорита. Его длина 12 см, ширина 4 см. Такого типа тигельки употреблялись гончарами для приготовления поливы. Сначала получали поташ (ишкар) из золы солянки. Затем поташ толкли и растирали на камне. На 30 кг порошка добавляли 15 кг песка и полтора ведра воды. Тестообразную массу скатывали в шарики величиной с грецкий орех. Шарики клали в тигель, имеющий форму башмака, и ставили в обжиговую камеру гончарной печи. При высокой температуре шарики расплавлялись, а охлаждаясь, застывали в виде стекловидного вещества темно-зеленого цвета. Его толкли в порошок. Этот порошок, разведенный до густоты сметаны, с добавлением толченого кварца наносился на поверхность изделия и после обжига превращался в глазурь (Екимова, 1959, с. 347, 370, 371).

Небольшие мастерские с печками во двориках выпускали мелкую и неполивную посуду – чаши типа пиалы и кесе, тарелки.

Это явление подтверждается этнографическими наблюдениями за характером гончарного производства в Средней Азии, в частности, в Хорезме. Одни гончары делали посуду, другие – трубы для арыков, третьи – тандыры. В свою очередь, гончары, изготавливавшие посуду, делились на таких, кто делал мелкую поливную керамику и вообще керамику на круге, и таких, кто специализировался на производстве крупных форм (Екимова, 1959, с. 347; Джаббаров, 1959, с. 394-395; Развадовский, 1916, с. 710-714).

Повсеместно в Средней Азии отмечалась специализация на производстве неполивной и поливной посуды, ассортименте глазурованной керамики. Среди риштанских мастеров одни выпускали посуду только с белой поливой, другие – только с желтым фоном (Пещерева, 1959, с. 208; Рахимов, 1961, с. 24). Инструментарий, в частности формы для изготовления штампованной керамики, мастера делали для себя сами. Все мастера независимо от специализации изготавливали такие мелкие формы, как детские игрушки, курительные приборы.

В средневековом городе нет четкой границы между ремесленниками и торговцами и большинство гончаров сами продавали свои изделия прямо из мастерской (Большаков, 1973, с. 298). В позднее время в Хорезме отменена частичная продажа товарной продукции на месте и на базаре (Екимова, 1959, с. 374). Продукция могла реализовываться и через скупщиков – вафуруш (Лунина, 1979, с. 169). Отсутствие в раскопанных мастерских XIII-XV вв. на рабаде Отрара запасов готовой продукции заставляет предполагать существование расположенного где-то поблизости базара, куда отвозили продукцию на продажу. Гончары же, в XVII в. населявшие квартал на территории города, могли сбывать товар непосредственно на месте через лавки, выходящие на магистральные улицы. Поэтому в домах квартала обнаружены ямы-склады для посуды (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 196).

Таким образом, гончарное ремесло в позднесредневековом южно-казахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона.

Как известно, мусульманское право ревностно охраняло частную собственность. Одной из прибыльных статей дохода в городе было получение земельной ренты. Поэтому правители и знать государства стремились к приобретению городской земли.

Специфической особенностью землевладения в городе было то, что вся земля находилась в частной собственности. Положение это не изменило ни арабское завоевание, ни сложившееся потом мусульманское право. Вторая особенность – собственность на землю – выступала не столь очевидно, как в сельской местности, так как доход приносила

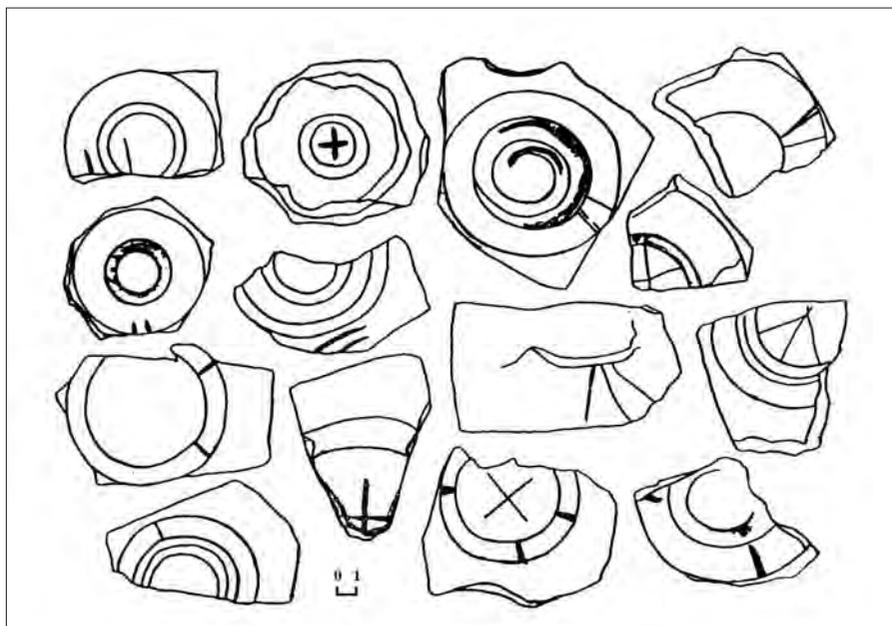

Рис. 161. Прочерченные тамгообразные знаки на неполивной керамике из Отрара

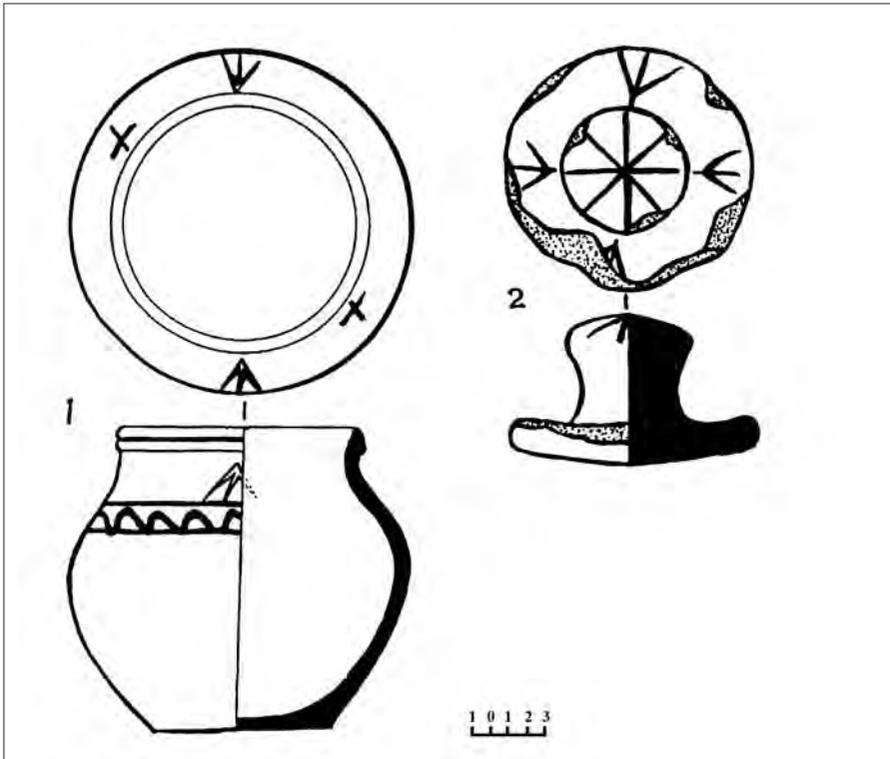

Рис. 162. Инструмент гончара и сосуд с тамгообразными знаками из Отрара XVII в.

не сама земля, а постройки, находившиеся на ней. Эта доходная недвижимость называлась арабским термином «мустагалл». Мустагалл – это земельная рента, доход с торговых предприятий (Большаков, 1973, с. 323).

Правящая верхушка общества покупала недвижимость не только для того, чтобы обратить ее в вакф на благотворительные дела, а главным образом для получения ренты – они были крупнейшими владельцами мустагаллов. В некоторых областях мустагаллы являлись по преимуществу собственностью султанов. «А что касается мустагаллов, то их земля принадлежит султану, а купцы выстроили на ней базары и прочее; постройки принадлежат им, но они платят арендную плату за землю и мельницы султану, а также арендную плату за дома, в которых делают розовую воду» (Большаков, 1973, с. 317).

Источники сохранили очень мало сведений о ханских и султанских мустагаллах в городах Южного Казахстана. Почти безошибочно можно утверждать, что все большие работы в городах, проводившиеся правителями или их наместниками, особенно если это было связано с реконструкцией или постройкой базаров, сопровождалось появлением мустагаллов.

Много мустагаллов должно было появиться, таким образом, у Саманидов. В источниках сохранилось упоминание о рабате у

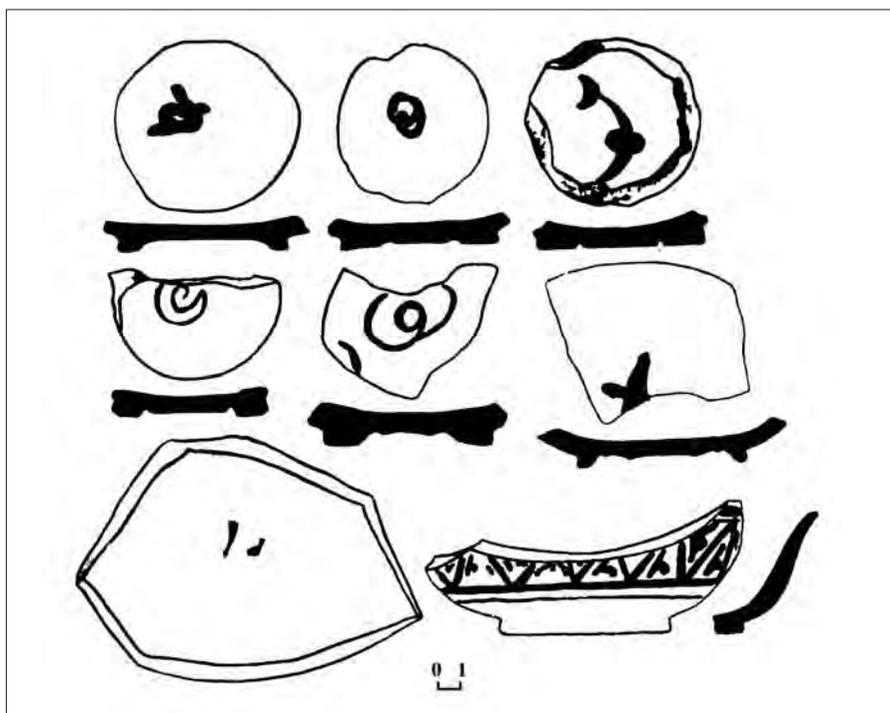

Рис. 163. Знаки на донцах поливной посуды из Отпрара

Самаркандских ворот в Бухаре и караван-сараев в Самарканде. У Алп-тегина в Хорасане было множество мустагаллов в виде караван-сараев, бань и лавок, которые, естественно, перешли по наследству к Махмуду Газневи.

Караханиды, преемники Саманидов, унаследовали их недвижимость и сами стали крупнейшими владельцами мустагаллов.

Нет ни одного определенного свидетельства о том, какой доход приносил в Средней Азии караван-сарай или лавка в городе. Лишь Мукаддаси сообщает, что базар Исфиджаба приносил доход в 7 тыс. дирхемов в месяц (Большаков, 1973, с. 317).

Средневековых описаний больших караван-сараев в Средней Азии нет, но очень красочно об этом повествует Ибн Хаукаль в рассказе о Нишапуре: «И есть в этих базарах постоянные дворы (ханат) и фундуки, в которых живут купцы с товарами, и есть в них «ханберать» для продажи и купли. В каждый фундук направляются с теми видами товаров, которыми в нем обычно торгуют. И редко какой из этих фундуков не похож на самые большие базары своего рода. В этих фундуках обитают богачи из тех, кто занимается этим родом торговли, и владельцы больших партий товаров и больших денег. А для небогатых есть фундуки и постоянные дворы (хан), в которых обитают люди труда

и ремесленники, с оживленными лавками, заселенными комнатами и мастерскими, наполненными ремесленниками. Так, у изготавливающих калансувы, на их базаре есть фундук с мастерскими и комнатами, заполненными ими. У сапожников, галантерейщиков, веревочников и других, на их базарах также есть фундуки, наполненные людьми их ремесла. Что же касается фундуков крупных торговцев тканями и их «ханбератов» в них, и их купли и продажи в них, то в них непрерывно участвует большинство городов» (Большаков, 1973, с. 318).

Из этого описания вытекает, что на базарах, состоявших из улиц с мелкими лавочками-мастерскими, выходящими на улицу, имелись еще большие караван-сарай, своего рода гостиные дворы, в которых также располагались ремесленники и мелкие торговцы. Относительно лавок на базарах нельзя сказать с уверенностью, были ли они собственностью или их арендовали, зато не может быть сомнения, что помещения в караван-сараях, где работали ремесленники, не могли не быть арендуемыми. Перед нами та же картина, какую увидел в Каире Насир-и Хусрау: караван-сарай представляли собой не гостиницы, а огромные доходные дома с мастерскими. Здесь работали те ремесленники, которые не могли купить себе лавку на базаре.

Естественно, что при таких больших доходах, поступавших с мустагаллов, земля в центре города и торговых кварталах должна была стоить очень дорого.

Столь же высокие цены на землю в городе документально засвидетельствованы в Бухаре и в более позднее время. В купчих XVI в. цена земли в городе колеблется от 1 танга за кв. гяз (около 1 кв. м) до 1,9

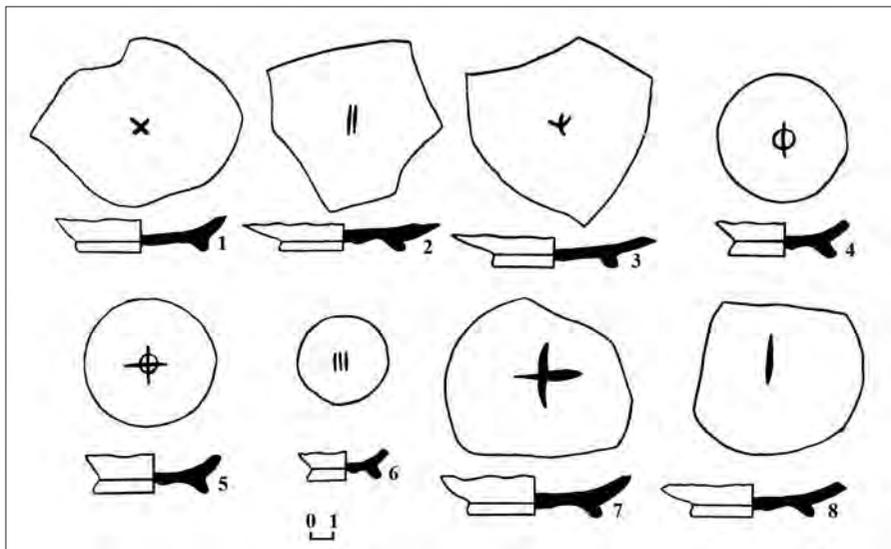

Рис. 164. Тамгообразные знаки на донцах поливных чаш из Отрара
1, 3, 7 - тамга племени керей из Среднего жуза и племени сргалы Старшего жуза; 2, 6, - общепринятая тамга племени кыпчак; 4, 5 - тамга племени дулат Старшего жуза; 8 - тамга племени канглы Старшего жуза

танга; в среднем 1 кв. м стоил 1,5 танга по мискалю, т. е. 2,25 дирхема. Следовательно, 1000 кв. м стоили в среднем 2250 дирхемов (разумеется, опускается разница в покупательной способности дирхема и танга, которую надо специально исследовать). А земли в деревне с садами или под пашней стоили в 50-100 раз дешевле (Большаков, 1973, с. 319).

В этих двух факторах – частной собственности на землю и высокой стоимости земли в городе – ключ ко многим сторонам городской жизни Средней Азии. В земельной собственности основа могущества городской знати. Люди, имевшие в городе гектар земли, были более богаты, чем дикканы, владевшие землями большой деревни.

Высокая земельная рента в городе приводила к тому, что все крупные феодалы, не исключая правителей, стремились обзавестись земельной собственностью в городе. Этим объясняется факт слияния феодальной и торгово-ремесленной знати в городах.

Частная собственность на землю в городах и пригородах и высокие цены на нее определяли также застройку города. Немаловажным фактором в расселении ремесленников в пригородах были более низкие цены на землю.

Частная собственность на землю определила также поразительную стабильность планировки средневековых городов. В Бухаре, планировку которой мы можем проследить за 1400 лет, основная схема магистралей сохранилась почти неизменной, несмотря на многочисленные разгромы, особенно жестокие в XIII в., и неоднократные пожары. Это объясняется тем, что население, разбегавшееся во время погромов, возвращалось затем на свои участки, чтобы восстановить жилище на прежнем месте.

Учитывая этот факт, становится понятным появление там на керамике, произведенной в мастерских и продаваемой самим мастером либо торговцем-перекупщиком. Тамги свидетельствуют о принадлежности части мастерских и лавок казахским родоначальникам и правителям. Точнее, это диктовалось не обладанием мастерскими и лавками, а землей, на которой они стояли на земле казахской знати, а отсюда и активное внедрение казахов в город, в число влиятельных горожан, о чем говорилось выше.

Керамика. Датировка и выделение археологических комплексов позднесредневекового периода существования городской культуры облегчаются масштабом раскопочных работ, большим количеством монет и возможностью синхронизации отдельных объектов на Отраре.

Выделяются два одновременных археологических комплекса: начало XVI – третьей четверти XVII в. и конца XVII – XVIII в.; керамика XIX в.

Археологический комплекс второй половины XV – начала XVI в. представлен архитектурой – домами и производственными мастерскими, наборами фигурок баранов и птиц, многочисленными монетами Тимура и тимуридов.

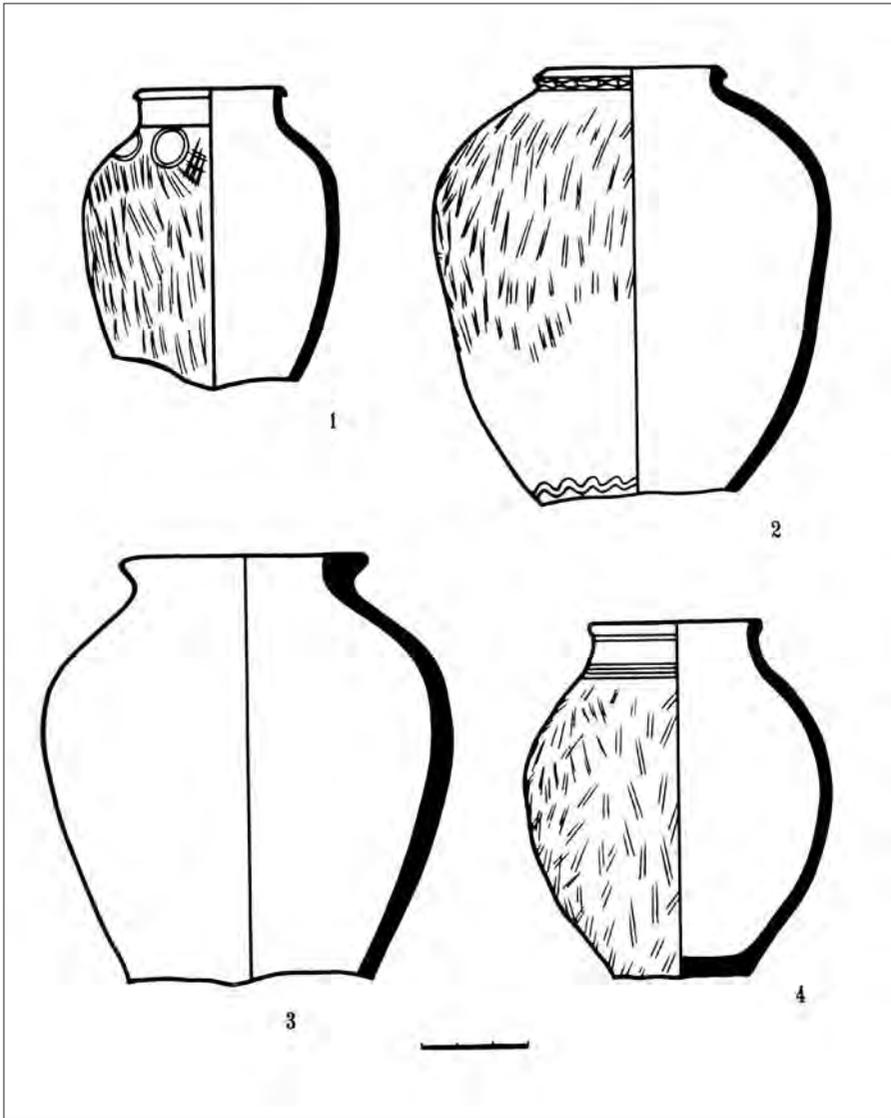

Рис. 165. Неполивная керамика: 1, 4 - хумчи; 2, 3 - хумы

Неполивная керамика второй половины XV - начало XVI в. представлена хумами и хумчами с овальным туловом и невысокой прямой или слегка расширяющейся горловиной. Закраина у них округлая или треугольная в сечении, иногда с выступающим ободком. Сосуды этого типа зачастую орнаментированы широкими поясами глубоких вертикальных врезных насечек. Закраина и основание горловины нередко профилированы глубокими врезными каннелюрами.

Водоносные кувшины стандартной формы – у них овально-удлиненное тулово с цилиндрической горловиной высотой до 8 см, диаметром 7-9 см. Закраина прямая или с небольшим утолщением,

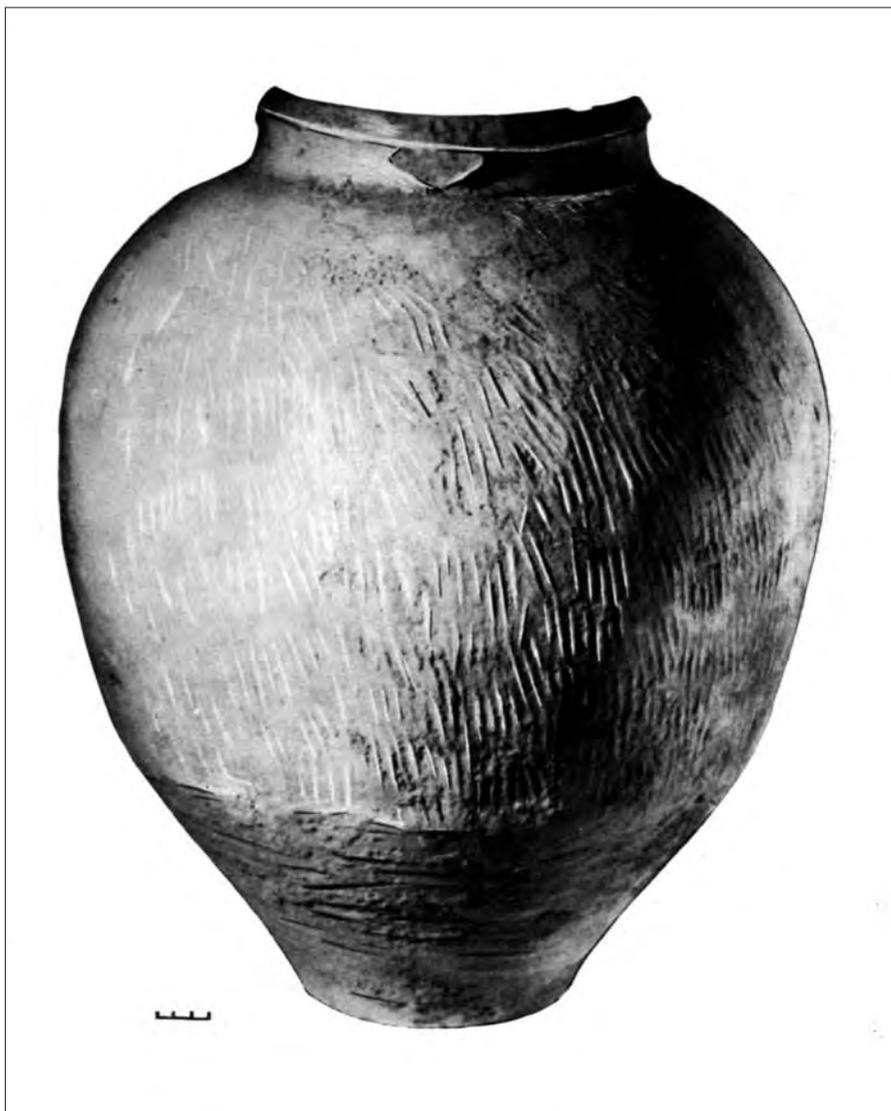

Рис. 166. Неполивная керамика. Хумча

отогнута наружу. Встречаются цилиндрические горловины с закраиной раструбом. Плоские петлеобразные ручки укреплены над закраиной и в верхней части тулова. Найдены крупные сосуды с крутыми плечиками и узкой цилиндрической горловиной диаметром 4 см. Чуть выше середины тулова расположена плоская в сечении ручка, крепящаяся в верхней части под закраиной.

Наиболее многочисленна группа горшкообразных сосудов. Их можно подразделить на несколько типов.

Первый составляют крупные широкогорлые сосуды диаметром до 24 см.

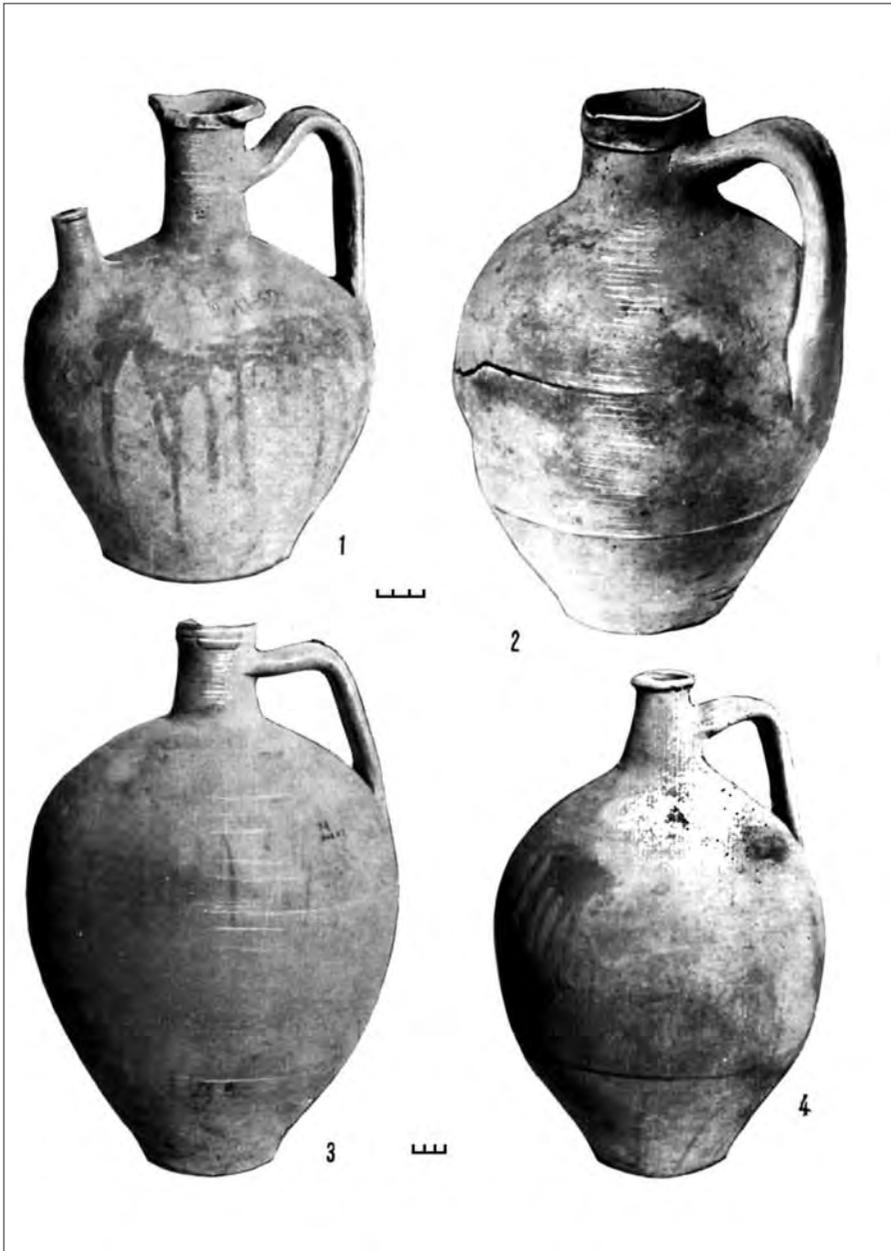

Рис. 167. Неполивная керамика. Кувшины

Второй представлен небольшими горшкообразными сосудами. Они двух видов: с шаровидным туловом и невысокой горловиной – раструбом с валиком на закраине и с прямой, слабо выраженной горловиной и маленькими петлеобразными ручками под закраиной.

Поливная керамика изготовлена из глины без заметных примесей, тесто хорошего промеса и обжига, который дает цвет черепка от серого до красноватого. Керамика облицована поташными и свинцовыми

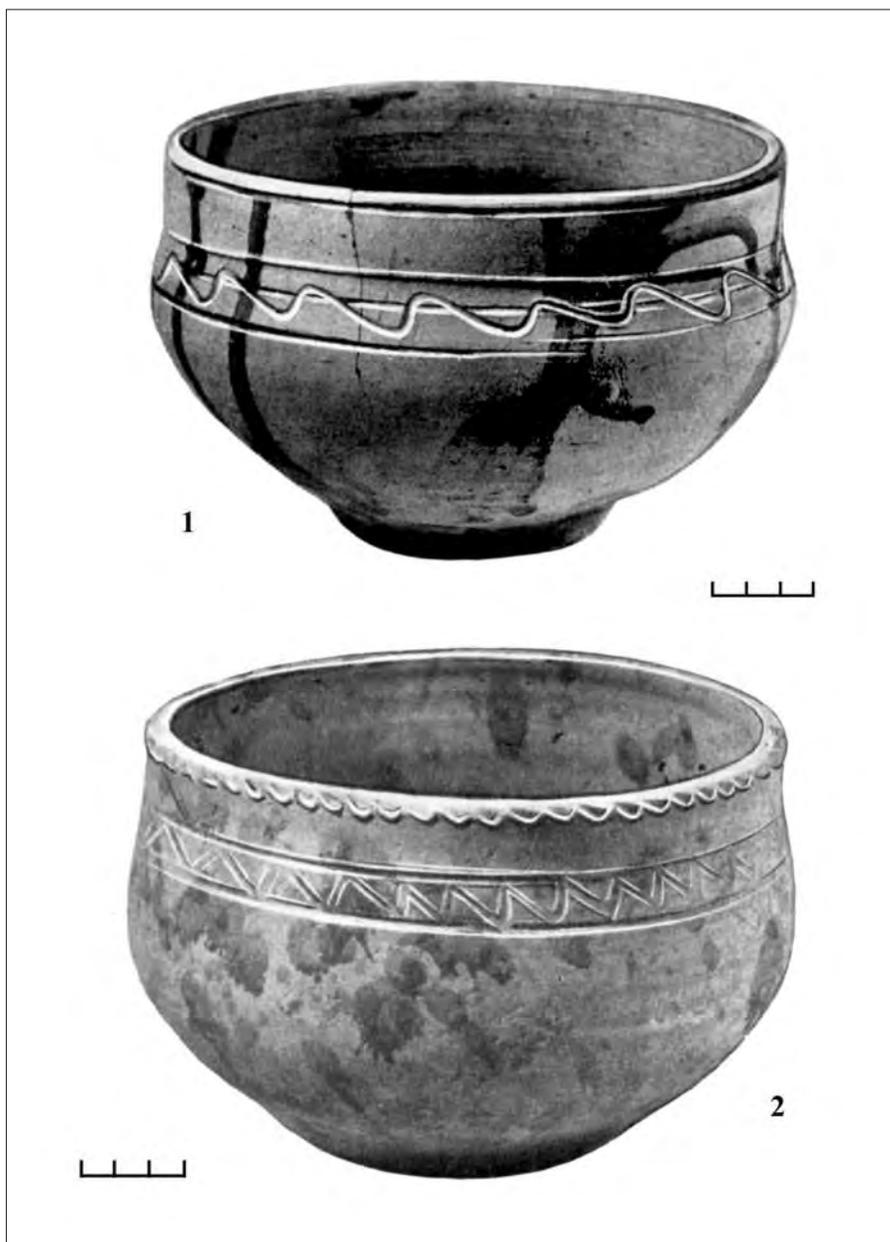

Рис. 168. Неполивная керамика. Горшки

глазуриями поверх светлой ангобной подгрунтовки. Сосуды внутри и снаружи покрыты поливой почти до поддона.

Встречаются бесцветные поливы (иногда грязноватых оттенков) и окрашенные в голубой (различной интенсивности) цвет, более редки поливы кремового цвета, слегка зеленоватого, бирюзового (различных оттенков) и темно-зеленого. Наряду со свинцовыми поливами во

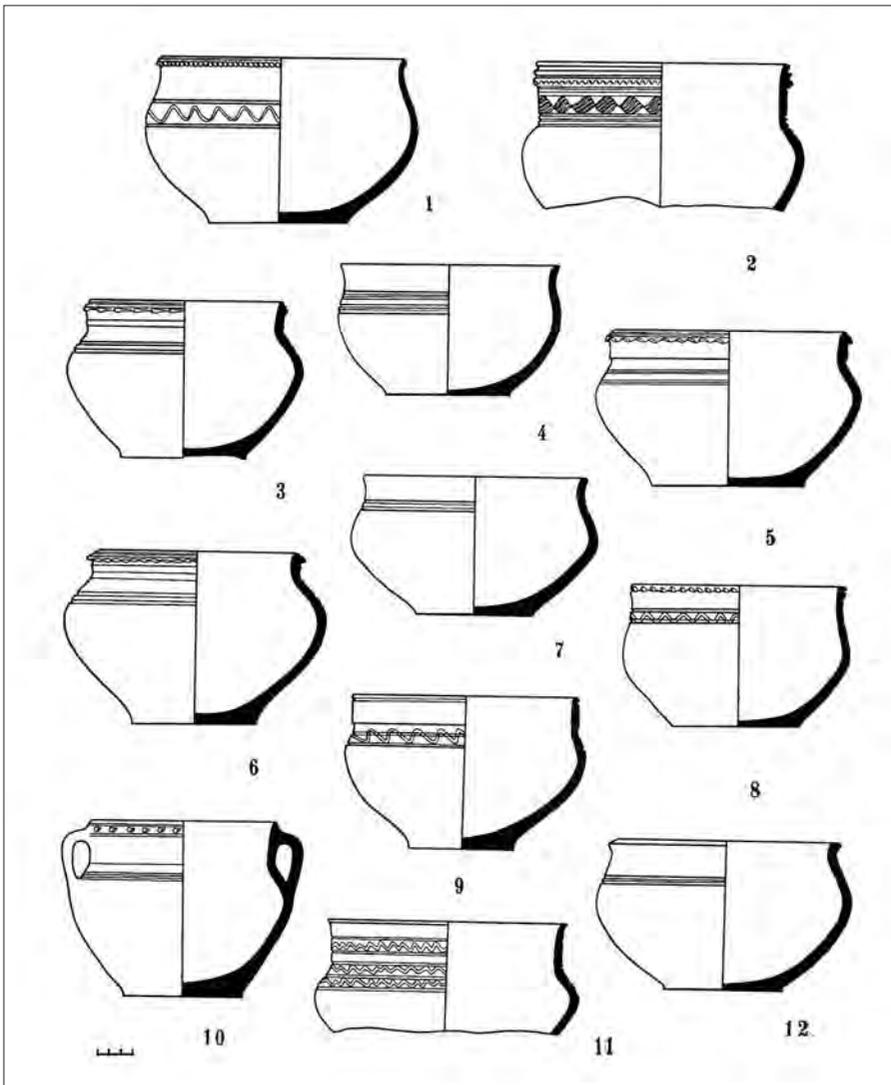

Рис. 169. Неполивная керамика. Горьки

второй половине XV в. широко распространяются щелочные поливы с преобладанием натриевых.

В XVI – 70-е годы XVII в. в технологии гончарного производства произошли некоторые изменения. Щелочные поливы становятся ведущими типами глазурей. В качестве красителей для нанесения орнамента применяются оксид кобальта, оксиды марганца, натрия, калия, цинка, глинозема. Используется оксид меди, исчезают из употребления оксиды хрома, никеля, сурьмы.

Изделия с неокрашенной поливой орнаментированы двухцветной и одноцветной росписью.

Сосуды с двухцветной росписью в основном представлены высокими чашами и пиалами на кольцевом поддоне, стенки спрямлены

у дна, а закраина отогнута наружу. Отмечены также горшкообразные сосуды и крупные толстостенные изделия типа тагора. Сосуды покрыты глазурью по светлому ангобу и орнаментированы росписью, в которой сочетаются марганец (различных оттенков, иногда до лилово-черного) и голубой марганец, и бирюзовый; кобальт и голубой или бирюзовый; кобальт и лилово-черный, темно-зеленый, и голубоватый цвета.

Основной рисунок выполнен марганцем или кобальтом: бирюзовой и голубой красками нанесен лишь контур. Этими же красками проведены прямые или волнистые линии, не имеющие самостоятельного значения.

Расписывались, как правило, обе поверхности, но основное внимание уделялось одной из них. В композиции узор сконцентрирован в двух-трех плоскостях. У небольших чаш основной орнамент расположен в донной части, а по закраине проходит неширокий бордюр.

Преобладает центральная, «статичная» композиция. В ее основе лежит круг, овал или спираль с расходящимися изогнутыми линиями или завитками, которые целиком заполняют пространство дна. Иногда от центрального круга идут четыре радиальные оси, плоскость между ними занята стилизованными цветами и листьями.

Изредка донная часть орнаментирована внутри до середины тулова. В этом случае от центра, очерченного кругом или овалом, ответвляются отдельно размещенные растительные фигуры.

Встречается и иная композиция в донной части – «отвесная», когда у орнамента есть верх и низ. В плоскости дна (иногда с добавлением вписанного шестигранника с изогнутыми сторонами) помещен один куст или цветок типа лилии, обрамленный мелкими завитками по окружности кольца.

Узоры на внешней поверхности расположены концентрическими поясами, иногда до самого поддона, в различных композициях. Это чередующиеся стилизованные ветви с листьями, окруженные свободно разбросанными завитками; отдельно «ёлочные» ветки, находившиеся на плоскости фестончатого картуша; цепочка овалов, дополненных неправильными геометрическими фигурами сверху и снизу; арочки, заполненные «звездочками»; крупные овальные плоды с мелкими растительными завитками. Эти композиции иногда ограничиваются поясами геометрических фигур или плетений.

Посуда с одноцветной росписью кобальтом, марганцем, голубой краской в основном той же формы и с такой же орнаментацией, как описанная группа посуды. Здесь также преобладают «статичная» и «отвесная» композиции орнамента. Внешняя поверхность чаш бывает украшена поясами с заштриховкой, образующей ромбовидные ячейки.

У сосуда типа тагоры обе поверхности облицованы прозрачной глазурью по белой подгрунтовке. Внутренняя сторона вся расписана. В композиции орнамента выделены дно и тулово. Концентрически помещенные росписи отделены друг от друга полосами. Тагора

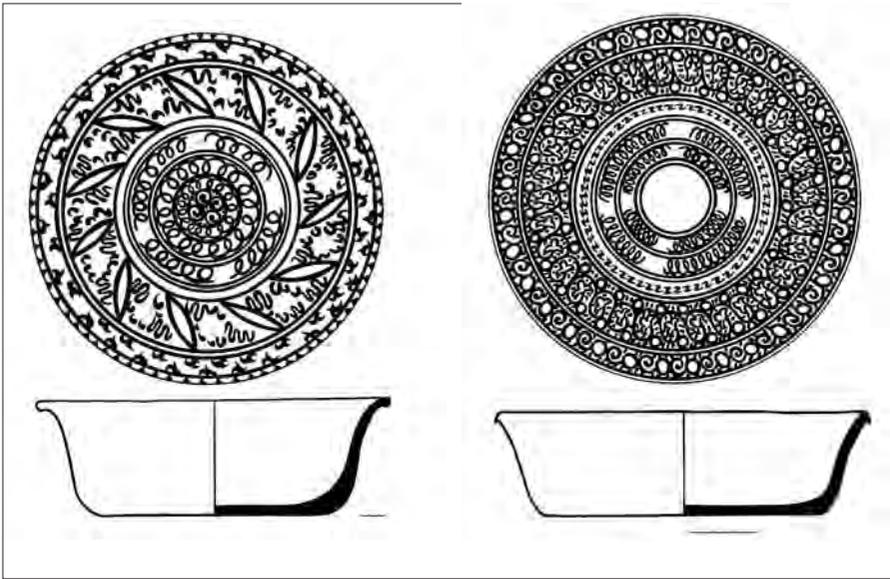

Рис. 170. Поливная керамика. Тагора

являлись знаковыми формами посуды, связанными с пищей не только повседневной, но и культовой, используемой в праздничные дни, в обрядовых церемониях. Это особенно было заметно при раскопках городища Караспан (позднесредневековый Карасаман), где в кухонных отсеках обязательно находились хумы, жернова и тагора. Причем тагора были эксклюзивной формой посуды и двух совершенно одинаковых не встречалось, всегда имелись различия в элементах росписи, в композиции орнаментальных мотивов. Произведением искусства являются тагора с многоцветной росписью, основным мотивом которых является изображение рыбы.

Гончарные изделия с голубой, бирюзовой, кремовой и темно-зеленой поливой представлены чашами, пиалами, блюдами, тагорами, горшкообразными сосудами. Голубая глазурь также встречается на сосудах без росписи, но чаще она используется в сочетании с росписью черной краской и марганцем. Имеются изделия, покрытые слегка окрашенной в голубой или зеленоватый тон поливой с росписью кобальтом или марганцем. Большую группу представляла поливная керамика (чаши блюда) на донцах которых изнутри нанесены тамги.

Мотивы росписей под окрашенными поливами подобны обнаруженным в предшествующей группе керамики.

В целом коллекция поливной керамики имеет аналогии со среднеазиатской керамикой XV-XVI вв., известной по сборам в Южном Туркменистане, Самарканде, Ташкенте, Хорезме, Фергане.

Археологический комплекс XVI – первых трех четвертей XVII вв., выявленный на Отрартобе, представлен стандартными жилыми постройками нескольких типов, выполненными из прямоугольного

сырцового кирпича двух размеров: 32 x 25 x 10-15 см и 23-25 x 20 x 8-10 см. Жженный кирпич, применяемый в строительстве, вторичного пользования.

К этому же времени относится большая группа медных анэпиграфных монет и монет с указанием медных дворов Ташкента и Ясы, русские медные копейки 1655-1663 гг.

Неполивная керамика практически не меняется и представлена кухонными горшками, изготовленными из рыхлого дресвяного теста серого цвета, крышками для тандыров, которые изготавливались из теста с примесью соломы и песка. Крышки имеют дисковидную форму диаметром 30-55 см, толщиной 2,5-4 см. В центре прилеплена ручка-навершие, иногда с отверстием для выхода пара.

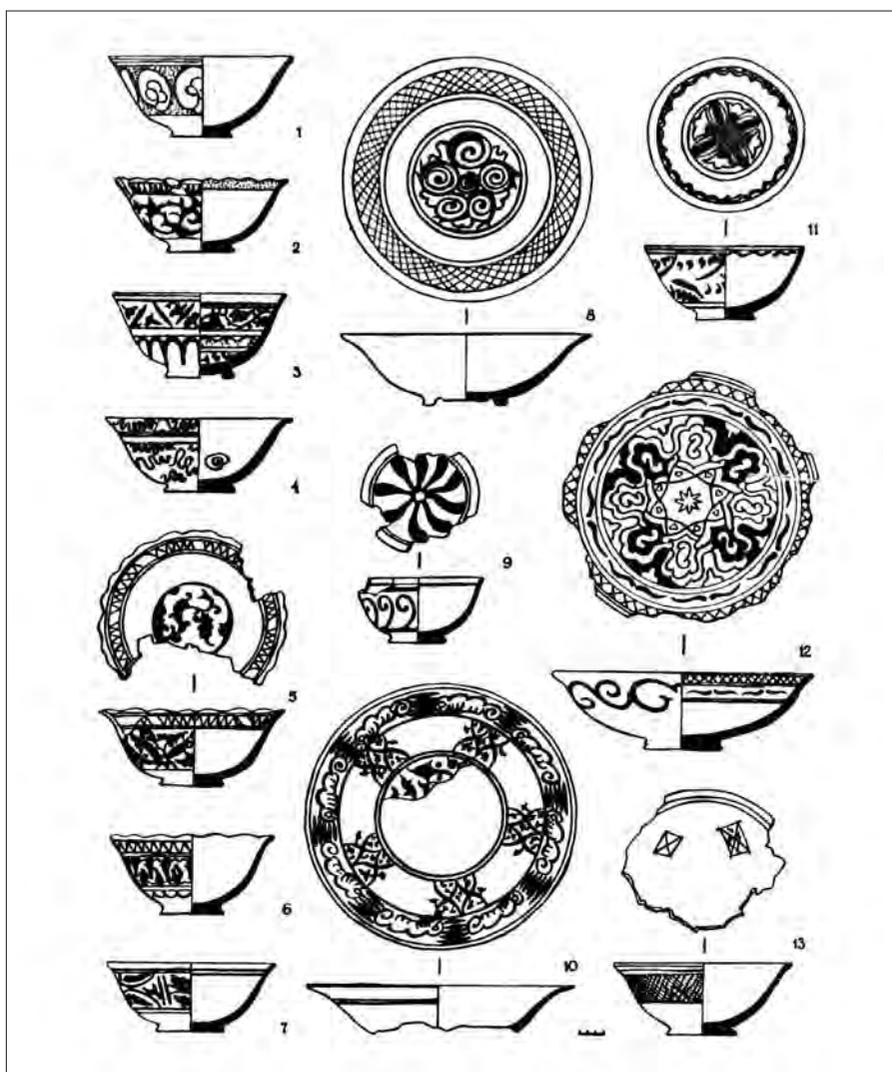

Рис. 171. Городище Отрартобе. Керамика XVI – 70-х гг. XVII в.

Для хумов характерно овальное тулово, покрытое косыми насечками или гладкое. Венчики у хумов нескольких типов, обычно утолщенные, скошенные наружу с плоской или округлой площадкой. Имеются венчики с фигурным профилем. На венчиках и туловах хумов иногда нанесены потеки бурой и красной красками. Аналогии хумам из Отрара есть в Хорезме, в материалах городищ XV-XVII вв., хумы с насечками на тулове известны в Мерве в слоях XV-XVI вв.

Двуручные горшки, как и прежде, наиболее многочисленный тип неполивной посуды этого времени. Тулово у горшков раздутое в плечиках, горло прямое, две или четыре плоские в сечении ручки соединяют горло и плечики. Венчики у сосудов отличаются большим разнообразием. Они имеют округлую в разрезе форму, отогнутую наружу под большим или меньшим углом, встречаются венчики, уплощенные сверху, венчики фигурные, с уступом для крышки.

Водоносные кувшины имеют овальное с покатыми плечиками тулово, невысокое горло. На стенках в ряде случаев есть потеки темно-коричневой краски или прорезной линейно-волнистый орнамент.

Чаши покрывались розовым или желтым ангобом. Поддоны у чаш кольцевые с выступом, редко дисковидные.

Тарелки имеют широкое дно и отогнутые под прямым углом прямые стенки или стенки с характерным перегибом.

У чайников округлое тулово и горизонтальный носик, прикрепленный к середине стенки.

У столовых кувшинов – узкое горло, переходящее в округлое тулово. Пластинчатая ручка соединяет горло и плечики. Внутри на стенках горла прослеживаются каннелюры.

Для поливной керамики характерны также такие формы посуды, как чаши различных размеров, тарелки и блюда, горшковидные сосуды, тагоры, миниатюрные сосудики.

В это время, особенно к концу XVII в., наряду с керамикой, покрытой высококачественной глазурью, с сочными росписями, распространяется керамика со слабым блеском поливы, «сухостью», «бугристостью», что объяснялось не изменением химического состава поливы, а техникой изготовления компонентов глазури. Наблюдается застой в производстве керамики.

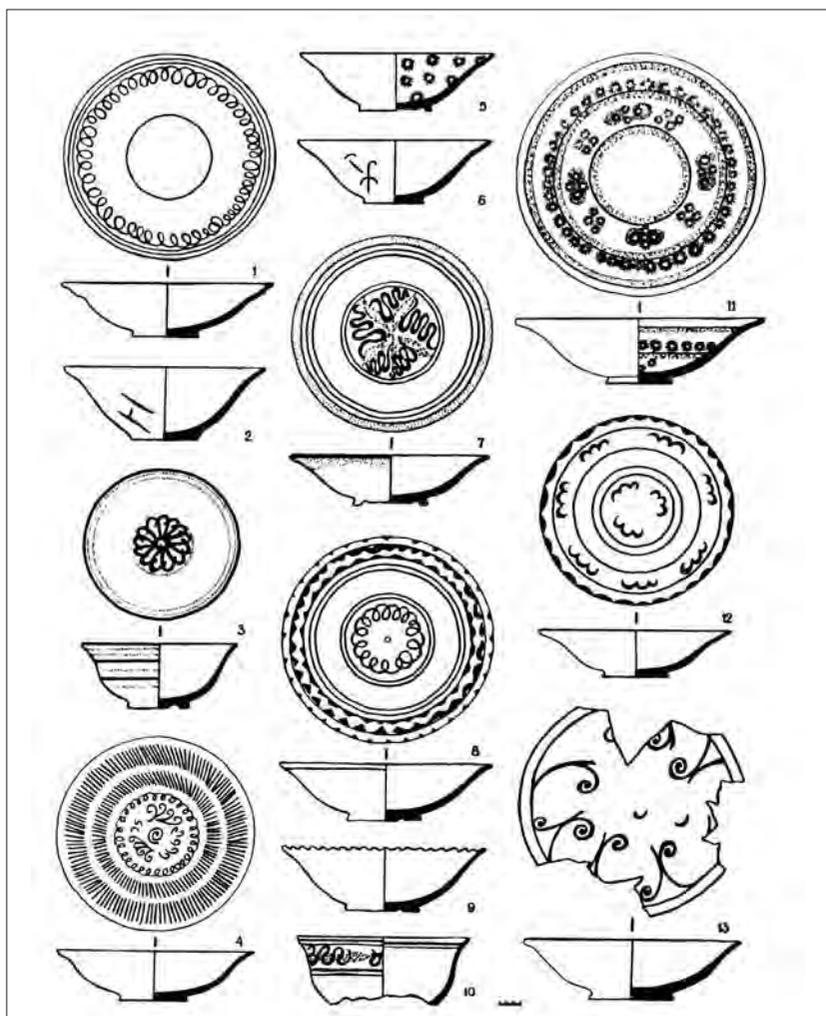
Посуда изготавливалась из светло-желтого или розового теста, черепок плотный и звонкий. Характерны кольцевые поддоны, кольцевые с выступом. Распространяются и дисковидные поддоны.

Спектр росписи состоит из черного, голубого, синего, зеленого, коричневого и красного цветов.

Элементы росписи растительного и геометрического характера использованы в простых и сложных сочетаниях.

По цвету поливы, спектру росписи, орнаменту поливная посуда делится на следующие группы:

- Керамика с бесцветной поливой и одноцветной росписью синей краской различных оттенков: от темно-синего до почти черного и от

Городище Культобе. Керамика конца XVII – XVIII в.

светло-синего до голубого. Роспись двусторонняя. Преобладают чаши средних размеров. Роспись представлена растительными мотивами. Горшкообразные сосуды имеют роспись снаружи.

- Керамика описанного типа, подражающая китайскому фарфору типа «кобальт», известному в Средней Азии с XV в., получает наибольшее распространение в XV-XVII вв. В Ургенче, например, она встречается в основном в слоях XVII в. Есть и керамика с бесцветной поливой и полихромной росписью.

- Следующую группу составляет посуда с бесцветной поливой и полихромной росписью, для которой характерно преобладание геометрических мотивов. Основным элементом является сетка, ячейки которой могут быть пустыми, заполненными точками или растительными завитками.

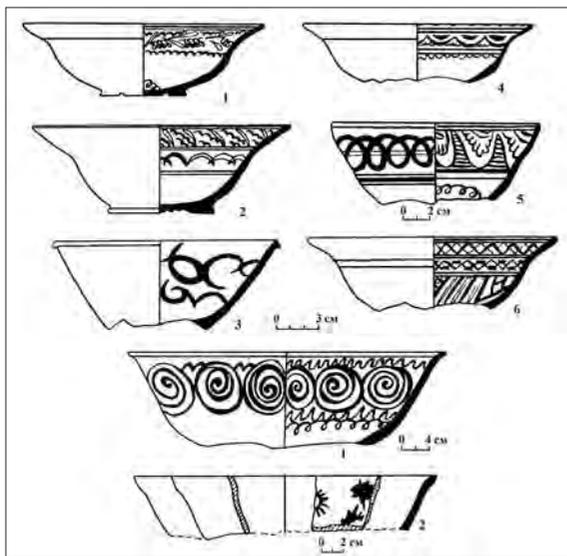

Рис. 173. Городище Культобе. Керамика конца XVII - XVIII вв.

- Керамика со стилизованным эпиграфическим орнаментом представлена обломками чаш и тагора. Роспись выполнена синей, голубой, марганцевой красками.

В группе керамики с окрашенными поливами выделяются следующие типы: посуда с двусторонней темно-зеленой поливой (это главным образом чаши и блюда) и с голубой поливой различных оттенков. Росписи нет. Полива покрывает часть наружной поверхности – половину или одну треть; керамика с тамгообразными знаками представлена чашами, в центре дна которых изнутри на голубом фоне нанесены знаки.

Для поливной керамики можно отметить изменения в профилировке

Похожая керамика с геометрической росписью встречена в Ургенче, в слое XVII в. Изделия с «сотовым» орнаментом имеются в коллекции керамики с городища Ахсикент.

- Посуда с бесцветной поливой и брызгами внутри. Обычно снаружи такая керамика покрывалась двухцветной росписью. Внутри поверхность чаш украшалась пятнами синего и марганцевого цвета, разбросанными бессистемно по белому фону.

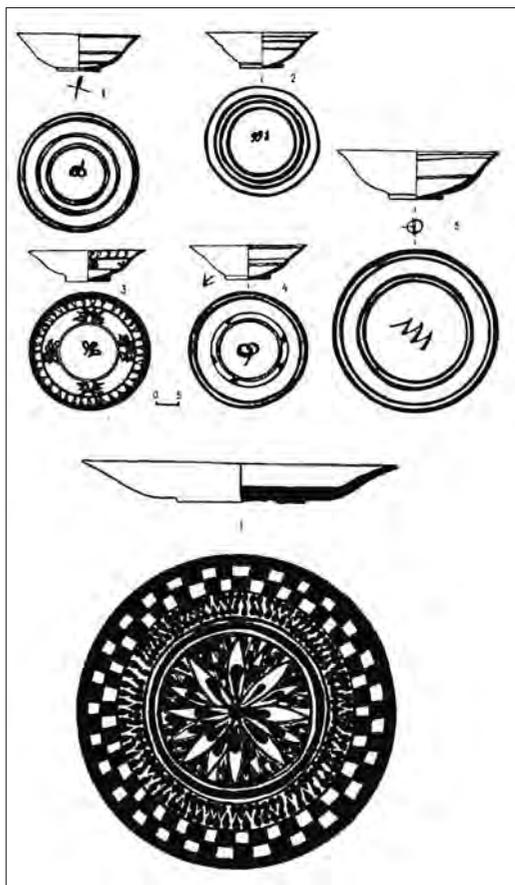

Рис. 174. Городище Туркестан. Керамика XIX в.

поддонов, цветовой гамме и, главным образом, в элементах орнаментальных росписей.

В это время получает распространение дисковидный поддон. Вся керамика делится на две группы: с бесцветной поливой и с окрашенной, причем первая в количественном отношении преобладает.

Встречаются чаши, где в медальоне скомпонованы вместе несколько завитков – четыре, пять, восемь. Роспись одноцветная, марганцевой краской, или же двухцветная – марганцевая и голубая.

Распространяется керамика, основным орнаментальным мотивом которой является солнцевидный знак (басма). Знаки наносились на белый фон марганцевой или голубой краской, компоновались в различных вариантах.

Появление таких знаков на керамике приходится на XVII-XVIII вв. и характерно для керамики Средней Азии. В целом керамика начала XVII в. характеризуется огрублением форм, тусклостью красок росписей, их упрощенностью, некачественными глазурями, что характеризует упадок керамического ремесла в это время.

Металлургия и кузнечное ремесло, как и прежде, имели в городе широкое распространение. Находки криц и остатков железоплавильных печей

для XVI-XVIII вв. многочисленны. Такие находки сделаны в Отраре, в квартале «Ф», на Бузук-тобе левобережном, Кауган-Ате, Сыгнаке. Как и в предшествующее время, имелись специальные мастерские по производству сырого железа.

В пользу этого свидетельствуют находки в доме 2 квартала «У-2» на Отраре. В конце XVII в. дом принадлежал металлургу-кузнецу, который сам выплавлял кричное железо и сам же готовил из него наконечники пахотных орудий типа «омач». В одном из помещений был расчищен зольник, обломки оплавленных стенок сыродутного горна, в одном из углов этого помещения было сложено около 90 кг железа в крицах. В другом помещении расчищена яма диаметром 0,7 м, заполненная древесным углем. При разборке кладовой были найдены наконечники па-

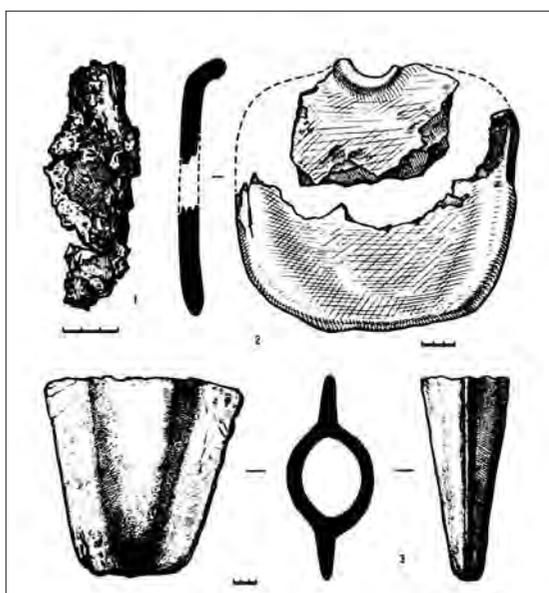

Рис. 175. Городище Отрартобе.
Орудия земледелия

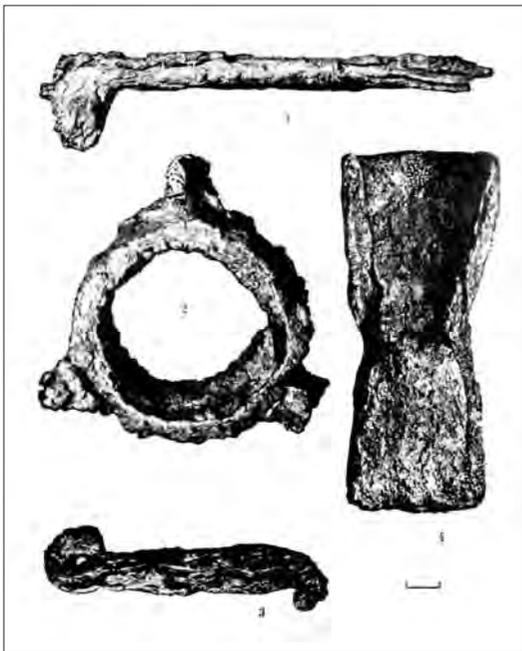

Рис. 176. Городище Отрартобе.
Изделия из железа

хотных орудий – массивные двулопастные орудия треугольной формы, сваренные из двух полос железа.

Наряду с коваными пахотными орудиями, в слое XVII в. на Отраре обнаружены и литые. Ремесленники занимались литьем чугунных котлов. Из чугуна делались втулки для колес, имевшие характерную форму обоймы с тремя выступами по периметру, необходимыми для крепления втулки и деревянных частей колеса. Они, как правило, литые. Найдено несколько железных кетменей. Из железа изготавливались серпы нескольких типов. Распространенной находкой являются топоры-чоты.

Ножи и их обломки – наиболее многочисленная категория изделий из железа. Найден набор железных подков достаточно разнообразных по размерам. Подковывали не только лошадей, но и ослов. Из железа изготавливались и другие изделия, необходимые в быту: штыри, кольца от цепей, крючья, гвозди.

Этнографические наблюдения свидетельствуют о специализации в производстве изделий из железа. Так, литье чугуна и изготовление наконечников пахотных орудий, втулок для колес, котлов и светильников находилось в руках чугунных дел мастеров (чуянгар) и котельщиков (дегрез). Это был один из наиболее развитых видов ремесла. В редком городе не было квартала с названием, указывающим на занятие его жителей этим ремеслом. Обычно мастерские находились при жилище и центром их являлись печи для

Рис. 177. Городище Отрартобе.
Железные подковы

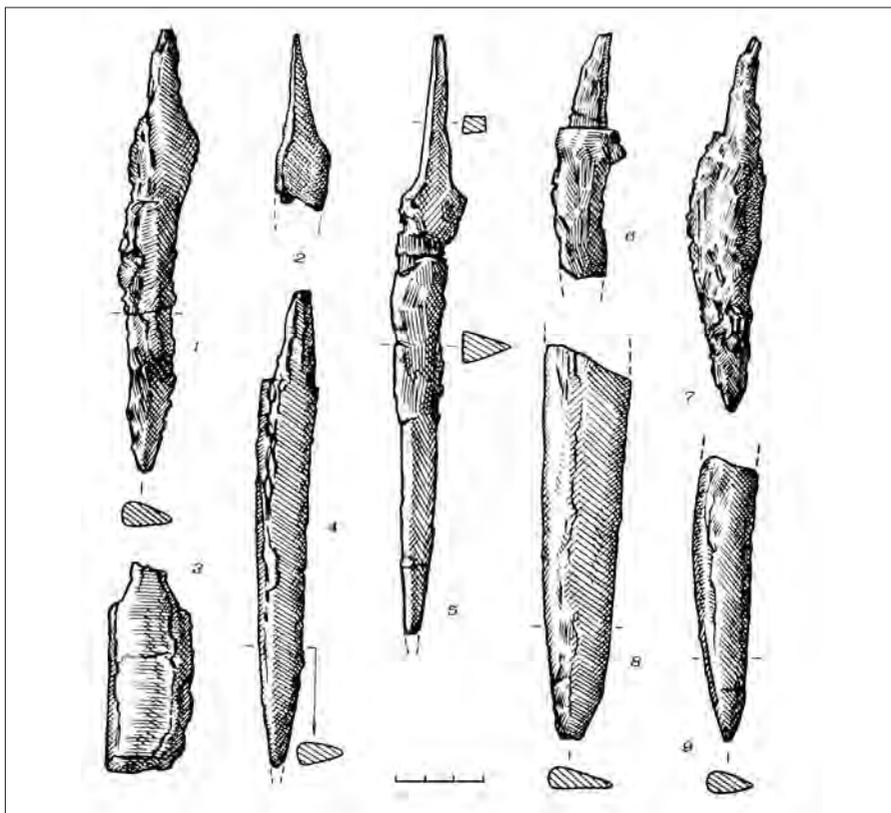

Рис. 178. Городище Отрартобе. Железные ножи

обжига форм и горны для плавки чугуна (Джаббаров, 1971, с. 78-80; Сухарева, 1971, с. 148-154, рис. 3).

Наибольшая специализация наблюдалась в кузнечном ремесле. В Самарканде, например, имелись три группы кузнецов: специалисты по мелким изделиям (дверные цепи, подковы, гвозди, удила); мастера, делавшие инструментарий для плотников и каменщиков; ремесленники, изготавливавшие ножи, ножницы, бритвы (Джаббаров, 1971, с. 82). В Хорезме выделились группы мастеров, делавших лопаты и кетмени; теши (топоры), подковы, гвозди. Имелись кузнецы, изготавливавшие только серпы.

Медницкое дело, как и раньше, играло большую роль в ремесленном производстве города. О нем известно по находкам вещей – это фрагменты бронзовой посуды, литые ручки от несохранившихся кувшинов. Интересна такая ручка из Отрара, оформленная в виде дракона. Ручки металлической посуды, оформленные в виде дракона, известны в изделиях восточных мастеров. Традиция продолжает существовать и в более позднее время. Кувшины с драконообразными ручками широко представлены в художественном металле Средней Азии в XVIII-XIX вв.

Ювелирное ремесло, как свидетельствуют обнаруженные при раскопках изделия, характеризовалось высоким уровнем развития. Мастера знали и применяли различные технические приемы: ковку, литье, чеканку, штамповку, гравировку, накладную скань, позолоту, насечку серебром.

На щитке одного из серебряных перстней из Отрара выгравирована композиция борьбы человека с копьём со змеями и драконом.

Браслеты в большинстве своем найдены в обломках, но есть и целые экземпляры, украшенные растительным орнаментом и точечной чеканкой. Концы браслетов иногда оформлялись в виде головок змей.

Мастерам был знаком способ изготовления серебряной и бронзовой проволоки, гранение и шлифовка, сверление цветного камня. Ювелиры широко использовали в производстве цветной камень: сердолик, огненный опал, яшму, нефрит, агат, гагат, серпентинит, горный хрусталь. Камни применялись для вставок в перстни, а также и как поделочный материал для самих перстней. Выделяется группа ромбовидных подвесок из серпентинита, яшмы, нефрита и лазурита. Бусы из цветного камня, главным образом из сердолика и огненного опала, обычно многогранные, бипирамидальные либо шестигранные удлиненные, различных размеров. В коллекции собранных бус есть многогранные и шестиугольные из лазурита, из горного хрустала, одна бусина величиной с черешню, сделана из белого кварца. Две крупные бусины, величиной со сливу и такой же формы, изготовлены из серпентинита и песчаника. Из цветного камня изготавливали также застежки, бляшки и другие вещи. Среди них фигурная нефритовая накладка пояса; агатовая застежка и нефритовая пуговица.

Традиции ювелирного ремесла XVI-XVIII вв. сохранялись и развивались в Казахстане в XIX – начале XX в. Ювелиры выделились из массы других ремесленников. Их продукция успешно выдерживала конкуренцию с привозными изделиями (Масанов, 1961, с. 156-170).

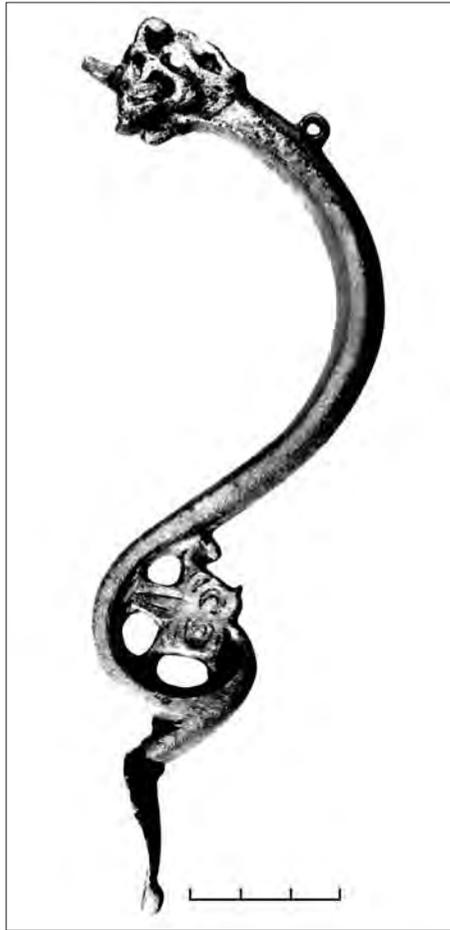

Рис. 179. Городище Отрартобе.
Ручка кувшина

Важно подчеркнуть самобытность многих украшений, их форм, типов, узора, имеющих архетипы в искусстве ремесленников средневековых городов Южного Казахстана.

Бронзолитейщики изготавливали пряжки и бляхи для поясов, пуговицы и бронзовые кольца без камней, пользовавшиеся большим спросом у кочевников (Сухарева, 1971, с. 158). Наряду с литьем медники практиковали другие приемы обработки металла – ковку,

чеканку, слесарный метод. Видимо, имелась специализация в изготовлении изделий из меди и бронзы по технике и ассортименту изделий.

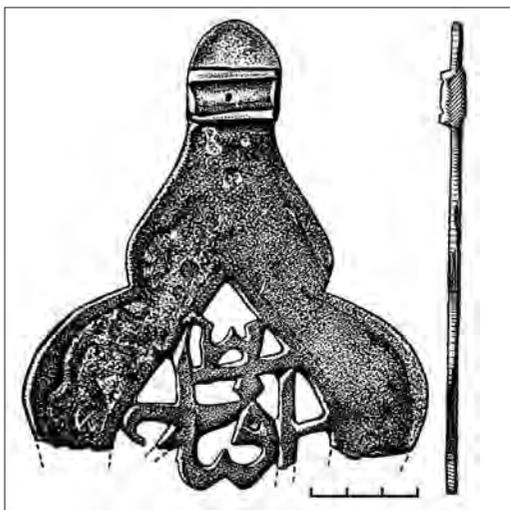

Рис. 180. Городище Отрартобе. Навершие древка знамени

Рис. 181. Городище Отрартобе. Ювелирные изделия

Этнографические данные свидетельствуют о том, что в хорезмских городах в XIX – начале XX в. производство изделий из меди и бронзы было одним из наиболее распространенных видов ремесла. Мастера по меди назывались «мисгарлик» от слова «мисгар» – медник (Джаббаров, 1971, с. 86-89). Литейщики бронзы Бухары, Самарканда и Ташкента назывались «рехтагар», составляли отдельный цех и отличались от медников. Среди рехтагаров имелись и более узкие специализации, например, выделялись мастера «зангуласоз», отливающие бубенцы и колокольчики, что считалось одной из сложных работ (Сухарева, 1971, с. 155-159).

Стеклоделие. Из стекла изготавливали посуду и украшения (бусы, подвески). Большинство стеклянных изделий изготовлено из зеленого стекла различных оттенков. Стеклянная посуда представлена кружками, чашами, бокалами, графинами. Стеклянные бусы – одна из наиболее

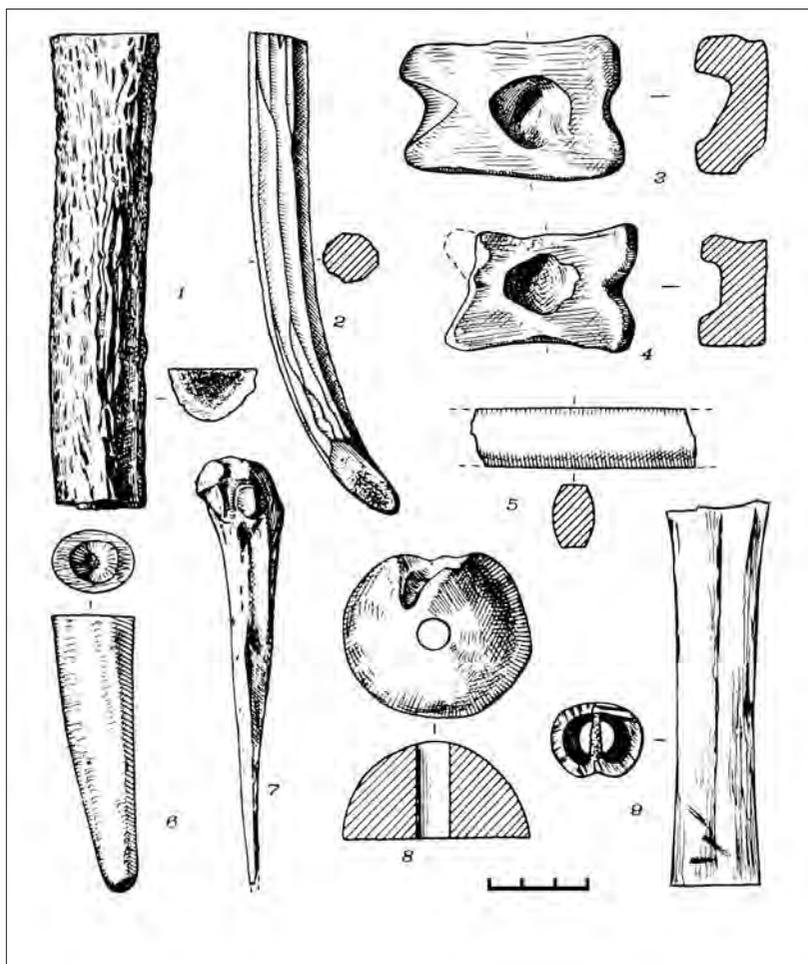

Рис. 182. Городище Отрартобе. Изделия из кости и рога

многочисленных категорий находок. Они обычно из голубой или синей рыхлой стекловидной массы, круглые либо цилиндрические. Наиболее многочисленными являются бусы из разноцветного стекла с инкрустацией в виде колечек, разводов, геометрических фигур. Встречены так называемые пупырчатые бусины. Они представляют собой гроздь мелких бус, наваренных на центральную крупную бусину. Найден бисер из зеленого, желтого, красного и розового стекла.

Обработка кости являлась традиционным ремеслом в казахстанском городе.

В качестве поделочного материала использовались рог и трубчатые кости диких и домашних животных. Из длинных берцовых костей, крупных астрагалов лошадей, коров делали ложила для обработки шерсти, приспособления для детской люльки (сувак), из лучевых костей изготавливали проколки, шилья.

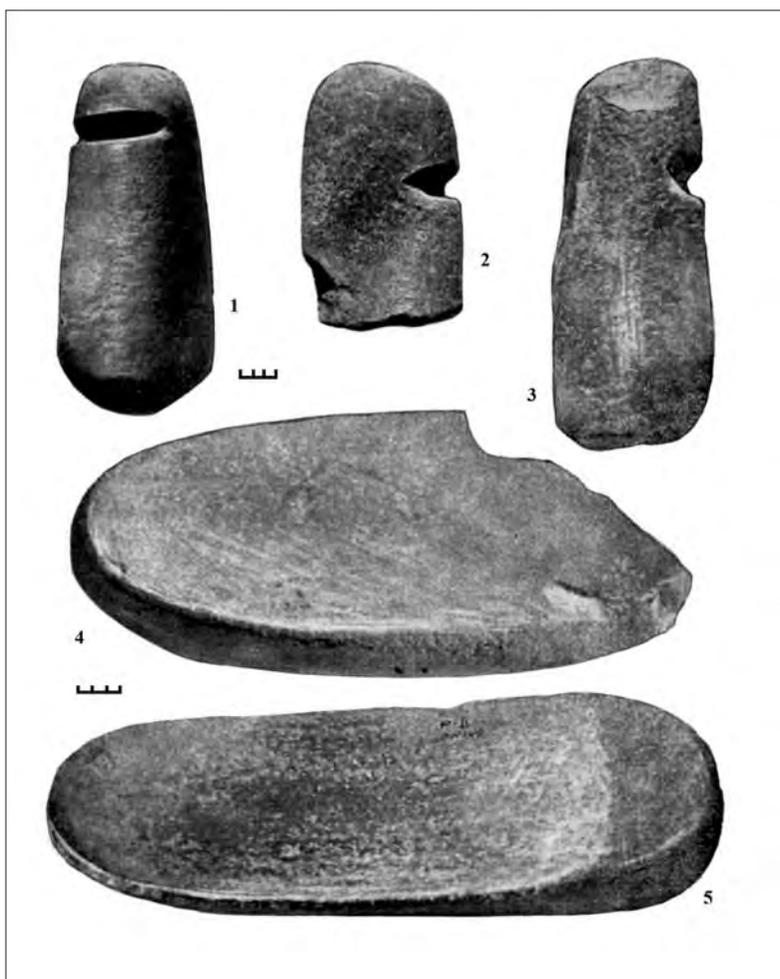

Рис. 183. Городище Отрартобе. Изделия из камня

Обработка камня была широко распространена. Ручные жернова из песчаника и гранита составляют одну из наиболее частых находок. Ручные жернова, как правило, однотипны и по размерам, и по весу. Диаметр их колеблется в пределах 30-60 см. Наряду с ручным поставом обнаружены остатки жерновов диаметром от 1 до 1,5 м, которые приводились в действие впряженным животным.

Из камня изготавливали песты самого разнообразного назначения, от крупных, длиной до 30 см и весом до 5 кг, до мелких пестиков. Крупные использовались для дробления руды, они обычно встречаются возле ям для выплавки железа.

Терочки – каменные ядрища различного диаметра из песчаника, кварцита, судя по обилию, широко применялись в хозяйстве и быту, например, для растирания компонентов поливы, дробления песка. Многочисленной категорией находок являются точильные камни разной формы и размеров. Это и плитки с выработанной поверхностью, и пластины, и прямоугольные бруски.

Можно отметить архаичность производимых из камня изделий, сохранявших свой облик на протяжении всего периода средневековья.

Торговля и денежное обращение

Торговля. Города были центрами экономической жизни, они не только производили, но и торговали, и эта их роль считалась одной из важнейших. Поэтому средневековые авторы в первую очередь пишут о торговом значении города, товарах, которые здесь продавались.

В городе сходились несколько направлений торговли: между городом и степью; ремеслом и сельским хозяйством; внутриобластная; межобластная и международная.

Ясы-Туркестан, по сведениям Ибн Рузбихана, был не только политическим центром, но и городом, в котором пересекались торговые пути из Дешт-и Кыпчака, Ферганы и Китая. Со всех сторон в Туркестан в Ясы везли товары, и здесь же производилась торговля ими. Город был перевалочным пунктом для купцов разных стран. Кочевники пригоняли скот и привозили продукты животноводства на продажу (Пищулина, 1969, с. 19).

Ибн Рузбихан отмечает: «В город Йассы привозят товары и драгоценные изделия, и там проходит торг и он (город) является местом развязывания грузов купцами и местом отправления толп путешественников по странам» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 141).

Особенно важную роль в торговле города и кочевников играл Сыгнак как город, расположенный у перевалов через Каратау, и как местность, где зимовали казахи. Именно Сыгнак Ибн Рузбихан называет «пограничной заставой Дешт-и Кыпчака» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 116).

«Из Дешта-и Кыпчака, из Хаджи Тархана доставляется множество благ». Бухарский гость перечисляет их – это жирные овцы, кони, верблюды, шубы из соболиного и беличьего меха, луки и стрелы с древками из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия.

Купцы разных стран от Волги и побережья Каспия «сделали Сыгнак местом складов своих и привозят сюда торговые товары» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976, с. 119). Сюда приходили торговые караваны из Мавераннахра и с Востока, из пределов Кашгара, Хотана. Город этот называли «торговой гаванью Дешт-и Кыпчака» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976, с. 117; Пищулина, 1969, с. 16).

Следует отметить наиболее ценившиеся на Востоке товары из степи. Так, в сочинении Сейфи, написанном в 1582 г., сообщается: «У них много баранов, лошадей и верблюдов... Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас, их привозят в Бухару по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы» (Султанов, 1970, с. 46-50).

Ибн Рузбихан пишет о спросе кочевников на ткань карбас (типа бязи). Из Туркестана, Отрара, Ташкента, Бухары и Самарканда в казахские степи караваны везли ткань, а также «красивые изящные товары, особенно хорошие платяные и ковровые изделия». Вне всякого сомнения, и сырдарьинские города производили и вывозили ткань на продажу в степь. Из сырдарьинских городов в степь шел такой важный продукт как хлеб. Торгово-экономические связи имели для той или другой стороны важное значение, и не случайно, желая ослабить могущество казахов, Шайбани пытался запретить казахам торговать в городах (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976, с. 101).

Стремление казахов обеспечить постоянство торговых связей с земледельческим миром и городами было одной из причин, обуславливавших борьбу казахских ханов за города.

Купцы и товары. Города экономически были тесно связаны между собой. Караванные дороги соединяли присырдарьинские города с центрами Средней Азии, современного Афганистана, Ирана, кочевниками Казахских степей, с Сибирью (Зияев, 1983). В XVI – начале XVIII вв. поддерживались торговые отношения с Казанью, Астраханью, с Ногайской ордой, особенно оживленными они были в XVI в. (Бартольд, 1977, с. 368).

Начиная со второй половины XVI столетия, крепнут торгово-дипломатические связи с Россией. Посланнику королевы Елизаветы и агенту торговой компании Антонию Дженкинсону удалось добиться расположения Ивана Грозного и проехать в Среднюю Азию. В 1559 г. в Москву прибыли посольства из Бухары, Ургенча и Балха. Эти события положили начало осуществлению сначала более редких, а позже постоянных отношений между Казахстаном, Средней Азией и Россией (Халфин, 1920).

В XVI-XVII вв. в Бухарию за товарами ездили не только посольства русских государей, но и частные лица, в том числе и Захарий Богданов, приказчик братьев Строгановых (Введенский, 1962, с. 94-95), причем поездки совершались через территорию Казахстана: Сузак, Карачук, Туркестан, Сайрам.

В Южном Казахстане в долине Арыси были сосредоточены заросли дармины – цитварной полыни, в ее листьях и соцветиях содержится вещество, обладающее противоглистным действием. Дармина вывозилась из Ташкента и позднее Шымкента во многие страны, вплоть до Европы. Об этом лекарстве пишет Махмуд ибн Вали (Мукминова, 1990, с. 93).

Купцы вели посредническую торговлю с рядом стран, в том числе с Китаем. Транзитная караванная дорога, соединявшая Китай с западными странами и проходившая через Фергану, а отдельной веткой – через Ташкент, служила купцам и на рубеже XV-XVI вв.

Правители и знать имели большие доходы с транзитной торговли и потому старались обеспечить безопасность купцов.

Показателем этого является пример, относящийся к концу XV в., описанный Бабуром: «Один из караванов, возвращавшийся из Китая в Среднюю Азию, из-за обилия снега погиб вблизи гор у восточного Андижана. Спаслись лишь двое.

Правитель Ферганы Омар Шейх, во время правления которого произошло это событие, послал своих людей и сберег товары, несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя, он вызвал наследников, которых отыскивали в Самарканде и Хорасане, и вручил им их товары в целости» (Бабур-наме, 1958, с. 17).

Выявлению торговых связей городов способствует упоминание в памятниках письменности импортных товаров. Так, описывая праздник, устроенный в Бухаре по поводу обрезания сына Абдулла-хана II, автор второй половины XVI в. Бадриддин Кашмири сообщает о приказе хана разукрасить улицы и базары города от Аркадо Чахарбага на площади размером фарсах на фарсах золототкаными тканями из Египта, Халеба, Фаранга, Ирака, Рума и Чина (Мукминова, 1985, с. 113).

Среднеазиатские и наверняка южно-казахстанские ткачи выделяли разнообразные виды ткани – ткачество было ведущей отраслью ремесленного производства. Отдельные ее виды доставлялись и из других стран. Славилась, например, индийская кисея, шерстяные кашмирские шали (Навои Алишер, 1970, с. 32).

Третьим видом товара была шерсть, поставляемая из степи. Из нее изготавливали сакарлаты. Из окрашенного в красный цвет сакарлата шили дорогие чекмени (Мукминова, 1990, с. 95-96).

Торговля осуществлялась через караван-сарай. В сочинениях упоминается несколько крупных специализированных караван-сараяв в Самарканде и Ташкенте. Таковые, безусловно, были и в Туркестане. В некоторых из них размещались иноземные купцы. В Ташкенте и

Бухаре, например, располагались караван-сарай индусов, а по более поздним данным, татаров (ногаев), торговцев из Ургенча и Карши. Для приезжих бухарцев имелись караван-сарай в Астрахани и других городах, особое место для торговли таджиков было отведено в Казани. В одном из караван-сараяв Исфахана, как повествует Мехди Кейвани, останавливались самаркандские купцы, которые вели торговлю каракулевыми шкурками, бумагой, парфюмерными товарами. По информации того же автора, Исфахан посещало значительное число татарских и бухарских купцов (Мукминова, 1985, с. 113-114).

Участники международной торговли – туджары – составляли особую группу, своеобразное купеческое сословие, выделявшееся своими правами и возможностями. Однако, несмотря на сравнительно привилегированное положение, значительная их часть облагалась разнообразными сборами и находилась в зависимости от хана.

«Купцы, благодаря своему ремеслу, путешествиям, – повествует Алишер Навои, – представление о стране и городах имеют, об удивительных вещах и диковинных событиях рассказывать умеют» (Навои, 1970, с. 31). Купцы были знакомы с обычаями народов тех стран, которые они посещали, в большинстве случаев знали язык местного населения и, конечно же, были осведомлены в спросе и ценах на товары. Алишер Навои назвал туджаров странствующими купцами, мужчинами, воинами армии в отличие от городских перекупщиков, которых в насмешку окрестил домохозяйками, женами.

Как подметил поэт, часть богатых купцов чванилась своим имуществом и деньгами, окружала себя большой свитой и множеством слуг. В их честь за большое вознаграждение сочинялись «купеческие бейты» (Навои, 1970, с. 31-32). Другая часть купцов впадала в иную крайность – копила деньги, экономя на питании и одежде (Болдырев, 1957, с. 102, 247).

Запят – налог, который взимался с мусульман (с товаров, торговых прибылей, наличных денег и драгоценностей), купцы старались не вносить в казну, хотя и должны были, как отмечает Алишер Навои, его «своевременно вручать». Также уклонялись они и от платы торговой пошлины – тамга (Мукминова, 1985, с. 114-115). Некоторые купцы вели торговлю на льготных условиях, предоставленных им правительственной грамотой. Часть прибыли они вынуждены были уступать правителю, от имени которого составлялся указ о предоставлении льгот.

Среди купцов особое положение занимали торговцы, наделенные тарханными грамотами, согласно которым они освобождались отчасти или всех торговых сборов. Тарханных купцов, освобожденных от государственных налогов и имевших ряд других привилегий, было небольшое количество (Мукминова, 1985, с. 118).

Различные группы торговцев постоянно конкурировали между собой (Мукминова, 1976, с. 212-214). Особенно тяжело приходилось в конкурентной борьбе мелким торговцам и ремесленникам, часть которых сама сбывала свои изделия.

Лиц, принимавших участие в торговле, Алишер Навои делит на три группы: купцов, городских перекупщиков и рыночных торговцев. Последние характеризуются как «безбожные плуты, лживые наглецы». «Вещь, которая стоит один динар, продавать за сто – это гордость их, покупать за сто то, что стоит тысячу, – это предел мечтаний их» (Навои, 1970, с. 31).

При малейшей возможности торговцы поднимали цены на товары. В трудные годы народ нередко выступал против тех, кто завышал цены на хлеб (Бабур-наме, 1958, с. 109).

В 1501 г. в Самарканде в результате продолжительной осады начался голод. Торговцы тотчас повысили цены на хлеб. Голодные люди бросились грабить хлебные лавки. «Каждый бросался на лавку. Их отгоняли от пищи палками, как мух» (Мукминова, 1985, с. 117). Дело кончилось тем, что по решению правителей города бедные и нищие были изгнаны из Самарканда.

Торговцы для более успешной реализации товаров зачастую вынуждены были передвигаться вместе с войсками. Во время стоянок и осады они проникали в лагерь противника. Захириддин Бабур, пытавшийся завладеть Самаркандом, писал о тех днях так: «Когда мы были в этом Юрте, из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превратился в город. Все чего только ни ищут в городах, можно было найти в стане» (Бабур-наме, 1958, с. 54, 313).

Практиковалась сдача денег в оборот. Зажиточные люди передавали свои деньги тем, кто путем торговых операций мог приумножить их.

Участниками торговых и ростовщических операций часто становились ханы, султаны, эмиры и беки. Источники сообщают: «Мираки Чини – из важных купцов Бухары. В результате общения его с султанами четыре тысячи его танга застряли за ханом» (Болдырев, 1957, с. 276).

Поскольку возить с собой крупные суммы денег было опасно, практиковалось осуществление крупных торговых операций при помощи чеков.

По мнению В.В. Бартольда, вследствие преобладания среди торговцев иранцев, таджикско-персидское слово «чек» именно в этой персидской форме получило большое распространение и перешло потом в Западную Европу, широко использовалось в коммерческом мире (Бартольд, 1968а, с. 110).

Осуществлению торговых операций в разных городах помогали саррафы – менялы, обменивавшие иностранные деньги на местные, имевшие хождение в данном регионе, и выдававшие деньги по чекам, предоставленным купцам в других городах и странах.

А.А. Семенов зафиксировал наличие специальных медных чаш, использовавшихся для хранения денег и размещавшихся на прилавках менял. Большие чаши предназначались для медных и серебряных монет, в малых саррафы держали золотые монеты. Саррафы занимались и ростовщичеством (Семенов, 1980, с. 15).

Активное участие в торговых операциях принимало духовенство. Караваны, снаряженные приказчиками Ходжи Ахрара, поставляли среднеазиатские товары за пределы государства Тимуридов. В письмах, адресованных Алишеру Навои, Ходжа Ахрар сообщает об отправке на юг через Амударью нескольких вьюков самаркандской бумаги, кунжута, риса и хлопка (Набиев, 1948, с. 38).

М.А. Абдураимов отметил: «При Ходже Исламе торговые караваны их ездили в русские города, в том числе и в Москву» (Абдураимов, 1970, с. 239)

Активно участвовал в торговле и сам Абдалла-хан. Ему принадлежало большое число караван-сараяв, тимов и дуканов. По его распоряжению был снаряжен караван в Москву, который по возвращению привез кроме других товаров и европейские доспехи (фаранги).

Торговля, торговые заведения – караван-сарай, базары, лавки по археологическим материалам прослеживаются, но не достаточно. При раскопках средневековых городищ Казахстана удалось в городской застройке выделить торговые лавки. Так, в городе Кедере в Отрарском

Рис. 184. Городище Отрартобе. Фрагменты китайских фарфоровых сосудов

оазисе в застройке XI-XII вв. были выделены винные лавки, открытые на улицу (Байпаков, 1986, с. 139-141).

Торговые лавки, изолированные от жилых помещений, отмечены в застройке позднесредневекового Отрара. Они выходят на магистральную улицу и имеют широкие входы (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 199). В письменных источниках о базарах городов Южного Казахстана известно немного. На чертеже Миссершмидта, который был составлен в конце XVII – начале XVIII в., указаны места базара и караван-сарая (Ёлгин, 2013, с. 64-65; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 45).

О базаре Туркестана середины XIX в. писал А.Н. Северцев: «Базар состоит из таких же улиц, как и прочие, пошире немного, и одна расширена вроде площади. Лавки открытые, спереди навесы, прислоненные к глиняным оградкам» (Северцев, 1860, с. 214-215).

При раскопках застройки XVI-XVIII вв. Отрара выявлено значительное количество керамики китайского производства – это обломки изделий из селадона, китайский фарфор. Найдены обломки кашинных изделий типа «кобальт», явно подражающих китайским изделиям из фарфора (Ходжаев, 1994, с. 66-70). Известны также русские медные монеты – копейки русского царя Алексея Михайловича (1645-1676). Эти медные монеты использовались в городах Отрара, Саурана, Туркестана в качестве «денег на вес», имевших хождение в регионе Южного Казахстана.

Денежное обращение в XVI-XVII вв. Археологическое изучение позднесредневековых городищ Южного Казахстана дало богатые нумизматические материалы для изучения денежного обращения в городах Казахстана. Великая заслуга в изучении нумизматики позднесредневекового периода Казахстана принадлежит Р.З. Бурнашевой и В.Н. Настичу (Бурнашева, 1969, с. 58-68; 1983, с. 52-61; 1989; 2006; Бурнашева, Настич, 1981, с. 289-342; Настич, 1983, с. 143-152; Бурнашева, Смагулов, Туякбаев, 2006).

Об Отраре, как о крупном экономическом центре, свидетельствуют многочисленные находки монет и медных кладов, которые состоят из монет провинциальных монетных дворов и среднеазиатских городов, в особенности Самарканда и Бухары, свидетельствующие о тесных торговых контактах Отрара с городами Средней Азии. Среди местных монетных дворов в XVI в. выделяется монетный двор Ясы, который начинает играть первостепенную роль не только как крупный идеологический, но и как политический центр, став столицей правителей Туркестана в конце XVI в. К денежной продукции этого города относятся как полновесные медные динары, так и серия мелкой медной монеты, игравшей роль разменного номинала.

На Отраре общее количество разменной монеты составляет более 2000 экземпляров. Чаще всего монеты выпускались как анепиграфные, но нередко на них имеются различные орнаменты (геометрические и растительные), а также присутствуют тамгообразные знаки.

Рис. 185. Городище Отрартобе. Клад медных монет

В XV-XVI вв. медь играла очень большую роль в обслуживании мелкой розничной торговли в денежном обращении всей Средней Азии и в Присырдарьинском регионе.

В медной чеканке среднеазиатских городов конца XV-XVI вв. Е.А. Давидович удалось выявить монеты пяти разных достоинств, различавшихся по признакам внешнего оформления и имевших к тому же кратный вес, соответствующий их достоинству. Эти монеты – двойной динар, одинарный динар, полудинар, монеты $\frac{2}{3}$ динара и «черный пул» в $\frac{1}{6}$ динара. Такая дробность медного чекана свидетельствует о размахе денежной торговли в сфере обращения медных монет (Давидович, 1954, с. 85-108; 1960, с. 193-198; 1972а, с. 174-204).

Мелкие медные пулы в большом количестве обнаружены также и в кладах из города Туркестана. Своеобразную особенность в денежном обращении Отрара и всего региона в XVI – начале XVII в. представляют однотипные медные монеты, чеканенные в Ясы, Сайраме, Дженде. Находки таких монет составляют основное ядро медных кладов из Отрара и Туркестана. Встречаются они и в находках из Саурана и других памятников региона. Причем, однотипные монеты были в обращении в определенные отрезки XVI и XVII вв. Часто монеты выпускались анонимные, присутствует только лакаб «Адил-хан»»,

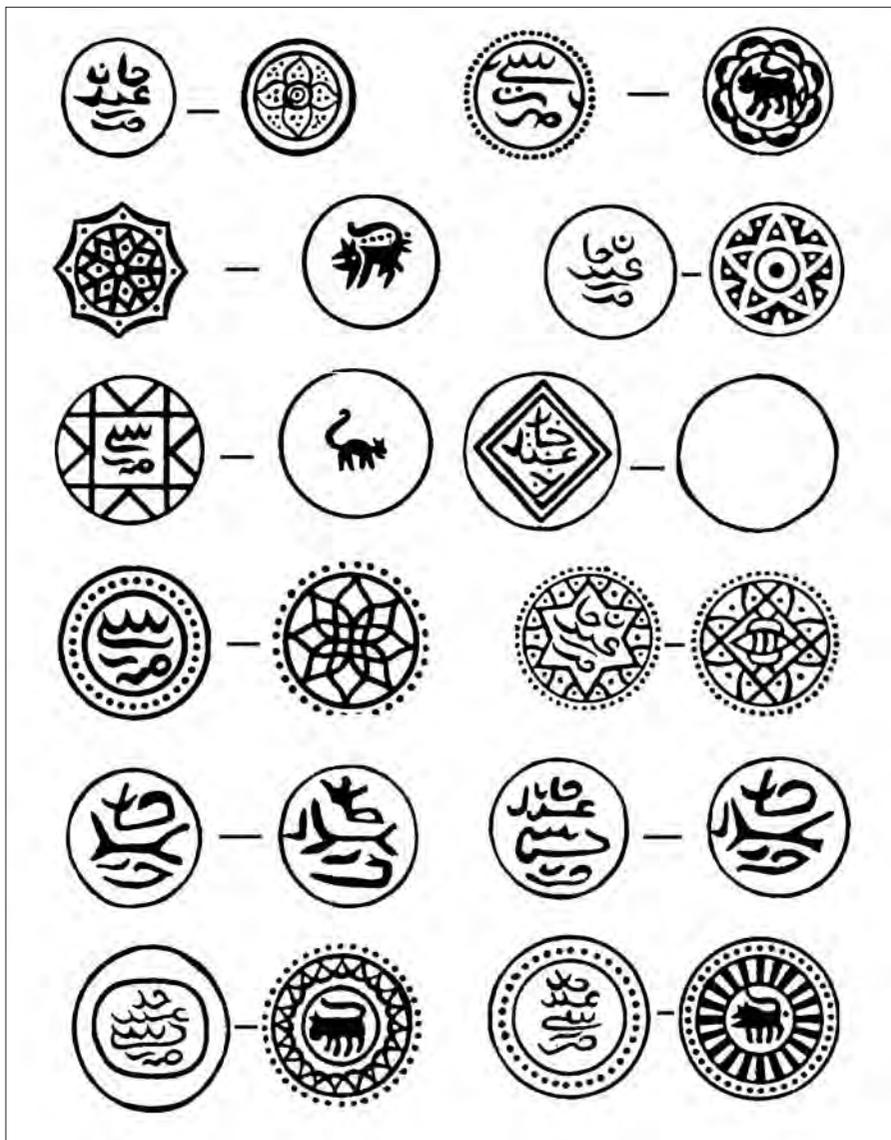

Рис. 186. Графическая реконструкция типов медных монет г. Ясы XVI в.
(по Р.З. Бурнашевой)

то есть «справедливый хан». Такую монетную продукцию трудно датировать, но благодаря сравнительному материалу XVI в. из Средней Азии, удалось распределить эту медную массу в определенные рамки XVI-XVII вв.

М.Е. Массон, перечисляя находки, зарегистрированные на территории Средней Азии с 1917 по 1927 годы, упоминает о медных монетах с изображением птиц и животных и относит их к аштарханидскому чекану.

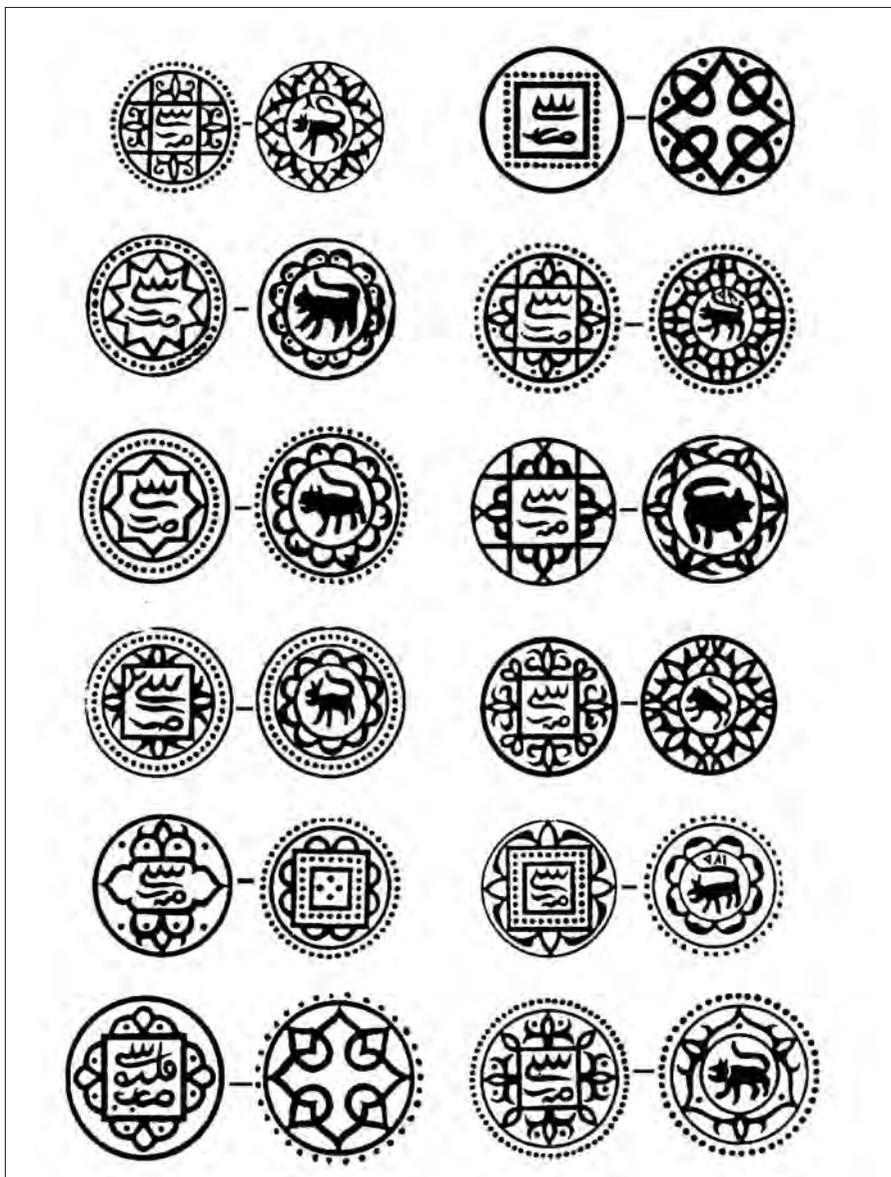

Рис. 187. Графическая реконструкция типов медных монет г. Ясы XVI в.
(по Р.З. Бурнашевой)

Первый период, по мнению Р.З. Бурнашевой, – это первая половина XVI в., второй период – это вторая половина XVI в. и третий период – первая половина XVII в. Всю медь разной величины, не чеканенную, разного веса, она отнесла ко второй половине XVII – первой половине XVIII в., т. е. к четвертому периоду, когда состояние социально-экономической жизни в регионе, да и во всей Средней Азии, находилось в кризисе, вызванном войнами, разорением городов, застоєм во внутренней и внешней торговле.

К первому периоду (первая половина XVI в.) относятся медные монеты, найденные на городище Отрар и других памятниках региона, среднеазиатского происхождения – городов Бухары, Самарканда, Ташкента, Андижана (Андигана), Шахрухии, имеющие соответствующие датировки, а также монеты с надчеканами, выпущенные на многих монетных дворах, в том числе в Ясы и Сайраме. Для региона можно добавить три новых вида надчеканов без надписей, скорее всего, производившихся на монетном дворе Ясы. Первый надчекан имеет вид углубленной подковы, второй – маленького кружка с точками, третий – орнаментальный в виде четырехугольника, внутри которого расположена четырехугольная звездочка. Кроме надчеканивания, монетные дворы Ясы, Сайрама и Ташкента выпускали медные монеты с изображениями лани среди листовых побегов, без даты. Они по аналогичному материалу из Хисара датируются первым десятилетием XVI в. Кроме того, для этого периода есть датированные монеты Ташкента 907-908 г.х. и 910 г.х. и Ясы без дат, но имеющие картуши, одинаковые с ташкентскими монетами, и монеты Дженда, Сыгнака, Сайрама и Саурана, работа монетного двора которых отмечается и в конце XVI в. по монетам с датой 995 г.х. и недатированным монетам того же типа.

Монеты этого периода – анонимные, но на подавляющем большинстве присутствует обозначение монетного двора. На некоторых монетах Ясы, Сайрама, Сыгнака и Саурана перед наименованием монетного двора имеется термин «адил», подчеркивающий законность выпуска данных монет.

На некоторых типах монет Ташкента, Ясы и Андижана (Андигана) после слова «зарб» следует термин «фулус». Термин «фулус» в XV-XVI вв. выполняет две функции: фулусом называли любую медную монету вне зависимости от ее достоинства; кроме того, он использовался для уточнения значения других монетных терминов, чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о медных монетах.

Часть ее производилась в первой половине XVI в., на что указывают монеты с изображением лани на оборотной стороне и надпись на лицевой стороне – «чекан Ясы, Адил-хан». Эта же надпись присутствует также и на монетах, имеющих на оборотной стороне изображение хищного зверя кошачьей породы, а также схематическое изображение рыбы, которые датируются второй половиной XVI в., так как основная

масса медной продукции Ташкента и Ясы, имеющая изображения упомянутого хищника и рыбы, выпускалась именно во второй половине XVI в., т. е. относится ко второму периоду денежного обращения в регионе. Изображение хищника, смотрящего то вправо, то влево, передано в различных позах – статической, иногда в динамике, с торчащими ушками, часто с разинутой пастью, но всегда с изогнутым над спиной длинным хвостом.

Во втором периоде денежного обращения (вторая половина XVI в.) на Отраре и в регионе нет монет среднеазиатского производства, кроме самаркандских монет 995-1000 гг. х. периода правления Абдаллах-хана II, завоевавшего весь присырдарьинский регион и Ташкент в последнем десятилетии XVI в. (Бурнашева, 2006, с. 43-47). В этом периоде денежное обращение города и всей Туркестанской области обеспечивалось монетной продукцией двух центров – Ясы и Ташкента. На этих монетах присутствует на лицевой стороне только лаконичное наименование монетного двора без определительных терминов – чекан Ясы или чекан Ташкента. На оборотных сторонах монет традиционное изображение хищника, растительного или геометрического орнамента и схематическое изображение рыбы. Появляются анэпиграфные и анонимные монеты без выпускных сведений, с изображением на одной стороне хищника, а на другой – птицы разной породы; хищника и рыбы; птицы и растительного орнамента. Наблюдается в обращении серия мелкой меди с разными рисунками и изображениями и без них, которые можно условно разделить на три группы по весу. Это так называемые «черные пулы», которые служили в торговле как дробные единицы. К крупному номиналу относятся монеты Дарвиш-хана с его именем. Он являлся правителем Ташкента в 1556-1578 гг. (Бурнашева, 1982, с. 80). В какой-то отрезок времени ему принадлежали города Туркестан, Сайрам, Андижан. Во время его правления медная продукция выпускалась в большом количестве, о чем свидетельствует наличие монет не только в кладках, но и отдельные экземпляры по всему присырдарьинскому ре-

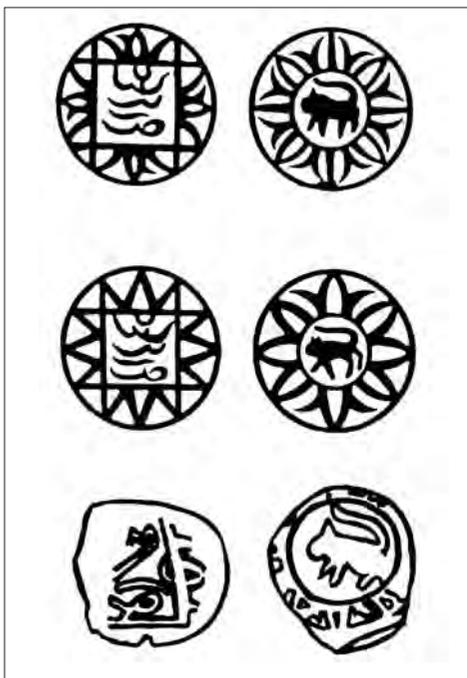

Рис. 188. Графическая реконструкция типов медных монет, выпущенных в городе Туркестане в конце XVI - первой половине XVII в. (по Р.З. Бурнашевой)

В этом периоде денежное обращение города и всей Туркестанской области обеспечивалось монетной продукцией двух центров – Ясы и Ташкента. На этих монетах присутствует на лицевой стороне только лаконичное наименование монетного двора без определительных терминов – чекан Ясы или чекан Ташкента. На оборотных сторонах монет традиционное изображение хищника, растительного или геометрического орнамента и схематическое изображение рыбы. Появляются анэпиграфные и анонимные монеты без выпускных сведений, с изображением на одной стороне хищника, а на другой – птицы разной породы; хищника и рыбы; птицы и растительного орнамента. Наблюдается в обращении серия мелкой меди с разными рисунками и изображениями и без них, которые можно условно разделить на три группы по весу. Это так называемые «черные пулы», которые служили в торговле как дробные единицы. К крупному номиналу относятся монеты Дарвиш-хана с его именем. Он являлся правителем Ташкента в 1556-1578 гг. (Бурнашева, 1982, с. 80). В какой-то отрезок времени ему принадлежали города Туркестан, Сайрам, Андижан. Во время его правления медная продукция выпускалась в большом количестве, о чем свидетельствует наличие монет не только в кладках, но и отдельные экземпляры по всему присырдарьинскому ре-

гиону. Прослеживается более восьми типов медных динаров с его именем, которые, видимо, выпускались Ташкентским монетным двором. Кроме того, ко времени его правления относятся медные монеты с изображением хищного зверя и даты, помещенной в пространстве над изогнутым хвостом. Это монеты Ташкента 985 г.х. (1577-1578 гг.), 987 г.х. (1573-1574 гг.), 98X (?) г.х. и Ясы 980 г.х. (1572-1573 гг.), 981 г.х. (1573-1574 гг.). Этот факт позволяет четко продатировать монеты с хищным зверем конкретным временем – последней четвертью XVI в. Более ранняя датировка этого сюжета с хищным зверем отмечается благодаря находке смешанного клада (серебро и медь), обнаруженного в 1961 г. в Ташкентском оазисе (Буряков, 1975, с. 156).

В последнем десятилетии XVI в. на Отраре и в регионе появляются датированные монеты Самарканда 995 г.х., 1000 г.х., представляющие основной номинал, по времени относящиеся к правлению Абдаллах-хана. В это же время возобновляет свою деятельность монетный двор Саурана, выпуская денежную медную продукцию, однотипную с самаркандской.

Политическая ситуация во второй половине XVI в. – начале XVII в. по сведениям письменных источников знаменуется войнами узбеков и казахов, а также внешними нашествиями. Некоторые успехи произошли в правление ханов Хакк-Назара и Шигая, которые смогли достичь некоторой политической стабильности и подъема во внутренней жизни (Абусейтова, 1998, с. 96-97). После смерти Науруз-Ахмада началась борьба за власть между узбекскими султанами, среди которых заметное место занимал Абдаллах-хан. В 1561 г. он добился провозглашения своего отца Искандера верховным правителем, а в 1583 г., после его смерти, сам занял ханский престол.

После смерти Шигай-хана в 1582 г. ханом стал Тавакул-султан. В 1586 г. он начал борьбу за овладение присырдарьинскими городами и Ташкентом. Первая попытка овладеть Ташкентом окончилась для Тавакула неудачно. Позже ему удалось захватить Ташкент, Туркестан, Андижан, Мианкалу и Ахсы. Под его властью оказался и Самарканд (История Ташкента, 1988, с. 74). Часть монет Саурана конца XVI в. может принадлежать к выпуску этого хана. Кроме того, в кладе из Отрара обнаружено несколько медных монет, чеканенных в Ташкенте. На их лицевой стороне имелась надпись, обозначающая, видимо, личное имя этого хана – Тавакул-Али-Аллахи.

Можно допустить, что часть медной продукции, бывшей в обращении в Отраре и других присырдарьинских городах в последней четверти XVI в., выпускал Тавакул-хан.

Во второй половине XVI в. отмечается чеканка серебряных монет на монетном дворе города Ясы Искандер-ханом (1560-1583). Монеты недатированные, опубликованы Е.А. Давидович (Давидович, 1968а, с. 81-84; 1992, с. 95, 236 (тип 59)). По-видимому, в денежном обращении региона они не играли никакой роли, были выпущены с прокламативной

целью, свидетельствующей о подчинении Ясы узбекам. В Ташкентском уделе чеканка серебряных монет наблюдается впервые при Абдаллах-хане I из самаркандского дома Шейбанидов (Мукминова, 1993, с. 36-57). После него серебро выпускали в Ташкенте – Абдаллатиф (1540-1551), Науруз-Ахмад (1532-1555), Пир-Мухаммад (1546-1566), Искандар (1560-1583) и Абдаллах II (1583-1598).

Клады из Ташкентской области и Ташкента, Южно-Казахстанской области и Шымкента свидетельствуют о хождении серебряных монет в Ташкентском уделе, в Отраре, Туркестане и других городах на Сырдарье они почти не отмечены. Это обстоятельство показывает, что население региона в XVI в. пользовалось при торговых операциях в

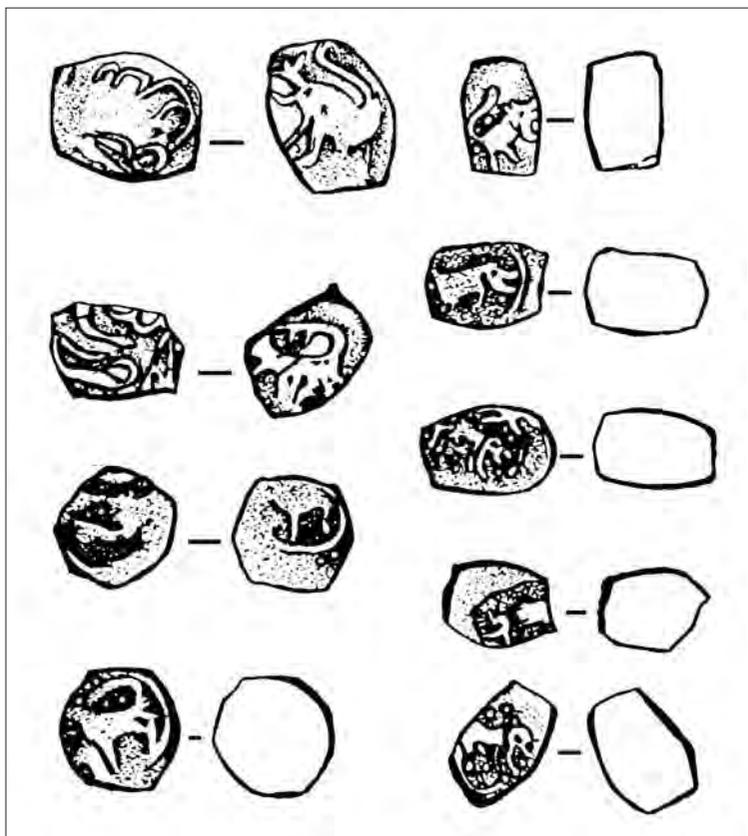

Рис. 189. Типы медных монет, выпущенных в г. Ясы XVI - XVII вв.
(по Р.З. Бурнашевой)

основном медными монетами. Они по-прежнему играли большую роль и в международной торговле.

Города Ясы и Ташкент являлись центрами, принадлежавшими то узбекам, то казахским ханам и поэтому естественно свободное обращение на денежном рынке Отрара, Туркестана и других городов медных монет, чеканенных в Ташкенте.

Туркестанский округ и Ташкентский удел представляли в экономическом отношении в XVI в. единое целое. Имеются сведения

Рис. 190. Типы медных монет XVI - XVII вв. с изображением птицы
(по Р.З. Бурнашевой)

письменных источников, в которых указываются также влияние и роль выходцев из Туркестана на политические события в Мавераннахре на рубеже XV-XVI вв. Наблюдаются взаимные влияния населения двух крупных регионов во всех аспектах хозяйственной, культурной и духовной жизни.

Третий период (первая половина XVII в.) характеризуется тем, что в денежном обращении появляются медные монеты, выпущенные в Туркестане, то есть вместо обозначения «чекан Ясы» появляется надпись «чекан Туркестана». Это событие произошло в самом конце XVI в., когда по договору, заключенному между ханом Есимом (1598-1628) в 1598 г. и Джани-Мухаммад-ханом из новой среднеазиатской династии Аштарханидов, Туркестан с его городами и Ташкент вошли в состав Казахского ханства. Хан Есим сделал Ясы своей столицей и переименовал его в Туркестан, перенося, таким образом, название

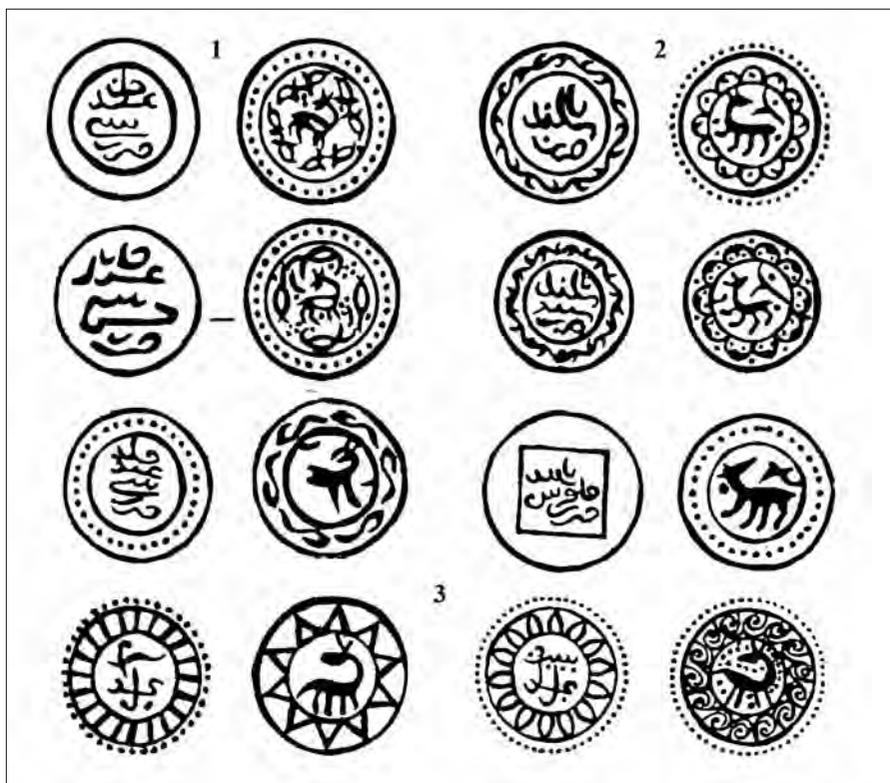

Рис. 191. Графическая реконструкция монет с изображением лани из оттарских кладов 1986 г.:

- 1 - медные монеты г. Ясы с изображением лани на оборотной стороне;
 2 - медные монеты г. Ташкента с изображением лани на оборотной стороне;
 3 - медные монеты г. Сайрама с изображением лани на оборотной стороне
 (по Р.З. Бурнашевой)

региона на город ввиду его значимости. Хан отчеканил медные монеты, на которых фиксируется город Туркестан без даты. По традиции он поместил на оборотной стороне сюжет с хищником. Данные монеты однотипные, но нескольких вариантов, отличающихся друг от друга разным оформлением картуша и позами хищника, который имеет на них весьма примитивную грубую форму и отдаленно напоминает льва только по изогнутому над спиной хвосту. Монеты, чеканенные в Туркестане, обнаружены в кладах с территории комплекса мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави и в нумизматических материалах из Саурана. По всей вероятности, они находились в денежном обращении региона всю первую половину XVII в. (Бурнашева, 2006, с. 47-54).

К концу XVI и началу XVII вв. относятся медные монеты с изображением зверя на одной стороне и двух рыбок на другой. На некоторых из них имеется дата, в частности, 1008 г.х. (1599-1600).

Рис. 192. Типы медных монет XVII в. с городища Отрар
(по Р.З. Бурнашевой)

Монеты с одной или двумя рыбами, повернутыми полумесяцем друг к другу, связываются с чеканом Ташкента.

Для первой четверти XVII в. сохранилось сообщение автора «Имамкули-хан-наме» Сухайла о том, что казахский хан Турсун-Мухаммад (убит в 1628 г.) чеканил в Ташкенте собственную монету и собирал с населения налоги, называемые бадж и харадж, отказывался платить дань джанидским ханам (МИКХ, с. 315). В нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа хранятся две медные монеты этого хана (Бурнашева, 2006, с. 47).

Основную роль в сфере медного обращения в XVII в. сыграли анэпиграфные медные монеты, не имеющие выпускных сведений. На многих из них присутствует изображение хищного зверя на одной стороне, а на другой – рыбы, птиц, а иногда они имеют гладкую сторону. Появляются мелкие монеты с нечитабельными надписями, с различным геометрическим и растительным орнаментом, часто просто монетовидные пластинки без чекана, монетки типа заготовок и в форме ложечки и узких длинных прутиков, на некоторых из них просматриваются остатки надписей и орнамента. В составе нескольких отрарских кладов находятся русские копейки царя Алексея Михайловича, выпущенные в 1655-1663 гг. (Спасский, 1972, с. 117).

В XVII в. отмечается появление серебряных джанидских монет. Серебряные джанидские монеты, как правило, очень плохой

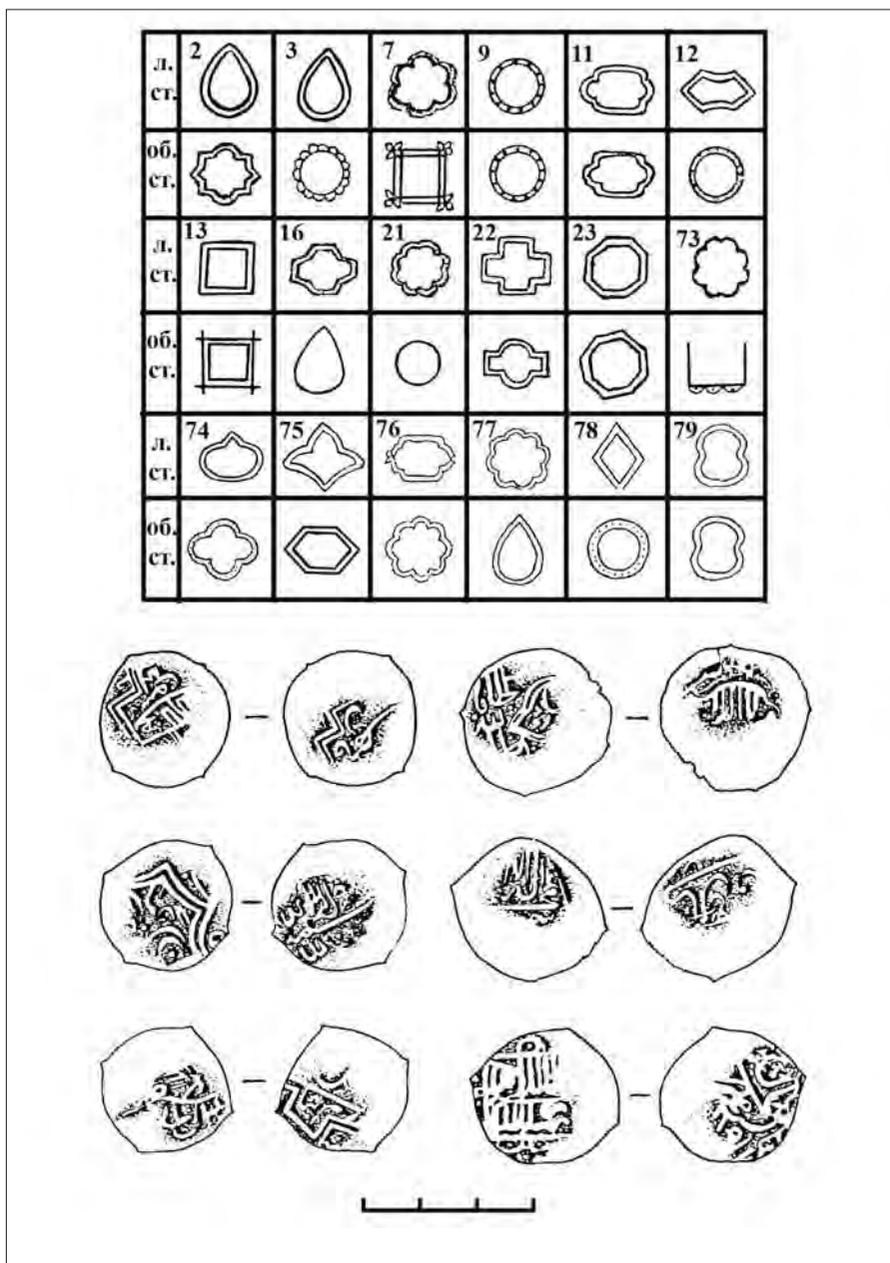
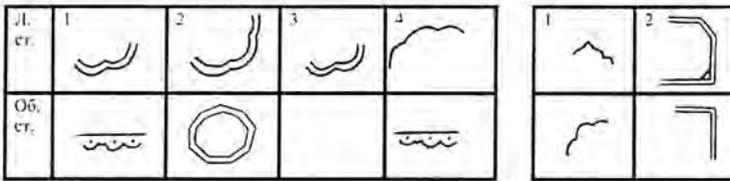

Рис. 193. Картуши серебряных монет и монеты Имам-Кулихана
(по Р.З. Бурнашевой)

сохранности, неправильной формы, выпускались в XVII-XVIII вв. из низкопробного серебра. Дата на монетах проставлялась не всегда, то же самое было и с наименованием монетного двора. Выявлена работа пяти джанидских монетных дворов: Бухары, Балха, Самарканда, Ташкента и Хисара. Самую обильную продукцию выпускал монетный двор Бухары.

1. Реконструкция картушей серебрянных монет неизвестных джанидских правителей XVII в.

2. Реконструкция картушей серебряной монеты Вали-Мухаммад хана (1605-1611)

3. Реконструкция картушей серебряной монеты Имам-Кули-хана (1611-1642) (а) и Надир-Мухаммад-хана (1642-1645) (б)

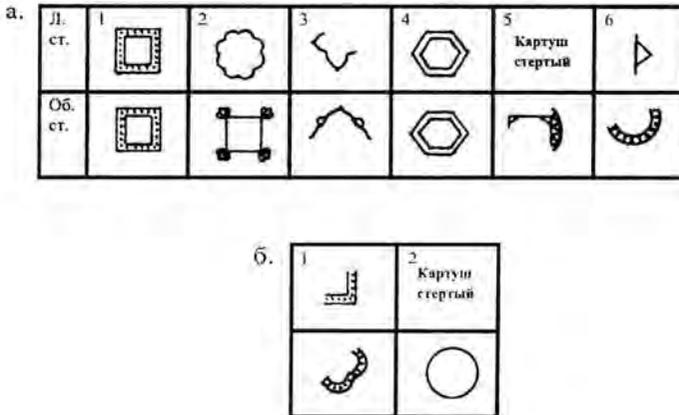
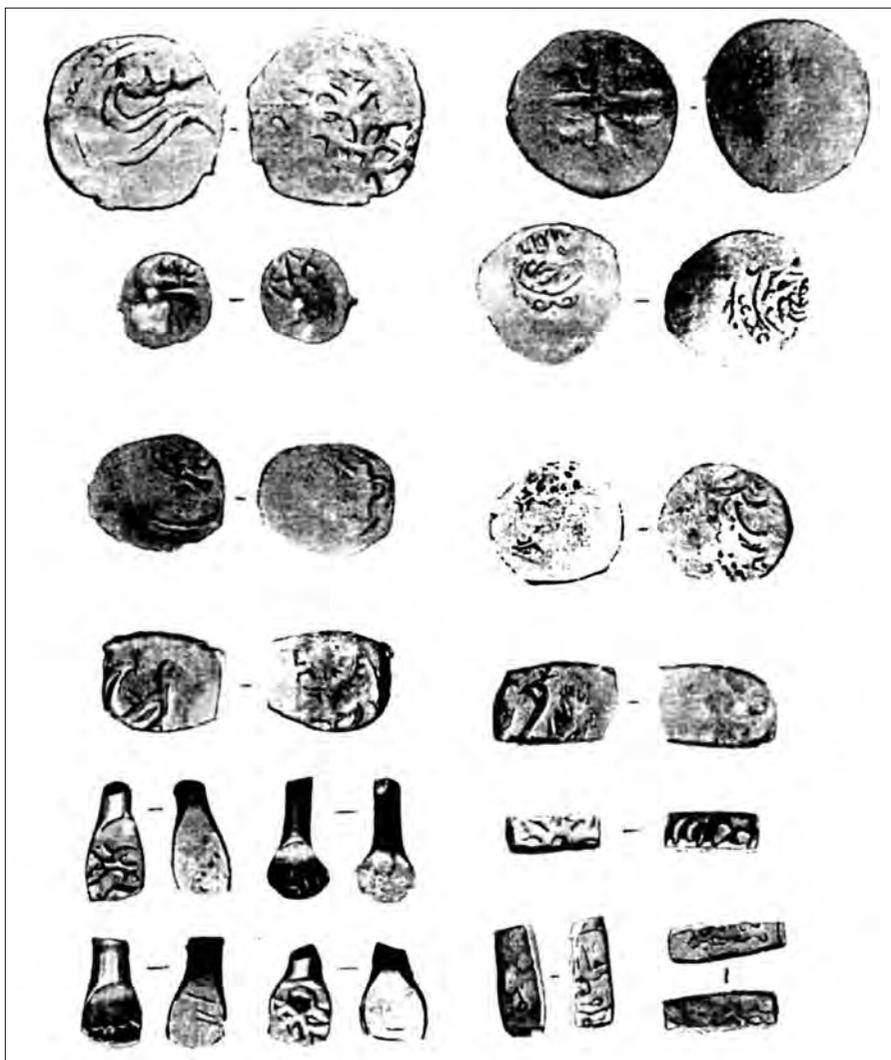

Рис. 194. Таблица типов картушей джанидских монет из Туркестана и Отрара

В государстве Джанидов в течение всего XVII в. чеканились монеты из сплава серебра с медью.

Монеты такого типа встречаются на Отраре и Куйруктобе в археологических слоях, но для датировок они непригодны, так как находились в обращении довольно длительное время, около 300 лет (Давидович, 1968, с. 247). В кладе, относящимся к середине XVII в., эта монета могла быть случайной находкой. Монеты относятся к чекану

*Рис. 195. Типы медных монет Ясы XVI - начала XVII в.
из туркестанских кладов
(по Р.З. Бурнашевой)*

двух правителей: Имамкули-хана и Надир-Мухаммад-хана (Бурнашева, 1974, с. 159-163).

Клады из Отрара дают весьма ценные сведения по джанидскому серебряному чекану XVII в. Во-первых, до недавнего времени известия о кладах с джанидским серебром ограничивались только Ташкентской областью. Распространение среднеазиатского серебра XVII в. в регионе Присырдарьи свидетельствует о торговых связях Отрара со Средней Азией, несмотря на политическую нестабильность в регионе (Бурнашева, 1976, с. 59-69).

Е.А. Давидович, анализируя денежное обращение в сфере серебряных монет, считает, что во многих областях и владениях,

Рис. 196. Типы медных монет из туркестанских кладов 1960 г. разной формы. XVI - первая половина XVII в.

которые ранее входили в состав Джанидского государства, денежное обращение в течение длительного времени основывалось по-прежнему на джанидских монетах. Хотя в XVIII в. эти владения обособились, некоторые получили самостоятельность, другие были отвоеваны у Джанидов, в частности, Ташкент. Он тесно был связан с городами Туркестана экономическими узами и поэтому неудивительно, что деньги, которые были в обращении Ташкента, встречаются на рынке многих других присырдарьинских городов – Туркестана, Отрара, Саурана, Сайрама, Сыгнака.

Медные отрарские клады XVII в., общим количеством около 2500 экземпляров, а также отдельные монеты из разных раскопок, свидетельствуют о том, что медные монеты в этот период постепенно

деградируют, теряют свою круглую форму и вес, и основу денежного обращения составляют заготовки цилиндрической формы разного веса, монетовидные пластинки часто без чекана и не имеют определенной формы. Но все же этот материал показывает, что в XVII в. отрарский рынок ежедневно функционировал и довольно интенсивно, и медь играла основную роль в городской торговле, хотя постепенно теряла свое значение. Благополучное состояние денежной торговли на Отраре, наблюдавшееся в XVII в., когда в обращении встречаются также и серебряные джанидские монеты, постепенно к концу века приходит в упадок; наблюдается кризис и застой, охвативший все сферы хозяйственной деятельности населения города и региона в целом. Это явление тесно было связано с политической ситуацией. С середины XVII в. усиливается экспансия джунгаров на земли Казахстана, были разрушены Сайрам, Туркестан и другие городские центры. Усугубились внутри страны распри и смуты, что привело к упадку экономики и гибели ряда, некогда процветающих, городов в присырдарьинском регионе.

Суммируя все сведения, следует сказать, что города Южного Казахстана в XVI и первой половине XVII вв. были крупными центрами, где процветали ремесла, сельское хозяйство, благодаря чему на высоком уровне находилась и денежная торговля, в которой большую роль играли именно медные монеты разных номиналов. Со второй половины XVII в. до середины XVIII в. наблюдается упадок во всех сферах хозяйственной деятельности населения региона (Бурнашева, 2006, с. 53-54).

Интересной особенностью денежного хозяйства Туркестана XVII в., является обращение в городах русских медных монет.

Первые русские монеты обнаружены на Отраре в 1976 г. в составе клада, который содержал заготовки в виде небольших цилиндров почти одинакового размера, полученных при разрубании медного прута, одну сильно потертую монету со следами надписи арабским письмом и 28 медных русских копеек с изображением коронованного всадника с копьём на одной стороне и именем царя Алексея Михайловича (1645-1676) – на другой. Два года спустя аналогичные медные русские копейки были обнаружены среди одиночных находок монет на раскопах Отрара, а затем и среди монет, найденных в Ясы и Сауране. Становилось совершенно очевидно, что русская медь появилась в городах на Сырдарье не случайно.

Установлено, что серебряные монеты занимали небольшое место в денежном обращении региона. В повседневной же рыночной торговле использовались медные монеты.

Особенностью денежного хозяйства южно-казахстанских городов в XVII в. является отсутствие каких-либо надписей с именами и титулами ханов, что должно было бы подчеркнуть их государственную принадлежность и исключительное право эксплуатации. Впрочем, эта особенность медного чекана Туркестана, за немногим исключением, характерна для всей Средней Азии, а также отмечена в монетном деле других стран Востока.

Судя по составу медных кладов, найденных на Отраре, а также по многочисленным отдельным находкам, в денежном хозяйстве широко использовались заготовки монет подквадратной формы без всяких надписей и изображений, небольшие цилиндрики и расплюснутые медные пластинки без следов штампа. Несомненно, что и эти полуфабрикаты служили в качестве денег. Более того, в дело шла любая монетовидная медь, в том числе монеты старых выпусков, не переплавленные в свое время. Есть основания предположить, что в торговых операциях местного населения учитывался, прежде всего, вес реального количества металла, заключенного в монете (или заготовке), а не покупательная способность денежной единицы как таковой.

Употребление наряду с чеканенной монетой любой монетовидной меди и заготовок свидетельствует, что производительные возможности двух монетных дворов – в Ташкенте и Ясы – явно не соответствовали потребностям рынка. Именно поэтому русские монеты использовались наравне с местными монетами, интересна и история ввоза монет на территорию Южного Казахстана.

В 1534 г. началась чеканка новой общегосударственной серебряной монеты русского государства, на которой был изображен коронованный всадник с копьём, благодаря чему новая монета получила название «копейной деньги», «копейки».

В 1655 г. было решено чеканить «копейку» не из серебра, а из меди и считать их приравненными в цене, хотя медь была дешевле серебра почти в 60 раз.

Новая «копейка» с традиционным изображением коронованного всадника с копьём в первые годы реформы успешно распространялась по всей стране, но принудительный курс новых денег не мог не отразиться на состоянии рыночных отношений. Огромное, ничем не ограниченное, производство медных копеек постепенно привело к обесцениванию денег: серебро исчезло из обращения, а медные копейки неудержимо падали в цене. Торговцы отказывались брать в уплату за товары медь, росло недовольство населения дороговизной, начался голод.

В июле 1662 г. в Москве вспыхнул бунт, прозванный современниками «медным». Восстание было подавлено, реформу приостановили, а в июне 1663 г. последовал царский указ о возвращении к чекану серебряных монет. Медные копейки были выкуплены у населения в короткий срок, причем за одну серебряную копейку брали 1 рубль медными.

Расстройство рыночных отношений отражалось и на внешней торговле Русского государства. Западные купцы отказывались принимать в уплату за товары русскую медь, предпочитая ей серебро, отказывались торговать в расчете на медные деньги и мусульманские купцы на юго-западных границах России. Совершенно на иной основе складывались русско-казахские торговые связи XVII в.

Отток копеек из восточных областей Русского государства в соседние страны происходил в 60-х – начале 70-х гг. XVII в., но не исключено, что вывоз монет мог начаться и раньше – к концу 1650 г., когда медная копейка уже дискредитировала себя как средство денежного обращения. Русские купцы, торговавшие с Казахским ханством, хорошо знали положение на местных рынках и использовали русскую медную монету в платежах за товары или торговали монетами как металлическим сырьем. Можно предположить, что предприимчивые торговцы скупали у населения восточных окраин России «дешевую» копейку по более высокой цене, чем по обменному курсу, а затем переправляли медь в Казахстан, где цены на медь были выше.

В списках товаров, которые Россия поставляла в страны Востока, неизменно фигурирует медь, как в слитках, так и в различных изделиях из меди и бронзы.

Появление русских монет на юге Казахстана было не случайным явлением, а продиктовано ходом развития торговых связей двух соседних государств (Ерзакович, 1986а, с. 51-54; Спасский, 1970, с. 129-132; Настич, 1983, с. 151-152).

В торговле Южного Казахстана в городах Сайраме и Туркестане использовались также монеты, чеканившиеся в Ташкенте в XVIII-XIX вв. (Бурнашева, 2007, с. 156-157).

Медные монеты XVIII – начала XIX в., выпускавшиеся в Средней Азии на территории Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств, известны по работам Р.З. Бурнашевой и С.Х. Ишанханова (Бурнашева, 1966; Ишанханов, 1976). На них появляются названия «фельс» или «фулус», наименование монетного двора. Они имели хождение и на территории Южного Казахстана.

Земледелие и ирригация

Земледелие. В жизни средневековых городов и селений занятия земледелием играли важную роль. Горожанин обычно имел за городом участок обрабатываемой земли, куда переселялся летом. Этот обычай сохранился и в позднем средневековье, однако значение его усилилось.

В письменных источниках, характеризующих отдельные сырдарьинские города, в первую очередь указываются каналы, которые снабжали население водой и служили для орошения пашен, садов, виноградников, бахчи.

К.А. Пишулина проанализировала сведения письменных источников о земледелии в Южном Казахстане и отметила, что земледельческое население сырдарьинских городов называлось вместе с податным населением городов термином «райя».

Крестьяне владели землей на правах собственности или же арендовали у крупных земледельцев, в том числе у духовенства (земли вакуфов). В частной собственности находилась и вода для орошения посевов. Крестьяне облагались налогами, среди которых

наиболее тяжелым был «тагар» – налог для снабжения войска (Пищулина, 1969, с. 38-41).

В предгорной зоне Южного Казахстана выделялся Сайрам, вблизи которого располагались массивы орошаемых земель. Именно в Сайрам были посланы снабженцы армии Абдаллаха, осаждавшей Сауран, за зерном и фуражом (Пищулина, 1969, с. 23).

Город Ясы-Туркестан был центром большой сельскохозяйственной округи, которая обеспечивала зерном и продовольствием, поставляемым в город и вывозившимся в степь кочевниками.

Большие наделы земель, орошаемые арыками Йангича, начиная с Тимура были выделены вакуфными грамотами духовенству мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави; служителям мавзолеев, пользовавшимся для орошения арыками Кара-булак, Сазат-булак, Миш, Акзил-Кийа, Кийа-Джук, Бохарчук, Шаш, Дарваза, Ташанак, Куш-курган (Пищулина, 1969, с. 19-20).

Сведений о землепользовании в Казахстане в XV-XVII вв. в источниках мало. В этом плане любопытна, в частности, грамота, выданная мазару Ходжи Ахмеда Ясави, где сказано: «Названный хажиб должен получить два коша земли с водой, сеять там хлеб или сдавать под посев» (Пищулина, 1969, с. 38). В грамотах того времени назывались два типа земледельцев-арендаторов: «шарик» и «каранде». В грамоте, датированной 1617 г., было записано, что арендаторы не могут пользоваться водой из канала, пожалованного ишану Ассаулаху-ходже, без его ведома, и за порчу арыка отвечают своим имуществом.

О существовании развитого земледелия свидетельствуют и налоговые термины, например, «мардикар» – налог, связанный с работами по устройству и поддержанию в порядке оросительной сети; «тагар» – продовольственный налог для войск в виде хлеба и фуража, верховых и вьючных животных (Пищулина, 1969, с. 38-41).

Сауран, как показывает изучение его сельской округи, был центром многочисленных земледельческих усадеб, жители которых выращивали хлеб, в том числе и на продажу, имели сады и виноградники, выращивали бахчевые, о чем свидетельствует характер сохранившихся гряд земельных участков (Пищулина, 1969, с. 18).

В Сыгнаке, сообщает Рузбихан, поля орошаются выведенными из Сейхуна арыками (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с. 116). В грамотах из Сыгнака названы арыки Кызилтал, Чихил-Тургай, Ордакент, Калта-Джалгийя, Джулак, Жинг-Булак, Арсланды, а также источники Тохтамыш, Хараш, Хисарчук (МИКХ, с. 318-319).

Археологические исследования в районе позднесредневековых городов левого берега Сырдарьи Куджана, Аркука, Узгента, Ак-Кургана свидетельствуют о том, что орошение здесь базировалось на магистральных самотечных системах, начинающихся головными

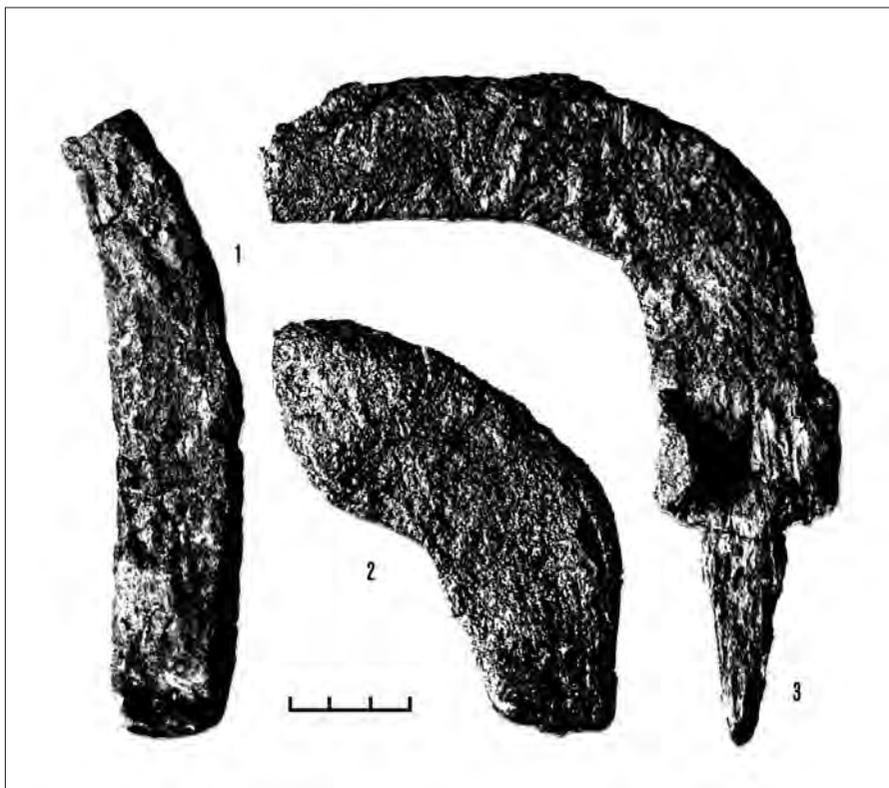

Рис. 197. Обломки серпов

каналами в основном русле реки. На левобережье города также были крупными производителями сельскохозяйственной продукции и прежде всего зерна. Рузбихан сообщает о снабжении войска Мухаммеда Шайбани зерном и фуражом в Аркуке.

Он писал о том, что в Аркуке, несмотря на зимний период и «дороговизну и скудость», было заготовлено все необходимое продовольствие для войска (Пищулина, 1969, с. 24-25).

В предгорных районах для орошения использовались воды горных рек, а также широко практиковались посевы на богаре.

Вблизи Сайрама находились массивы орошаемых земель. Вода на них поступала из Аксу, Сайрамсу, Бугуни. Письменные источники свидетельствуют о производстве в Сайраме пшеницы, ячменя, проса и овса. Как отмечает Рузбихан, в Сайраме снабжалось зерном войско Мухаммеда Шайбани-хана. В конце XVI в. сюда же посылал за зерном для своей армии Абдаллах-хан, осаждавший Сауран (МИКХ, с. 296).

Отрар, Отрарский оазис в XV-XVIII вв. снабжались водой из системы Тимур-Арык, голова которого находилась на Арыси в 10 км выше современного села Шаульдер.

Все эти данные свидетельствуют о большой роли в жизни городов Сырдарьи земледелия, а исследователи городской жизни,

опирающиеся на сведения источников, прямо указывают на полуаграрный характер городов.

Археологические раскопки подтверждают важную роль аграризации, которая в это время становится одной из важнейших функций городов.

Так, для этого времени характерен рост площади домовладений за счет айванов, двориков, кладовых, помещений для скота. Эти изменения свидетельствуют о значении в хозяйстве городского населения. Хозяйственные дворики, частично закрытые навесами, большие кладовые для зерна и сельхозпродуктов, появление специальных помещений для скота в позднесредневековом Отраре показывают усилившуюся в это время аграризацию города.

Палеоботаники смогли определить по остаткам зерен, мякины, соломы, найденной в раскопках, такие культурные растения как пшеница, рис, ячмень, овес, просо, маш, тагар, анис, виноград, урюк, арбузы, дыня.

Интересную информацию удалось извлечь, подсчитывая объем зерна, хранившегося в домах Отрара XVI-XVIII вв., с учетом емкости зернохранилищ. Выяснилось, что, кроме годового запаса зерна на одну семью, в каждом третьем доме Отрара хранилось еще около 5-8 тонн зерна. Это заставляет предположить, что третья часть горожан была связана с товарным производством зерна (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979, с. 10-11).

Таким образом, и письменные источники, и археологические материалы свидетельствуют об аграризации городов, одной из функций которых становится не только посредничество в продаже кочевникам зерна и хлопчатобумажных тканей, но и производство этой продукции – и зерна, и хлопка-сырца для изготовления самой ткани.

Неоспоримые факты существования развитого земледелия в позднесредневековое время на юге Казахстана получены в результате масштабных раскопок Отрара, Саурана, а также городищ Куль-тобе и Ран на северных склонах Каратау (Жолдасбаев, 1974б, с. 468; 1975б, с. 485-486). Среди сельскохозяйственных орудий, найденных при раскопках, – серпы, садовые ножи. Хлеб мололи на каменных жерновах, выпекали в тандырах. В домах Отрара, Куль-тобе и Рана имелись кладовые с закромами, в которых хранили зерно и фрукты. Для хранения зерна и муки использовали хумы и зерновые ямы. В некоторых закромах обнаружены остатки проса и пшеницы, в других – косточки винограда (видимо, в закромах хранили сушеный виноград), в других, очень небольших, возможно, держали различного рода пряности. О масштабах полеводства в Отрарском оазисе можно судить и по наличию в городе специального квартала хлебопеков, производивших хлеб на продажу.

Развитие получают садоводство и огородничество. Земледельцы культивировали хлопчатник. Его семена и обуглившиеся коробочки найдены при раскопках отрарских жилищ.

В конце XVII – начале XVIII в. феодальные войны, набеги джунгар подорвали экономику края. Приходит в упадок оросительная сеть, сокращаются площади посевов, пустеют селения (Пищулина, 1969, с. 48-49).

Постигшее казахов тяжелое народное бедствие «Ақтабан-шубырынды» обусловило интенсивное перемещение казахов с традиционных зимовок и оседло-земледельческих поселений и, в конечном счете, привело к упадку земледельческой и городской культуры. Так, например, если в Отраре в XVI – первой половине XVII в. проживало свыше 5 тыс. человек, то в середине XVIII в. всего лишь 200-250 человек. Сокращение численности населения в указанный период характерно и для Саурана, Сыгнака и других присырдарьинских городов (Акишев, 1977, с. 10-11).

Имели значение для упадка земледелия и климатические факторы. Исторические источники XVIII и XIX вв. содержат многочисленные свидетельства очевидцев о наличии в степи массы заброшенных пашен и оросительных систем. По мнению А.В. Шнитникова, исследовавшего реки и озера Центрального и Южного Казахстана, эти пашни и ирригационные сооружения были заброшены в результате ухудшения природно-климатических условий лишь немногим ранее XVIII в. (Шнитников, 1957, с. 113-119, 124).

Тем не менее, общий упадок земледелия к концу XVII – началу XVIII в. не был повсеместным явлением, поскольку традиции земледельческой культуры были достаточно прочны среди казахов (Пищулина, 1977, с. 145-147). Правда, ограниченность имеющихся источников не позволяет проследить это с достаточной полнотой и восстановить целостную картину, однако даже немногочисленные свидетельства совершенно очевидно показывают важное хозяйственное значение земледелия в этот период. Так, посольство В. Кобякова к казахскому хану Тауке в 1692 г. сообщало, что «...хлеб у Тевки-хана родится многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и яровые» (Дополнения к актам историческим, 1867, с. 389-39). А посольство Ф. Скибина и М. Трошина в 1695 г. свидетельствовало, что «...казаки де все живут для пашенных земель по кочевьям» (МИУТТ, 1932, с. 265). В Сыскном «Деле о пути в Хиву» 1697 г., составленном на основе данных посольства Скибина и Трошина, отмечено, что между гг. Туркестаном и Узгентом на побережье нижнего течения Сырдарьи казахи совместно с каракалпаками занимались земледелием (МИУТТ, 1932, с. 266).

Со второй половины XVIII в. вследствие ряда объективных политических и экономических причин, обусловивших серьезные изменения общественной структуры, дальнейшую эволюцию и трансформацию кочевого общества, происходит заметный подъем культуры земледелия на всей территории Казахстана. Это обстоятельство находит свое отражение в восстановлении ряда старых и постройке

новых крупных ирригационных систем, в расширении площади орошаемых земель, в переходе значительной части населения к устойчивому занятию земледелием (Шалашилин, 1960, с. 34; Маргулан, 1951, с. 107, 109).

Вместе с тем источники отмечают значительно возросшую потребность казахов в сельскохозяйственной продукции и их стремление к занятию земледелием. Казахи, свидетельствуют М. Тевкелев и П. Рычков, «...к пище хлебной нарочито уже привыкли, и на каждую зиму оную запасать стали» (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961, с. 576). При этом, уточняет П. Рычков, «...на зимнее время запасают... они уже просо, пшеничную муку и пшеницу, которую они для пищи своей варят и жарят на масле» (Рычков, 1767, с. 204). Обращаясь за помощью к царской администрации, Абылай-хан в 60-х гг. XVIII в. писал, что у него люди «...несколько в хлебопашестве знающие есть...» (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961, с. 662). В исторических известиях того времени имеются многочисленные указания на то, что Абылай распространял в подвластных ему землях хлебопашество и сенокосение (Аполлова, 1960, с. 175-177). Так, башкирские послы, побывав в 1764 г. в Среднем жузе, сообщали: «А нынешнего лета он, Аблей-солтан, и просу сеел» (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961, с. 668). А.М. Бекчурин в 1780 г. доносил, что Абылай-хан расположился в шести днях пути от Ташкента «...и на том месте производит хлебопашество» (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961, с. 102).

В источниках имеются и другие сведения о развитии казахского земледелия. В частности, следующие: Абулфеиз-султан «ради производства хлебопашества в прежней зенгорской земле» селил и употреблял для работ пленных киргизов (Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках, 1961, с. 680).

Средоточием казахского земледелия в первой половине XIX в. являлся Южный Казахстан в бассейнах рек Сырдарья, Или, Чу/Шу, Таласа, в горах Каратау. Здесь, сообщал М. Поспелов, казахи отличаются «нарочитым упражнением в хлебопашестве» (Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., 1851).

Ф. Назаров сообщает, что в предместье г. Сузака и около Чимкента казахи издавна занимались земледелием, имели сады и поля хлеба (Назаров, 1968, с. 31, 33). А вот что пишет доктор Эверсман: «По берегам залива и самой реки Сырдарья кочуют киргизы в большом количестве... Они сеют просо и немного ячменя, и пашни свои, расположенные по самому берегу, наполняют посредством проведенных каналов... Скота имеют очень мало» (Васильев, 1905, с. 204). Побывавший здесь вместе с Эверсманом в составе миссии Негри в 1820 г. Е.К. Мейендорф отметил, что к числу сельскохозяйственных районов казахской степи относится междуречье Жанадарья и Кувандарья, а также берега озер Камышлыбаш и Аралы. При этом его удивило существование бахчей

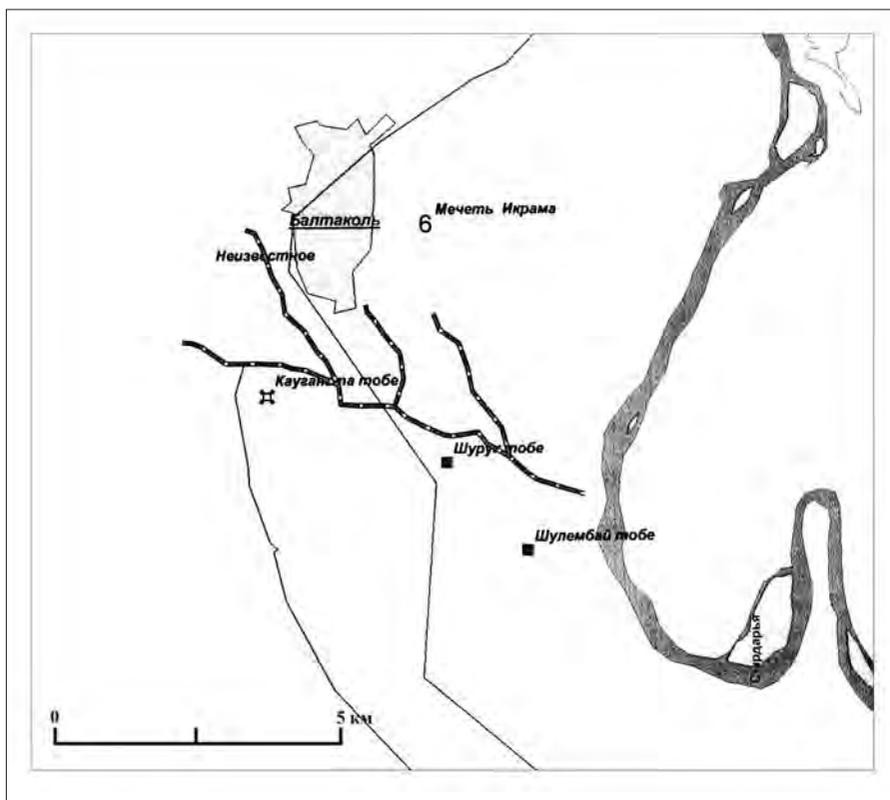

Рис. 198. Оросительная система Кауган-арык. План

и мощной ирригационной системы у присырдарьинских казахов (Мейендорф, 1975, с. 38, 45, 64, 65; Материалы по истории Казахской ССР, 1940, с. 373). «Каналы для поливки пашен, устроенные около реки Сыра, – пишет А. Левшин, – замечательны как пространством своим, так и глубиною» (Левшин, 1832б, с. 202).

Орошение Отрарского оазиса. Наиболее основательно изучено орошение Отрарского оазиса в силу хорошей сохранности остатков искусственной ирригации. Этому посвящены работы В.А. Грошева, С.Ш. Акылбека, К.М. Байпакова, Д.А. Воякина, М. Кожы (Грошев, 1985; Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области, 2007, с. 333-378).

В XV-XIX вв. функционировал ряд ирригационных систем.

Магистральный канал Кауган-Арык (X-XVII вв.) находился в районе села Балтакол в излучине Сырдарьи.

Прослеживаются остатки 5 головных участков, отстоящих друг от друга на 1-1,5 км вверх по течению реки.

Ложь каналов приподнято относительно современной поверхности на высоту 1,5 м, протяженность 2 км. Вверх по течению реки на расстоянии 1,3 км сохранился еще один головной канал Кауган-арыка. Он имеет ложь шириной около 5 м, глубиной 1,2 м, ширина отвалов 17 м,

высота – 1,8 м. Протяженность канала 2,5 км, длина – 3 км, ширина русла 4 м, глубина – 1,6 м. Длина холостого пробега воды в магистральном канале Кауган-арык составляла около 0,5 км. Размеры магистрального канала на этом участке: ширина ложа 7-9 м, ширина отвалов 20-25 м, высота – 2 м, глубина канала 1,8 м. Рабочая часть магистрального канала Кауган-арык начинается двумя распределителями, отходящими в сторону городища Актобе.

От городища Актобе, верхние слои которого датируются X-XII вв., трасса магистрального канала Кауган-арык идет в направлении городища Кауганата. На этом участке длиной около 5 км от основного русла через каждые 20-25 м с обеих сторон отходят многочисленные распределители протяженностью 1,2-1,5 км, которые, в свою очередь, делятся на второстепенные распределители и оросители. Ширина русел их соответственно равна 5 м, 3 м и 1 м. Магистральный канал проходит с северной стороны от центрального бугра городища Кауганата на расстоянии 150-200 м. Трасса канала идет в западном направлении и прослеживается на расстоянии 15 км, где заканчивается обширной низиной.

Керамика, обнаруженная в разрезе канала и на поверхности, а также время жизни городов и поселений, топографически связанных с магистральным каналом, дают возможность датировать Кауган-арык X-XVII вв. (Грошев, Акылбек, 2007, с. 352-355).

Кулан-арык (XVIII-XIX вв.). Исток канала в 10 км к юго-востоку от села Актобе в излучине р. Бугуни. Длина канала около 10 км. Канал был построен силами земледельческой общины. Датируется канал XIX в. (Кожа, 2007а, с. 354-355).

Канал Майлыкожи (вторая половина XIX в.) расположен вблизи с. Ходжатугай. Длина канала 7-8 км. Канал тянется вдоль обрыва Кызылжар до тугаев Саяк. Датируется XIX в. (Кожа, 2007б, с. 355-356).

Магистральный канал Сангыл-арык расположен на территории между селами Ески-Чилик и Мыншункур.

Сангыл-арык брал начало из старицы Арыси, ширина которой 20 м. С помощью водозабора вода из Арыси направлялась в старое русло и затем поступала в магистральный канал. Ложе канала прослеживается в районе с. Когам, огибает с запада городище Куйрыктобе и направляется к городищу Алтынтобе. Канал с помощью распределителей и плотин разветвлялся на несколько русел и орошал земли между городищами Куйрыктобе, Алтынтобе и Жалпактобе. Сброс каналов направлен в Сырдарью. Общая протяженность канала около 20 км. Всего на протяжении канала прослежены 4 крупных гидротехнических узла: в районе городища Пшакшитобе, на участке села Каргалы распределитель идет в сторону городища Актобе (Куюктобинское).

Третий распределитель отходит в сторону Отрартобе, четвертый находится вблизи городища Куйрыктобе. Канал подавал воду, в том числе, и городищу Отрартобе (Акылбек, 2007, с. 357-360).

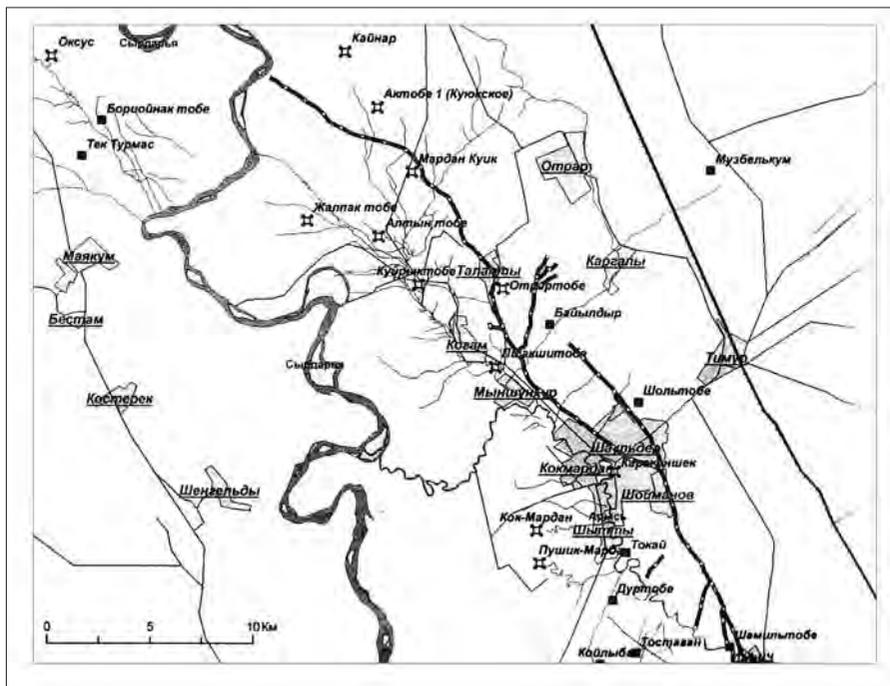

Рис. 199. Оросительная система Темир-арык. План

Магистральный канал Темир-арык. Головной участок его находился к юго-востоку от с. Шаульдер в 13,5 км выше по течению р. Арысь, считая от истока системы Каракунчук. Голова Темир-арыка находится рядом с современной плотиной, перекрывающей реку и подающей воду в действующую оросительную сеть.

Наземными поисками удалось обнаружить остатки шести головных каналов, подводивших воду к магистральному каналу Темир-арык. Их истоки отстояли друг от друга на расстоянии 60, 180, 200, 1000, 2000 и 3300 м вниз по реке.

Общая протяженность магистрального канала свыше 40 км, ширина валов по основанию в головной части 65 м, ширина ложа каналов 20 м, глубина 5-6 м. До села Шаульдер ложе канала перекрыто современным каналом, дамбы системы появляются на местах изгибов, то слева, то справа. Через 10 км холостого хода магистральный канал в районе современного села Шаульдер разветвляется на два рукава. Левый отходит в северо-западном направлении и через 3 км соединяется с рабочей частью магистрального канала Каракунчук.

Основная трасса магистрального канала Темир-арык проходит с западной стороны основного бугра Отра.

За Отаром трасса системы Темир-арык сохранилась в виде сплошного вала с едва заметным углублением в центре, а далее вовсе прослеживается едва заметным всхолмлением. Нижняя часть системы (2-3 км) не имеет никаких ответвлений. Вероятно, этот участок выполнял лишь функции сброса. Датируется система XV-XIX вв. (Грошев, Акылбек, 2007а, с. 363-365).

Водохранилище Отрара расположено в 80-100 м к югу от городища Отрар.

При дешифровке аэрофотоснимков на них отчетливо прослеживается восьмеркообразный котлован. Водохранилище является довольно сложным по инженерной конструкции и универсальным по назначению гидротехническим сооружением. К инженерным конструкциям водохранилища кроме основного резервуара, относятся два бассейна-отстойника, которые предназначались для предварительной очистки воды, поступающей из магистрального канала, бассейн-отстойник в месте забора воды в городской водопровод. Данные, полученные в процессе обследования водохранилища, свидетельствуют о том, что его восьмеркообразная форма не случайна, потому что водоем создавался в два этапа.

Первоначально строился северный котлован, затем – южный. Северный котлован с оплывшими стенками имеет в основании почти круглую в плане форму диаметром около 200 м и глубину 2 м.

Керамика, найденная в шурфах, разнообразна и датируется X-XVIII вв.

Под водохранилище, вероятно, была использована низина, которая образовалась в процессе добычи глины для изготовления сырцового кирпича. Как показала зачистка, площадь водного зеркала в водохранилище в разные годы менялась. Учитывая толщину наносов (более 2 м), установлено, что глубина его при максимальном заполнении достигала 4 м. Исходя из того, что площадь северного котлована составляла 31 400 кв. м, теоретически объем водохранилища в первоначальный период жизни составлял 125 600 куб. м.

В начале XIII в. северный котлован перестает функционировать, об этом можно судить по слоям наносов. Через некоторое время с южной стороны образуется еще одна заполняемая водой низина, примыкающая к северному котловану.

Водный объем вновь построенной южной части равен 282 600 куб. м. После слияния котлованов Отрарское водохранилище приобретает восьмеркообразную форму и в состоянии вместить уже 408 200 куб. м воды. Водохранилище бесперебойно снабжало Отрар водой, осуществлялся полив возделываемых культур, садов, парков. Водохранилище просуществовало вплоть до XVIII в. (Грошев, 1976, с. 36-46).

Агроирригационные планировки Отрара. На аэрофотоснимках вокруг Отрара прослеживаются многочисленные следы древних полей, виноградников, бахчей, садов и парков. Агроирригационные планировки образуют обширные сплошные массивы, состоящие из прямоугольников, ромбов, квадратов на расстоянии 10-15 км от основных руин городища. В процентном отношении, как показали наземные исследования, планировки полей культурных злаков (пшеница, ячмень, овес, просо, рис) занимают большую часть возделываемых земель.

Несколько меньшую долю составляют бахчи, виноградники, присадово-парковые участки, которые сосредоточены в основном в черте города. В зависимости от возделываемой культуры применялась и разнообразная техника полива. Как показало наземное обследование, полив производился по бороздам, полосам и затоплениям. В соответствии с этим сохранились и различного вида планировки. На территории рабада Отрара отмечены остатки бахчей, виноградников, садов и парков. Так, у русла распределителя, отходящего от Темир-арыка в северной части городской территории, сохранилась планировка подпрямоугольной формы размером 50 x 60 м. Она разделена на гряды шириной от 3-х до 4-4,5 м. Высота гряд 0,2-0,3 м, ширина арыков между ними 1,5-1,7 м, глубина 0,15-0,25 м. Гряды по периметру окружены валиком шириной 1,8 м, высотой 0,4 м. Другой участок размером 50 x 50 м сохранился с противоположной стороны распределителя. Ширина гряд 3,8 x 4 м, ширина арыков – 1,5-1,8 м. Недалеко от северной (первой) стены рабада на местности прослеживается планировка размером 20 x 60 м с более узкими грядами. Длинной стороной она примыкала к руслу одного из

Рис. 200. Отрарский оазис. Ирригационная система. Аэрофото

распределительных каналов Темир-арыка. Ширина гряд составляла 2-2,7 м, ширина арыков между ними 1,2-1,4 м. Вероятно, это остатки виноградника.

Остатки садово-парковых планировок прослеживаются в центре северного предместья Отрара. Здесь сохранился хорошо спланированный массив земли (40 x 60 м), ограниченный валом высотой 0,9 м и шириной от 2 до 4 м. По длине он разделен на гряды шириной от 5 м до 7 м. Ширина арыков составляла 1,5-2 м. Здесь необходимо отметить, что агроирригационные планировки, ширина гряд которых равна 5 м и более, относятся к садам и паркам, более узкие гряды от 3 до 5 м – к бахчам, а гряды шириной 1,5-2 м – к виноградникам. Поля под зерновые культуры располагались, как правило, за городской чертой. Они имели различные планировки и размеры. Четко фиксируются большие, хорошо спланированные земельные массивы размером 200 x 300 м, 100 x 250 м, 50 x 150 м, которые ограничены валами шириной до 3 м и высотой до 1 м. Они, в свою очередь, делятся невысокими валиками шириной 0,25 м на более мелкие участки (Грошев, 1977, с. 14-22).

Кяризы. В 1969 г. при изучении городища Сауран и его округи была применена плановая и перспективная аэрофотосъемка в сочетании с визуальными наблюдениями и наземными полевыми маршрутами. В результате работ был получен новый материал по топографии памятника и округи, а также по средневековой ирригации в этом районе.

Особый интерес вызвало открытие кяризов – подземных оросительных каналов, устраиваемых для вывода подземных вод на поверхность и использования их в хозяйстве (Акишев, Байпаков, 1973, с. 76-78).

Сверху кяризы выглядели двумя цепочками темных круглых пятен (вентиляционные колодцы), концы которых находились на северной окраине развалин Саурана и в районе городища Мыртобе.

При дешифровке полученных аэрофотоснимков и наземных исследований наблюдается следующая картина. Исток первого кяриза (восточного) начинается в районе городища Мыртобе. Диаметр заплывших колодцев равен 5 м, расстояние между ними – 15 м. Кяриз от Мыртобе в сторону Саурана отчетливо прослеживается на расстояние 0,5 км, а затем исчезает и вновь виден с середины расстояния между Мыртобе и Саураном. Здесь наблюдается интересная деталь: к главному руслу кяриза примыкают еще два коротких притока с восточной и западной стороны. Они обозначены двумя пунктирными линиями, в каждой из которых насчитывается до 10 колодцев. Ниже, на отрезке 200 м, колодцы идут двумя параллельными рядами.

Второй кяриз (западный) прослежен частично на участке длиной около 1,5 км. Следы от колодцев сохранились на местности хуже, они заилены, кольца выбросов имеют неправильные округлые очертания. Исток кяриза проследить пока не удалось. Оканчивается он на местности, с характерными следами усадебной и парковой застройки,

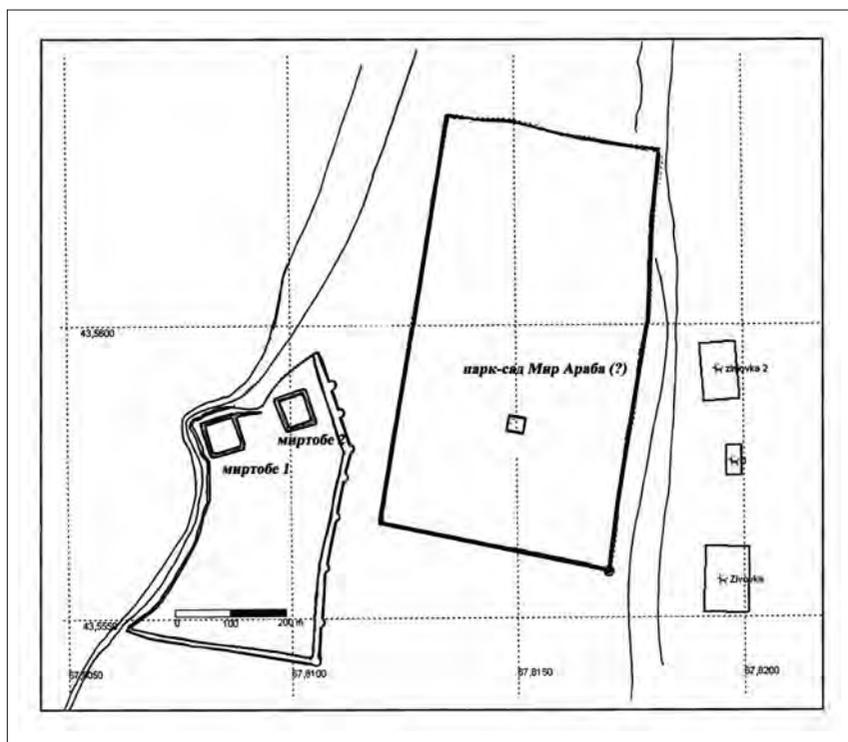

Рис. 201. План основных элементов археологического подкомплекса Мыртобе

расположенной западнее Саурана. Выбросы вокруг колодцев состоят из мелкой гальки. Как известно, именно в галечниках, малопроницаемых для воды, находятся источники кяризов (Никшич, 1924, с. 75).

Согласно сведениям Васифи, автора XVI в., кяризы были подарены городу представителем местного духовенства Мир-Арабом. «Подобных им, – пишет Васифи, – не видели люди, объехавшие весь мир на суше и на море». Исток кяризов был на расстоянии фарсаха от Саурана. Над ним была построена крепость, внутри которой прорыт колодец глубиной в 200 гязов, причем 50 гязов было от поверхности земли до воды, 150 – составлял столб воды в колодце; воду поднимали посредством чигиря. Чигирь приводился в движение быком. У истоков кяризов находилось водохранилище. На участке земли, орошаемой водой одного из кяризов, был устроен чарбаг – поместье с садами, виноградниками и хозяйственными постройками (Болдырев, 1957, с. 161-168).

Многие детали устройства кяризов выясняются при сопоставлении полученных археологических наблюдений с описанием их у Васифи. Так, крепость, построенная у истоков кяризов, соответствует, вне всякого сомнения, развалинам Мыр (Мир)-тобе. В названии ее сохранилось имя Мир-Араба.

Кяриз – сложное и трудоемкое ирригационное сооружение. Строительство и очистка его были сопряжены не только с каторжным

трудом в ужасающих условиях, но и с большой опасностью для жизни. У Васифи же приводится эпизод, связанный с очисткой канала, проливающий свет на условия работ. «Случилось так, что воздух в колодце испортился, и работать стало невозможно. Тогда с одной стороны колодца прокопали ход размером в небольшой арык до его глубины и пропустили через ход вроде рукава, сшитого из кожи. К голове рукава пристроили кузнечные мехи и качали воздух, а мастера-землекопы работали. Землекопы работали, подвязав себе на бедрах по две тыквы, чтобы не утонуть, если бы вода вдруг забила фонтаном» (Болдырев, 1957, с. 335, прим. 253).

На строительных и очистных работах использовался или труд рабов, как это было в Сауране согласно Васифи, или же трудового люда бедных родов и кишлаков. В Фергане эту работу выполняли узбеки рода карай-китай из кишлака Ашт (Хамраев, 1948, с. 27).

На территории Средней Азии кяризное орошение получило наибольшее развитие в Туркмении. Здесь до недавнего времени действовали и сейчас действует целый ряд кяризов, наблюдение за которыми дает интересный материал. Так, Исберзень имел глубину 19,9 м, длину – 2800 м, число колодцев – 68, дебит воды – 20,5 л/сек; Ишан – соответственно 37,1 и 1750 м, 45 колодцев, 2 л/сек; Хан-кяриз – 28 и 2260 м, 70 колодцев, 176 л/сек; Дэв – 46 и 2280 м, 42 колодца, 158 л/сек (Никшич, 1924, с. 75-76).

В Бухарском ханстве кяризы имелись в районе Нур-Ата. Длина их колебалась от 150 до 200 м, расстояние между колодцами равнялось 3-5 м. От последнего колодца шел канал, по которому вода направлялась на орошение полей (Хамраев, 1948, с. 27).

Сравнение кяризов Саурана с аналогичными сооружениями Туркмении и Ферганы свидетельствует о значительно большей масштабности первых. Длина их, количество колодцев и глубина позволяют сблизить их с подобными сооружениями Персии, где развитие кяризного орошения достигло совершенства (Петрушевский, 1960, с. 117-118; Мец Адам, 1966, с. 351). Некоторые из них, например, имели протяженность до 50 км.

Как свидетельствует современный опыт, кяризы средней длины и емкости покрывают затраченные на их сооружение расходы за 2-3 года. И, что особенно важно, кяризная вода хорошо вымывает из почвы соль и выгодна для районов с засоленными почвами (Рустамов, 1964, с. 8).

Кяризные системы могут появиться и распространиться, прежде всего, при наличии определенных геогидрологических условий. Южные склоны Каратау входят в один из регионов самоизливающихся артезианских (грунтовых) вод («Каратауский субартезианский бассейн»). Туркестанский оазис, расположенный на наклонной аллювиальной равнине между южными склонами гор Каратау и поймой р. Сырдарья, представляет собой самый северный из известных регионов распространения кяризов.

В 1986 г. были начаты всесторонние исследования системы сауранских кяризов. Была проведена инструментальная топосъемка отдельного участка местности со следами кяриза и агроирригационных планировок, начаты раскопки двух колодцев (Грошев, 1985, с. 96-97). Работы продолжались в 1986-1988 гг. и при этом установлено, что дудка кяризного вентиляционного колодца имеет диаметр 0,9 м. Верхняя часть ее укреплена специально изготовленными обожженными керамическими кольцами, поставленными друг на друга, которые предохраняли устье колодца от осыпания. Высота этих керамических колец 17-20 см, толщина стенок 5 см. Внутри колодцев удалось углубиться до 4-5 м (Грошев, 1996, с. 180-189).

Кроме этого, исследователями были получены сведения о существовании кяризной системы в районе г. Туркестана и подачи воды в город. Остатков этих кяризов тогда обнаружить и зафиксировать не удалось, но, по свидетельствам старожил, еще в начале 20-х годов XX в. остатки колодцев от кяризов можно было наблюдать в 3 км к северу от Туркестана. В ходе археологических работ в самом г. Туркестане и на памятниках его окрестности в 80-90-х годах прошлого века от местного населения поступала информация о кяризах, существовавших в окрестностях г. Туркестана. Ближайший к северу от города аул называется Кяриз. Один из арыков, подводивших воду к городу, назывался Джука-кяриз (Грошев, 1985, с. 101).

Были найдены и осмотрены три местонахождения характерных цепочек кольцевых галечных выкидов, расположенных к северо-западу от г. Туркестана. Первая из зафиксированных цепочек расположена выше (северо-восточнее) пос. Чорнак. Цепочка кольцевых образований здесь прослеживается на протяжении 1000-1200 м. Внешний диаметр колец 10,5-11,0 м, ширина кольцевого вала до 3,3 м, высота 0,4-0,5 м, диаметр круглой внутренней западины 3,5-4,0 м. Кольца состоят преимущественно из песка и гальки, которые достаточно четко обрисовывают

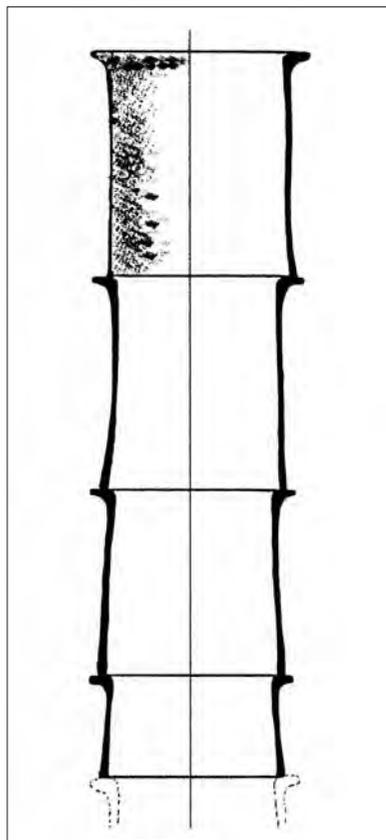

Рис. 202. Реконструкция установки керамических колец в дудке кяризного колодца (по Е.А. Смагулову)

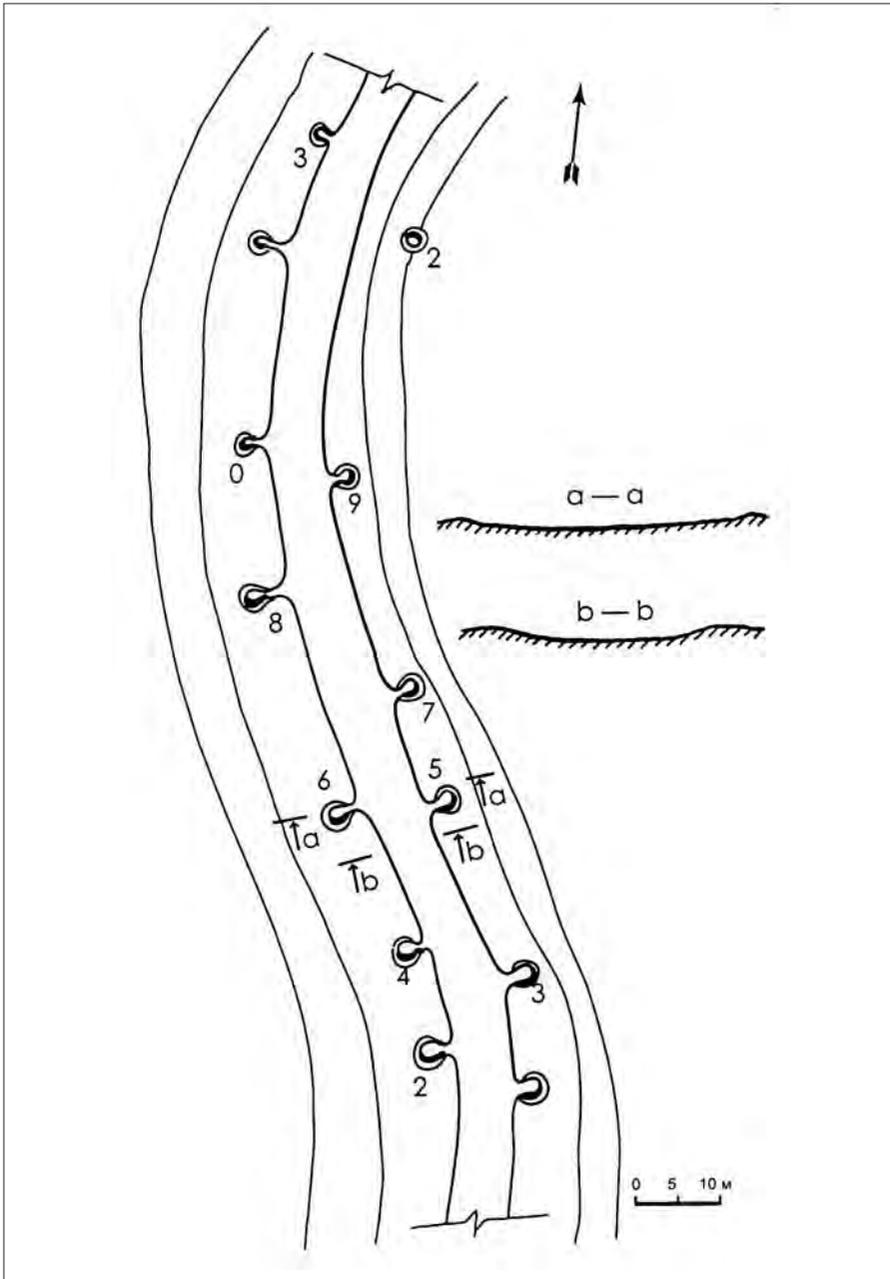

Рис. 203. Кярзизная система к юго-западу от Кок-Сарая

круглые кольца валиков на фоне желтоватой окружающей поверхности. Кольца расположены цепочкой на расстоянии 15-20 м друг от друга в направлении с юго-запада на северо-восток вдоль извилистого оврага Тастаксай в сторону гор. Так как эта местность в прошлом распахивалась под бахчевые культуры, то многие кольца теперь

несколько деформированы, частично уничтожены. Главная ветвь из 70 колодцев длиной более 1 км видна отчетливо.

От северного колодца этой ветви расходятся две ветки по 10-15 колодцев в направлении северо-запад и северо-восток к двум параллельным сухим руслам. Ветка, уходящая в северо-восточном направлении, в конце разветвляется на три конечные, которые, вероятно, соответствуют головному колодцу.

Выше пос. Бабайкорган в сторону гор в 2 км зафиксирован вдоль того же речного русла еще один участок расположенных цепочкой кяризных колодцев. У местного населения эта местность называется «кырккудук». Внешние признаки и размеры кольцевых выбросов, маркирующих направление кяриза, аналогичны таковым в цепочке, зафиксированной выше аула Чорнак.

Стены еще одного кяриза в виде расположенных цепочкой все тех же галечных выкидов зафиксированы на протяжении 700-800 м между руслом р. Карачика и сухим руслом Ермексая. Кяриз фиксируется в виде цепочки из 50 колодцев одинакового размера и формы и расположен в 12 км к северу от Туркестана, в 7 км к северу от аула Кяриз.

Открытие кяризов в Туркестанском районе заставляет пересмотреть взгляды на роль кяризного водоснабжения и орошения в средневековых городах Южного Казахстана (Смагулов, 2003, с. 184).

К югу от ханаки Ходжа Ахмеда Ясави и в 600 м от раннего городища Ясы, за пределами средневекового Туркестана случайно было зафиксировано устье вертикального вентиляционного колодца, расположенного в 1 м к востоку от спуска в извилистый подземный коридор. Верхняя часть дудки колодца была укреплена короткими керамическими трубами. Внутренний диаметр колец в верхней части – 60 см, в нижней – 72-75 см. Верхний край имеет утолщенный отогнутый и уплощенный сверху венчик, на который опирается основание верхнего кольца. Толщина хорошо обожженных стенок 2-2,5 см. Высота колец различна. Два верхних кольца имеют высоту по 79 см, следующее – 70 см, кольцо под ним – 40 см, т. е. удалось проследить дудку колодца на глубину около 3 м. Устье верхнего кольца было перекрыто каменной плитой.

Есть основания считать, что вентиляционный колодец, а значит и сам кяриз, был сооружен раньше постройки на этом месте мечети и чилла-ханы при ней (Смагулов, 1992а, с. 156).

Кяризы были обнаружены и в песках Кызылкумов, юго-восточнее с. Ходжатугай.

Кяризная оросительная система обнаружена в 46 км к юго-западу от села Коксарай в Кызылкумах. Состоит из 13 колодцев, вырытых по обеим сторонам арыка в шахматном порядке, в 5 м от него. Расстояние между первым и последним колодцами 92 м. Колодцы разрушены, сейчас они в виде воронок диаметром 3-6 м, сообщающихся с арыком. Вокруг них разбросаны обломки камней. Сохранился один колодец глубиной

0,9 м, обложенный внутри необработанными камнями. Соединялся с арыком через туннель. Датируется кяризом XIX-XX вв. (Акылбек, 2007а, с. 372-373).

Кяризная система Узункудук находится в 32,5 км к юго-востоку от села Ходжатугай. Выявлено 8 колодцев, расположенных цепочкой вдоль арыка по линии север-юг, расстояние между ними 30-50 м. Диаметры устья колодцев 1-1,5 м, стенки обложены камнями. Большинство из них разрушены. На их месте остались воронки. От двух колодцев на южном конце устроены канавы в сторону арыка длиной 8 м, шириной 0,6 м. Датируется система XIX – началом XX в. (Ахмет, 2007, с. 373-374).

Таким образом, удалось выяснить, что искусственное орошение получило в XVI-XVIII вв. высокий уровень развития.

ГЛАВА VII

ИСЛАМ И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ И КУЛЬТЫ

Города были центрами духовной жизни позднесредневекового Казахстана. В среде оседлого и городского населения, кочевников и скотоводов утвердился ислам.

В городах и селениях строились и действовали мечети, медресе, ханака.

В городах на мусульманских кладбищах над могилами почитаемых усопших возводились мавзолеи, многие из них превращались в святые места, становились объектами почитания и паломничества.

Именно эти памятники, открытые и изучаемые исследователями, позволяют представить духовную и религиозную жизнь населения позднесредневековых городов и степи. Следует отметить, что интерес к исследованиям этих памятников появился относительно недавно и связан с развитием нового направления в науке – мусульманской археологии (Байпаков, 2013, с. 8-22).

Утвердившийся при караханидах ислам проник во все сферы жизни. В.В. Бартольд считал, что в XIII в. в послемонгольское время продолжалась исламизация и одновременно тюркизация Казахстана (Бартольд, 1968, с. 213; Байпаков, 2012в, с. 105-106).

Распространение и утверждение ислама в Казахстане в значительной степени связано с суфизмом. Близость некоторых идей и элементов обрядности суфизма и местных доисламских верований и культов позволило суфизму завоевать популярность у широких слоев населения.

Известность получил суфийский орден йасавийя – одно из ответвлений конгрегации накшбандийя, связанного с именем Ходжа Ахмеда Ясави (Массон, 1930, с. 4).

Живым примером личной жизни и доступным для населения языком он призывал к следованию добру, справедливости, смирению и послушанию. Все население огромного края признало его духовным отцом и дало ему прозвище «Ата» – «Отец». К его могиле стекались тысячи паломников. «Национальным святым среднеазиатских турецких кочевников и одним из первых оседлых мусульман Средней Азии стал мистик из города Ясы, бывший при жизни апостолом бедности», – так написал о нем выдающийся ученый М.Е. Массон (Массон, 1930, с. 5; Тысяча чудес света, 2007, с. 147).

Одним из самых влиятельных был орден ходжатон-накшбандийа, ярким представителем которого был Ходжа Исхак Вали (XVI в.), прославившийся миссионерской деятельностью среди казахов, киргизов и джунгар. Мусульманскими были и Узбекское, Казахское, Казанское, Астраханское, Крымское ханства (Бартольд, 1968, с. 213).

Исламское духовенство, владевшее умами людей, помогавшее укреплению светской власти, пользовалось поддержкой последней. Крупная духовная знать получала различные привилегии, в том числе на владение вакуфными землями. За счет дохода от этих земель жили многие представители духовенства. Право на вакуфные земли подтверждали все сменявшие друг друга правители Туркестана, предоставляя соответствующие грамоты на уже выданные земли, на новые земельные участки и привилегии. Эти грамоты являются прекрасными источниками, характеризующими политическую и социально-экономическую стороны жизни позднесредневековых городов (Пищулина, 1969, с. 36-37).

Памятники исламской архитектуры и археологии Туркестана

Центром позднесредневековой мусульманской жизни и культуры является Туркестан с его святыней всех мусульман – мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясави – выдающимся памятником Всемирного наследия (Массон, 1930; Қожа Ахмет Йасауи кесенесі..., 2010). Изучению его посвящена большая литература, обзор которой выполнил Ю.А. Ёлгин (Ёлгин, 2013).

Вместе с тем на территории Туркестана и Туркестанского оазиса сохранилась, а также была найдена и исследована большая группа мусульманских памятников. Они сосредоточены на туркестанском некрополе, который стал формироваться с IV-V вв., а скорее всего, ещё раньше (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 114). Некрополь активно формировался вокруг раннего (XII в.) и построенного в конце XIV – начале XV в. мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

Позднее, в 1485 г., на некрополе была похоронена дочь Улугбека – жена хана Абулхайра Рабия Султан-Бегум, позже здесь хоронили казахских ханов и знать (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 114-123).

Мавзолей Рабии Султан Бегум. Письменные источники повествуют, что в 1451 г. тимурид Абу Саид отдал в жены хану кочевых узбеков Абулхайру дочь Улугбека – Рабию Султан Бегум и город Ясы во владение (Бартольд, 1964, с. 163-166). Это была благодарность тимурида за оказанную поддержку в борьбе за самаркандский престол.

После смерти в 1485 г. Рабия Султан Бегум была похоронена на туркестанском некрополе недалеко от ханаки Ахмеда Ясави в специально построенном мавзолее с голубым куполом.

Мавзолей Рабии Султан Бегум и мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави вызывали большой интерес и восхищение своей красотой у всех, кто

«волею судьбы попадал в храм Азрета». В письменных источниках мавзолее Рабии упоминается с XVI в. Особенно много сведений о нем содержится в русской литературе второй половины XIX в. (Маньковская, 1969, с. 49; Проскурин, 1994а, с. 277).

В конце XVIII – начале XIX в. были сделаны попытки ремонта мавзолея путем обкладки стен толстым слоем жженого плиточного кирпича на глиняном растворе. Ремонтные работы сильно исказили его внешний вид (Пашино, 1868, с. 33; Туркестанский альбом..., 1872, фото 18; Живописная Россия, 1885, с. 160-166).

В 1885 году мавзолей Рабии Султан Бегум разрушился – рухнули купол и барабан. Через некоторое время руины памятника были скрыты наносами земли, оплывами сырцово-кирпичной стены бывшей кокандской крепости, т. е. законсервированы «позднейшими наслоениями».

В 1952, 1954 и 1957 гг. было проведено тщательное археологическое изучение остатков мавзолея. В ходе раскопок были раскрыты его стены на высоту до 3 м.

К сожалению, раскопанные остатки наземных частей мавзолея по недосмотру были разобраны местным населением на кирпичи в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия, и от памятника к началу восстановительных работ сохранился лишь склеп. Но имеющиеся документальные материалы второй половины XIX в. – фотографии, рисунки, гравюры, описания мавзолея в дореволюционной литературе, скрупулезные археологические раскопки с точнейшей фиксацией, архитектурные исследования позволили восстановить облик этого памятника.

Мавзолей Рабии Султан Бегум представляет собой портално-купольное сооружение (14 x 15,5 м), построенное из жженого квадратного кирпича 25 x 25 x 5 см на ганчевом растворе, с толщиной стен 2,9 м. Фундамент мавзолея – расширяющийся, ступенеобразный, глубиной более 3 м, сооружен из того же кирпича. Пол выложен жженым кирпичом на ганче. Это была однокамерная постройка восьмигранной планировки снаружи и с восьмигранным помещением внутри. Восьмигранный зал был перекрыт внутренним куполом диаметром 8,55 м. Грани стен имели глубокие внутренние (2,4 x 1,6 м) и наружные (3,5 x 0,9 м) ниши, соединенные по центру сквозными проемами.

Главный фасад мавзолея обращен в сторону ханаки Ахмеда Ясави и представляет собой портал с пилонами и глубокой входной нишей, перекрытой высокой стрельчатой аркой. В пилонах портала размещались лестницы. Ширина портала 12,2 м, пролет арки 6,9 м, глубина порталной ниши 3 м.

В юго-восточной стене мавзолея находился вход в склеп в виде сводчатого ступенчатого коридора шириной 1,1 м. Восьмигранный склеп перекрыт низким плоским кольцевым куполом, опирающимся на восемь неглубоких стрельчатых ниш. Внутренние стены склепа были покрыты цветным ганчем: красным в нижней части стен, белым – в верхней части. Пол склепа земляной. При вскрытии склепа на полу

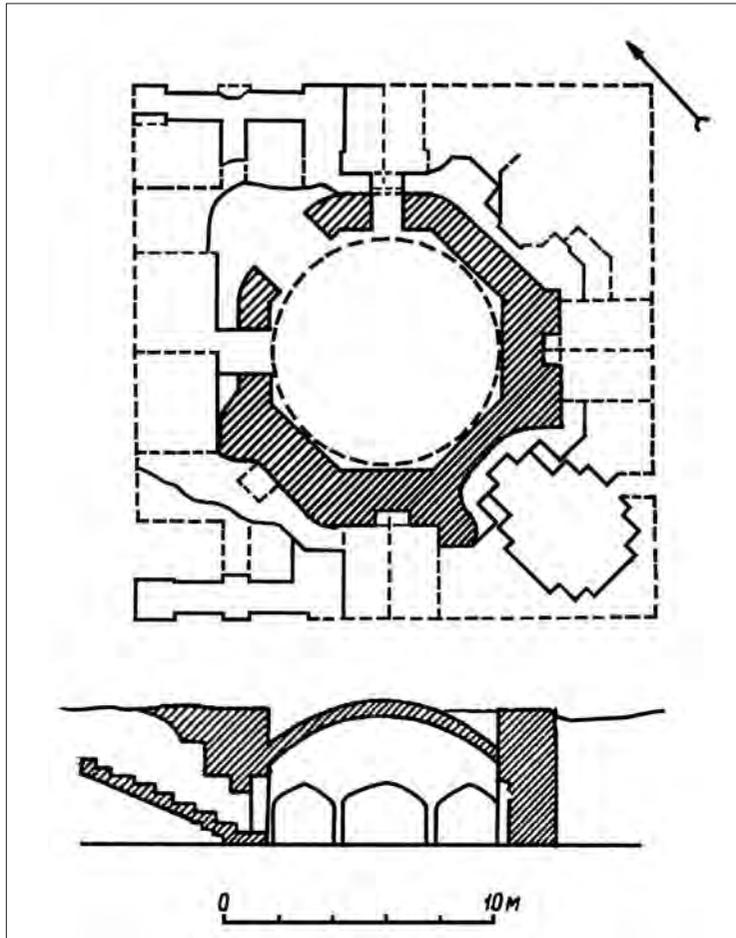

Рис. 204. Городище Туркестан. Склеп мавзолея Рабии Султан Бегум

обнаружены части обтянутых кожей деревянных ящиков и костные останки шести человек.

Мавзолей Рабии Султан Бегум был перекрыт гладким сфероконическим куполом, облицованным голубыми майоликовыми плитками. Наверху четырехъярусное навершие (куба) с пикой. Прототипом купола мавзолея Рабии Султан Бегум прослужил ребристый купол гурханы Ахмеда Ясави с изменением некоторых его деталей (Маньковская, 1969, с. 51-53).

Купол Рабии опирается на высокий цилиндрический барабан диаметром 11,2 м. Вверху и внизу барабана располагались пояса майоликового гириха в виде синих восьмиконечных звезд на фоне белых крестовин. Между поясами гириха располагалась крупная кувфическая надпись «аль Мулькалла» («власть бога»). Она непрерывно повторяется по периметру барабана и выполнена кирпичной мозаикой в виде сине-белой или синей полосы на кирпичном фоне с голубыми орнаментальными вставками. В верхней ее половине читается

восклицание «О, Мухаммад!», написанное одинарной синей полосой.

В конце XVIII – начале XIX в. однокамерный восьмигранный мавзолей Рабии был перестроен в многокамерное, прямоугольное в плане сооружение, состоящее из восьмигранного зала, двух квадратных и двух прямоугольных помещений, примыкающих к portalу (Проскурин, 1994а, с. 277-278). В таком виде мавзолей простоял до своего разрушения.

В казанлыке ханаки Ахмеда Ясави сохранилось мраморное надгробие из мавзолея Рабии Султан Бегум. На нем высечено: «Это место покоя благородной, прощенной (богом), помилованной, добродетельной Рабии Султан Бегум, дочери умершего мученической смертью, могущественнейшего, великого султана Улугбека Гурагана; он же сын могущественнейшего султана мирзы Шахруха, сына великого прославившегося эмира Тимура Гурагана. Да осятит бог все их могилы до дня суда. Случилось же горестное происшествие отбытия из жилища временного в обитель вечную в один из месяцев 890 года (1485 г.) новолунной эры бегства избранного пророка – да будет с ним милосердие и мир» (Массон, 1930, с. 22).

Еще одно надгробие из желтого песчаника без надписей было найдено в интерьере мавзолея Рабии во время археологических работ в 1954 г. Надгробие имело форму параллелепипеда, стоящего на плоской плите. Камень по углам был украшен витыми трех-четвертичными колонками.

При строительстве мавзолея его портал был развернут в сторону ханаки Ахмеда Ясави. Мавзолей Рабии замкнул с юга территорию, на которой в дальнейшем шло формирование некрополя (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 134). Памятник интересен и тем, что его расположение отличается от традиционной восточной ориентации туркестанских мавзолеев. Сейчас мавзолей предстает в реставрированном виде.

*Восьмигранный мавзолей (конец XVI - XVII в.).** Мавзолей находится в 40 м южнее восточного минарета ханаки Ахмеда Ясави (Проскурин, 1994б, с. 279). Неизвестно для кого и когда была сооружена эта мемориальная постройка. От нее уцелели к 1958 г. лишь стены высотой от 0,4 до 1,6 м, толщиной 0,75 м, сложенные из жженого квадратного кирпича на глиняном растворе. Сейчас мавзолей отреставрирован.

Мавзолей прямоугольной планировки (8,5 x 10,2 м), вытянут с юго-запада на северо-восток. С северо-восточной стороны находился главный фасад памятника с первоначальным входом в виде портала с угловыми пилонами и нишей.

Помещение внутри мавзолея (6,95 x 6,95 м) восьмигранное с восемью равновеликими нишами в стенах. Внутренние грани мавзолея

* Название памятника условное – по внутренней планировке наземной части мавзолея.

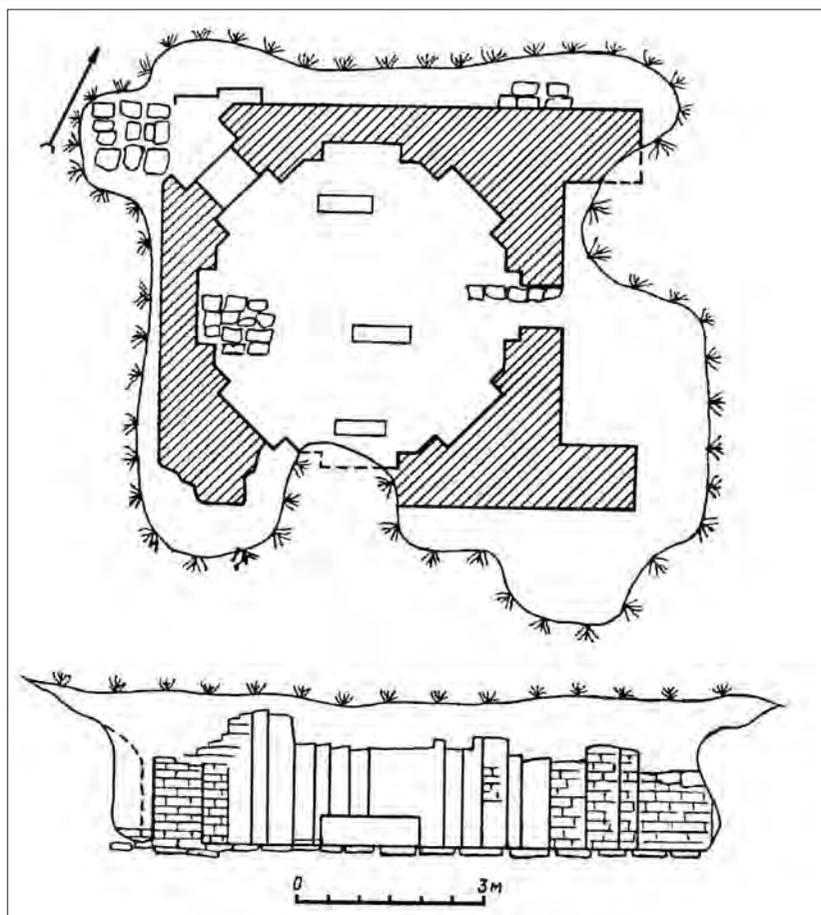

Рис. 205. Городище Туркестан. План «восьмигранного» мавзолея

разделены фигурными пилястрами. Склеп под мавзолеем не обнаружен. Пол выложен жженым квадратным кирпичом на глиняном растворе. Кирпичи покрыты темно-красным ангобом и слегка отшлифованы. На полу сохранились три надгробных камня, вытесанных из желтого песчаника с полностью утраченными эпитафиями. Надгробия стояли параллельно друг другу, по-видимому, на своих местах.

Археологические материалы и результаты архитектурных обследований позволили выявить два периода истории строительства и переделки памятника (Немцева, 1958; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 125-126).

Первый период (конец XVI – XVII в.) – строительство и функционирование восьмигранного мавзолея с порталом с северо-восточной стороны.

Второй период, хронологические рамки которого не уточнены, охватывает время капитальной реконструкции памятника.

В конце XVIII – XIX в. стены мавзолея были использованы для строительства на его месте тахарат-ханы с тремя прямоугольными

помещениями. В XIX-XX вв. после разрушения тахарат-ханы этот участок некрополя стал использоваться как кладбище для позднейших погребений.

Есть мнение и о раннем периоде строительства памятника – до XIV в. (Проскурин, 1994б, с. 279).

Безымянный мавзолей XVI – первой половины XVII века. Время не сохранило даты строительства и имени мавзолея, расположенного в 45 м к юго-западу от ханаки Ахмеда Ясави. В научной литературе этот памятник известен как «Безымянный» или «Новый» мавзолей (Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977, с. 59-72; Проскурин, 1994в, с. 279). На месте мавзолея сохранился лишь склеп и фрагменты декоративного убранства. Наземная часть памятника почти полностью утрачена.

Склеп представляет собой квадратное помещение (4,5 x 4,5 м) с куполом, поддерживаемым четырьмя невысокими пристенными стрельчатыми арками глубиной 0,8 м. На эти арки отчасти опирались и стены наземной части мавзолея. Вход в склеп, перекрытый стрельчатой аркой, находится с юго-западной стороны. На глиняном полу обнаружены семь взрослых и одно детское погребение в деревянных ящиках.

Археологические исследования установили время строительства и функционирования мавзолея: XVI – первая половина XVII в. Во второй половине XVII – XVIII в. он перестал использоваться для захоронений, был заброшен и постепенно разрушился как усыпальница Есим-хана [умер в 1628 г.] мавзолей атрибутирован условно).

Мавзолей Есим-хана XVI-XVII вв. Мавзолей находится в 12 м южнее западного минарета портала ханаки Ходжи Ахмеда Ясави (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 127-128; Проскурин, 1994в, с. 278). Представляет собой квадратную в плане постройку размером 9 x 9 м, сложенную из жженого кирпича (25 x 15 x 5 см) на глиняном растворе. Остатки стен с нишами для арок указывают на то, что мавзолей был перекрыт куполом. Реконструировать форму перекрытия в связи с большими разрушениями памятника затруднительно. Большой запас прочности стен, толщиной 1-2 м, при небольших размерах постройки позволяет предположить наличие мощного купольного перекрытия, возможно, шатровой формы. Главный фасад мавзолея обращен на восток и оформлен порталом.

Мавзолей был облицован глазурованными плитками с голубой, сине-желтой и зеленой поливой. Остатки цветной облицовки в виде геометрического орнамента сохранились в нижней части порталной ниши. Планировка склепа имеет крестообразную форму, образованную нишами четырех арок.

Архитектурно-археологические обследования позволили отнести сооружение мавзолея к концу XVI – началу XVII в., но, скорее всего, к XVII в. Раскопками также было установлено, что разрушение памятника произошло в конце XVIII – начале XIX в. В середине XIX в. остатки

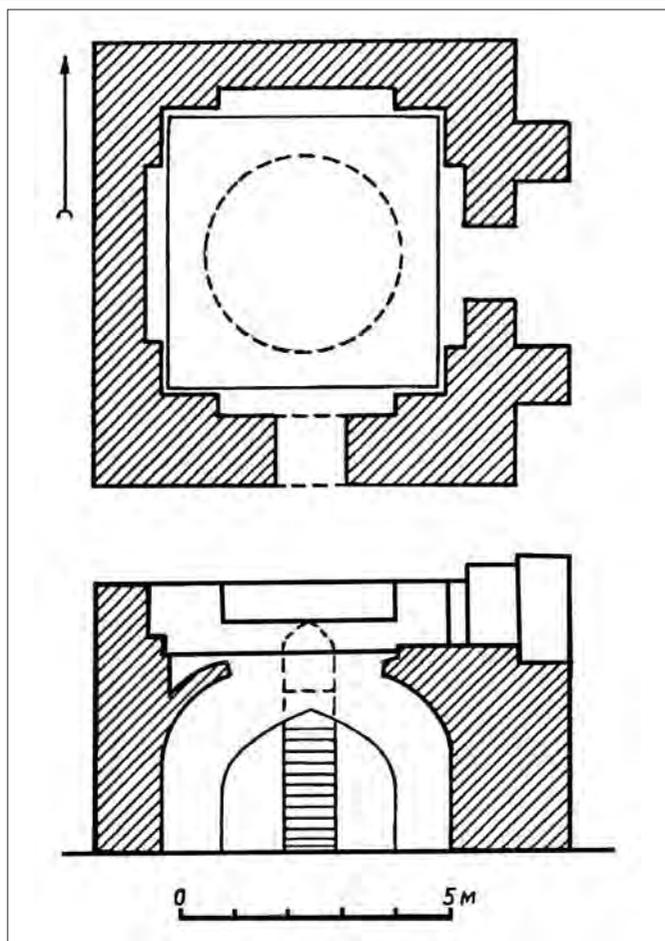

Рис. 206. Городище Туркестан. Склеп мавзолея Есим хана

мавзолея были погребены под стенами и постройками кокандской крепости (Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 129).

Подземный мавзолей Туркестана. В 1951-1957 гг. специальная научно-реставрационная производственная мастерская Государственного строительного управления Узбекской ССР занималась реставрацией мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Руководитель этой работы Т. Карумидзе в 1954 г. обнаружила основание мавзолея, расположенного в 10 км от северо-западной стены Большой Аксарай.

В 1997 г. Туркестанская археологическая экспедиция продолжила исследования. В ходе работ было расчищено подземное квадратное в плане сооружение. Длина его стен разная: северо-западной – 3,97 м, юго-восточной – 4,1 м, юго-западной – 4,12 м, северо-восточной – 4,09 м. Размер кирпичей – 28 x 28 x 5 см; 26 x 26 x 5 см; 29 x 29 x 6 см. В юго-западной стене имелся вход, к нему примыкал коридор-дромос. Толщина его стен составила 0,4-0,5 м, высота – 1,34 м – 15 рядов кирпичной кладки. Внутренний размер сооружения – 3,1 x 3,8 м.

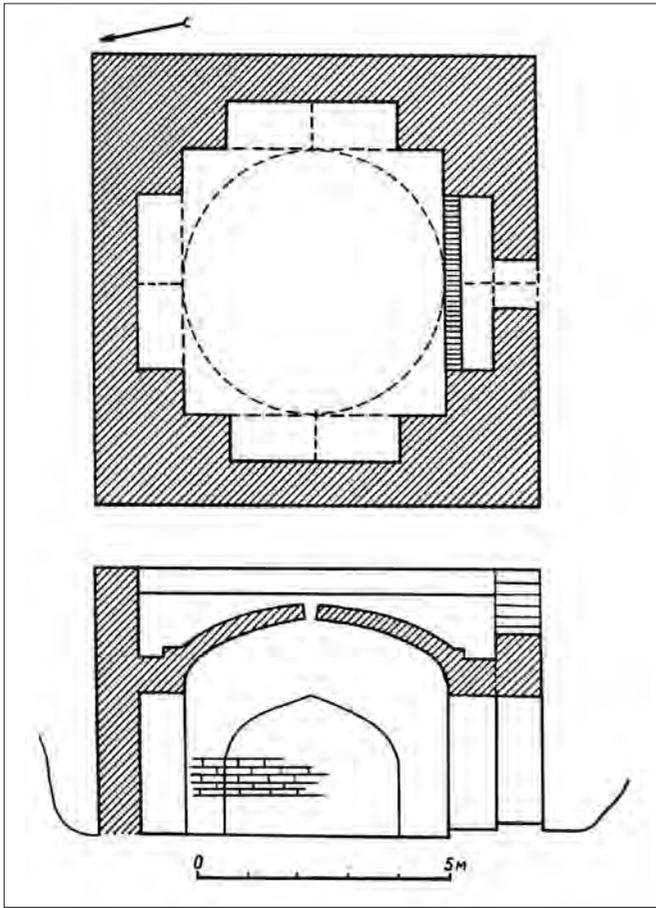

Рис. 207. Городище Туркестан. Склеп «Безымянного» мавзолея

Сооружение было перекрыто куполом (Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977, с. 59-72).

Памятники с. Сайрам

Мечеть Хызыр Пайгамбара в с. Сайрам. Испиджаб-Сайрам был одним из центров распространения ислама, о чем свидетельствуют письменные источники, называя город «славной пограничной крепостью и местом войны за веру» (Волин, 1960, с. 80).

Уже первые исследователи Сайрама заметили, что для него характерно «необыкновенное обилие святых мест – мазаров, составляющих гордость жителей и описанных в особых рисоля».

М.Е. Массон назвал наиболее почитаемые святыни Сайрама: мавзолеем Ибрагим-Ата, Карашаш-Ана, Абдель-Азизи-Баб, мирали-Баб, Халжи-Талига, а также мечеть пророка Хызыра, которая в 1866 г. лежала в развалинах. В начале XX в. на этом месте было выстроено новое здание. От старой мечети остались чилля-хана и каменная колонна, которую М.Е. Массон датировал X-XI вв. (Массон, 1928, с.

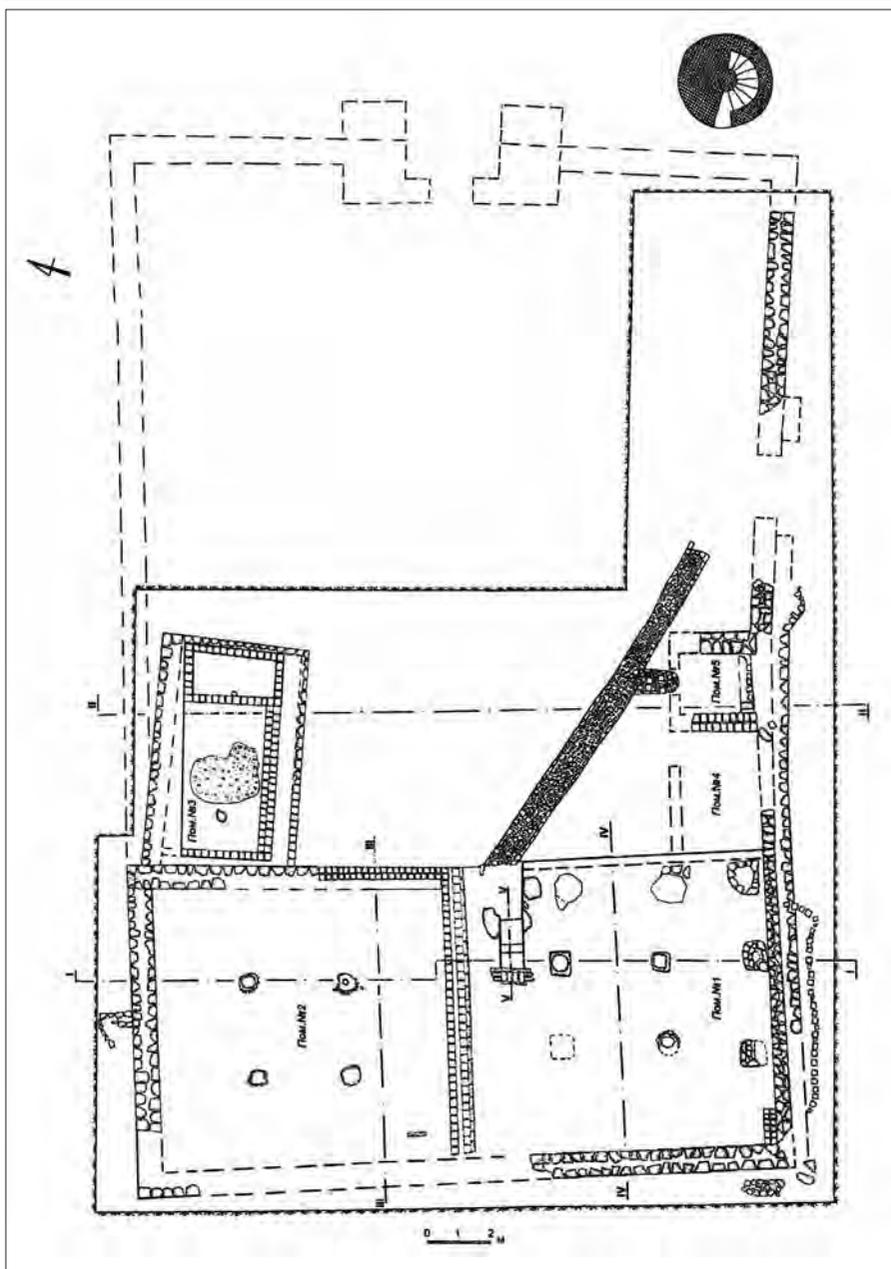

Рис. 208. Городище Сайрам. Мечеть Хызыр Пайгамбара. План

27-31). В настоящее время исчезло и новое здание, поэтому с целью изучения мечети, которая в основе может быть ранней, были проведены археологические раскопки.

Полевые работы 2007 г. выявили планировочную структуру сооружения, возможность реконструкции памятника и получение керамических комплексов, определяющих период его бытования (Байтанаев, Богомолов, Ергешев, 2008, с. 129-140).

В северной части была вскрыта почти квадратная в плане постройка, стены которой были возведены из жженого кирпича размерами 23 x 23 x 4,5 см и 25 x 25 x 4,5 см.

Помещение №1 – самое южное в комплексе. Оно, видимо, было квадратным в плане – 9,6 x 9,45 м. Сохранились основания всех стен. Южная стена сложена из небольших плит сланца. Внутри помещения было расчищено два уровня пола. Оба относительно ровные, имеющие небольшой уклон в южную сторону. Внутри помещения было расчищено восемь баз колонн. Две из них изготовлены из каменных монолитов, остальные сложены из тонких сланцевых плиток и жженных кирпичей. Первый ряд с юга образуют три базы колонн. Второй ряд отстоит от первого на расстоянии почти 2 м. Третий ряд также вытянут по линии восток-запад и отстоит от среднего ряда и от северной стены на одинаковом расстоянии – 2,55 м.

В северо-восточной части помещения был устроен вход – спуск в подземное помещение чилля-хану, вытянутое по линии восток-запад.

Согласно описанию побывавшего в ней в 1866 г. А.К. Гейнса, «сперва идут прямые ступени, далее идет винтовая лестница, приводящая к узкому отверстию в глиняной почве, в которое нужно пролезать, послав вперед ноги. Таким манером добираться до пещеры в несколько шагов шириною. На полу ее брошены циновки для молитв благочестивых пилигримов. Здесь спасался в созерцании величия Аллаха Хызыр, не выходя на свет Божий шестьдесят лет, а потом, прожив еще очень многие годы, взят живой на небо» (Гейнс, 1898, с. 380).

Помещение №2 подквадратное в плане размером 9,25 x 8,25 м. Сохранились три стены: южная, смежная с помещением №1, восточная и северная стены. Западная стена разобрана и практически не сохранилась. Тем не менее, совершенно очевидно, что западная стена была общей для помещений №1 и 2 и являлась внешней стеной мечети. Внутри помещения было выявлено несколько уровней полов. С двумя верхними связаны четыре базы колонн в центре помещения.

Видимо, михрабная ниша находилась в западной стене. Предположительно, вход в помещение находился в центре восточной стены. В юго-западном углу почти на 0,3 м ниже уровня пола с колоннами обнаружен кусок деревянной балки длиной 0,55 м и шириной 0,12 м. Возможно, это остатки одной из балок плоского перекрытия более раннего периода существования мечети.

С северо-востока к помещению №2 примыкало прямоугольное в плане двухступенчатое возвышение, в центре которого находился холмик из глины и кирпичного завала. В процессе расчистки были выявлены следы погребений.

Таким образом, совершенно очевидно, что это дахма, в данном случае двухступенчатая платформа – возвышение, воздвигнутое для погребений почитаемых суфийских шейхов или настоятеля мечети. Она была пристроена к основному зданию мечети позже. На втором

этапе площадь раскопа была расширена в южном направлении и на восток и составила 24 x 31 м. В ходе работ здесь были выявлены следы двух строительных горизонтов. Вдоль южной стены помещения №1, на глубине 0,85-0,9 м от дневной поверхности, была расчищена еще одна линия стены, точнее, ее каменный фундамент. Вероятно, это остатки фундамента более ранней внешней стены мечети, о разрушении которой и ее ремонте-перестройке сообщает М.Е. Массон (Массон, 1928, с. 27-28).

Расширение раскопа на восток выявило, что пространство в центре не имело построек и представляло собой двор. В этой части была расчищена вымощенная жжеными кирпичами и обломками дорожка, ведущая в подземную комнату чилля-хану в центре восточного фаса мечети.

В южной части двора расчищены остатки двух небольших помещений №4 и 5, примыкавших к юго-восточному углу летней мечети.

Раскопки на восточном участке позволили проследить южную стену двора мечети на длину 20,5 м. Дальше стена не сохранилась, но, скорее всего, она поворачивала на север, где посередине восточной стены находился центральный вход. У юго-восточного угла в 3-х метрах от стены на одном из поздних этапов существования мечети был возведен минарет.

Минарет мечети находился на левой стороне несохранившегося портала. Минарет сложен из кирпича на глиняном растворе и представляет собой один из типов башенных сооружений. Первоначальная высота его достигала 10,5 м. Высота сохранившейся части около 5 м, диаметр в основании – 2,9 м. Круглая башня минарета, сужающаяся кверху, была увенчана утраченным ныне фонарем-ротондой. Верхняя часть башни расчленена горизонтальными поясками фигурной кладки. Видны следы нижнего, 3-го пояса, некогда заполненного вязью арабского письма. Внутренняя винтовая лестница выполнена из кирпича, опирается на деревянные балки и кирпичный столб в центре минарета (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с. 206).

Найденный археологический материал в основном происходит из верхнего строительного горизонта из помещений самой мечети – это глазурованные сосуды типа кесе, пиалы, блюда, тарелки, которые можно отнести к концу XIX – началу XX в. В коллекции керамики есть отдельные фрагменты, датируемые XVII-XVIII вв.

Таким образом, работы в мечети Хызыр в Сайраме выявили планировку сооружения. Несмотря на то, что мечеть сильно разрушена, установлено, что она состояла из большого прямоугольного двора с входом с восточной стороны. На продольной оси располагался вход в мечеть – квадратное здание с примыкавшим к нему с юга айваном.

Видимо, в Сайраме в мечети Хызыр помещение №2 с четырехколонным залом было мечетью-ханакой с плоским перекрытием. Примыкавший с юга айван – помещение №1 – использовался как летняя

мечеть. В центре западной стены был устроен михраб, украшенный изразцами. Отсюда же происходит полуколонна, покрытая глазурью голубого цвета, в верхней части которой имеются остатки прорезной решетки. Перекрытие айвана было плоским и опиралось на деревянные и одну каменную колонны на каменных или кирпичных базах.

Мечети Отрара

Соборная мечеть Отрара XVI-XVII вв. Материалы раскопок Отрара дают яркое представление о жизни города в XVI-XVIII вв.

В XVI в. заново отстраиваются заброшенные участки шахристана. К этому же времени относится постройка монументальной мечети из жженого кирпича, располагавшейся в южной части центрального бугра. Сооружение столпно-купольного типа построено на фундаменте, заглубленном на 0,4 м. Общая длина мечети остается неизвестной. Ширина мечети 15,5 м. Здание мечети состояло из центрального зала и примыкавших к ней двух крыльев. Вход в михрабный зал выделен порталом, который вместе с фундаментом сохранился на высоту 1,5 м. Размеры центрального зала составили 7 x 7 м. В центре зала оставались фрагменты рухнувшего купола. Разрушение произошло из-за оседания правого портала. Выявлены следы ремонта, при котором просевшие стены утолщались. Стены михраба и предмихрабной ниши покрыты тонкой ганчевой штукатуркой.

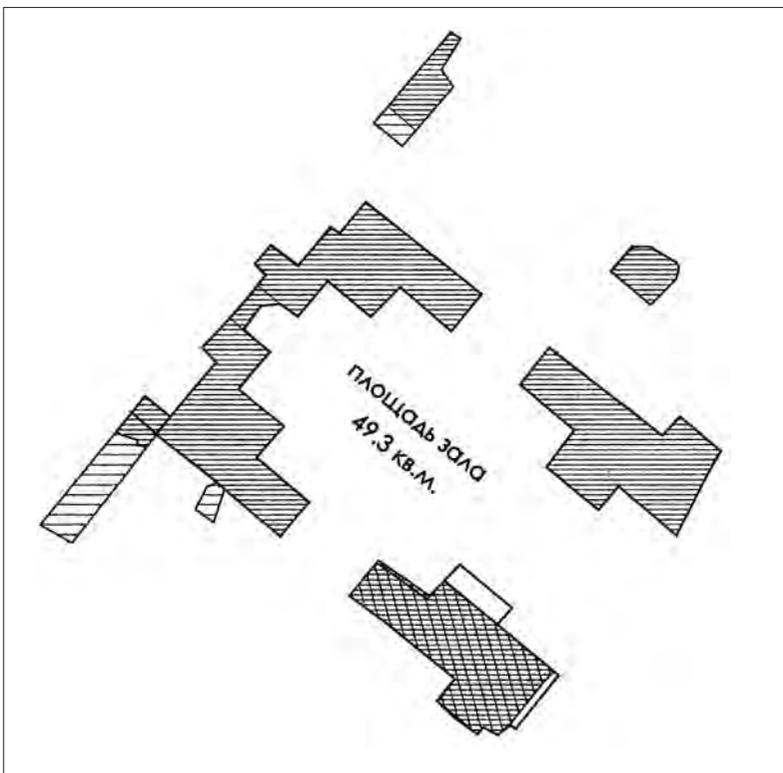

Рис. 209. Городище Отрартобе. Соборная мечеть XVI-XVII вв.

Мечеть Отрара XVII в. являлась соборной, с обширной площадью перед мечетью. Сохранность руин мечети хорошая. Сооружение построено из жженого кирпича размером 25 x 25 x 5 см. Отслоилась штукатурка со стен михраба и предмихрабной ниши. Проводилась неоднократная консервация объекта: в 2002-2004 гг. – в рамках проекта ЮНЕСКО-Казахстан-Япония «Сохранение и реставрация древнего Отрара», в 2005 г. – проведены дополнительные консервационные мероприятия (Байпаков, 2012в, с. 22-23).

Квартальная мечеть Отрара. При раскопках юго-восточного участка городища Отрартобе по уровню XVI-XVIII вв. на стыке восточной и южной частей раскопа IV расчищено большое здание площадью 200 кв. м, состоящее из шести помещений. Здание явно нежилое, скорее всего, это остатки мечети. Фасадом оно открывается на площадь, куда с юго-западной, северной и западной сторон выходят три улицы. Последняя улица ведет на главную дорогу города, связывающую городские ворота.

Здание выстроено из высококачественного сырцового кирпича, неоднократно штукатурилось. Судя по фрагментам, в отделке здания применялся фигурный резной кирпич, полы были вымощены жженым кирпичом. Местонахождение михраба установить не удалось. По-видимому, он находился в южной стене помещения 198, причем в том месте, где яма верхнего горизонта прорезала стену. Комнаты мечети имели разное назначение: зал для прихожан (помещение 198), кухня

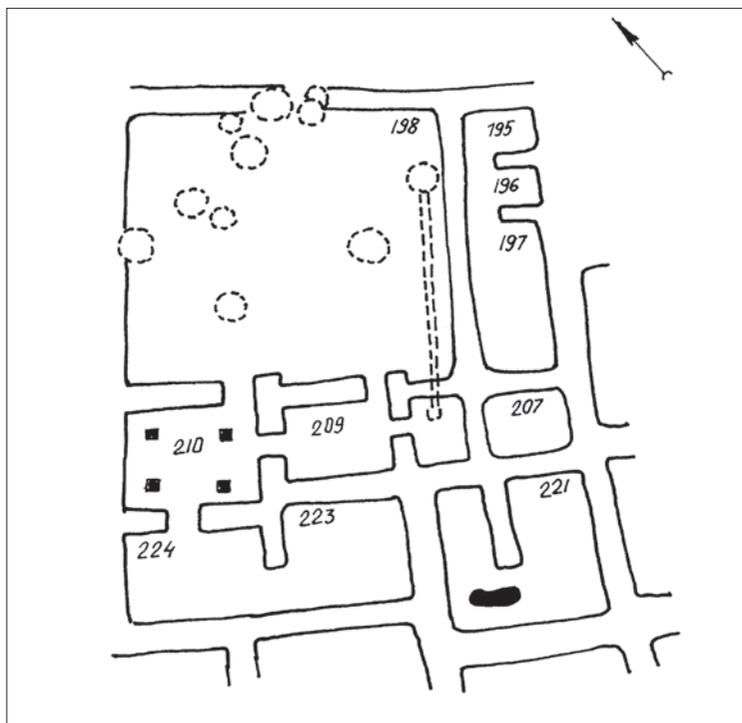

Рис. 210. Городище Отрартобе. План квартальной мечети XVI-XVII вв.

для приготовления ритуальной пищи (208), комната для омовения (210), комнаты служителей культа (223 и 224) (Байпаков, 2012в, с. 22).

Несмотря на то, что участок перепланировался под помещения верхнего строительного горизонта, жженный кирпич из постройки почти весь выбран, стены и полы нарушены поздними ямами, с западной стороны к комплексу примыкает грабительская воронка, планировка здания восстанавливается полностью. По уровням полов и некоторым изменениям в планировке выделяются два периода в существовании здания.

Первоначально комплекс состоял из зала (*помещение 198*) размером 10,1 x 8,5 м и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной

Рис. 211. Городище Отрартобе. Водовод в мечети XVI-XVII вв.

анфилады из трех и двух помещений. В здание входили через дверной проем в центральной части западной стены зала. Противоположная восточная стена оформлена неглубокими нишами на высоте 0,9 м от пола. Сохранившиеся участки стен прекрасно оштукатурены в несколько приемов, пол также неоднократно обмазывался и плотно утрамбовывался. Перекрытия покоились на четырех колоннах, симметрично установленных в центральной части зала.

Дверной проем шириной 0,78 м ближе к юго-восточному углу в восточной стене вел в *помещение 210* размером 4,25 x 3,0 м. Пол здесь выложен жженым кирпичом, в углах устроены ташнау. В качестве водосливных колодцев использованы специальные сосуды в виде цилиндра диаметром 20 см, высотой 1,3 м с раздутым туловом (0,46 м). Это помещение проходное: с северной стороны в нем есть проход в смежные *помещения 208 и 209*, а с восточной – в *помещения 223 и 224*.

Помещение 208 размером 2,0 x 1,55 м. В северной стене устроен очаг каминного типа шириной 0,28 м, углублен в стену на 0,45 м. Стенки очага сильно обгорели. Топка, расположенная на высоте 0,4 м от пола, забита белой золой и несгоревшими остатками хвороста. Под полом проложен водосток. Он начинается в 0,45 м от южной стены, тянется вдоль западной, затем под прямым углом поворачивает на запад, проходит под стеной и далее проложен вдоль северной стены зала. Где кончается водосток, обнаружить не удалось, прослежен на длину 6,75 м. Канал водостока сложен из жженого кирпича.

В помещении 209 (3,3 x 2,25 м) пол выложен сырцовым кирпичом, у восточной стены на полу лежали деревянные плахи длиной 1,1 м, предположительно, остатки перекрытий.

Полы помещений 223 и 224 в последний период функционирования здания были вымощены жженым кирпичом, который почти весь выбран. Размеры помещений не установлены.

К первоначальному полу в помещении 224 имеют отношение две ямы, в которых, судя по остаткам в заполнении, хранилось зерно. В яме у северной стены помещения найден клад медных монет (170 экз.), который хранился в мешочке. В восточной стене зала ближе к северо-восточному углу на уровне верхнего пола был прорублен новый проход в помещение 209, возобновлен водосток, подняты полы в остальных помещениях (Байпаков, 2012в, с. 23).

Мечети, медресе и ханака Саурана

Соборная мечеть на регистане Саурана. Изучение микротопографии внутри крепостных стен Саурана показало, что городская площадь располагалась в 80 м к югу от северных ворот, откуда начинается вымощенная каменными плитами центральная улица шириною до 3 м. Разведочные раскопки подтвердили наличие на площади руин фундаментальных общественных сооружений из обожженного кирпича, перекрытых слоем завалов. Как показали

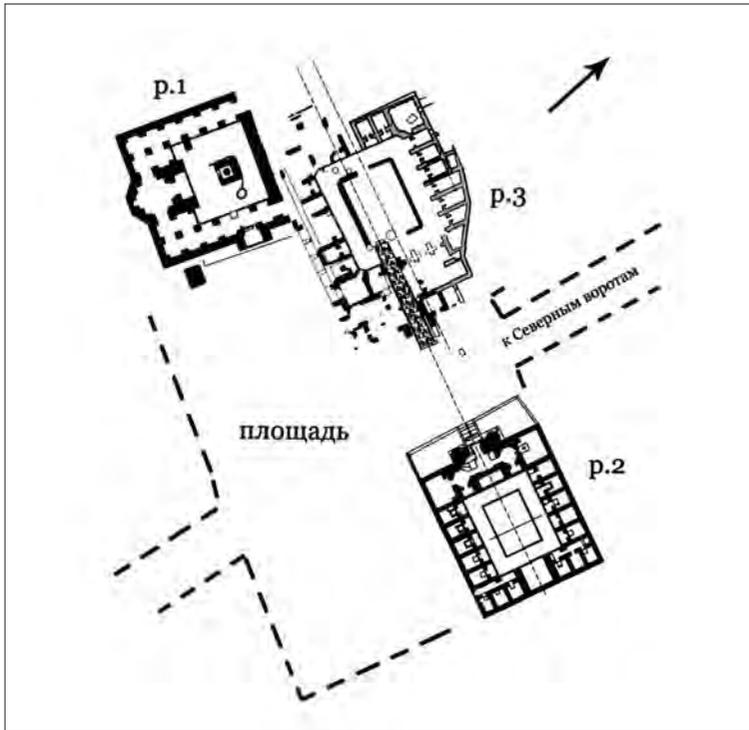

Рис. 212. Городище Сауран.
План застройки северной стороны центральной площади

раскопки, здание соборной мечети на центральной площади Саурана было сильно разрушено в ходе выемки жженого кирпича с целью его вторичного использования.

Было установлено, что постройка имеет два основных периода существования. Причем, во второй период здание перестало функционировать по прямому назначению. На полах «михрабной части мечети» отмечались следы временных очагов, кострищ.

Поскольку была вскрыта лишь юго-западная треть всего комплекса, было высказано предположение, что мечеть имела замкнуто-дворовую планировку. Двор имел размеры 15,3 x 17,8 м и на него были обращены все помещения, расположенные по периметру.

Юго-западную сторону двора образовывало основное здание мечети, или михрабная часть, обращенная во двор входным арочным порталом. Постройка имела пятинефную двухрядную композицию с арочно-купольным перекрытием.

Широкий портал с выделенным пештаком оформлял вход в закрытый двор. В центре двора на основной оси расположен колодец, а далее – айван шириной 16 м и глубиной 6 м, открытый во двор.

Эта композиционная ось симметрии перпендикулярна оси, проходящей через центр основного входного с площади портала,

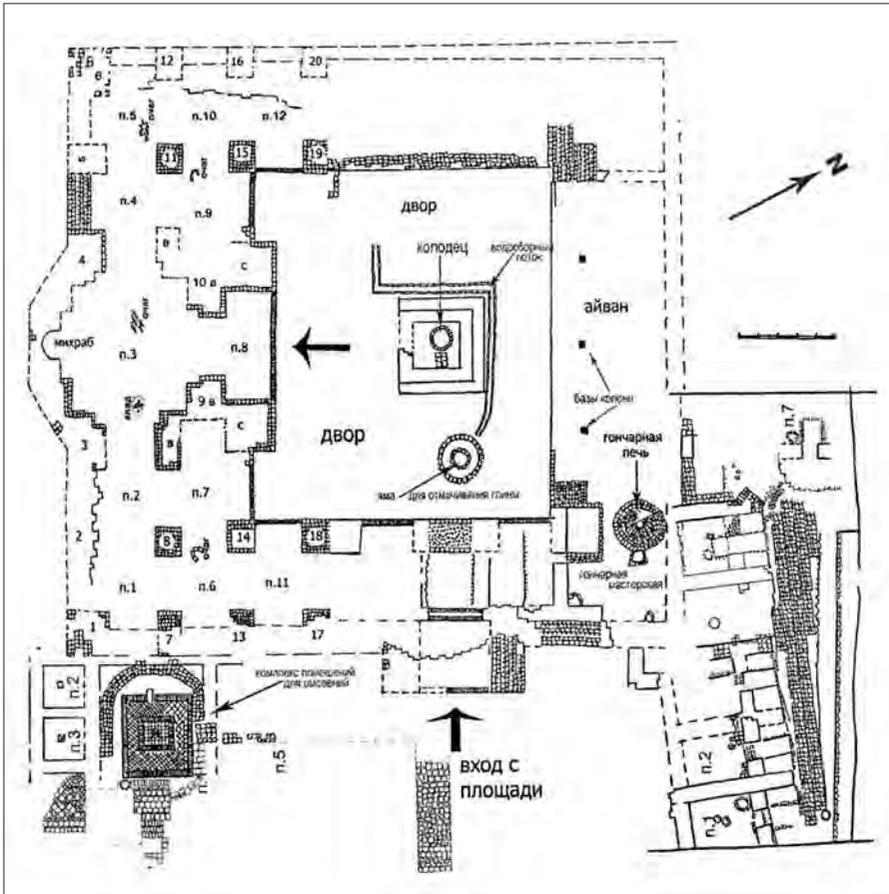

Рис. 213. Городище Сауран.
План жума-мечети XVI-XVII вв.

который устроен в юго-восточной фасадной стене с некоторым смещением от оси прямоугольника двора. Входной портал асимметричен по отношению ко всей постройке. Такой необычный план комплекса был, очевидно, продиктован местоположением мечети: она замыкала северо-западную сторону прямоугольной площади и при этом было необходимо по традиции ориентировать михраб, а значит одну из главных осей композиции плана на юго-запад. От входного с площади портала сохранилось лишь основание правого пилона. Его ширина 1,8 м, он выступает за линию фасадной стены на 2,2 м. Сохранилась также часть входного порога-данданы в виде плотно поставленных на ребро кирпичей. Длина сохранившегося участка данданы равна 2,15 м. За этим порогом на расстоянии 4,05 м также частично сохранился участок данданы внутреннего или дверного порога.

Левый пилон оказался полностью разобраным, но ширина входного айвана может быть реконструирована. Зафиксированы отдельные кирпичи самого нижнего слоя кладки пилон.

Наружные стены комплекса мечети образуют прямоугольник размером 31 x 33,5 м. Стены подверглись наибольшему разрушению. По сохранившимся кое-где фрагментам кладки определяется толщина стены, равная 1,4 м. Наибольшую сохранность в 9-10 слоев кладки имеет участок юго-восточной фасадной стены справа от входного портала. Это участок стены большого углового помещения (5,2 x 5,6 м), которое функционировало и во второй период. После того как мечеть перестала служить по прямому назначению, на ее значительной части была устроена и продолжительное время функционировала керамическая мастерская. Возможно, какие-то части здания мечети уже были разрушены. В этот период в угловом помещении была построена большая круглая двухъярусная печь для обжига керамики. Сохранилась часть поверхности пода с отверстиями-продухами обжиговой камеры, опиравшейся на купол нижней огневой камеры. Устье печи обращено в угловое помещение, которое, очевидно, служило и жилым помещением или, возможно, мастерской.

У наружного угла фасадной стены мечети справа, в 5,25 м от входного портала, выявлено основание «Г»-образной пристройки. Кладка ее двух стен сохранилась на высоту девяти слоев. Образующие прямой угол стены толщиной 0,85 м и образуемая ими пристройка выступают за линию фасадной стены на 2,05 м. В месте примыкания стены пристройки к фасадной стене мечети последняя разобрана до основания и при этом видно, что пристройка сделана без перевязки с кладкой фасадной стены. Вероятно, эта пристройка занимала угол площади, образованный фасадной стеной мечети и юго-западной стеной бокового фасада большого общественного сооружения, входной портал которого обращен к portalу медресе в северо-восточной части площади. Это здание реконструируется как фундаментальное сооружение замкнуто-дворовой планировки с порталным входом, ориентированным на отрезок центральной улицы на одной оси с расположенным напротив медресе.

Если северный угол площади занимало основание небольшой, не вполне понятной по назначению пристройки, то у другого конца фасадной стены мечети расчищены остатки довольно значительной по размерам тахаратханы. Это была отдельная постройка с сырцовыми стенами, западной стороной примыкавшая к фасадной стене мечети. Уровень вымощенных обожженным кирпичом полов залегает на 0,5 м и 0,7 м выше уровня основания стен мечети, что говорит о более позднем времени сооружения тахаратханы. Вход в нее был со стороны портала мечети. Пока расчищено большое (5 x 6,2 м) общее помещение с фигурной выкладкой пола. В центре устроен поглотительный колодец, устье которого перекрыто специальной керамической плитой размером 75 x 75 см с прочерченными диагоналями (средняя часть плиты со сливным отверстием не сохранилась). За общим помещением были устроены в ряд вдоль узкого коридора маленькие индивидуальные комнатки размерами 2,2 x 2,4 м с вымощенным кирпичом полом и поглотительными колодцами в центре.

Во вскрытой раскопками соборной мечети планировка оказалась достаточно оригинальной, сохранность конструкций вполне позволяет реконструировать архитектурный облик этого интересного здания.

Несмотря на значительные разрушения и утраты, полностью восстанавливается планировка комплекса мечети. Полученные материалы и наблюдения позволяют в дальнейшем осуществить консервацию с элементами реконструкции выявленных архитектурных деталей или же всего архитектурного облика здания (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2007, с. 171-175).

Айт мечеть Саурана находится в 50 м юго-восточнее северного въезда в город Сауран за городской стеной. Мечеть состоит из небольшого здания, открытого в сторону двора, окруженного пахсовой стеной. Размеры двора 50 x 50 м. Площадь здания мечети перекрыта куполом 11,5 x 12,5 м. В западной стороне расположен михраб. Портал здания обращен к северо-западу. Ширина всего портала составила 12,5 м, к нему примыкал айван глубиной 2,75 м. С двух сторон айвана расположены пилоны с винтовыми лестницами, которые вели на крышу мечети. Остальные два айвана находятся с двух сторон купольного зала. Размеры айванов одинаковы: ширина 3,8 м, глубина 2 м. Пороги всех трех айванов выложены данданой – кирпичами, поставленными на ребро. Полы всех помещений и айванов первоначально были вымощены жжеными кирпичами, которые со временем были разобраны. Стены мечети выстроены из кирпича-сырца с футляром из жженого кирпича. Размеры кирпичей 26 x 26 x 5 см; 25 x 25 x 5 см; 24,5x24,5x4,5 см. Михраб расположен в середине стены купольного, обращенного на Мекку, зала. Ширина пятигранного михраба 1,4 м, глубина – 0,7 м, высота сохранившейся части кладки – 0,6 м. Справа от михраба находится минбар размером 1 x 1,4 м, высотой 0,5 м. Сохранился самый нижний ряд ступеньки минбара. После того как мечеть перестала существовать, купольный зал был со всех сторон перекрыт сырцовыми стенками толщиной в один кирпич и использовался как жилое помещение, расположенное с наружной стороны за стеной с михрабом.

Находки – керамика, металлические изделия датируются XVI-XVII вв. Мечеть была построена в XVI в. Результаты раскопок показали, что исследуемый объект является праздничной мечетью, где проводили молитву во время айтов и другие культовые мероприятия. На территории Казахстана мечеть такого типа исследована впервые (Талеев, 2007, с. 178; Байпаков, 2012в, с. 25).

Медресе

Первое медресе Саурана. В письменных источниках сообщается о строительстве медресе в городах Южного Казахстана. Так, о хане Ерзене – сыне Сасы-Буке, а это первые десятилетия XIV в., в «Анониме Искандера» сказано: «он был царем крайне умным, праведным, превосходным, богобоязненным. Большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся

в Отраре, Саурани, Дженде и Барченде, устроил он» (Тизенгаузен, 1941, с. 129).

Интересные сведения о медресе Саурана оставил автор XVI в. Зайнабдин Васифи. Во время его пребывания в Саурани в 1514-1515 гг. он сделал интересные записи о сауранском медресе с его двумя качающимися минаретами. Он пишет: «На плечах его айвана поставлены два высоких минарета необычайной высоты и крайнего благородства, так что один из поэтов этого медресе уподобил тот айван Заххаку со змеями. У гильдасты тех минаретов прикреплена цепь, а под куполами куба каждого минарета пристроено бревно (чуб) так, что когда кто-либо с силой приводит бревно в движение, цепь колеблется, и тому, кто находится на противоположном минарете, представляется, что минарет рухнет, и это одно из чудес мира». Там же говорится, что по случаю назначения главой (мударрисом) медресе на торжественное собрание было приглашено более пятидесяти студентов из числа постоянно проживавших в медресе (Болдырев, 1957, с. 160-161).

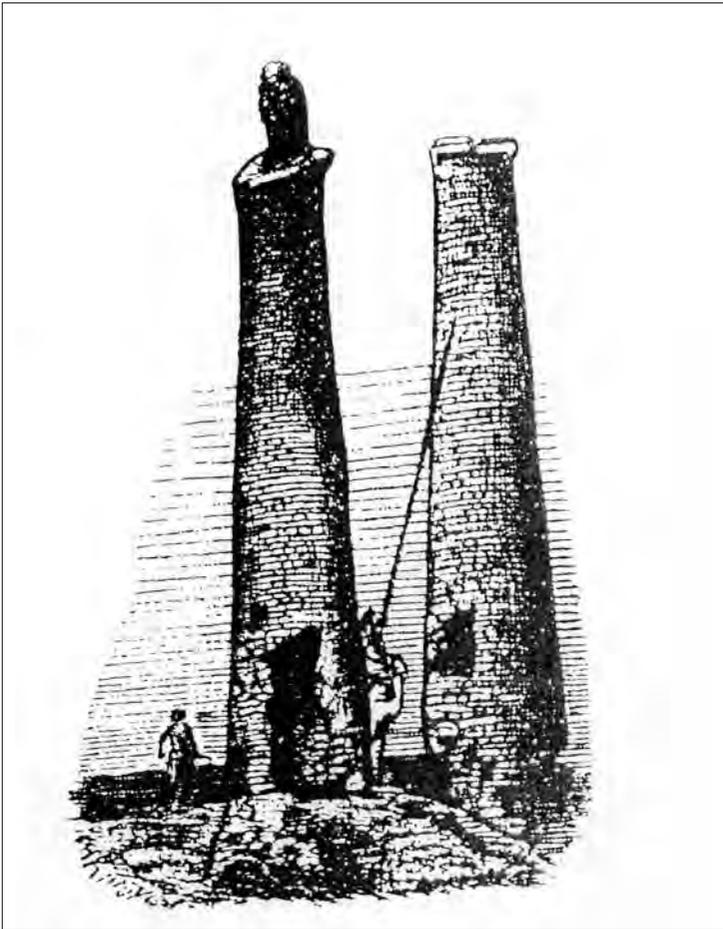

Рис. 214. Городище Сауран. Минареты медресе I

Следует отметить, что остатки двух высоких минаретов сохранялись еще во второй половине XIX в. Они были описаны П.И. Пашино. Сохранилась также фотография минарета, выполненная фотографом М.К. Приоровым в 1866 г. и опубликованная в «Туркестанском альбоме» (Пугаченкова, 1954, с. 163-167; Туркестанский альбом..., 2005, с. 126).

Однако, скорее всего к 1867 г. один из минаретов был разрушен. Хорошо видно на фотографии М.К. Приорова как двое людей, один из которых «вооружен» киркой для разборки кирпичных кладок, а другой – верхом на верблюде держит в руках шест, видимо, чтобы свалить минарет, основание которого уже частично разрушено. И уже в 1867 г. на рисунке В.В. Верещагина изображен лишь один из минаретов (Галиев, 2005, с. 60).

Археологические поиски визуально выявили в центре городища Сауран скопления обломков жженных кирпичей остатки медресе. Раскопки позволили восстановить планировку здания, обнаружить остатки двух минаретов у входа, постройки, которые, безусловно, являются развалинами медресе, описанного Васифи.

Медресе расположено на центральной площади – регистане напротив монументального сооружения, предположительно, тоже медресе, и они вместе с раскопанной на западной стороне площади мечети образуют архитектурный комплекс. Под строительство медресе был снесен жилой квартал, остатки которого были обнаружены в шурфах (Байпаков, Акылбек, 2008, с. 56-73).

Медресе представляет собой здание симметричной дворовой композиции, прямоугольное в плане, размерами 31,5 x 28 м. Главный вход, выделенный двумя минаретами, ориентирован на северо-запад. Расчистка завалов у входа в медресе выявила основания минаретов. Были расчищены 4 верхних ряда основания левого минарета, выступающие над цоколем, который образован 11 рядами кладки кирпича. Высота его 1 м, диаметр основания – 3,3 м. Нижняя часть минарета выступает за фасадную стену. Другая часть интегрирована с фасадной стеной и порталом сплошной кладкой в перевязку. Тулово минарета до уровня крыши, вероятно, было цельным, а далее полым с винтовой лестницей. В северо-восточном вестибюле на северной грани в стене сохранились ступеньки, ведущие на крышу, а оттуда – внутрь минарета.

Наместевого(правого)минаретабыларасчищенапрямоугольная конструкция сплошной кладки из обожженного кирпича размером 23-25 x 23-25 x 5-6 см на глиняном растворе с большой примесью золы (кыра). Этот массив кирпичной кладки имеет прямоугольный план размером 3,5 x 2,75 м. Его основание сохранилось в высоту на 1,75 м, залегает на глубине почти 2 м от уровня порога и 3 м от уровня полов постройки.

Для устройства фундамента был вырыт котлован, прорезавший нижележащий культурный слой. Нижний ряд составляют кирпичи,

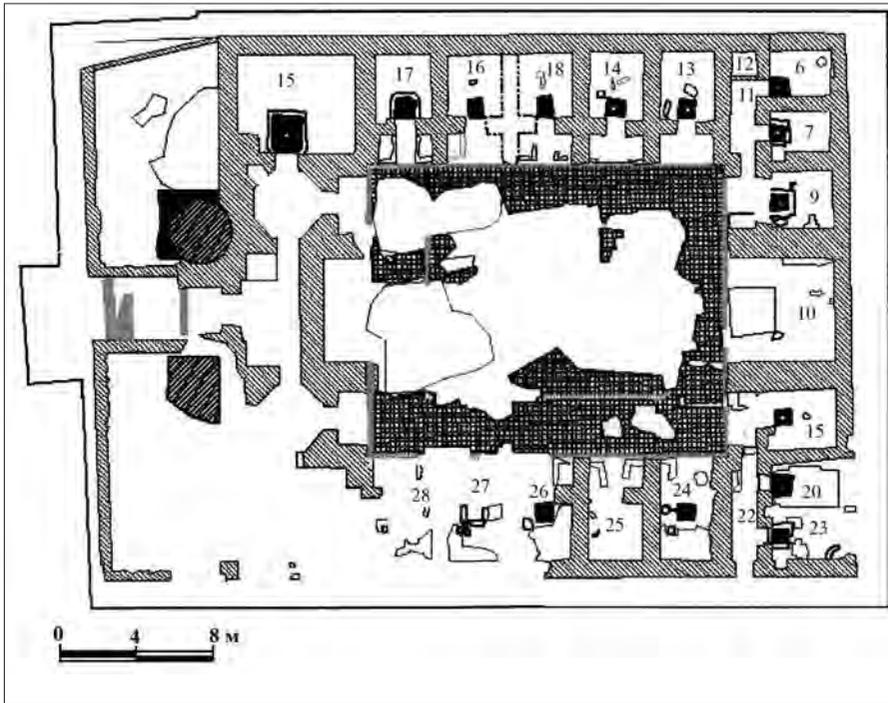

Рис. 215. Городище Сауран. Медресе I. XVI-XVII вв.

поставленные на ребро, сгруппированные в основном по четыре и выложенные в шахматном порядке. Между кирпичами скрепляющего раствора нет, лишь произведена заливка жидкой смесью воды и золы. Затем следует кладка из шести рядов жженого кирпича на растворе со значительным содержанием золы. Далее еще один ряд кирпичей, положенных на ребро. И, наконец, пять рядов кладки плашмя. Золистый раствор, примененный в кладке фундамента, и заливка золой, вероятно, были использованы как гидроизолирующий материал. Можно предположить, что два ряда кирпичей, поставленных на ребро без раствора, выполняли функцию сейсмопояса.

Перед фасадной стеной медресе по обе стороны от входной лестницы имеются площадки, оконтуренные стенкой из двух рядов жженого кирпича. Площадки приподняты на высоту 1 м, заполнены строительным мусором, поверхность сверху выложена целыми и битыми кирпичами, размер их 12,7 кв.м.

Территория перед входом выложена каменными плитами. В мечеть вела трехступенчатая лестница шириной 3,3 м и длиной 4,5 м. Поверхность широких ступеней была выложена крупноформатными (45 x 45 x 7 см) обожженными плитами. Края ступеней были оформлены рядом поставленных на ребро кирпичей. Ширина входной ниши (айвана) 2,5 м, глубина – 2,25 м. Над нишей – арка, покоившаяся на выдвинутых пилонах, расширенных за счет вплотную пристроенных минаретов. Далее через дверной проем шириной 1,9 м попадали во

входной вестибюль размером 5,8 x 2,9 м. Входная дверь была устроена в нише глубиной 0,25-0,30 м и шириной 3,3 м. В углах у входа были устроены широкие суфы размером 1,3 x 1,7 м. Вестибюль был с двумя восьмигранными помещениями. Через левое восьмигранное помещение попадали в дарсхану и во двор. У северной грани расчищено основание внутрискрипной лестницы, ведущей на крышу, где был вход на минарет. Правое помещение имело проходы во двор и, скорее всего, в мечеть, которая, к сожалению, разрушена полностью.

Прямоугольный двор размером 18 x 15 м был выложен кирпичами, которые хорошо сохранились между двумя рядами данданы (ряд кирпичей, поставленных на ребро) полосой шириной в 2 м. Выкладка центральной части двора была разобрана и сохранилась локальными участками. Первый ряд данданы окаймляет двор по линии торцов пилонов, второй – устроен с отступом 2,5 м и ограничивает площадь размером 11,7 x 8,5 м. Во дворе выявлены два айвана, расположенные противоположно друг другу и открытые в сторону двора. Входы в айваны расположены на продольной оси здания. Площадь заднего юго-восточного айвана составила 5,4 x 5,4 м. Возможно, он был перекрыт стрельчатым сводом, от него сохранился рухнувший фрагмент. Толщина несущих стен составила 1,55-1,56 м. Кладка стен и свода комбинированная. В теле стены и рухнувшего свода в основном применен сырцовый кирпич. Три ряда сырцовых кирпичей чередовались с одним рядом жженого кирпича. От северо-западной стены сохранилась лишь торцовая часть длиной 2,18 м, высотой 0,55 м (8 рядов кладки). Пол, вымощенный жженым кирпичом, выбран. Его остатки сохранились вдоль северо-восточной стены одним рядом, а в задней части сохранилось два кирпича, позволяющих восстановить рисунок вымостки ромбиками. Дандана перед айваном сильно разрушена. Перед юго-западной стеной айвана расчищены остатки суфы размером 2,5 x 2,4 м, устроенной, как и все айванские суфы, позднее при обустройстве. Северо-западную часть двора занимал завал, образовавшийся при разрушении переднего северо-западного айвана. Первоначальный размер айвана был равен 5,4 x 2,3 м, затем торцы были наращены до 3,5 м. Свод айвана также рухнул.

При расчистке помещений было установлено, что разрушению их предшествовало запустение, когда образовался толстый наносной слой, после чего они обживались повторно. Во всех помещениях перед входом устроены заглубленные относительно пола площадки с ташнау. В нескольких помещениях, сохранившихся более или менее удовлетворительно, выявлены ниши в стенах. Полы в помещениях вымощены как целым, так и кусками жженого кирпича. Во время функционирования медресе помещения обустроивались. В частности, установлено, что в помещениях имелись печки для отопления с каналами в суфах, выведенных к углу помещений, в результате чего первоначальный уровень суф в помещениях несколько повысился. Топка печей в помещениях находится в углах площадки, поэтому в этих местах

борта площадок разбирались. Каны выполнены с использованием кирпичей, поставленных на ребро, перекрытых целыми кирпичами. Каны имеют ширину 22 см, внутренняя полость – 12 см. Также позднее в помещениях появились курильницы для сжигания травы адраспан, «отгоняющей злых духов», в виде углублений в полу, устроенные из четырех вертикально поставленных квадратных жженных кирпичей размером 25 x 25 см, глубиной 20 см. Такие курильницы обнаружены в трех помещениях. При обустройстве в айванах перед помещениями появились суфы, приблизительные размеры которых 1,4 x 0,9 м. Перекрытия в помещениях, вероятно, были сводчатыми. Завалы в основном располагаются в центре помещений, в четырех из них обнаружены дугообразные фрагменты кладок сводов и трапециевидные в сечении ганчевые плитки, которыми оформлялись перекрытия. Стены были оштукатурены ганчевым раствором, многочисленные фрагменты которых встречаются в завалах. Найдены глазурованные плитки с растительным и эпиграфическим орнаментом и шлифованные плитки, применявшиеся при облицовке фасадов.

Помещение 18 является угловым и самым большим. Его расположение и размеры 6,25 x 5,15 м позволяют интерпретировать как дарсхана (гигиеническое помещение). Перед входом устроено ташнау размером 1,6 x 1,95 м, кирпич в центре со сливным отверстием заглублен на 5 см относительно уровня ташнау. Первоначально помещение было сквозным, в северо-восточной стене имело выход на улицу. Проход шириной 1,2 м, находившийся в 2 м от восточного угла помещения, впоследствии был заложен. Пол помещения выложен жженным кирпичом. Помещение разрушилось одним из первых из-за оседания внешней стены, ближе к северному углу. Перекрытие рухнуло непосредственно на пол.

Помещение 17 имеет размеры 3,35 x 3,05 м. Северо-западная стена сохранилась на высоту 0,88 м (13 рядов) от уровня пола, северо-восточная – 0,98 м (14 рядов). Перед входом устроено ташнау размером 1,05 x 1,05 м. Слева от входа в стене устроена ниша шириной 0,66 м, глубиной 0,4 м. Пол в помещении выложен из целых кирпичей. Порог перед входом приподнят на высоту одного кирпича относительно пола айвана. На полу находился слой мусора толщиной 0,4 м. На айване перед помещением позднее были устроены суфы по бокам прохода.

В помещении 16 размерами 3,35 x 2,80 м сохранился западный угол, стены остальной части разобраны. Перед входом устроена площадка с ташнау размером 1,05 x 0,8 м. Посередине помещения на полу находилась курильница размером 25 x 25 см, глубиной 20 см. Перед входом с правой стороны сохранились борта айванной суфы. Из находок, обнаруженных в помещении, следует отметить подставку для пера и крышку чернильницы из бронзы.

Помещение 15 находится к северо-западу от помещения 14. Стены помещения разобраны. Сохранился восточный угол и левая (южная)

сторона дверного проема. Направление стен можно установить по вымосткам пола в помещениях. В завале обнаружен фрагмент дугообразной кладки перекрытия помещения из четырех кирпичей. Под завалом расчищен надувной слой лесса толщиной 0,3 м, перед входом устроена площадка ташнау (0,9 x 1,03 м), вымощенная жженым кирпичом, ограниченная бортиком и порогом. Бортики ташнау высотой 0,14 м сложены из половинок квадратного кирпича, поставленных на ребро. Восточный угол бортика разобран при устройстве печки, затем восстановлен битыми кирпичами. Топка печки находится у восточного угла площадки.

Помещение 14 прямоугольное в плане (3,6 x 2,85 м). Параметры помещения восстановлены по отдельным фрагментам стен. В центре помещения расчищен фрагмент свода и ганчевые обкладки. Перед входом обнаружена площадка с ташнау. У северного угла площадки находится курильница из четырех кирпичей, поставленных на ребро. Размеры ее 30 x 35 см, глубина – 28 см. У восточного угла площадки ташнау в юго-восточном бортике расчищена топка (20 x 18 см) печки.

Помещение 13 соседствует с коридором и находится к северо-западу от него. Помещение плохой сохранности, но по остаткам стен восстанавливаются его размеры 3,75 x 2,9 м. Входная часть полностью разрушена. Сохранилась площадка с ташнау перед входом. Позже часть левого (северо-западного) борта ташнау была разобрана и в северном углу площадки устроена топка печи. Устье топки размером 18 x 16 см заложено кирпичом. От топки под полом был проведен кан в западный угол помещения. Пол помещения выложен обломками кирпичей.

Помещение 11 – узкий коридор (3,85 x 1,35 м), через который попадали со двора в помещения 6, 7 и туалет 12. Северо-западная стена глухая, середина ее разобрана полностью. Пол коридора вымощен кирпичами.

Помещение 6 является угловым. Вход в помещение смещен от центра к западному углу. Перед входом находилось ташнау с кирпичом со сливом в виде восьмиконечной звезды. Борта ташнау сложены из кирпичей, поставленных плашмя. На северо-восточной стороне борта топка печки. В восточном углу помещения расчищена хумча, донная часть которой срезана.

Помещение 7 соседствует с помещением 6. Вход в помещение находится в северо-западной стене. Перед входом имеется площадка с ташнау. Пол выложен жжеными кирпичами и их обломками, которые сохранились по бокам ташнау и в задней части.

Помещение 9 примыкает к айвану с юго-запада. В центре помещения расчищен завал из жженных кирпичей и штукатурки. В завале найдены фрагменты кладки свода. Стена с входом полностью разобрана, но маркируется поворотом стены. Перед входом – площадка ташнау с бортиками. На полу найдены две медные монеты. В северном углу помещения под полом найден клад из одной серебряной и шести медных монет. Клад находился под выкладкой пола.

Помещение 19 примыкает к заднему айвану с юго-запада. Стены помещения с трех сторон разобраны до основания. Сохранился участок северо-западной стены с проходом. На этой стене у западного угла помещения устроена ниша шириной 0,7 м, глубиной 0,4 м. Выкладка пола из фрагментов жженого кирпича сохранилась вдоль задней стены и у ташнау.

Помещение 20 размером 2,9 x 1,9 м. Вход в помещение и пол выложены жжеными кирпичами.

Помещение 2 располагается в южном углу здания. Размеры помещения 2,8 x 3,6 м. Сохранность помещения плохая. Проход в помещение устроен в северо-западной стене. Перед проходом в помещение находится площадка с ташнау. В южном углу устроен заком с закругленной стенкой, также относящийся к периоду вторичного обживания, так как сложен на наносном слое толщиной 20 см. На сохранившейся вымостке пола у юго-западной стены на месте тандыра зафиксировано округлое прокаленное пятно.

Помещение 22 выполняло функцию коридора, через него попадали со двора в помещения 20, 23 и через проход во внешней стене медресе выходили на боковую улицу. В коридоре у входа со стороны двора устроена суфа размером 0,57 x 1,10 м.

Помещение 24 примыкает к коридору с северо-запада. Размеры помещения 2,9 x 2,9 м. Проход шириной 1 м устроен в северо-восточной стене. Перед входом находилась суфа размером 1,1 x 0,85 м, от нее остался один ряд кирпичей. Перед проходом в помещение устроена площадка ташнау размером 0,8 x 0,75 м. С северо-западной стороны площадки ташнау в суфе сохранились остатки тандыра диаметром 0,55 м, высотой 0,25 м. При расчистке в тандыре найдено поливное блюдо. У западного угла площадки находится очаг-сандал, вмазанный в суфу.

Помещение 25 примыкает с северо-запада к помещению 24 (2,95 x 2,86 м). Прослежены три уровня пола в помещении. Перед входом расположена площадка ташнау. У северо-западного угла площадки с ташнау находился полуразрушенный очаг-сандал с золой и древесными угольками.

Помещение 26 имеет размеры 3 x 2,83 м. Сохранились его юго-восточная и часть юго-западной стены. Перед входом – традиционное ташнау. У западного угла устроен очаг из жженого кирпича.

Помещение 27 соседнее с помещением 26, примыкает к нему с северо-запада. Стены помещения полностью разобраны. Входная часть разрушена, сохранилась площадка с ташнау, залегающая несколько глубже. В западном углу площадки находилась топка печи. По уровню этого пола расчищен очаг-сандал пятиугольной формы размером 0,31 x 0,36 м, глубиной 0,33 м. Дно очага обмазано глиной. В очаге находилась зола.

Помещение 28 плохой сохранности, размером 3,15 x 2,87 м. Стены полностью разобраны. Выявлены остатки площадки с ташнау, очага-сандала и кан от печи.

Находки. В помещении 1 на полу площадки с ташнау были найдены фрагменты глазурованной и неполивной посуды. Глазурованная посуда представлена тремя экземплярами блюд на дисковидном поддоне, несколькими фрагментами чаш и тарелок. Роспись внутренней поверхности блюд произведена по белому фону. На венчиках – стилизованные орнаменты растительного характера, под ним спиралевидные ободки и косые насечки. Чаши и тарелки покрыты глазурью и росписью с обеих сторон. Неполивная керамика представлена фрагментами хумов, кувшинов, горшков. Среди находок верхнего строительного горизонта следует отметить несколько монет, завернутых в тряпочку, найденных на полу вместе с керамикой. Монеты диаметром 0,5 см окислены. Отдельно от них найдена еще одна медная монета.

При раскопках помещений медресе были найдены фрагменты арок и перекрытий, штукатурка со стен без следов раскраски. Поверхность штукатурки из некоторых помещений была покрыта сажей. В завалах найдены многочисленные декоративные кирпичики без поливы различных форм (шестиугольные, ромбические, прямоугольные), которые были обнаружены как в отдельности, так и в соединении с раствором. Глазурованные плитки представлены шестиугольными, пятиугольными, трапециевидными, прямоугольными формами. Изразцы орнаментированы узорами растительного, геометрического и эпиграфического характера. Встречен один фрагмент декора, где орнамент передан рельефно, покрыт голубой глазурью. В помещении 9 в завале в центре найдены фрагменты кубы сферической формы, один из которых покрыт голубой глазурью, другой без поливы.

В помещениях были обнаружены чернильницы, подставки для пера. Подставка четырехгранная, сужается к верху. Высота 7,5 см, основание 4 x 4 см, верхняя часть 2,3 x 2,3 см. Внутри она полая, диаметр устья 1,3 см. Снаружи покрыта синей глазурью, на которую коричневыми линиями нанесен ромбический орнамент. Сверху у устья застыла чернильная капля. Нижняя часть сломана.

Крышка чернильницы четырехгранная, с закругленными углами. Сверху, в центре, имеется отверстие диаметром 1,8 см. Сбоку сделана треугольная щель, возможно, для пера. На поверхности два ряда рельефных косых черточек, разделенные линией, образуют елочку. Поверхность покрыта коричневой глазурью.

В помещении 17 найдены фрагменты чернильницы в виде сосуда с округлым туловом и узкой горловиной. На горловине есть круглое отверстие для пера. Во дворе, перед помещением 17, найдена еще одна чернильница цилиндрической формы высотой 5 см, диаметром 3,5 см, Толщина стенок 0,3 см, с отогнутым наружу венчиком. Покрыта светло-голубой глазурью. Цилиндр был установлен на подставку, но в настоящее время из-за утраты подставки дно чернильницы отсутствует.

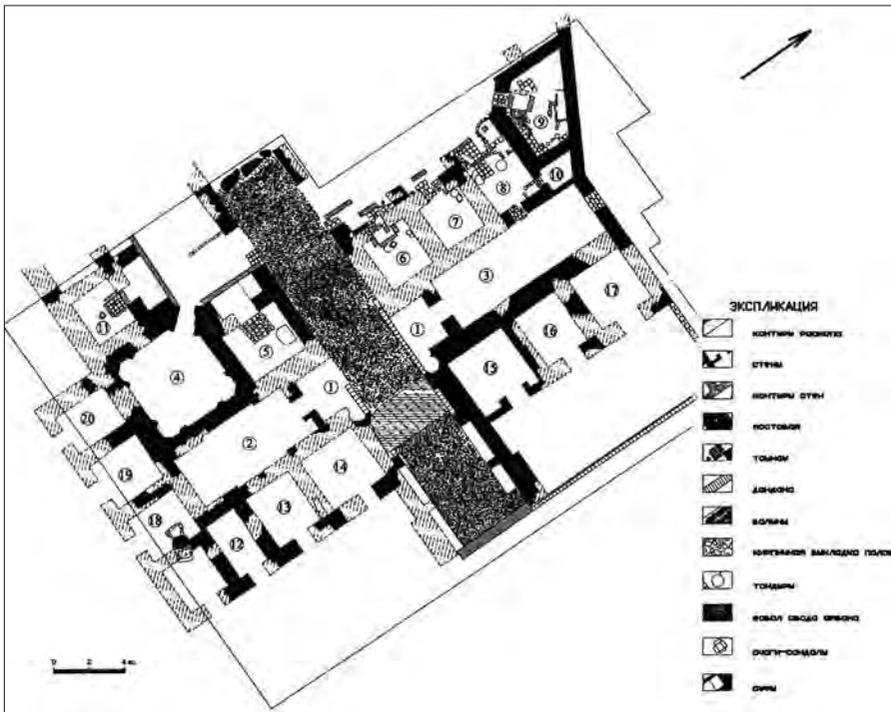

Рис. 216. Городище Сауран. План раскопанной части медресе 2. XVI-XVII вв.

Интерес представляет фрагмент донной части кесе с надписью чернилами. Надпись гласит «Мулла Кд...», из чего можно предположить, что имя владельца кесе «Кудрат» или «Кадыр».

Нумизматический материал представлен двумя десятками монет, найденных в заполнениях помещений. Можно выделить шесть монет, одна из которых серебряная, обнаруженных в одной ямке под выстилкой пола помещения 9. Монеты в основном медные, плохой сохранности. Формы монет округлые, эллипсоидные с усеченными концами. Серебряная монета датируется XVI в. (Байпаков, Акылбек, 2008, с. 56-73; Байпаков, 2012в, с. 35-36).

Керамический материал, относящийся ко времени запустения медресе, был найден в заполнении заглубленных площадок перед входами в помещения. Керамика представлена в основном глазурованной посудой – блюдами и чашами. Найдено несколько фрагментов тагора. Интересно импортное блюдо из помещения 12, предположительно бухарского производства. Посуда из слоя расписана стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. Встречается сочетание двух видов узоров. Роспись нанесена по белому и голубому фону с обеих сторон. Глазурь не покрывает только поддоны. Поддоны дисковидные, слегка вогнутые, с кольцевым желобком. Керамика данного типа датируется XVI-XVII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 162-166).

Второе Сауранское медресе. В 2004 г. были начаты раскопки постройки из жженого кирпича, которая была атрибутирована как «второе сауранское медресе».

Объект расположен напротив уже раскопанного медресе и занимает участок площадью примерно 62 x 32 м.

Исследованиями на раскопе зафиксированы три горизонта напластований. Горизонт 3 представляет собой самый нижний, первоначальный горизонт здания, к которому относится период постройки и функционирования здания как медресе. Большая часть сооружений этого горизонта скрыта под поздними напластованиями горизонтов 2 и 1, когда медресе было разобрано на кирпичи для новых построек.

Остатки монументального сооружения по всей площади раскопа начали фиксироваться на глубине 1,5 м. Они были разобраны почти до основания. Помещения были заполнены целыми и, в основной своей массе, битыми жжеными кирпичами. Завалы содержали в себе кости животных, фрагменты керамических изделий, камышовый тлен.

Пештак вынесен далеко вперед, вход ведет в вестибюль, через который идет прямой выход во двор. Пролет пештака равнялся 4,8 м. С правой стороны входного проема сохранились остатки суф. Входной проем переходит в глубокий айван (6,8 м), пролет которого сужен до 3,7 м. Внутреннее пространство айвана несколько расширяли ниши шириной 2,4 м и 1,8 м, глубиной 0,6 м и 0,2 м соответственно. Позднее пол входа был вымощен окатанной галькой. Для этого в нишах айвана и вестибюле был построен бордюр шириной в один кирпич и высотой около 0,5 м, ограничивающий выкладку в пределах пролета айвана. Таким образом, образовался коридор длиной 24,7 м, соединяющий вход с двором. Со стороны двора выкладку ограничивает порог-дандана и три валуна. Выкладка перекрывала первоначальный пол и в районе вестибюля была на 0,4 м выше его уровня. В дворовой части коридор также ограничен стенками шириной 0,9 м, оставляя проходы шириной 2,3 м в оба крыла сооружения. Перед вестибюлем был расчищен обрушившийся свод айвана.

Вестибюль (*помещение 1*) сильно пострадал, его планировка плохо поддается детальному восстановлению. Но можно предположить, что основой плана вестибюля был прямоугольник размером 8,6 x 2,8 м, на продольных осях которого расположены проходы в помещения, интерпретируемые как мечеть и аудитория.

Мечеть (*помещение 2*) расположена слева от входа. К ней ведет проход шириной 1,15 м. Помещение 2 размерами 7,4 x 3,3 м имеет в боковых стенах ниши шириной 3,5 м, глубиной 0,2 м. Сохранность стен помещения плохая. Юго-восточная стена во фрагментарном состоянии, но восстанавливается «в следах» по оттискам кирпичей на глиняной платформе. Юго-западная стена, в которой должна быть михрабная ниша, разобрана полностью, сохранился участок у западного угла. Северо-западная стена сохранилась на высоту 6-7 рядов кладки,

толщина ее 0,85 м. На северо-восточной стене по сторонам от входа имеются ниши размером 0,4 x 0,4 м. Высота стен здесь достигает до 10 рядов кладки. Пол в помещении также не сохранился, местами встречаются разрозненные кирпичи пола.

Во время расчистки перед входом в помещение была обнаружена площадка с ташнау, относящаяся к периоду вторичного обживания. В заполнении найдены кости животных и медные монеты, поливные и неполивные облицовочные плитки, остатки перекрытия.

Помещение 3, расположенное справа от входа, являлось, скорее всего, аудиторией. Помещение имело прямоугольную в плане форму размером 9,5 x 3,3 м. Большая часть его была раскопана по уровню верхнего пола. Пол был выложен битым жженым кирпичом, его уровень на 1 м выше уровня первого пола. Был заложен шурф в северном углу помещения, который выявил три уровня пола. Раскопками была затронута входная часть, где по уровню первого пола был обнаружен очаг, устроенный в южном углу на месте ниши. На уровне второго пола находилось ташнау, от которого сохранились хум и вымостка.

В северо-западной стене в 3 м от северного угла устроен проход в айван, выходящий во двор. В центре внешней северо-восточной стены имеется проход наружу. Там же вплотную к наружной стене был устроен «мусорный отсек».

Раскопками вскрыта юго-восточная часть дворовой застройки медресе, состоящая из семи помещений.

Угловое *помещение 4* отличается размерами и интерьером от остальных вскрытых помещений. Помещение квадратной формы размером 5,2 x 5,2 м. Проход в помещение устроен в северном углу. От вымостки пола сохранились отдельные кирпичи.

Углы помещений оформлены в виде пятигранных ниш с шириной каждой грани 0,5 м. Выступы представляют собой кладку из жженных кирпичей, которые выступают одним углом из общей плоскости стены, при этом ряды кирпичей чередовались с незначительным смещением, образуя «лесенку». Ширина ниш примерно равна ширине прохода – 1,3 м. Пол помещения не сохранился.

Судя по планировке и размерам, помещение выполняло функцию аудитории – достарханы. В завале кирпичей в помещении найден обломок облицовочных орнаментированных плиток, которые использовались в оформлении интерьера помещения.

Помещение 5 размерами 3,17 x 3,56 м является жилой комнатой – худжрой. Расположено слева от прохода во двор. Помещение задней стороной примыкает к вестибюлю и к мечети. Вход обращен во двор, перед ним находилась вымощенная жженым кирпичом ниша, в которой были устроены суфы размером 1 x 1,45 м. В помещении перед проходом – площадка ташнау размером 1,9 x 1,35 м, выложенная кирпичом размерами 27 x 27 x 8 см. Пол помещения приподнят на два ряда кирпича над уровнем ташнау.

В заполнении помещения найдено множество кирпичей, кости животных, поливная и неполивная керамика, камышовый тлен, медные

монеты. На полу зафиксирован наносной слой толщиной 15 см, что свидетельствует о длительном запустении помещения и сооружения в целом.

Помещение 6 прямоугольной формы размерами 3 х 5 м, расположено справа от прохода во двор.

Южной стеной помещения служит основная несущая западная стена правого крыла медресе, сохранившаяся на участке длиной 2,45 м. Ширина сохранившегося участка стены – 0,9 м, максимальная высота – 0,7 м.

Западная стена общая для помещений 6-8 сохранилась лишь на уровне 3-го горизонта.

Восточная стена, общая для помещений 6 и 8, сохранилась фрагментарно: участок в помещении 8 и часть внутреннего фасада в помещении 6 в виде 2-х кирпичей с сохранившейся штукатуркой.

Северная стена помещения 6, отделяющая его от помещения 7, сохранилась в следах: на ее месте выявлена глубокая траншея, прорезающая полы горизонтов 2 и 3, образовавшаяся в результате разборки стены на кирпичи уже после полного запустения городища.

Вход в помещение был расположен в западной стене, частично сохранилась дандана порога.

Справа от входа, в юго-западном углу с внешней стороны помещения 6, выявлено ташнау 1 с площадкой размером 1,0 х 1,1 м, которая с юга примыкает к южной стене правого крыла медресе.

Из элементов интерьера помещения 6, относящихся к 3-му горизонту, удалось выявить лишь ташнау.

Помещение 7 расположено к северу от помещения 6. Ориентировочно размеры помещения 3 х 4 м. Вход в помещение расположен в западной стене строго по центру комнаты.

Ташнау расположено напротив входа в помещение 7.

Помещение 8 находится к северу от помещения 7, размеры его 4,5 х 2,7 м. Оно выполняло функцию коридора-айвана, открытого в сторону двора, и связывало внутренний двор с аудиторией 3. Восточная стена, общая для помещений 6, 7, 8, сохранилась «в следах». Северный участок стены (помещение 8) длиной 2,7 м сохранился на высоту 6 рядов кладки (0,45 м).

Входы в помещение отмечены в северной и восточной стенах. В северной стене имелся небольшой проход в маленькую комнатку 10, возможно, служившую туалетом.

Элементы интерьера помещения 8 представлены двумя поздними тандырами и сандалом.

Помещение 9 занимает угловое положение в центральной части медресе с выходом во внутренний двор, расположено к северу от помещения 8. Входная часть повторяет планировку помещения 4 и не нарушает симметрию углов двора. В этом месте сооружение расширено на 5 м, при этом наружная стена построена под тупым углом, тем самым часть помещения 9 скошена. Таким образом, помещение приобрело форму пятиугольника со сторонами 1,8 х 3 х 5 х 1,9 х 3,4 м.

Это описание медресе относится к южной части постройки, северная часть ее исследована и описана (Смагулов, Ержигитова, 2014, с. 578-613). Ведется анализ и обобщение всех материалов этого уникального архитектурного сооружения.

Помещение 11 (худжра), вскрытое в левом крыле сооружения. Перед входом в помещение устроено ташнау, заглубленное на 10 см относительно уровня порога. Площадка ташнау размером 1 x 1 м сохранилась полностью. Борта ташнау оформлены кирпичами, положенными на ребро. Ташнау было перекрыто кирпичами верхнего пола. У северного угла ташнау выявлен очаг размером 40 x 45 см. От бортов остались четыре кирпича, поставленных на ребро. Кирпичи и грунт прокалены. В середине помещения по уровню верхнего пола стоит очаг-сандал. Внутри он покрыт сажей, на дне обнаружена зола с древесными угольками. В заполнении помещения найдено множество кирпичей, кости животных, поливная и неполивная керамика, камышовый тлен, медные монеты.

У юго-западной кромки раскопа выявлены части трех помещений. Это были худжры с выходом на юго-западный боковой фасад. Входные части помещений остались за пределами раскопа. Помещения имеют одинаковую ширину – 2,85 м. Такие помещения вскрыты со стороны фронтального фасада. С левой юго-западной стороны от пештака полностью вскрыты три помещения и частично одно, с правой стороны – три помещения. Помещения 14 и 15, прилегающие к пештаку, имеют одинаковые размеры 3,7 x 3,3 м. Ширина остальных двух помещений левого крыла варьирует с убыванием по мере удаления от пештака. Ширина крайнего помещения не выяснена. Длина помещений 3,3 м. Помещения 16 и 17 правого крыла имеют размеры 3,3 x 2,8 м и 3,3 x 3,2 м соответственно.

За пределами стен медресе зафиксирован «мусорный отсек» в северо-западном углу раскопа с внешней стороны северо-западного угла помещения 9. Отсек представляет собой яму диаметром 0,5 м и глубиной 0,45 м, заполненную мелкими фрагментами костей животных. В устье ямы найден фрагмент неглазурованной тагоры диаметром 0,45 м, заполненной мелкими фрагментами костей. Поверх заполнения тагоры был зафиксирован крупный фрагмент неполивного плоскодонного сосуда. По-видимому, яма предназначалась для кухонных отходов обитателей медресе.

Исследования позволяют прийти к выводу, что строительные горизонты 2 и 3 представляют собой два последовательных этапа функционирования исследованной части здания медресе.

На первом этапе (горизонт 3) помещения 5, 6, 7, 9, 11-20 служили в качестве комнат-худжр для учащихся медресе. На это указывают размеры помещений, а также общие принципы планировки здания, согласно которым помещения расположены по периметру внутреннего двора и на внешних фасадах медресе. Исследованный ряд таких худжр, оконтуривающих северо-восточную часть двора, имел в своей

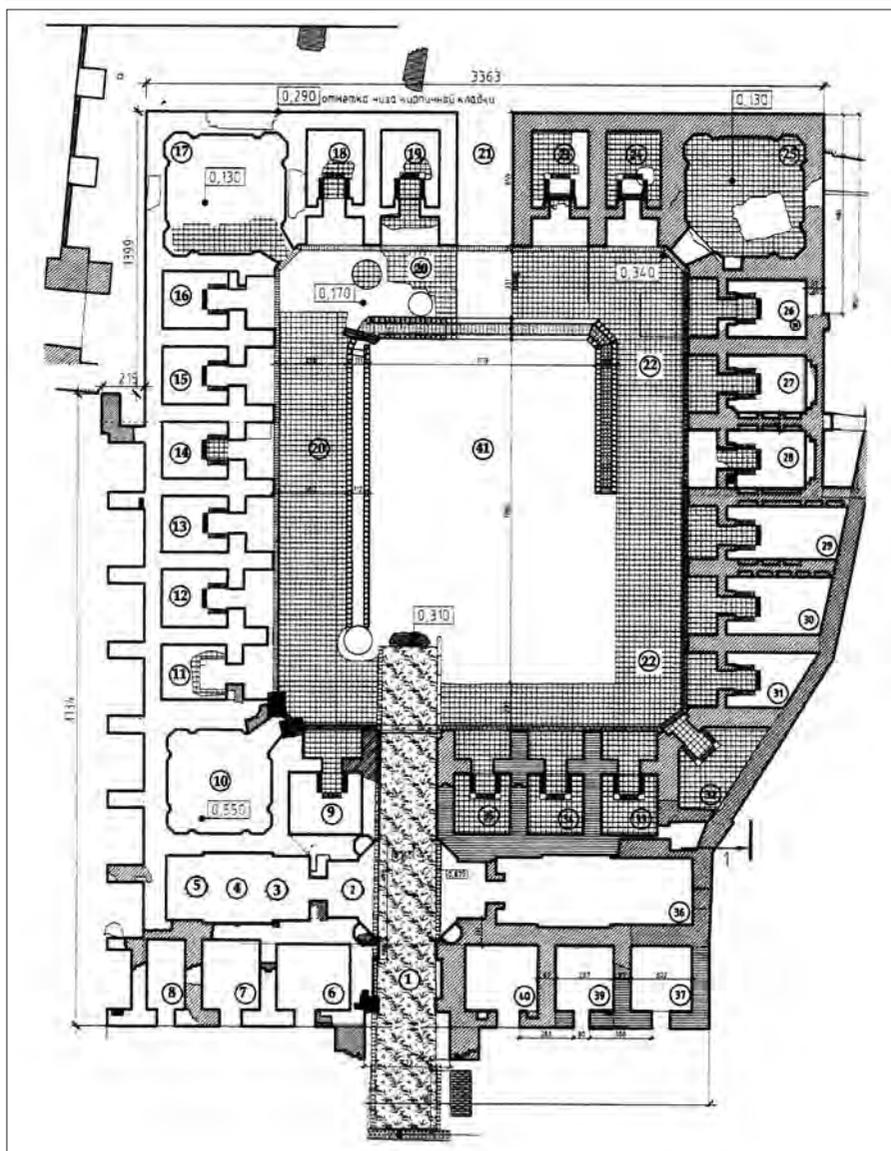

Рис. 217. Городище Сауран. План-реконструкция медресе 2
(по Е.А. Смагулову)

фасадной части небольшой айван, выступавший за пределы фасада на 0,5-0,8 м, в котором были устроены небольшие ниши (глубиной 1 м) с айванными ташнау. Помещение 8, будучи проходным и имевшее проход в туалет правого крыла здания, могло быть внутренним айваном или широким коридором этой части медресе. Через помещение 8 и смежное с ним помещение 3 был выход на улицу с торцевой части здания, где находился отсек для пищевых отходов.

На втором этапе (горизонт 2) все помещения внутренней части медресе использовались как жилые. Дверной проем в туалет был

заложен, айван (помещение 8) был объединен с помещением 7 в один большой зал-приемную, который обрел соответствующий интерьер: тандыр, а чуть позже очаг для приготовления пищи и достархан. В целом аналогичный интерьер появился и в помещении 6. Помещение 9 в это время использовалось как комната отдыха, на что указывает отсутствие тандыра и наличие сразу трех сандалов, а также система отопления пола, позволявшая использовать это помещение в зимний период.

Третий этап функционирования здания, представленный горизонтом 1, маркирует уже время запустения здания.

Вышеописанное сооружение вкупе с расположенным напротив медресе образует архитектурный ансамбль типа «кош» (парный).

Планировка раскопанного сооружения имеет ярко выраженные черты укрепленных традиционных форм строительства медресе: общественные помещения в парадной части и замкнутый двор с секционной застройкой по периметру. Отступлением от канонов является прямой проход из вестибюля во двор, тогда как обычно он закрывался стеной или ажурной решеткой, а во двор попадали через коленчатый проход.

О характере образовательного процесса в данном медресе можно судить по наличию нескольких помещений общественного значения. На данный момент их выявлено пять. В дворовой части медресе, где обычно располагались худжры для проживания студентов, вскрыты остатки помещений, отличающихся от жилых комнат формой, размерами и интерьером. Они расположены на южном, западном и северном углах двора. Если учесть, что здание, скорее всего, симметричной планировки, то количество таких помещений возрастет до шести. По утверждению Л.Ю. Маньковской, «сочетание теологии с основами точных научных знаний отражалось на количестве и размещении общественных залов в медресе» (Маньковская, 1980, с. 84-85).

При раскопках были найдены фрагменты арок и перекрытий, многочисленные декоративные кирпичики без поливы различных форм (шестиугольные, ромбические, прямоугольные). Глазурованные плитки представлены шестиугольными, пятиугольными, трапециевидными, прямоугольными, квадратными формами. Изразцы орнаментированы узорами растительного, геометрического и эпиграфического характера.

Керамический материал, найденный в заполнении помещений, относится ко времени запустения медресе. Керамика представлена в основном глазурованной посудой, преобладают блюда и чаши. Посуда из слоя расписана стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. Встречается сочетание двух видов узоров. Поддоны дисковидные, слегка вогнутые и с кольцевым желобком. Найдены фрагменты крышек горшков, один из них имеет трехрогую ручку.

Нумизматический материал представлен медными монетами, двадцать девять из них найдены разрозненно в заполнении помещений. Одна серебряная монета найдена на улице.

Датируется медресе на основании хронологии комплекса керамики и по нумизматическому материалу XVI в. (Байпаков, Акылбек, 2012, с. 84-93).

Ханака Саурана расположена севернее центральных развалин. Здесь до сих пор возвышаются остатки разрушенной временем сырцово-кирпичной постройки. Она состояла из семи помещений. План постройки «читается» достаточно четко. Наружные стены всех помещений постройки, за исключением южных стен помещений 2 и 7, обвалились. Их первоначальная толщина составляла 1,2 м. Причем, наружная стена помещений 3 и 5 выступала за общую линию фасада на 1,2-1,3 м.

Постройка ориентирована сторонами по странам света. Главный вход в комплекс находится в центре южной стены в глубине (арочного?) айвана, который имеет ширину 4,3 м и глубину 2,8 м (помещение 1). Через него попадали в центральное квадратное помещение (8) размерами 6,1 х 6,1 м. Оно являлось связующим, через которое можно было попасть во все помещения комплекса. Объем помещения увеличен за счет четырех широких (4 м) ниш разной глубины. В центре ниш устроены дверные проемы, через которые попадали в помещения восточной (6, 7) и западной (2, 3, 4) части, а также в северное помещение

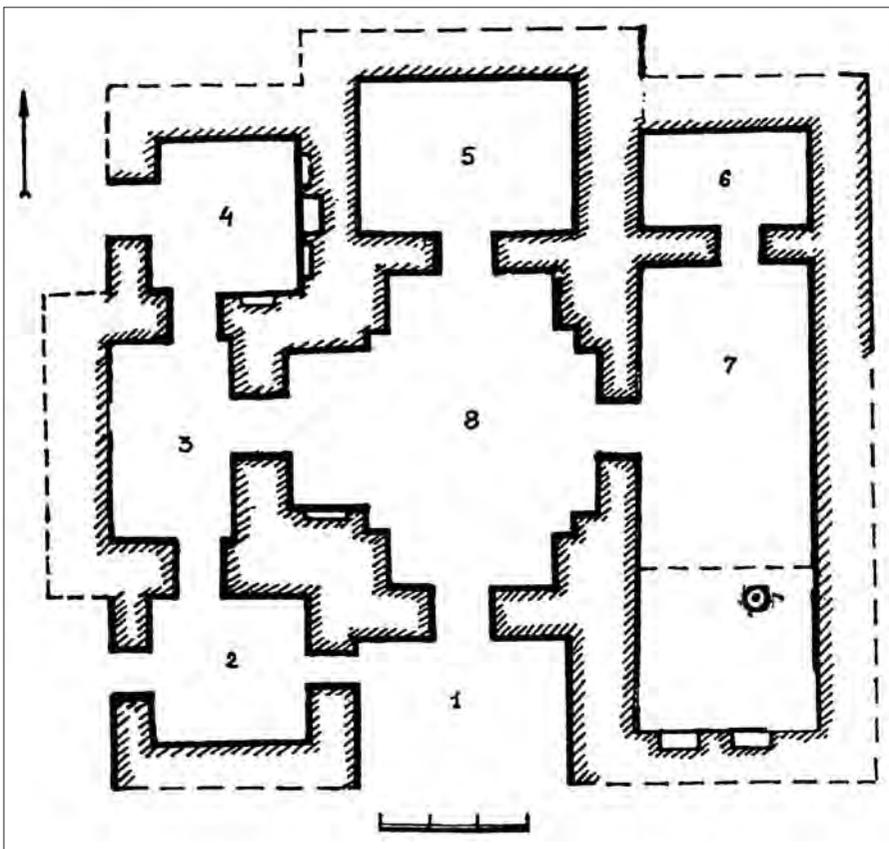

Рис. 218. Городище Сауран. Ханака. План

№5. В боковой стене западной, самой глубокой, ниши на высоте 1,30 м от пола устроена неглубокая ниша высотой 0,6 м.

В юго-западном углу постройки находится *помещение 2*. Оно квадратное в плане, размером 3,1 x 3,1 м. В него можно было попасть также и через дверной проем прямо из входного айвана. Северо-западный угол постройки занимает аналогичное квадратное *помещение 4*, в восточной стене которого прослеживаются три ниши шириной 0,8 м и высотой 0,6 м. Из этого углового помещения был сооружен также отдельный выход шириной 1,1 м во двор, окружавший архитектурный комплекс. Между угловыми квадратными помещениями 2 и 4 расположено *помещение 3* (2,5 x 4,2 м). Все три западных помещения (2, 3, 4) связаны между собой проходами, а угловые имеют еще и отдельные выходы наружу: *помещение 2* – во входной айван, *помещение 4* – во двор.

Северное *помещение* дверным проемом соединяется только с центральным вестибюлем – *помещением 8* (3,5 x 4,3 м).

В восточной части расположены два смежных *помещения 6 и 7*. Из центрального вестибюля дверь вела в *помещение №7* размером 3,5 x 9,7 м. Справа от входа (южная треть помещения) располагалась широкая (около 3,5 м) суфа, в которой устроен тандыр. Устье его диаметром 0,55 м выходит на уровень поверхности суфы, высота которой 0,45 м. Над суфой на высоте 1,1 м в южной стене устроены две ниши высотой 0,6 м.

В северной стене *помещения 7* устроен проход, через который попадали в угловое квадратное *помещение 6* (3,5 x 2,2 м).

Два угловых помещения (2, 4) и вестибюль (8), очевидно, были перекрыты куполами. Кое-где в углах этих помещений на высоте около 2 м заметны следы арочных парусов. Особенно четко они прослеживаются в помещении 4. Прямоугольные в плане помещения (3, 5, 6, 7), вероятно, имели плоские балочные перекрытия.

В разломах обвалившихся стен на высоте около 2,5 м видны круглые продольные полости от истлевших балок, некогда вмонтированных в кладку стен. Очевидно, это сейсмопопояс – антисейсмическая мера, часто используемая в строительной технике Средней Азии и на юге Казахстана.

Планировка усадьбы, нехарактерная для жилых комплексов региона, и в то же время наличие просторного кухонного помещения с тандыром (7) говорят о необычном функциональном назначении данной постройки. Монументальный внешний вид, высокий арочный входной айван, купола, над которыми возвышался, вероятно, большой купол над центральным вестибюлем, дают основание видеть в данном сооружении ханаку (Байпаков, Смагулов, 2005, с. 93-95).

Культовые памятники Сыгнака

Мавзолей Кок-Кесене был осмотрен в апреле 1900 г. В.А. Каллауром. Он отметил, что мавзолей находился в 8 верстах к югу от городища

Саганак (Сугнак). Здание, по его словам, было сложено из жженого кирпича, снаружи сохранилась облицовка из кирпича синего цвета. Мавзолей был перекрыт куполом, внутри на куполе имелась надпись. Он отметил, что здание разрушено местными жителями, которые разбирали его на кирпичи, и поэтому В.А. Каллаур просил местные власти принять охранные меры. Он же попросил местного чиновника сфотографировать мавзолей. Фотографии были сделаны в 1901 г. и опубликованы в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии (Каллаур, 1901, с. 98-101).

А.Ю. Якубовский, посетивший в 1927 г. с научной целью Сыгнак и описавший развалины самого Сыгнака, архитектурных памятников, в том числе и Кок-Кесене, увидел мавзолей в руинированном состоянии, в виде оплывшего холма (Якубовский, 1929, с. 123-159).

Научную характеристику Кок-Кесене привела Г.А. Пугаченкова.

Мавзолей Кок-Кесене полностью разрушен, но сохранились фотографии и описания. Мавзолей в плане квадратный, под полом был устроен склеп. Вход выделен стройным порталом со стрельчатой аркой. Главный объем представлял квадратную призму, переходный восьмигранник, шестнадцатигранный барабан и конический шатер. Мавзолей снаружи был облицован цветными глазурованными кирпичами, образующими геометрический узор, и многоцветными мозаиками, внутри под куполом проходила арабская надпись.

Композиция мавзолея Кок-Кесене, его пропорции, шатровый купол восходят к традициям хорезмской архитектуры XIV в., наиболее ярким образцом является так называемый мавзолей Тюрябек-ханым в Куныя-Ургенче. Судя по стилю и исторической ситуации, мавзолей Кок-Кесене возведен около середины XV в., в нем был захоронен один из видных узбекских ханов, может быть, Абулхайр (Пугаченкова, 1976, с. 81-82).

Мавзолей на кладбище Сыгнака. Мавзолей Кок-Кесене являлся одним из центральных мемориальных сооружений на кладбище, которое, видимо, стало формироваться в XIII в. и функционировало в XIV-XVI вв. и позднее. В радиусе до 1 км возвышаются бугры – остатки наземных погребальных построек. Один из таких бугров был исследован в 2011 г. Он находится в 500 м к западу от городища Сунак-Ата.

До раскопок это был бугор, овальный в плане, вытянутый с юга на север на 35 м, с востока на запад на 20 м. Высота самой высокой точки его примерно 170 см. Восточная и северная части бугра частично разрушены.

На месте разрушений обнаружены обломки жженого кирпича и фрагменты керамических изделий.

На объекте был заложен раскоп размерами 15 x 15 м.

В юго-западном углу раскопа была расчищена кирпичная кладка толщиной и шириной в один ряд жженого кирпича размерами 25 x 25 x 5 см.

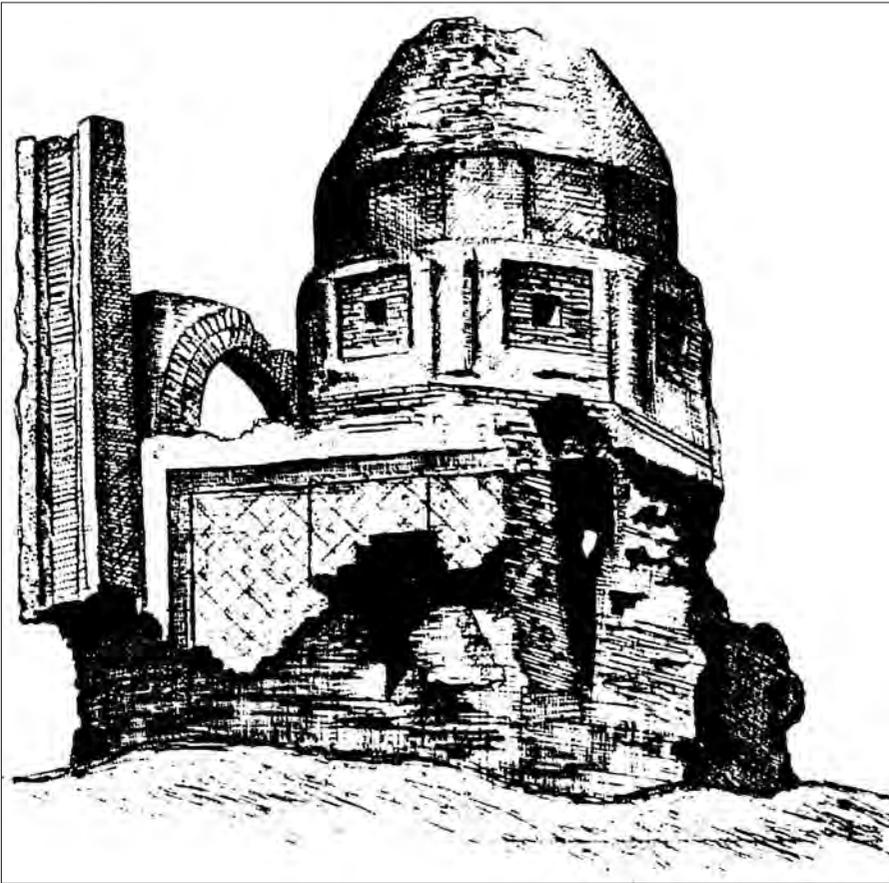

Рис. 219. Мавзолей Кок-Кесене

На северной стороне раскопа был расчищен завал из жженных кирпичей. Некоторые участки завала представляют собой обвалившуюся постройку со следами кладки кирпичей. Обнаружены целые кирпичи размерами 25 x 25 x 5 см. Скорее всего, этот завал образовался в результате обвала стен мавзолея.

В основании завала после расчистки была выделена кладка высотой в два, местами в три ряда жженных кирпичей. Остальная часть кладки была под завалом. Параллельно ей была расчищена вторая кладка, аналогичная первой. Таким образом, можно было предположить, что они представляют собой остатки южной стены мавзолея.

У восточного края завала была обнаружена могила с захоронением ребенка. Труположение на правом боку головой на северо-запад, лицом на юг. Анатомическое расположение костей правильное. Руки сложены у живота. Костей ног не обнаружено. Можно предположить, что захоронение позднее.

В северной части раскопа также были выявлены завалы из жженных кирпичей с фрагментами кладок. Рядом с завалом была обнаружена кладка северо-западного угла и западной стены мавзолея. Также была зачищена порталная часть мавзолея с входом.

Восточная стена мавзолея сильно разрушена, остатки ее были выявлены в процессе раскопок.

В дальнейшем проявились контуры стен мавзолея. Выяснилось, что мавзолей представляет собой четырехугольное здание размерами 8 x 10 м. Для выяснения полной картины раскоп расширили.

В северной стене мавзолея находился центральный портал с входом в сам мавзолей. Вход в мавзолей шириной 1,2 м.

Внутренняя часть мавзолея представляет собой квадратное помещение размерами 5 x 5 м. В нем обнаружены несколько захоронений с остатками надмогильных сооружений, с правой стороны три захоронения, с левой стороны – два.

Вскрыты два захоронения.

Захоронение №1 Надмогильное сооружение разрушено. При расчистке ясно выделился контур могильной ямы размерами 2 x 1 м.

По краям яма обложена сырцовыми кирпичами. Постепенно кверху кладка, напуском сужаясь, перекрывает саму могильную яму.

При расчистке ямы на глубине 1 м от уровня пола был обнаружен скелет человека. Труположение скелета – на спине, головой на запад, лицом на север. Кости скелета находились в анатомическом порядке. Длина скелета примерно 170-175 см. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые. В процессе расчистки скелета обнаружены несколько проржавевших гвоздей. Судя по этим находкам, труп находился в гробу.

Захоронение №2 расположено рядом с захоронением №1, к северу от него. При расчистке выявился контур могильной ямы размерами примерно 1,6 x 0,8 м. При расчистке могильной ямы на глубине 0,3-0,4 м был обнаружен скелет человека. Над скелетом обнаружены следы деревянного перекрытия, по всей видимости, остатки гроба.

Труположение скелета на спине, головой на запад, лицом повернут на юг. В процессе расчистки также были обнаружены несколько проржавевших гвоздей, подтверждающих предположение, что труп первоначально находился в гробу. Анатомическое расположение костей скелета правильное. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги чуть согнуты в коленях.

Можно предположить, что мавзолей представлял собой купольное сооружение, прямоугольной формы, размером 8 x 10 м, построенный из жженого кирпича 25 x 25 x 5 см. Мавзолей являлся семейным склепом, в нем было захоронено по предварительным данным 5 человек, предположительно представители знати, о чем свидетельствует богатое убранство порталльной части сооружения.

Облицовка, представленная резной терракотой, покрыта поливой. Орнамент – растительный, геометрический и эпитафический.

Рельефный орнамент на лицевой поверхности покрыт непрозрачной голубой глазурью. Вот некоторые образцы.

Орнаментальная композиция: пояс растительного орнамента состоит из побегов с острыми листьями и бутонов полуоткрытых

цветов, в контуре из рядов штриховидных полос (расширяющихся справа налево).

Встречены композиции из растительного орнамента в виде извивающихся побегов и кругов, украшенные горошинами.

Есть орнаментальная композиция – восьмилучевая звезда (сохранились три луча) в круге: две пары лучей листовидные, две – ромбовидные. В листовидных лучах есть рельефные «горошины». На поверхности узора видны следы разметки орнамента мастером.

Есть также орнаментальная композиция, где растительный узор дан в виде извивающихся побегов с нависающими листьями.

Обнаружена орнаментальная композиция: в миндалевидном контуре сложная восьмерковидная фигура.

Интересен орнамент в виде «узлов счастья» на фоне растительного орнамента в виде побегов с широкими листьями.

Эпиграфический орнамент представлен фрагментами арабографических надписей почерком сульс. Интересны облицовочные плитки с рельефным орнаментом на лицевой поверхности, покрытым непрозрачной голубой глазурью.

Интересна орнаментальная композиция: фрагмент арабографической надписи почерком сульс, украшенной растительным орнаментом в виде листков и пальметок.

Обнаружен фрагмент арабографической надписи, украшенной растительным орнаментом в виде извивающихся побегов с широкими листьями.

Встречена орнаментальная композиция с узором в виде плетенки из двух рельефных полос.

Известна орнаментальная композиция, где геометрический орнамент из двойной рельефной линии заключен и в миндалевидный контур.

Есть орнаментальная композиция, где элементы крупной розетки представлены в виде центрального круга, залитого синей глазурью, оконтуренной по краям бордюрами. Розетка украшена по краям растительным орнаментом из вьющихся листьев и эпиграфики.

Выше уже отмечалось, что мавзолей находится на территории кладбища, где возвышались некогда многочисленные мавзолеи, среди которых наиболее известным был мавзолей Кок-Кесене. Вот как о кладбище и о нем пишет автор XVI в. Рузбихан Исфакхани.

«Могилы и гробницы всех ханов узбеков из шабановцев, юрты которых в старину были близки к Туркестану, находятся в самом Сыгнаке и в его округе, потому что он является окраиной благоустроенной области, в которой имеются город, городские власти, основание мечети и рынок, а по ту сторону его – обширная степь, где нет ни признака благоустройства. Признаков городов в ней совсем не существует. Поневоле, из именитых ханов Дешта гроб каждого, кому наступал час predetermined смерти, обязательно доставляли в Сыгнак и над могилой его воздвигали здание, похожее на купол.

Озаренная светом гробница и пречистая могила его величества хана мира, хакана времени Абул-Хайр-хана, да осветит Аллах его доказательства, расположена вне города Сыгнака, и зодчий высоких помыслов нашего ханского величества построил над могилой доброго деда очень высокое здание» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 117-118).

Итак, если согласиться с мнением, что Кок-Кесене является усыпальницей Абулхайра, то дату его постройки надо отнести к 60-м годам XV в. Расположенный вблизи Кок-Кесене мавзолей 3, судя по планировке, декору, видимо, относится ко второй половине XV в., сохранившим традиции архитектуры XIV в.

Мечеть и мавзолей Сыгнака. Первую информацию о развалинах Сыгнака (городище Сугнак-Ата) дал В.А. Каллаур, посетивший памятник в июне 1898 г. Он составил план городища и планы двух построек из жженого кирпича, расположенных рядом с городищем в 250 м южнее.

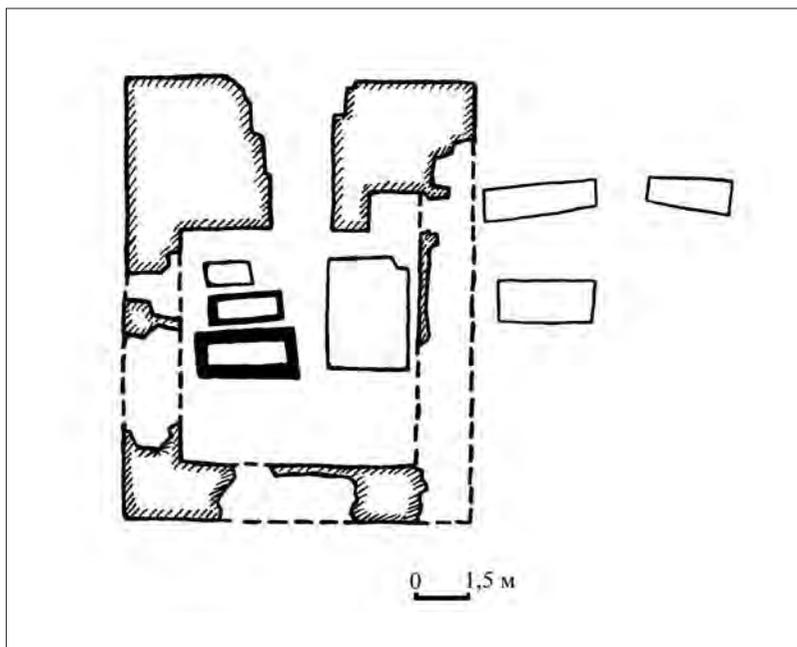

Рис. 220. Городище Сыгнак. Мавзолей

Первое состоит из двух помещений, перекрытых куполами. По углам к этим помещениям сделаны четыре пристройки, под полом находился склеп, в котором находились погребения в деревянных, оббитых кожей гробах. Погребения были разрушены.

Второе здание меньшего размера (Каллаур, 1900, с. 6-8).

По мнению А.Ю. Якубовского, посетившего городище Сыгнак в 1927 г., первое здание не было мечетью, поскольку он не увидел в большом помещении михраб (Якубовский, 1929, с. 123-159). Однако

раскопки, проведенные в 2004 г., выявили в так называемой большой «молитвенной» комнате михраб. С. Жолдасбаев, который проводил исследования постройки, считает ее ханакой, превращенной в мечеть – медресе. Датируется постройка XIV-XV вв. (Жолдасбаев, 2010, с. 99-100, 103, рис. 22). Однако, скорее всего, сооружение является ханакой с захоронением святого в склепе под полом молитвенного зала.

Вторая постройка, план которой опубликован в монографии С. Жолдасбаева, бесспорно является однокамерным порталным мавзолеем. Внутри его находилось несколько захоронений с надгробиями (Жолдасбаев, 2010, рис. 5-11).

Мечеть городища Джанкала была обнаружена в 2009 г. во время поисков города Дженд, который, как оказалось, не соответствует ранее принятому отождествлению городища Джанкала и крупного города Дженд (Толстов, 1962, с. 288). Сейчас это предположение не подтверждается (Байпаков, Воякин, 2009, с. 30).

При обследовании городища были обнаружены и исследованы остатки мечети, представляющей собой постройку из сырцового кирпича размерами 9,7 x 9,7 м. В юго-западной стене обнаружен михраб. Первоначальная датировка мечети была предложена в пределах XIV в. (Байпаков, Воякин, 2010, с. 106), но позднее, на основании комплекса керамики, была предложена дата XVIII – начало XIX в.

Пережитки доисламских религий и культов

Многие стороны жизни древнего и позднесредневекового оседлого населения, их хозяйство, быт, история, материальная культура становятся более ясными благодаря историческим и археологическим открытиям. Но реконструкция религиозных верований затруднена. И не только скудостью письменных источников, но и трудностью проникновения в духовный мир давно ушедших поколений людей только на основе археологических находок.

И, тем не менее, наметились существенные сдвиги в познании и этой загадочной сферы человеческого сознания. Причем нельзя не отметить важную роль этнографических исследований, которые позволили выявить многие пережитки домусульманских верований и обрядов, бытующих в Казахстане и Средней Азии, установить происхождение отдельных реликтовых явлений и выдвинуть на первый план вопрос о шаманизме и зороастризме как религий, предшествующих исламу (Толеубаев, 1991; Слесарев, 1969; Басилов, 1992; Мустафина, 1992).

Как сейчас выясняется, при анализе конкретного материала, довольно широко были распространены верования, связанные со сверхъестественными свойствами огня, животных, птиц, растений. Хуже или пока совсем неизвестны археологические материалы, свидетельствующие о других верованиях и культах: о демонологии, магии, семейно-бытовой обрядности. И здесь остается надеяться на дальнейший поиск конкретных материальных свидетельств этих верований и культов.

За время раскопок позднесредневековых городищ накоплены разнообразные коллекции предметов материальной культуры и, в первую очередь, керамики, изделий из металла, украшений. Некоторые из них помимо своих утилитарных функций несут определенную смысловую нагрузку. Раскрытие семантики самих изделий, а также орнамента на них позволяет глубже понять и оценить духовный мир.

Культ огня. К изделиям, которые дают представления о древних культах и обрядах, которые прошли через века и сохранились до этнографического времени, относятся сакральные очажки и курильницы, культовые котлы и столики-достарханы из домов XVI-XVIII вв. Отрара, Саурана, Туркестана, Карасамана. Они по археологическим материалам известны с эпохи саков и кангюев и продолжают существовать и использоваться в религиозных обрядах в эпоху раннего и развитого средневековья, в монгольский период и в позднем средневековье. Экскурс в историю развития такого рода очагов позволяет проследить существование культа огня как очистительной силы, как культа семьи, рода. Им посвящены статьи, где с привлечением этнографических материалов показаны глубокие традиционные религиозные явления (Байпаков, 1998а, с. 3-16).

Среди находок, которые обязательны при раскопках поселений и городищ, начиная со средневековья, в том числе и позднего, присутствуют керамические котлы, культовые очаги, керамические светильники-курильницы, столики-достарханы.

В средние века в эпоху проникновения и утверждения ислама в Южный Казахстан, Жетысу и Приаралье в домах жителей горожан Отрара и Кедера, Янгикента и Джувары имелись культовые очаги круглые и подпрямоугольные в плане, антропоморфные, богато украшенные резным и штампованным орнаментом, прототипами стилизованных баранов (Байпаков, 2013, с. 479-485).

Культовую нагрузку носили и очаги-тандыры, наружная часть которых была украшена плитками с растительным и зооморфным орнаментом, обнаруженные при раскопках позднесредневекового Отрара в домах XVI-XVIII вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, рис. 18).

Культ огня, судя по присутствию очажков в домах южно-казахстанских и среднеазиатских жилищ, продолжал сосуществовать с исламом. В этом отношении показательно то, что дома с культовыми очагами-жаровнями на Куйрук-тобе находятся рядом с соборной мечетью X-XIII вв. Это ещё одно из подтверждений жизнестойкости древних традиций в культуре населения Средней Сырдарьи, в том числе и в религиозных воззрениях.

Такое явление было характерно и для Средней Азии. Так, в XI в. Бируни отмечал, что в Мавераннахре существовала тайная секта последователей зороастрийца Муканны (Бируни Абу Райхан, 1957, с. 217).

Пережитки культа огня и домашнего очага дожили до недавнего прошлого.

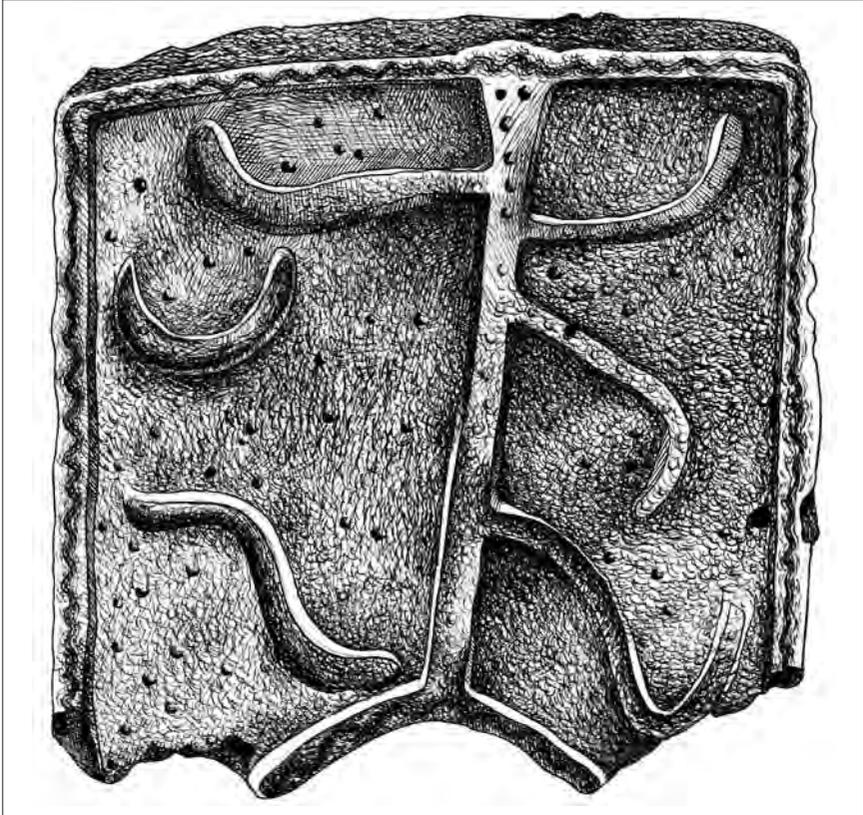

Рис. 221. Городище Отрартобе. Заслонка устья тандыра

Казахи называют огонь «аулие» (святой), а также «мать». Огонь считают покровителем жилища, домашним святилищем. Огнем сопровождают брачный обряд. Невеста при входе в юрту свекра становится перед очагом на колени, затем ее сажают возле очага и льют в очаг жир. Невеста в это время падает несколько раз ниц, приговаривая: «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью». При рождении ребенка огню также приносили жертвы. Казахи боялись гнева огня, поэтому клялись огнем. В жертву огню приносили жир и жертвенные свечи, сделанные из пропитанной салом ваты или материи, обернутой вокруг чия (Валиханов, 1958, с. 151-153).

В данном контексте вспоминается, что у древних тюрков существовал культ Умай, полисемантического божества, тесно связанного с культом огня. Это выражалось в олицетворении огня в образе женского божества, именуемого «мать-огонь». По этнографическим материалам прослеживается тесная взаимосвязь народных представлений об Умай и Кут. Кут выражает понятие души как жизненной силы, присутствия духа, плодородия, счастья. В этом отношении символ Умай-Кут сближается с всеобъемлющим божеством Вселенной – Родом, связанным с огнем, который «вдувает» жизнь в людей... (Рыбаков, 1981, с. 295-301; 442-453, 456).

Культ барана. При раскопках древних и средневековых городищ сырдарьинского региона собраны изделия с изображениями барана и бараньих рогов.

Наиболее поздние из них – фигурки в виде барана – датированы временем позднего средневековья (Байпаков, 1980, с. 37-38, рис. 5).

Сохранность большинства фигурок плохая, в ряде случаев осталась передняя часть, головки, обломки туловища. Фигурки были покрыты прозрачной голубой, синей поливой и расписанные черной и фиолетовой краской.

Почти две тысячи лет этот образ был популярен у населения Сырдарьи. Не случайно гончары «тиражировали» его в пластике.

Важное место было отведено этому животному в культовых воззрениях казахов: оно почиталось как жертвенное и выступало оберегом. Барана-кошкара, который должен быть белым с желтой головой или белый с лысиной, приносили в жертву с молитвой, в которой описывались его приметы: «О, аруах, для тебя именую лунорогого,

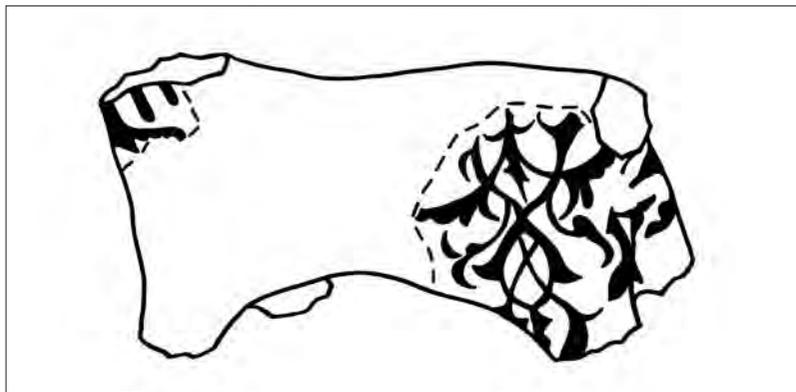

Рис. 222. Городище Отрартобе. Фрагмент фигурки барана

раздельно-копытчатого с запахом мускуса и с ушами, подобными баурсакам...» По народным преданиям, каждое из домашних животных имело божественное происхождение: так, быстроногая как ветер, лошадь была создана из ветра, чистые овцы и баран – из неба и огня. Многозначительным при жертвоприношении казахов выглядел выбор масти животного. Особенно ценился серый цвет как символ неба, которому тоже поклонялись. В связи с этим небезынтересно вспомнить об описанных фигурках баранов из группы изделий XV-XVIII вв.: все они покрыты именно серой или синей – «небесной» глазурью.

Таким образом, фигурки баранов присутствующие в комплексе керамических изделий XVI-XVIII вв., объясняются культом этого животного, игравшего важную роль в жизни сырдарьинского населения начиная с древних кангюев, средневековых кангаров (печенегов), огузов, канглы и кыпчаков и кончая казахами. Конечно, на протяжении веков идеи, порожденные этим популярным образом, менялись: что-то

забывалось, что-то появлялось новое. Сложные этнические процессы перемещения племен, смешение их, тем не менее, не привели к забвению культа барана-производителя – кошкара с мощными закрученными рогами (Байпаков, 1980, с. 32-45).

Конь, всадник. Статуэтки коней и всадников встречаются в керамике позднесредневековых городов Южного Казахстана. В Отраре в слое XVI-XVII вв. найдена часть фигурки коня (голова и шея), покрытая голубой поливой марганцевого цвета, краской изображена конская узда (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 56, рис. 12).

По мнению С.П. Толстова, в образе бога-всадника на хорезмийских монетах I в. до н. э. – VIII в. н. э. изображен обожествленный предок Сиявуш – символ династии сиявушидов. Рядом с всадником С.П. Толстов отмечает изображения сиявушидских знаков, находящихся недалеко от хвоста коня (Толстов, 1948, с. 85-86).

По преданию, в старину главные казахские роды имели свои тамги. Чингисхан при избрании великим каганом пожаловал каждому беку, предводителю рода, отличия: (боевой) клич, птицу, дерево и тамгу. Предводителю Среднего жуза из рода конрат бию Сенгелю был дан клич «кынырат» («кыныр+ат» – каз. вороной конь), птица – сокол, дерево – яблоня, тамга – месяц. Шакарим Кудайберды-улы приводит слова Рашид-ад-дина и Абул-Гази о том, что «кыныраты из династии Огуз-хана, из его тайфы дурлеген – потомки Жорлык-мергена, его сына Кынырата» (Шакарим Кудайберды-улы, 1990, с. 21-22, 71). Все перечисленные символы свидетельствуют, что родом конрат использована символика династии сиявушидов.

Знак-тамга в виде полумесяца, принадлежащая, согласно преданиям, казахскому роду конрат, присутствует уже среди знаков на керамике ранних земледельческих поселений Южного Казахстана (Байпаков, Подушкин, 1989, с. 143, рис. 64). Этот знак венчает короны хорезмийских и согдийских правителей местной династии (Рапопорт, 1962, с. 59; Сенигова, 1968, с. 58). Знак полумесяца – тамга алтайских родов кыпчак и кергиль в XIX-XX вв. (Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 23, табл. I).

Рис. 223. Городище Отрартобе. Фрагмент фигурки коня

Скорпион. На сердоликовых и халцедоновых геммах II-V вв. из кангуйского могильника Куюк-Мардан (Коныр-тобе) изображены скорпион, жрец, волк и дерево. Изображение скорпиона на красной сердоликовой гемме из Куюк-Мардана не является единственным. К случайным находкам в Отрарском оазисе относится гемма с изображением скорпиона из нефрита молочного цвета (Смагулов, 1993, с. 163-164). И уже в слое XVI-XVII вв. на Отраре был найден перстень, на щитке которого изображен мужчина с острой или пикой в руках, убивающий громадного скорпиона, рядом с которым изображена змея (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 15, 171).

Согласно Авесте, скорпионы относятся к существам, которые считались «вредными», «порождениями Ахримана», противостоящими благим «ахуровским» животным. У зороастрийцев был обычай уничтожать нечисть – храфстра. В древнеперсидский праздник очищения «багаядиш» маги убивали храфстра – порождение Ахримана (Рак, 1998, с. 516).

Культ дождевого камня. В свое время А.К. Акишев обратил внимание на группу ромбовидных подвесок, сделанных из серпентинита, бовенита, нефрита. Цвет их зеленый, серый, бурый. Вверху у них имеется отверстие для подвешивания, а на спинке, плоской или выпуклой, гравировка по контуру.

Рис. 224. Городище Отрартобе. Перстень с изображением сцены сражения человека со змеями и скорпионом (драконом?)

Внешне они как бы копируют голову змеи, лягушки или черепахи. Исследователь предложил связать их с культом «дождевого камня» (джеде, таш, яда, еде, суу-таш), распространенных у народов Средней Азии и Казахстана до конца XIX – начала XX в. (Акишев, 1980, с. 203-208; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 171-172, рис. 100, 103, 5, 8). О поверьях, связанных с «дождевым камнем» в среде городского населения, пишет Л.Б. Ерзакович (Ерзакович, 1986, с. 106).

Как известно, истоки культа джеде известны у древних тюрков. Одним из наиболее ярких археологических находок, имевших явную связь с представлениями о культе «дождевого камня», является «нефритовый пояс», найденный вблизи Алматы (Байпаков, 1973, с. 257-259).

Нефрит играл важную роль в представлениях тюрков, которые называли его «джада», «джеде», «таш», «яда», «суу-таш», что означало «дождевой камень». Кроме нефрита, в этот разряд зачисляли яшму,

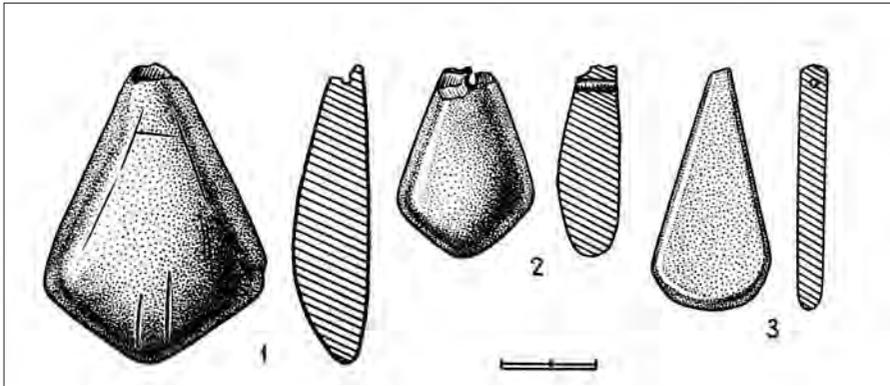

Рис. 225. Городище Отрартобе. Ромбовидные подвески

жадеит, серпентинит-змеевик, лазурит. С помощью этого камня тюркские шаманы могли, по преданиям, вызывать дождь. Легенда об этой способности шаманов восходит к архаическому мифу, входящему в цикл представлений о плодородии. Упоминания о джеда – «дождевом камне» имеются у средневековых авторов: Ибн ал-Факиха, Амина Рази, Наджаба Хамадани, Гардизи.

Ибн ал-Факих в своем сочинении «Китаб ахбар ал-булдан» приводит рассказ о «дождевом камне» от имени огузского царевича Балкика. Однажды предок Балкика с товарищами отправляется на восток страны. Он достиг местности, где стояла волшебная гора. Когда из-за нее выходило солнце, то оно сжигало все живое палящими лучами. Местные обитатели и все живое укрывалось в пещерах и подземельях. В горах, однако, имелись «дождевые камни», с помощью которых дикие животные так спасались от жгучих лучей. Они брали в рот эти камни и поднимали голову к небу – тотчас появлялись дождевые облака и закрывали солнце. Деду Балкика удалось добыть этот камень и вернуться на родину.

Амин Рази расцвечивает рассказ о «дождевом камне» новыми деталями. Он пишет, что тюрки проделывали с камнями следующие манипуляции. Когда была нужда в дожде, камни терли друг о друга, а некоторые из тюрков сделали из них идолов и произносили заклинания на тюркском языке, чтобы пошел дождь и снег (Агаджанов, 1969, с. 122-125; Байпаков, 1998, с. 186-190).

Древние культы, верования и обряды пронизали жизнь средневекового человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР Отрарской археологической экспедиции (1969 г.), а затем Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (1971 г.), стала началом масштабных археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана. Они положили начало развитию нового научного направления в казахстанской и среднеазиатской археологии – археологии позднесредневекового периода. Материалы исследований позволили получить представление об урбанизации Казахского ханства (XVI-XVIII вв.) и урбанизации конца XVIII – первой половины XIX в.

Следует подчеркнуть, что процесс широкомасштабных археологических исследований по времени совпал с изучением истории Казахского ханства востоковедами, в том числе и выявления роли городов. Были изданы обобщающие работы, опубликованы письменные источники. Но важно подчеркнуть, что археологический материал не стал иллюстративным придатком письменных сведений источников и, благодаря своей массовости, анализу и обобщению, превратился в самостоятельный источник объективных сведений о позднесредневековом городе.

Сейчас удалось разместить на картах XV-XVIII вв. почти все города, поселения, известные в письменных источниках, отождествив их с конкретными городищами. По новому определяются границы урбанизированной территории – Туркестана, сведения о которых приводит наиболее яркий и обстоятельный историк Ибн Рузбихан. Сейчас ясно, что территория Туркестана была гораздо обширней той, которую очертил «бухарский гость». Удастся определить и важную роль Дешт-и Кыпчака как региона, который, безусловно, участвовал в процессах урбанизации. Город и степь, их взаимодействие играли важную роль в формировании степной цивилизации. Основой ее является экономический союз земледелия и скотоводства, более широко – города и степи. Дешт-и Кыпчак генерировал импульсы урбанизации Туркестану.

Города Казахского ханства являются продолжением традиционного развития городов в широких хронологических рамках от эпохи бронзы до саков, затем от городов тюркских каганатов и государств раннего и развитого средневековья до городов Ак-Орды, Золотой Орды, Могулистана.

Традиционность прослеживается в топографии городов, в жилище, материальной культуре, в сохранении реликтов традиционных верований.

Изучение городской застройки позволило выделить в ее структуре жилые кварталы, границами которых являлись глухие стены домов. Выявлена на ряде городищ, прежде всего на Отрартобе, развитая уличная сеть с обязательной для всех городов «кольцевой» улицей вдоль городских стен изнутри.

Изучено городское жилище, выделены типы, составные компоненты, санитарно-бытовые устройства, способы отопления универсальными тандырами с дымоходами, проложенными в суфе, и вертикальными колодцами в стенах.

Отмечены дома богатых и бедных, дома жителей среднего уровня. В составе кварталов нет домов только богатых или бедных, есть и те и другие при преобладании домов жителей среднего имущественного достатка.

Пока на имеющемся материале нельзя выделить кварталы по ремесленным занятиям жителей, хотя для XIII-XV вв. известны кварталы гончаров и кузнецов в пригородной зоне городища Отрартобе.

Эпоха XVI-XVII вв. характеризовалась постоянными войнами казахов с шайбанидами за политическое господство, обладание городами и их ресурсами, казахско-джунгарскими войнами. Поэтому города должны были иметь и имели мощную фортификацию, чтобы выдержать штурмы осады.

Археологические исследования дают представление о высоких стенах городов, башнях на стенах, рвах, заполненных водой, воротах, входивших в систему въездных укреплений: фланкирующих башен, мостов через рвы.

Ярким образцом искусства фортификации жителей казахских городов являются стены и рвы Саурана, хорошо сохранившиеся до сих пор, остатки стен Туркестана, Отрара; въездные комплексы Отрара, Сыгнака и Саурана. Пока фортификация городов находится только в начале пути ее обстоятельного изучения и с точки зрения военного искусства, строительных материалов и инженерного дела. Необходимо изучение в фортификации местных традиций и инноваций, зависимости ее развития от уровня приемов осадных работ, появления «огненного боя».

Особой традиционностью отличается неполивная керамика, главным образом с тамгообразными знаками, появившимися на посуде каунчиноидных культур, составляющих основу государства Кангюй. Тамгообразные знаки позднее повторяются на кангарской, огузской и кыпчакской керамике, на керамике городов развитого средневековья и, наконец, городов Казахского ханства XVI-XVIII вв. При этом надо понимать, что тамга – не герб, а знак собственности человека, группы людей. И в таком случае тамги на керамике в городах XVI-XVIII вв. свидетельствуют о принадлежности, скорее всего, мастеров или

мастерских мастерам, либо владельцев мастерских представителям конкретных казахских родов.

Одним из ярких проявлений преемственности являются фигурки баранов на разновременной керамике от Кангюя до Казахского ханства, связанные с культом барана. Сквозным в хронологическом плане является культ огня и очага, прослеживаемый в материальной культуре городского населения. Это также культы верблюда, быка, дождевого камня.

В то же время ислам, утвердившийся в Казахстане в IX-X вв., остается основной религией населения позднесредневековых городов Казахского ханства.

Постоянно увеличивающееся в ходе археологических исследований число культовых исламских построек, таких как мечети, мавзолеи, медресе, ханака, что позволяет выделить новое направление в казахстанской археологии – мусульманскую археологию.

В позднесредневековых городах Казахского ханства обнаружены и исследованы мечети в Отраре, Сауране, Сыгнаке, Сайраме; медресе и ханака в Сауране.

Эти постройки обязательно присутствовали в застройке городов. В Отраре открыта соборная мечеть, построенная при Тимуре, в Сауране исследуется застройка на площади – регистане, на которую выходят фасады мечети и двух медресе XVI в.

Туркестан был идеологическим центром Казахского ханства благодаря мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави. Крупным центром исламской идеологии был также Сайрам.

Города служили политическими и административными центрами, резиденциями ханов и представителей казахской государственной элиты. Столицей ханства был Туркестан.

Города были центрами средоточия ремесла и торговли. При их раскопках найдены и исследованы ремесленные мастерские гончаров, выпускающих богатую керамическую продукцию. Достигли высокого уровня развития железоделательное производство, медницкое дело, ювелирное ремесло, обработка камня и кости, ткачество и ковроделие.

В городской застройке обнаружены лавки. При раскопках найдена импортная керамика, в том числе фарфор и селадон из Китая, медные русские монеты царя Алексея Михайловича 1655-1663 гг. выпуска, использовавшиеся на вес.

Собранный при раскопках богатейший нумизматический материал – монеты, чеканенные в Туркестане, Отраре, Сайраме, Сауране, Сыгнаке, Дженте, Сарайчике. Они свидетельствуют о развитых товарно-денежных отношениях в городах.

Наиболее активно работал монетный двор Ясы-Туркестан, который чеканил монеты, начиная с начала XVI и в XVII вв., когда город стал называться Туркестаном.

Города были центрами торговли города и степи, города и села, внутриобластной торговли и торговли международной, о чем

свидетельствуют монетные клады и находки монет в Туркестане, Сайраме, Отраре и других городищах. Важную роль в торговле играли серебряные монеты Бухары, Самарканда, Андижана.

В городах и округе развивалось земледелие.

Города были тесно связаны со степью и кочевниками, которые приходили зимовать в окрестности городов. Особенно много зимовок, которые использовались не только сезонно, но становились стационарными селениями и находились вблизи Сыгнака, Саурана, Отрара, Туркестана, левобережных городов Аркука, Куджана, Ак-Коргана. И сами горожане занимались земледелием, многие из них выезжали на лето в свои пригородные усадьбы, где выращивали сельскохозяйственную продукцию, имели посевы, сады, бахчи, виноградники, откармливали скот на зиму. Горожане торговали хлебом, тканями, ремесленной продукцией. Каждый пятый дом Отрара имел в кладовых запасы зерна, которые превосходили потребности горожан и предназначались, видимо, на продажу. В пригороде Саурана в усадьбах строились своеобразные зернохранилища. Содержимое их предназначалось на продажу.

Свидетельством развитого земледелия являются разветвленные ирригационные системы, хорошо изученные вблизи Отрара, Туркестана, Сайрама, Аркука, Аккоргана на массивах земель вблизи левобережных городов.

Некоторые высохшие или действующие до сих пор каналы сохранили свои названия, зафиксированные в письменных источниках, например, канал «Тумен-Арык», подводивший воду к Сыгнаку. Интерес представляет сауранская кяризная система орошения и водопользования, обнаруженная и исследованная археологами и описанная автором Васифи в начале XVI в. Изучение этого типа ирригации привело к открытию в северных предгорьях Каратау еще целого ряда кяризов вблизи городищ Бабай-Курган и Туркестан. Был сделан важный вывод на основании изучения открытых кяризных систем, что они действовали не только в XVI в., а использовались гораздо раньше, в XI-XII вв., а также в XIX в. Это крайне важно для изучения развития и распространения сложнейших кяризных систем задолго до сообщения о них, приведенного Васифи. Палеоботанические анализы дают возможность назвать культивировавшиеся в позднем средневековье, как впрочем и в предшествующее время, технических и продовольственных сельскохозяйственных культур: хлопка, пшеницы, проса, арбузов, дынь, винограда.

Выборочные исследования остеологического материала Отрартобе показали, что преобладали кости овцы, затем лошади, крупного рогатого скота. Скорее всего, в мясном рационе питания у населения Отрара преобладали овцы, козы, лошадь, а уже затем крупный рогатый скот. Часть скота отрарцы получали от кочевников и это были бараны, овцы, лошади.

Вопрос об этническом составе населения городов сложный. Источники пишут о проживании в них сартов, казахов, каракалпаков. О казахах, проживающих в городах, можно судить по тамгам на керамике неполивной и поливной, аналогичным тамгам казахов, по городскому жилищу, которое восходит к традиционному городскому жилищу предшествующих исторических этапов, и сходству его с традиционным жилищем казахов.

Мнение о тождестве сартов и узбеков, существующее в научной литературе, не корректно. Сарты, на наш взгляд, являются сколком древнего городского населения региона, забывшего свои племенные и родовые названия и получившие в XVIII-XIX вв. название оттарцы, сыгнакцы, иканцы.

Население городов постоянно пополнялось за счет оседающих в городах казахов. Это было беднейшее, потерявшее возможность кочевать, население – джатаки с одной стороны, с другой – верхушка казахского общества: владельцы городов, ханы, султаны, племенная знать, стремившаяся обладать городской землей, на которой были возведены прибыльные городские постройки – базары, караван-сарай, ремесленные мастерские.

Таким образом, и казахская беднота – джатаки, и казахская элита вливались в число горожан Казахского ханства, формируя их этнический состав и особый городской менталитет.

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазақ КСР Ғылым академиясы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтындағы Отырар археологиялық экспедициясы (1969 ж.), кейінгі Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы (1971 ж.) ұйымы Қазақстанның кейінгі ортағасырлық қалаларын археологиялық тұрғыдан кең көлемде зерттеудің бастаушысы болды. Олар қазақстандық және ортаазиялық археологияның – кейінгі ортағасырлық кезең археологиясының жаңа ғылыми бағытының дамуына жол салды. Алынған зерттеу материалдары Қазақ хандығы (XVI-XVIII ғғ.) және XVIII ғ. соңы – XIX ғ. бірінші жартысындағы урбанизация жөнінде жалпы түсінік алуға мүмкіндік туғызды.

Кең көлемді археологиялық зерттеулер үдерісі уақыт бойынша шығыстанушылардың Қазақ хандығы тарихын зерттеумен тура келеді, соның ішінде қалалардың рөлі анықталғандығын да айта кеткен жөн. Жинақтық еңбектер басылып, жазбаша деректер жарияланды. Дегенмен археологиялық материалдар жазбаша деректік мәліметтерге көрнекілік бола алмағанымен, өзіндік жиынтығы, талдауы және қорытындысы аркасында кейінгі ортағасырлық қалалар жөнінде дәлелді мағлұматтардың дербес дерегіне айналғандығын атап өткен маңызды.

Қазіргі таңда жазбаша деректерде кездесетін барлық қалаларды, қоныстарды, нақтылы қала орындарымен теңестіріп, XV-XVIII ғғ. картасына орналастыруға мүмкіндік туды. Жаңа деректерде тарихшы Ибн Рузбихан біршама нақты әрі толық мәлімет келтірген Түркістанның урбандалған аумағының шекарасы анықталып жатыр. Бүгінде Түркістан аумағы «бұхаралық қонақ» суреттегеннен де айтарлықтай үлкен екендігі белгілі болды. Дешті-Қыпшақ аймақ ретінде урбанизация үдерісіне қатысуда маңызды рөл атқарғандығын анықтау мүмкін болды. Қала мен дала, олардың өзара әрекеттесуі далалық өркениеттің қалыптасуында маңызды рөл атқарды. Оның негізі егіншілік пен мал шаруашылығының экономикалық одағы болып табылатын – қала мен дала. Жалпы Дешті-Қыпшақ Түркістан урбанизациясы толқынын қалыптастырды.

Қазақ хандығының қалалары кең хронологиялық шеңбердегі қола дәуірінен сақтарға дейінгі, одан кейінгі түркі қағанаттары мен ерте және дамыған орта ғасырлардағы мемлекеттерден Ақ Орда, Алтын Орда, Моғолстан қалаларына дейінгі қалалардың дәстүрлі дамуының жалғасы болып табылады.

Дәстүрлілік қалалардың топографиясынан, баспанасынан, материалды мәдениетінен, көне наным-сенімдердің сақталуынан анық байқалады.

Қалалық құрылыстарды зерттеу оның құрылымындағы шекарасы үйлердің бітеу қабырғалары болып табылатын тұрғын үй орамдарын анықтауға мүмкіндік берді. Бірқатар қала орындарынан, ең алдымен Отырартөбеден, барлық қалаларға тән қалалық қабырғаның ішін бойлай орналасқан «айналма» көшесі бар дамыған көше торабы анықталды.

Қалалық баспаналарды зерттеуде түрлері, қосалқы компоненттері, санитарлық-тұрмыстық құрылғысы, сыпаға орналастырылған және қабырғада тік құдығы бар түтіндікті эмбебап тандырлы жылыту тәсілдері белгілі болды.

Байлар мен кедейлердің үйі, орта деңгейдегі тұрғындардың үйлері анықталды. Орамдар құрамында тек байлардың немесе кедейлердің үйлері болмағанымен, орташа мүлікпен тұрған тұрғындардың үйлері басымдықта болған екеуі де кездеседі.

Бүгінде қолда бар материалдарға қарап тұрғындардың қолөнер кәсібі бойынша орамдарға бөлу мүмкін болмағанымен, Отырар қаласы маңындағы аймақтан XIII-XV ғғ. жататын көзешілер мен ұсташылардың орамы белгілі болды.

XVI-XVII ғғ. дәуірі қазақтардың шайбанилықтармен саяси үстемдік, қалалар мен ондағы ресурстарды иемдену үшін жүргізген үздіксіз соғыстармен, қазақ-жоңғар соғысымен сипатталады. Сондықтан қалалардың жаудың қоршауына қарсы тұру үшін берік қорғаныс жүйесі болуы керек болды және солай да болды.

Археологиялық зерттеулер қалалардың биік қабырғалары, қабырғаларындағы мұнаралары, су толтырылған орлары, кіріп-шығуы күшейтілген жүйеге кіретін қақпалары: қос мұнаралары, ордан өтетін көпірлері жөнінде түсінік береді.

Қазақ қалалары тұрғындарының қорғаныс жүйесі өнеріндегі жарқын көрінісі осы күнге дейін жақсы сақталған Сауранның қабырғасы мен оры, Түркістанның, Отырардың қабырға қалдықтары; Отырар, Сығанақ және Сауранның қақпа кешендері болып табылады. Әзірге қалалардың қорғаныс жүйесін әскери өнер, құрылыс материалы мен инженерлік ісі жағынан қарап толық зерттеу тек бастама жолында тұр. Жергілікті дәстүр мен инновациялық қорғаныс жүйесін, «қатерлі соғыстың» пайда болуындағы бекіністік жұмыс тәсілдері деңгейінің дамуымен байланысты зерттеу қажет.

Айрықша дәстүрлілік сырлы емес қыш бұйымдарынан, әсіресе Қаңлы мемлекетінің негізін қалаған қауыншы мәдениеті ыдыстарында пайда болған таңба секілді белгілерімен ерекшеленеді. Таңба тәрізді белгілер кейінірек қангар, оғыз және қыпшақ керамикаларында, дамыған орта ғасыр қалалары мен кейінгі орта ғасырда, яғни XVI-XVIII ғғ. Қазақ хандығы қалаларының қыш бұйымдарында қайталаанады. Осыдан кейін таңба – герб емес, ал белгі кісінің, адамдар тобының меншігі екендігін түсінуіміз керек. Осындай жағдайда ғана XVI-XVIII ғғ. қалалардың

керамикаларындағы таңба шындығында шеберлерге немесе шеберхана шеберлеріне, не қазақтың белгілі руының шеберхана өкілдері иесіне қатыстылығы туралы куәландырады.

Сабақтастықтың жарқын көрінісінің бірі қой культімен байланысты, Қаңлыдан Қазақ хандығына дейінгі әртүрлі уақыттардың керамикаларындағы қойдың мүсіндері болып табылады. Хронологиялық жоспарда бұған қалалық тұрғындардың материалды мәдениетінен анықталғандай от культі мен ошақ жатады. Бұл сондай-ақ түйе, бұқа, жауын тасы культі.

Осы кезде IX-X ғғ. Қазақстанда ислам бекіп, Қазақ хандығының кейінгі ортағасырлық қалалары тұрғындарының негізгі діні болып қала берді.

Археологиялық зерттеулер барысында мешіт, кесене, медресе, ханака сияқты культтік ислам құрылыстары санының үздіксіз артып келуі қазақстандық археологиядан жаңа бағытты – мұсылмандық археологияны бөліп шығаруға мүмкіндік берді.

Қазақ хандығының кейінгі ортағасырлық қалаларынан: Отырар, Сауран, Сығанақ, Сайрамнан мешіттер; Саураннан медресе мен ханака табылып, зерттелді.

Бұл құрылыстардың қалалардың құрылыс салу ісінде болуы міндетті болып табылды. Отырардан Әмір Темір тұсында салынған алқалы мешіт ашылса, Саураннан алаңға – регистанға қасбеттері қараған XVI ғ. жататын мешіт пен екі медресе зерттелініп жатыр.

Түркістан Қожа Ахмед Йассауи кесенесінің арқасында идеологиялық орталық болды. Ислам идеологиясының ірі орталығы сонымен бірге Сайрам да болды.

Қалалар саяси және әкімшілік орталық, хандар мен қазақтың мемлекеттік элитасы өкілдерінің резиденциясы қызметтерін атқарды. Түркістан хандықтың астанасы болды.

Қалалар қолөнер жиынтығы мен сауда орталығы да болды. Оларды қазу барысында көп керамикалық өнімдерді шығарған көзешілердің қолөнер шеберханалары табылып, зерттелді. Темір ісі өндірісі, мыс ісі, зергерлік қолөнер, тас пен сүйекті өңдеу, тоқымашылық пен кілем жасау дамудың жоғары деңгейіне жеткен.

Қалалық құрылыстардан дүкеншелер табылды. Қазба жүргізу кезінде импорттық керамика, оның ішінде Қытайдан әкелінген фарфор мен селадон (фарфор бұйымдарының бір түрі), Алексей Михайлович патшаның атынан 1655-1663 жж. соғылған, салмағы бойынша пайдаланған орыстың мыс тиындары табылды.

Қазба нәтижесінде жиналған бай нумизматикалық материал – тиындар Түркістан, Отырар, Сайрам, Сауран, Сығанақ, Жезд, Сарайшықта соғылған. Олар қалаларда сауда-ақша қарым-қатынасының дамығандығын дәлелдейді.

Қала XVI ғ. басынан бастап және XVII ғ. Түркістан деп аталған уақыттарда тиындар басып шығарған Ясы-Түркістанның ақша сарайы біршама белсенді жұмыс істеді.

Қалалар қала мен даланың, қала мен ауылдың, облыс ішіндегі және халықаралық сауда орталығы болғандығын Түркістан, Сайрам, Отырар мен басқа да қалалардан табылған тиындар мен тиын көмбелері куәландырады. Саудада Бұхара, Самарқанд, Андижанның күміс тиындары маңызды рөл ойнады.

Қалалар мен оның төңірегінде егіншілік дамыды.

Қалалар дала және қала маңына қыстауға келген көшпенділермен тығыз байланыста болды. Әсіресе көптеген қыстаулар тек маусымда ғана пайдаланылып қоймай, Сығанақ, Сауран, Отырар, Түркістан, сол жағалаулық Аркөк, Кужан, Аққорған қалалары төңірегіне орналасып, тұрақты ауылдарға айналды. Ал қалалықтар болса егіншілікпен айналысты, олардың көпшілігі жазда егін, бау-бақша, жүзім, қыста малдарын жемдеуге қажетті ауыл шаруашылық өнімдерін өсіретін қала маңындағы өздерінің үй-жайларына кетті. Қала тұрғындары нан, мата, қолөнер өнімдерін сатты. Қалалықтардың талабы басым болғандықтан, Отырардағы әрбір бесінші үйдің қоймасындағы астық қоры, шамасы, сатуға арналған. Сауран қаласының маңына өзіне тән қамбалары бар үй-жайлар салынған. Олардың ішіндегілерін сатуға сақтаған.

Дамыған егіншіліктің дәлелі Отырар, Түркістан, Сайрам маңынан жақсы зерттелген, сонымен қатар Сырдарияның сол жағалауындағы Аркөк, Аққорған қалаларындағы жер алабындағы суландыру жүйелерінің тармақтары болып табылады.

Бірқатар құрғап қалған немесе бүгінге дейін қызмет етіп тұрған каналдар жазбаша деректерде кездесетіндей өз атауларын сақтап қалған, мысалы Сығанаққа су жеткізген «Төменарық» каналы. XVI ғ. басында Васифидің авторлығымен жазылған және археологтар тауып, зерттеген суландыру және суды пайдаланудың саурандық кәріз жүйесі қызығушылық тудырады. Суландырудың осы түрінің зерттелуі Қаратаудың солтүстік бөктеріндегі Бабайқорған және Түркістан қалаларына жақын тағы да бірқатар кәріздердің ашылуына алып келді. Ашық кәріз жүйесін зерттеу негізінде олар тек XVI ғ. ғана жұмыс істемей, одан да ерте XI-XII ғғ., сонымен бірге XIX ғғ. пайдаланылғандығы туралы маңызды қорытынды жасалынды. Бұл олар туралы Васифи келтірген хабарламаға дейінгі күрделі кәріз жүйесінің дамуы мен таралуын зерттеу үшін маңызды. Палеоботаникалық талдаулар кейінгі орта ғасырдағы, жалпы бұрынғы уақыттағы техникалық және азық-түліктік ауылшаруашылық мәдениеті: мақта, бидай, тары, қарбыз, қауын, жүзім өсіргендігін атап өтуге мүмкіндік береді.

Отырартөбенің остеологиялық материалдарын ішінара зерттеу қой, сосын жылқы, ірі қара сүйектері басым болғандығын көрсетті. Жалпы алғанда Отырар тұрғындарының тамақтануындағы ет мөлшерінде қой, ешкі, одан кейін барып ірі қара көп болған. Малдың бір бөлігін, яғни қой, жылқыны отырарлықтар көшпенділерден алған.

Қалалардағы тұрғындардың этникалық құрамы жөніндегі мәселе күрделі болып табылады. Деректерде онда сарттар, қазақтар, қарақалпақтар тұрғандығы туралы жазылады. Қалаларда тұрған

қазақтар жөнінде сырсыз және сырлы керамикаларындағы таңбалар, қазақтардікіне ұқсас таңбалар, алдыңғы тарихи кезеңдердегі дәстүрлі қалалық баспаналардан келіп шыққан және оның қазақтардың дәстүрлі баспаналарымен ұқсас қалалық баспаналары негізінде сөз қозғауға болады.

Ғылыми әдебиеттерде кездесетін сарттар мен өзбектер бір деген пікір нақты емес. Сарттар біздің пікірімізше аймақтағы өзінің тайпалық және рулық атауларын жолғалтып, XVIII-XIX ғғ. отырарлықтар, сығанақтықтар, иқандықтар атауын алған өте ежелгі қалалық тұрғындар.

Қалалардың тұрғындары қалаға қоныстанушы қазақтардың есебінен үнемі көбейіп отырды. Бұлар бір жағынан кедей, көшу мүмкіндігін жоғалтқан халықтар – жатақтар, екінші жағынан – қазақ қоғамының басы: қала билеушілері, хандар, сұлтандар, қалалық жерлерді иеленіп, онда табысты қалалық құрылыс – базар, керуен-сарай, қолөнер шеберханаларын тұрғызуға тырысқан тайпа ақсүйектері болды.

Олай болса, қазақ кедейлері – жатақтар мен қазақ элитасы Қазақ хандығы қалалары тұрғындарының есебін еселеп, ондағы этникалық құрам мен ерекше қалалық ділді қалыптастырды.

CONCLUSION

Establishment in the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ch.Ch.Valikhanov of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR of the Otrar archaeological expedition (1969), and then the South-Kazakhstan complex archaeological expedition (1971), became the beginning of large-scale archaeological investigations of the late medieval settlements of Kazakhstan. They laid the foundation for the development of a new scientific field in the Kazakh and Central Asian archaeology – archaeology of the late medieval period. Materials of the research let to get imagination about the urbanization of the Kazakh Khanate (XVI-XVIII centuries.) and urbanization of the end of the XVIII – the first half of the XIX century.

It should be marked that the process of large-scale archaeological research coincided with the study of the history of the Kazakh Khanate by the historians, orientalists, including the identification of the role of towns. There were issued general works and published written sources. But it is important to emphasize that the archaeological material was not illustrative branch of written information sources and due to its mass character, analysis and synthesis it was transferred into the independent source of objective information on the late medieval town.

Now it is able to place on the maps of the XV-XVIII centuries almost all towns, settlements, known in the written sources, identifying them with the concrete towns. There is defined by the new way urbanized area - Turkestan, the details of which given in the most bright and comprehensive historian ibn Ruzbikhan. It is now clear that the territory of Turkestan was much larger than that outlined by the «Bukhara guest.» It was a success also to define also the important role of the Dasht-i Kipchak as a region, which, of course, was in the process of urbanization. Town and steppe, their interaction played an important role in the formation of steppe civilization. Its basis is the economic union of agriculture and animal husbandry, more widely – the town and the steppe. Dasht-i Kipchak generated pulses of urbanization to Turkestan.

Towns of the Kazakh Khanate are the continuation of the traditional urban development in the frames of the chronological framework from the Bronze Age to the Sakaes, and then from the towns of the Turkic khanates and the states of early and developed Middle Ages to the towns of Ak-Orda, Golden Horde, Mogulistan.

Traditionalism is observed in the topography of towns, dwelling, material culture, in the preservation of relics of traditional beliefs.

The study of urban development let to separate in its structure the dwelling blocks with the boundaries in a form of blank walls of houses. There was revealed on the row of settlements, especially in Otrartobe the developed street network with obligatory for all towns «ring shaped» street along the town walls from inside.

There were studied the urban housing and defined the types, compound components, sanitary and household appliances, heating methods of universal tandyr with chimneys laid in sufa and vertical wells in the walls.

There were marked houses of the rich and the poor, houses of the inhabitants of the average level. In the content of blocks there are no houses of rich or poor, there are those and other houses with a predominance of houses of middle-income property.

While by the available material we cannot allocate blocks for craft occupations of residents, although for the XIII-XV centuries there are known potters and blacksmiths quarters in a suburban area of Otrartobe site.

The epoch of the XVI-XVII centuries was characterized by constant wars of the Kazakhs with Shaibanides for the political domination and the possession of the towns and their resources, Kazakh-Dzhungar wars. Therefore, the town should have and had the strong fortifications to withstand the assaults of the siege.

Archaeological studies give an idea of the high town walls, towers on the walls, ditches filled with water, the gates included into the system of entry fortifications like flanking towers, bridges over ditches.

The bright example of the art of fortification of the citizens of the Kazakh towns are walls and ditches of Sauran well preserved until now, remains of walls of Turkestan, Otrar; entry systems of Otrar, Sygnak and Sauran. Currently fortification of towns is only in the beginning of its comprehensive study both from the point of view of the art of war, construction materials and engineering. It is necessary to study in the fortification of local tradition and innovation, its dependence on the level of development of techniques siege works, the appearance of «fire fight».

By the special traditionally is characterized unglazed ceramics, especially ceramics with tamga shaped images that appeared on the dishes kaunchinoide cultures that form the basis of the Kangyui state. Tamga shaped signs later were repeated in Kangar, Oguz and Kipchak ceramics, ceramics of the towns of the developed Middle Ages, and, finally, the Kazakh Khanate towns of the XVI-XVIII centuries. And it is necessary to understand that tamga is not a lason, but it is the sign of property of a man, group of people. And in such case the tamgas on the ceramics in the towns of the XVI-XVIII cc are the evidences of most likely masters or workshops or the owners of the concrete Kazakh clans.

One of the brightest expressions of continuity is sculptures of sheep on the ceramics of different times from Kangyui to the Kazakh Khanate connected by the cult of sheep. Cross-cutting in chronological term is the cult of fire and hearth, traced in the material culture of the urban population. They are also the cults of camel, bull, stone rain.

At the same time, Islam which was established itself in Kazakhstan in the IX-X century's remains the main religion of the population of late medieval towns of the Kazakh Khanate.

Constantly increasing in the course of archaeological researches the number of cult Islamic buildings such as mosques, mausoleums, medrese, and khanaka allows to select a new direction in the Kazakh archaeology - Moslem archaeology.

In the late medieval towns of the Kazakh Khanate there were discovered and investigated the mosques in Otrar, Sauran, Sygnak, Sairam; medrese and khanaka in Sauran.

These buildings were certainly presented in the building of towns. In Otrar there was opened the Great Mosque, built under Timur, in Sauran there was investigated the construction on the square - Registan fronted facade of the mosque and two medrese of the XVI century.

Turkestan was the ideological center of the Kazakh Khanate thanks to the Mausoleum of Khodzha Akhmed Yasawi. The large center of Islamic ideology was also Sairam.

The towns served as the political and administrative centers, residences, and representatives of the Kazakh state elite. Capital of the khanate was Turkestan.

The towns were the centers of concentration of handicraft and trade. During the excavations there were found and researched craft workshops of potters, producing rich ceramic products. Iron production, copper deal, jewelry craft, processing of stone and bone, carpet-making and weaving reached a high level of development.

In the urban areas the shops were found. During excavations there was found imported ceramics, including porcelain and celadon from China, copper Russian coins of Tsar Alexei Mikhailovich of 1655-1663 years of coinage, used by weight.

Collected during the excavation the rich numismatic material – coins are minted in Turkestan, Otrar, Sairam, Sauran, Sygnak, Dzhend, and Saraichik. They testify the developed commodity-money relations in towns.

The most actively worked the Mint of Yasy-Turkestan, which minted the coins from the beginning of the XVI and XVII c., when the town was known as Turkestan.

The towns were centers of trade of the town and steppes, towns and villages, intraregional trade and international trade, as evidenced by coin treasures and finds of coins in Turkestan, Sairam, Otrar and other settlements. An important role in trade played silver coins of Bukhara, Samarkand, and Andizhan.

Agriculture was developed in the towns and its suburbs.

Towns were closely connected with the steppe and nomads who came to spend the winter in the surroundings of towns. Especially there is a lot of winter stays, which were used not only seasonally, but became stationary villages, and were near Sygnak, Sauran, Otrar, Turkestan, the left bank of towns Arkuk, Kudzhan, Akkorgan. And towns citizens were engaged in agriculture, many of them went for the summer to their suburban estates where grown agricultural products, had crops, orchards, plantations, vineyards and fattened cattle for the winter. Citizens sold bread, fabrics, and handicraft products. Every fifth house of Otrar had storerooms grain reserves, which exceeded the needs of the citizens and intended apparently for sale. In the suburbs of Sauran in farmsteads there were built the specific granaries. The contents of them are intended for sale.

Evidences of the developed agriculture are branched irrigation system, well-studied near Otrar, Turkestan, Sairam, Arkuk, Akkorgan on massive of lands near the left bank of towns.

Some dried or existing channels still retained their names recorded in written sources, such as the channel «Tumen-Arik,» supplying water to Sygnak. Interesting is Sauran kyariz irrigation system and water use, discovered and investigated by archaeologists and described by the author Wasifi at the beginning of the XVI century. The study of this type of irrigation led to the discovery in the northern foothills of the Karatau still a number of Kyarizes near settlements Babai-Kurgan and Turkestan. Important conclusion was made based on the study of open systems of kyarizes that they acted not only in the XVI century and they were used much earlier in the XI-XII cc., as well as in the XIX century. This is very important for study the development and spread of complex systems of kyarizes long before reporting them, given by Wasifi. Paleobotanical analyzes give the possibility to name the cultivated in the late Middle Ages, as well as in previous time, technical and food crops: cotton, wheat, millet, watermelons, melons, grapes.

Selected researches of osteological material of Otrartobe showed that prevailed bones of sheep, then horses, cattle. Most likely, in the meat diet of Otrar population predominated sheep, goat, horse, and then - cattle. The part of cattle Otrar citizens obtained from nomads and it was sheep, horses.

The problem on the ethnic composition of the urban population is compound. Sources write about living in them Sarts, Kazakhs, and Karakalpaks. About Kazakhs living in the towns, can be judged by tamgas on unglazed and glazed, analogous tamgas of the Kazakhs, urban dwelling, which is rising to the traditional urban dwellings of the previous historical stages and its similarity to the traditional dwelling of the Kazakhs.

Point of view about the identity of Sarts and Uzbeks that exists in the scientific literature is not correct. Sarts, in our opinion, are the separated part of the ancient urban population of the region, who had forgotten their tribal

and clan names and received in the XVIII-XIX centuries the name Otrar citizens, Sygnak, Ikan citizens.

Urban population was continuously replenished by settling in the towns of the Kazakhs. They were the poorest, who has lost the opportunity to roam, population - Jataka on the one hand, on the other hand - the top of the Kazakh society: rulers of towns, khans, sultans, tribal aristocracy, which sought to have the town land on which were built lucrative urban buildings - bazaars, caravan-sarays, and handicraft workshops.

Thus, the poor Kazakhs-Jataks and the Kazakh elite were joint into the number of citizens of the Kazakh Khanate, forming their ethnic composition and special urban mentality.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаза К.** Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. С рисунками, картами и планом текинской крепости Деонгил-тепе – СПб., 1902. – Т. 1. – 316 с.
- Абдураимов М.А.** Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в конце XVI-первой половине XIX века. – Ташкент: Фан, 1970. – Т. 2. – 287 с.
- Абусейтова М.А.** Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы: Дайк-Пресс, 1998. – 268 с.
- Абусейтова М.А.** Степные города в системе цивилизационных процессов в Центральной Азии // Роль степных городов в цивилизации кочевников: матер. научн. конф., посв. 10-летию юбилею Алматы. – Астана, 2008. – С. 34-42.
- Агаджанов С.Г.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 297 с.
- Агеева Е.И.** Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 14. – С. 117-153.
- Агеева Е.И.** Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 14. – С. 166-215.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.** Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Т. V. – С. 3-215.
- Азимджанова С.А.** К истории Ферганы второй половины XV в. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 94 с.
- Акимовский О.Ф.** Зафар-наме Шараф ад-Дина Ам Йедзи // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 128-149.
- Акишев К.А.** О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 69-78.
- Акишев К.А.** Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара (1971-1975 гг.) // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 5-14.
- Акишев К.А.** Средневековые каменные крепости Казахстана // Информационный бюллетень. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Специальный выпуск. – М., 1987. – С. 85-88.
- Акишев К.А.** Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). – Алматы, 2013. – 192 с.

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 5-42.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М.** Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. – 1973. – №4. – С. 76-78.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Отрар XVI-XVIII вв. по итогам раскопок 1971-1973 годов // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 3-48.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 г. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 5-34.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Некоторые аспекты социально-экономической жизни позднесредневекового Отрара // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. – М., 1979. – С. 6-12.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). – Алма-Ата: Наука, 1981. – 341 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVI вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 121-136.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Отрар в XIII-XV вв. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 256 с.
- Акишев К.А., Хабдулина М.К.** Казахское государство XV-XVI вв.: этническая территория, памятники культуры // Евразийское сообщество: общество, политика, культура. – Алматы, 1998. – №1 (21). – С. 130-142.
- Акишев А.К.** О культе «дождевого камня» (джада, яда) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докл. и сообщ. научно-теорет. конф. – Алма-Ата, 1980. – С. 203-209.
- Акишев А.К.** «Сиюйцзи» – «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Туған өлке – родной край. Историко-краеведческий журнал. – 2008. – №1-2 (10-11).
- Акылбек С.Ш.** Магистральный канал Сангыл-арык // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы, 2007. – С. 357-360.
- Акылбек С.Ш.** Кяризная оросительная система // Свод памятников истории и культуры Южного Казахстана. Отрарский район. – Алматы, 2007а. – С. 372-373.
- Аманжолов С.** Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата: Учпедгиз, 1959. – 452 с.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л.: ОГИЗ, 1937. – 308 с.
- Андрианов Б.А.** Карта народов Средней Азии и Казахстана (по данным переписи 1926 г.) // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – М.-Л., 1961.
- Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника Великого сражения. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 276 с. + 56 с. вкл. ил.
- Аполлова Н.Г.** Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – М.: Наука, 1960. – 456 с.

- Аристов Н.А.** Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающих антропологических исследований // Живая старина. – 1894. – Вып. III-IV. – С. 391-486.
- Аристов Н.А.** Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. – Год шестой, вып. III-IV. – С. 277-456.
- Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Наука, 1960. – 488 с.
- Аскарров А.А.** Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент, 1986. – С. 3-13.
- Ахинжанов С.М.** К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 49-54.
- Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 293 с.
- Ахинжанов С., Ерзакович Л.** К вопросу о происхождении канов на Сыр-Дарье // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1972. – Вып. 2. – С. 64-69.
- Ахмедов Б.А.** Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – 180 с.
- Ахмет С.** Кязриная система Узункудука // Свод памятников истории и культуры Южного Казахстана. Отрарский район. – Алматы, 2007. – С. 373-374.
- Ашрафян К.З.** Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. – М.: Наука, 1977. – 238 с.
- Бабур-наме.** Записки Бабурра. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 528 с.
- Бадаи' ал-вакаи'** // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 651 с.
- Байпаков К.М.** Средневековые погребения в Илийской долине // СА. – 1973. – №2. – С. 257-259.
- Байпаков К.М.** О численности оседлого населения Илийской долины // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 188-200.
- Байпаков К.М.** О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА. – 1977а. – №2. – С. 201-209.
- Байпаков К.М.** О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977б. – С. 81-93.
- Байпаков К.М.** Традиции и инновации в материальной культуре Отрара // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докл. и сообщ. научно-теорет. конф. – Алма-Ата, 1980. – С. 16-20.
- Байпаков К.М.** Культ барана у сырдарьинских племён // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980а. – С. 32-45.
- Байпаков К.М.** Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана // Тезисы докл. и сообщ. научно-теорет. конф. – Алма-Ата, 1980в.

- Байпаков К.М.** Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. – С. 17-38.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XIII вв. (Динамика и основные этапы развития) // Автореф. дисс. ... доктор ист. наук. – М., 1985. – 425 с.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.
- Байпаков К.М.** Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 68 с.
- Байпаков К.М.** Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1994. – №5. – С. 20-33.
- Байпаков К.М.** Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – 216 с.
- Байпаков К.М.** Семиреченские художественные бронзы // Известия МН-АН РК. Серия обществ. наук. – 1998а. – №1. – С. 3-17.
- Байпаков К.М.** Средневековый Сауран // Города Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1999. – С. 94-97.
- Байпаков К.М.** Некоторые этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы-Омск, 2004. – С. 129-130.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.** Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. – Алматы: Print-S, 2005. – 188 с.: вклейка.
- Байпаков К.М.** Огузы, туркмены, сельджуки в городах Жетысу и Южном Казахстане // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2007. – №1. – С. 35-61.
- Байпаков К.М.** Великий Шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы: Адамар, 2007а. – 496 с.
- Байпаков К.М.** Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. – Алматы: Қазығұрт, 2007б. – 246 б.
- Байпаков К.М.** О цивилизации Казахстана // Роль степных городов в цивилизации кочевников: матер. науч. конф., посв. 10-летию юбилею г. Астана. – Астана, 2008. – С. 13-21.
- Байпаков К.М.** Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. – Алматы: Credo, 2008а. – 173 с.
- Байпаков К.М.** Западно-тюркский и тюркешский каганаты, тюрки и согдийцы, степь и город. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. – 398 с.
- Байпаков К.М.** Города Казахстана XIII-XV вв. // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна р. Урал. – Уральск, 2012а. – С. 20-30.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алматы, 2012б. – Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. – 390 с., ил.

- Байпаков К.М.** Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд, 2012в. – 283 с. ил., цв. ил.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая археология Казахстана. – Алматы, 2013. – Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII вв.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Раскопки в северо-восточной части Отрара // В глубь веков. – Алматы, 1974. – С. 143-157.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.** Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). – Алма-Ата: Наука, 1989. – 169 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А.** Средневековый город Сауран. – Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2005. – 201 с.
- Байпаков К.М., Шербает Р.К.** Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие в 2005 г.». – Алматы, 2006. – С. 308-314.
- Байпаков К.М., Акылбек С.Ш.** Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. – Кемерово-Алматы, 2008. – С. 56-73.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Города Приаралья: Дженд, Асанас, Барчкент // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2009. – №10.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Исследование городища Дженд // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2010. – №1. – С. 100-122.
- Байпаков К.М., Акылбек С.Ш.** Второе сауранское медресе // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2012. – №3. – С. 84-93.
- Байпаков К., Сейткалиев М., Воякин Д.** Археологические работы в зоне строительства автодороги Западная Европа – Западный Китай // Промышленность Казахстана. – Алматы, 2011. – №10. – С. 94-98.
- Байпаков К.М., Ерофеева И.В.** Городище Жанкент // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. – Алматы, 2011. – Т. II: Юго-Восточные и Южные регионы. – 728 с., ил.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ильин Р.В.** Города Хувара и Янгикент – старая и новая столицы государства огузов // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2012. – Вып. 16. – С.22-44
- Байтанаев Б.А.** Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. – Шымкент-Алматы: ЮКГУ им. М.О. Ауезова, 2003. – 136 с.
- Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешев А.** Мечеть Хызыр-Пайгамбара в селе Сайрам // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2008. – №1. – С. 129-140.
- Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А.** Исследование городища Аксумбе // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2009. – №1. – С. 147-156.
- Баронов С.Ф.** Опыт медико-санитарного обследования среди казаков // Казаки. Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л., 1927. – Вып. 11. – С. 60-77.
- Бартольд В.В.** Очерк истории Семиречья // Соч. – М.: Наука, 1963а. – Т. II, Ч. 1. – С. 23-108.
- Бартольд В.В.** Географический очерк Мавераннахра // Соч. – М.: Наука, 1963б. – Т. I. – С. 114-237.
- Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. – М.: Наука, 1963в. – Т. I. – С. 4-760.

- Бартольд В.В.** Улугбек и его время // Соч. – М.: Наука, 1964. – Т. II, Ч. 2. – С. 25-198.
- Бартольд В.В.** К вопросу об языках согдийском и тохарском // Соч. – М.: Наука, 1964а. – Т. II, Ч. 2. – С. 461-470.
- Бартольд В.В.** Сарт. – Соч. – М.: Наука, 1964б. – Т. II, Ч.2. – С. 527-529.
- Бартольд В.В.** Туркестан // Соч. – М. Наука, 1965а. – Т. III. – С. 518-520.
- Бартольд В.В.** Туркестанский край в XIII в. (по рассказу китайского путешественника) // Соч. – М.: Наука, 1965б. – Т. III. – С. 237-243.
- Бартольд В.В.** К истории орошения Туркестана // Соч. – М.: Наука, 1965в. – Т. III. – С. 97-236.
- Бартольд В.В.** Чимкент // Соч. – М.: Наука, 1965г. – Т. III. – С. 563-564.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894. // Соч. – М.: Наука, 1966. – Т. IV. – С. 21-91.
- Бартольд В.В.** История турецко-монгольских народов // Соч. – М.: Наука, 1968. – Т. V. – С. 195-232.
- Бартольд В.В.** Кипчаки // Соч. – М.: Наука, 1968а. – Т. V. – С. 550-551.
- Бартольд В.В.** Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Соч. – М.: Наука, 1968б. – Т. V. – С. 19-194.
- Бартольд В.В.** История изучения Востока в Европе и России. – Соч. – М.: Наука, 1977. – Т. IX. – С. 199-484.
- Басилов В.Н.** Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Всесоюзная тюркологическая конференция: тез. докл. и сообщ. – Алма-Ата, 1976. – С. 17-20.
- Басилов В.Н.** Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – 324 с., ил.
- Баскаков Н.А.** Жилища приилийских казахов // СЭ. – 1971. – №4. – С. 104-115.
- Бачинский Н.** Город и аул эпохи Махтумкули. – М., 1960.
- Бейсембиев Т.К.** «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 200 с.
- Бейсембиев Т.К.** Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. – Алматы: ТОО «Print-S», 2009. – 1263 с.
- Бекмаханов Е.Б.** Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 342 с.: табл.
- Беленицкий А.М.** Организация ремесла в Самарканде в XV-XVI вв. // КСИИМК. – 1940а. – VI. – С. 43-46.
- Беленицкий А.М.** Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV-XV вв. // ТОВЭ. – Т. 2. – 1940б. – С. 189-201.
- Беленицкий А.М.** К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху // СВ. – 1948. – Т. V. – С. 111-128.
- Беленицкий А.М.** Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. – 1965. – №3. – С. 178-196.
- Бекчурин М.С.** Описание мечети Азрета, находящейся в г. Туркестане // Военный сборник. – 1866. – №8, отд. 2. – С. 209-217.
- Бекчурин М.С.** Туркестанская область. Заметки Статского советника Бекчурина. – Казань, 1872. – 70 с.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.** Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. – 390 с.
- Бернштам А.Н.** Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.

- Бернштам А.Н.** Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. – Т. 14. – М.-Л., 1950. – 188 с.
- Бернштам А.Н.** Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI-VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – 207 с.
- Бибиков С.Н.** Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посв. итогам археологических и этнографических исследований 1966. – Кишинев, 1967. – С. 12-15.
- Бируни Абу Райхан.** Избранные произведения. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – Т. 1. Памятники минувших поколений. Пер. и прим. М.А. Салье. – 486 с.
- Болдырев А.Н.** Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (опыт творческой биографии). – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 356 с.
- Большаков О.Г.** Город в конце VIII – начале XIII в. // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. – Ч. 2. – С. 132-352.
- Большая Советская Энциклопедия. – М.: «Сов. энциклопедия», 1975. – Т. 22. – 628 стр., ил.; 37 л. ил. и карт.
- Брентъес Б.** Планы городов Бухары и Туркестана XVIII в. // ОНУ. – 1985. – №6.
- Брун П.** Крепостные стены поздних городищ Мерва // Культурные ценности 2002-2003 гг. – СПб., 2004. – С. 11-23.
- Брун П., Аннаев А.** Новые исследования восточной стены Султан-калы // Культурные ценности 2000-2001 гг. – СПб., 2002.
- Брусенко Л.Г.** Раскопки квартала гончаров X-XI вв. на городище Афрасиаб // ИМКУ. – 1969. – Вып. 8. – С. 115-123.
- Бурнашева Р.З.** Денежное обращение и монетное дело Бухарского ханства конца XVIII – начала XX вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1966.
- Бурнашева Р.З.** Клады медных монет из города Туркестана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 58-68.
- Бурнашева Р.З.** Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971-1972 годы // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 158-172.
- Бурнашева Р.З.** Два клада джанидских тенег XVII в. с территории Южного Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 59-80.
- Бурнашева Р.З.** К вопросу об экономическом положении позднесредневекового города Туркестана и области (XV-XIX вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 52-61.
- Бурнашева Р.З.** Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южно-казахстанских городов VII-XVII вв. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 76 с.
- Бурнашева Р.З.** Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV-XVIII вв. Туркестан: Туран, 2006. – 255 с.
- Бурнашева Р.З.** Некоторые сведения о чеканке медных монет в Ташкенте в XVI-XIX вв. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2007. – № 1. – С. 143-158.
- Бурнашева Р.З., Настич В.Н.** Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971-1977 гг.) // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). – Алма-Ата, 1981. – С. 289-342.

- Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К.** Клады и монеты Туркестана. – Алматы: Баур, 2006. – 204 с., ил.
- Буряков Ю.Ф.** Историческая топография Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). – Ташкент: ФАН УзССР, 1975. – 203 с.
- Буряков Ю., Тихонин М.** Раскопки керамической мастерской конца XV-XVI вв. в Шахрухии // ИМКУ. – 1981. – Вып. 16. – С. 58-64.
- Вактурская Н.Н.** Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // ТХАЭЭ. – М., 1958. – Т. II. – С. 467-494.
- Вактурская Н.Н.** Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ. – М., 1959. – Т. IV. – С. 261-342.
- Валиханов Ч.Ч.** Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения / Под ред. акад. АН КазССР А.Х. Маргулана. – Алма-Ата, 1958. – С. 144-176.
- Валиханов Ч.Ч.** Собр. соч. в пяти томах. – Алма-Ата: АН КазССР, 1961. – Т. I. – 776 с.
- Васильев А.** Путешествие доктора Эверсмана в Бухару // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1905. – Вып. XIV. – С. 200-211.
- Вахабов М.** Формирование узбекской социалистической нации. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1961. – 588 с.
- Введенский А.А.** Дом Строгановых в XVI-XVII вв. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 308 с.
- Верещагин В.В.** От Оренбурга до Ташкента. 1867-1868 гг. // Всемирный путешественник. – 1874. – №5. – С. 1-118.
- Витсен Н.К.** Северная и Восточная Тартария // История Казахстана в Западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2006. – Т. 6, ч. 2.
- Военные действия Зачуйского экспедиционного отряда летом 1864 г. // Инженерный журнал. – СПб., 1865. – №4. – С. 334-351.
- Волин Л.С.** Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / ТИИАЭ АН КазССР. – Т. 8. – 1960. – С. 72-92.
- Воронина В.Л.** Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана // СЭ. – 1953. – №3. – С. 176-188.
- Воронина В.Л.** Раннесредневековый город Средней Азии // СА. – 1959. – №1. – С. 84-104.
- Востров В.В.** К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / ТИЭ АН СССР. – 1961. – Т. 48. – С. 180-197.
- Востров В.В., Муқанов М.С.** Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX- начало XX в.). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 255 с.
- Вступительное слово чл.-корр. АН СССР Б.А. Тулепбаева // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Материалы Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г. – Алма-Ата, 1983. – С. 3-4.
- Галиев В.З.** Казахстан в творчестве художников XIX века. – Алматы: Онер, 2005. – 159 с.
- Гандакеци К.** История Армении. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- Гейнс А.К.** Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. – СПб., 1898. – Т. II.

- Глухов А.Н.** Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков // Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л., 1927. – Вып. 2. – С. 108-134.
- Григорьев В.В.** Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. – СПб., 1874. – Т. I. – С. 233-261.
- Григорьев Ф.П., Мейлих А.А.** Кокандская крепость и Аулие-Ата: страницы истории г. Тараза в 1826-1864 гг. // Туған Өлке – Родной край. – Алматы, 2004. – № 2, 3 (4-5). – С. 39-46.
- Гродеков Н.И.** Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. – Ташкент, 1889.
- Грошев В.А.** Водохранилище средневекового Отрара // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 36-46.
- Грошев В.А.** Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 14-22.
- Грошев В.А.** Ирригация Южного Казахстана в средние века. – Алма-Ата: Наука, 1985 – 156 с.: ил.
- Грошев В.А.** Древняя ирригация юга Казахстана. – Алматы, 1996. – 351 с.
- Грошев В.А., Акылбек С.Ш.** Магистральный канал Кауган-Ата // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007. – С. 352-355.
- Грошев В.А., Акылбек С.Ш.** Магистральный канал Темир-Арык // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007а. – С. 363-365.
- Давидович Е.А.** Денежная реформа Шайбани-хана (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.) // Труды АН Таджикской ССР. – Душанбе, 1954. – Т. XII. – С. 85-108.
- Давидович Е.А.** Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. // НЭ. – 1960. – Т. I. – С. 193-198.
- Давидович Е.А.** О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 244-249.
- Давидович Е.А.** Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды) // Известия ООН АН Тадж.ССР. – Душанбе, 1968а. – №3 (53). – С. 70-84.
- Давидович Е.А.** Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.) – М.: Наука, 1972. – 174 с.
- Давидович Е.А.** Денежная реформа Кучкунчи-хана (XVI в.) // Нумизматика и эпиграфика. – 1972а. – Т.Х. – С. 174-204.
- Давидович Е.А.** Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. – М.: Наука, 1992 – 504 с.
- Дервиз Г., Жадова Л., Жданко И., Митлянский Д.** Современная керамика народных мастеров Средней Азии. – М.: Советский художник, 1974. – 236 с.
- Джаббаров И.М.** Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма / ТХАЭЭ. – 1959. – Т. IV. – С. 379-396.
- Джаббаров И.М.** Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – начале XX в. Историко-археологический очерк // Занятия и

- быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. III / ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. ХСVII. – 1971. – С. 91-112.
- Добросмыслов А.И.** Города Сыр-Дарьинской области. – Ташкент, 1912. – 204 с.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1867. – Т. X.
- Дулати Мухаммед Хайдар.** Тарих-и-рашиди. Введение, пер. с персид. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Прим., указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. – Ташкент: ФАН, 1996. – 640 с.
- Егоров В.Л.** Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века / МИА. – №164. – М., 1970. – С. 172-193.
- Егоров В.Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
- Екимова В.В.** Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // ТХАЭЭ. – М., 1959. – Т. IV. – С. 343-378.
- Ёлгин Ю.А.** Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного Казахстана: сб. ст., посв. 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С. 158-162.
- Ёлгин Ю.А.** Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави. Вторая половина XIX – середина 1950-х годов (Очерки и материалы). – Алматы, 2013.
- Елеуов М., Акымбек Е., Калиев С.** Раскоп на северо-восточном въезде средневекового городища Сауран // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. – Алма-Аты, 2005. – С. 257.
- Ерзакович Л.Б.** О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1966. – №3. – С. 66-69.
- Ерзакович Л.Б.** Оседлая культура Южного Казахстана в XIII-XVIII вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1966а.
- Ерзакович Л.Б.** Поливная керамика городища Сузак XIII-XVIII вв. // Вестник АН КазССР. – 1966б. – №5. – С. 78-81.
- Ерзакович Л.Б.** О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 85-97.
- Ерзакович Л.Б.** О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 60-68.
- Ерзакович Л.Б.** Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 98-106.
- Ерзакович Л.Б.** Жилище позднесредневекового Отрара (по материалам 1971-1972 гг.) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР // Ташкент: «Фан», 1973. – С. 188-189.
- Ерзакович Л.Б.** Раскопки в восточной части Отрара: (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 96-106.

- Ерзакович Л.Б.** Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1986. – С. 100-110.
- Ерзакович Л.Б.** Русские монеты в Казахстане // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1986а.
- Ерзакович Л.Б.** Об одном типе жилого дома Отрара XVII в. // Известия НАН РК. – 1993. – №5. – С. 51-57.
- Ерзакович Л.Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А.** Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 59-72.
- Ерофеева И.В.** Хан Абулхаир. Полководец, правитель, политик. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 452 с.
- Жданко Т.А.** Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов средней Азии // СЭ. – 1972. – №5. – С. 13-29.
- Живописная Россия. – Т.10. Русская Средняя Азия. – СПб., 1885. – 448 с., IV с. с ил., 43 л. ил.
- Жилина А.Н.** О некоторых древних чертах жилища оседлого поселения Средней Азии // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г.: тезисы докл. и сообщ. по этнографии. – Ташкент, 1973. – С. 54-55.
- Жилина А.Н.** Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 137-163.
- Жолдасбеков М.** Орхон ескерткіштерінің мутіні // Орхонские надписи: Кюль-Тегин. Бильге-Каган. Тоньюкук. – Семей, 2001.
- Жолдасбаев С.** 1969-1970 жылдарыгу археологиялык барлау кезенде табылгау казактын туракты коныстары джайлы хабар // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 187-193.
- Жолдасбаев С.** Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV-XVIII вв.) // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 173-187.
- Жолдасбаев С.** Раскопки городища Куль-тобе // Археологические открытия-1973. – М., 1974а. – С. 468-469.
- Жолдасбаев С.Ж.** Поселение Актас-мечеть (XVII-XIX вв.) // Древности Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – С. 86-93.
- Жолдасбаев С.** Материальная культура казахов XV-XVIII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата 1975а.
- Жолдасбаев С.** Позднесредневековое городище Ран (XII-XVIII вв.) // АО 1974 года. – М., 1975б. – С. 485-486.
- Жолдасбаев С.Ж.** Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам (XV-XVIII вв.). – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 46-58.
- Жолдасбаев С.** Городище Ран // АО 1975 года. – М., 1976а. – С. 520.
- Жолдасбаев С.** Жетісу тарихы (XVI-XVIII вв.) (Тарихи және палеоэтнологиялык зерттеу). – Алматы: «Қазақ университеті», 1996. – 298 б.
- Жолдасбаев С.** Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X-XVIII ғғ). Көмекші оқу құралы. – Түркістан: Тұран баспасы, 2010. – 191 б.
- Жолдасбаев С.** Позднесредневековые города на северных склонах Каратау. – Туркестан, 2012. – 109 с.

- Зарубин И.И.** Список народностей Туркестанского края // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. – Л., 1925. – Вып. 9. – 24 с.
- Захарова И.В.** Материальная культура уйгуров Советского Союза // Среднеазиатский этнографический сборник. Т. 2. / ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLVIII. – М., 1959. – С. 215-298.
- Зияев Х.З.** Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. – Ташкент: ФАН УзССР, 1983. – 167 с.
- Златкин И.** История Джунгарского ханства. 1635-1758. – М.: Наука, 1983. – 330 с.
- Ибрагимов С.К.** К истории Казахстана в XV в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. Ред. И.А.Орбели. – М., 1961. – С. 172-181.
- Ибрагимов С.К.** «Михман-наме и Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV-XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1960. – Т. 8. – С. 141-157.
- Ибрагимов Н.** Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М.: Наука, 1988. – 128 с.
- Иванов П.П.** Предания о калмыцком нашествии на Сайрам // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь профессора А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1923.
- История Казахской ССР.** – Алма-Ата, 1957. – Т. 1. – С. 57-58.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. – Т. 2. – 424 с.
- История Казахстана в арабских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. III. Извлечения из сочинений XII-XVI веков. – 272 с.
- История Казахстана в персидских источниках – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – Т. IV. – 614 с.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. – Алматы: Наука, 1997. – Т. II. – 624 с.
- История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. – Алматы, 2010. – Т. III. – 768 с.
- История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2005-2006. – Т. I-X.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005а. – Т. I. Посольские материалы Русского государства (XV – XVII вв.). – 720 с.: ил.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005б. – Т. II. Русские летописи и официальные материалы XVI - первой трети XVIII в. о народах Казахстана – 456 с.: ил.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы, 2005в. – Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). – 492 с.: ил.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII-XIX века / Сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005-2007. – Т. I-X.
- История народов Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. – Т. II. – 514 с.

- История Узбекистана (XVI - 1 половина XIX вв.). – Ташкент: ФАН, 1993. – Т. III.
- История Ташкента (с древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции). – Ташкент: Фан, 1988. – 293 с.
- Ишанханов С.Х.** Каталог монет Коканда XVIII-XIX вв. – Ташкент: Фан, 1976. – 40 с.
- Кабанов С.К.** Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша // ТИИА АН УзССР. – Ташкент, 1956. – Вып. 8. – С. 95-126.
- Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: АН КазССР, 1961. – 744 с.
- Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 574 с.
- Қайдар Ә.** Қаңлы (тарихи шежіре). – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 610 б.
- Каллаур К.А.** Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. // ПТКЛА, год V. – Ташкент, 1900. – С. 6-16.
- Каллаур В.А.** Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде // ПТКЛА, год VI. – Ташкент, 1901.
- Каллаур В.А.** К истории города Аулие-Ата // ПТКЛА, год VIII. – Ташкент, 1903.
- Кармышева Б.Х.** Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // СЭ. – 1960. – №1. – С. 3-22.
- Кенесбаев І.** Қазақ тілінің фразеологиялық сөздегі. – Алматы: Ғылым, 1977. – 711 б.
- Кисляков Н.А.** Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. — 240 с.: схем., табл.
- Кларе А.К.** Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах // ПТКЛА, год IX. – Ташкент, 1904. – С. 13-42.
- Кляшторный С.Г.** Кангуйская этнопонимика в Орхонских текстах // СЭ. – 1951. – №3. – С. 54-63.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кляшторный С.Г., Сулганов Т.И.** Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. — 376 с.
- Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция Сербиной К.М. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 228 с.
- Князев П.И.** Разведочно-археологические работы в квартале металлостов древнего Термеза // Труды АН УзССР. Серия 1. Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. — Ташкент, 1945. — С. 163-175.
- Козлов В.И.** Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 408 с.
- Қожа М.** Кулан-арық // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007а. – С. 354-355.
- Қожа М.** Канал Майлыкожи // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007б. – С. 355-356.

- Кожа М.** Позднесредневековые города - материально-техническая база и торгово-урбанистическая структура Казахских ханств // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна р. Урал. – Уральск, 2012. – С. 162-177.
- Кожа Ахмет Йасауи кесенесі.** Мавзолей Ходжа Ахмада Йасави. Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi / Құрастырушылар Ә.Қ. Муминов, М.Б. Қожа, С. Моллақанағатұлы, М.Ж. Садықбеков, Ж.М. Нұрбеков. Қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде. Изд. второе, переработанное и дополненное. – Алматы: «Эффект» ЖШС, 2010. – 208 б.
- Кумеков Б.** Города кимаков // Вестник АН КазССР. – 1969. – № 6.
- Кумеков Б.Е.** О степной цивилизации // Роль степных городов в цивилизации кочевников: матер. науч. конф., посв. 10-летию юбилею г. Астана, 2 июля 2008. – Астана, 2008. – С. 42-49.
- Курманкулов Ж., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.** Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Археологические работы на городище Джанкент в 2006 г. – Кызыл-Орда: Изд-во Кызыл-Ординского государственного университета им. Коркыт-Ата, 2007. – 124 с., ил.
- Кызласов Л.Р.** Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. — М.: Вост. лит., 2006. — 360 с.
- Лавров В.А.** Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века). – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 178 с., ил.
- Левина Л.М.** Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс н.э. // ТХАЭЭ. – М.: Наука, 1971. – Т. VII. – 248 с.
- Левшин А.И.** Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. – СПб., 1823. – 84 с.
- Левшин А.И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. II. – 332 с.
- Левшин А.И.** Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
- Левшин А.** Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – СПб., 1832а. – Ч. 1.
- Левшин А.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832б. – Ч. 3.
- Лерх П.И.** Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб., 1870. – 40 с.
- Лунина С.Б.** Гончарное производство в Мерве X- начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. – Ашхабад, 1962. – Т. XI. – С. 207-418.
- Лунина С.Б.** Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии // СА. – 1978. – №3. – С. 127-137.
- Лунина С.Б.** Ремесло в средневековом Мерве (к периодизации развития) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. – М., 1979. – С. 168-175.
- Маев Н.М.** Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 415-426.
- Макшеев А.И.** Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае (Приложения) // ИРГО по отделению статистики. – СПб., 1878. – Т. XIV. – Вып. I. – С. 1-30.

- Макшеев А.И.** Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Российского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1880. – Т. VI. – С. 1-141.
- Малов С.Е.** Шаманский камень «Яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. – 1947. – №1. – С. 151-160.
- Маньковская Л.Ю.** Мавзолей дочери Улугбека Рабии Султан Бегум // ОНУ. – 1969. – №3.
- Маньковская Л.Ю.** Типологические основы зодчества Средней Азии (IX- начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.: ил.
- Маргулан А.Х.** Оседлое поселение VIII-XIII вв. на Северных склонах Каратау (извлечено из археологического отчета) // Известия АН КазССР. Серия археолог. – 1948. – №46. – С. 109-115.
- Маргулан А.Х.** Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1951. – 122 с.
- Марков А.К.** Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб.: Императорский Эрмитаж, 1896. – 879 с.
- Марр Н.Я.** Раскопки в Ани // Известия ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 72-94.
- Марьяшев А.Н., Мотов Ю.А.** Крепостные стены позднесредневекового Туркестана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1982. – №1. – С. 40-46.
- Масальский В.И.** Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание. нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. XIX. – СПб., Изд-во А.Ф. Девриена, 1913 – 862 с.
- Маслова О.В.** Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент, 1955. – Ч. 1: 1715-1856. – 83 с.
- Масанов Э.А.** Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле // ТИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т.12. – С. 156-170.
- Массон М.Е.** Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 23-42.
- Массон М.Е.** Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. – Ташкент, 1930. – 23 с.
- Массон М.Е.** Городища старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I, вып. 2. / Термезская археологическая комплексная экспедиция, 1936. – Ташкент, 1940.
- Массон М.Е.** Ахангаран. Археолого-топографический очерк. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. – 144 с.
- Массон В.М.** Хумы Нисы // ТЮТАКЭ. – М., 1951. – Т. 2. – С. 413-436.
- Массон В.М.** Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики // МИА. – 1971. – № 180. – 209 с.
- Массон В.М.** Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 196 с.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологический обзор и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР. – М.-Л., 1940. – Вып. 4. – 310 с.**
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К. Ибрагимов, Н.И. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин – Алма-Ата: Наука, 1969. – 655 с.**
- Материалы по истории Казахской ССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4 (1785-1828 гг.). – 543 с.**

- Материалы по истории Казахской ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. – Т. II, ч. 2 (1741-1751 гг.). – 457 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – Вып. I. — 280 с
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. Сборник документов. – М.: Вост. лит-ра, 1959. – 352 с., ил.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР. – Л., 1932. – Вып. 3. – Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Ред. А.Н. Самойлович– 506 с.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Л., 1933. – Ч. 1.
- Мейендорф Е.К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 180 с.
- Мейер Л.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – 288 с.
- Мец Адам.** Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисловие и библиография Д.Е. Бертольса. – М.: Наука, 1966. – 458 с.
- Миддендорф Д.Ф.** Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882.
- Мирза Мухаммед Хайдар.** Тарих-и Рашиди / Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. – Ташкент: Фан, 1996. – 727 с.
- Моисеев В.А.** Джунгарское ханство и казахи в XVII-XVIII вв. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 240 с.
- Мукминова Р.Г.** К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. // Известия АН УзССР. – 1954 – №1. – С. 70-81.
- Мукминова Р.Г.** Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV-XVI вв. – Ташкент: ФАН, 1985. – 137 с.: ил.
- Мукминова Р.Г.** Позднефеодальные Бухара и Самарканд – центры связей Средней Азии с сопредельными странами, Россией и Европой // Позднефеодальный город Средней Азии. – Ташкент, 1990. – С. 90-99.
- Мукминова Р.Г.** Выходцы из Туркестана (Йаси) и их роль в политических событиях Мавераннахра на рубеже XIV-XV вв. // Бартольдские чтения. 1993. Год десятый / Тезисы докл. и сооб. – М., 1993. – С. 36-57.
- Муравьев А.В., Самарин В.В.** Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V-XVII вв.). – М.: Просвещение, 1973. – 143 с.
- Мустафина Р.М.** Представления, культы, обряды у казахов. – Алма-Ата: Казак университеті. – 176 с.
- Набиев Р.Н.** Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (Заметки о Ходже-Ахраре) // Великий Узбекский поэт: сб. ст. – Ташкент, 1948. – С. 25-49.
- Навои Алишер.** Собр. соч. в 10 томах. – Т. 10. Возлюбленный сердец. Суждение о двух языках. – Ташкент: ФАН, 1970. – 195 с.
- Назаров Ф.** Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – М.: Наука, 1968. – 80 с.
- Наливкин В.** Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. – 215 с.
- Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 1. – 791 с.

- Настич В.Н.** Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII-XVII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 143-152.
- Немцева Н.Б.** Археологический отчет по работам у архитектурного памятника Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане в 1958 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК. – Ф.2, д. 1, инв. №202.
- Неразик Е.Е.** О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 197-207.
- Неразик Е.Е.** Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи: Археол.-этнограф. очерки / ТХАЭЭ. –М., 1976. – 254 с.: ил.
- Никулин М.Г., Шамансурова А.Ш., Рашидов Р.Т.** Ремесло и мелкая промышленность Афганистана. – Ташкент: ФАН, 1976. – 114 с.
- Никшич И.И.** Копетдаг // Геологические и гидрологические исследования в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г. – Ташкент, 1924.
- Нурмуханбетов Б.** Раннемусульманское кладбище близ города Куйрыктобе // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 85-94.
- Остроумов Н.П.** Сарты. Этнографические материалы, выпуск первый. – Ташкент, 1890.
- Очерки истории СССР. Т. 3: Период феодализма. – Ч. 1: IX-XIII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 984 с., ил.
- Пашино П.И.** Туркестанский край в 1866 году. Путевые записки. – СПб., 1868. – 176 с.
- Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. // История Казахстана в русских источниках. XV-XIX вв. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 616 с.
- Петрушевский И.П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII-XIV вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 494 с.
- Пещерева Е.М.** Из истории цеховых организаций в Средней Азии // КСИЭ. – 1949. Вып. VI. – С. 34-36.
- Пещерева Е.М.** Гончарное производство в Средней Азии // ТИЭ АН СССР – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. XLII. – 396 с.
- Пигулевская Н.В.** К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. – М., 1955. – №6. – С. 72-80.
- Писарчик А.К.** Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 69-111.
- Пищулина К.А.** Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств XV-XVII вв. // Казахстан в XV-XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 5-49.
- Пищулина К.А.** Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука, 1977. – 289 с.
- Пищулина К.А.** Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV-XVII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: матер. Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г. в г. Алма-Ата. – Алма-Ата, 1983. – С. 165-176.
- Плоских В.М.** Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе: Илим, 1977. – 368 с.

- Поездка М. Пospelова и Т. Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. – СПб., 1851. – Ч. 1, кн. 1, отд. VI. – С. 1-56.
- Посольские материалы Русского государства (XVIII-XIX вв.) // История Казахстана в русских источниках. – Алматы, 2007. – Т. 6.
- Потанин Н.И.** Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина // Юбилейный сборник, изданный Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества в честь Г.Н. Потанина. – Омск, 1909. – С. 191-258.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I (V в. до н.э.-XVIII в. н.э.). Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова и проф. П.А. Кунте. – Алма-Ата-М., 1935. – Т. II. – 298 с.
- Проскурин А.Н.** Мавзолей Рабии Султан Бегум XV в. // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы: Казак энциклопедиясы, 1994а.
- Проскурин А.Н.** Мавзолей восьмигранный XIV-XVI вв. // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы: Казак энциклопедиясы, 1994б.
- Проскурин А.Н.** Мазар безымянный XVI в. // Свод памятников Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы: Казак энциклопедиясы, 1994в.
- Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т.** Средневековая баня на территории архитектурного комплекса «Ахмед Ясеви» в г. Туркестане // Архитектура и строительство. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 4.
- Пугаченкова Г.А.** Сауранские башни // ТСАГУ. – 1954. – Вып. LVII. – С. 163-167.
- Пугаченкова Г.А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. – М.: АН СССР, 1958. – Т. IV. – 408 с.
- Пугаченкова Г.А.** Зодчество Центральной Азии, XV в.: Ведущие тенденции и черты. – Ташкент, 1976. – 116 с., ил.
- Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Арсеньева Ю.Б. // Записки РГО по отд. этнографии. – СПб., 1882 – Т. X, вып. 1. – 214 с.
- Развадовский Б.А.** Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. – 1916. – № 3-8. – С. 710-714.
- Рак И.В.** Мифы древнего и средневекового Ирана. – СПб.-М.: Журнал «Нева»-Летний сад, 1998. – 560 с.
- Рапопорт Ю.А.** Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. – 1962. – №2. – С. 50-60.
- Распопова В.И.** Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. – 1972. – №4. – С. 147-157.
- Рахимов М.К.** Художественная керамика Узбекистана. – Ташкент: АН УзССР, 1961. – 244 с.
- Резолюция совещания «Проблемы исследований средневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: матер. Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г. – Алма-Ата, 1983. – С. 229.
- Ремпель Л.И.** Из истории градостроительства на востоке: Материалы по планировке Старой Бухары // Искусство зодчих Узбекистана. – Ташкент, 196. – Вып. 1.

- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1913. – Т. XIX. Туркестанский край. – 882 с.
- Руденко С.Н.** Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л., 1927. – Вып. 3. – С. 7-32.
- Русско-монгольские отношения. 1607-1634 гг. Сборник документов. – М., 1959.
- Русско-монгольские отношения. 1636-1654 гг. Сборник документов. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1974. – 469 с.
- Рустамов Я.А.** Этнографические данные о кыргызской системе водоснабжения в Азербайджане в XIX-начале XX вв. // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Рычков П.И.** Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в рассуждении Оренбургской губернии // Труды вольного экономического общества. – 1767. – Ч. VII. – С. 111-212.
- Рычков П.И.** Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Издано на средства Ф.И. Базилевского – Оренбург, 1887. – 405 с.
- Рычков П.И.** История Оренбургская (1730-1750). – Оренбург, 1896. – 94 с.
- Сабитов Н.** Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области // СЭ. – 1953. – №3. – С. 196-200.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алма-Ата: Энциклопедия, 1994. – Т. 1. – 367 с.
- Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: «Баур», 2007. – 424 с.
- Северцов Н.** Месяц плена у кокандцев. Сочинение Н. Северцева с картою низовьев Сыр-Дарьи. – СПб., 1860.
- Семенов А.А.** Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып. 1. – С. 121-130.
- Семенов А.А.** Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии / ТИИАЭ АН ТаджССР. – Сталинабад, 1954. – Т. XII, вып. 1. – С. 39-83.
- Семенов А.А.** Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI-XX вв. // Памяти Александра Александровича Семенова: сб. статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. – Душанбе, 1980. – С. 7-33.
- Семенюк Г.И.** Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1974. – 148 с.
- Сенигова Т.Н.** Шахристан // Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 14. – С. 154-165.
- Сенигова Т.Н.** Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 57-67.

- Сенигова Т.Н.** Отчет об археологических раскопках в охранной зоне архитектурно-мемориального комплекса Ходжи Ахмеда Яссави (1973-1974 гг.). – Алма-Ата, 1974. / Рукопись архива института Казпроектреставрация, инв. №57. – С. 98–100.
- Сенигова Т.Н.** Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII-XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 171-187.
- Ситняковский Н.Ф.** Попытки к исчислению народонаселения в г. Бухаре // Протоколы Туркестанского отделения РГО от 28.11.1898 г. – Ташкент, 1898. – С. 77-85.
- Смагулов Е.А.** К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1979. – №6. – С. 58-64.
- Смагулов Е.А.** К вопросу об этнической принадлежности культуры позднесредневекового Отрара // Сборник материалов конференции «Маргулановские чтения». 1990. – Москва, 1992. – Ч. 1. – С. 196-207.
- Смагулов Е.А.** Комплекс керамики из бадраба городища Ески-Туркестан // ИМКУ. – 1992а. – №26.
- Смагулов Е.А.** Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1993. – С. 163-167.
- Смагулов Е.А.** Кяризы Туркестанского оазиса // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2003. – С. 172-190.
- Смагулов Е.А.** Исследование домонгольского храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2005.
- Смагулов Е.А.** Мост Северных ворот средневекового Саурана // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. – Алматы, 2010. – С. 287-300.
- Смагулов Е.А.** Древний Сауран. – Алматы: АО АБДИ Компани, 2011. – 436 с., ил.
- Смагулов Е.А.** Мост северных ворот средневекового Саурана // Смагулов Е.А., Лушпенко О.Н. // Қазақстан Республикасы ҰҒА Хабарлары. Известия НАН Республики Казахстан. – 2011а. – №3. – С. 121-131.
- Смагулов Е.А., Настич В.Н.** Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1983. – №2. – С. 45-50.
- Смагулов Е.А., Настич В.Н.** Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // Загадки древнего Туркестана. – Алматы, 1998. – С. 70-78.
- Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А.** Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. – Алматы: Гылым, 1999. – 232 с.
- Смагулов Е.А., Туякбаев М.Х., Ержигитова А.А.** Жума мечеть на регистане Саурана // Отчет по государственной программе «Культурное наследие»-2006. – Алматы, 2007. – С. 171-175.
- Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.** Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги изучения. 2011-2012 гг. // Известия НАН РК. Серия обществ. и гуманитар. наук. – 2013. – №3. – С. 82-100.

- Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.** Медресе, дворец, кархана, ханака? Архитектурные загадки Саурана // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар.науч.конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посв. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. -Алматы, 2014. – С. 578-613.
- Смирнов Е.** Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. – СПб., 1887.
- Снесарев Г.П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.
- Снесарев Г.П.** Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX – начало XX в.) // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975. – С. 75-94.
- Спасский И.Г.** Русская монетная система. – Л.: «Аврора», 1972. – 223 с.
- Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии:** матер. Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1983. – Резолюция совещания.
- Султанов Т.И.** Краткое описание сочинения Сейфи // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1970. – №1. – С. 46-50.
- Султанов Т.И.** Некоторые замечания о начале казахской государственности // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1971. – №1. – С. 54-55.
- Сухарева О.А.** К истории городов Бухарского ханства (Историко-археологические очерки). – Ташкент: АН УзССР, 1958. – 145 с.
- Сухарева О.А.** Бухара XIX – начала XX в.: Позднесредневековый город и его население. – М.: Наука, 1966. – 328 с.
- Сухарева О.А.** К вопросу о литье металлов в Средней Азии // Занятие и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник / Тр. ИЭ АН СССР. – Л., 1971. – Т. VII. – С. 147-167.
- Сухарева О.А.** Квартальная община позднефеодального города Бухары. – М.: Наука, 1976. – 365 с.
- Сухарева О.А., Турсунов Н.О.** Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. – С. 10-48.
- Талеев Д.** Юго-западные ворота тюркского мира // Мобилизованный археологией. – Алматы, 2004. – С. 179-181.
- Талеев Д.** Результаты раскопок Айт-Мечети // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие»-2006. – Алматы, 2007.
- Танышпаев М.** Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент, 1925.
- Таранов Н.А.** Нижнее течение Сыр-Дарьи. 1. Сыр-Дарьинская область // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семёнова. – СПб., М., 1885. – Т. 10. Русская Средняя Азия. – 448 с., 43 л. ил.
- Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С.** Городище Сарайчик. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 320 с.
- Терентьев М. А.** История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906. – Т. 1. - 510 с.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.,1884. – Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – 588 с.

- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л., 1941. – Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – 308 с.
- Толстов С.П.** Города гузов // СЭ. – 1947. – №3. – С. 55-102.
- Толстов С.П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 328 с.
- Толстов С.П.** Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. // СА. – 1953. – Т. XVIII. – С. 301-325.
- Толстов С.П.** Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. – 1958. – Т. II. – С. 7-258.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Гл. ред. Вост. литературы, 1962. – 322 с.
- Томилов Н.А.** Интеграция археологических и этнографических исследований (к 10-ти летию со дня основания) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ханты-Мансийск, 2002. – С. 3-21.
- Трепавлов В.В.** Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. 2001. – М., 2002. – С. 225-244.
- Толеубаев А.Т.** Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX-начало XX в.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 214 с.
- Трофимук Н.А.** Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана // Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л., 1930. – Вып. 15.
- Толстов С.П.** Города огузов // С.Э. – 1947. – №3. – С. 93-101.
- Тургенев-Амитиров А.Г.** Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-Калы // ТХАЭЭ. – М., 1958. – Т. II. – С. 495-504.
- Туркестанский альбом, составленный А. Куном по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерала фон Кауфмана. – Ташкент, 1872. – Т. V.
- Туркестанский альбом, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта К.П. Фон Кауфмана 1-го. Составил А.Л. Кун. 1871-1872. Переиздано ОФ «Берел», ТОО «Asia line». – Алматы, 2005.
- Турсунов Н.** Ходжент и его население (конец XIX – начало XX в.) // Очерки по истории таджиков северных районов Таджикистана: Ученые записки ЛГПИ им. СМ. Кирова. – Вып. XXX. – Ленинабад, 1967.
- Туякбаев М.К.** Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII-XIX вв.). – Алматы: Эффе́кт, 2009. – 207 с.: ил.
- Тысяча чудес света. Памятники природы и культуры. Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. – СПб.-М., 2007. – 336 с.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.** Михман-Наме-Йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисл. и прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. – М., 1976. – 400 с.
- Федчина В.Н.** Как создавалась карта Средней Азии. – М.: Наука, 1967. – 132 с., карт.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // ТХАЭЭ. – М., 1958. – Т. II. – С. 505-528.

- Федоров-Давыдов Г.А.** Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века / МИА – №164. – М., 1970. – С. 68-171.
- Хабдулина М.К.** Кочевые цивилизации: критерии и понятия // Материалы науч. конф. «Роль степных городов в цивилизации номадов», посв. 10-летию юбилею г. Астана, 2 июля 2008. – Астана, 2008. – С. 49-58.
- Халфин Н.А.** Россия и ханства Средней Азии. – М., 1920.
- Халфин Н.А.** Присоединение Средней Азии к России (60-90 гг. XIX в.). – М.: Наука, 1965. – 468 с.
- Хамраев А.Х.** К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в. // ТСАГУ. Новая серия. – Ташкент, 1948. – Вып. IX.
- Ходжаев М.** Причины последнего общегородского пожара и окончательного запустения Отрара // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1993. – №5. – С. 57-61.
- Ходжаев М.** Гончарные изделия импортного происхождения из Отрара // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1994. – №5. – С. 66-71.
- Ходжаев М.** Компоненты городского и оседло-земледельческого происхождения в этнической структуре // Ата-Мура: сб. статей, посв. 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 1995.
- Хорошкин А.П.** Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб., 1876. – 531 с.
- Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII в. – первая треть XIX в. Сборник документов и материалов. Археографическое введение К.Ш. Хафизовой (в соавт. с В.А. Елисеевым), историческое предисловие, перевод китайских источников и подготовка научных комментариев К.Ш. Хафизовой. – Алматы, 1998. – Ч. 2. – 227 с.
- Чабров Н.Г.** Из истории изучения развалин древнего города Джанкента // ТСАГУ. Новая серия. Вып. 111. Исторические науки, кн. 25: Археология Средней Азии. – 1957 – №4. – С. 197-230.
- Чулошников А.П.** Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских народов. – Оренбург, 1924. – Ч. I. – 290 с.
- Чулошников А.П.** К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII-XVIII вв. // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. – 1936. – №3. – С. 497-524.
- Шакарим Кудайберды-улы.** Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Пер. Б. Каирбекова. – Алма-Ата, 1990. – 120 с.
- Шалашилин И.Е.** К вопросу о причинах отставания районов орошаемого земледелия Средней Азии к середине XIX в. // Вопросы истории. – 1960. – №9. – С. 32-52.
- Шаниязов К.Ш.** К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: ФАН, 1974. – 342 с.
- Шербаяв Р.К., Дудаков С.А.** Археологические исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие 2004». – Алматы, 2005. – С. 168-170.
- Шилов А.** Сарты. Этнографические и антропологические исследования // Материалы для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент, 1904. – Т. XI.

- Шишкина Г.В.** Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе // Средневековые города Средней Азии и Казахстана: тез. совещания в г. Фрунзе. – Л., 1970. – С. 15-18.
- Шнитников А.В.** Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки ВГО. – 1957. – Т. XVI. – 337 с.
- Эварницкий Д.И.** Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. – Ташкент, 1893.
- Юдин В.П.** Рецензия. С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. – Л., 1964 // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1968. – №1.
- Южаков Ю.Д.** Сарты и таджики, главное оседлое население Туркестанской области // Отечественные записки. – СПб., 1867. – Т. 173. – №7.
- Якобсон А.Л.** Жилые кварталы позднесредневекового Херсонеса // КСИИМК – 1940. – Вып. V. – С. 31-37.
- Якобсон А.Л.** Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. – 1950. – №17. – 338 с.
- Якубовский А.Ю.** Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. – 1929. – Т. II. – С. 123-159.
- Якубовский А.Ю.** Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // МИУТТ. – Л., 1932. – Ч. 1.
- Якубовский А.Ю.** Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI-XV вв.) // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXVIII. – С. 30-43.
- Shpuler E.** Turkestan. – New-York, 1876. – Vol. I, II.
- Wolley L.** The urbanization of Society // Cahiers d'histoire mondiale. – 1957. – IV. – 1

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ им. Абая	Алма-Атинский Государственный педагогический институт им. Абая
ВГО	Всесоюзное географическое общество. Москва
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург
ИИ АН КиргССР	Институт истории Академии наук Киргизской ССР
ИИА АН УзССР	Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, Самарканд
ИРГО	Известия Русского географического общества. Санкт-Петербург
КАЭЭ	Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА	Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград
МИА	Материалы исследований по археологии СССР. Москва
МИКК	Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва
МИКХ	Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков. Алма-Ата
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л.
МИУТТ	Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ленинград

МИЦАИ	Международный Институт Центрально-азиатских исследований. Самарканд
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОВГЭ	Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ООН АН ТаджССР	Отделение общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РГО	Русское географическое общество. Санкт-Петербург
СА	Советская археология. Москва
СВ	Советское востоковедение. Москва-Ленинград
СЭ	Советская этнография. Москва
ТИИА АН УзССР	Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
ТИИАЭ АН КазССР	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТИИАЭ АН ТаджССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, Душанбе
ТИЭ АН СССР	Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва
ТД СПИПАИ	Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований в СССР
ТОВЭ	Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТСАГУ	Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ЮККАЭ	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция

Байпаков К.М.

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)

Книга III часть 2

Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV - XVIII в.

В оформлении обложки книги использовано изображение медной монеты,
чеканенной на монетном дворе города Туркестана в XVI в.

Перевод на казахский язык
Ералы Акымбек

Перевод на английский язык
Ляйла Сейфулина

Дизайн и вёрстка
Ольга Кузнецова

Подписано в печать 07.09.2014 г.
Формат издания 70x100 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»

Цв. рис. 1. Река Сырдарья

Цв. рис. 2. Река Сырдарья

**Иллюстрации к главе I. Краткий очерк образования
и развития Казахского ханства: степь и города**

Цв. рис. 3. Жанибек Хан

Цв. рис. 4. Керей Хан

Цв. рис. 5. Абулхайр Хан

Цв. рис. 6. Абылай Хан

Цв. рис. 7. Конная группа казахов. Художник А.П. Орловский. 1811 г.

Цв. рис. 8. Казахи. Художник Р. Сергеев. Начало XIX века.

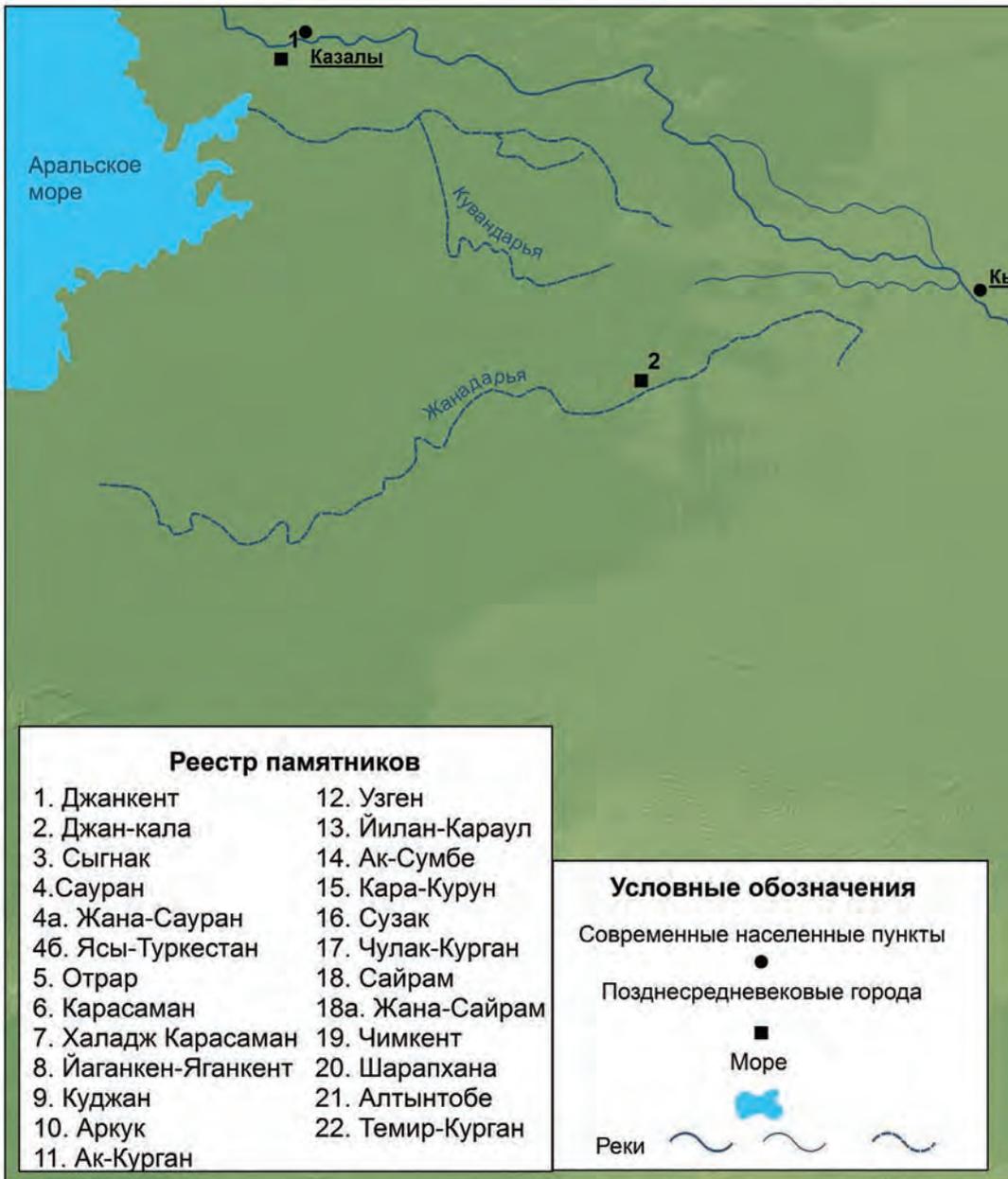

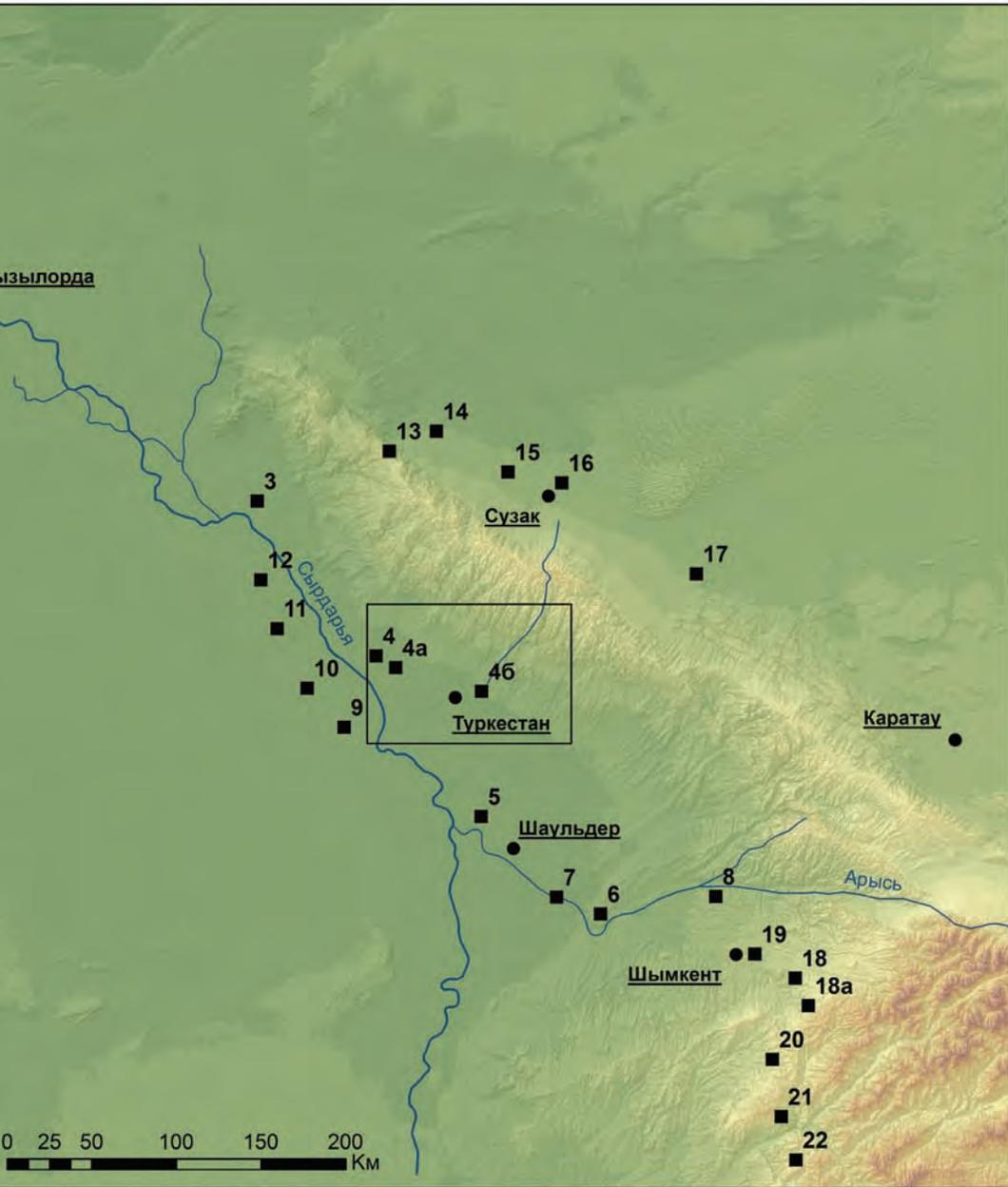
Цв. рис. 9. Пахота. Художник Н.Г. Хлудов

Цв. рис. 10. Кыстау. Казахстия зимовка. Художник Н.Г. Хлудов

**Иллюстрации к главе II. Города Казахского ханства:
локализация и отождествление, характеристика
и хронология городищ**

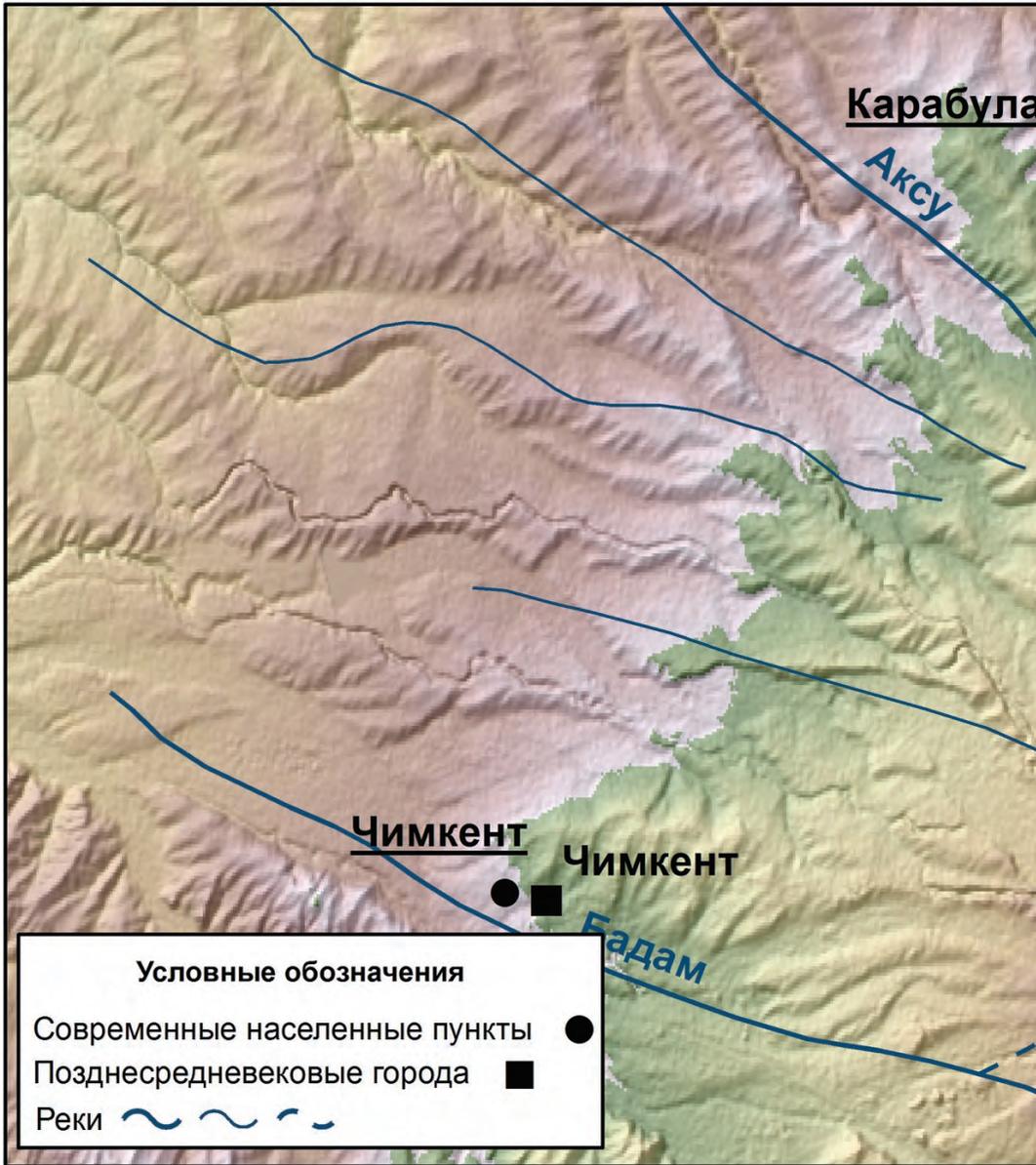

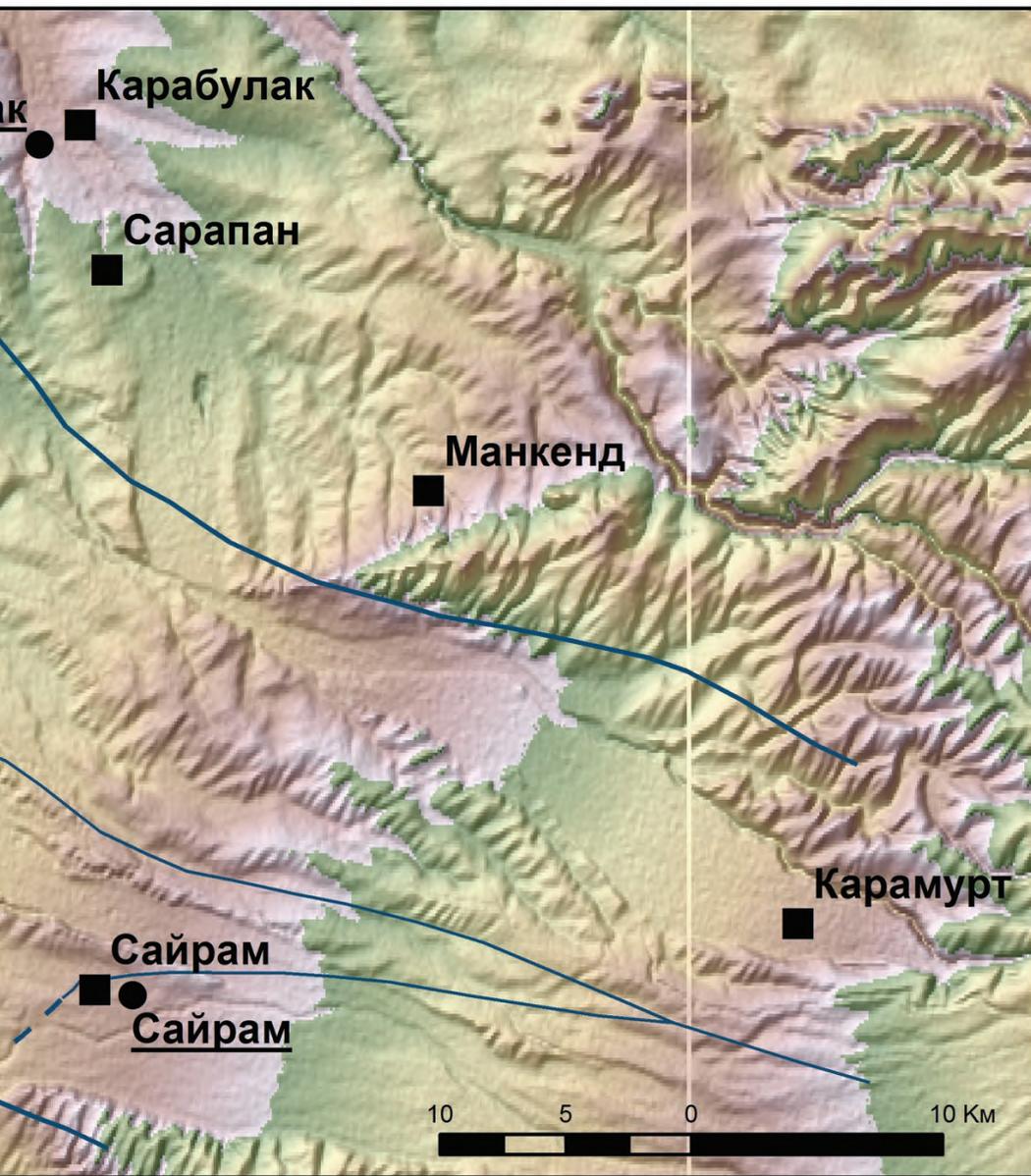
Цв. рис. 11. Города Казахского ханства

Цв. рис. 12. Город Ясы-Туркестан и города Туркестанского оазиса

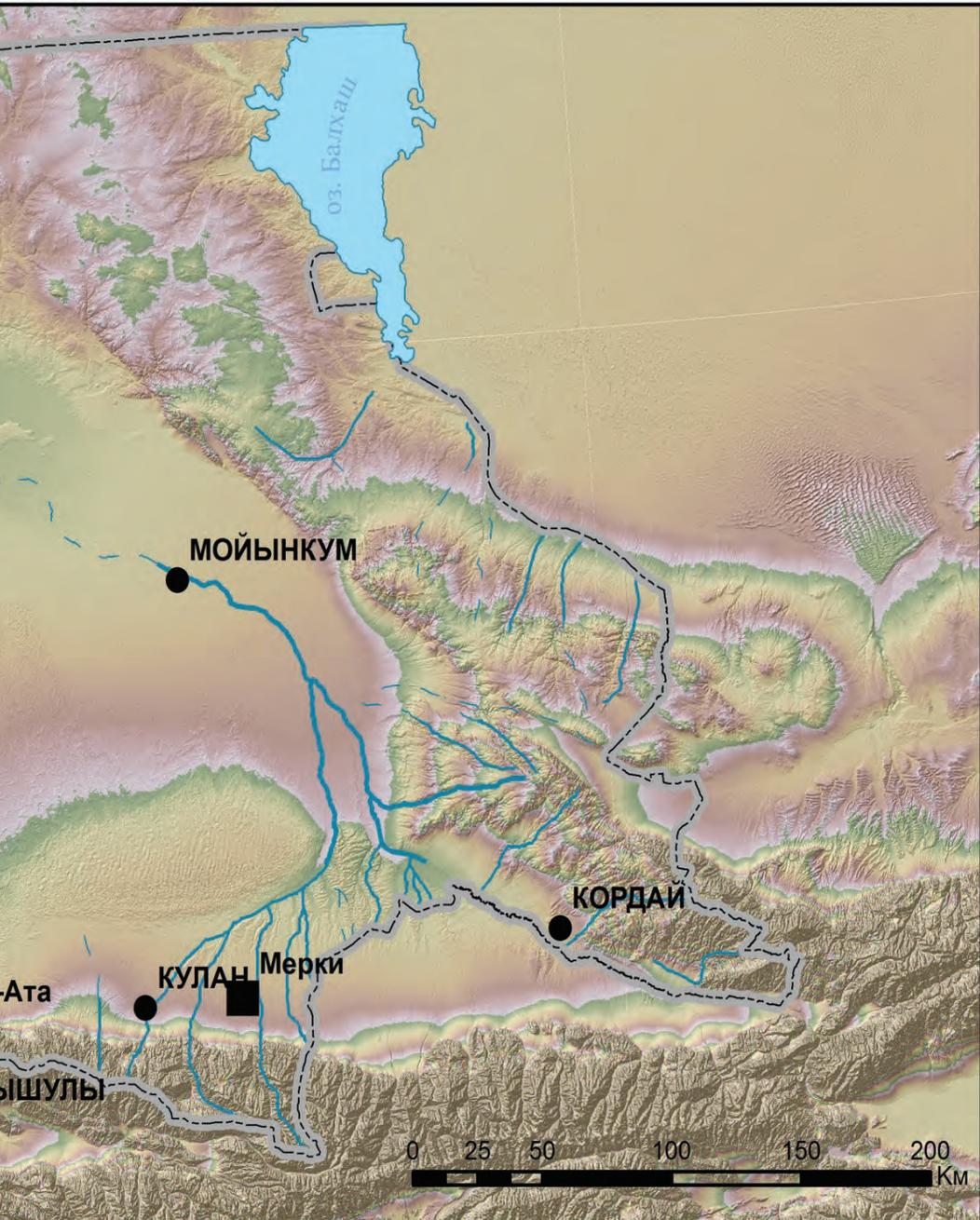
Цв. рис. 13. Город Сайрам и города округа Сайрам

Цв. рис. 14. Города на северных склонах Каратау

Цв. рис. 15. Города Шу-Таласского междуречья

Цв. рис. 16. Городище Туркестан - город Туркестан. Аэрофото

Цв. рис. 17. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави

Цв. рис. 18. Городище Караспан

Цв. рис. 19. Городище Караспан – город Карасаман. Космоснимок

Цв. рис. 20. Городище Торткуль 2 – город Карачук. Аэрофото

Цв. рис. 21. Городище Икан – город Икан. Аэрофото

Цв. рис. 22. Городище Ишкан – город Карнак. Аэрофото

Цв. рис. 23. Городище Бабайкурган – город Бабан-Елган. Аэрофото

Цв. рис. 24. Городище Отрартобе – город Отрар. Аэрофото

Цв. рис. 25. Городище Отрартобе. Общий вид

Цв. рис. 26. Городище Отрартобе. Общий вид

Цв. рис. 27. Городище Сауран – город Сауран. Аэрофото

Цв. рис. 28. Городище Сауран. Главная улица

Цв. рис. 29. Городище Сыгнак – город Сыгнак. Аэрофото

Цв. рис. 30. Городище Сузак – город Сузак. Аэрофото

Цв. рис. 31. Городище Мерки – город Мерке. Аэрофото

Цв. рис. 32. Городище Мерки – город Мерке. Раскоп дома в цитадели

***Иллюстрации к главе III. Исследования
на городище Отрартобе***

Цв. рис. 33. Городище Отрартобе. Консервация дома XVI-XVII вв.

Цв. рис. 34. Городище Отрартобе. Гончарная печь

Цв. рис. 35. Городище Отрартобе. Участок городской застройки XVI-XVIII вв.

Цв. рис. 36. Городище Отрартобе. Вымостка пола и тандыры

Цв. рис. 37. Городище Отрартобе. Тандыры и площадка ташинау. XVI-XVII вв.

Цв. рис. 38. Городище Отрартобе. Участок городской застройки XVI-XVII вв.

Цв. рис. 39. Городище
Отрартобе.
Тандыр и крышка
тандыра. XVI-XVII вв.

Цв. рис. 40. Городище Отрартобе. Жилое помещение. XVI-XVII вв.

***Иллюстрации к главе IV. Раскопки и исследования
позднесредневековых городищ Южного Казахстана***

Цв. рис. 41. Городище Караспан. Раскоп по уровню XVI в.

Цв. рис. 42. Городище Караспан. Раскоп по уровню нач. XVI в.

Цв. рис. 43. Городище Сауран. Хранилище 1

Цв. рис. 44. Городище Сауран. Хранилище 4

Цв. рис. 45. Городище Сауран. Усадьба 1

Цв. рис. 46. Городище Сауран. Усадьба 2

Цв. рис. 47. Городище Сауран. Усадьба 4

Цв. рис. 48. Городище Сауран. Усадьба 5

***Иллюстрации к главе V. Типология городищ, городская застройка:
квартал, жилище, фортификация; экономические,
социальные и этнокультурные процессы***

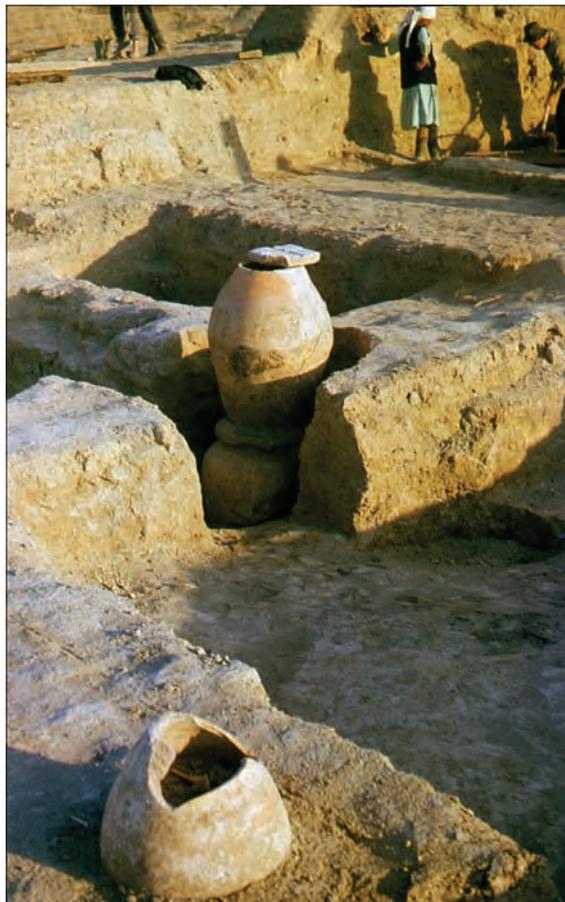

Цв. рис. 49. Городище Отрартобе. Участок городской застройки

Цв. рис. 50. Городище Отрартобе. Участок городской застройки

Цв. рис. 51. Городище
Отрартобе.
Остатки городской
канализации

Цв. рис. 52. Город Отрар. Жилой дом XVI-XVII вв.

*Цв. рис. 53. Городище
Сауран. Башня*

*Цв. рис. 54. Городище
Сауран.
Стены и башня*

*Цв. рис. 55. Городище
Сауран. Въездной
комплекс XVI-XVII вв.
с элементами
консервации*

*Цв. рис. 56. Городище
Сауран. Въездной
комплекс XVI-XVII вв.
с элементами
консервации*

Цв. рис. 57. Городище Сауран. Стена, ров и участок въездного комплекса

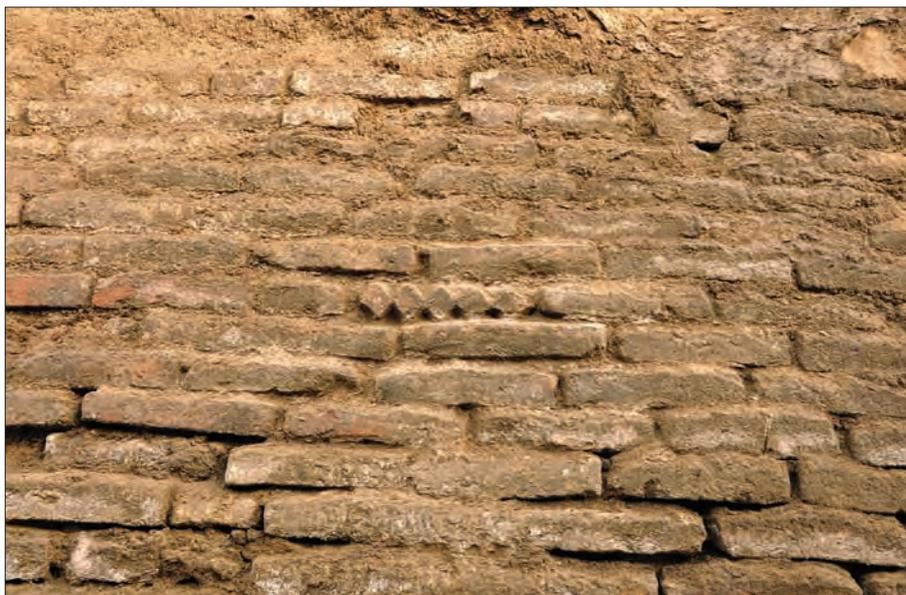
Цв. рис. 58. Городище Отрар. Въездной комплекс XV-XVIII вв.

*Цв. рис. 59. Городище Отрар. Въездной комплекс XV-XVIII вв.
с элементами консервации*

Цв. рис. 60. Городище Отрар. Фрагменты кладки башен въездного комплекса

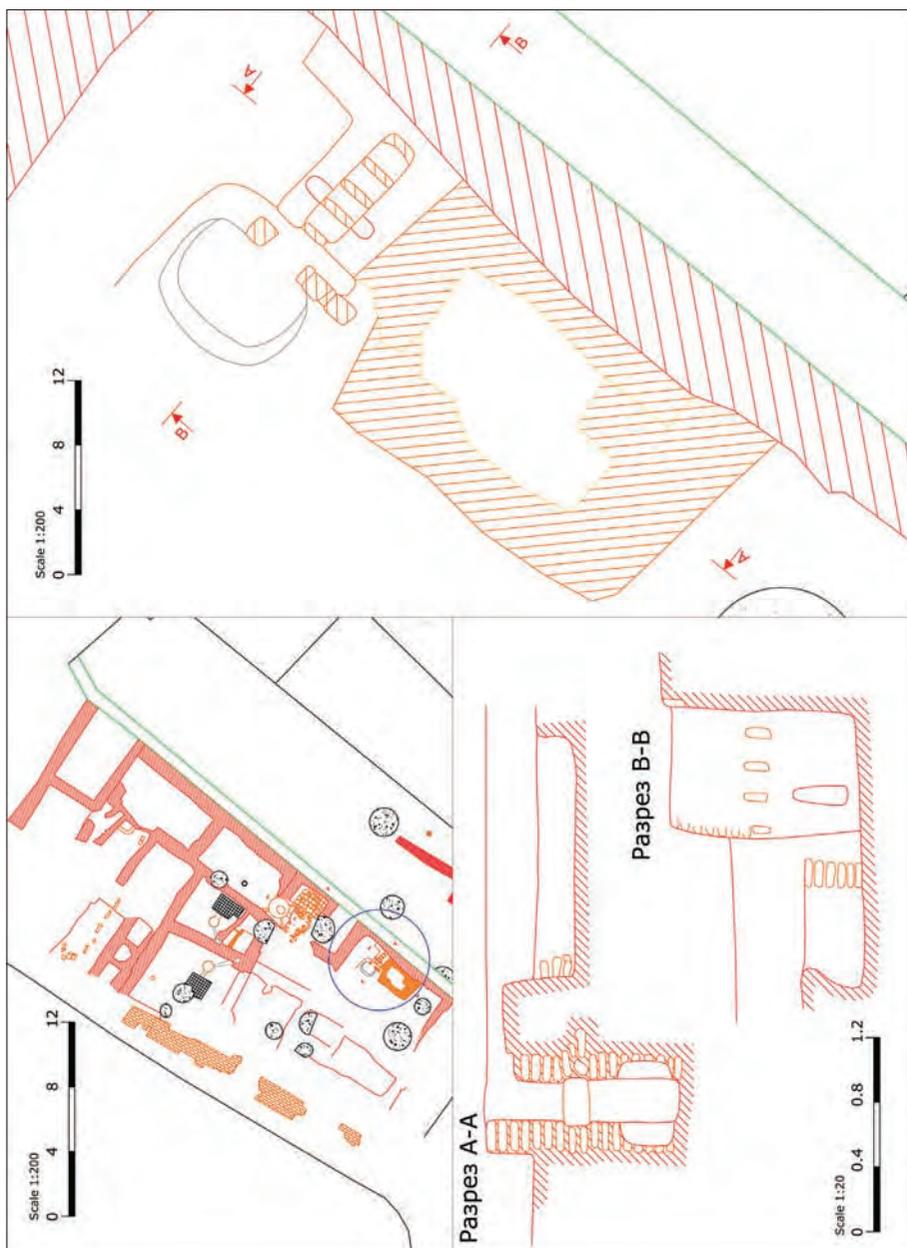
Цв. рис. 61. Городище Отрар. Фрагменты кладки башен въездного комплекса

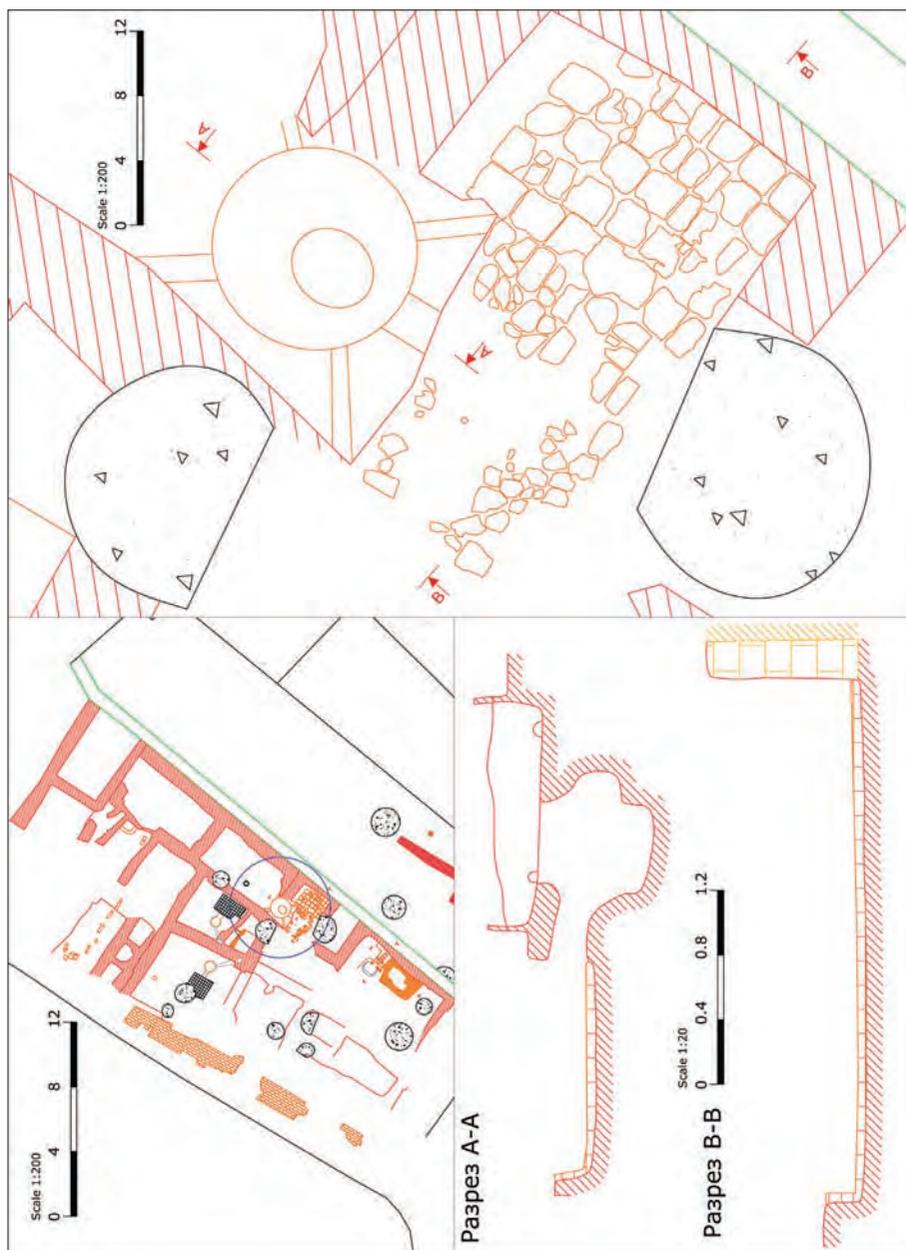
Цв. рис. 62. Городище Отрартобе. Въездной комплекс XV-XVIII вв. с элементами консервации

Иллюстрации к главе VI. Функции городов: ремесло, торговля и денежное обращение, земледелие и ирригация

Цв. рис. 63. Отрартобе. Участок раскопа XVI-XVII вв.
Гончарная мастерская

Цв. рис. 64. Отрартобе. Участок раскопа XVI-XVII вв.
Гончарная мастерская

Цв. рис. 65. Отрартобе. Гончарные печи XVI-XVII вв.

Цв. рис. 66. Отрартобе. Гончарные печи XVI-XVII вв.

Цв. рис. 67. Отрартобе. Гончарные печи XVI-XVII вв.

Цв. рис. 68. Отрартобе. Гончарные печи XVI-XVII вв.

Цв. рис. 69. Городище Караспан. Фрагмент поливного сосуда XV – XVI в.

Цв. рис. 70. Городище Отрартобе. Фрагменты китайских фарфоровых сосудов XV – XVI в.

Цв. рис. 71. Городище Отрартобе. Керамика второй половины XV-XVI вв.

Цв. рис. 72. Городище Отрартобе. Керамика второй половины XV-XVI в.

Цв. рис. 73. Городище Отрартобе. Керамика второй половины XV-XVI в.

Цв. рис. 73. Городище Отрартобе. Керамика XVI-XVII вв.

Цв. рис. 75. Городище Отрартобе. Керамика XVI-XVII вв.

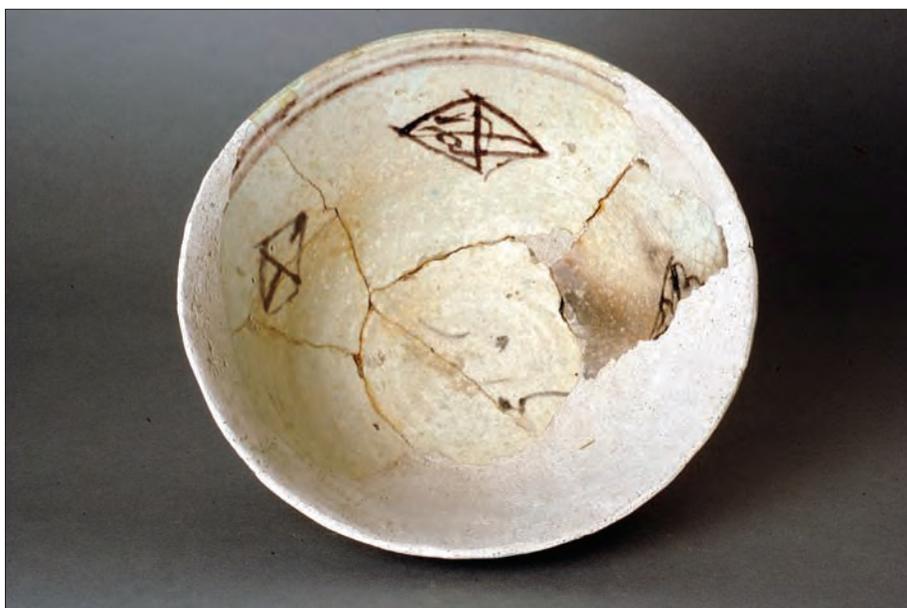
Цв. рис. 76. Городище Мазараттобе. Керамика XVI-XVII вв.

Цв. рис. 77. Городище Отрартобе. Сосуд XVI-XVII вв.

Цв. рис. 78. Городище Караспан. Тагора XVI-XVII вв.

Цв. рис. 79. Городище Отрартобе. Керамика XVII-XVIII вв.

Цв. рис. 80. Городище Отрартобе. Керамика XVII-XVIII вв.

Цв. рис. 81. Городище Отрартобе. Керамика конца XVII – XVIII в.

Цв. рис. 82. Городище Отрартобе. Керамика конца XVII – XVIII в.

Цв. рис. 83. Городище Мазараттобе. Конец XVIII – первая половина XIX в.

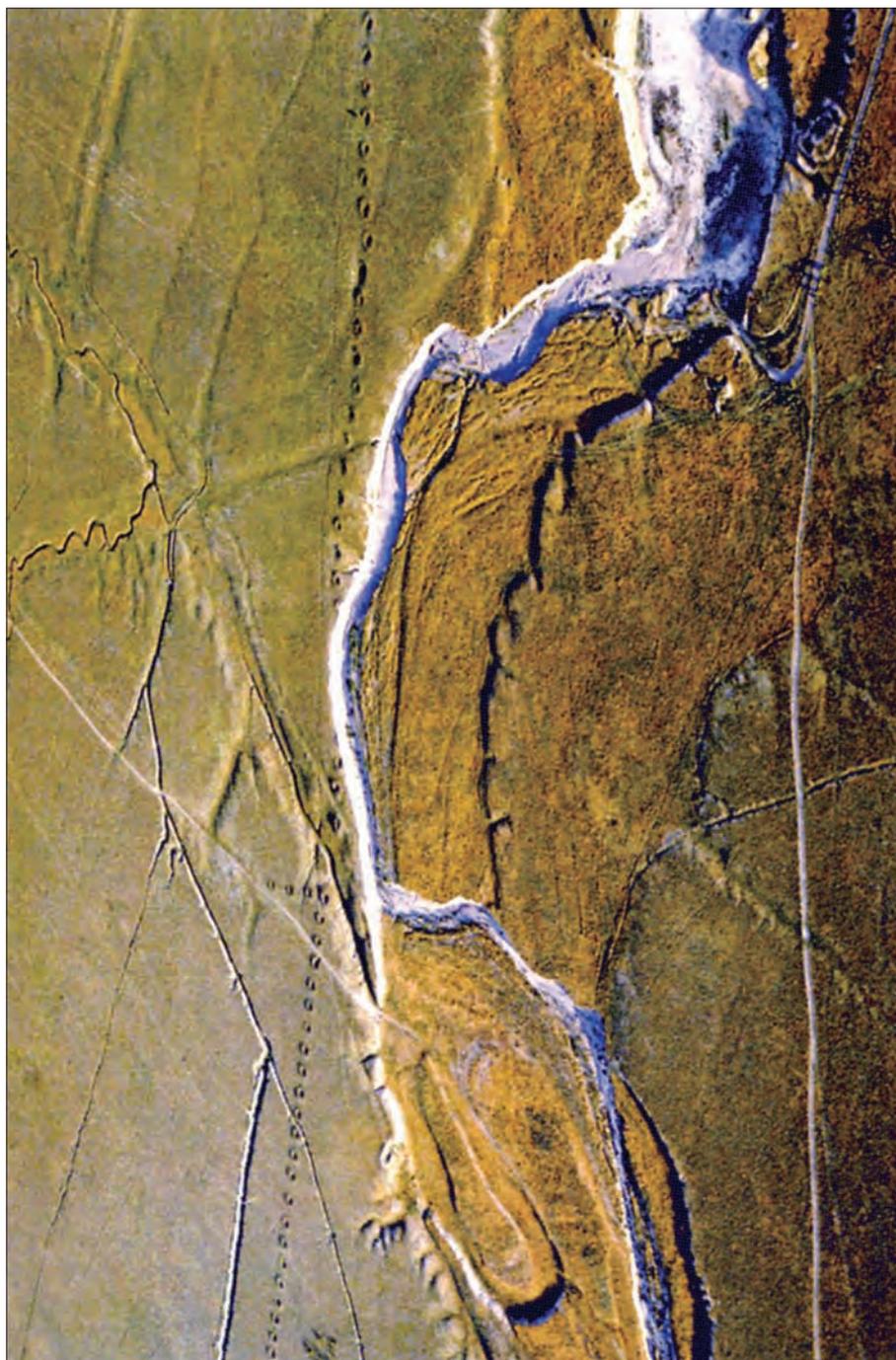
Цв. рис. 84. Городище Отрартобе. Горшок с зерном

Цв. рис. 85. Городище Отрартобе. Зерно

Цв. рис. 86. Городище Сауран. Колодцы кяризов

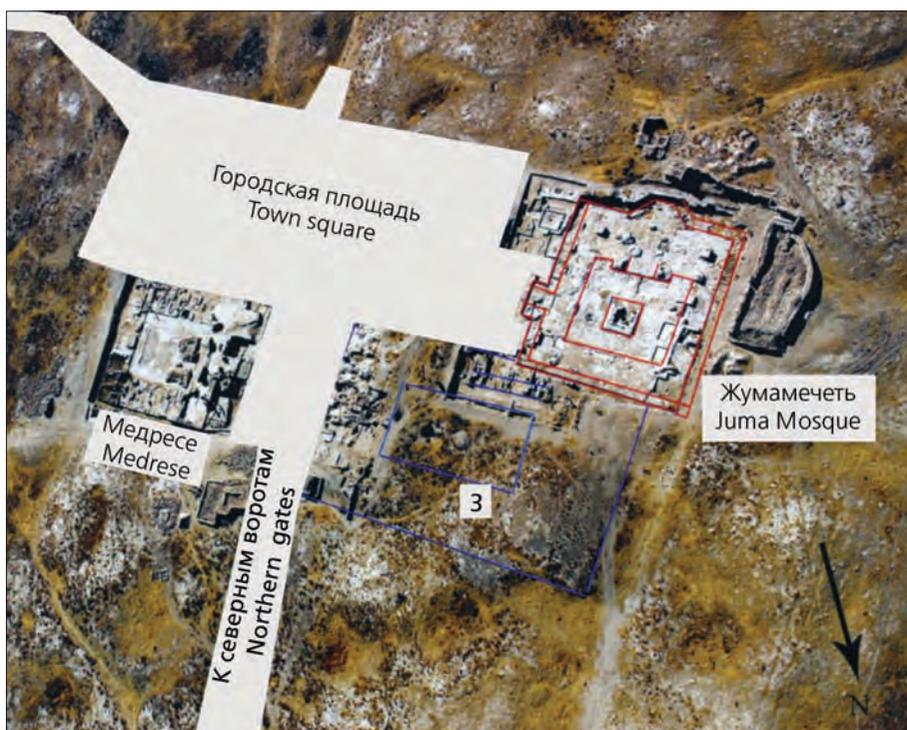

Цв. рис. 87. Городище Сауран. Колодцы кяризов

Цв. рис. 88. Городище Сауран. Колодцы кяризов

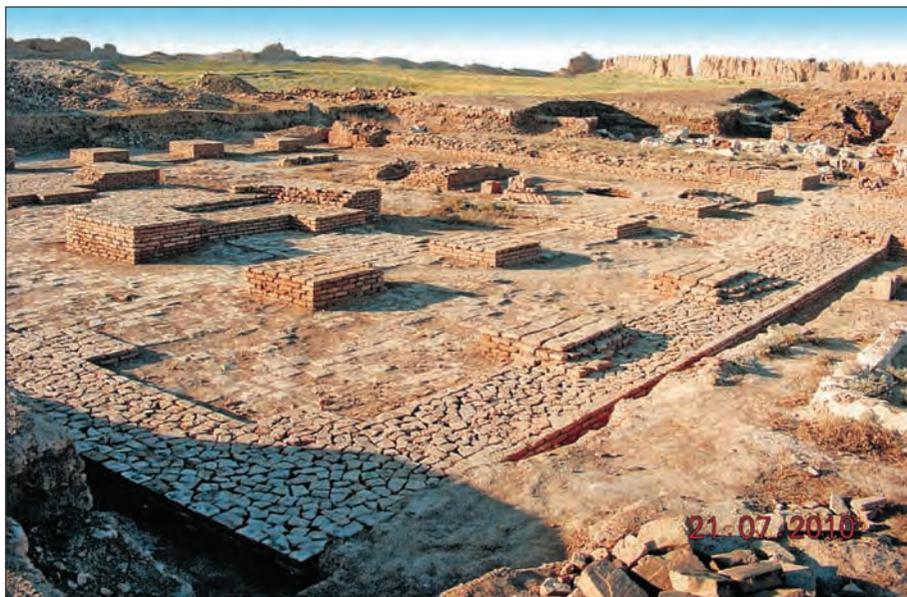
Иллюстрации к главе VII. Ислам и традиционные религии и культуры

Цв. рис. 89. Городище Сауран. Площадь-регистан. Аэрофото

Цв. рис. 90. Городище Сауран. Остатки мечети. XVI в.

Цв. рис. 91. Городище Сауран. Мечеть. XVI в. Консервация

Цв. рис. 92. Городище Сауран. Остатки мечети. XVI в.

Цв. рис. 93. Городище Сауран. Кирпич с надписью из медресе 1

Цв. рис. 94. Городище Сауран. Мечеть. XVI в.

Цв. рис. 95. Городище Сауран. Ханака. XVI–XVII вв.

Цв. рис. 96. Городище Сауран. Остатки Айт мечети. Михраб. XVI в.

Цв. рис. 97. Городище Сауран. Остатки медресе I. XVI в. Помещение

*Цв. рис. 98. Городище Сауран. Остатки медресе I. XVI в.
Общее санитарно-гигиеническое помещение*

Цв. рис. 99. Городище Сауран. Медресе 2. XVI в. Участок двора

Цв. рис. 100. Городище Сауран. Остатки медресе 2. XVI в. Угловое помещение

Цв. рис. 101. Городище Сауран. Остатки медресе. Вид с северной стороны

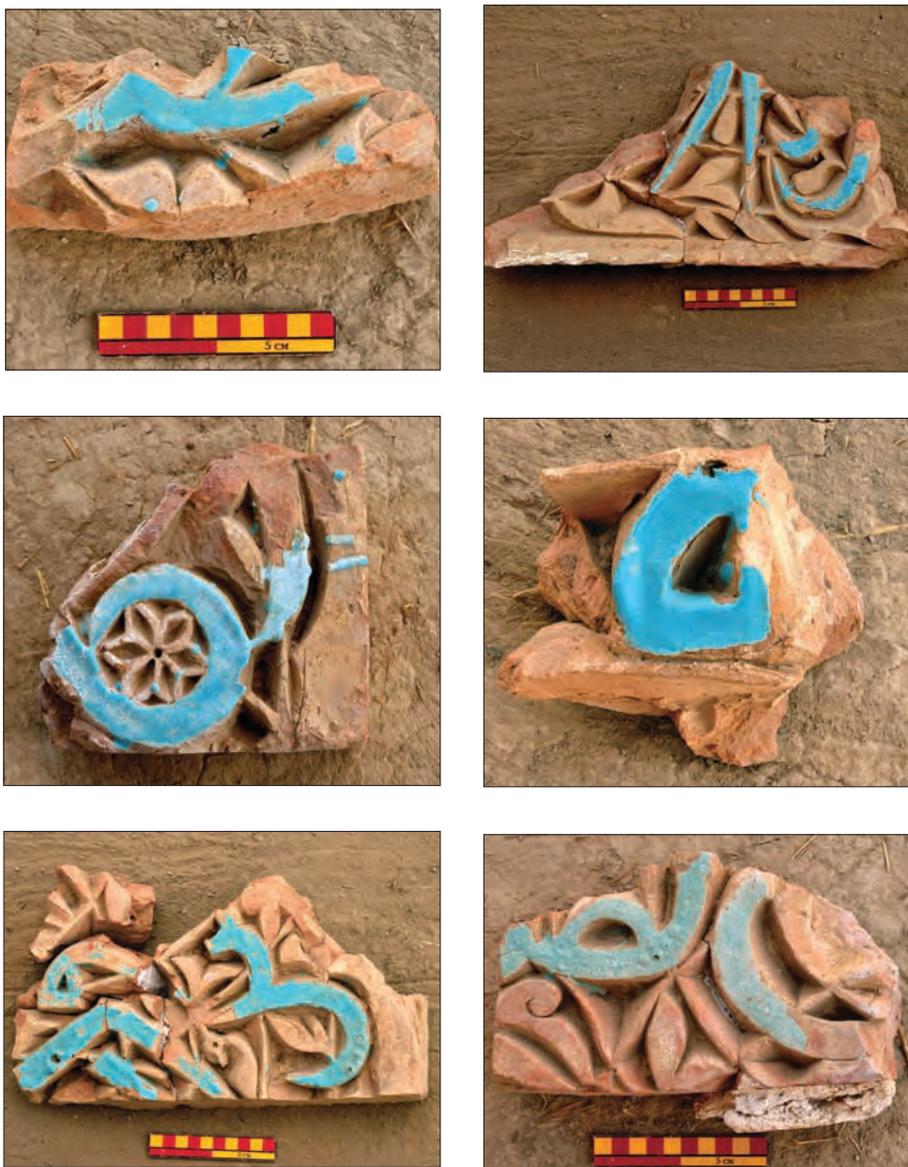
Цв. рис. 102. Городище Сауран. Остатки медресе 2. Вид с восточной стороны

Цв. рис. 103. Городище Сауран. Остатки медресе 2. Вид с южной стороны

Цв. рис. 104. Городище Сауран. Остатки медресе 2. Главный вход

Цв. рис. 105. Мавзолей XVI в. на некрополе Сыгнака.
Изразцы с эпиграфическим орнаментом

Цв. рис. 106. Мавзолей XVI в. на некрополе Сыгнака.
Изразцы с растительным орнаментом

Цв. рис. 107. Мавзолей XVI в. на некрополе Сыгнака.
Изразцы с геометрическим орнаментом